

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том 45

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Редколлегия:

член-корреспондент АН СССР З. В. УДАЛЬЦОВА (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР М. В. АЛПАТОВ,
доктор филологических наук Е. Э. ГРАНСТРЕМ,
кандидат исторических наук С. П. КАРПОВ,
доктор исторических наук Г. Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Е. Э. ЛИПШИЦ,
доктор исторических наук Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук И. П. МЕДВЕДЕВ,
кандидат исторических наук Р. А. НАСЛЕДОВА (отв. секретарь),
кандидат исторических наук К. А. ОСИПОВА

Рецензенты: А. И. РОГОВ, П. И. ЖАВОРОНКОВ

Выходит ежегодно

45, 1984

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ
ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО
СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Проблемы поздневизантийского сельского поселения, структуры крестьянского хозяйства в различные периоды, особенно в поздний, от которого сохранилось относительно большее количество материалов, неоднократно ставились в литературе¹. Однако количественный анализ сведений источников, позволяющий выявить общую тенденцию взаимодействия факторов, которые определяют структуру поселения, до сих пор отсутствует. Такой анализ, являющийся в настоящее время основой первичной научной обработки данных в любой отрасли знания, к сожалению, еще недостаточно применяется как в византиноведении, так и в средневековедении вообще. Это обстоятельство вряд ли может быть объяснено скудостью источников: по отдельным проблемам и периодам данных достаточно. Ситуация объясняется, скорее всего, приверженностью к традиционным исследовательским приемам. В то же время очевидно, что использование элементов количественного анализа позволяет ставить новые проблемы и получать новые выводы. Количественный подход детализирует исследование, дает возможность выявить роль каждой единицы наблюдений в общей системе отношений.

Обращение к количественному анализу данных практика Лавры 1321 г.², содержащего опись ряда владений монастыря в районе Фессалоник, во многом способствует уяснению структуры сельского поселения. Анализу были подвергнуты сплошные, без каких-либо лакун, данные, относящиеся к 856 крестьянским хозяйствам из 880 хозяйств, зафиксированных в описи.

Количественный анализ, который осуществляется ниже по данным, относящимся к определенным поселениям, отличается от статистического анализа, применяемого в других областях знания (социология, эконометрия), где он предполагает изучение некоторой относительно небольшой совокупности с тем, чтобы по ее свойствам судить о характере большей по объему совокупности, однородной с непосредственно изучаемой. Иными словами, изучается некоторая выборка, и при этом ставится цель выявить особенности так называемой генеральной совокупности, которая не подвергается непосредственному рассмотрению. Мы же вычисляли количественные характеристики для всех 856 хозяйств, составляющих для нас генеральную совокупность, а не проводили выборочного анализа: он не имел смысла, поскольку представлялась возможность провести расчеты на материале всех 856 хозяйств. Наряду с этим отдельные количественные характеристики рассчитаны для отдельных поселений — они образуют объект особой, сравнительной интерпретации. Однако возник воп-

¹ Рассматривались виды поселений, их структура, т. е. характер расположения земель, угодий, построек и т. д. См., например: *Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977, p: 246—247.*

² *Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle e. a. P., 1977, v. II (далее: Lavra, II), N 109.*

рос, представляющийся чрезвычайно важным с точки зрения количественного подхода к изучению средневековых социально-экономических явлений. Допустим, у нас отсутствовали бы сведения о 856 хозяйствах, а сохранились бы лишь известия о нескольких хорионах и агридиях из общего числа 19 хорионов и агридиев, которые входят в состав 856 хозяйств. Могли ли бы мы в таком случае рассматривать эти совокупности, соответствующие отдельным поселениям, как однородные и репрезентативные по отношению ко всем 856 хозяйствам? Ответ на этот вопрос позволит нам понять и другое, а именно: в какой мере данные о 856 хозяйствах однородны и репрезентативны по отношению ко всем хозяйствам данного региона, принадлежавшим прочим вотчинникам, сведения о которых частично утрачены?

Подобная проблема встает перед каждым исследователем-аграрником, работающим с источниками аналогичного порядка. Можно ли на основе сохранившихся материалов, т. е. на основе «естественно» образовавшейся выборки, судить о явлении в целом? Статистика предлагает общие правила решения проблемы: необходима проверка уцелевшего материала на репрезентативность по отношению ко всей совокупности изучаемых процессов. Историк обычно руководствуется в таких случаях интуицией. Но установление связи традиционно используемых им приемов, отражающих его собственное представление о предмете в целом, с общепринятыми в других областях знания методами — не бесполезно.

Рассмотрение данных о византийских сельских поселениях показывает, что каждое из них по-своему специфично. Подчас обнаруживается качественная неоднородность отдельных поселений относительно всей совокупности в 856 хозяйств. В чем состоит эта специфичность — с точки зрения традиционного исторического анализа и сколь значительна она — с точки зрения статистики? Стандартная статистическая оценка степени специфичности и содержит ответ на вопрос о репрезентативности «естественно» образовавшейся выборки.

Говоря о своеобразии отдельных поселений, исследователь имеет в виду прежде всего существенные социально-экономические различия, существующие в пределах некоторых групп поселений, экономическая характеристика которых в целом единообразна. Виноградники и упряжки, по данным рассматриваемой описи, составляли во всех поселениях Лавры в феме Фессалоники основной вид имущества и основной объект налогообложения. Это обстоятельство, что подробно будет показано ниже, обуславливало некоторую общую для всех 856 хозяйств тенденцию, присущую региону как единому в экономическом отношении целому. Наряду с нею проступает ряд явлений, отражающих специфичность хорионов и агридиев, их неоднородность сравнительно со всей совокупностью в 856 хозяйств. Например, в поселениях Панагия, Криа Пегадия, Пасхали отсутствовали пахотные наделы и виноградники. В Гурнаи и Сарантареа не разводили овец и коз, наличие которых типично для других поселений. Помимо этих, сугубо качественных отличий, установить которые не составляет труда уже при поверхностном, визуальном рассмотрении источника, существуют другие различия, но их определение требует количественного подхода к проблеме. Если рассмотреть поселения, чьи жители располагали одними и теми же видами имущества, например Гурнаи и Сарантареа в катепанате Каламариа, то обнаружится, что они распределялись тут по-разному. Так, в Гурнаи почти 20% крестьян владели упряжкой, почти 20% — ослом и 60% крестьян вовсе не имели тяглого скота, у менее 3% крестьян имелось по одному волу. В Сарантареа один вол также принадлежал менее чем 3% земледельцев, однако около 40% крестьян владели упряжкой, 7% — ослом, а около 50% всех крестьян в этом поселении тоже лишены тяглого скота.

Подобные различия в распределении тяглого скота — основного вида имущества, определяющего уровень зажиточности и размеры налогообложения, — при количественном подходе к проблеме установления степени специфичности, или неоднородности, а равно и экономического разно-

образия поселений, заставляют признать эти поселения, близкие по характеру экономики, неоднородными, различающимися по распределению ведущего вида имущества. Более того, распределение тяглого скота в названных двух поселениях далеко не совпадает с распределением этого ведущего имущественного объекта в совокупности в 856 хозяйств. В ее ареале около 30% крестьянских хозяйств владеет упряжкой, около 20% — одним волом, 30% располагают ослом и около 20% хозяйств совсем лишены рабочего скота. Не только при визуальной, т. е. субъективной оценке, так сказать, на глаз, которая у разных исследователей может не совпадать, можно прийти к выводу о том, что два рассмотренных поселения не служат «моделью» распределения рабочего скота для всей совокупности. *Существуют стандартные статистические оценки проверки степени близости распределения, оценки, применение которых в данном случае говорит о значительных расхождениях* (в целях экономии места мы опускаем описание процедуры проверки).

Сказанное о двух поселениях, их сходстве с совокупностью в 856 хозяйств и отличии от нее, может быть отнесено и к другим поселениям (хорионам и агридиям), зафиксированным в практике. Это означает, что по ведущему виду имущества (в данном случае тяглому скоту) отдельные поселения неоднородны и, следовательно, нерепрезентативны для всей совокупности поселений региона. Очевидно далее, что 856 единиц наблюдения (крестьянских хозяйств) не являются качественным однородными по отношению ко всем хозяйствам соответствующего региона, свободным или принадлежавшим другим собственникам, сведения о которых не рассмотрены, а частично и вообще утрачены.

Таково в данном случае проявление характерного для феодализма локального разнообразия экономической жизни. В общем виде оно неоднократно отмечалось исследователями. Византийский материал позволяет рассмотреть его конкретные формы. Различия в распределении сказываются в колебаниях таких количественных характеристик, как среднеарифметический показатель размеров различных имущественных объектов и среднеквадратическое отклонение (разброс вокруг средней — см. табл. I, II). Все изложенное означает, что если бы не сохранились данные о всей совокупности хозяйств в регионе, а уцелели бы лишь сведения об отдельных поселениях, то на этих данных исследователь был бы не в состоянии сделать обоснованное заключение о распределении тяглого скота в крестьянских хозяйствах определенного вотчинника в регионе в целом.

Итак, многие данные по отдельным поселениям — нетипичны и нерепрезентативны, они отражают локальные различия. Однако было бы опрометчиво считать, что локальные материалы, отразившиеся в источниках, не являются репрезентативными при рассмотрении некоторых других существенных явлений, о чем — далее. Интересно также выявить факторы, обуславливающие различия в экономической структуре разных поселений и благоприятствовавшие возникновению, вопреки этим различиям, некоей общей тенденции.

Говоря о факторах, способствовавших появлению неоднородности, отметим следующее. В описях (практиках) отражен сложный характер землепользования. Неоднократно, в частности, упоминается о виноградуниках, именуемых атели (необлагаемые) и ипотели (облагаемые). Кроме того, для сельского поселения типична чрезвычайная чересполосица. В пределах одной деревни владения крестьян, зависимых от собственника деревни, располагались чересполосно с владениями других держателей.

Какое бы поселение мы ни выбрали для сопоставления, ситуация оказывается в принципе идентичной. Сложность отношений землепользования вносит разрыв не только в традиционные общинные распорядки, но и обуславливает многие проявления разнородности: в одних деревнях преобладание таких держаний, как хорафии и виноградуники, в других — наличие, а иногда преобладание владений на иных условиях (обычно аренда). Разнородность, связанная со структурой поселения, чересполосицей держаний, разными условиями держания, зависимостью от несколь-

ких собственников и т. д., как известно, вообще характерная черта землевладения в средние века.

Наряду с отмеченными проявлениями сложности и неоднородности в землепользовании неоднородным и меняющимся был сам состав крестьян. Опись фиксирует вместе с жителями деревни и крестьян, живущих в других районах, но зависимых от собственника этой деревни. Они переселились в город (например, Фессалоники)³ или находятся (может быть, временно) в других, обычно соседних деревнях⁴. Иногда говорится о нескольких владениях париков, пребывающих в других деревнях, сами же парики зарегистрированы как проживающие в той основной деревне, опись которой приводится в практике⁵. Создается впечатление, что центром фискальной ответственности, основой оседлости и экономической жизни служит дом. В целом можно считать, что положение парика в позднее время отличалось значительной неопределенностью. Она также создавала благоприятные условия для возникновения неоднородности и, значит, с точки зрения исследователя, перепрезентативности отдельных поселений в рамках вотчины, региона. По-видимому, париком считался тот, кто держал чужую землю, но, в отличие от арендаторов, был лично зависим. Некоторые парики не имеют имущества, однако уплачивают подать: они перечисляются наряду с прочими париками данной деревни.

Известно, что византийскому праву традиционно присущ принцип личного подданства, личной зависимости⁶. Чрезвычайно своеобразное, аморфное в правовом отношении, переплетение личной и поземельной зависимости характерно для парикии. Неоднократно отмечалась противоречивость правопорядка, касающегося положения париков. С одной стороны, прикрепление к земле, требование возвращения беглых париков, с другой — неоднократные свидетельства источников о переселениях париков, правда при условии сохранения за ними тягла, это подтверждают и сведения о проскафименах. С течением времени, однако, такие переселения могли повлечь за собой неуплату податей. Переселившиеся парики превращались тогда в ксенов, неизвестных казне, элевтеров, беглых. Никто, по-видимому (в подавляющем большинстве случаев), беглых не возвращал. Их земли переходили собственнику⁷. Говоря о противоречивости правопорядка и отдельных правовых распоряжений, следует учитывать то обстоятельство, что право в Византии было тесно связано с христианской моралью и античными правовыми представлениями, оно не обладало такой действенностью, как современное. Наряду с правопорядком всегда признавались обычай и естественный порядок вещей. В условиях Византии администрация не в состоянии была строго проводить в жизнь правовые нормы. Имелось много отступлений, которые нужно было объяснять и регламентировать. Ссылки на естественное право, отличное от *constitutio juris gentium*, содержатся и в Дигестах, и в других законодательных сборниках⁸.

В литературе обращалось внимание на плюрализм византийского права в смысле несовпадения законодательства и юридической практики⁹. Для позднего времени более существенным в аграрной сфере представляется возникновение отношений, вообще не укладывающихся в нормы право-

³ Lavra, II, N 109, p. 237, l. 271, 247, l. 441.

⁴ Ibid., p. 248, l. 465.

⁵ Ibid., passim.

⁶ Pieler P. *Verfassung und Rechtsgrundlagen des Byzantinischen Staates*. — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Bd. 31/1. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, 1/1. Wien, 1981, S. 216.

⁷ См., например: *Actes de Lavra* / Ed. P. Lemerle e. a. P., 1979, v. III (далее: *Lavra*, III), N 167, p. 182.31.

⁸ *Лунин Е. Э.* Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976, с. 37.

⁹ *Michaelides-Nouaros G.* Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance. — *Byzantina*, 1977, XI.

порядка и интерпретируемых по традиции как естественный порядок¹⁰, обычай и т. д. В частности, обычаем регламентировалась паричская барщина — на этот счет имеется немало свидетельств¹¹.

Одним из ярких проявлений аморфности и неопределенности юридического и социально-экономического статуса держателей следует признать многообразие и неопределенность встречающихся в источниках обозначений зависимых крестьян. Термин «парик», являясь в целом очень употребительным, редко встречается в практике Лавры 1321 г. В других документах, содержащих сведения о зависимом от Лавры крестьянстве, также часто используются иные обозначения. Уже указывалось на необычное употребление термина *πτοχός* в практике Лавры от 1284 г.¹², где «птох» обозначает зажиточного держателя. Нередко используется расплывчатое обозначение *ἄδραπος*. В хрисовуле Иоанна V Палеолога Лавре (1346 г.) этим термином обозначаются, по-видимому, свободные, которым разрешалось селиться на определенной территории для охраны крепости Контеа на о-ве Лемнос¹³. В практике 1355 г., относящемся к владениям Лавры на о-ве Лемнос, упоминается хозяйство вдовы апора, с которого взимается 1,5 номисмы и которому принадлежит в общей сложности свыше 60 модиев земли и 3 модия виноградника. Непонятно, была ли владелица париком или держала землю на других условиях. В хрисовуле Иоанна VII Палеолога от 1404 г. утверждаются права Лавры на деревню Дримоситу в Каламарии и говорится о землях и о поселившихся там людях¹⁴. В данном случае под *ἄδραπος* подразумеваются зависимые держатели. Указывается на освобождение их от уплаты в казну 208 номисм, причитавшихся за телос и ангарию. В том же смысле — зависимый держатель — данное обозначение употребляется в хрисовуле Иоанна VII от 1407 г.¹⁵

Очевидно, далеко не всегда, когда мы сталкиваемся в источниках с многообразным употреблением какого-либо обозначения, можно предполагать, что речь идет о термине. Подчас перед нами неофициально употребляемое выражение, которое могло использоваться в разных значениях. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, как трудно изучать средневековые статистические закономерности. Их проявления оказывались завуалированными многообразием обозначений.

Многообразно, видимо, и применение понятия «проскафимен». В нем тоже трудно усмотреть четкий «технический» термин. Анализу положения проскафименов была посвящена интересная статья В. А. Сметанина¹⁶. Справедливо констатируя многообразие использования выражения, автор как бы упускает из виду тот факт, что оно могло обозначать не один какой-либо определенный слой, отличающийся от других совокупностью стабильных черт, а, не будучи официальным термином, употреблялось до известной степени свободно, в обыденном смысле. В частности, отмеченная Сметаниным особенность в положении проскафименов, плативших денежную ренту, вряд ли была характерна для всех лиц этой категории, зафиксированных в византийских практиках. В ряде случаев проскафимены в фискальном отношении не отличались от париков. Вероятно, проскафимены — это те, кто сравнительно недавно поселились в вотчине: их положение могло быть различным, но по формам эксплуатации большая часть проскафименов не отличалась от париков¹⁷.

¹⁰ О естественном праве говорится, например (помимо многочисленных свидетельств в Юстиниановом праве), в новелле Константина VII от 947 г. (MM, III, p. 256).

¹¹ *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für Athosklöster Iberon. — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1949, N. 28, A. 457.*

¹² *Хвостова К. В. Еще раз о термине πτοχός в поздней Византии. — ВО. М., 1982, с. 208—216.*

¹³ *Лавра, III, N 127, p. 34.7—8; 18—19.*

¹⁴ *Лавра, III, N 155, p. 134.22.*

¹⁵ *Лавра, III, N 159, p. 148.34; 45—48.*

¹⁶ *Сметанин В. А. Проскафимены поздневизантийского времени. — ВВ, 1981, 42, с. 3—24.*

¹⁷ Уже в решении Космы Магистра парики и проскафимены отождествлены. Многочисленные свидетельства на этот счет имеются и в поздних источниках. В хрисо-

В. А. Сметанин полемизирует с некоторыми исследователями, утверждавшими, что парики — основная категория крестьян — были в рассматриваемый период во многом идентичны проскафименам. Однако автор упускает из виду, что ученые, придерживавшиеся такого мнения, вовсе не считали, будто в составе зависимого крестьянства, обозначаемого иногда общим наименованием «парики», отсутствовали вообще какие бы то ни было различия, а парики составляли абсолютно монолитную группу. Различия, безусловно, существовали, монолитность слоя зависимых крестьян, часто называемых париками, как и монолитность всякого иного социального слоя в средневековый период, относительна. Тем не менее различия отступали на задний план, когда крестьяне разных категорий, подвергаясь государственной эксплуатации, приравнивались друг к другу. Даже элевтеры, которые обычно отличались от прочих крестьян, при налогообложении приравнивались к парикам¹⁸.

Роль фискальной практики в эксплуатации крестьян оценивается в литературе по-разному. На наш взгляд, позднее время отмечено значительным повышением удельного веса частноправовой эксплуатации, но роль налоговой эксплуатации по-прежнему велика. Именно она определяла некоторые общие для всех рассматриваемых поселений тенденции, сочетавшиеся, как уже отмечалось, с неодинаковостью многих их проявлений. В целом для экономики Лавры в районе Фессалоник характерно наличие во всех хозяйствах виноградуника. Количественный анализ содержащихся в источниках данных, а именно расчет коэффициентов парной корреляции¹⁹ на материале всей совокупности в 856 хозяйств, рассматриваемых как единое целое, а также по данным отдельных сел, показывает, что в этой совокупности наблюдается тесная взаимосвязь между размерами земли под виноградуником и числом упряжек, равно как и между размером виноградуника и налогом, между числом упряжек и налогом. Взаимосвязь этих трех факторов составляет структуру хозяйства (см. табл. III, IV).

Все остальные взаимосвязи случайны, несущественны. Неожиданным выглядит характер взаимосвязей между размерами пахотной земли и величиной налога, с одной стороны, и, с другой (это главное) — между размерами пахотной земли и числом упряжек. Только в Скедохорион (12) и Металин (17) эти связи велики, в других случаях они незначительны (ниже 0,5), а в одном поселении даже отрицательны. Пахотная земля и в тех поселениях, где она зафиксирована источником, лишь изредка составляет структурообразующий фактор.

Далее, сопоставление некоторых коэффициентов парной корреляции приводит к выводу, противоположному тому, который был сделан в ре-

вуле Михаила VIII Палеолога монастырю Лавры от 1259 г. держатели называются проскафименами-париками, а иногда проскафименами (Lavra, II, № 71, р. 10; 55—56; 62—64. Ср. практик 1317 г. на владения в феме Серр и Стримона, № 105, р. 172.5, где проскафимены-парики противопоставляются проскафименам-элевтерам). В практике Димитрия Апелъмена Лавре, содержащем опись ее владений в районе Фессалоник, дается перечень проскафименов: их эксплуатация не отличается от обычной эксплуатации париков — они платили тедос и исполняли барщину (Lavra, II, № 93, р. 120—121).

¹⁸ Хвостова К. В. Элевтеры в поздней Византии. — ВВ, 1983, 44, с. 19.

¹⁹ Коэффициенты парной корреляции показывают непосредственную взаимосвязь двух факторов без учета промежуточных воздействий. Этот показатель сам по себе ничего не говорит о причинно-следственной зависимости между рассматриваемыми факторами. Например, высокий показатель взаимосвязи между размерами земли под виноградуником и числом упряжек не означает (см. ниже) причинной взаимосвязи между наличием виноградуника и наличием упряжек. Величина коэффициента корреляции говорит лишь о том, что в рассматриваемых поселениях, где имеются названные виды имущества, их совместная роль в экономике приблизительно одинакова. В то же время взаимосвязь между упряжкой и виноградуником опосредована иными взаимосвязями, которые могут быть выявлены посредством применения дополнительных методов количественного анализа (коэффициент множественной корреляции и т. д.). Коэффициент парной корреляции дает, однако, количественную характеристику, которая указывает на устойчивость взаимосвязи данных факторов. Эта характеристика — показатель структурности отношений, их «пространственной» стабильности.

зультате анализа распределения размеров имущества в отдельных хозяйствах, а также в результате изучения средних и разброса вокруг средних. А именно, анализ коэффициентов парной корреляции между размерами земли под виноградником и налогом, между количеством зевгарей и налогом, а также между числом упряжек и размером земли под виноградником позволяет установить, что, за исключением трех совокупностей — № 15, 18, 19 (хорионы Лонгон, Металин, Селас) — все остальные могут рассматриваться как репрезентативные по отношению к 856 хозяйствам района — генеральной совокупности²⁰.

Итак, мы обнаруживаем интересное явление, требующее интерпретации. Отдельные поселения, характеризующиеся теми или иными особенностями распределения различных видов имущества в крестьянских хозяйствах, а также средним для хозяйства размером виноградника, зевгарей, налога и прочих видов имущества, равно как и разбросом индивидуальных значений названных факторов вокруг средней, — разнородны, специфичны, но зевгари и виноградник, эти виды имущества и налог так взаимосвязаны между собой, что образуют пространственную структуру, охватывающую почти все владения Лавры в данном районе. Чем объяснить это явление?

Государство с его фискальной политикой, несмотря на ослабление центральной власти в позднее время, продолжало быть тем фактором, который во многом обуславливал наличие единых пространственно-временных структур в области аграрных отношений. С помощью фискальной политики государство пыталось удержать разъедаемый внутренними противоречиями социальный организм. Такие попытки приводили к тому, что в реальной жизни неоднородность аграрного строя развивалась зачастую в скрытом виде. Внешнее единство форм и принципов налогообложения сочеталось со сложными и постоянно усложнявшимися порядками землепользования и социальными отношениями в деревне. Стабильность отмеченных выше корреляционных взаимосвязей, обусловленная государственной фискальной политикой, отражает некий ускользающий от внимания исследователя порядок в хаосе. Дальнейший анализ должен показать сложный характер сочетания разнообразия, неодинаковости с названной стабильной тенденцией и вместе с тем дать возможность оценить, насколько она была устойчива.

Возвращаясь к вопросу о специфичности отдельных хорионов и агридиев, остановимся прежде всего на причинах слабой корреляционной связи между размерами пахотной надельной земли и числом упряжек. Это явление объясняется, видимо, следующим образом: пахотная надельная земля в тех сравнительно немногих поселениях, где она имела, не играла определяющей роли в крестьянском хозяйстве. Кстати, практики Лавры не только содержат сведения, указывающие на тесную корреляционную связь числа упряжек и величины налога, но и позволяют выявить высокую норму обложения упряжек (в среднем 1 номисму).

Эти обстоятельства заставляют полагать, что крестьяне — владельцы упряжек имели в своем распоряжении некоторую землю, статус которой отличался от статуса держания на паричском праве. Ситуация, отраженная в документах Лавры, на наш взгляд, подтверждает характерную для поздневизантийского периода перестройку форм крестьянского землепользования, засвидетельствованную и другими источниками, в частности практиками Ивирского монастыря. Сущность перестройки состояла в том, что паричский надел, который был важным объектом обложения государственным налогом, постепенно вытеснялся в крестьянском хозяйстве другими формами землепользования, более тесно связанными с частноправовыми отношениями. В первую очередь, по-видимому, получила распро-

²⁰ Учитывая специфику настоящего издания, мы опускаем описание математической проверки. Констатируем лишь, что близость коэффициентов корреляции между названными факторами в отдельных совокупностях и в 856 хозяйствах как в единой совокупности была обоснована с помощью показателя Р. Фишера.

странение аренда. Эти формы землепользования обычно не находят полного отражения в источниках, прежде всего в практиках, поскольку последние фиксировали публичноправовые отношения²¹.

Могут быть приведены и некоторые дополнительные, косвенные свидетельства, также подтверждающие предположение о наличии у крестьян, имевших тяглый скот, но лишенных пахотного держания на паричском праве, пахотных земель, которыми они владели на каких-то иных, не всегда известных нам условиях, отличных, однако, от условий паричского держания. Так, в актах Ивирского монастыря говорится об уплате натуральной подати икомодия, взимаемой пшеницей и ячменем²². В своем подавляющем большинстве крестьяне, перечисляемые в документе (практик), не имели пахотной земли в виде своего паричского держания. Очевидно, они могли уплачивать подать пшеницей и ячменем, только если распоряжались земельными владениями иного статуса. Другими словами, крестьяне имели некоторые владения, отличные от паричских держаний, и для их обработки использовались в основном имевшиеся у них упряжки. К такому выводу пришел и один из издателей и комментатор лаврских актов — Н. Зворонос. По его мнению, во владениях Лавры доминирующую роль играла «косвенная эксплуатация»²³. При этом исследователь указывает на ряд сведений источников, относящихся не только к владениям Лавры, но и к вотчинам других монастырей, в частности о наделении монастырских крестьян землей. В источниках говорится, что земля (обычно под виноградником) «была дана» — ἐδόθη — крестьянину. Кроме того, в описях Лавры неоднократно фигурируют виноградники, которые характеризуются как *στασίχον ἀμπέλιον*, т. е. принадлежащие к стаси²⁴.

Думается, что отмеченные формы землепользования, расширявшие возможности косвенной эксплуатации, следует интерпретировать как попытку искусственного сохранения паричского землепользования. Владельцы держателей названных видов подлежали наряду с париками налогообложению. С помощью наделения землей восстанавливались, таким образом, крестьянская стасть (хозяйство), служившая основой налогообложения. Данные земли в фискальном отношении приравнивались к наследственным держаниям. Однако наряду с этим практиковалась аренда, а иногда, возможно, займка, с которых налог не взимался (или еще не взимался), но эти земли эксплуатировались путем взимания сборов частного права или смешанного (частноправового и публичноправового) характера.

Условием отмеченной перестройки структуры землепользования являлось наличие упряжки в хозяйстве крестьянина. Документы Лавры содержат на этот счет определенные сведения, из которых явствует, что при налогообложении имущества зависимых от Лавры крестьян упряжке придавалось большое значение. В хрисовуле Иоанна V Палеолога от 1345 г., касающемся ряда владений в районе Фессалоники, говорится, в частности, что епарх Андрей Палеолог располагает в некоей деревне 1000 модиями и имеет парика с упряжкой²⁵. В хрисовуле Иоанна VII Палеолога от 1407 г. упоминается десятина урожая зевгариев²⁶ и дается некоторое разъяснение о характере подати. Говорится, например, о пожаловании императором нескольким афонским монастырям десятины с императорских зевгариев²⁷ в Кассандре (в определенных пропорциях). Монастыри в этот период, очевидно, испытывали большие продовольственные затруднения, их собственные хозяйства находились в запустении. Далее в до-

²¹ Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, с. 103.

²² Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , RK. 338.

²³ Zvoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paleologues. — Actes de Lavra / Ed. A. Guillou e. a. P., 1982, v. IV, p. 168.

²⁴ Ibid., p. 168, n. 643, 644.

²⁵ Lavra, III, N 124, p. 28.4; 12—13.

²⁶ Ibid., N 159, p. 148.32—33; 46.

²⁷ Ibid., p. 147.25—33.

кументе указывается, что весь урожай и волы с их снаряжением, а также деревни, в которых на этих волах работают²⁸, после смерти императора должны перейти монастырям в тех же пропорциях. Очевидно, в центре внимания фискальной практики находились волы и упряжка, наличие которой обеспечивало урожай.

Еще в одном документе (1409 г.) делового характера, фиксирующем порядок обмена некоторых владений Лавры на другие, содержатся данные, позволяющие в какой-то степени судить о способе взимания десятины зевгарей. Упоминаются 160 номисм, уплачивавшихся в качестве их десятины²⁹. Н. Зворонос полагает, что десятина, уплачивавшаяся париками с зевгарей, по существу являлась податью за собственную землю, которую обрабатывали данные зевгари³⁰. Ученый не разъясняет, однако, что подразумевает он под «собственной землей». Земля на правах собственности? Или владения, которыми монастырь наделял париков и которые иногда обозначают как «данная земля» (ἐδόθη)? На этот вопрос трудно дать точный ответ. Думается, однако, что вряд ли речь может идти о собственной земле. Земля на территории, пожалованной Лавре, принадлежала ей в качестве собственности. Все фактически владельцы не обладали правом собственности, но держали землю на тех или иных условиях, часто отличных от паричского держания. Их владения являлись объектом особого обложения в пользу собственника или государства. В юридическом отношении платежи имели, как уже говорилось, двойственный, аморфный характер, являя собой смешение публичноправовых и частнопровых отношений. Показательно в этом смысле, что десятина с зевгарей, переданная Иоанном VII в 1407 г. с императорских владений в Кассандре, — подать смешанного публично- и частнопрового характера (№ 159).

Неопределенный юридический и фактический статус этих земель — аренды или заимки (вернее, последнее) — и послужил причиной того, что эта земля не фиксируется в описях как таковая, упоминается только, с одной стороны, вместе с упряжками, а с другой — с людьми, находящимися (κατοικοῦντων) на данной земле³¹. Неопределенность, а возможно, нестабильность держания или владения, его становление из заимки и обусловили превращение зевгаря-упряжки как таковой в объект обложения. Особая ценность зевгаря в хозяйствах, где отсутствует земля на паричском праве (а возможность приобретения и заимки новых земельных владений зависит прежде всего от обеспеченности хозяйства упряжками), подтверждается и другими документами. В частности, в дарственной Георгия Франдзи, пожаловавшего Лавре церковь св. Антония в Авлоне наряду с движимым и недвижимым имуществом указывается зевгарь³².

Более того, зевгарь-упряжка не только является объектом платежей, в которых явно присутствовал частнопровый элемент, — зевгарь учитывался и при обложении телосом. В этом случае нормы обложения зевгарей телосом оказываются выше тех, которые были распространены в поселениях, где у париков имелась земля на паричском праве. Это означает, что при начислении телоса учитывали неявным образом те земли, которые могут быть обработаны с помощью имеющихся зевгарей. Неопределенность правового статуса этих земель приводила к тому, что общий объем держания не фиксировался, лишь в общей форме говорилось о земле, где работают волы³³. Характерно также, что в тех поселениях, в которых парики имели большие наделы, сама по себе упряжка практически не облагалась. Таково было, например, положение вещей во владениях Лавры на Лемносе — по данным практика 1284 г. Птохи (как именуются в этом практике крестьяне) владели большими наделами, и эти наделы, а также

²⁸ Ibid., p. 148.34.

²⁹ Lavra, III, N 161, p. 158.28.

³⁰ Zvononos N. Le domaine de Lavra. . . , p. 170.

³¹ Lavra, III, N 155, p. 134.21; 26; N 161, p. 157.20—21.

³² Ibid., N 174, p. 199.7, 11.

³³ Ibid., N 159, p. 147.34; N 135, p. 174—175.49.

виноградник облагались независимо от упряжки³⁴. Так же обстояло дело в Мамиционе — владении Хиландарского монастыря³⁵, но при этом владения на паричском праве отсутствовали — явление, получающее широкое распространение в XIV в. Упряжка, как источник образования новых форм землепользования, становится самостоятельным источником обложения. Размеры взимаемой с нее подати есть косвенное свидетельство размеров земли, владение которой осуществляется на условиях, отличных от паричского держания.

Итак, стабильность и распространенность во владениях Лавры тенденции к высокому налогообложению упряжек, к тесной корреляционной взаимосвязи упряжек и налога, характерной для разных поселений и для генеральной совокупности в 856 хозяйств, объясняется сложной перестройкой крестьянского землепользования.

О ней свидетельствуют и некоторые другие данные. Обращает на себя внимание частое упоминание в источниках ипостатиков. Значение этого термина представляется спорным. Ф. Дэльгер считал, что ипостатик — это крестьянин, проживающий в деревне, которая находится в паричской зависимости от некоего крупного собственника, но одновременно владеет свободной землей³⁶. Зворонос также полагает, что ипостатики имели собственную землю. Перечисляя имущество Лавры, он указывает, что у Лавры были также поля, которые фигурируют в описи как стаси париков, исключая тех париков, которые названы ипостатиками³⁷.

Однако остается неясным, почему ипостатик владеет обязательно собственной, свободной землей. Более убедительным выглядит мнение Г. Г. Литаврина, согласно которому ипостатик мог обозначать крестьянина (независимо от того, свободным, государственным или частным он был), владевшего лишь частью ранее единой стаси (хозяйства), а также крестьянина, который, помимо своего основного надела, владел частью земли в другой деревне (или поместье), т. е. он мог быть и свободным, имевшим участки в разных местах, и «наполовину» париком, и «дважды» париком (т. е. париком двух господ по своим держаниям)³⁸. В то же время Литаврин констатирует, что в X—XI вв. термин встречается редко. Однако к XIV в. ситуация меняется. В практиках Лавры XIV в. ипостатик употребляется очень часто. Прежде всего следует отметить, что обозначение «ипостатик» вряд ли следует рассматривать как термин. Точнее — это некоторое выражение (подобное выражениям атели и ипотели), обозначающее подвижный социальный слой. Первоначально оно, очевидно, употреблялось для обозначения держателя, владеющего частью стаси, некогда единой семейной наследственной собственности³⁹, но впоследствии его значение несколько изменилось и приобрело новые аспекты. Дело в том, что в XIV в., во всяком случае, в тех поселениях, которые зафиксированы в практиках Лавры, почти отсутствовали владельцы полной стаси. В этом смысле все были ипостатиками, но называются так только некоторые владельцы части стаси. Например, в практике 1321 г. в хорионе Селас упоминаются две вдовы двух братьев; каждая владела в местечке Диалас 4 модами под виноградником. Ипостатиками они не названы (Lavra, III, № 109, p. 273. 907—909).

Неоднократно упоминаются держания части стаси (ипостаси): пятой, третьей, восьмой и т. д. (Lavra, II, N 109, p. 267.791—792, 798; p. 268.802, passim; p. 267, 794; p. 270, 851, passim). Однако ипостатиками владельцы части стаси (ипостаси) именуется далеко не всегда (например: *ibid.*, p. 270. 851). Обычно эти наименования не связаны тесной корреляцией.

³⁴ Lavra, II, № 73.

³⁵ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 201.

³⁶ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , S. 127.

³⁷ Zvoronos N. Le domaine de Lavra. . . , p. 73.

³⁸ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 86.

³⁹ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , passim.

В практиках Ивирского монастыря также содержится множество сведений об ипостатиках — владельцах ипостаси (части стаси)⁴⁰. Однако нет никаких сведений, заставляющих предполагать наличие у этих ипостатиков держаний или собственности в других местах. В то же время в практиках Лавры имеется масса указаний на наличие у крестьян владений в других селах, и эти сведения относятся как к ипостатикам, так и другим владельцам, не именуемым ипостатиками. Наряду с этим в отношении многих ипостатиков подобные данные отсутствуют.

Очевидно, в условиях отмеченной выше простоты отношений землепользования обозначение «ипостатик» несет иную, чем ранее, смысловую нагрузку. Для того чтобы понять смысл этого обозначения, обратимся к рассмотрению выражений «стась» и «ипостась». Византийские источники разного характера и разных периодов не проводят четкой грани между названными понятиями (например, *Lavra*, III, N 136, p. 61.27). В частности, и то и другое используется для обозначения нарицкого хозяйства⁴¹.

Термины «ипостась» и «стась» обозначают земли, связанные с различными типами хозяйственной деятельности: и пашню, и виноградник, находящиеся в индивидуальном владении крестьянина и обеспечивающие его податную ответственность. Подразумевается также дом и хозяйственные постройки. Именно этим последним отличается, видимо, применение терминов «стась» и «ипостась» в византийских источниках от его использования в сербских⁴².

В то же время Г. Острогорский подчеркивал, что стась — это хозяйство крестьян, лежащее вблизи деревни⁴³. Источники позднего времени, как нам представляется, подтверждают это мнение. Можно добавить еще, что стась, равно как и ипостась, — это хозяйство, составляющее основу государственного налогообложения. Наряду с этим могли быть различного рода держания, которые располагались в других деревнях и иногда подлежали обложению именно в данной деревне, а иногда не подлежали таковому; иногда налог с этих держаний частично уплачивался собственнику соответствующей деревни, а частично — собственнику владения, на котором стоял дом парика. Эти владения не являлись стасью, они по существу находились за пределами первоначальной ипотаги. В тот период ридза и ипотаги в поселениях, отличавшихся сложностью отношений землепользования, теряли свое первоначальное соответствие. Никто не отменял византийский податный устав, определяющий процедуру фискальной практики, но жизнь постоянно вносила в нее свои коррективы.

Как видно, стась и ипостась (а в позднее время владение крестьянина, как уже отмечалось, — это всегда ипостась) обозначали тот первоначальный наследственный хозяйственный комплекс, который затем обрастал новообразованием. Это те земли, которые иногда обозначают *ἐσοχώρῳφια*, *ἐσοθύρια*, *στασιχὸν ἀμπέλιον*. Названные обозначения используются для фиксации земель, расположенных в пределах деревни. Такие земли противо-

⁴⁰ Ibid., RK, passim.

⁴¹ Соответственно ипостась обозначает часть стаси. Об этом свидетельствуют, например, Схолии Арменопула, 22-я новелла Льва VI. См.: *Constantini Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos* / Ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, p. 666; *Monnier H. Les nouvelles de Léon le Sage*. Bordeaux; Paris, 1923. В практике владений Лавры на острове Лемносе от 1361 г. перечисляются различные виды имущества собственника, среди которых *ἐξαλειμματικαὶ ἰποστάσεις* (*Lavra*, III, № 139, p. 78.9). Далее говорится о покинутой ипостаси Ласкаря (p. 79.89) и называется ряд покинутых ипостасей, которые вряд ли принадлежали парикам, а ниже перечисляются покинутые нарицкие ипостаси (p. 80.99).

⁴² По мнению Н. Кондова, в сербских и болгарских средневековых документах термин «стась», представляя собой заимствование из византийской фискальной практики, обозначал разные категории земли, связанные с различными формами экономической деятельности. См.: *Кондов Н. К.* О некоторых терминах болгарских и сербских документов позднего средневековья. — ВВ, 1979, 40, с. 22—25.

⁴³ *Ostrogorsky G. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im 10. Jahrhundert.* — *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1927, XX, S. 42.

поставляются *ἔσοχορᾶφια* — вне деревни⁴⁴. Таблицы (V, VI) показывают, что указанные обозначения тесно коррелируют с наименованием крестьян ипостатиками. Часто говорится о владениях близ дома, близ держаний родственников. Такие владельцы также именуется обычно ипостатиками⁴⁵. Иногда же указание на место нахождения держания близ дома или недвижимости, принадлежавшей родственнику, по-видимому, освобождала апографевса от необходимости употреблять обозначение «ипостатик» — оно лишь подразумевалось⁴⁶. Подобным образом объясняется отсутствие наименования «ипостатик» в перечне многих, кто держал хорафий, эсотирий или виноградник в стаси.

В этой связи характерно еще и следующее. Давая перечень крестьян в деревне Гомат, практик 1301 г. часто упоминает ипостатиков, а по данной практика 1321 г., в той же деревне ипостатики не значатся. Можно ли считать, что эволюция поземельных отношений привела к исчезновению этой категории? Если ипостатики — это прежде всего держатели части стаси, то такое предположение вряд ли оправданно. Вернее, перед нами просто отсутствие единообразия в обозначениях. Четкость в них вообще не свойственна практикам. Если говорится что держатель имеет части стаси (ипостаси), но ипостатиком не назван (Lavra, II, N 109, p. 267.794), то это наименование или подразумевается, когда речь идет об ипостаси, или владение ипостасью в данном случае в силу своей незначительности не определяло характер землевладельческих прав держателя и его фискальные обязанности.

Все сказанное означает, что слово «ипостатик» используется для обозначения некоторых владельцев части стаси, а именно тех, у кого это держание являлось определяющим в системе их землепользования. С точки зрения налогообложения оно было фактором весьма существенным. Сведения о том, что ипостатик, кроме указанного в практике владения, располагал какой-либо иной недвижимостью на тех или иных условиях, отсутствуют.

Итак, сравнительно частое упоминание об ипостатиках в практиках Лавры, по-видимому, свидетельствует о сложности состава крестьянской недвижимости, подлежащей обложению в том поселении, где находилась основа крестьянского тягла и основа прикрепления крестьянина к нему — дом. Это означает, что все земли, перечисленные в описи, подлежали обложению поземельной податью, составлявшей часть телоса. Базой этого податного единства являлись эсотирии, эсохорафии и виноградники, называемые стасиконом. Это были владения, непосредственно примыкавшие к дому — центру оседлости и налогообложения. Что же касается остальных владений, особенно тех, которые располагались за системой полей данной деревни или в других деревнях, то таковые только иногда включались в податной стих. В этом случае они иногда назывались атели⁴⁷. Это выражение наглядно свидетельствует об употреблении в описях обычных выражений вместо специфичных, имеющих твердое значение фискальных терминов, таких, как телос, парик, стих, стась и т. д. Иногда эти держания, как уже говорилось, облагались в той деревне, где они находились, и тогда (но, по-видимому, далеко не всегда) податные чиновники называли их ипотелями. Используется опять же не четкий, утвердившийся во времени фискальный термин, а всего лишь обыденное выражение. Говорится, что владение уже подлежит обложению, т. е. подать взимается с него в другом месте, но не в той деревне, опись которой составляется и где крестьянин проживает.

⁴⁴ Lavra, II, N 73.

⁴⁵ Ibid., N 109, p. 268.807—808.

⁴⁶ Ibid., 268. 810.

⁴⁷ Т. е. не подлежащие обложению в тех деревнях, где они расположены. См.: Lefort J. Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle. — Revue historique, 1974, N 512, p. 340.

Чиновникам, таким образом, постоянно приходилось прибегать к новым выражениям, необходимым для фиксации сложных форм землепользования, с которыми они сталкивались. Далекое не все эти выражения приобретали характер четких фискальных терминов: многие, подобно «атели» и «ипотели», так и остаются лишь выражениями. Если земли, именуемые ипотелями, подлежали обложению в тех поселениях, где они находились, то владельцы этих земель, жившие в другом поселении, где они уплачивали основную подать, либо, как полагает Ж. Лефор, освобождались от уплаты взноса за держания, именовавшиеся ипотелями, либо платили за них вторично, но со скидкой. Об этом свидетельствуют нормы обложения таких земель: иногда они равнялись всего $\frac{1}{8}$ обычной нормы обложения виноградника ⁴⁸.

Высокий коэффициент корреляции между размерами земли под виноградником и числом упряжек вызывает ряд вопросов. Чтобы ответить на них, необходимо рассмотреть проблему на теоретическом уровне, а именно попытаться выяснить: о чем свидетельствует названная взаимосвязь? Тут возможны два решения. Первое состоит в том, что в условиях Византии наличие упряжки в данной общине могло находиться в причинной зависимости от наличия виноградника: упряжка, которая в поздний период представляла, безусловно, основную ценность, могла обуславливать наличие возделываемого виноградника. Это и понятно. Ведь в Византии со времен античности применялся легкий плуг без колес и отвалов ⁴⁹. Так же обстояло дело в Южной Франции и в других средиземноморских районах. В Южной Франции виноградные лозы, равно как и плодовые деревья, сажались в хлебное поле ⁵⁰. В Византии плодовые деревья иногда тоже высаживались на хорафии, засеянные зерном. Что касается виноградника, то еще Ф. Дэльгер предполагал, что земли, именуемые в описях *αμπέλιον*, — это не обязательно участки, отведенные исключительно под виноградник: имелось в виду прежде всего качество земли ⁵¹. Возможно, что и на этих землях иногда сеяли зерновые. Теоретически поэтому не исключается возможность причинной взаимосвязи между наличием в хозяйстве плугов и размерами земли под виноградником.

Не исключается, однако, и другое предположение, в соответствии с которым прямая взаимосвязь между этими двумя видами имущества отсутствовала. Она была опосредована тем, что оба вида имущества, играя решающую роль в хозяйстве, влияли на величину налоговой ставки. Проверить предположения можно следующим образом: в случае верности второго частного коэффициент корреляции между размерами земли под виноградником и числом упряжек, т. е. коэффициент, при котором нивелируется воздействие связи налога с каждым из названных имущественных объектов на связь самих этих объектов, близок к нулю. Близость к нулю частного коэффициента корреляции, вычисляемого по формуле

$$r_{xy(z)} = \frac{r_{xy} - r_{zy}r_{zx}}{\sqrt{(1 - r_{zy}^2)(1 - r_{zx}^2)}}$$

предполагает равенство нулю выражения $r_{xy} - r_{zy}r_{zx}$, где x — размеры виноградника; y — число упряжек; z — величина налога; $r_{xy(z)}$, r_{xy} , r_{xz} — частный и парные коэффициенты корреляции для соответствующих признаков.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Литературу вопроса см.: *Maksimović L. Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der späthbyzantinischen Stadt (13—15. Jh.). — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, Bd. 31/1. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, 1/1, S. 154.*

⁵⁰ *Люблинская А. Д. Французские крестьяне XVI—XVIII вв. Л., 1978, с. 60.*

⁵¹ *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , S. 22.*

Таблица I*
Среднеарифметические характеристики и среднеквадратические отклонения размеров земли под виноградником, числа зевгарей и размеров телоса для 856 хозяйств

Среднеарифметические характеристики			Среднеквадратические отклонения		
виноградник	зевгары	налог	виноградник	зевгары	налог
1,667	0,309	1,184	2,128	0,516	1,002

* Количественные характеристики, помещенные в табл. I—IV, рассчитаны по программе KOREL1 пакета прикладных программ ДОС АСВТ (Пакеты прикладных программ ДОС АСВТ. Т. IV. Математическая статистика. М.: ИНЭУМ, 1975).

Таблица II
Среднеарифметические характеристики и среднеквадратические отклонения размеров земли под виноградником, числа зевгарей и размеров телоса в хозяйствах по 19 совхозностям

Совокупность		Название поселений	Среднеарифметические характеристики			Среднеквадратические отклонения		
№	размер		виноградник	зевгары	налог	виноградник	зевгары	налог
1	29	Гурнай	1,036	0,138	0,579	1,353	0,351	0,51
2	41	Сарангареа	2,968	0,45	1,166	3,916	0,568	1,245
3	43	Пинссон	2,037	0,395	1,177	1,877	0,53	0,727
4	68	Агиа Еуфимиа	3,504	0,5	1,665	2,778	0,56	1,187
5	61	Лоротон	0,958	0,746	1,972	2,6	0,745	1,3
6	28	Неохорцион	3,029	0,607	1,512	2,131	0,567	0,776
7	26	Каррайон	1,488	0,385	0,925	1,244	0,553	0,871
8	21	Генна	1,413	0,452	1,271	1,605	0,631	1,042
9	56	Дримосита	1,196	0,286	1,054	1,185	0,512	0,848
10	39	Пасхали и Панагиа	0,975	0,359	1,08	1,358	0,525	1,018
11	35	Криа и Пегадиа	1,638	0,586	1,696	1,373	0,67	1,292
12	17	Скелохорион	1,205	0,235	1,03	1,26	0,437	0,852
13	18	Птелиа	0,954	0,111	0,741	1,146	0,323	0,473
14	13	Кострон	0,231	0,077	0,425	0,599	0,277	0,639
15	38	Лонгон	0,342	0,00	0,823	0,656	0,00	0,765
16	97	Гомат	0,216	0,129	0,989	1,253	0,333	0,779
17	26	Мегалин	1,925	0,115	1,366	2,194	0,323	0,75
18	31	Градишта	1,169	0,129	0,961	1,523	0,341	0,684
19	167	Селас	0,796	0,144	1,067	1,387	0,352	0,924

Таблица III
Коэффициенты парной корреляции между размерами земли под виноградником и налогом, числом зевгарей и налогом и между размерами земли под виноградником и числом зевгарей в 19 совхозностях

Совокупность		Коэффициенты парной корреляции между			Совокупность		Коэффициенты парной корреляции между		
№	размер (число хозяйств)	размерами земли под виноградником и налогом R. В. Н.	числом зевгарей и налогом R. В. Н.	размерами земли под виноградником и числом зевгарей R. В. З.	№	размер (число хозяйств)	размерами земли под виноградником и налогом R. В. Н.	числом зевгарей и налогом R. В. Н.	размерами земли под виноградником и числом зевгарей R. В. З.
2	41	0,94	0,86	0,7	12	17	0,55	0,76	0,28
3	43	0,75	0,66	0,17	13	18	0,61	0,71	0,17
4	68	0,8	0,65	0,47	14	13	0,88	0,97	0,88
5	61	0,88	0,88	0,65	15	38	0,34	0	0
6	28	0,69	0,85	0,55	16	97	0,76	0,65	0,31
7	26	0,84	0,87	0,79	17	26	0,6	0,59	0,44
8	21	0,79	0,88	0,61	18	31	0,27	0,57	-0,21
9	56	0,69	0,75	0,52	19	167	0,42	0,59	0,19
10	39	0,79	0,71	0,44					

Т а б л и ц а I V
Коэффициенты парной корреляции между различными видами имущества, числом членов семьи и величиной налога по данным о 856 хозяйствах *

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	0,295	0,274	0,251	0,098	0,216	0,076	0,083	0,078	0,184	0,035	0,122	0,060	0,073	0,119	0,446	1
	1	0,091	0,524	0,09	0,227	-0,212	-0,034	-0,045	0,072	0,132	0,013	0,042	0,017	0,004	0,744	2
		1	0,155	0,066	0,213	0,124	0,115	0,071	0,167	-0,036	0,223	0,130	0,139	0,084	0,346	3
			1	0,176	0,106	-0,01	-0,019	-0,046	0,017	0,038	0,042	0,048	-0,014	-0,015	0,708	4
				1	0,032	0,006	0,008	0,016	0,081	0,009	0,013	0,057	0,037	0,003	0,29	5
					1	0,115	0,040	0,010	0,159	0,033	0,177	0,009	0,165	0,048	0,408	6
						1	0,034	0,008	0,091	0,046	0,108	0,062	0,05	0,038	0,098	7
							1	-0,008	0,164	-0,030	0,020	0,035	0,068	0,105	0,071	8
								1	0,011	0,021	0,008	0,018	-0,033	0,134	0,007	9
									1	-0,034	0,104	0,161	0,044	0,003	0,345	10
										1	-0,009	-0,018	0,012	-0,023	0,138	11
											1	0,050	0,157	0,105	0,14	12
												1	0,061	0,023	0,183	13
													1	0,043	0,119	14
														1	0,072	15
															1	16

* В таблице учтены следующие хозяйственные факторы: 1) количество членов семьи, 2) число вейгарей, 3) число ослов, 4) размеры виноградника, 5) мельницы, 6) коровы, 7) волю, 8) сад, 9) сад с плодовыми деревьями, 10) козы, 11) овцы, 12) свиньи, 13) пахотная земля, 14) пчелы, 15) плодовые деревья, 16) лодки.

Таблица V

Ипостатики

Поселение	Год, название источника	Всего хозяйств	Имеющих			Число хозяйств с телесом в 1 номисму и выше
			стасикон, виноградник	эсотирий, эсокопий	хорафий	
Селас	1300 г., Лавра, II, № 91	29	22		7	29
Металин	То же	12	11	1		12
Градишта	» »	8	7	1		7
Гомат	» »	42	35	2		23
Селас	1321 г., Лавра, II, № 109	23		8		17
Металин	То же	21	7		20	19
Градишта	» »	17	1	2		7

Таблица VI

Остальные крестьяне

Поселение	Год, название источника	Всего хозяйств	Имеющих			Число хозяйств с телесом в 1 номисму и выше
			стасикон, виноградник	эсотирий, эсокопий	хорафий	
Селас	1300 г., Лавра, II, № 91	63	19	1		8
Металин	То же	20	6	1		6
Градишта	» »	12	9	2		8
Гомат	» »	15	7			1
Селас	1321 г., Лавра, II, № 109	139		7		44
Металин	То же	6				1
Градишта	» »	14			4	4

Проверим эту гипотезу. Расчеты показывают, что частный коэффициент корреляции между названными видами имущества оказывается близким к нулю при вычислении его на материале всей совокупности в 856 единиц наблюдения, а также при вычислении на материале десяти из девятнадцати совокупностей. Действительно, обозначив x — размеры земли под виноградником, y — число упряжек, z — величину налога, для совокупности в 856 хозяйств в соответствии с табл. IV имеем: $r_{xy} = 0,524$, $r_{zy} = 0,744$, $r_{zx} = 0,708$; $0,524 - 0,744 \times 0,708 = 0,003$, т. е. разность близка к нулю.

Не приводя дальнейших расчетов, отметим, что в десяти совокупностях, соответствующих отдельным поселениям, а именно в тех, где парный коэффициент корреляции между числом упряжек и размерами виноградника равен или превосходит 0,47, разность между указанными коэффициентами также близка к нулю. Речь идет о совокупностях, имеющих следующие порядковые номера: 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15. Их соответствие определенным поселениям устанавливается по таблице II.

Таким образом, можно считать, что в совокупности в 856 хозяйств в целом, равно как и в ряде поселений, связь земли под виноградником и упряжек была опосредована налогообложением.

Характерна слабая взаимосвязь между числом волов, не составляющих упряжку, и величиной налогов, равно как числом ослов и размером налога. По-видимому, единичные ослы и волы использовались для перевозки

грузов и соответственно не принадлежали к тем ведущим видам имущества, которые определяли структуру хозяйства.

Отмеченная сложность и нестабильность структуры землепользования сельского поселения не может рассматриваться как исключительно византийская характерная черта. Аналогичные процессы происходили и на феодальном Западе. Специалисты, например, отмечают, что в Англии в XIV в. наметились черты, позволяющие говорить о начале процесса исчезновения вилланства, о зарождении новых форм землепользования, предвосхищавших позднее держание по копии⁵². Причины подобных явлений, во всяком случае применительно к Византии, состоят в самом характере аграрного развития, в разделе крестьянской семьи, купле и продаже имущества, завещаниях, передаче в приданое, а также в истощении почвы. Все эти факторы приводили к необходимости перемены местожительства, освоению нови, займке пустошей и т. д. Особенность Византии — в том, что все эти факторы действовали в условиях, когда государство, государственная налоговая политика играли преобладающую роль. Указанные факторы придавали своеобразие описанным явлениям.

⁵² Барг М. А. XIV век в истории манора ИСЛИП (Оксфордшир). Эволюция земельных и рентных отношений с 1279 по 1391 г. — Средние века, 1976, 40, с. 101—103.

В. В. КУЧМА

«СТРАТЕГИКОС» ОНАСАНДРА И «СТРАТЕГИКОН МАВРИКИЯ»: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ *

Как уже отмечено ранее, начиная со времен Ксенофонта в греко-римской военной теории стало проводиться различие между стратегией и тактикой. И Онасандру, и Маврикию свойственно понимание стратегии как высшего полководческого искусства, рассматривающего общетеоретические проблемы подготовки армии к войне, а также вопросы планирования и непосредственного проведения военных кампаний. В трактате Онасандра стратегические сюжеты явно преобладают; у Маврикия объем стратегических и тактических сведений приблизительно одинаков. Вторая часть настоящей работы посвящена сравнительному анализу преимущественно стратегических концепций обоих авторов; сопоставление их тактических воззрений производится лишь по мере необходимости.

«Стратегикос» Онасандра, по свидетельству самого автора, задуман как руководство для «хороших военачальников»¹. Воинский успех — не следствие слепого рока, а результат деятельности командиров; ссылка на превратности судьбы так же мало извиняет поражение, как и объясняет победу². Внутренняя логика этой исходной установки привела Онасандра к мысли начать свой трактат с конструирования образа идеального полководца. Новизна и оригинальность авторского замысла должны быть оценены в полной мере: критерии нравственного облика военачальника были сформулированы Онасандром впервые. Последующие памятники военно-теоретической литературы продолжили эту традицию.

В порядке очередности Онасандр перечисляет следующие качества стратега: благоразумие, самообладание, воздержанность в питье и еде, трудолюбие, мудрость, отсутствие корыстолюбия; желательны также, чтобы военачальник был не молодым и не старым, по возможности — отцом семейства, человеком красноречивым и пользующимся широкой известностью³. Несколько ниже Онасандр добавляет еще такие характеристики: добропорядочность, обходительность, постоянная готовность к действиям, уравновешенность и невозмутимость⁴.

Ряд соображений высказан автором относительно критерия состоятельности военачальника. По мысли Онасандра, этот критерий не может являться основополагающим и отодвигать на второй план все остальные. При назначении на пост военачальника следует принимать во внимание не состоятельность претендента, а его личные качества. Между двумя равными по доблести, но различными по состоятельности военачальниками разница такая же, как между оружием, украшенным золотом и серебром, и таковым же, но лишенным украшений. Разумеется, позолоченное оружие превосходит простое своей красотой, однако не по этому признаку

* Продолжение. Начало см.: ВВ, 1982, 43.

¹ Цит. по: *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. The Illinois Greek Club. London; New York, 1923 (далее: *Onasander*). Praef., 4, p. 370.

² *Onasander*. Praef., 6, p. 370.

³ *Ibid.*, I, 1—18, p. 374—382.

⁴ *Ibid.*, II, 1—2, p. 386.

судят о его главных достоинствах. Следовательно, не нужно выдвигать человека на командные посты лишь из уважения к его богатству; в равной степени было бы ошибкой презирать достойного человека единственно по причине его бедности⁵.

Примерно так же, по мысли Онасандра, следует подходить к вопросу о благородстве происхождения военачальника. Счастлив стратиг, личные достоинства которого сочетаются со славой и достоинством его предков. Однако было бы безрассудно при выборе военачальника взирать только на благодетели его отцов и дедов, не обращая внимания на его собственные качества: знаменитость происхождения без собственных доблестей для него бесполезна. Зачастую случается так, что на военном поприще гораздо лучше проявляет себя человек, который не может похвалиться своими предками, ибо он с гораздо большей ревностью исполняет свои обязанности, желая сокрыть незнатность происхождения личными неусышными стараниями и прославить свой род перед грядущими поколениями собственными славными заслугами⁶.

Анализ данного пассажа «Стратегикоса» приводит к выводу, что Онасандр решает проблему в чисто умозрительном, общепhilософском плане. Сформулированные им критерии нравственного облика идеального военачальника лежали в сфере чистой абстракции: построенные на отвлеченных принципах — благоразумия и здравого смысла, они фактически никак не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались. Именно в силу своей безотносительности и универсальности максимы Онасандра оказались столь долговечными — они охотно заимствовались позднейшими авторами вплоть до самых последних представителей военно-литературной традиции. Идеал был сформулирован — задача состояла лишь в том, чтобы скорректировать его относительно сферы военной службы в ту или иную историческую эпоху.

Первый опыт такой корректировки был дан самим Онасандром. Убедительно аргументирован им критерий красноречия⁷: искусство возбуждать словами мужество воинов накануне битвы, умение утешить и вдохновить их в случае поражения имеют действительно неоценимое значение в армейской практике. Удачно преломлен применительно к армии критерий психологической уравновешенности, справедливости по отношению к подчиненным: излишняя мягкость разлагает воинскую дисциплину, всепрощенчество возбуждает презрение, а жестокосердие — ненависть к командиру⁸. Скольким реминисценциям в позднейших военных трактатах дала жизнь эта, в сущности, простая, но богатая по содержанию мысль! Однако большинство из сформулированных критериев так и остались «немилитаризованными»: вероятно, Онасандр осознавал те издержки, которые неизбежны при слишком резком «заземлении» абстрактного идеала.

В некоторых случаях, когда Онасандр все же пытался это сделать, его идеальные построения подвергались серьезным модификациям. Так, он указывает, что в «смутные времена» лучше ставить знатных и богатых людей на должности военачальников. Первое из этих качеств поможет им скорее завоевать доверие, а возможность оказывать материальную помощь своим подчиненным еще больше укрепит их влияние⁹. Как видим, реальная жизнь оказывалась гораздо грубее и прозаичнее прекраснодушных рассуждений о почтенной бедности и благоприобретенном личном достоинстве, которыми тендил себя этот «платонический философ».

Спустя пять с лишним столетий проблемы нравственного облика военачальника волновали и автора «Стратегикона». Маврикию хорошо известны онасандровские критерии идеального полководца — все они (с боль-

⁵ Ibid., I, 19—20, p. 382.

⁶ Ibid., I, 24—25, p. 382—386.

⁷ Ibid., I, 13—16, p. 378—380.

⁸ Ibid., II, 2, p. 386.

⁹ Ibid., II, 5, p. 386—388.

шей или меньшей степенью детализации) отражены в «Стратегиконе»¹⁰. Влияние Онасандра на Маврикия неоспоримо, но подход последнего к данной проблеме существенно иной. В трактате Маврикия онасандровские критерии пересмотрены, выработана другая шкала их ценности, акценты перетасованы и перемещены, сформулирован ряд новых принципов — в результате нарисованный Маврикием идеальный образ военачальника гораздо более жизнен и полнокровен.

В отличие от Онасандра, Маврикий стоит на почве реальной армейской действительности. Он не позволяет себе увлечься абстракциями: в его сознании постоянно доминирует мысль о целях сочинения как практического военного руководства. Будучи сам военным практиком, он адресует свой трактат коллегам по профессии. Он уверен, что их будут в первую очередь интересовать те реальные, жизненные ситуации, которые складываются в армии в отношениях между командирами и подчиненными. Поэтому и процесс конструирования идеального облика стратига в трактатах Онасандра и Маврикия происходит весьма различными путями. У Онасандра этот облик сформирован априори; задача автора заключается лишь в том, чтобы раздробить его на отдельные составляющие — черты характера, проиллюстрировав последние специально подобранным «военным» материалом. Маврикий поступает прямо противоположным образом: анализ реальной армейской жизни дает ему материал для оценок методов военного руководства с точки зрения их желательности, допустимости или невозможности. На основе авторских симпатий и антипатий (а они у Маврикия выражены всегда максимально четко) читатель получал ясное представление о выдвигавшихся тогда перед военными руководителями требованиях и о тех моральных и профессиональных качествах военачальников, которые должны были этим требованиям соответствовать.

Благодаря такому способу расположения материала Маврикий вовсе не навязывал читателю свой идеал военачальника — он только помогал ему разобраться в том, что здесь заслуживает одобрения, а что — порицания. Поэтому идеал Маврикия, помимо своей реальности, материальной осязаемости, приобретал еще одну черту, которой так недоставало в построениях Онасандра, — динамичность, способность к переменам в соответствии с изменяющейся обстановкой.

Однако и в концепции Маврикия имеется критерий, которому он придает безусловное значение, причем этот критерий — единственный, не являющийся производным от армейской практики, но во времена Маврикия прилагавшийся к военной сфере столь же органично и универсально, как и к любой другой сфере общественной жизни. Речь идет о критерии благочестия. Маврикий убежден, что именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, — самая надежная гарантия военного успеха. Маврикий сравнивает при этом стратига с кормчим, который твердо ведет корабль через бурное море, уповая на собственное мастерство и всецело полагаясь на божественное благоволение¹¹.

Полководец в образе кормчего — аналогия, известная Онасандру¹²; он тоже не был чужд идее религиозного обеспечения полководческой деятельности. Специальная (очень краткая) глава его трактата обязывает стратига провести духовное очищение войска перед походом, принести жертвы, предписанные обычаем или назначенные в предсказаниях¹³. В дальнейшем изложении уже более подробно рассказано, что непосредственно перед боем нужно вновь совершить жертвоприношения и по внутренностям жертвенных животных определить его вероятный исход. Заниматься этим должны жрецы и гадалки, которые следуют с войском, но желательно, чтобы и сам стратиг был сведущ в таких делах. Если пред-

¹⁰ Анализ соответствующих разделов трактата Маврикия см.: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 309—316.

¹¹ *Mauricius. Arta militară. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihaescu (Scriptores byzantini, VI).* București, 1970 (далее: *Mauricius*), VII, 1, 1, p. 164.

¹² *Onasander*, XXXIII, 2, p. 480.

¹³ *Ibid.*, V, p. 392—394.

сказания неблагоприятны, следует уклониться от сражения и постараться умиловить богов новыми жертвами¹⁴. Помимо внутренностей животных, судьбу предстоящего сражения может предопределить и расположение небесных светил¹⁵.

Подчеркнутая религиозность Онасандра не осталась незамеченной в историографии. Однако она не идет ни в какое сравнение с ортодоксальностью Маврикия. В то время как для Онасандра религия есть лишь дополнение к его платоническим философским концепциям, ортодоксальный конфессионализм Маврикия служит основой всего его мировоззрения, всего понимания им мирового порядка вещей.

Осуществление своих функций главнокомандующего стратиг должен начать с решения вопроса принципиальной важности: надлежит прежде всего убедиться самому в неизбежности войны и доказать всем справедливость причин, побуждающих ее начать. Особая глава в трактате Онасандра впервые в военно-теоретической литературе подробно обосновывает этот тезис, ставший впоследствии важнейшим составным звеном византийской военной доктрины¹⁶.

Справедливая причина войны, указывает Онасандр, — единственное средство обратить на себя божественное благоволение. Люди, преисполненные уверенности в заступничестве богов, спокойнее перенесут военные тяготы; напротив, те, кто не уверен в справедливости своих действий, будут усматривать в военных неудачах карающий перст разгневанного божества. Вначале надобно употребить все усилия, чтобы путем переговоров добиться удовлетворения законных требований к неприятелю, одновременно доказывая необоснованность его собственных претензий. Если же не удастся разрешить конфликт мирным путем, тогда, призвав бога в свидетели правоты своих намерений, следует открыто и ясно заявить, что война становится неизбежной, и ответственность за нее возложить на противоположную сторону.

Решившись на войну, продолжает Онасандр, нужно подойти к ее подготовке со всей основательностью и серьезностью — здесь стратиг должен уподобиться опытному зодчему, который не станет возводить здание, не позаботившись о прочности фундамента, и искусному мореплавателю, который не рискнет отплыть из гавани, не употребив все средства на укрепление корабля. Начав войну, отступать уже нельзя — неуверенность и колебания стратига уронят его в глазах доброжелателей и вызовут презрение к нему со стороны врагов.

В нескольких местах Онасандр упоминает о дипломатическом обеспечении военных кампаний. Не исключена возможность личных встреч между командующими воюющих армий. В этом случае стратигу рекомендуется иметь при себе блестящую свиту, составленную из отборных командиров и воинов, физически крепких, мужественных, великолепно вооруженных, — что должно, по мнению автора, произвести устрашающее впечатление на врага¹⁷. Заключив перемирие, следует тщательно обезопасить себя от возможных вражеских козней, особенно если речь идет о народе, обычаи которого неизвестны. Самому же нужно проявлять максимум благоразумия, пунктуально соблюдать условия перемирия, не допуская никаких, даже самых малейших, их нарушений.

Фактически здесь действует тот же принцип «справедливой войны», который ранее был обоснован Онасандром для мирного периода, а в данном случае скорректирован применительно к обстановке временного перемирия¹⁸.

Все эти идеи Онасандра известны Маврикию и в принципе им разделяются. Содержание IV главы «Стратегикоса» сведено Маврикием к че-

¹⁴ Ibid., X, 25—27, p. 428.

¹⁵ Ibid., X, 28, p. 428—430.

¹⁶ Ibid., IV, 1—6, p. 390—392.

¹⁷ Ibid., X, 14, p. 418—420.

¹⁸ Ibid., XXXVII, 1—5, p. 492—494.

канной формуле: «Причина войны должна быть законна»¹⁹. Высказан ряд аналогичных рекомендаций по поводу переговоров с противником (правда, о личной встрече двух главнокомандующих Маврикий не упоминает). Обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения к партнеру, унижающего его достоинство, хотя бы его войско было меньше по численности²⁰. Даже после одержанной победы следует выслушать вражеские предложения об условиях мира, если здесь не кроется какого-либо обмана²¹. Вслед за Онасандром Маврикий рекомендует никоим образом не нарушать клятвы, данной неприятелю²², твердо соблюдать все взятые на себя обязательства²³.

Однако в дальнейшем Маврикий высказывает ряд советов, находящихся в явном противоречии с этими положениями. Он советует усынить бдительность вражеских послов посредством льстивых речей, а когда послы отбудут, последовать за ними и напасть на врага, не ожидающего нападения²⁴. Можно поступить и иначе: дезориентировать противника миролюбивыми предложениями и, улучив момент, внезапно напасть на него²⁵. Эти рекомендации даются Маврикием в главе, посвященной организации неожиданных нападений. Подобная идея не была чужда и Онасандру (о чем — ниже), но если у последнего неожиданные нападения обеспечиваются исключительно военными мерами, то Маврикий ставит проблему шире: он ведет речь не о «чистых» стратегемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия становится одним из орудий достижения военного успеха. Перед нами здесь — редкий случай, когда философ-теоретик Онасандр проявляет себя более узким военным «технологом», чем практик Маврикий. Для Онасандра война — это одно, а дипломатия — нечто совсем иное. Для Маврикия — это единый комплекс акций, обеспечивающих победу над врагом, а ее цена складывается из предательства и вероломства так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения. И дело, видимо, не в качествах характера Онасандра и Маврикия, а именно в том, что Онасандр не знает военную реальность, Маврикий же досконально разбирается в ней: он был современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны насмерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми.

Характер военной доктрины, которую преподносит читателю Онасандр, отличается прямолинейностью и однозначностью: он представляет римское войско только в роли наступающей стороны. Об обороне в трактате фактически не сказано ни слова. Даже в заключительных разделах, где рассматриваются проблемы полиоркеттики, речь идет лишь об осаде вражеских крепостей, тогда как об обороне собственных городов даже не упоминается.

Такая односторонность, объяснимая в отношении Онасандра, совершенно несвойственна Маврикию. Как уже установлено нами ранее, «Стратегикон» создавался в качестве всеобъемлющего руководства, рассчитанного на ведение войны против любого противника и в различных условиях. Автор столь же искушен в ведении оборонительной войны, сколь и наступательной²⁶. Существенным вкладом Маврикия в разработку проблем военной науки явился составленный им план мероприятий по организации стратегической обороны — подготовке армии и гражданского населения к войне в предвидении вражеского нашествия²⁷.

Соответственно решаются двумя авторами и проблемы экономического

¹⁹ *Mauricius*, VIII, 2, 12, p. 206.

²⁰ *Ibid.*, VIII, 1, 32, p. 202.

²¹ *Ibid.*, VIII, 2, 44, p. 212.

²² *Ibid.*, VIII, 1, 36, p. 202.

²³ *Ibid.*, VIII, 2, 29, p. 210.

²⁴ *Ibid.*, IX, 1, 4, p. 222—224.

²⁵ *Ibid.*, IX, 1, 5, p. 224.

²⁶ См. об этом: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, 40, с. 69—70.

²⁷ *Mauricius*, X, 2, 1—11, p. 252.

обеспечения военных кампаний. Для Онасандра единственный источник снабжения армии продовольствием и фуражом — ресурсы вражеской земли. Он требует от стратига ни в коем случае не допускать вторжения врага на территорию Римского государства²⁸. Укомплектовав войско, нужно немедленно перейти границу, чтобы война с самого начала и до конца велась на вражеской земле и чтобы благосостоянию собственной территории не было нанесено никакого ущерба²⁹. Вражескую землю можно грабить, жечь, опустошать, совершенно не заботясь о последствиях; единственным ограничением здесь может быть лишь соображение собственной выгоды: не следует предавать огню то, что необходимо для снабжения войска³⁰. Онасандру свойственно понимание той истины, что изобилие продовольствия и фуража укрепляет могущество войска, тогда как их нехватка — подрывает.

Взгляды Маврикия на эту проблему более основательны. Маврикий разделяет идею Онасандра об экономической выгоде ведения войны на чужой территории. Кроме того, он обращает внимание еще на одно дополнительное обстоятельство, чисто психологического свойства. Такая война, замечает Маврикий, повышает боеспособность войска, поскольку она требует от воинов большей находчивости и предприимчивости: они сражаются не только за интересы государства, но и за свое спасение. Сражаясь на собственной территории, воины всегда полагаются на возможность отступления в укрепленные крепости, где они могут спасти свои жизни. На вражеской земле этот фактор не действует — воины находятся в состоянии повышенной опасности, а оно требует от армии постоянной мобилизационной готовности. Разумеется, подчеркивает Маврикий, решение о перенесении войны на вражескую территорию должно быть принято в результате строгого анализа военной ситуации, соотношения боевых сил, учета всех привходящих факторов³¹. Внимание Маврикия к подобным деталям, совершенно недоступным Онасандру, свидетельствует о том, что он был глубоким знатоком воинской психологии.

Если принято решение о походе во вражескую землю, ему должно предшествовать тщательное изучение театра предстоящих военных действий — с точки зрения экономических характеристик, а также в санитарно-гигиеническом отношении, поскольку ресурсы этой земли должны быть соизмерены с потребностями экспедиционных корпусов³². Захват вражеской территории — цель не менее важная, чем разгром армии противника. Эта цель может приобрести самостоятельное значение и потребовать для своей реализации даже больших сил, чем требуется для поражения живой силы врага³³. Захваченные территории нуждаются в охране: Маврикия известны допустимые нормы численности подразделений, выделяемых для этой цели. Так, территория завоеванной славянской хории может с успехом контролироваться одной-двумя тагмами³⁴.

Маврикий проявляет себя не менее решительным сторонником «тактики выжженной земли», чем Онасандр, а его рекомендации насчет того, как причинить наибольший ущерб неприятелю, еще более изощренны. Самым благоприятным временем для вторжения Маврикий считает период жатвы: нанесенный врагу ущерб будет тогда особенно чувствительным, а его неблагоприятные последствия — максимально продолжительными³⁵. Вместе с тем опыт и житейское благоразумие дают основание Маврикию высказать две важные практические рекомендации. Если войску предстоит обратный путь по той же самой вражеской территории, то не следует бездумно предавать огню все продовольственные и сырьевые ресурсы, чтобы

²⁸ *Onasander*, VII, 2, p. 404.

²⁹ *Ibid.*, VI, 12, p. 400—402.

³⁰ *Ibid.*, VI, 11, 13, p. 400—402.

³¹ *Mauricius*, VIII, 1, 43, p. 204.

³² *Ibid.*, VIII, 2, 45, p. 212.

³³ *Ibid.*, VIII, 2, 71, p. 216.

³⁴ *Ibid.*, XI, 4, 42, p. 288. Численность одной тагмы (банды) определяется Маврикием в 300—400 воинов. См.: *Ibid.*, I, 4, 2, p. 58.

³⁵ *Ibid.*, VIII, 1, 29, p. 202.

в будущем не оказаться в затруднительном положении³⁶. А еще надежнее нести с собой необходимые припасы, поскольку полностью ставить себя в зависимость от военной добычи было бы весьма рискованным делом³⁷. Разница между Онасандром и Мавриkiem проявляется здесь вполне отчетливо: горячечной безрассудности неопита противостоят трезвость мышления и холодный расчет многоопытного практика.

Если же собственная территория подверглась вражескому нападению, тогда противники как бы меняются ролями. Напомним, что подобная ситуация Онасандром полностью игнорируется: он не мыслит собственную армию в роли обороняющейся стороны. Рекомендации Маврикия по этому поводу столь же подробны и основательны, как и при планировании вторжения. Прежде всего, указывает он, следует эвакуировать сельское население под защиту крепостных стен. Оборонительные сооружения надлежит укрепить и усилить³⁸. Если имеется возможность, нужно спешно соорудить новые укрепленные пункты, обнесенные стенами из камня и рассчитанные на трех-четырёхмесячную осаду; в них размещаются гарнизоны, находящиеся под командованием опытных офицеров³⁹. Продовольствие и фураж должны быть перевезены в крепости, животные угнаны с полей⁴⁰. В ожидании вражеской осады гарнизоны крепостей должны уничтожить в окрестностях все оставшиеся припасы⁴¹, выслеживать и вылавливать неприятельских фуражиров, решительно пресекать все другие возможные источники снабжения неприятельского войска⁴². Собственная армия, собранная в одном месте, должна постоянно угрожать противнику — тогда он не решится приступать к осаде городов или рассредоточиться по стране в поисках добычи⁴³. Комплексное осуществление указанных мероприятий ослабит неприятеля и создаст условия для его окончного поражения.

В процессе планирования военной кампании стратегу приходилось решать проблему союзников. Сравнение сведений Онасандра и Маврикия по этому вопросу также не лишено интереса, а выводы, к которым приводит такой анализ, оказываются весьма важными.

Упоминания союзников в трактате Онасандра буквально единичны — их подавляющее большинство сосредоточено в одной главе. При переходе через землю союзников (*συναχίδα γῆν*), пишет он, следует запретить малейшие посягательства на их собственность, ибо даже незначительный повод может привести к ссоре с ними, отчего союзники могут превратиться во врагов⁴⁴. Опустошая вражескую землю, стратег должен учитывать не только собственные интересы, но и интересы «друзей»⁴⁵. Готовясь к вторжению, надлежит избегать длительного пребывания в собственной земле или в областях союзников — в противном случае друзья могут пострадать больше, чем враги. Даже если вражеская земля бедна ресурсами, перенося войну на ее территорию, стратег по крайней мере не причинит вреда своим друзьям⁴⁶. В заключительных главах трактата Онасандр упоминает союзников еще раз, причем в несколько неожиданном контексте: захваченных в плен вражеских воинов не следует умерщвлять, даже если этого требуют союзники⁴⁷.

Мы отметили все случаи упоминания Онасандром союзников. Приходится констатировать, что сведения эти достаточно скудны; осложняет анализ и нечеткость в формулировках (параллельное использование терми-

³⁶ Ibid., IX, 1, 12, p. 224; IX, 3, 11, p. 232.

³⁷ Ibid., IX, 3, 2, p. 230.

³⁸ Ibid., X, 2, 10—11, p. 252.

³⁹ *Mauricius*, X, 4, 2, p. 258.

⁴⁰ Ibid., X, 28, p. 252.

⁴¹ В летнее время рекомендуется «выжечь все окрестные нивы, а если нельзя сжечь, то (иным способом) истребить» (Ibid., X, 4, 2, p. 256). Если предстоит война с ко-
н-ным противником, должна быть выжжена и трава (Ibid., X, 4, 8, p. 258).

⁴² Ibid., X, 2, 9, p. 252.

⁴³ Ibid., X, 2, 4, p. 252.

⁴⁴ *Onasander*, VI, 10, p. 400.

⁴⁵ Ibid., VI, 12, p. 402.

⁴⁶ Ibid., VI, 13, p. 402.

⁴⁷ Ibid., XXXV, 4, p. 488.

нов «союзники» и «друзья»). С достаточной определенностью можно лишь предполагать, что территория проживания этих союзников располагалась на границах с Римским государством: сосредоточение римских войск перед началом похода происходит либо на самой союзной территории, либо в непосредственной близости от нее; по ней же проходят и маршруты передвижения римских экспедиционных корпусов. Что же касается конкретных форм и способов военного сотрудничества римлян и союзников, то об этом у Онасандра ничего не говорится.

В трактате Маврикия о союзниках сказано гораздо более подробно и определено: они рассматриваются именно в качестве военных партнеров. По отношению к ним следует проявлять разумную осторожность: не стоит снабжать их оружием, пока нет уверенности в их безусловной лояльности⁴⁸. Формируя армию, не нужно допускать, чтобы численность войск союзников превышала собственно «ромейские» формирования; в противном случае возникает опасность заговора и военного мятежа. Она уменьшится, если союзные войска будут состояться из различных этнических групп: в этом случае им окажется труднее предпринять какое-либо злодеяние⁴⁹. В ходе военной кампании подразделения союзников должны совершать передвижения отдельно от «ромейских» войск; их лагерные стоянки также должны быть обособленными. В бою им разрешается принимать тот боевой порядок, который «свойствен им по обычаю»⁵⁰. Маврикий рекомендует скрывать от союзников собственные способы построения, приемы и методы ведения войны, поскольку не исключено, что впоследствии нынешние союзники могут оказаться врагами⁵¹. В случае если в войске имеются единоплеменники неприятеля, накануне битвы нужно их отправить под благовидным предлогом в другое место, чтобы пресечь возможность измены⁵². Вместе с тем стратиг должен демонстрировать союзникам свое полное расположение: к ним надобно относиться так же справедливо, как и к собственным войскам, и поощрять их хорошую службу подарками и вознаграждениями⁵³.

Можно прийти к заключению, что во времена Маврикия проблема союзников занимала более важное место в армейской практике, чем во времена Онасандра. Сдвиги эти зависели от изменившегося характера внешнеполитической ситуации. Противопоставленная всему варварскому миру, империя была вынуждена вести сложную дипломатическую игру. Своих союзников в борьбе против варваров Византия искала и находила среди них самих. Варварский мир тоже не был единым: он раздирался глубокими внутренними противоречиями. Состояние войны и мира менялось с калейдоскопической быстротой: вчерашние друзья Византии становились ее смертельными врагами, бывшие враги мирились с нею перед лицом новых соперников. Иногда союзническая помощь могла решить судьбу военной кампании: Маврикий упоминает ситуацию, когда «ромейское» войско оказалось разбитым и стратиг оттягивает время повторного сражения, рассчитывая на прибытие союзнических подкреплений⁵⁴. Однако в общей военно-стратегической концепции византийцев на рубеже VI—VII вв. союзники занимали второстепенное место: опыт учил, что на них нельзя было полагаться всерьез. Поэтому становится понятной та настроенность, соединенная с презрением, которой окрашены все рекомендации Маврикия по поводу взаимоотношений ромеев с союзниками.

Важнейший элемент стратегии — подготовка собственного войска к войне. При этом имеется в виду как профессиональная подготовка воинов и командиров (навыки владения оружием, знание боевых порядков и т. д.), так и обеспечение высокого духа войска, строгой военной дисциплины.

⁴⁸ *Mauricius*, VIII, 1, 30, p. 202.

⁴⁹ *Ibid.*, VIII, 2, 15, p. 206.

⁵⁰ *Ibid.*, II, 5, 5, p. 84.

⁵¹ *Ibid.*, VII, 4a, p. 176; VIII, 2, 69, p. 216.

⁵² *Ibid.*, VII, 16, p. 174; VIII, 16a, 11, p. 190—192.

⁵³ *Ibid.*, VIII, 2, 42, p. 212.

⁵⁴ *Ibid.*, VII, 11a, 4, p. 182.

Трактат Онасандра не содержит сведений о способах комплектования армии; отсутствует в нем и перечень требований, предъявляемых к военнослужащему. В «Стратегиконе» Маврикия такие сведения налицо — они уже были предметом нашего анализа⁵⁵. «Стратегикон» отразил особый этап в истории военной организации Византийской империи, характеризующийся крахом старой регулярной армии и зарождением новой армии, основу которой составляли иррегулярные ополчения, типичные для последующего периода развития фемного строя.

Необходимые воину профессиональные качества могут быть выработаны длительными, регулярными упражнениями. Онасандр рекомендует вначале обучить воина владению личным оружием. Затем следует установить его постоянное место в строю, чтобы он узнал и запомнил в лицо своих соседей по боевому порядку и своих командиров. Находясь в строю, воины должны обучиться поворотам направо, налево, смыканию и размыканию, уплотнению и разрежению, построению в фалангу, каре и т. д., причем Онасандр требует довести эти навыки до автоматизма⁵⁶. Достигнув этого, можно переходить к организации учебных сражений, применяя вместо оружия деревянные палки, колья земли и воловьих бичи. Рекомендуется проводить эти учения на пересеченной местности, когда одна часть воинов захватывает и стремится удержать холмы и утесистые места, а другая пытается «выбить» их оттуда. Подобные упражнения закаляют воинов, повышают их общефизическую подготовку, способствуют тому, что они легче переносят холод и жару, бытовые неудобства, ограничения в еде и питье⁵⁷. В заключение Онасандр подчеркивает, что все эти упражнения полезны как пехоте, так и коннице; не следует только заставлять лошадей карабкаться по утесам или преодолевать пропасти⁵⁸.

В «Стратегиконе» мы находим еще более полную и развернутую программу профессиональной подготовки воинов. Поскольку во времена Маврикия в роли «защитников отечества» выступала масса рядовых сельских общинников, для которых служба в армии исчислялась лишь продолжительностью военной кампании, их обучение военному делу оказывалось более сложным делом, требующим гораздо большего времени. Маврикий включает в свой трактат подробные сведения о вооружении, снаряжении, снабжении стратиотов⁵⁹, перечисляет наименования командиров различных рангов⁶⁰, дает характеристику специальных подразделений, служб и должностей в составе армии (знаменосцы, санитары, разведчики, адъютанты, возничие и т. д.)⁶¹, раскрывает структуру и определяет численность армейских подразделений⁶², высказывает рекомендации по укомплектованию тагмы — основного тактического подразделения византийской армии⁶³. У Онасандра материал подобного рода полностью отсутствует, Маврикий же он необходим для логического перехода от описания одиночных упражнений воинов (в первой главе I книги) к групповым (о чем подробно повествуется в III книге «Стратегикона»), причем эти упражнения для различных родов войск (пехота, кавалерия) и частей строя (центр, фланги, авангард, арьергард, засадные подразделения, резерв) имеют свою специфику. Мысль о необходимости постоянных упражнений не оставляет Маврикия ни на минуту. Упражнения эти должны осуществляться с максимальным напряжением сил, в условиях, наиболее приближенных к боевым⁶⁴. Высказывается также ряд советов по тренировке лошадей⁶⁵.

⁵⁵ См. об этом: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты. . . , с. 65—67.

⁵⁶ *Onasander*, X, 2—3, p. 408—410.

⁵⁷ *Ibid.*, X, 4—5, p. 410—412.

⁵⁸ *Ibid.*, X, 6, p. 412—414.

⁵⁹ *Mauricius*, I, 2, 1—17, p. 50—52.

⁶⁰ *Ibid.*, I, 3, 1—11, p. 56.

⁶¹ *Ibid.*, I, 3, 12—24, p. 56—58.

⁶² *Ibid.*, I, 4, 1—6, p. 58—60.

⁶³ *Ibid.*, I, 5, 1—6, p. 60.

⁶⁴ *Ibid.*, IV, 5, p. 148; VI, 1, p. 156 etc.

⁶⁵ *Ibid.*, VII, 17a, 18—20, p. 194.

При этом обращает на себя внимание один новый нюанс. Если Онасандр полагает, что праздность воинов влечет за собой лишь падение боеспособности войска ⁶⁶, то Маврикий ставит проблему более широко. Не многие рождаются храбрыми, повторяет он вслед за Вегецием, — большинство становятся таковыми благодаря своему старанию и посредством упражнений. Безделье воинов ослабляет их и дисквалифицирует в профессиональном отношении ⁶⁷. Самая же главная опасность заключается в другом. Поскольку воины всегда находятся в возбужденном состоянии, их праздность может явиться причиной волнений и мятежей ⁶⁸. Лучшее средство пресечь эти злодеяния — обеспечить постоянную занятость войска упражнениями и учениями.

Представляется, что внимание Маврикия к проблеме армейских бунтов далеко не случайно. Конец VI и начало VII в. отмечены волнениями, потрясавшими вооруженные силы государства, в особенности дунайскую армию, обеспечивавшую защиту северо-западного фланга империи против аваров и славян. Напомним, что первый толчок движению, приведшему к свержению императора Маврикия (как сказано ранее, мы не исключаем, что именно он был автором «Стратегикона»), дало возмущение дунайской армии ⁶⁹.

Военная теория требовала от стратига обеспечить в армии четкий порядок, строгую воинскую дисциплину, добиться беспрекословного подчинения воинов командирам. Эти требования должны неукоснительно соблюдаться всегда, на каждом этапе военной службы, на любой стадии военной кампании. «Ничего нет лучше, — пишет Онасандр, — как соблюдать везде порядок, и ничего нет хуже, как нарушать его» ⁷⁰.

Сохранение порядка и дисциплины в армии обеспечивалось целым комплексом мероприятий. Солдаты должны убедиться в том, что командиры проявляют о них постоянную заботу. Онасандр рекомендует не утомлять воинов чрезмерно, особенно накануне сражения ⁷¹. В другом месте ⁷² он подробно пишет об организации их питания, неразрывно связывая этот вопрос с проблемой боеспособности армии. Стратиг, добавляет Маврикий, обязан любить своих солдат, как отец, чаще беседовать с ними, употребляя ласковые слова, доступные их пониманию ⁷³. Он не должен уклоняться от труда, но работать наряду с прочими — вследствие этого воины будут охотнее повиноваться ему, стыдясь собственной неисполнительности ⁷⁴. Заслуживает уважения тот стратиг, который тратит мало времени на еду и сон, но отдает всего себя размышлениям о благе и безопасности своих подчиненных ⁷⁵. Одновременно стратигу следует решительно пресекать всякое неповиновение, соблюдая при этом твердость, непоколебимость и справедливость, особенно в отношении зачинщиков и подстрекателей ⁷⁶. А чтобы солдаты не искали оправдания своим поступкам, ссылаясь на незнание установленных правил, Маврикий включил в свой трактат военно-дисциплинарный устав ⁷⁷ — его изучение составляет обязанность каждого воина, призванного на действительную службу.

Самое серьезное внимание наших авторов привлекает проблема морального состояния армии — ими разработан комплекс мероприятий, которые в конечном счете преследуют главную цель: обеспечить моральное пре-

⁶⁶ *Onasander*, IX, 2—3, p. 406—408; X, 1, p. 408.

⁶⁷ *Mauricius*, VIII, 2, 10, p. 206.

⁶⁸ *Ibid.*, VIII, 2, 14, p. 206.

⁶⁹ См. об этом: *Кучма В. В.* К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки. — ВО. М., 1977.

⁷⁰ *Onasander*, XXVII, p. 468.

⁷¹ *Ibid.*, VI, 9, p. 400.

⁷² *Ibid.*, XII, 1—2, p. 434—436.

⁷³ *Mauricius*, VIII, 1, 3, p. 196.

⁷⁴ *Onasander*, XLII, 2, p. 508; *Mauricius*, VIII, 1, 1, p. 196.

⁷⁵ *Mauricius*, VIII, 1, 4, p. 198.

⁷⁶ *Ibid.*, VIII, 1, 2, p. 196.

⁷⁷ *Ibid.*, I, 6—8, p. 62—66.

восходство собственного войска над армией противника, поскольку в этом заключается одна из коренных причин конечного военного успеха.

У Онасандра все соображения по этому поводу отнесены непосредственно ко времени самого сражения. Ведя войско в бой, стратиг должен сохранять вид «веселый, радостный и неустрашимый»⁷⁸ — это производит даже большее впечатление, чем речь, произносимая стратигом перед битвой⁷⁹. Что же касается этой речи, то она должна быть построена таким образом, чтобы воодушевить робких и охладить пыл дерзких и безрассудных⁸⁰, ибо, пишет Онасандр в другом месте, «своевременная боязливость есть осмотрительная безопасность, равно как неуместная самоуверенность есть опасная дерзость»⁸¹. Если же войско охвачено страхом, рекомендуется ободрить его униженным, жалким видом неприятельских пленных⁸². Когда сражение уже началось, стратиг, объезжая войско, должен информировать своих воинов о достигнутых успехах, не останавливаясь перед прямым обманом. Воины, возбужденные битвой, принимают на веру любое известие — именно поэтому такие известия должны быть только приятными. «Обман необходим в решительном сражении», — подчеркивает Онасандр⁸³. Если же распустить слух, что убит командующий (или царь) неприятельского войска, то это придаст римлянам особые силы, полностью деморализует неприятеля и может решить исход всего сражения⁸⁴.

Героизм, усердие воинов необходимо по достоинству оценивать: «вознаграждения служат к чести тех, которые уже отличились, и побуждают к отличию тех, которые желают их приобрести впредь»⁸⁵. Рядовые могут быть поощрены оружием, украшениями, частью добычи; командиры — повышением по службе⁸⁶. Погибшие герои должны быть погребены с максимально возможными почестями⁸⁷, причем это нужно сделать невзирая ни на какие обстоятельства, независимо от того, закончился ли бой победой или поражением: «сие благочестивое дело есть священный долг перед погибшими и настоящая необходимость перед оставшимися в живых»⁸⁸. Как видим, Онасандр рассматривает данный сюжет как одно из самых серьезных оснований для формирования боевого морального духа армии.

Маврикий включает в свой трактат все эти онасандровские рекомендации⁸⁹, сопровождая их некоторыми уточнениями и разъяснениями. Похоронив с почестями своих погибших воинов, следует оставить на поле боя тела убитых врагов — это возбудит страх в неприятельском войске⁹⁰. Для того чтобы вдохновить армию на решающее сражение против неизвестного доселе могущественного народа, нужно предвзительно добиться маленького, частичного успеха, уничтожив или захватив в плен хотя бы нескольких неприятельских воинов. Развернув вокруг этого факта соответствующую «воспитательную» работу, можно обеспечить значительный подъем морального духа собственного войска⁹¹. Маврикий в принципе разделяет идею Онасандра о том, что устрашающее впечатление на врага может оказать блеск оружия и громкий боевой клич⁹², но уточняет, что, пока войска не сошлись, надо держать оружие в ножнах, шлемы нести в руках, а доспехи прикрывать щитами; лишь непосредственно перед столкновением нужно по сигналу обнажить оружие и сверкающую эки-

⁷⁸ *Onasander*, XIII, 1, p. 436.

⁷⁹ *Ibid.*, XIII, 3, p. 438.

⁸⁰ *Ibid.*, XIV, 1—2, p. 438—440.

⁸¹ *Ibid.*, XXXVI, 6, p. 492.

⁸² *Ibid.*, XIV, 3—4, p. 440—442.

⁸³ *Ibid.*, XXIII, 1, p. 462.

⁸⁴ *Ibid.*, XXIII, 2—3, p. 462—464.

⁸⁵ *Ibid.*, XXXIV, 2, p. 484—486.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 484.

⁸⁷ *Ibid.*, XXXIV, 1, p. 484.

⁸⁸ *Ibid.*, XXXVI, 1—2, p. 490.

⁸⁹ *Mauricius*, VIII, 1, 11, p. 198; VIII, 2, 42, 76, p. 212, 218.

⁹⁰ *Ibid.*, VIII, 1, 16, p. 198.

⁹¹ *Ibid.*, VII, 12, p. 172.

⁹² *Onasander*, XXVIII—XXIX, p. 468—472.

пировку — тогда этот внезапный блеск действительно вызовет желаемый эффект⁹³. Что касается боевого клича, то его следует использовать, особенно в задних рядах строя, для поддержки тех, кто сражается впереди, и для устрашения неприятеля⁹⁴, ибо «громкоголосое воинство благодаря своему боевому кличу является подходящим для приведения врагов в смятение»⁹⁵. Маврикий, однако, возражает против того, чтобы войско провозглашало «С нами бог!», бросаясь в атаку, поскольку это может вызвать замешательство среди воинов и напугать лошадей⁹⁶. Лучше троекратно провозгласить этот клич после молебна, при выходе из лагеря⁹⁷, а в ходе боя производить только общий возбуждающий шум.

Однако Маврикий не ограничивается лишь этими рекомендациями. Его основная идея заключается в том, что моральный фактор формируется не только во время сражения: он должен быть в центре внимания военачальников на любой стадии военной службы — со дня призыва рекрута до его окончательной демобилизации. С этой целью Маврикий рекомендует проводить в армии постоянную «политическую» работу. В свободное от военных занятий время следует собирать воинов по отдельным подразделениям и вести с ними беседы воодушевляющего характера, напоминая события славного прошлого, обещать от имени главнокомандующего награды наиболее отличившимся, изучать военно-дисциплинарный устав⁹⁸. По мнению Маврикия, очень важную роль в формировании морального фактора призвана сыграть религиозная служба в армии — ее организации в «Стратегиконе» уделено серьезное внимание. Более широкий, комплексный подход Маврикия к проблеме формирования морального фактора находит свое объяснение в особенностях современной ему византийской армии, — ее социальных, этнических и конфессиональных характеристиках, о чем уже было сказано ранее.

Составной частью общей подготовки армии к войне являлась организация разведывательной службы. Греко-римская военная теория уже выработала некоторые важнейшие принципы на этот счет: непрерывность поступления разведывательных данных, обязательность их сопоставлений и взаимопроверки, разнообразие источников разведывательной информации.

Еще до начала войны стратиг обязан собрать все возможные сведения о противнике — их внимательный анализ необходим для принятия окончательного решения относительно времени, места и условий предстоящей кампании. Большую ценность могут представить сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками. Переход воинов на сторону врага, отмечает Онасандр, — это нормальное явление армейской действительности: всегда найдутся такие, которые встанут на путь разглашения военной тайны ради получения почестей и наград⁹⁹. Следует всячески поощрять у врагов предательство — по мнению Онасандра, в этом нет ничего предосудительного или аморального¹⁰⁰. Посему полководец обязан в любое время дня и ночи принимать и выслушивать каждого, кто бы ни пожелал встретиться с ним для передачи сведений¹⁰¹. Важно лишь, чтобы они не принимались на веру без критического переосмысления: каждое из них должно быть сопоставлено с разведывательными данными, почерпнутыми из других источников, а сами перебежчики должны находиться под постоянным наблюдением, дабы исключить возможность предательства с их стороны¹⁰².

Поскольку неприятель тоже ведет разведку, в римское войско могут проникнуть вражеские лазутчики. Поступить с ними можно двояким

⁹³ *Mauricius*, VII, 15a, 1—2, p. 188.

⁹⁴ *Ibid.*, II, 17, 5, p. 96.

⁹⁵ *Ibid.*, VIII, 2, 38, p. 210.

⁹⁶ *Ibid.*, II, 17, 1, p. 94.

⁹⁷ *Ibid.*, II, 17, 2, p. 94—96.

⁹⁸ *Ibid.*, VII, 5, p. 168.

⁹⁹ *Onasander*, X, 23—24, p. 426.

¹⁰⁰ *Ibid.*, XXXVIII, 7—8, p. 498.

¹⁰¹ *Ibid.*, XI, 6, p. 434.

¹⁰² *Ibid.*, X, 15, p. 420.

образом. Если стратиг уверен, что его войско слабее неприятельского, их нужно умертвить. Если же римское войско хорошо вооружено и укомплектовано, все намеченные планы выполнены, воины хорошо обучены, а командиры искусны в военном руководстве, то таких лазутчиков следует отпустить восвояси: рассказав своему командованию о преимуществах римлян, они будут способствовать утверждению морального превосходства римского войска над неприятельским¹⁰³.

Основная масса разведывательных данных поступает все же не от перебежчиков, а от собственных разведчиков. Это могут быть либо отдельные наблюдатели, либо небольшие по численности группы, как пешие, так и конные. Онасандр дает понять, что разведчиков необходимо готовить: они должны уметь определить примерную численность вражеского войска по размерам и конфигурации лагеря, помня, что его круглая форма уменьшает фактическую численность войска, а продолговатая увеличивает. Войско одной и той же численности, будучи расположенным на возвышенностях и высотах, займет большую площадь, чем на равнине. Разведчики должны овладеть этими и подобными познаниями, поскольку ошибки в определении численности вражеского войска могут обернуться самыми опасными последствиями¹⁰⁴.

Смысл всех мероприятий разведывательного характера состоит в том, чтобы выведать военную тайну противника, одновременно не допустив, чтобы ему стали известны военные планы римлян. Поэтому Онасандр рекомендует тщательно скрывать все свои замыслы вплоть до перехода к их непосредственной реализации¹⁰⁵.

В трактате Маврикия эти идеи получают дальнейшее развитие. Выработка военных планов должна происходить в ходе совещаний с участием многих людей, но, когда план уже намечен, о нем надлежит знать лишь немногим доверенным лицам¹⁰⁶. Еще лучше, если план составлен самим стратигом и им же осуществлен. Если же этот план стал известен неприятелю, его надо немедленно переменить¹⁰⁷. Самые лучшие военные планы, подчеркивает Маврикий след за Вегецием¹⁰⁸, — это те, о которых неприятель не подозревает до самого их претворения в жизнь¹⁰⁹.

Тщательная разведка положения дел в неприятельской армии — непременное условие военного успеха: «Следует разведать все, что делается у противника, парализовать все, что может его усилить, и воспользоваться всем, что может его ослабить»¹¹⁰. Опасно ввязываться в сражение, пока нет четкого представления о планах, намерениях противника и неясно его построение¹¹¹. Маврикия известны все рекомендации Онанандра относительно вражеских перебежчиков и лазутчиков; добавлен лишь способ поимки вражеских шпионов, проникших в расположение войска. Он основывается на традиции, ведущей начало со времен Полибия, и описан в трактате Вегеция¹¹², а также у «Византийского Анонима VI века»¹¹³. Нужно исходить из предположения, что каждый воин имеет свое собственное, строго определенное место в лагере. По заранее согласованному сигналу все воины должны войти в палатки под страхом серьезного наказания для тех, кто останется снаружи. В этих условиях шпион будет непременно

¹⁰³ Ibid., X, 9, p. 416.

¹⁰⁴ Ibid., X, 16—20, p. 422—424.

¹⁰⁵ Ibid., X, 22—23, p. 426.

¹⁰⁶ *Mauricius*, VIII, 1, 8, p. 198; VIII, 2, 63, p. 214.

¹⁰⁷ Ibid., VIII, 2, 19—20, p. 206—208.

¹⁰⁸ *Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. — ВДИ, 1940, № 1 (далее: *Вегеций*), III, 26, с. 278.

¹⁰⁹ *Mauricius*, VIII, 2, 5, p. 204.

¹¹⁰ Ibid., VII, 1, 5, p. 166.

¹¹¹ Ibid., VII, 3а, p. 176.

¹¹² *Вегеций*, III, 26, с. 279.

¹¹³ *Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft*. — In: Köchy H., Rüstow W. *Griechische Kriegsschriftsteller*, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855, XXVIII, 7, p. 142.

схвачен либо в палатке, если он решится туда войти, либо на территории лагеря, по которой будут курсировать особые патрули ¹¹⁴.

В отличие от Онасандра, Маврикий полагает, что более ценную разведывательную информацию могут доставить не перебежчики, а пленные — поэтому допрашивать их следует лично главнокомандующему ¹¹⁵. Гораздо более подробно пишет Маврикий о разведчиках. В его времена — это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (два человека на каждую тагму) ¹¹⁶, с профессиональной подготовкой, с четкими задачами ¹¹⁷. Среди тех качеств, которыми должны обладать разведчики, названы трезвость, бдительность, неустрашимость, а также хорошие внешние данные ¹¹⁸.

Определенное отражение получила в обоих трактатах теория сторожевой и караульной службы. У Онасандра этому сюжету посвящены лишь два отрывка. В одном из них речь идет о ночных часовых: они должны быть распределены по сменам и нести свою службу в течение определенного (притом непродолжительного) времени. Находясь на посту, часовой обязан непременно стоять на ногах, а не сидеть и не лежать. Рекомендуются зажечь костры, но располагаться не вблизи них, а поодаль, чтобы свет костров препятствовал тайному приближению вражеских разведчиков ¹¹⁹. В другом месте ¹²⁰ говорится об охране фуражиров, направленных для сбора добычи: для этого выделяются конные или пешие воины, находящиеся в полном вооружении, в строгом боевом порядке. Конечно, этот второй сюжет может быть отнесен к области сторожевой службы весьма условно: здесь рекомендации Онасандра не отличаются четкостью (не сказано ни о численности, ни о местоположении, ни о конкретных обязанностях сторожевой группы). Однако мы все же считаем возможным рассматривать данное обстоятельство в указанной связи, поскольку именно так трактуется аналогичный сюжет в более поздних памятниках военной литературы, например, в «Стратегиконе».

По свидетельству Маврикия, выдвинутые вперед сторожевые посты выполняют двойную функцию: с одной стороны, они ведут разведку неприятельской армии, с другой — препятствуют разведывательным действиям противника ¹²¹. Они должны располагаться в укрытых местах, на определенных интервалах друг от друга и поддерживать между собою постоянную связь, особенно ночью, чтобы неприятель не смог воспользоваться их малочисленностью и захватить их ¹²². Сторжевые посты составятся из легковооруженных кавалеристов, специально обученных, «крепких телом и душою», умеющих отлично владеть оружием, чтобы с честью выходить из стычек с неприятелями; если же они будут захвачены, то должны внушить неприятелю уважение к себе ¹²³. Командирами этих сторожевых постов надо назначать людей бдительных, осмотрительных, опытных — от них требуется не столько храбрость, сколько благоразумие ¹²⁴. Сторжевые посты набираются из различных подразделений и располагаются не в один эшелон, а в три, причем посты, выдвинутые наиболее далеко вперед, имеют наименьшую плотность, а посты третьего эшелона (ближайшие к собственному войску) — наибольшую ¹²⁵. Маврикий рекомендует периодически проверять правильность несения сторожевой службы, поручая это надежным архонтам; дозорные, уличенные в небрежности, должны

¹¹⁴ *Mauricius*, IX, 5, 20, p. 246.

¹¹⁵ *Ibid.*, IX, 3, 5—6, p. 230.

¹¹⁶ *Ibid.*, II, 10, p. 88—90.

¹¹⁷ *Ibid.*, VII, 13a, 1—4, p. 186.

¹¹⁸ *Ibid.*, II, 10, p. 88—90.

¹¹⁹ *Onasander*, X, 10—12, p. 416—418.

¹²⁰ *Ibid.*, X, 8, p. 414.

¹²¹ *Mauricius*, VII, 4, p. 168.

¹²² *Ibid.*, IX, 5, 8, p. 242.

¹²³ *Ibid.*, IX, 5, 10, p. 242—244.

¹²⁴ *Ibid.*, IX, 5, 11, p. 244.

¹²⁵ *Ibid.*, IX, 5, 14, p. 244.

быть сурово наказаны, поскольку их беспечность может явиться причиной гибели всего войска ¹²⁶.

Маврикий дает понять, что выделенные в дозор воины обладают специальной подготовкой. Они могут, даже не видя неприятеля, судить о его численности — по следам лошадей, по размерам лагеря; они должны уметь определить время его прохождения через данный пункт, длительность его стоянок и т. д. ¹²⁷

Задача этих сторожевых постов, кроме сбора разведывательных данных, — захват одиночных воинов противника («языков»), отражение нападения неприятельских патрулей, а также поимка дезертиров и перебежчиков из собственного войска. Именно по последней причине, указывает Маврикий, месторасположение дозоров должно быть тайной не только для неприятеля, но и для собственного войска ¹²⁸.

Помимо подвижных сторожевых постов, нужно иметь в виду возможность использования усиленного сторожевого охранения, причем не только с той стороны, откуда ожидается неприятель, но и с противоположной. Кроме того, 15—20 человек располагаются в тылу, на расстоянии до 1000 шагов от основных сил, — они должны быть хорошо вооружены и состоять под командой надежного командира. Их цель — сигнализировать о попытках неприятельского удара с тыла, а также следить за собственными воинами, отстающими от строя вследствие болезни, ранения или других причин ¹²⁹.

Караульные посты необходимы и для охраны лагеря, особенно во время осады вражеского города, — очевидно, для пресечения вылазок осажденных ¹³⁰. Особые посты (двойные или даже тройные) создаются с целью охраны подразделений, выделенных для сбора продовольствия в неприятельской земле, или лошадей, выгнанных на пастбище. Выдвинутые далеко вперед, отделенные друг от друга значительными промежутками, эти посты должны время от времени сменяться, поскольку такого рода служба требует от воинов максимального напряжения ¹³¹.

Как можно заключить, «Стратегикон» Маврикия знаменует более высокую ступень в развитии теории разведывательной, сторожевой и караульной служб, чем это отражено в трактате Онасандра. Усложнившаяся структура византийской армии, более дифференцированная специализация ее различных подразделений, возросший объем задач, решаемых в ходе военных кампаний, усилили внимание теоретиков и практиков к вопросам обеспечения безопасности войска, повышения его неуязвимости. Отсюда — совершенствование уже известных, апробированных и поиск новых средств укрепления общей жизнеспособности армии, улучшения организации и деятельности всех составляющих ее частей и элементов.

(Окончание следует)

¹²⁶ Ibid., IX, 5, 15, p. 244.

¹²⁷ Ibid., VIII, 2, 30—31, p. 240; IX, 5, 1—6, p. 240—242; IX, 5, 16, p. 244.

¹²⁸ *Mauricius*, IX, 5, 18—19, p. 244—246.

¹²⁹ Ibid., IX, 3, 30, p. 236.

¹³⁰ Ibid., VIII, 1, 33, p. 202.

¹³¹ Ibid., IX, 3, 25—26, p. 234—236.

С. А. ИВАНОВ

ОБОРОНА БАЛКАНСКИХ ПРОВИНЦИЙ ВИЗАНТИИ И ПРОНИКНОВЕНИЕ «ВАРВАРОВ» НА БАЛКАНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI В.

Динамика освоения «варварами», прежде всего славянами, Балканского полуострова остается, несмотря на многочисленные исследования, еще далеко не проясненной. Если исходить из информации, сообщаемой в источниках *expressis verbis*, то приходится считать, что впервые славяне зазимовали южнее Дуная в 550 г., уже к 577 г. они практически безнаказанно разоряли весь полуостров, а с 602 г. стали там селиться огромными массами.

Столь относительно быстрое развитие событий всегда внушало исследователям подозрения; в разных работах время первого появления славян на Балканах отодвигалось то к концу V в. (П. Шафарик, В. Златарский, С. Станоевич, М. В. Левченко, П. Н. Третьяков и др.), то к началу V в. (А. Гильфердинг, Х. Рачки), во II—III вв. (М. Дринов, К. Иречек, Л. Нидерле, С. Бобчев), в I в. (А. В. Мишулин); иногда славяне объявлялись автохтонным населением Балкан (Н. С. Державин). Столь же неустойчива и хронология массового заселения полуострова. Здесь подчас наблюдается уже другая крайность: данные и без того немногочисленных источников ставятся под сомнение, а появление первых славянских поселений на Балканах датируется серединой или даже концом VII в.

К сожалению, до сих пор к югу от Дуная не найдено достоверно славянских археологических материалов, относящихся к VI в., так что и археология не в состоянии определить первый этап славянизации. К этапу зрелой колонизации относится также и массовый топонимический материал — а славянское происхождение некоторых топонимов, синхронных интересующему нас периоду, является предметом ожесточенных дискуссий среди лингвистов. Нет среди них единогласия и о путях проникновения славян на Балканы, и о его глубине, и о направлениях миграций. Без решения же этих вопросов трудно браться за другие: об изначальных плацдармах «варварских» вторжений, о взаимоотношениях «варварских» народов и взаимозависимости их нападений; о степени когерентности пришедших в движение масс и в конечном счете об уровне их социальной организации и хозяйственном укладе.

При постановке всех этих проблем мы, как и прежде, можем опираться пока исключительно на скудные свидетельства письменных источников. Главное место среди них по праву принадлежит трудам Прокопия Кесарийского, первым в мировой историографии нарисовавшего картину жизни древних славян и их борьбы с Византией на протяжении полувека. Сообщения Прокопия не раз становились объектом тщательного изучения, но при этом исследовались главным образом те пассажи, в которых славяне упоминаются как непосредственные участники событий. Между тем многие разделы, в которых о самих славянах не говорится ни слова, могут дать для их истории немало новых данных.

Рассмотрим в этом плане информацию Прокопия о крепостном строительстве во внутренних областях Балкан. Его труд «О постройках» содержит обширные списки фортификаций, воздвигнутых или отремонтиро-

ванных по приказу императора Юстиниана. Эти списки не раз использовались лингвистами¹, которые либо находили славянскую этимологию у того или другого названия, приведенного Прокопием, либо, напротив, отрицали ее. Однако нам неизвестны исследования, где данные трактата «О постройках» рассматривались бы не как результат славянской колонизации, а в качестве свидетельства усилий по ее предотвращению, — хотя сама мысль о возможности подобного прочтения Прокопия высказывалась в научной литературе². Обоснование такого подхода к нашему источнику мы пытались дать в другом месте³. Там мы изучали обороноспособность Дунайского Лимеса, сравнивая информацию о нем у Прокопия с известными более ранних источников и стараясь понять, на каких конкретных участках границы Византия готовилась отразить «варварские» нападения. Главной посылкой исследования являлось то соображение, что константинопольский «генштаб» был хорошо осведомлен о реальной военно-политической ситуации и что дорогостоящее крепостное строительство велось со строгим ее учетом. Таким образом, предполагалось, что в трактате «О постройках» содержится в зашифрованном виде карта «варварских» вторжений.

Приступая теперь к рассмотрению положения дел на внутренних территориях империи, мы продолжаем исходить из вышеизложенной посылки, однако осуществление нашего замысла осложняется тремя обстоятельствами. Во-первых, если все крепости, составлявшие Лимес, поддаются более или менее точной локализации, то из более чем 600 укреплений к югу от Дуная, перечисленных Прокопием, географическую привязку имеют около ста, и нет надежды, что познания историков обогатятся в обозримом будущем; следовательно, и локализация славянских проникновений может здесь иметь лишь самый общий характер. Во-вторых, в отношении внутрибалканских земель не прослеживается никакой преемственности в топонимии между географическими источниками II—VI вв. и Прокопием: поэтому в отличие от Лимеса, здесь нельзя, наложив одну картину на другую, установить динамику фортификационной активности в разных областях. В-третьих, в рассказе о Лимесе Прокопий подробно объясняет, в какой мере была отремонтирована каждая крепость, разделы же о внутренних провинциях часто представляют собой простые перечисления этих крепостей. В результате всего сказанного нам придется здесь упростить ту комбинированную категорию, которую в работе о дунайских крепостях мы условились называть «баллом опасности»: крепость, подвергшаяся какой бы то ни было починке, ремонту, перестройке или расширению, оценивается в 1 балл; построенная заново или восстановленная из руин — в 2 балла; обновление целой фортификационной системы, защищавшей перешеек или перевал, — в 4 балла. Если о каком-либо укреплении мы не узнаем от Прокопия ничего, кроме названия, то оно «получает» 1 балл. Главным нашим ориентиром будут названия провинций, стоящие в заглавиях Прокопиевых списков. Высчитав сколько-нибудь точно площадь этих провинций, мы сможем установить плотность их обороны и понять, какие из них испытывали большую опасность «варварских» вторжений, какие — меньшую.

Нам могут возразить, что какое-то укрепление могло ко времени ревизии не нуждаться в ремонте, какое-то — ремонтироваться не от случая к случаю, а «текущим порядком», постоянно, так что не было надобности и рапортовать об этом. Присмотримся, однако, повнимательнее: в 480 г. землетрясение длится на Балканах целых 40 дней; в 518 г. лишь в одной

¹ Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София, 1958; Beševliev V. Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk «De Aedificiis». Amsterdam, 1970. (Далее: Beševliev).

² Koder J. Zur Frage der slavischen Siedlungsgebiete im mittelalterlichen Griechenland. — BZ, 1978, v. 71, N 2, S. 315; Hood M. S. An Aspect of the Slav Invasions of Greece in the Early Byzantine Period. — Sborník národního musea v Praze, 1966, t. 20, N 1/2, p. 166.

³ Иванов С. А. Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI века. — ВВ, 1983, 44.

провинции, притом от единственного толчка, гибнет сразу 24 крепости ⁴; в 551 г. в Греции землетрясение разрушило 8 городов и бесчисленное множество деревень ⁵ и т. д. Даже устоявшие при толчках стены сильно изнашивались и нуждались в частом ремонте. Так, Длинные стены Константинополя были построены Анастасием в 512 г., а уже в 40-х годах Юстиниан вынужден был их чинить ⁶. Между тем в 557 г. они опять пришли в негодность ⁷. С другой стороны, поскольку трактат «О постройках» преследовал официально-пропагандистские цели (сколько бы издевательского подтекста ни вкладывал в него Прокопий ⁸), в заслугу Юстиниану там было поставлено все, даже самый мелкий ремонт, причем произведенный не только в его собственное царствование, но также в правление Юстина I и отчасти Анастасия ⁹. Учитывая все это, можно с уверенностью утверждать, что Прокопий упоминает в своем сочинении все крепости, которые со стратегической точки зрения представляли интерес для Константинополя.

Исследуя укрепленность границы, мы принимали за линейную единицу измерения участок длиной в 30 км. Теперь нам придется иметь дело исключительно с объектами, измеряемыми по занимаемым ими площадям. Это и понятно: оборонная доктрина Юстиниана состояла в том, что, коль скоро врагу все же удастся прорваться через Лимес, попытки остановить его на каком-нибудь другом рубеже, до самых Длинных стен Константинополя, ни к чему не приведут. Поэтому глубокая оборона строилась скорее по принципу сетки, чем цепи: она должна была, во-первых, изматывать противника у стен каждой маленькой крепости, а во-вторых, предоставлять убежище возможно большому количеству местного населения. Принципиальная задача отпора неприятелю перекладывалась на полевую армию. При таких обстоятельствах выделять на Балканах какие-то другие линии обороны, кроме Лимеса (обычно второй линией считают Стару-Планину, а третьей — Странджийский хребет ¹⁰⁻¹¹), следует с осторожностью: эта гипотеза не только противоречит вышеизложенной доктрине, но и не подтверждается археологической картой раскопанных до сих пор крепостей. Идея же обороны по квадратам, которой мы в дальнейшем и будем руководствоваться, находит чрезвычайно рельефное воплощение в следующих словах самого Прокопия: «Желая превратить реку Истр в мощнейший заслон для . . . всей Европы, Юстиниан опоясывает берег реки частыми укреплениями . . . и повсюду располагает воинские гарнизоны, чтобы наверняка обуздать тамошних варваров в их попытках переправиться. Но даже когда эти мероприятия были завершены, он, считая все человеческие надежды не заслуживающими доверия и обманчивыми, рассудил, что если врагам тем или иным способом удастся переправиться, то они обрушатся на совершенно незащитные поля, угонят в рабство все население и разграбят все добро. Юстиниан не удовольствовался тем общим и единственным заслоном, который составляли укрепления на реке, но создал также и дробную оборону: он так плотно расположил укрепления по населенным пунктам, чтобы каждое поле либо обладало собственной крепостью, либо имело по соседству что-нибудь, защищенное стенами» (Ае., р. 106.21—107.12).

Мы будем рассматривать положение в балканских провинциях, как бы передвигаясь с юга на север и с запада на восток. Остановимся сначала

⁴ *Marcellini Comitis Chronicon*. — In: MGH. AA. V., 1894, v. XI, II, fasc. 1, p. 92, 100.

⁵ *Procopii Caesariensis Opera omnia* / Ed. J. Hauriy. Lipsiae, 1963, v. II, p. 627.4—628.16.

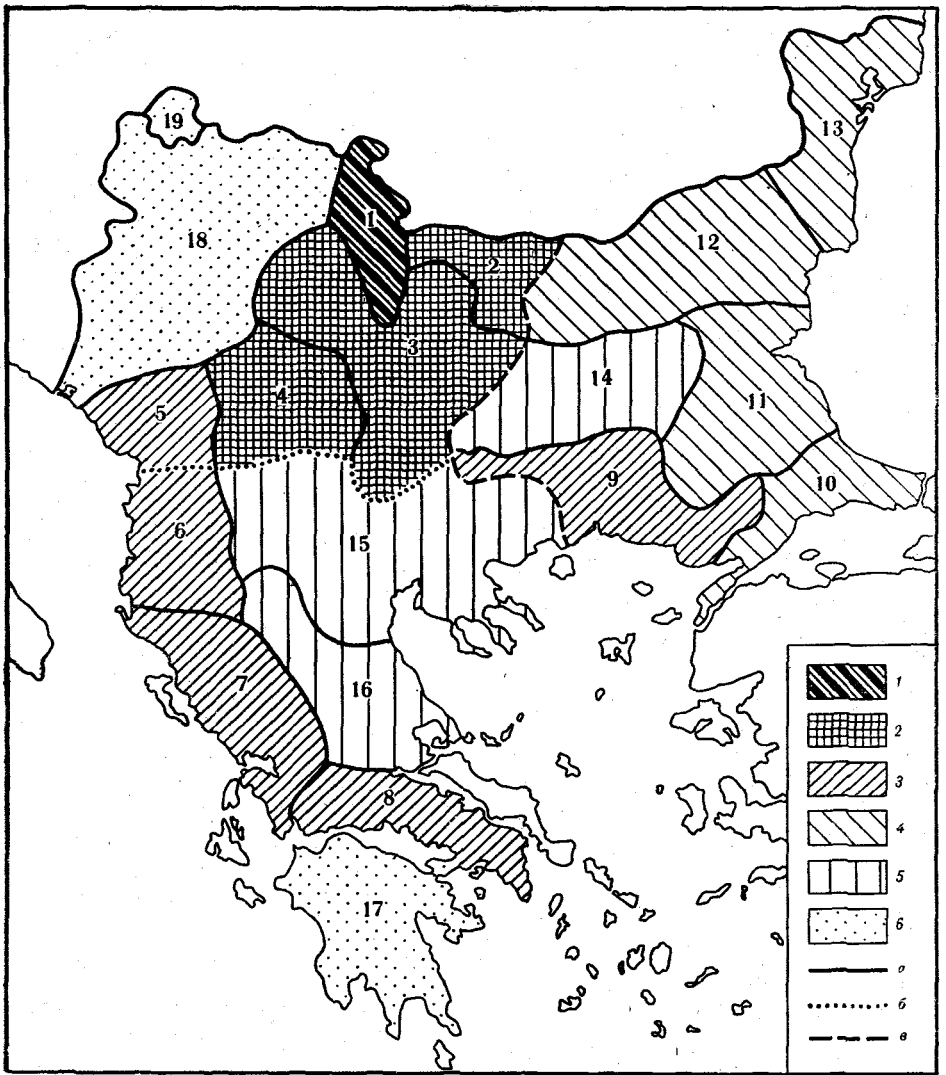
⁶ *Procopii Caesariensis Opera omnia* / Ed. J. Hauriy. Lipsiae, 1964, v. IV. De Aedificiis. libri VI (далее: Ае.), p. 138.4—15.

⁷ *Agathiae Historia*. — ИБИ, 1959, т. III, с. 188.

⁸ См.: *Rubin B.* Das Zeitalter Justinians. B., 1960, S. 174; *Gantar K.* Kaiser Justinian «jenem Herbststern gleich». — *Museum Helveticum*, 1962, N 19; *Idem.* Der betrogene Justinian. — BZ, 1963, Bd. 53, N 1.

⁹ *Иванов С. А.* Оборона Византии. . . , с. 30.

¹⁰⁻¹¹ *Weithmann M.* Die slavische Bevölkerung auf der Griechischen Halbinsel. München, 1978, S. 70; *Овчаров Д.* Византийски и български крепости V—X вв. София, 1982, с. 19—20.

Иллирик и Фракия в 535—560 гг.

Административное деление: 1 — область Аквес; 2 — Прибрежная Дакия; 3 — Внутренняя Дакия; 4 — Дардания; 5 — Превалитана; 6 — Новый Эпир; 7 — Старый Эпир; 8 — Ахайя (без Пелопоннеса); 9 — Родопа; 10 — Европа; 11 — Гемимонт; 12 — Нижняя Мезия; 13 — Малая Скифия; 14 — Фракия; 15 — Македония; 16 — Фессалия; 17 — Пелопоннес (часть Ахайи: не укреплен); 18 — Верхняя Мезия; 19 — Баценская область Нижней Паннонии.

Плотность обороны в условных единицах: 1 — 96—100; 2 — 86—95; 3 — 66—85; 4 — 46—65; 5 — 1—45; 6 — 0.

a — границы провинций; б — границы диоцезов; в — границы префектур

на Praefectura pretorii per Illyricum — эта административная единица охватывала все византийские территории, говоря схематично, к западу от рек Вита и Месты. Префектура делилась на два диоцеза — Дакию и Македонию. Первая, самая южная провинция диоцеза Македония — это Ахайя, занимавшая южную часть современной Греции (провинция Крит не представляет интереса для нашей темы). Северная граница Ахайи проходила от залива Малиакос по южной оконечности долины Сперхея, далее на запад до горы Тимфростос и от нее — на юго-запад, примерно по Ахелю¹². Таким образом, территория провинции — 38 тыс. км².

¹² Jones A. H. The Later Roman Empire. 284—602. Oxford, 1964, v. V, карта № 6.

Юстиниан отказался от каких бы то ни было фортификационных мероприятий на Пеллопоннесе, ограничившись укреплением Истмийского перешейка (Ае., р. 112.4—12)¹³ — 4 балла.

С севера доступ в провинцию закрывали Фермопилы — там были воздвигнуты новые оборонительные сооружения большой мощности (Ае., р. 108.10—109.19), а издревле существовавшая тут крепость — усилена (Ае., р. 108.16—20). К югу от этой фортификационной системы был возведен ряд укреплений¹⁴ — Прокопий не говорит сколько, но сообщает, что численность гарнизонов составляла 2 тысячи (Ае., р. 109.23—110.11; таких сведений он нигде больше не приводит). Оценим условно мощность обороны этого района в 15 баллов.

К северу от Фермопил, по правому берегу Сперхея, были укреплены 6 пунктов (Ае., р. 110.13—17), из которых локализуется один¹⁵. Общий балл этих крепостей — 12. В том же районе Юстиниан восстановил два давно разрушенных укрепления (Ае., р. 110.17—111.5)¹⁶ и связал их между собою стеной, перегородив таким образом перевал (Ае., р. 111.5—11). Суммарная условная мощность образовавшегося комплекса — 8 баллов.

Не полагаясь на одни только фермопильские укрепления, Юстиниан решил, по словам Прокопия, обезопасить каждый греческий город в отдельности (Ае., р. 111.19—112.3). Реально перечислены: Коринф, Афины, Платеи и «беотийские города» — их обветшавшие стены были поправлены (Ае., р. 111.14—19). Допустим, что были отремонтированы девять главных укреплений Беотии¹⁷. Кроме того, сам Прокопий в другом месте (Ае., р. 114.17—115.2 — текст, к сожалению, испорчен) говорит, видимо, об укреплении переправы на остров Эвбею. Суммарный балл — 13.

Наконец, имеется ряд укреплений, которые пропущены Прокопием, но относительно которых археологи, исходя из характера кладки (так называемый эмплектон), утверждают, что они были воздвигнуты при Юстиниане. Таковы Элатия¹⁸, Потидея, монастырь Дафни¹⁹.

Итак, если суммировать мощность всех оборонных сооружений Ахайи (4+15+12+8+13+3), то получится число 55 баллов. Разделив площадь провинции на суммарную мощность ее укреплений, определяем плотность обороны — 690 единиц. Если же учесть, что территория, где реально велось строительство (т. е. без Пеллопоннеса), равнялась 16.500 км², то эта величина для данной территории снижается до 300 единиц.

Переходим к провинции Старый Эпир. На юго-востоке он граничил с Ахайей; его восточная граница тянулась от горы Тимфростос на северо-северо-запад, по хребту Пинд — до истоков реки Альякмон, а оттуда поворачивала на запад и выходила к морю у мыса Гюхеза²⁰. Площадь этой провинции — примерно, 19 тыс. км².

Часть укреплений Старого Эпира Прокопий называет в нарративной части трактата «О постройках», часть — в сводных списках, т. е. простым перечислением. По приказу Юстиниана два города и 23 крепости в этой провинции были приведены в состояние боеготовности (Ае., р. 107.14—

¹³ См.: Hood M. Archaeology in Greece, 1954. — The Journal of Hellenic Studies, 1955, v. 75, p. 7.

¹⁴ Сравнение данных Прокопия с результатами археологических изысканий показывает хорошую осведомленность историка в вопросе о застройке Фермопил. См.: McKay P. A. Procopius' De Aedificiis and the Topography of Thermopylae. — American Journal of Archaeology, 1963, v. 67, N 3, p. 241.

¹⁵ Honigmann E. Le Synekdémios d'Hiéroklys et l'opuscule géographique de Georges de Chypre. Bruxelles, 1939 (далее: Synekd.), p. 642.7. В целях экономии места мы опускаем названия пунктов локализации.

¹⁶ Koder J., Hild F. Tabula Imperii Byzantini, I. Hellas und Thessalia. Wien, 1976 (далее: Tabula), S. 172; Cherf W. A Justinian Fortification near Thermopylae. — In: VII Annual Byzantine Studies Conference. Abstract, 1981, p. 7—8.

¹⁷ Synekd., p. 643.10; 11; 644.3—7; 645.4—5; 9.

¹⁸ Tabula, S. 153.

¹⁹ Daly L. Echinus and Justinian's Fortifications in Greece. — American Journal of Archaeology, 1942, v. 46, N 4, p. 506—507.

²⁰ Jones A. H. The Later Roman Empire. . . , карта № 6.

16; 118—8—35), три города и 12 крепостей отстроены заново (Ае., р. 107.16—108.4; 117.51—118.7). Из всех крепостей ни одна не локализуется, зато города хорошо поддаются отождествлению²¹. К ним можно добавить еще Додону, поскольку ее реконструкция при Юстиниане археологически доказана²², а считать, что она уже названа Прокопием под другим именем, нельзя²³. Суммарная мощность обороны провинции — 56 баллов, следовательно, ее плотность — 339 единиц.

Провинция Фессалия на западе граничила со Старым Эпиром, а на юге — с Ахайей. На северо-западе ее граница шла от истоков Альякмона к озеру Преспа, от него поворачивала на юго-юго-восток по хребту Вернон, затем отклонялась к востоку, достигала горы Олимп и выходила к Эгейскому морю у мыса Малатра²⁴. Таким образом, площадь провинции — 20 тыс. км².

Крепостям Фессалии посвящена полностью 3-я глава IV книги трактата «О постройках». Один город был отстроен заново (Ае., р. 112.14—28); отреставрированы еще 11 (Ае., р. 112.28—113.5; 9—11; 114.3—6) — все они локализованы²⁵. В сводных списках приведены названия еще 7 отреставрированных крепостей (Ае., р. 119.31—39), из которых идентифицируется только одна²⁶. Общий балл провинции — 20. Плотность обороны — 1000 единиц.

Провинция Новый Эпир на юге граничила со Старым Эпиром, на юго-востоке — с Фессалией; ее восточная граница шла между озерами Преспой и Охридское к востоку от современного Охрида, а дальше — на север, по горам Малешат, Петринска, Турис и Дешат. Оттуда она поворачивала на запад и выходила к Дринскому заливу Адриатического моря²⁷. Площадь Нового Эпира — приблизительно 17 тыс. км². Укрепления этой провинции названы в трактате «О постройках» списком: построены 32 новых крепости, отреставрированы — 26 (Ае., р. 116.23—117.50). Но вот чтостораживает: во-первых, в этом списке мы находим *Σκυδρεῶν πόλις* (Ае., р. 117.31) — главный город провинции Превалитана (совр. Шкодер)²⁸; во-вторых, отдельно о такой провинции историк нигде не упоминает²⁹. С другой стороны, его слова о том, что Дардания находится «за пределами Эпидамния» (Ае., р. 104.26—27), т. е. за Новым Эпиром, становятся понятными лишь в том случае, если мы признаем, что в его состав входила и Превалитана. Остается предположить, что Юстиниан подчинил ее Новому Эпиру, и мы должны рассматривать их как одно целое, хотя формально Превалитана и относилась к другому диоцезу (Дакии). На юге она соседствовала с Новым Эпиром, ее восточная граница с Дарданией была продолжением эпиро-македонской границы: по горам Шар-Планина, а затем по Белому Дрину; на севере провинция граничила с Верхней Мезией где-то по горам Копривник, Комовки и Бьеласица, а на северо-западе выходила к Которскому заливу³⁰. Очень приблизительно очерчивается территория

²¹ Synek d., p. 651.4; 8; 652.5—7.

²² Wozniak F. Late Roman / Early Byzantine Fortifications in Epirus Vetus. — In: VI Annual Byzantine Studies Conference. Abstract, 1980, p. 36.

²³ Synek d., p. 651.5.

²⁴ Forbiger A. Handbuch der alten Geographie von Europa. Hamburg, 1877, v. III, S. 589; Коледаров П. Македония през античността (рукопись), с. 24. Пользуюсь случаем выразить признательность П. Коледарову, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с его работой в рукописи.

²⁵ Synek d., p. 642.2—5; 8—10; 12—13; Tabula, S. 144—145; 152; 158; 1966; 186—187; 198—199; 220; 238; 271—272; 277—278; Keramopoulos A. Wo lag die Kaisareia des Prokopius. — In: Actes du IVe Congrès International des études byzantines. Sofia, 1935, S. 408.

²⁶ Tabula, S. 121; 153; 164; 235; 240; 258.

²⁷ Коледаров П. Македония. . . , с. 24; Иванов Т. Абритуc. София, 1980, т. 1, карта.

²⁸ Synek d., p. 656.4.

²⁹ Правда, в «Истории» Прокопий говорит о Превалитане, называя ее *Πρέβαλις* (Bella, V, 15, 25), но, вероятно, имея в виду не провинцию, а историческую область.

³⁰ Иванов Т. Абритуc, карта; Jones A. H. The Later Roman Empire. . . , карта; Philippon A. Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden, 1939, S. 99; RE, 1954, Bd. 22, N 2, col. 1674.

в 12 тыс. км². Итак, общая площадь двух провинций — 29 тыс. км², а суммарный балл мощности их крепостей, из которых локализуется только одна ³¹, — 90. Плотность обороны — 322.

До 535 г. существовали две Македонии — Первая Македония и Македония Салютарис, но затем они были объединены ³², и у Прокопия мы уже встречаем единую Македонию ³³. На юге эта провинция граничила с Фессалией, потом ее территория прилегала к Эгейскому морю, захватывая полуостров Халкидики, и достигала на востоке залива Порто-Лаго. Оттуда граница с провинциями Родопа, а затем Фракия проходила на северо-запад по реке Нестос, потом по хребту Пирин. За горой Вихрен она сворачивала на запад, пересекала Струму при Кресне; за горой Кадица поворачивала на юго-запад, оставляя горы Малешевска-Планина в Македонии; достигая верховьев Струмицы, резко отклонялась на север и огибала Плачковицу; затем тянулась по южным отрогам гор Осоговска-Планина, плавно сворачивала на юго-запад, пересекала Вардар у впадения в него реки Пчиня и, наконец, в горах Дешати достигала точки, где сходились территории Македонии, Нового Эпира, Превалитаны и Дардании ³⁴. Западная граница с Новым Эпиром была описана выше. Площадь объединенной провинции Македония, таким образом, — 36 тыс. км².

В своих списках Прокопий приводит названия 46 отремонтированных крепостей (Ае., р. 118.36—119.30), из которых локализируются восемь ³⁵. Кроме того, в 3-й главе рассказано о восстановлении Юстинианом одного города и стены поблизости от него, преграждавшей доступ на полуостров Παλλήνη (совр. Касандра), а также о постройке новой крепости под Солунью (Ае., р. 115.2—116.5).

Итак, суммарный балл мощности македонских крепостей — 51, плотность обороны — 706 единиц.

Однако в той же главе говорится, что недалеко от Солуни Юстиниан построил крепость Артемисион, поскольку «эта область, при ее чрезвычайном изобилии, была совершенно открыта для варваров, не имея в пространстве в 40 миль ни крепости, ни какого-либо иного укрепления» (Ае., р. 115.27—116.2). Не совсем ясно, впрочем, какую реку Прокопий называет Ῥήχτος (Ае., р. 115.23—27; 116.2—5) ³⁶, но почти наверняка это одна из рек, впадающих в залив Термаикос. Следовательно, на его берегу (скорее всего, западном) очерчивается полукруг радиусом в 40 миль, в пределах которого была построена одна крепость, — значит, на прибрежном пространстве между Солунью и современной Верией, площадью примерно в 5500 км², плотность обороны существенно снижается, за счет чего в остальной Македонии (30 500 км²) она вырастает с 706 до 622 единиц (ведь плотность тем больше, чем меньше этот числовой показатель).

Переходим теперь к изучению провинций диоцеза Дакия. Первая из них — Дардания — на западе соседствовала с Превалитаной, на юге — с Македонией. Для выяснения контуров юго-восточной оконечности Дардании необходимо иметь в виду, что крепость Τάρκτορος относится у Прокопия

³¹ RE, 1954, Bd. 22, N 2, col. 1676.

³² Parazoglu F. La Macédoine Salulaire et la Macédoine Seconde. — Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale de Belgique, 1956, 5 série, v. XLII; Stein E. Histoire du Bas-Empire. P., 1949, v. II, p. 662, n. 1.

³³ Правда, после 535 г. объединены были также Македония и Дардания, но Прокопий тем не менее пишет о них раздельно. См.: Коледаров П. Македония. . . , с. 25.

³⁴ Parazoglu F. La Macédoine. . . , p. 123; Коледаров П. Македония. . . , с. 24; Белков В. Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959, с. 103; Aleksova V. Bargala-Archaeological Excavations in the Period from 1966 to 1970 and from 1970 to 1976. — Balcanoslavica, 1977, N 6, p. 92; Weithmann M. Die slavische Bevölkerung. . . , S. 55.

³⁵ ИБИ, 1959, т. III, с. 159, примеч. 6; с. 160, примеч. 2, 3; Vickers M. Where was Procopius' Therme? — Classical Review, 1974, v. 24, N 1, p. 11; Keramopulos A. Wo lag die Kaisareia. . . , S. 410.

³⁶ Во всяком случае, нельзя согласиться с идеей, будто это — совр. Кониос (Forbiger A. Handbuch. . . , S. 723): река сильно удалена от Солуни, а крепости, точно локализуемые на озере Волви, находятся слишком близко от Стримонского залива, чтобы говорить о полной незащищенности этого района.

к Внутренней Дакии (Ае., р. 122.16); этот пункт можно отождествить с Трапирара Певтингеровых таблиц³⁷, и следовательно, локализовать в 75 км к юго-западу от Pautalia (совр. Кюстендил), на античной дороге № 82, ведущей в сторону Stoboi (совр. Градско). Значит, юго-восточная граница Дардании проходила по южным отрогам Осоговской-Планины, но севернее долины реки Брегалница; в районе озера Калиманци она поворачивала на северо-запад и шла в этом направлении, через гору Руен и Велдбыждский перевал, к горе Бесна-Кюбила. Для определения северо-восточной границы Дардании важно выяснить местоположение трех пунктов, два из которых носят в Певтингеровых таблицах название Ad fines. Первый расположен был на берегу Моравы, второй — на реке Топлица; один локализуется у современного Владичин-Хан, другой — в Куршумлия³⁸. Значит, граница проходила через эти две точки. Третий интересующий нас пункт — это основанный Юстинианом большой город *Ἰουστινιανῆ Πρίμα*. Вопрос о том, где он находился, дебатировался в науке многие десятилетия³⁹. Сейчас можно считать установленным, что этому городу соответствует Царичин Град — развалины у современной Лебана⁴⁰. К какой провинции, однако, принадлежала Юстиниана-Прима? Гипотеза, относящая ее к Внутренней Дакии, строится на двух соображениях⁴¹: во-первых, Иоанн Антиохийский пишет, что город основан «около Наисса»; во-вторых, папа Григорий I обвиняет епископа Сердики в неподчинении епископу Юстинианы-Примы. Однако аргументы эти довольно шатки: Наисс действительно был самым близким к Юстиниане крупным городом — можно ли было описать положение нового города иначе, чем указав на ориентир? Что касается данных папы Григория, то и у него нет ни одного прямого указания на принадлежность Юстинианы. Зато слова Прокопия о том, что город основан в Дардании, звучат совершенно недвусмысленно (Ае., 104.26—106.4). Скорее всего, он находился почти на самой границе⁴². Итак, северо-восточный рубеж Дардании пролегал через Владичин-Хан — г. Влайна — Лебана — г. Радан — Куршумлия — река Топлица. Оттуда граница сворачивала на юго-запад, пересекала реку Ибар и вдоль гор Рогозина и Мокра-Гора выходила к Белому Дрину — границе с Превалитаной⁴³. Территория Дардании — 18 тыс. км².

В этой провинции Юстиниан укрепил и расширил свою родную деревню (Ае., 105.1—6), починил одну крепость (Ае., 106.5—6), один город (Ае., 106.6—13), единственный, который локализуется⁴⁴, основал еще один, Юстинуполь (Ае., р. 106.13—15). О Юстиниане-Приме мы уже говорили. В сводных списках Прокопий приводит названия 8 вновь построенных и 61 отремонтированной крепости (Ае., р. 119.40—120.54), из которых локализуется не более трех⁴⁵; совпадение одного названия (*Δαρδάρα*) в списках для Дардании и Внутренней Дакии (Ае., р. 120.27—123.39) указывает как будто, что эта крепость находилась где-то между ними⁴⁶, не более того.

Общий балл всех укреплений Дардании (7+16+61) равняется 84, а их плотность — 214 единицам.

О провинции Верхняя Мезия, самой северо-западной из византийских провинций, Прокопий не говорит ни слова. Формально ее западная гра-

³⁷ Miller K. *Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916 (далее: Itin.), S. 579.

³⁸ Itin., S. 557—558, карта № 177.

³⁹ *Баришић Ф.* Досадашњи покушаји убикције града Justiniana Prima. — Сборник филозофског факултета. Универзитет Београд, 1963, VII, № 1.

⁴⁰ *Кондић В., Поповић В.* Царичин Град. Београд, 1977, с. 301, 303.

⁴¹ Там же, с. 369; *Баришић Ф.* Досадашњи покушаји..., с. 139.

⁴² *Zeiller J.* Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennes de l'empire Romain. P., 1918, p. 387.

⁴³ *Иванов Т.* Абригус, карта. Мы не можем согласиться с предположением, будто Дардания простиралась на северо-запад вплоть до Титово-Ужице (*Parazoglu F.* Le municipium Malvesatium et son territoire. — *Živa Antika*, 1957, VII, p. 121, n. 24).

⁴⁴ *Syneked.*, p. 656.2; Itin., S. 572.

⁴⁵ ИБИ, 1959, т. III, с. 161, примеч. 1, 2; Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. 1, с. 61, примеч. 133.

⁴⁶ *Beševliev.*..., S. 71.

ница проходила по Дрину, а северная — по Саве и Дунаю, но фактически эта территория уже давно была ареной жестоких непрекращавшихся войн гепидов, готов, герулов, лангобардов друг с другом и с империей⁴⁷. Вполне естественно, что вести там сколько-нибудь планомерные фортификационные работы было невозможно; тот район Мезии, который все же находился под византийским контролем — участок дунайской границы от Сингидона (совр. Белград) до Железных Ворот (оборонные мероприятия Юстиниана в этом районе рассмотрены нами в статье о Лимесе⁴⁸), причислен Прокопием к провинции Прибрежная Дакия (Ае., р. 125.23—127.8), что лишней раз доказывает фиктивность существования Верхней Мезии как административной единицы.

Перейдем теперь к провинции Внутренняя Дакия. На юго-западе она граничила с Дарданией, на юге — с Македонией. Достигнув Пирина, граница поворачивала на северо-восток и по хребту Рилы выходила к Марице, пересекала ее и шла к горам Троянска-Планина; там она резко отклонялась на северо-запад, тянулась вдоль северных отрогов гор Стара-Планина севернее линии Мездра — Враца — Михайловград, где-то в районе Широка-Планина совершала резкий крен на юг и, обогнув современный Пирот, опять шла на северо-запад, сначала южнее реки Трговипки-Тимок, потом — на горы Ртань; в районе гор Беяница граница описывала дугу, пересекала Мораву севернее пункта Горни-Видовац и шла на юг по горам Самар, Желив, Копанник, пока не достигала Дардании⁴⁹. Таким образом, очерчивается территория примерно в 35 тыс. км².

Внутренняя Дакия нигде в трактате «О постройках» не упомянута как единое целое — она разделена на 4 региона и 8 областей, каждая из которых фигурирует у Прокопия под собственным именем. Первый регион, подчиненный городу *Σαρδική* (совр. София), состоял из области вокруг собственно этого города, из области, названной *Καβερτζός* (локализуется к северу от Софии в районе современных Враца и Берковица), и из области, название которой в тексте Прокопия испорчено (находилась к северо-востоку от Софии в районе современных Златицы, Пирдона, Этрополе, Ботевграда и Тетевена; отделялась от *Καβερτζός* рекой Искыр⁵⁰).

В первой области, согласно трактату «О постройках», было отремонтировано 9 крепостей и сам город Сердика (Ае., р. 121.1—10)⁵¹. Кроме того, сюда же следует отнести заново построенную крепость *Κρατισακαρα* (Ае., р. 106.18—19)⁵².

В области *Καβερτζός* была построена одна новая крепость⁵³, а отремонтировано еще 16 укреплений (Ае., р. 121.11—29), из которых локализируются (предположительно) только два⁵⁴.

В третьей, безымянной области, соответствующей античной *regio Durrantium*, были построены заново 5 крепостей, отремонтированы 23 (Ае.,

⁴⁷ *Procopii Bella*, V, 3, 15; V, 15, 27; VI, 15, 30; VII, 33, 8; VII, 34, 13. См.: *Wosniak F.* Byzantine Diplomacy and the Lombard-Gepidic Wars. — *Balkan Studies*, 1979, v. 20, N 1, p. 41—52.

⁴⁸ *Иванов С. А.* Оборона Византии. . . , с. 31—32.

⁴⁹ *Иванов Т.* Абритулс, карта; *Velkov V.* Roman Cities in Bulgaria. Amsterdam, 1980, p. 200; *Beševliev V.* Zur Topographie der Balkanhalbinsel in Prokops «De Aedificiis». — *Philologus*, 1967, Bd. III, N. 3/4, S. 273—274. У Прокопия во Внутреннюю Дакию оказывается включенной область к северу от хребта Стара-Планина, всегда считавшегося южным рубежом Прибрежной Дакии. Видимо, за последней были оставлены (если не юридически, то фактически) районы вблизи Дуная, а более глубинные территории в целях дифференциации провинциального управления (о чем — ниже) отошли ко Внутренней Дакии.

⁵⁰ *Beševliev V.* Zur Topographie. . . , S. 270—273; см. также: *Велков В.* Градът. . . , с. 83, примеч. 3.

⁵¹ *Itin.*, S. 532; *Syneckd.*, p. 654.3; *Schnetz J.* Ravenas Anonymus. Uppsala, 1951 (далее: *Rav.*), VII, 9; *Beševliev*, S. 78; 95—96.

⁵² *Beševliev*, S. 93. В Певтингеровых таблицах — *Scretiska* (*Itin.*, S. 534).

⁵³ *Beševliev*, S. 78; *Миков В.* Локализиране на някои изчезнали антични и средновековни селища и крепости в България. — *Археология*, 1968, № 3, с. 32—33.

⁵⁴ *Beševliev*, S. 96; *Миков В.* Локализиране. . . , с. 33.

р. 121.30—122.5). Из этих 28 локализируются три ⁵⁵. Итак, общая мощность укреплений региона Сердики — 61 балл.

В регионе города *Γερμανία*, кроме него самого (Ае., 106.16) ⁵⁶, были отремонтированы еще 6 крепостей, а заново построена одна (Ае., р. 122.6—14). Этот регион, самый маленький в провинции и не подразделявшийся на области, охватывал территорию к северу и северо-востоку от Рильских гор ⁵⁷. Здесь локализованы еще 4 пункта ⁵⁸. Общий балл — 9.

В регионе, имевшем столицей город *Παυτάλεια*, был отремонтирован он сам (Ае., р. 106.16) ⁵⁹, а также еще 5 крепостей вокруг него (Ае., р. 122.15—20). Столица локализуется ⁶⁰, местоположение других пунктов неизвестно. Тому же региону подчинялась область *Σκασιετάνα*, где были починены еще 5 неотожествленных укреплений (Ае., 122.21—26). Область эта находилась севернее первой, в районе современного Трына ⁶¹. Мощность крепостей региона — 11 баллов.

Название столицы последнего, четвертого региона утрачено в рукописи Прокопия, но без труда восстанавливается из текста 3-й главы, где перечислены все четыре столицы. Это — *Νάϊσος*, совр. Ниш (Ае., р. 106.15—16; 122.27) ⁶². В области, непосредственно прилегавшей к нему, была построена 31 новая крепость и отремонтированы 7 старых (Ае., р. 122.28—123.12) ⁶³, а также сам Ниш. Из них локализируются шесть ⁶⁴.

Нишу подчинялась и область *Ῥεμισλανίαια*. В ней были заново отстроены главный город *Ῥομισίανα* (Ае., р. 106.20—21) ⁶⁵ и город *Κομφοῦδαβα*, он же — *Κομφοῦδα* (Ае., р. 106.20—21; 123.3), не поддающийся локализации ⁶⁶, а отремонтированы 26 крепостей (Ае., р. 113.13—43) ⁶⁷. Из них отождествляется одна ⁶⁸. Относится еще одной (Ае., р. 123.22) много неясностей ⁶⁹. Итак, общий балл региона — 100.

⁵⁵ *Beševliev*, S. 66; 98—99.

⁵⁶ *Synekd.*, p. 654.5.

⁵⁷ *Beševliev*, S. 67; ср.: *Procopii Bella*, III, 11, 21.

⁵⁸ *Beševliev*, S. 93; 101.

⁵⁹ Ср.: *Itin.*, S. 579; *Synekd.*, p. 654.4.

⁶⁰ *Beševliev*, S. 93.

⁶¹ *Ibid.*, S. 67; 102.

⁶² Ср.: *Itin.*, S. 531; *Synekd.*, p. 654.6; *Rav.*, VII, 9.

⁶³ Мы не решаемся вслед за В. Бешевлиевым считать, что *Καστέλλιον*, упомянутый в этом списке дважды (Ае., р. 122.43; 123.4), в обоих случаях соответствует одному пункту (*Beševliev*, S. 105; 107) — это слишком естественное и распространенное название; ср.: *Κάστελλος* (Ае., р. 118.30); *Καστελῶνα* (Ае., р. 120.36), *Καστελλόνοβο* (Ае., р. 123.52; 149.4) и др. Гораздо вероятнее отождествление одного из этих двух пунктов (по нашему мнению, первого в списке) с *Καστέλλιον*, названным среди крепостей Дардании (Ае., р. 119.45). На наш взгляд, также не очень обоснованно отождествляет В. Бешевлиев *Ῥασηνα* и *Ῥασηζα* (Ае., р. 122.34; 41). В качестве варианта к последнему из этих названий можно было бы предложить скорее дарданскую крепость *Ῥαση* (Ае., р. 120.43). И *Καστέλλιον*, и *Ῥαση* вполне могли бы находиться на дардано-дакийской границе и попасть в оба списка (о других таких случаях см.: *Beševliev*, S. 71). В результате мы останавливаемся на компромиссном варианте: будем считать один *Καστέλλιον* (из двух) дарданским, а *Ῥασηνα*, *Ῥασηζα* и *Ῥαση* — тремя разными пунктами.

⁶⁴ *Beševliev*, S. 80; 104—105; *Велков В.* Градът..., с. 82; ИБИ, 1959, т. III, с. 162, примеч. 5. Ср.: *Itin.*, S. 531—532; *Rav.*, VII, 9. В дальнейшем для нас будет существенно, что пункт *Δοβριανες* локализуется около современного Иовановаца, или Брачину.

⁶⁵ *Beševliev*, S. 94; Ср.: *Itin.*, S. 532; *Synekd.*, p. 654.7; *Rav.*, VII, 9.

⁶⁶ Отождествление этого пункта с Пиротом (*Beševliev*, S. 93) противоречит другой локализации, предлагаемой В. Бешевлиевым (S. 114). Более или менее вероятно, что город находился на севере области, там, где ее пересекала античная дорога № 71 (Сингидон—Константинополь), скорее всего, между Костинбродом и Бела-Паланка.

⁶⁷ Мы исключаем пограничные пункты, которые уже были названы в других перечнях: *Βρίπαρο* (Ае., р. 123.25; 121.5), *Δαρδάρα* (Ае., р. 123.39; 120.27) — ср.: *Beševliev*, S. 71; 111. Мы считаем правоммерным также отождествить между собой два пункта, носящие название *Στένες* (Ае., р. 121.3; 123.25). Правда, В. Бешевлиев помещал один из них на самом востоке Иллирика, в Траяновых Воротах (*Beševliev*, S. 78), но подобная локализация противоречит местонахождению почти всех соседних с ним пунктов к западу от Сердики.

⁶⁸ *Beševliev*, S. 111.

⁶⁹ *Ibid.*, S. 109; *Stefan Gh.* Tomis et Toméa. A propos des luttes entre Byzantins et avars à la fin du VI siècle de notre ère. — *Dacia*, 1969, v. XI, p. 255—257.

Суммарная оборонная мощь провинции Внутренняя Дакия оценивается в 181 балл, а плотность ее обороны — 193 единицы.

Последняя из провинций префектуры Иллирик — это Прибрежная Дакия. На юге она граничила с Внутренней Дакией, ее восточная граница с Нижней Мезией шла по реке Вит и выходила к Дунаю между устьями Вита и Осыма. На севере границей служил Дунай, а на западе — река Поречка и горы Кучай ⁷⁰. Однако на деле эта провинция не представляла собой единого целого, а распалась на две неравноценные части. Граница между ними неизвестна, но условно за нее можно принять линию Пирот — Флорентина (на Дунае). В этом случае оказывается, что площадь западной части, называвшейся *Ἀχουένσιον*, составляла примерно 7200 км², восточной — приблизительно 6500 км². Прокопий упоминает область Аквес среди подчиненных Наиссу, хотя они и принадлежали к разным провинциям, — видимо, этот район обладал особым статусом ⁷¹. Согласно сводным спискам трактата «О постройках», в Аквесе был заново отстроен один город и починены 36 укреплений (Ае., р. 123.44—124.31) ⁷². Сюда же следует отнести 14 построенных и 4 отремонтированных крепости, которые названы Прокопием в пределах области Аквес — в главе об обороне границы (Ае., р. 127.4—129.9; 130.13—17). Многими исследователями отмечалось как обилие крепостных сооружений в районе Аквес, так и чрезвычайная трудность их отождествления с приводимыми у Прокопия названиями ⁷³. Легче всего поддаются локализации пункты на берегу Дуная (то, что в трактате они перечисляются попеременно с пунктами, отстоящими от границы на многие десятки километров, является наглядной иллюстрацией взаимоувязанности всех звеньев оборонной системы); помимо уже рассмотренных нами ранее ⁷⁴, можно локализовать семь ⁷⁵. Общая мощность крепостей Аквеса — 70 баллов, плотность обороны — 103 единицы.

Что касается восточной половины провинции Прибрежная Дакия, то в ее пределах Прокопий упоминает единственную крепость, которая не лежала на Дунае (Ае., 130.17) ⁷⁶. Остальные укрепления — 12 отстроенных и 12 отремонтированных ⁷⁷ — были частью Дунайского Лимеса. Таким образом, мощность крепостей здесь — 38 баллов, плотность обороны — 171 единица.

Обратимся к провинциям восточной части Балкан, объединенным в диоцез Фракия префектуры Восток.

Провинция Европа охватывала территории, непосредственно примыкавшие к столице империи — Константинополю. С северо-востока провинцию омывали воды Черного моря, с востока — Босфора, с юга — Мраморного моря и Дарданелл. Сухопутная граница шла севернее линии Кыйкей — Виза — Люлебургас, затем на запад — по Эргене и на юг — по ее притоку Хайраболу, а далее на юго-запад, к Саросскому заливу ⁷⁸. Территория Европы, таким образом, — 11 тыс. км².

⁷⁰ *Vetters H. Dacia Ripensis*. Wien, 1950, карта. Прокопий называет последней крепостью Иллирика *Δουκηνερναριαβοῦργον* (Ае., р. 131.1—17), локализуемый в Сомовите (*Ковачева Т.* Останки от римската эпоха край с. Сомовит и местонахождение на *Lucernariaburgus*. — Известия на музейте в северо-западна България, 1977, т. 1), — значит, граница проходила между Сомовитом и Черковицей.

⁷¹ *Beševliev, S. 67.* Юстиниан учредил в Аквес епископию (*Novellae, XI*) с центром в *Μερίδιο* (Ае., р. 124.22).

⁷² Крепость *Βραίολα* названа дважды (Ае., р.123.50; 124.25), видимо, по ошибке (*Beševliev, S. 113*).

⁷³ *Kanitz F. Römische Studien in Serbien*. Wine, 1892, S. 30—58; *Mirković M. Rimski gradovi na Dunavu u gornjoj Meziji*. Beograd, 1968, s. 85—95; 110—116; *Vetters H. Dacia Ripensis...*, S. 9—11.

⁷⁴ См. о них: *Иванов С. А.* Оборона Византии... с. 33—34.

⁷⁵ *Mirković M. Rimski gradovi...*, s. 91; 94—95; *Велков В.* Градът..., с. 76; 79; *Beševliev, S. 82, 85, 114*; *Vetters H. Dacia Ripensis...*, S. 14; *Мосси А.* Aurelianum—Aquaе-Gamizgrad. — In: *Recherches de Géographie Historique*. Sofia, 1970, v. 1, p. 54.

⁷⁶ *Велков В.* Градът..., с. 76; *Миков В.* Локализиране..., с. 29—32.

⁷⁷ *Иванов С. А.* Оборона Византии..., с. 33—35.

⁷⁸ *Велков В.* Градът..., с. 99; *Иванов Т.* Абритуc, карта.

В этой провинции по приказу Юстиниана были отремонтированы три локализуемые крепости (Ае., р. 135.25—136.5; 138.22—139.18)⁷⁹ и еще две нелокализуемые (Ае., р. 145.17—19). Впервые были укреплены 7 городов (Ае., 139.19—140.7; 142.8—143.9)⁸⁰. Наконец, в Европе были приведены в обороноспособное состояние две фортификационные системы: Длинные стены Анастасия, защищавшие дальние подступы к Константинополю (Ае., р. 137.22—138.20), и вал, перегораживавший Херсонес Фракийский (Галлиполийский полуостров) у его основания (Ае., р. 141.15—142.10). Суммарная мощность всех оборонных сооружений Европы — 27 баллов, плотность ее обороны тем самым — 407 единиц.

Провинция Родопа на западе граничила с Македонией, на востоке — с Европой, с юга омывалась Эгейским морем. Северная же ее граница пророчивается с большим трудом. Можно предполагать, что крайней северо-западной точкой провинции была гора Полежан, от нее граница шла на восток, пересекала Месту, от горы Беслет сворачивала на юго-восток по хребту Дыбраш, потом опять на восток, по рекам Выча и Широколышка, по хребтам Преспа, Чуката и Гората; отсюда граница резко поворачивала на юг, достигала Марицы напротив устья Эргене и по Эргене вновь поднималась на северо-восток до впадения в нее Хайраболу⁸¹. Вырисовывается территория в 11 500 км².

В Родопе были отремонтированы 5 городов (Ае., р. 143.10—145.1)⁸². Новые крепости выстроили в 13 нелокализуемых пунктах (Ае., р. 143.22—144.4; 145.20—23)⁸³. Общий балл этих укреплений — 31, уровень обороноспособности провинции — 371 единица.

Провинция Фракия на западе граничила с Внутренней Дакией, а на юге — с Родопой. Северная ее граница шла по вершинам гор: Троянска-, Калоферска-, Шипченска-, Тревненска-, Елено-Твырдишка- и Сливенска-Планина. Оттуда граница поворачивала на юг, проходила через горы Гребенец, описывала слабую дугу, южнее Ямбола пересекала Тунджу и шла на юго-юго-запад восточнее линии Голям — Манастир — Оряхово, пока не достигала Родопы⁸⁴. Территория Фракии — 21 500 км².

В этой провинции были отремонтированы два города (Ае., р. 145.3—5)⁸⁵ и 34 крепости, перечисленные у Прокопия списком (Ае., р. 146.1—37)⁸⁶. Локализации поддаются десять из них⁸⁷. Общий балл Фракии — 36, плотность ее обороны — 597 единиц.

Провинция Гемимонт на западе граничила с Фракией, на юге — с Родопой и Европой, с востока омывалась Черным морем. Северная ее граница шла по горам Котленска-, Вырбишка- и Камчийска-Планина⁸⁸. Площадь провинции — 22 тыс. км².

⁷⁹ Ср.: Itin., S. 539—540; Synekд., р. 632.2; Rav., IV, 5, 3.

⁸⁰ Ср.: Synekд., р. 634.1; 633.2.

⁸¹ *Велков В.* Градът..., с. 103; *Jones A. H.* The Later Roman Empire..., карта; *Иванов Т.* Абритуc, карта.

⁸² Ср.: Synekд., р. 634.5; 7; 9; Itin., S. 522; Rav., IV, 5, 3. См.: *Jones A. H.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, р. 24.

⁸³ Мы допускаем, что названный в списке *Тѳпчрѳ* (Ае., р. 145.29) может не быть тождествен городу *Тѳперѳ* в силу распространенности этого топонима. Точно так же нет оснований отрицать (как это делается в кн.: *Beševliev V.* Zur Topographie..., S. 281—282) существование в Родопе пункта *Θεοδώροπόλις* (р. 145.23).

⁸⁴ *Велков В.* Градът..., с. 106; *Иванов Т.* Абритуc, карта.

⁸⁵ Ср.: Synekд., р. 635.4; 5; Itin., S. 536; 590; *Велков В.* Градът..., с. 95.

⁸⁶ Мы исключаем пункт *Κοιρτουξοβρα* (Ае., р. 146.20), тождественный *Κοιρζοβουρα* (р. 121.43) Внутренней Дакии (*Beševliev, S. 131*). Начиная с Фракии Прокопий перестает разделять крепости на вновь построенные и отремонтированные. Мы будем для простоты относить все ко второму разряду, но, делая выводы, учтем это допущение.

⁸⁷ *Beševliev, S. 87; 131—133; Цончев Д.* Римският път Carassura — Верое. — In: Изследования в памет на Карел Шкорпил. София, 1961, I, с. 274; *Beševliev V.* Die Byzantinische Heerstrasse Adrianopel—Verigava. — In: Actes du XI Congrès International des sciences onomastiques. Sofia, 1974, v. 1, S. 127; *Beševliev V.* Zur historischen Geographie Thrakiens. — JÖB, 1979, v. 28, S. 209. Ср.: Itin., S. 536—537; Synekд., р. 635.7.

⁸⁸ *Велков В.* Градът..., с. 95; *Герев Б.* Северната граница на провинция Тракия. — Известия на археологическия институт, 1950, т. 17, с. 28—29.

Согласно трактату «О постройках», в Гемимонте были приведены в состояние боеготовности два города (Ае., р. 145.6—9)⁸⁹ и 52 крепости (Ае., р. 146.38—147.47; 148.22—23)⁹⁰. Из них поддаются отождествлению восемь⁹¹. Общий балл Гемимонта — 54, плотность обороны всей провинции — 407 единиц.

Провинция Нижняя Мезия на западе граничила с Прибрежной Дакцией, на юге — с Фракией и Гемимонтом, северной границей служил Дунай, а восточной — Черное море. На северо-востоке граница начиналась от восточного края озера Олтина и шла на юго-восток, к Балчику⁹². Площадь Мезии, таким образом, — 31 тыс. км². Однако сложность решения вопроса заключается в том, что Прокопий в своих списках практически объединяет провинции Нижняя Мезия и Малая Скифия в одно целое под заголовком: «Остальные фракийские крепости. На Евксинском понте, на реке Истр и во внутренних областях — следующее. . .» (Ае., р. 147.48—51). Дальше начинается путаница: в рубрике «Крепости Мезии на реке Истр» перечислены десятки укреплений, лежащих и на реке, и на море, и во внутренних областях; какие-то из них принадлежат к Мезии, какие-то — к Скифии, а какие-то — даже к Гемимонту или Родопе; некоторые названия, которые фигурируют в нарративной части, касающейся Дунайского Лимеса, продублированы в списках, другие приводятся однократно. Потом следует рубрика «Во внутренних областях» — и здесь тоже наблюдается путаница. Предпринимались попытки⁹³ навести хоть какой-нибудь порядок в сведениях Прокопия, но назвать проблему решенной нельзя. Разделение нелокализуемых крепостей между Мезией и Скифией остается, следовательно, приблизительно. Итак, о ситуации в провинции Нижняя Мезия.

Прежде всего сюда относятся 7 вновь построенных и 14 подчиненных крепостей Лимеса⁹⁴. Кроме них, были отремонтированы 36 укреплений (Ае., р. 147.54—55; 148.3; 5—14; 16; 18—21; 24; 27—29; 38—44; 51—53; 149.1—6)⁹⁵, из которых поддаются локализации одиннадцать⁹⁶. Общий

⁸⁹ Synekd., р. 635.10, 13.

⁹⁰ Мы исключаем из списка повторы названий: Τοῦ ἁγίου Θεοδώρου (Ае., р. 148.3; 26) и Προβίνου (р. 147.2; 35), а также топоним Δαλάτωνα, уже названный в списке крепостей Родопы (Ае., р. 147.39; 145.30). К списку добавлены Θερμά и Γεμελλομοῦντες, включенные Прокопием в другой ряд, но несомненно локализуемые в Гемимонте.

⁹¹ Beševliev, S. 90; 134; 137; 138; *Idem.* Zur Topographie..., S. 280; *Forbiger A.* Handbuch..., S. 742; *Велков В.* Градът..., с. 95; *Он же.* Нови данни за икономиката и история на античния град при днешното Малко-Тырново. — Известия на народния музей Бургас, 1965, т. II, с. 95—99; *Разбойников А.* Где е било селището и крепостта Бурдигро? — Известия на Българско историческо дружество, 1944, т. 19/20, с. 191—192. Ср.: *Itin.*, S. 514; 538—539; Synekd., р. 635.11; 14; *Rav.*, IV, 5, 2; *Theophylacti Simocatae Historia*, III, 15, 3. Мы не можем согласиться с идентификацией Ρακοῦλη (Ае., р. 147.5) с Ranilum, совр. Оризово (Beševliev, S. 135). Идентификацию Κρητιάρων (Ае., р. 146.40) с Κερεόπυργος (Synekd., р. 635.2), предложенную А. Джоном (*Jones A. H.* The Cities..., р. 24), можно принять лишь в том случае, если предположить, что этот пункт находился не в Господинци, где его локализует В. Велков (Градът..., с. 105).

⁹² *Велков В.* Градът..., с. 94; *Vulpe R.* La limite méridionale de la province Romaine de Scythie. — In: *Recherches de Géographie Historique.* Sofia, 1970, р. 47.

⁹³ *Ariescu A.* Quelques précisions sur la carte de la Scythie Minor. — *Dacia*, 1970, v. 14; *Vulpe R.* La limite...; *Barnea I., Stefan Gh.* Le Limes Scythicus des origines à la fin de l'Antiquité. — In: *Actes du IXe Congrès International d'études sur les frontières romaines.* Mamaia, 6—13 sept. 1972. București, 1974; *Ariescu A.* Les fortifications de la Dobroudje au VIe siècle. — In: *Actes du XIVe Congrès International des études Byzantines.* Bucarest, 1975, v. II; *Stefan A.-S.* Nouvelles recherches de photointerprétation archéologique concernant la défense de la Scythie Mineure. — In: *Akten des XI Internationalen Limeskongress.* Budapest, 1977.

⁹⁴ См.: *Иванов С. А.* Оборона Византии..., с. 37—40.

⁹⁵ Кроме придунайских крепостей, из списка исключаются уже названные пограничные пункты Βηρίπαρα (Ае., р. 148.15; 146.5) и Μαρξέρωτα (Ае., р. 148.17; 147.24), а также Γεμελλομοῦντες и Θερμά, относящиеся к Гемимонту, и Κοῦσχοῦρα и Κοῦσχοῦλα, отмеченные в Родопе (ср.: Ае., р. 148.25—26; 145.32—33). В. Бешевлиев помещает последние две в Гемимонте (Beševliev, S. 71).

⁹⁶ Beševliev, S. 60; 89—90; 142—145; *Милчев А., Дамянов С.* Археологически раскопки на късноантичната крепост при с. Войвода, Шуменски окръг. — Известия на

балл крепостей Нижней Мезии — 66, следовательно, плотность ее обороны — 470 единиц.

Последняя провинция, к которой мы обратимся, — Малая Скифия, т. е. Добруджа. Ее территория — 13 500 км². В рамках защиты Лимеса в Скифии были заново построены 2, отремонтированы 9 крепостей. Помимо них, в списках приведены названия еще 17 пунктов (Ае., р. 148.30—32; 35—37; 149.7—8, 13—21)⁹⁷, из которых локализации поддаются восемь⁹⁸. Общий балл всех крепостных сооружений Малой Скифии — 30, плотность обороны — 450 единиц.

Все вышеприведенные подсчеты были важны для нас не сами по себе: мы с самого начала исходили из представления о том, что, чем больше крепостей строилось в том или ином районе, тем больше там была угроза «варварских» вторжений. Значит, составив карту укрепленных областей, мы получим тем самым карту славянского проникновения, картина которого до сих пор остается крайне неясной⁹⁹.

Сведем теперь все наши результаты воедино, расположив провинции в порядке возрастания полученных значений индекса: 1) область Аквес — 103; 2) остальная территория Прибрежной Дакии — 171; 3) Внутренняя Дакия — 193; 4) Дардания — 214; 5) Ахайя (без Пелопоннеса) — 300; 6) Новый Эпир и Превалитана — 322; 7) Старый Эпир — 339; 8) Родопа — 371; 9) Европа — 407; 10) Гемимонт — 407; 11) Малая Скифия — 450; 12) Нижняя Мезия — 470; 13) Фракия — 597; 14) Македония (без северо-западного побережья Термаикос) — 622; 15) Фессалия — 1000.

До сих пор мы оперировали условным индексом, убывание которого соответствовало повышению реальной плотности обороны — ведь чем меньше квадратных километров приходится на одну крепость, тем плотность обороны больше. Теперь для наглядности «выстроим» реальную пропорцию, в которой минимальное значение индекса будет принято за 100, а максимальное — за 1: 1) область Аквес — 100; 2) остальная территория Прибрежной Дакии — 91; 3) Внутренняя Дакия — 89; 4) Дардания — 87; 5) Ахайя (без Пелопоннеса) — 77; 6) Новый Эпир и Превалитана — 75; 7) Старый Эпир — 73; 8) Родопа — 69; 9) Европа — 65; 10) Гемимонт — 65; 11) Малая Скифия — 61; 12) Нижняя Мезия — 58; 13) Фракия — 44; 14) Македония (без северо-западного побережья Термаикос) — 42; 15) Фессалия — 1. Из получившейся последовательности видно, что Иллирик был укреплен гораздо надежнее, чем Фракия, причем разницу между ними нельзя объяснить только тем, что в списках по фракийским провинциям отсутствует разделение на вновь построенные и отремонтированные крепости: в Иллирике мы насчитываем 124 укрепления первого рода на 357 — второго, т. е. новые постройки составляют 35% от общего числа. Даже если допустить такое же соотношение для Фракии (что по ряду причин кажется нам маловероятным), то получаются следующие величины: Гемимонт — 77 единиц; Малая Скифия — 70; Нижняя Мезия — 66; Фракия — 61. Таким образом, и в этом случае фракийские провинции сильно уступают иллирийским.

Чем объяснить столь значительный перевес западных областей над восточными? Рассуждения о том, что строительство велось на скорую руку, что возводимые крепости не были обороноспособны, что многие из них вообще значились только в документах, лишь заостряют проблему: Юсти-

Археологически Институт, 1972, т. 33, с. 275. Ср.: Synek., р. 636.2; 3; 5; 8; Itin., S. 587.

⁹⁷ Мы исключаем повторы названий: Πρέϊδης—Пресидо (Ае., р. 149.12; 22) и Ἀρχαίω—'Εργαρία (Ае., р. 149.13; 23). См.: Beševliev, S. 91; 147.

⁹⁸ Popescu E. Die Spätgriechischen Inschriften aus Klein-Scythien. — Dacia, 1969, v. II, S. 173; Beševliev, S. 90; 91; 146; 148; Ariescu A. Les fortifications..., p. 500; Миков В. Локализирание..., с. 34. Ср.: Itin., S. 511; Synek., р. 637, 1; 4, 6; 7; Rav., IV, 5, 2.

⁹⁹ Labuda G. Die Einwanderung der Slawen auf den Balkan im 6—7. Jh. — In: XIe Congrès International des sciences historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Uppsala, 1960, v. VI, S. 80. Там же (S. 100—101) см. дискуссию по докладу Г. Лабуды.

ниан мог не достичь своей цели, но цель-то у него была. Почему запад больше нуждался в обороне, чем восток? Соображение о том, что северо-западная граница империи не имела такого естественного рубежа, каким Дунай был для ее северной границы, также недостаточно убедительно; ведь Эпир или области Сердики и Пауталии далеко отстояли от линии непосредственного соприкосновения с «варварским» миром. Точка зрения, согласно которой «правительство Юстиниана компенсировало отсутствие гарнизонов и войск массовым строительством бесполезных сооружений»¹⁰⁰, мало что объясняет. На востоке войск было, по всей видимости, еще меньше: например, когда из Константинополя бежали 300 лангобардов и Юстиниан «послал во Фракию и Иллирию, приказывая всем военачальникам и солдатам всеми силами остановить этих перебежчиков», то во Фракии некому было исполнять этот приказ, кроме осевших там кутригуров, а в Иллирике лангобарды встретили целое византийское войско¹⁰¹. Из Иллирика и через Иллирик силы империи перекачивались на запад для нескончаемых войн в Италии и Паннонии; эти армии походя могли выполнять боевые задачи и в самом Иллирике¹⁰². Так что объяснять фортификационную деятельность на западе недостатком живой силы тоже не приходится.

Более правдоподобным представляется следующее объяснение: в гористых, труднопроходимых областях Иллирика было меньше крупных, хорошо укрепленных городов, и для защиты населения требовалось больше мелких убежищ, до которых можно было быстро добраться. В тех случаях, когда крепости располагались на вершинах гор, а селения — у их подножий (как, например, в ряде областей Старого Эпира¹⁰³), это было действительно так. Но и жители фракийских равнин ничуть не меньше нуждались в близко расположенных убежищах для спасения от молниеносных набегов кочевников. Кроме того, как ни мало исследованы ранневизантийские укрепления¹⁰⁴, можно смело утверждать, что строились они и на дорогах, и на перевалах¹⁰⁵, а значит, имели и оборонное значение, тем более что плотность населения в горных местностях Иллирика не могла потребовать столь грандиозного строительства.

Значит, большинство крепостей (как и на театре войн с Персией) возводилось в местах вражеских нападений — с тем, чтобы остановить противника, когда он двинется сюда в следующий раз¹⁰⁶.

Но должны ли мы из этого заключить, что Иллирик страдал от нападений больше, чем Фракия? Имеющиеся данные не подтверждают подобной гипотезы: в течение всего IV в. готы угрожали исключительно восточной части Балкан; она была и объектом протоболгарских набегов 493, 499, 502, 512, 530, 535 гг.¹⁰⁷, многочисленных славянских вторжений¹⁰⁸. Иллирик же принимал на себя главную тяжесть «варварских» вторжений в течение V в. (эпоха Атиллы и Теодориха), а затем — начиная с 40-х годов VI в.¹⁰⁹ Так что на долю обеих частей Балкан выпало достаточно испытаний, которые, однако, отразились на них по-разному.

Равнинные области Фракии были практически беззащитны перед натиском конных орд кочевников; те без боя обходили большие укрепленные города, но все остальное было им совершенно доступно — в открытом

¹⁰⁰ *Wosniak F.* Justinian's Fortifications in Illyricum: Was Refortification the Answer to Barbarian Raids? — In: V Annual Byzantine Studies Conference. Abstract, 1979, p. 45.

¹⁰¹ *Procopii...*, v. II, p. 636.14—637.12.

¹⁰² *Ibid.*, p. 475.19—477.7; 625.10—626.14.

¹⁰³ *Wosniak F.* Late Roman/Early Byzantine fortifications..., p. 35—36.

¹⁰⁴ *Луличик В.* Доцноантичка утврдена населба кај Горно Нарези Скопско. — *Macedoniae Acta Archeologica*, 1978, 4, с. 232.

¹⁰⁵ *Микулчић И.* Топографија на Еударисг. — *Macedoniae Acta Archeologica*, 1975, 1, с. 197; *Кепески К.* Ранновизантиска остава на бронзени монети од местото Баба кај Прилеп. — *Macedoniae Acta Archeologica*, 1977, 3, с. 182.

¹⁰⁶ *Diehl Ch.* Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. P., 1901, p. 244.

¹⁰⁷ *Marcellini Comitis...*, p. 94—96; 98; 103; 104.

¹⁰⁸ *Procopii...*, v. II, p. 254.4—24; 355.6—9; 467.12—471.2; 481.21—483.8.

¹⁰⁹ *Максимовић Љ.* Северни Илирик у VI век. — ЗРВИ, 1980, 19, с. 34.

поле от них некуда было ни спрятаться, ни спастись. Урон от таких набегов был чрезвычайно велик, а ареал их — очень обширен. О первом свидетельствует, например, смягчение императором Анастасием в 505 г. налогового гнета во Фракии, что и сам он объясняет невероятными «варварскими» опустошениями¹¹⁰. Угон населения в плен принял такие масштабы, что Юстиниан в 538 и 544 гг. разрешил ректору Мезии и епископам Одесса и Том продавать для выкупа пленных церковное имущество¹¹¹. Признак второго, т. е. обширности территории, захваченной набегам, можно усмотреть в постоянной тенденции к укрупнению административных единиц и концентрации власти: в 535 г. претору представлена военная и гражданская власть над Фракией, «поскольку набег варваров требуют беспримерного отпора»¹¹²; тогда же правитель провинции Гемимонт властвовал и над Нижней Мезией¹¹³; в 536 г. Скифия и Нижняя Мезия вошли в новое административное образование — *quaestura exercitus* — с Карией, Кипром и Кикладами¹¹⁴, причем уже в следующем году жители этих провинций стали жаловаться, что квестор все время проводит в Скифии и Мезии, «страдающих от варваров»¹¹⁵.

Ситуация в Иллирике даже с этой, административной, точки зрения была иной: провинция Внутренняя Дакия, как мы видели, предстает у Прокопия фактически разделенной на 4 региона и 8 областей; область Аквес как епископия официально отделяется от Меридианской епископии¹¹⁶, а в качестве укрепленного района — от провинции Прибрежная Дакия. И даже результатом основания Юстинианы-Примы было, помимо прочего, разделение власти между ней и Солунью. Значит, положение иллирийских провинций требовало сложного, дифференцированного управления ими. Никакими сведениями о выкупе пленных в Иллирике мы не располагаем — они появляются лишь во 2-й половине VI в.¹¹⁷ В 499 и 530 гг. армии Иллирика приходили на помощь Фракии¹¹⁸, но обратная ситуация не складывалась ни разу. Все эти факты, казалось бы совершенно разнохарактерные, говорят по крайней мере о том, что огромный разрыв в результатах, полученных нами по Иллирику и по Фракии, коррелирует и с другими свидетельствами о различности их судеб.

Ландшафт западной части Балкан накладывал отпечаток на все, что происходило в Иллирике: горы затрудняли действия конных кочевников, замедляли передвижения войск, делали невозможной тотальную войну, легко консервировали различные анклав и оазисы, способствовали созданию специфических локальных ситуаций.

Заброшенные в Иллирик гуннской лавиной, обломки разных племен продолжали там свое автономное существование, завязывая собственные отношения с местными византийскими властями. Во Фракии тоже существовали «варварские» поселения — готские, лангобардские, кутригурские¹¹⁹, но там они были инкорпорированы в иноэтничную среду и четко противопоставляли себя местному населению. В Иллирике картина была куда более размытой, а отсутствие естественного рубежа границы еще более усиливало эту нестабильность. Если одни «варвары» жили в мире с абorigенами, то их соседи могли в это время вести войну с империей, другие анклав срывались с насиженных мест и уносились на юг волнами вторжений, а после ухода пришельцев начинали обживать на новых местах.

Источники рассказывают нам о событиях ярких, из ряда вон выходя-

¹¹⁰ Codex Justinianus, X, 27, 2. — ИБИ, 1959, т. III, с. 33—34.

¹¹¹ Novellae Justiniani, LXV; CXX. — Там же, с. 66; 70.

¹¹² Ibid., XXVI. — Там же, с. 51.

¹¹³ Ibid., XXXIV. — Там же, с. 60—61.

¹¹⁴ Ibid., XLI. — Там же, с. 62—63.

¹¹⁵ Там же, с. 64.

¹¹⁶ Novellae Justiniani, XI. — Там же, с. 49.

¹¹⁷ Nikolajević I. The Redemption of Captives in Dalmatia in the VI and VII Centuries. — Balcanoslavica, 1973, 2, p. 74.

¹¹⁸ Marcellini Comitibus..., p. 95; 103.

¹¹⁹ Procopii..., v. I, p. 317.9—13; v. II, p. 585.10—19; 635.14—17.

щих, но умалчивают о медленных, десятки лет подспудно развивавшихся процессах. Так, кровавые набеги отодвигали в тень «тихую» экспансию. Между тем постройка сотен крепостей в подчас едва доступных местах не была осуществлением единовременной программы Юстиниана — укрепления возводились местными властями уже долгое время, в зависимости от менявшейся локальной конъюнктуры, т. е. от самой этой экспансии (ведь там, где одна башня может заблокировать целый перевал, соблазн фортификации особенно велик). Об обилии крепостей в Иллирике и до Юстиниана можно судить не только по спискам из Прокопиева трактата: уже в 518 г. в Дардании от одного подземного толчка, по сообщению Марцеллина, погибли 24 укрепления¹²⁰, причем историк вовсе не утверждает, что это все или хотя бы большинство дарданских крепостей; одновременно «варвары», перейдя Дунай во Фракии, по словам Прокопия, разграбили «все от Ионийского залива до предместий Византия и взяли в Иллирике 32 крепости»¹²¹. При этом ни о каких фракийских крепостях речи нет. Значит, Юстиниан лишь придал давно шедшему строительству общегосударственный размах, а перенеся архиепископию из Солуни в Юстиниану-Приму, далеко на север, подчеркнул тем самым реальность византийской власти над севером Иллирика¹²².

Участвовали ли в реконструируемой нами полумирной экспансии славяне? Понятно, что уж если сама экспансия — плод гипотезы, строящейся исключительно на косвенных, по крупицам собранных свидетельствах, то этнический состав ее участников еще более гипотетичен. Тут можно опираться, за отсутствием археологических, лишь на одни лингвистические данные. Однако, как уже говорилось выше, вопрос о том, содержится ли в трактате «О постройках» славянские топонимы, остается открытым, причем диапазон разногласий чрезвычайно велик: от признания славянскими 96 названий (В. Георгиев¹²³) до отрицания каких бы то ни было славянских топонимов. И все же, несмотря на долгое господство скептицизма, Л. А. Гиндин в своей новейшей работе высказывает осторожное предположение, что славянские топонимы у Прокопия все-таки встречаются¹²⁴. Их пять: 1) Δουρβουλιανά; 2) Βράτζιστα; 3) Τζερενούτζας; 4) Δευριάς; 5) Γρίβο (Ае., р. 120.16; 122.48; 123.24; 123.30; 124.9).

Попробуем хотя бы приблизительно локализовать эти пункты. О первом можно сказать лишь то, что он находился в Дардании — это самый южный форпост славянского проникновения. Второй, названный Прокопием сразу же после Δούβριανες (см. выше, примеч. 63), локализуется где-то северо-западнее Ниша. Третий пункт — рядом со Στένες, лежавшим в горах на границе Ремисианы и Сердики (см. выше, примеч. 66), четвертый соседствует с Κοιμωδέβα, находившейся на севере Ремисианы (см. выше, примеч. 65), а пятый непосредственно следует в перечне за Τουρρίβας — Пиротом¹²⁵. Таким образом, последние три пункта можно искать в довольно компактном ареале — там, где сходились территории Аквеса, Ремисианы и Сердики, т. е. в районе Пирота.

Известно, что для укоренения топонима требуется примерно 70 лет. Значит, славяне уже к концу V в. осели в дунайском Правобережье, причем центром их колонизации был район к юго-востоку от Ниша, а отдельные анклав достигали Дардании. Вполне логично предположить, что к 527 г., к началу открытой экспансии, славяне вместе с другими «варварскими» переселенцами успели продвинуться еще дальше на юг. Развитие этой «тихой» экспансии и отражено, как нам кажется, в вырисовывающейся у нас карте плотности византийской обороны.

Хотя подавляющее большинство славян, участвовавших в военных по-

¹²⁰ *Marcellini Comitibus...*, р. 100.

¹²¹ *Procopii...*, v. I, р. 163.12—15.

¹²² *Максимович Л. Северни Илирик...*, с. 29.

¹²³ *Георгиев В. Вопросы...*, с. 86.

¹²⁴ *Гиндин Л. А. К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингво-филологическим данным)*. — *Балканско езиковедие*, 1983, т. 36, № 1, с. 33—34.

¹²⁵ *Beševliev, S.* 114.

ходах против империи, приходило из-за Дуная и потом уходило с добычей обратно, однако и они предпочитали передвигаться на Балканах по горам. На это обратил внимание В. Д. Королюк, усмотревший здесь свидетельство того, что среди вторгавшихся в империю славян многие были пастухами. Привлекая для обоснования своего тезиса разные, подчас самые неожиданные источники, В. Д. Королюк использовал и три пассажи из «Истории войн» Прокопия, свидетельствующие о выработанных славянами навыках вести боевые действия в горах¹²⁶. Укажем еще три скрытых в контексте сообщения. Первое из них гласит: «Раньше (славяне) не штурмовали укреплений и не осмеливались спускаться на равнину»¹²⁷. Второе известие таково: «Большинство из них (славян) спрятались в недоступных местах. . . и, выскочив из засады, оказались в тылу у наступавших»¹²⁸. И даже воюя на равнине, славяне при малейшей возможности разбивают лагерь на горе¹²⁹. Однако главное, на наш взгляд, доказательство выросло в настоящей работе из анализа текста, никак со славянами непосредственно не связанного.

Итак, лихие набеги на равнинные области Балкан, о которых в основном повествует Прокопий, потому и производили такой эффект, что были для славян скорее исключениями. Основные их массы, вливаясь на полуостров в районе Тимока, двигались на юг по гористым областям Внутренней Дакии и Дардании. В северной Македонии главный поток расщеплялся и, обходя район Солуни, спускался двумя языками: западным — в Эпир, восточным — в Родопы¹³⁰.

Если привлечь для сравнения с нашими выводами лингвистических исследований, ищущих в современной топонимике Балкан следы древнейшего массового заселения (VII—VIII вв.), то картина получится весьма схожей: согласно Й. Заимову¹³¹, славяне проникали на Балканы по долине Тимока и дальше на юг; в Македонии с ними смешивался северо-западный переселенческий поток, который шел от поречья Моравы, Тиссы и Восточной Паннонии. Областью самого густого первоначального заселения Й. Заимов считает Македонию, Среднюю и Южную Албанию, верхнее и среднее течение Вардара, Струмскую область, северную Фессалию; Родопы были колонизованы с юго-запада, из области Солуни.

Впрочем, это не единственная у лингвистов¹³² и не всем кажущаяся безупречной¹³³ схема. Однако как бы то ни было если она хоть в общих чертах верна, то вырисовывается линия своего рода географической преемственности от начального этапа колонизации (первая половина VI в.) к зрелому (VII—VIII вв.).

¹²⁶ Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи (Попытка реконструкции по письменным источникам). — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 186. См.: *Procopii...*, v. II, p. 477.1—7; 394.16—20; 268.14—17.

¹²⁷ *Procopii...*, v. II, p. 468.14—15.

¹²⁸ *Ibid.*, p. 468.26—469.12.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 482.12—14.

¹³⁰ Рассказ игумена Палладия, на который ссылается В. Тыпкова-Заимова (Нападения «варваров» на окрестности Солуни. — ВВ, 1959, XVI), так противоречив в своей исторической канве, что его вряд ли можно безоговорочно датировать второй четвертью VI в. Ср.: *Максимовић Љ.* Северни Илирик..., с. 24, примеч. 28.

¹³¹ Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967, с. 100—103, карта № 17; *Idem.* Ethnogenetische Probleme bei den bulgarischen Ortsnamen. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1969/1970, VII, 1—2, S. 191; *Idem.* Orts- und Flurnamen in den Balkanländern. — *Balkanско езикознание*, 1980, т. 23, № 1, с. 31—32.

¹³² *Popović I.* Die Einwanderung der Slawen in das Oströmische Reich im Lichte der Sprachforschung. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1959, IV, 5, S. 707; 715—716; *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der Westslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966, S. 28—30; *Гълъбов И.* Еровите застъпници и българското диалектно членение. — *Известия на Института за български език*, 1964, кн. XI, с. 381 и т. д.

¹³³ *Duridanov I.* Probleme der Ortsnamenforschung und der historischen Geographie der Balkanländer. — In: *Actes du XIe Congrès International des sciences onomastiques*, 1974, v. 1, p. 277, n. 18; *Thavoris A.* The Slavs and Slav Toponyms and their Endings in Greece. — *Cyrrillomethodianum*, 1975, v. 3, p. 190—197.

Археологический материал о славянах, пусть он и скуден, также показывает, насколько уверенно они себя чувствовали в горах: именно там обнаружена значительная часть монетных кладов эпохи Юстиниана, зарытых перед славянскими нападениями (Цветино, Брацигово, Симитли и др.)¹³⁴; по преимуществу в горных районах Балкан находят фибулы¹³⁵; в ряду первых славянских поселений и некрополей, притом что большинство из них располагались в северо-восточной Болгарии и возникли на стадии зрелой колонизации, значительное место занимают горные и даже высокогорные поселения¹³⁶; наконец, первые признаки контактов и преемственности между византийской и славянской культурами также обнаруживаются в горах¹³⁷.

В такой ситуации представляется вероятным, что и в Грецию славяне вошли по горам, с запада¹³⁸, причем несколько раньше, чем обычно считается. Огромный перевес славянских топонимов в западной части Греции¹³⁹ нужно объяснять в этом случае не только тем, что славяне были вытеснены с равнин в период реэллинизации, как это часто считают¹⁴⁰.

Говоря об Иллирике, мы практически никогда не имели в виду Фессалию и южную Македонию, но эти провинции выпадали из сферы рассмотрения не из-за несоответствия нашим схемам, а в силу того, что реальность истории связывала их скорее с Фракией, чем с Иллириком. Мы не найдем в источниках упоминаний о нашествиях, которые бы захватывали и горный и равнинный Иллирик, а вот примеры опустошения равнинного Иллирика и Фракии встречаются¹⁴¹. И напрасно в 518 г. жители Скопье бежали из города в ужасе перед нашествием «варваров» на соседнюю Македонию: последним не к чему было забираться в горы — они вернулись так же, как и пришли, через Фракию¹⁴².

Каким путем тюрко-славяне проникали на восточные Балканы? Распространенное мнение, будто они всегда пользовались переправами у Доростола, не подтверждается ни археологически¹⁴³, ни лингвистически¹⁴⁴. Не подтверждается оно и результатами нашего исследования Лимеса¹⁴⁵. Переправы эти приобрели важное значение лишь с VII в., а в VI в. более вероятно проникновение через Добруджу, поскольку оборона Лимеса в Малой Скифии не была сплошной¹⁴⁶ (видимо, после восстания Виталиана). Можно предположить, что граница между «иллирийским» и «фракийским» ареалами вторжений проходила по реке Янтра: к востоку от реки античная топонимика вместе с ее носителями погибла, не оставив следа; к западу, в продолжение традиции «тихой» экспансии, она сохранилась¹⁴⁷.

¹³⁴ Jouroukova J. Les invasions slaves au sud du Danube d'après les trésors monétaires en Bulgarie. — *Byzantinobulgaria*, 1969, III, p. 260—263.

¹³⁵ См.: *Corović-Ljubinković M.* Les slaves du Centre balkanique du VI au IX siècle. — *Balcanoslavica*, 1972, 1, p. 47—48; *Babić B.* The Report on the Old Slavic Findspots in Macedonia. — *Balcanoslavica*, 1975, 4, p. 128; *Микулчиќ И., Никулска Н.* Рановизантиски град «Маркови кули» на Волно. — *Macedoniae Acta Archaeologica*, 1978, N 4, с. 141; 145.

¹³⁶ *Ваклинов С.* За контактите между старата и новата култура в Мизия и Тракия след VI в. — *Известия на българско историческо дружество*, 1974, т. 29, с. 183; *Milčev A.* Die materielle und geistige Kultur der Slaven in Bulgarien. — In: *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie slave*. Bratislava, 1980, v. II, p. 281; *Въжарова Ж.* Славяни и номады на територията на днешните български земи от края на VI—XI в. — В кн.: *Плиска—Преслав*. София, 1981, т. III, с. 21—22.

¹³⁷ *Аладжов Д., Балабаня Д.* Разкопки в село Любеново през 1968 г. — *Родопски сборник*, 1972, № 3, с. 136.

¹³⁸ *Koder J.* Zur Frage der slavischen Siedlungsgebiete..., S. 320—325.

¹³⁹ *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. В., 1941.

¹⁴⁰ *Weithmann M.* Die slavische Bevölkerung..., S. 175—181.

¹⁴¹ *Marcellini Comititis...*, p. 92; 100; *Procopii...*, v. I, p. 163.8—164.16; v. III, p. 144.15—115.2.

¹⁴² *Максимовић Љ.* Северни Илирик..., с. 23, примеч. 276.

¹⁴³ *Cotsa M.* Directions et étapes de la pénétration des slaves vers le péninsule balkanique aux VI—VII siècles. — *Balcanoslavica*, 1972, 1, p. 22—24.

¹⁴⁴ *Займов Й.* Заселване..., с. 100.

¹⁴⁵ *Иванов С. А.* Оборона Византии..., с. 46—47.

¹⁴⁶ Там же, с. 45.

¹⁴⁷ *Бешевлиев В.* Античната топонимия у нас като исторически извор. — *Известия на Института за български език*, 1954, 3.

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ VII В.

1. ИОАНН ЛАВРЕНТИЙ ЛИД

В VI в. в Византии получил значительное распространение особый жанр историко-литературных сочинений — трактаты, посвященные проблемам общественной и идейной жизни империи. Наиболее примечательными произведениями подобного жанра были трактаты, созданные представителем высшей чиновной иерархии и даровитым писателем Иоанном Лаврентием Лидом.

Его полное имя — Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид¹. Второе имя, по всей видимости, является именем его отца, третье же и четвертое, вероятно, отражают название родного города этого автора: он был уроженцем Филадельфии, расположенной в Лидии². Родился Иоанн Лид в 490 г., а в 511 г. в возрасте 21 года приехал в Константинополь с тем, чтобы продолжить свое образование, а затем заняться административной деятельностью³.

Иоанн Лид получил классическое образование, включавшее знакомство с греческой философией, римским правом, греческой и латинской филологией. Его учителем был известный в то время философ Агапий, у которого он изучал философию Платона и Аристотеля. В юные годы Лид овладел латинским языком, познаниями в котором он гордился всю свою жизнь. Однако Лид не стал ученым — ни филологом, ни историком. Судьба готовила ему административную карьеру. Ко времени прибытия Иоанна в Константинополь его соотечественник и друг Зотик был назначен на высокий пост префекта претория. Зотик убедил Лида стать нотарием префектуры претория. Свою служебную карьеру Иоанн, как и его двоюродный брат Аммиан, начал со скромной должности одного из эксцепторов (*ἑπογραφεὶς*) этого ведомства.

Иоанн Лид проявил себя старательным и сведущим чиновником. Благодаря протекции Зотика он довольно быстро поднимался по служебной лестнице и стал первым хартулярием префектуры. Ему назначили приличное ежегодное жалование⁴. Более того, при посредстве Зотика Иоанн «выгодно» женился, взяв в приданое 100 фунтов золота (7200 номисм)⁵, что во времена Юстиниана равнялось годовичному жалованию префекта Африки⁶. В знак благодарности за высокое покровительство Иоанн посвятил своему благодетелю хвалебный энкомий. Зотик был настолько тронут этим, что заплатил ему по одному золотому (*χρῶσιον*) за каждый стих. После года службы в судебном ведомстве префектуры претория Иоанн чуть было не стал секретарем императорского суда, но в это время его карьера в гражданской администрации неожиданно оборвалась. В 512 г. патрон Лида Зотик был смещен, а его преемник на посту префекта претория Марин не только не покровительствовал Лиду, но, напротив, отно-

¹ *Photius. Bibl. cod.* 180, p. 125 / Ed. I. Bekker.² *Ioannes Lydos. De magistratibus*, III, 26; *De mensibus*, IV, 2; *De ostentis*, 53.³ *Trispanlis C. N. John Lydos on the Imperial Administration.* — Byz., 1974, XLIV, fasc. 2, p. 480.⁴ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 27. Жалованье его равнялось 24 золотым номисмам в год.⁵ *Ibid.*, III, 27.⁶ *Trispanlis C. N. Op. cit.*, p. 481.

силы к нему с явной недоброжелательностью. Недаром много позднее Иоанн Лид отомстил Марину, подвергнув его правление самой резкой критике в своем труде ⁷.

Иоанну Лиду пришлось покинуть префектуру претория и перейти на военную службу. Он много лет служил правительству верой и правдой на военном и дипломатическом поприще, достигнув ранга корникулярия (*cognicularius*) ⁸. Согласно обычаю того времени, человек, достигший этого высшего военного ранга, именовался также принцепсом, трибуном и нотарием ⁹. Иоанн Лид, однако, жалуется, что занимаемые им посты доставляли ему весьма незначительные средства, поскольку его звания превратились в то время уже в почетные должности, не приносявшие реальных доходов ¹⁰. Иными словами, заслуженный им почет не был подкреплён материальным достатком.

В 551 г. Иоанн Лид ушел в отставку, прослужив на административных и военных постах сорок лет и четыре месяца (511—551 гг.) ¹¹. Причина отставки состояла в том, что он пришелся не по вкусу всемогущему временщику, префекту претория Иоанну Каппадокийскому, который жестоко притеснял его по службе. Разногласия с самим префектом и другими чиновниками префектуры претория в конечном счете повлекли за собой отставку Иоанна Лида. Он тяжело переживал ее. Личная обида, глубоко затаенная, но не забытая, привела впоследствии Иоанна Лида в стан людей, оппозиционно настроенных по отношению к правительству, хотя и не решавшихся на какие-либо открытые выступления и прямую критику правления Юстиниана.

Прошлые заслуги Лида все же не были окончательно забыты, и после отставки с государственной службы он был назначен профессором латинской (а возможно, и греческой) словесности Константинопольского университета: одно время император Юстиниан весьма благоволил к Иоанну Лиду за его литературный талант, чем, видимо, и объясняется это назначение. Из письма Юстиниана, адресованного Иоанну Лиду, мы узнаем, что император ценил его как поэта. Юстиниан называет Иоанна весьма мудрым (*σοφώτατος ἀνὴρ*), необыкновенно эрудированным (*δολοφώτατος*), хвалит его за широкие познания, лингвистический дар, добродетельную жизнь и блестящую карьеру в гражданской и военной сфере ¹².

Помимо энкомия Зотику, Иоанн Лид написал еще один панегирик, возможно, в честь самого Юстиниана, который произнес в присутствии императора и послов из Рима. Иоанн Лид утверждает также, что Юстиниан убеждал его написать историю войны с персами, которую тот удачно вел ¹³. Однако милости императора оказались недолговечными.

Удалившись от государственной службы, Лид в конце жизни занялся исключительно литературным трудом. Дата смерти писателя не известна ¹⁴.

Перу Иоанна Лида принадлежат три произведения, весьма неравноценные как по своему содержанию, так и по форме. Это трактаты «О магистратах римского народа» (*De magistratibus Populi Romani*), «О месяцах» (*De mensibus*) и «О небесных знамениях» (*De ostentis*). Бесспорно, наибольшее значение имеет его историко-административный трактат «О магистратах». Иоанн начал составлять его в ноябре 554 г. и закончил в декабре 565 г. ¹⁵ Сам автор говорит, что приступил к созданию своего труда после того, как прошел через высокие посты корникулярия, принцепса, магистра официий и завершил блестящую карьеру в гражданской и воен-

⁷ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 46; 49; 51.

⁸ *Ibid.*, III, 22—24; 30.

⁹ *Ibid.*, III, 24—25.

¹⁰ *Ibid.*, III, 66.

¹¹ *Ibid.*, III, 29.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*, III, 28.

¹⁴ *Ensslin W. Zur Abfassungszeit von des Iohannes Lydos. — Philologische Wochenschrift*, 1942, S. 667 ff.; ср.: *Ioannes Lydos. De mag.*, p. V—VIII; *Ibid.*, I, 15; 22; 23; III, 16.

¹⁵ *Ibid.*, III, 16.

ной администрации¹⁶. Но и тогда Иоанн был очень занят преподаванием и другими делами. Вероятно, из-за занятости он не смог привести в порядок свое сочинение и дать точные ссылки на те многочисленные источники, которые в нем были использованы. Скорее всего, Лид цитировал их по памяти, а потом уже не имел возможности проверить написанное — отсюда многочисленные погрешности в ссылках на произведения античных писателей¹⁷.

Из греческих авторов Иоанн Лид использовал Софокла, Еврипида, Аристотеля, Аристофана, Диодора Сицилийского, Писандра, Диогениана Лексикографа, Евсевия Кесарийского, Филоскена; из латинских — Варрона, Вергилия, Катона, Цицерона, Юлия Цезаря, Апулея, Ювенала, Арриана, Персия, Светония, Клавдиана, Саллюстия, Ульпиана, Сципиона Африкана, Лепидия, Помпония, Цельса, Корнелия Непота и др.; из современных ему авторов — Петра Патрикия, написавшего *De magisterio officiorum* (*Περὶ πολιτικῆς καταστάσεως*), и поэта Христодора¹⁸.

На основе этих разнообразных, преимущественно античных источников (частично они еще не установлены или утрачены) Иоанн Лид дает описание административного устройства, внутренней организации и, в меньшей степени, истории Римского государства с древнейших времен до правления Юстиниана включительно.

Трактат состоит из трех довольно больших книг. Первая охватывает царский период и республику; вторая посвящена римским должностям эпохи империи. Иоанн Лид сообщает важные данные о магистре оффиций, квесторе, корникулярии, принцепсе, консуле. В третьей книге речь идет главным образом о ведомстве префектуры претория. Основное внимание автора сосредоточено здесь на времени правления Анастасия и Юстиниана. В трактате содержится много автобиографических данных, значительно больше, нежели в двух других сочинениях автора. Очевидно, Иоанн Лид писал свой трактат уже в старости, и, возможно, смерть оборвала его работу над ним. Неудивительно, что встречаются повторы и некоторые несоответствия. Так, захват Антиохии Хосровом в 540 г. отнесен к первой войне Юстиниана с персами¹⁹.

Трактат «О магистратах» в той части, которая написана Иоанном Лидом как очевидцем и знатоком реальной организации центрального и провинциального управления империи, является ценнейшим историческим памятником. Его данные, касающиеся внутренней, особенно административной, истории Византийской империи VI в., во многом совпадают с известиями «Тайной истории» Прокопия и в то же время служат для них порою хорошим коррективом.

По своим политическим убеждениям Иоанн Лид принадлежал к оппозиционно настроенным кругам византийского чиновничества, недовольного политикой правительства, но скрывавшего это недовольство под маской официальной лояльности. Иоанн Лид, как и Прокопий, безжалостно вскрывает пороки византийской администрации, показывает тяжелое положение населения империи, но, конечно, в официальном труде, написанном при жизни императора, не решается хотя бы намекнуть на то, что виновником этих зол является прежде всего сам Юстиниан и его жена Феодора. Он всегда лоялен в отношении императора и верноподданнически восхваляет его как великого правителя и мудрого государственного деятеля. Иоанн Лид постоянно превозносит Юстиниана за необыкновенную мягкость, доброту, попечение о подданных, литературный гений, а также неустанную заботу о мире и процветании империи, о правосудии, о расширении ее территории²⁰. Иоанн Лид резко противопоставляет Юсти-

¹⁶ Ibid., I, 15; III, 25; 30.

¹⁷ *Trispanlis C. N.* Op. cit., p. 487.

¹⁸ Ibid., p. 488—489.

¹⁹ *Ioannes Lydos.* De mag., III, 54.

²⁰ Ibid., III, 69. Ш. Диль полагал, что Лид нельзя заподозрить в неприязненном отношении к Юстиниану. См.: *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, с. XX.

диана его предшественникам, прежде всего Анастасию, отличавшемуся необыкновенной скупостью, и Льву, известному своими финансовыми злоупотреблениями.

Всю ответственность за дурное управление государством Иоанн Лид возлагает на продажных и нерадивых высших чиновников империи, в первую очередь на Иоанна Каппадокийского. В 559 г., когда писался труд Иоанна Лида, Иоанн Каппадокийский уже пал жертвой происков всемогущей Феодоры, и историку без какого-либо риска можно было поносить некогда могущественного вельможу и обвинять его в самых отвратительных пороках. Особенно раздражают Иоанна Лида все новшества, введенные Иоанном Каппадокийским в префектуре претория²¹. Ненависть Иоанна Лида к Иоанну Каппадокийскому, возможно, имела причиной личные обиды, нанесенные префектом претория своему подчиненному. Вместе с тем она отражает оппозиционные настроения той части чиновничества, которая выступала против административных реформ Иоанна Каппадокийского²².

Иоанн Лид дает по большей части негативную оценку современной ему администрации префектуры претория, особенно сильно порицая правление Иоанна Каппадокийского. Этому вельможу он считает главным виновником социальных беспорядков в империи, а также ставит ему в вину значительное сокращение ведомства префекта города и префектуры претория²³.

Враждебность Иоанна Лида к Иоанну Каппадокийскому была вызвана бесконечными злоупотреблениями последнего, его реформами и нововведениями, особенно теми, которые касались судебного ведомства префектуры и в результате которых были упразднены высшие суды, что означало для эксцепторов потерю довольно значительных средств²⁴. Более того, грубость Иоанна Каппадокийского по отношению к подчиненным, серьезное упрощение бюрократической машины, проведенное им, и значительные сокращения в употреблении латинского языка в качестве официального языка империи привели Иоанна Лида в столь сильное негодование, что он наполнил большую часть третьей книги трактата «О магистратах» резкими нападениями на ненавистного временщика и вообще посвятил ее критике его правления.

Иоанн Лид был особенно уязвлен сокращением в употреблении латинского языка в государственном управлении, поскольку сам являлся знатоком латыни и гордился своими познаниями в этой области. Писатель выражает сожаление по поводу того, что латинский язык исчезает из официального делопроизводства: это, по его мнению, один из симптомов кризиса империи²⁵. Действительно, у Лида были причины сетовать на «эллинизацию» делопроизводства: ведь сам-то он хорошо владел латынью и мог бы в ином случае благодаря своей образованности претендовать на служебные отличия²⁶. Иоанн Лид возлагает вину за забвение латыни на Иоанна Каппадокийского, не замечая того, что постепенная победа греческого языка в общественной жизни и государственной практике Византии была закономерным процессом, связанным с перенесением центра империи на Восток и с упадком римских традиций.

Воззрения Иоанна Лида на административное устройство империи окрашены в консервативные тона. Он — ярый приверженец сохранения всех административных традиций Римской империи и противник реформ. Иоанн Лид гордится древностью ведомства префектуры претория: она

²¹ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 57—69.

²² *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949, II, p. 734, 838—840.* Э. Штейн видел в Иоанне Каппадокийском выдающегося политического деятеля, вдохновителя всех административных преобразований Юстиниана и нападки Иоанна Лида на него считал не соответствующими действительности.

²³ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 57—62; 66—72.

²⁴ *Ibid.*, III, 65—68.

²⁵ *Ibid.*, II, 12; III, 42.

²⁶ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964, vol. II, p. 601.*

была, по его словам, основана еще Ромулом. В представлении писателя глава префектуры претория — *πρόεδρος* и глава всадников — *ιππάρχος* этимологически адекватны ²⁷.

Традиционализм Лиды был отмечен в научной литературе. Так, В. Энслин писал: «Высшие чиновники весьма часто сменялись, но их опытнейшие подчиненные в большей степени подходили для эффективной работы и в то же время были ревностными хранителями административной традиции. Иоанн Лид, сам работавший в ведомстве преторианского префекта, приводит примеры этого в своей книге „О магистратах“» ²⁸.

Вместе с тем Иоанн Лид проявляет достаточную политическую осторожность и никогда не отваживается открыто выступать против еще здравствующих вельмож. Он позволял себе свободно поносить уже павшего временщика Иоанна Каппадокийского, но воздерживался от упреков в адрес его преемников, одним из которых был небезызвестный Петр Варсима, заслуживший уничтожающую характеристику в «Тайной истории» Проккопия. Петр был в силе как раз тогда, когда Иоанн Лид писал свой трактат.

Трактат Иоанна Лиды «О магистратах» интересен также как литературное произведение. Писатель часто отходит от сухого изложения чисто административных вопросов и вставляет в свое повествование целые литературные новеллы, порой не связанные с главной темой его труда. Сочиняя подобные вставные новеллы, автор стремился показать свою образованность, знание латинской и греческой литературы. Характерный образец такого рода литературных отступлений у Иоанна Лиды — его экскурс о латинской драматической и сатирической поэзии ²⁹. Возникновение театра в древнем Риме автор связывает с созданием такой магистратуры, как цензура; Лид описывает историю римского театра, его жанры (трагедию и комедию), разбирает вопрос о воздействии греческого театра на римский. Особое внимание писателя привлекает римская сатира, поэтический жанр, возникший из комедии и по своей форме наиболее близкий греческим образцам. Трудно сказать, читал ли сам Лид произведения римских сатириков в подлиннике, но несомненно, что хорошо знал литературу о них. Экскурс о латинской сатирической поэзии позволяет определить уровень знания латинской литературы у Константина VI в. ³⁰

В заключение отметим, что трактат Иоанна Лиды «О магистратах» представляет собой важный и уникальный источник по административной истории Римской империи и ранней Византии. Если не считать фрагментов трактата Петра Патрикия, о котором Иоанн Лид очень высоко отзывается ³¹, его труд представляет собой первый трактат по административной истории, написанный после эпохи Адриана, и единственный, который сохранился от ранневизантийского времени. Фотий высоко оценивает этот труд, характеризуя его как изящный и полезный для тех, кто интересуется римской администрацией.

Два других произведения Иоанна Лиды — трактаты «О месяцах» (*Demensibus*) и «О небесных знамениях» (*De ostentis*) — во многом уступают его основному сочинению. Они интересны главным образом как отражение некоторых научных представлений византийцев, причудливо сочетающихся с грубыми суевериями, которые царили в современном Лиду обществе. Вместе с тем оба трактата содержат немало разнообразных сведений из повседневной жизни империи, иногда почерпнутых из не дошедших до нас источников.

Произведение «О месяцах» — это компилятивное собрание материалов античных авторов о мифических и отчасти исторических событиях, при-

²⁷ *Ioannes Lydos. De mag., I, 14—15; III, 22.*

²⁸ *Ensslin W. The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium. An Introduction to East Roman Civilisation. Oxford, 1961, p. 284.*

²⁹ *Ioannes Lydos. De mag., I, 40—41.*

³⁰ *Tanasoca N. S. I. Lydos et la Fabula latina. — Revue des Etudes sud.-est. europ., 1969, 7, p. 231—237.*

³¹ *Ioannes Lydos. De mag., II, 25—26.*

уроченных обычно к тому или иному месяцу года, своего рода справочник по римскому календарю и праздникам, о которых из других источников мы знаем очень мало.

Эти трактаты Лида свидетельствуют о его незаурядной образованности. Так, в трактате «О месяцах» он использует не только широко известных авторов — Гомера, Софокла, Платона, Аристотеля, Гесиода, Исократ, Плуларха, Варрона, Демокрита, Менандра, Олимпиодора, Вергилия, Евсевия, но и таких мало кому знакомых, как Никомах, Ликофрон, Митродор, Порфирий, Филарх. По Фотию, хотя этот труд во многих отношениях и бесполезен, но приятен для чтения и является ценным источником по истории античности³². Это сочинение интересно еще и для характеристики познаний Иоанна Лида в области античной мифологии и литературы, оно свидетельствует о живучести античных литературных традиций в VI в. В какой-то степени трактат отражает и уровень естественнонаучных знаний в Византии VI в.

Трактат «О небесных знамениях» — краткая сводка сведений, почерпнутых в произведениях античных и византийских писателей, о различных природных явлениях — кометах, затмениях солнца и луны, громе и молнии, разливе рек и т. п., которые истолковывались в то время как знамения бедствий для народов, государств или отдельных лиц.

Хотя трактат, по выражению Фотия, и представляет собой сборник легенд и мифов, в то же время он содержит красочные сведения по древней астрологии, истолкованию небесных явлений и различных примет, связанных с окружающей человека природой: звездами, громом и молнией, стихийными бедствиями и прочими грозными знамениями, предвещающими трагические перемены в жизни людей и империй. В известной мере это — ценный источник для изучения социальной психологии людей античной и ранневизантийской эпохи³³. Трактат отражает уровень астрологической науки VI в., свидетельствуя о широком распространении различных суеверий во всех слоях византийского общества. Для историка, изучающего события VI в., неоспоримый интерес имеют включенные в этот трактат данные о восстании Ника³⁴.

В научной литературе вызвали споры религиозные воззрения Иоанна Лида. Еще византийские авторы — патриарх Фотий и император Лев в своей «Тактике» — критиковали Иоанна Лида за его языческие воззрения и предрассудки, которые они усматривали в астрологических и метеорологических наблюдениях и сочинениях писателя³⁵. Действительно, классицизм Иоанна Лида, его преклонение перед античностью были столь велики, что могли породить взгляд о его приверженности к языческой религии. Учитывая, однако, историческую обстановку Византии VI в., гонения на язычников при Юстиниане, трудно представить, чтобы государственный чиновник, каковым был Лид, мог оставаться язычником. Участие в государственной службе требовало от чиновников в VI в. принятия христианства, а их симпатии к язычеству, коль скоро они и существовали, должны были сохраняться в глубокой тайне. Недаром в основном и официальном труде Иоанна Лида «О магистратах» который он писал, правда, уже в старости, в полной мере ощущается влияние христианства.

Произведения Иоанна Лида привлекают и своими литературными достоинствами. Язык писателя — это греческий койне, несвободный от аттицизмов и усложненности синтаксиса. Он изобилует пословицами и поговорками. Ко всему прочему, трактат «О магистратах» насыщен административными терминами и латинскими словами. Порой Иоанн Лид дает довольно странную этимологию, последних: это ставит под некоторое сомнение его утверждение, будто он был признанным экспертом в области латинской словесности³⁶. В сочинениях Лида немало отступлений от

³² *Photius. Op. cit.*, p. XVI.

³³ *Commentary by P. Hash in Lydos De mag. Bonn, 1837, p. XVI.*

³⁴ *Ioannes Lydos. De ostentis, 8, p. 282—283.*

³⁵ *Commentary by P. Hash..., p. XVI—XVII.*

³⁶ *Trispanlis C. N. Op. cit.*, p. 484.

темы, порою весьма пространных. Однако благодаря им Иоанн Лид извлекает читателя от сухого, монотонного изложения.

Во всяком случае, язык Лида более литературен, чем у византийских хронистов VI в., хотя и этот автор уже испытал воздействие народного греческого языка своего времени³⁷.

В своих трудах Иоанн Лид предстает человеком своего времени. Это — образованный чиновник, не чуждый политике, а также забот о своей карьере и житейском благополучии. Вместе с тем он — любитель римских древностей, знаток латинской и греческой литературы, ученый-профессор, с большим рвением отдающийся своим научным занятиям. Лид — одаренный писатель, стремящийся передать читателям свои обширные знания, поразить их блеском эрудиции, в то же время это человек суеверный, разделяющий все заблуждения своей эпохи.

2. ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Заметное место в хронографии ранней Византии занимает сочинение анонимного хрониста, получившее название Пасхальная хроника. Ее непосредственное значение в истории византийского летописания определялось прежде всего тем, что в ней содержалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда происходит и само название Хроники³⁸.

Пасхальная хроника — весьма объемистое, по преимуществу компилятивное произведение, написанное в церковно-апологетическом духе. Она содержит хронологический костяк событий всемирной истории — «от Адама» до 628 г. Хроника сохранялась в единственной рукописи X в. (Cod. Vat. gr. 1941), которая обрывается на описании восшествия на престол иранского шаха Кавада (8 апреля 628 г.)³⁹.

Анонимный хронист был современником императора Ираклия (610—641). Время составления Пасхальной хроники относится, скорее всего, к последнему десятилетию правления этого императора. О самом хронисте известно чрезвычайно мало. Ярко выраженный клерикальный характер Хроники не оставляет сомнения, что ее автор был духовным лицом. Возможно, он состоял в свите константинопольского патриарха Сергия I (610—638): хронист относится к нему с особой симпатией, выдвигает его на передний план церковной жизни начала VII в., восхваляет Сергия как творца нововведений в православной литургике. Автор Пасхальной хроники ставит в своем труде две тесно связанные между собой задачи. Одна — общеисторическая: представить (подобно другим хронистам) всемирно-исторический процесс в строго хронологической последовательности, исходя из библейской концепции. Вторая — более практического, прикладного характера: создать руководство по единообразному исчислению пасхалий, поскольку в нем было много путаницы и противоречивых решений. Для самого автора, впрочем, как и для его читателей, вторая задача имела самостоятельное и особо важное значение.

Исходным пунктом для определения пасхального цикла анонимный хронист избрал 5507 г. С этой даты стала затем начинаться византийская (римская) эра, или эра «от сотворения мира», — в противовес александрийской и антиохийской. Хронология анонимного писателя, как и у других христианских хронографов, основана на библейском летосчислении, между годами которого вставлены рассказы о вавилонских и персидских царях, о Птолемах и римских императорах.

³⁷ Crusius O. Römische Sprichwörter und Sprichwörterklärungen bei Joannes Laurentius Lydus. — Philologus, 1898, 57, S. 501—503.

³⁸ Наряду с названием Chronicon Paschale это сочинение иногда называли Chronicon Alexandrinum, Chronicon Constantinopolitanum или Fastisculi. См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischer Literatur. München, 1897, S. 337 f.

³⁹ Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur des Byzantiner. München, 1978, Bd. 1, S. 328; Mereati G. A Study on the Paschal Chronicle. — Journal of Theol. Stud., 1906, 7, p. 397—412.

Изложение исторического материала в хронике строится применительно к ее основной задаче; хронологические выкладки автор как бы сопровождает историческим комментарием, пытаясь облечь хронологический костяк в плоть и кровь исторического повествования. Хроника состоит из подробного перечня событий, подчиненного строгому хронологическому порядку и разукрашенного различными вставками на исторические сюжеты, занимательными рассказами, историческими реминисценциями.

В передаче событий до 532 г. хроника сугубо компилятивна, она похожа здесь на пеструю мозаику, сложенную из отдельных отрывков сочинений древних авторов. Для древнейшего периода истории главным источником хрониста был Секст Юлий Африкан, данные которого он согласовывал с Библией. Для исчисления пасхалий хронист пользовался сочинениями Евсевия Памфила и каким-то неизвестным источником, возможно восходящим к Пандору или Анниану. Известия Псевдо-Каллисфена почерпнуты, вероятно, в доступной автору хронографии Иоанна Малалы (полной редакции). Начиная с описания событий времени Римской республики писатель привлекает такой ценный источник, как консульские списки (фасты). Это тот же латинский источник, который использовал епископ Идатий для своей латинской Хроники. Автору были известны также пасхальные таблицы александрийского и антиохийского диоцезов.

Из христианских источников широко используются Библия, жития и мученичества святых, церковные истории Евсевия и Епифания. Анониму известно, например, произведение Епифания *Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν*. Главы о патриархах и пророках, об Иоанне Продроме, апостолах Петре и Павле, о мученике Стефане взяты из «Христианской топографии» Космы Индикоплова⁴⁰.

В основу освещения собственно византийской истории была положена Хроника Иоанна Малалы, которую автор иногда переписывал дословно. Помимо этого привлекался агиографический, а иногда и законодательный материал. Так, в Пасхальной хронике полностью приведен эдикт Юстиниана об истинной вере⁴¹.

События 532—600 гг. переданы не только по известным нам письменным источникам, но использована, видимо, устная традиция и какие-то иные ныне утраченные памятники. В этом аспекте особый интерес представляет оригинальная трактовка в Пасхальной хронике восстания Ника: наличие дополнительных источников и использование данных устной традиции позволили автору дать собственную версию трагических событий в Константинополе в январе 532 г.

После 532 г. и вплоть до конца правления Маврикия хроника скудеет событиями и состоит почти целиком из консульских фаст. Наибольшее значение в качестве вполне самостоятельного исторического источника имеет ее последняя часть, охватывающая время с 600 по 628 г. Конец царствования Маврикия, переворот Фоки и особенно первые семнадцать лет правления императора Ираклия описаны с большой полнотой, рассказ писателя становится подробнее, живее, красочнее, очевидно, потому, что он являлся современником изображаемых событий.

В некоторых частях Пасхальной хроники не лишена занимательности. Перечисление 12 городов, в название которых входит имя Александра Македонского⁴², описание строительной деятельности Септимия Севера⁴³, а также рассказ об императрице Евдоксии и Павлине⁴⁴ явно свидетельствуют о стремлении автора приукрасить повествование и сделать более привлекательным сухой хронологический перечень событий. Однако интерес писателя к хронологии всегда остается на первом плане. В точности ее воспроизведения — сильная сторона его сочинения⁴⁵.

⁴⁰ Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas..., p. 54 f.; 86—93.

⁴¹ Chronicon Paschale/ Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 635—684.

⁴² Ibid., p. 321.

⁴³ Ibid., p. 493 f.

⁴⁴ Ibid., p. 584 f.

⁴⁵ Hunger H. Op. cit., S. 329.

Значение Пасхальной хроники, однако, выходит далеко за рамки упорядочения хронологии с целью установления строгого канона вычисления даты Пасхи и других церковных праздников, хотя сам хронист, да и его средневековые читатели именно в этом видели основную ценность его труда. В научной литературе, начиная с К. Крумбахера и кончая Г. Хунгером, Пасхальная хроника оценивалась обычно как посредственное произведение компилятивного характера, а собственная работа хрониста, если исключить упомянутую современную ему часть сочинения, представлялась крайне незначительной. Считалось, что автор ограничивался случайным сокращением и соединением источников. Нередко встречались в Хронике фактические погрешности и ошибки служили доказательством его невежества. В научном и литературном отношении Пасхальная хроника ставилась гораздо ниже произведений Евсевия и Синкелла; исследователи полагали, что она оказала большое влияние на средневековое летописание и потому заняла в хронографии последующего времени якобы незаслуженно выдающееся место лишь вследствие популярности изложения материала.

В последние годы, однако, в связи с возрастанием в научной литературе интереса к проблеме понятия исторического времени происходит постепенная переоценка византийской хронографии в целом и Пасхальной хроники в частности. Французские византилисты на основе изучения пролога к последней попытались суммировать то новое, что внесла византийская хронография, в том числе Пасхальная хроника, в эволюцию понимания исторического времени⁴⁶. Объект исследования, на наш взгляд, был избран правильно. Действительно, в Пасхальной хронике в концентрированном виде отразились все достижения христианской исторической мысли в выработке единой хронологической системы, где отсчет исторического времени ведется от 5507 г., или от «сотворения мира». Христианской историографии, создавшей единую историко-философскую концепцию и новое понимание исторического времени, необходимо было упорядочить и хронологию, в которой до того царил невероятный разномыслие. Существовали различные хронологические системы и эры, различные способы летосчисления. Требовалось привести эти многообразные хронологические системы в соответствие с эрой «от сотворения мира», что означало по существу замену многочисленных и порою случайных способов летосчисления единым временем, освященным христианской традицией. Само понятие «время» теологизировалось: все более упрочивалось богословское представление, согласно которому единое время было создано, как и все сущее, единым богом вместе с «сотворением мира» и будет длиться до бесконечности. Эта философская и богословская презумпция должна была теперь быть воплощена в историческую реальность.

В Пасхальной хронике, особенно в ее прологе, вырисовываются новые черты отношения христианской историографии к историческому времени.

Во-первых, в отличие от тех исторических сочинений («историй»), где на первом месте стоят события и раскрываются их внутренняя, причинная связь и логическая последовательность, во всемирных хрониках главная роль отводится времени, а следовательно, и хронологии. Хронология выступает у их авторов в целью и методом исторического повествования. Она даже оказывается важнее событий. События отныне непременно связываются с определенной датой, когда же примечательные события отсутствуют, хроника регистрирует смену лет или «чистый» ход времени. Продолжительность и последовательность событий используются для расчета времени и установления хронологии. Иными словами, событийное изложение заменяется временным.

Во-вторых, хронологии придается теологический характер. Приняв за основу всемирно-исторического процесса его библейскую концепцию.

⁴⁶ *Beaucamp J. e. a. Temps et Histoire. 1. Le prologue de la Chronique pascale. — Travaux et Mémoires, 1979, 7, p. 223—301.*

хронисты пытаются все важнейшие исторические даты соотнести с ветхозаветными и новозаветными событиями, иными словами придать хронологическим расчетам некую сакральную значимость и весомость. Хронология теперь — это не только рамки, в которые вставляются события, и ее главная цель — не только определение даты того или иного события. На передний план выдвигается иная задача — доказать, что та или другая дата подтверждается библейской традицией, что она верна с богословской точки зрения. К этому присоединяется еще весьма важная для церкви практическая проблема — определение сроков религиозных праздников.

В-третьих, теологизация хронологии повлекла за собой введение в летосчисление элементов символизма. Символика чисел в различных ее формах была известна многим древним народам. Заинтересовала она не без влияния ближневосточных традиций и христианских богословов.

Хронисты, однако, были увлечены не только самой этой символикой, но богословским смыслом чисел, который они старались отыскать, установив их тесную связь с церковной традицией. Тождественность чисел, их закономерное чередование, совпадение дат и хронологических циклов занимали их не сами по себе как некая «игра» или магическое действие, а прежде всего в качестве весомого в их глазах аргумента для доказательства правильности христианской системы хронологии.

Вместе с тем хронология все больше окутывается христианской символикой и окружается некоей сверхъестественной тайной. Этим подтверждался ее самодовлеющий характер, ибо именно в той степени, в какой можно проникнуть в «сокровенные тайны» времени, хронология, по мнению христианских хронистов, придает особый смысл самой истории⁴⁷. Отсюда вытекала еще одна существенная черта отношения христианских хронистов к проблеме времени — их стремление исторически обосновать освященные церковной традицией даты. Исторической дате зачастую отдается предпочтение перед символической. Это значит, что в соответствующем пункте времени хронологические сведения Ветхого завета, литургические каноны церкви и новозаветные даты совпадают. По существу речь шла о том, чтобы хронологически упорядочить все события всемирной истории — «от Адама» до «воскресения Христа». Естественно, что никому из хронистов, в том числе и автору Пасхальной хроники, не удалось полностью осуществить эту задачу. Сама попытка связать хронологию с христианской исторической концепцией, теологизировать хронологическую систему «от сотворения мира» и вместе с тем историзировать хронологические даты Ветхого и Нового завета, разумеется определялась общей религиозно-богословской «сверхзадачей», выдвигавшейся идеологами церкви, — необходимостью создания и окончательного упорядочения христианской догматики.

Если церковные историки ранней Византии, в первую очередь Евсевий и его последователи, старались реконструировать в духе христианской традиции документально обставленную событийную историю, то христианские хронисты строили для нее проверенный и исторически подтвержденный хронологический костяк. Он базировался на библейском материале, но вместе с тем должен был подвести под него историческое обоснование. Ведь путаница в хронологических системах и эрах зачастую подрывала веру в историчность библейских событий, что обеспечивало дополнительные аргументы противникам христианства.

У авторов всемирных хроник, при всех различиях в их таланте и в их манере изложения, была, таким образом, одна общая цель: исторически подкрепить церковную традицию и христианское понимание исторического времени — отсюда и их обращение именно к жанру всемирной хроники. Такая цель достигалась различными путями. Одни хронисты отдавали предпочтение символике, другие — историзму. Большинство соединяло в своих повествованиях и то и другое. В иных хрониках символичность проявлялась лишь по отношению к отдельным событиям, свя-

⁴⁷ Chron. Pasch., p. 3—31.

занным с определенными датами. Иногда, как это наблюдается в Пасхальной хронике, символизированный подход сопрягался со всей хронологической системой в целом.

Символизм проявлялся здесь в широком применении своеобразного «математического» метода, который позволял свести конкретные особенности событий отдельного года к общей модели — путем определения его места в повторяющемся цикле. А символичность тогда только и возникает, когда вырисовывается некое «тождество».

Новая хронологическая система признавала «родство» между цифрами и именами: так, для обозначения четырех дней недели (воскресенья, понедельника, вторника и среды) греческий язык предлагает полное тождество между названиями этих дней и цифрами, обозначающими их порядковое место в неделе. Этот факт показывает, по мнению хрониста, что греческие буквы и цифры, числа и слова составляют единство, в котором все элементы зависят друг от друга. День недели не только имеет «правильное» наименование, но и заключает в себе определенный тип событий. Поэтому, с точки зрения хрониста, можно считать, что хронология в какой-то степени содержит и самый смысл событий, происходящих во времени. Следовательно, не история повествует о времени, а время об истории.

Хронология приобретает поэтому в известной мере «пророческий» характер, вследствие чего новая система позволяла вычислять даты Пасхи до «скончания света». Автор Пасхальной хроники неоднократно пытается установить символическую связь между событием и его датой⁴⁸. Правильность хронологии — это в представлении хрониста не только историческая, но и теологическая необходимость.

Основные выводы автора Пасхальной хроники сформулированы им в прологе к его сочинению. Церковные праздники, по его утверждению, отмечаются в хронологически правильно установленные дни; представленные в его труде циклы для исчисления Пасхи (солнечный цикл — в 28 лет, лунный цикл — в 19 лет и цикл в 532 года) соответствуют реальности исторического времени. Начало цикла в 532 года является для автора не символической датой «воскресения» Христа, но его исторической датой. При исчислении даты Пасхи автор Хроники опирается на постановления Никейского собора (как, впрочем, и все другие христианские хронисты). Годы «от сотворения мира», указывает он, отсчитаны в его Хронике верно и соответствуют исторической реальности. Все утверждения хрониста логически связаны между собой, вытекают одно из другого и подтверждают друг друга. Гарантией правильности дат служат, с точки зрения автора, «божественные установления», природные явления (для солнечного и лунного цикла) и церковная традиция. Обоснованность предложенной хронологической системы подтверждается, таким образом, каждым из этих элементов, за исключением одного пункта: события, о которых не сказано в Писании, особенно события, происходившие после «страстей господних», не имеют, по мнению хрониста, небесной гарантии. «Страсти господни» — своего рода поворотный пункт. В плане техническом — циклы в 19 и 28 лет исчисляются «от сотворения мира», цикл в 532 года считается с «воскресения». В символическом плане — ни одна из дат, следующая за «воскресением», не подвергается интерпретации указанного выше типа; явно заметна убыль символичности. Последнее обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что время «от сотворения мира» до «воскресения» представляется замкнутым и это позволяет увидеть символическую связь между датой и событием. Напротив, время после «воскресения» — открытое время; поэтому значимость которая заключена в событиях, еще не может проявиться. Таким образом, время до и после Пасхи обладает разным «качеством», а история — различным статусом: до Пасхи историк имеет дело с законченной, написанной историей, поддающейся расчету

⁴⁸ Chron. Pasch., p. 461.

и толкованию; история после Пасхи не закончена, смысл ее еще не определен⁴⁹.

Пасхальная хроника написана простым языком, близким к народному. Анонимный автор сочинения был, по-видимому, грек, связанный с Константинополем и Константинопольской патриархией. Влияние восточных традиций в стиле и языке его труда проявляется в меньшей степени, чем в сочинениях других современных ему хронистов. Как Иоанн Малала и Иоанн Антиохийский, писатель черпал некоторые образы, метафоры, пословицы и поговорки, занимательные рассказы в устной традиции и народном творчестве. Однако в отдельных частях Хроники материал изложен сухо и лапидарно, что объясняется обилием математических расчетов и превалированием хронологии над описанием событий.

По яркости изложения и образности языка Пасхальная хроника уступает сочинениям других современных ей хронистов, особенно хронографии Иоанна Малалы. Вместе с тем доступность изложения сложных математических выкладок, четкая система вычисления Пасхалий, логика авторского мышления в сочетании с христианской ортодоксальностью обеспечили этому произведению широкое распространение и сделали его в течение всего средневековья излюбленным чтением византийских монахов.

⁴⁹ *Beaumont J. e. a. Op. cit., p. 290—291.*

И. ИРМШЕР

ВИЗАНТИЯ И ИНДИЯ

Отношение между греко-римским миром и Индостаном и представления об Индии, которые складывались в античном обществе на основе этих отношений, стали предметом обширной специальной литературы. В последние десятилетия в центре внимания исследователей продолжают находиться проблемы истории и географии индоэллинистических и индоскифских государственных образований. Ценным материалом для дальнейших дискуссий послужили находки предметов искусства культуры Гандхара, имеющие большое значение для изучения смешанной греко-буддийской культуры. Результаты всех этих исследований нашли наглядное отражение в соответствующих справочных изданиях. Назову статью Векера в «Реальной энциклопедии» Паули — Виссова¹ и соответствующую заметку И. Д. М. Деррета в «Малом Паули»². Заслуживают также внимания небольшие статьи Ф. Лассере³, Л. Свободы⁴ и Х. Диттена⁵, затрагивающие ряд конкретных вопросов. Наконец, и поныне еще сохраняет свое значение труд индолога Христиана Лассена, в котором охарактеризованы представления греков об Индии⁶.

Относительно взаимодействия античной и индийской культуры и истории также существует не только значительное число исследовательских трудов⁷, но имеются и необходимые работы обобщающего характера⁸, которые делают доступными результаты исследований и позволяют воссоздать общую картину этого процесса.

Что касается взаимоотношений между Византией и современной ей средневековой Индией, то здесь также нельзя пожаловаться ни на отсутствие конкретных исследований об отдельных сторонах указанных взаимоотношений, ни на нежелание свести воедино частные наблюдения⁹. В данной статье мы попытаемся рассмотреть некоторые важные материалы, которые позволят на основании византийских источников определить уровень и характер византийско-индийских отношений. Для создания полной картины необходимо, разумеется, использовать и сведения индийских источников¹⁰.

¹ Wecker. India. — RE, Bd. 9, Sp. 1264 ff.

² Derrett J. D. M. — In: Der Kleine Pauly. Stuttgart, 1967, 2, S. 1388 ff.

³ Lasserre F. — In: Lexikon der alten Welt. Zürich, 1965, S. 1378 f.

⁴ Svoboda L. — In: Encyklopedie Antiky. Praha, 1973, str. 265 f.

⁵ Ditten H. — In: Irmscher J. Lexikon der Antike. 4. Aufl. B., 1979, S. 253.

⁶ Lassen Ch. Indische Altertumskunde. 2. Aufl. Leipzig, 1874, Bd. 2, S. 626 ff.

⁷ Ср.: также: Benz E. Indische Einflüsse auf die frühchristliche Theologie. Wiesbaden, 1951.

⁸ Об античных источниках по древнеиндийской истории упомянуто также в работе: Renau L., Filliozat J. L'Inde classique. — Manuel des études indiennes. P., 1947, 1, p. 144 sq.

⁹ Применительно к взаимоотношениям между Византией и Китаем эта задача выполнена в работе, написанной на китайском языке: Ch'i Sou-ho. Shanghai, 1956. См. о ней: Pokora T. — BS, 1960, 21, 133 f.

¹⁰ Для античности эта задача отчасти решена Вальтером Рубином. См.: Welskopf E. Ch. Hellenische Poleis. B., 1974, 2, S. 1085 ff.; Lamotte E. Les premières relations entre l'Inde et l'Occident. — La nouvelle Clio, 1953, 5, p. 111 f.

В то время как между античным миром и индийским субконтинентом благодаря наличию индоэллинистических государств¹¹ существовали, хотя бы в течение какого-то времени, политические и дипломатические отношения, Византийская империя даже во времена своего максимального расширения не достигала границ Индии¹². Из сохранившихся в большом числе документов императорской канцелярии мне неизвестен ни один, который бы упоминал об Индии¹³. Напротив, в *Notitia episcopatum*, приписываемой мельхитскому патриарху Александрии Евтихию¹⁴ (933—940), что соответствует арабскому Саиду ибн Батрику¹⁵, встречается по крайней мере упоминание о церковной организации в Индии (*Ἰνδία ἐσωτέρη*), под которой, впрочем, следует понимать церковь химьяритов (в Эфиопии!), ко времени Евтихия давно находившейся под властью ислама.

Все эти реминисценции, однако, кажутся не имеющими значения, настолько существенную роль, во всяком случае более важную, нежели в античности¹⁶, играли (во всяком случае, в ранневизантийский период) коммерческие связи между обеими странами. Торговые пути были различными¹⁷. Один шел по Черному морю, затем через Кавказ и дальше по Каспийскому морю — он вел в Индию с севера. Важнейшая сухопутная дорога с многочисленными ответвлениями проходила через Персию. Не меньшую роль играла торговля, ведшаяся по Красному морю (государство находившихся там химьяритов, как мы уже видели, могло именоваться внутренней Индией) через гавани южного побережья Аравии и через Аравийское море, с портовыми городами западного побережья Индии или через Тапробану¹⁸ (Цейлон, ныне — Шри Ланка). Товары, привозимые из Индии, были весьма многообразны, что явствует из значащихся в Дигестах списков товаров, подлежащих таможенному обложению, а также из нарративных источников¹⁹. В этих списках речь идет и о людях, в частности об индийских рабах-евнухах (*spadones Indici*), и даже о человеческих волосах (*capilli Indici*); здесь упоминаются далее звери, импортировавшиеся, по всей видимости, для нужд ипподрома: гепарды, леопарды, пантеры, львы. Неясно, однако, доставлялись ли они непосредственно из самой Индии. Вне всяких сомнений оттуда привозили алмазы, сапфиры, гиацинты и другие драгоценные камни, а также ароматические вещества²⁰, пряности, в том числе длинный и белый перец, корицу и кардамон. Обработанный различными способами шелк доставлялся разными путями как через Индию, так и через Иран. Купцами в данном случае, как и вообще в византийской восточной торговле, часто выступали персы. Выращиваемый в Индии хлопок обрабатывали в Иране, после чего он попадал в Византию и далее достигал Испании²¹. В Византии, по всей видимости, импорт намного превышал экспорт, но до тех пор, пока византийская золотая монета являлась мировой валютой²², этот дефицит можно было легко урав-

¹¹ До сих пор сохраняет свое значение работа: *Tam W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.* Ср. также: *Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.*

¹² См.: *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. 2. Aufl. B., 1952.*

¹³ О многочисленных посольствах в период правления Юстиниана неоднократно сообщает Иоанн Малала: *Ioannes Malalas. Chronographia. Bonnae, 1831, p. 456 sq, 484.*

¹⁴ *Wageman-Krüger G.* — In: *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. 3. Aufl. Leipzig, 1898, 5, S. 647 ff.*

¹⁵ Немецкий перевод см.: *Gelzer H. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverszeichnisse der orientalische Kirche. T. III. — BZ, 1893, 2, S. 36 f.*

¹⁶ О контактах во времена Римской империи ср.: *Wheeler M. Der Fernhandel des römischen Reiches — Europa, Afrika und Asien. München, 1965, S. 141 ff.*

¹⁷ См. карту: *Edwardes M. A History of India from the Earliest Times to the Present Day. N. Y., 1961, p. 73.*

¹⁸ *Ostrogorsky G. Op. cit., S. 62.*

¹⁹ *Pigulewskaja N. V. Byzanz auf den Wegen nach Indien. B., 1969, S. 78 f.*

²⁰ Засвидетельствовано для XI в. Михаилом Пселлом: *Michael Psellos. Chronographie/ Ed. E. Renaud. P., 1928, t. 2, p. 49.*

²¹ *Lewis B. Government, Society and Economic Life under the Abbasides and Fatimides. — In: The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1966, vol. IV, part 1, p. 644.*

²² *Runciman S. Byzanz. Von der Gründung bis zum Fall Konstantinopoles. München, 1969, S. 229.*

новесить. В период развитого средневековья Византия вместе со своим вассалом Венецией контролировала транзитную торговлю с Западом²³ и, таким образом, могла вести ее с выгодой для себя.

Сравнительно интенсивные экономические отношения между обеими странами способствовали тому, что византийцы веками проявляли интерес к Индии. Сохранившиеся произведения древности, которые содержали сведения об этой стране, наверняка читались представителями образованных кругов. Насколько нам теперь известно, возникали и находили отклик новые сочинения. Наконец, литература в узком смысле слова (причем не в последнюю очередь народная и связанная с народной) постоянно овладевала новой тематикой²⁴. Мы и остановимся на наиболее важных сочинениях, содержащих сведения об Индии и показывающих уровень осведомленности византийцев об этой стране.

В III в. до н. э. появился украшенный именем племянника Аристотеля — Каллисфена «Роман об Александре» — народное произведение, изображающее в фантастическом духе походы Александра Македонского. Оно сохранилось во многих вариантах и позднее, уже во времена империи, было переведено на латинский, армянский, коптский и сирийский языки²⁵. Дошел до нас и трактат об Индии и брахманах, который, по всей вероятности²⁶, был заимствован из *Historia Lausiaca* Паллады²⁷, составленной около 400 г.²⁸ Сам Палладий достиг лишь ἀκρωτήρια τῆς Ἰνδῆς, границы страны, а затем из-за страшной жары вернулся назад. Тем не менее его поручитель, адвокат из египетских Фив, добрался до Тапробаны и южной Индии и там был посвящен в религию местных жителей. Насыщенный информацией текст был переведен под именем известного медиоланского епископа Амвросия на латинский язык и широко использовался византийскими хронографами и лексикографами²⁹.

Вскоре после того, как была составлена *Historia Lausiaca*, еретик-евномониан Филосторгий создал свою «Церковную историю»³⁰. Она доступна нам главным образом благодаря экскерптам, сделанным в IX в. патриархом Фотием: ему этот труд был известен полностью. Филосторгий сообщает о посольстве, которое по поручению Константина I Феофил, Ἰνδός по происхождению, осуществил в Ἰνδία ἐσωτέρα — что следует понимать в упомянутом выше смысле — и затем отправился дальше в Индию³¹. Феофилу довелось встретить индийских христиан, возводивших начало своей веры в Индии к апостолу Варфоломею³². Рассказывает автор и о природе этой местности (χλίμα)³³.

Еще большую важность, нежели произведения названных выше авторов, представляют для нас сведения Косьмы Индикоплова, купца³⁴, ко-

²³ Herrin J. Die Krise des Ikonoklasmus. — In: Maier F. G. Byzanz. Frankfurt a. M., 1973, S. 416.

²⁴ Упомянем хотя бы творчество Нонна. См.: Schulze J.-F. Das Bild des Inders in den Dionisiaka des Nonnos von Panopolis. — Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther-Universität, Halle; Wittenberg, 1973, XX, 5. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, S. 103 ff. (там же литература вопроса). См. также: Priault O. de B. — Journal of the Royal Asiatic Society, 1863, 20, p. 269 sq.

²⁵ Tusculum-Lexicon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters/ Neu bearb. von W. Buchwald, A. Hohlweg, O. Prinz. München, 1963, S. 22.

²⁶ Относительно сомнений насчет зависимости между этими текстами см.: Duncan J., Derrett M. The History of Palladius on the Rases of India and the Brakmans. — Classica et mediaevalia, 1960, 25, p. 64 ff. Cp. далее: Berg B. — Byz., 1974, 44, p. 5 ff.

²⁷ Критическое издание В. Бергхофа: *Palladius. De gentibus Indiae et Bragmanibus*. Meisenheim, 1967.

²⁸ Tusculum-Lexicon..., S. 376.

²⁹ См.: Breloer B., Bömer F. Fontes historiae religionum Indicarum. Bonn, 1939, p. 177 sq.

³⁰ Gentz G. — RE, 1941, Hbbd. 39, Sp. 119 ff.

³¹ См.: *Philostorgius. Kirchengeschichte/ Hrsrg. von J. Bidez*. Leipzig, 1913, S. 281, s. v. Θεόφωλος.

³² Ibid., S. 282.

³³ Ibid., S. 39 ff.

³⁴ Точку зрения, согласно которой Косьма стал впоследствии монахом, повторил, приведя важные доводы в ее пользу, М. В. Анастос (DOP, 1946, 3, p. 73 ff.).

торый в первой половине VI в. путешествовал по Черному морю, Аравии, Восточной Африке и который, как свидетельствует его имя, достиг Тапробаны и Индии³⁵. Его *Χριστιανική τοπογραφία* имела ретроградную по своей сути цель — заменить птолемеевское представление о мире картиной, созданной на основе буквального понимания Библии. По существу этой задаче и посвящены первые десять книг. В одиннадцатой книге содержится описание Индии; как и основная часть сочинения, эта часть отражает географические представления византийцев и средневековых славян³⁶. Двенадцатая (последняя) книга, сохранившаяся неполностью, вновь возвращает читателя к общей тематике; автор старается здесь подтвердить свои взгляды ссылками на античные свидетельства³⁷. Содержание одиннадцатой книги в весьма общем виде резюмируется в заголовке, составленном, по всей видимости, лишь позднее: *Καταγραφή περί ζῴων ἰνδικῶν καὶ περί δένδρων ἰνδικῶν καὶ τῆς Ταπροβάνης νήσου* («Описание индийских зверей и индийских деревьев и острова Тапробаны») ³⁸. В книге имеются иллюстрации, которые восходят к рисункам самого автора и несут черты реалистического, живого интереса к миру народного искусства³⁹. В византийскую эпоху «Христианская топография» неоднократно переписывалась, комментировалась и переводилась⁴⁰. Она вызвала критику патриарха Фотия (cod. 36)⁴¹, получившего классическое образование, и использовалась, между прочим, анонимным автором Пасхальной хроники.

Обширная и обладавшая (в значительной мере благодаря переводам) большим воздействием хронографическая литература, как правило, содержит сведения об Индии, поскольку в литературе этой хотя и немного, но все же рассказывается о походе Александра Македонского.

Распространению античных представлений об Индии способствовали и другие сочинения, в частности лексиконы. Важнейший из них — лексикон Свиды, составленный в X в.⁴², приводя слово Ἰνδοί, сообщает о методах ведения войны жителями этой страны и о миссионерской деятельности Константина I⁴³; под словом Ἀλέξανδρος здесь передаются основные сведения об индийском походе Александра Македонского⁴⁴, в мифологическом духе повествуется о реке Ганг⁴⁵. Те византийцы, которым были доступны книги, имели таким образом достаточно возможностей, чтобы познакомиться хотя бы с античными представлениями об Индии, пополненными отдельными деталями⁴⁶.

Наряду с этой, а priori рассчитанной на широкий круг читателей, литературой существовали произведения специального характера. Уже лексикон Свиды основывался на собрании эссе, которые император Константин VII Багрянородный (905—959), инициатор «македонского ренессанса» — всестороннего обновления византийского государства, повелел систематизировать (в соответствии с принципами античного «научно-

³⁵ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. 1, S. 528 f. Сохраняет также значение монография: *Gelzer H.* Kosmas der Indienfahrer. — *Jahrbücher für protestantische Theologie*, 1883, 9, S. 105 ff. Интересна точка зрения историка-античника Х. Бенгстона: *Bengston H.* Kosmas Indikopleustes und die Ptolemäer. — *Historia*, 1955, 4, p. 151 ff.

³⁶ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München, 1897, S. 35.

³⁷ *Cosmas Indicopleustes.* Topographie Chrétienne/ Ed. W. Wolska-Conus. P., 1973, t. 3, 358 sq.; PG, t. 88, col. 441 sq.

³⁸ *Cosmas Indicopleustes.* Op. cit., t. 3, p. 314. См. также примечания издательницы.

³⁹ *Pigulewska N. V.* Op. cit., p. 130.

⁴⁰ *Cosmas Indicopleustes.* Op. cit., 1968, t. 1, p. 44 sq.

⁴¹ *Photius.* Bibliothèque/ Ed. R. Henry. P., 1959, 1, p. 219.

⁴² *Hunger H.* Op. cit., Bd. 1, S. 40 f.

⁴³ *Suida lexicon/* Ed. A. Adler. Leipzig, 1931, vol. 2, p. 636.

⁴⁴ *Ibid.*, 1928, vol. 1, S. 105 ff.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 502.

⁴⁶ Насколько хорошо образованные круги византийского общества были осведомлены об Индии, свидетельствуют неоднократные упоминания об этой стране, содержащиеся в письмах и трактатах Михаила Пселла: *Michael Psellus.* Scripta minora/ Ed. E. Kurtz, P. Drexler. Mailand, 1936, I, p. 487 (Index); 1949, II, p. 332 (Index).

ведения) в 53 группы⁴⁷. Поскольку большая часть труда утрачена, можно лишь приблизительно представить себе то, что посвящалось Индии.

Сохранился справочник по зоологии, также составленный благодаря Константину Багрянородному⁴⁸. На основе античных материалов здесь очень подробно описан слон (II, 68—132)⁴⁹. Далее можно назвать *Corpus hippiatricorum*, сборник практических рекомендаций и рецептов по ветеринарии⁵⁰. В значительной степени он восходит к трудам позднеантичного ветеринарного врача Теомнеста⁵¹, имевшего тесные связи с Арменией, что позволило ему познакомиться и с достижениями индусов этой области. Опубликованное им под именем Гиппократата, — по-видимому, индийского происхождения⁵².

Арабские цифры, как известно, вполне справедливо назывались индийскими. Название книги по арифметике 1252 г. имеет заголовок: 'Αρχή τῆς μεγάλης καὶ Ἰνδικῆς ψηφιορίας⁵³ («Основы большого и индийского искусства счета»⁵⁴). В ней использовались западноарабские цифры⁵⁵. Это сочинение попало в руки византийского гуманиста Максима Плануда, который на его основе, пользуясь давно известными в Византии восточноарабскими цифрами, создал свой труд *Ψηφιορία κατ' Ἰνδούς* («Счет по-индийски»⁵⁶). Хотя в сочинении, по всей видимости, отразились и античные, и византийские традиции, его заголовок ориентирует читателя на достижения индусов, завоеванные в этой области.

Из трудов теологического характера следует назвать состоящее из 100 глав сочинение *Πρὸς τοὺς ἀπὸ τῆς Ἰνδίας προτρέψαντες μοναχοὺς παρακλητικός*⁵⁷, связанное с именем отшельника Иоанна Карпата (вероятно, VII в.)⁵⁸. В заголовке сказано стремление показать, что монахи, живущие в Индии, просили об «утешительном сочинении», которое аскет и создал для них⁵⁹. По-видимому, речь в данном случае идет о греческих миссионерах, о которых уже упоминалось выше; во всяком случае, едва ли имеются в виду индусы. Если даже судить только по тексту заголовка, не исходя из содержания этого произведения, то заголовок этот сам по себе служит показателем существования византийско-индийских отношений.

В Индии разворачивается действие романа «О Варлааме и Иоасафе»⁶⁰, греческая версия которого сложилась вскоре после появления *παρακλητικός* Иоанна Карпата, — мнение Ф. Дельгера об авторстве Иоанна Дамаскина остается в силе⁶¹. Как хорошо известно, в романе «О Варлааме и Иоасафе» варьируется на христианский лад буддийская легенда. Индийский царь Абеннер стремится уберечь своего сына от горя и от перехода в христианство, которое принес в страну апостол Фома. Ему не удается ни то, ни другое. Более того, под влиянием монаха-священника сын Абеннера

⁴⁷ *Hunger H.* Op. cit., Bd. 1, p. 360. ff.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 265 ff.

⁴⁹ *Exceptorum Constantini de natura animalium libri duo — Aristophanis historiae animalium epitome/ Ed. Sp. P. Lampros. B., 1885, p. 54 ff.*

⁵⁰ *Hunger H.* Op. cit., Bd. 1, S. 268, 306.

⁵¹ *Corpus hippiatricorum Graecorum/ Ed. E. Oder, C. Hoppe. Leipzig, 1927, 2, p. 341 (Index). Ср.: Björck G. Apsyrtus. Julius Africanus et l'hippiatrique grecque. Uppsala, 1944, p. 50 sq.*

⁵² *Vogel K.* — In: *The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1967, vol. IV, part 2, p. 292.*

⁵³ См. изд.: *Das Rechenbuch des Maximus Planudes/ Hrsg. von C. J. Gerhardt. Halle, 1865.*

⁵⁴ *Wendel C.* — RE, 1950, Hbhd. 40, Sp. 2211 f.

⁵⁵ *Hunger H.* Op. cit., Bd. 2, S. 244.

⁵⁶ *Ibid.*, S. 246 f.

⁵⁷ Текст см.: PG, t. 85, col. 1837 sq.

⁵⁸ *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 452 f.; Niggel Th.* — In: *Lexikon für Theologie und Kirche. 2. Aufl./ Von J. Höfer, K. Rahner. Freiburg, 1960, 5, S. 1049 (текст датируется V—VII вв.).*

⁵⁹ Краткое упоминание — у Фотия: *Photius. Bibliothèque, 1962, 3, p. 100 sq. (Codex 201).*

⁶⁰ Текст см.: PG, t. 96, col. 857 sq.

⁶¹ *Dölger F.* — In: *The Cambridge Medieval History, vol. 2, p. 242, 243, n 1; Beck H.-G. Kirche..., S. 482 f.*

становится христианином, некоторое время правит сообразно христианским идеалам, затем возвращается в пустыню и заканчивает жизненный путь отшельником. Далекая Индия в этом романе, получившем широкое распространение и неоднократно переводившемся ⁶² (известно более 140 его рукописей), значительно приближена; но она и в самом деле становилась довольно близкой из-за описанного в ней действия.

Индийское влияние заметно в народной литературе и более позднего времени. Панчатантра, сборник легенд, оформившийся как литературное произведение в IV—V вв. н. э., был вскоре переведен на другие языки и через посредство персидского и сирийского языков проник в арабский — вместе с легендой о двух шакалах (Калиле и Димне) ⁶³. Впервые Панчатантра была частично переведена на греческий язык еще в X в. Однако свое завершение работа эта получила лишь в пространной редакции, получившей название «Стефанит и Ихнелат» (имена двух шакалов) и приписываемой Симеону Сифу. Рукописная традиция этого текста богата и сложна, она свидетельствует о том, что сборник превратился в истинно народное сочинение. Он имел своих читателей не только в Византии, но стал быстро распространяться и на Западе ⁶⁴.

В отношении же «Книги о Синтипе-философе» ⁶⁵, истоки которой раньше искали в Индии, следуя выводам Т. Бенфиса ⁶⁶, ныне общепринята иная точка зрения: первоначальный вариант этого произведения — среднеперсидского происхождения ⁶⁷.

Основные литературные памятники, касающиеся византийско-индийских отношений, свидетельствуют о том, что различные по своему характеру феодальные культуры можно верно понять, лишь рассматривая их как часть культуры всемирной, точно так же и средневековую историю вообще можно правильно понять лишь в контексте всемирной истории.

⁶² Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971, S. 35 ff.

⁶³ Ibid., S. 41 ff.

⁶⁴ Sjöberg L.-O. Stephanites und Ichnelates / Überlieferungsgeschichte und Text, deutsch von H.-G. Richert. Diss. Uppsala, 1962.

⁶⁵ Текст см.: Eberhard A. Fabulae Romanenses Graece conscriptae. Leipzig, 1882, 1, p. 1 sq.

⁶⁶ Krumbacher K. Op. cit., S. 981 ff.

⁶⁷ Beck H.-G. Geschichte..., S. 45 ff.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК И ИСТОЧНИКИ ЕГО «ХРОНОГРАФИИ» (К вопросу о методах их освоения)

Византийская историография — это в значительной мере литература вторичная. Исторический писатель получал здесь материал большей частью не из документов, воспоминаний, рассказов или личных впечатлений, а находил его в «готовом», жанрово оформленном обличье — в хрониках, историях и других сочинениях. Именно поэтому вопрос о приемах и способах переработки трудов предшественников в применении ко многим византийским писателям превращается в проблему их исторического и одновременно художественного метода. Знание этих приемов важно как для историка, добывающего факты и вынужденного пользоваться «вторичными источниками», так и для литературоведа, изучающего пути преломления материала в сознании средневекового автора. Можно предполагать, что история развития методов освоения византийскими писателями трудов их предшественников (если она когда-нибудь будет создана!) существенно способствовала бы созданию научной картины византийской историографии в целом.

Изучение приемов компиляции имеет большое значение и потому, что процесс превращения материала в литературное сочинение — по сути дела процесс творчества историков — протекает здесь как бы на элементарном уровне; ведь средневековый писатель имел перед собой не безбрежное море жизни и не хаос фактов, а вполне упорядоченный и легко обозримый материал, уже подвергавшийся вторичной обработке. Сопоставляя то, что «входит» в созидательную деятельность историка, и то, что получается «на выходе», современный исследователь может попытаться проникнуть в творческий процесс в его простейшей форме.

Заслуга постановки проблемы на материале творчества Феофана Исповедника принадлежит советскому византисту И. С. Чичурову¹. Именно он перенес основное внимание с традиционной проблемы — что заимствовал хронист для своего произведения — на вопрос о том, как он это делал. В компиляторе Феофане И. С. Чичуров видит не ремесленника, действующего методом ножниц и клея (совсем недавно так охарактеризовал Феофана К. Мэнго²), а писателя, обрабатывавшего материал предшествен-

¹ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Феофилакта Симокатты. — Античная древность и средние века, 1973, 10; *Он же*. Феофан Исповедник — компилятор Прокония. — ВВ, 1976, 37. Наиболее полно аргументация И. С. Чичурова представлена в монографии: Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV—начало IX в.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983, с. 41 след. Близка к позиции И. С. Чичурова и точка зрения Дж. Фербера (Theophanes' Account of the Reign of Heraclius. — Byzantine Papers. Australian Association for Byzantine Studies I. Canberra, 1981, p. 33 sq.). Австралийский ученый не упоминает и, видимо, не знает исследований И. С. Чичурова.

² Mango C. Books in the Byzantine Empire, A. D. 750—850. — In: Byzantine Books and Bookmen. Washington, 1975, p. 36, n. 30. Ср.: Mango C. Who Wrote the Chronicle of Theophanes. — ЗРВИ, 1978, 18, p. 9 sq. Простого переписчика предшествующих историков видит в Феофане П. Шпек (Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigener Herrschaft. München, 1978, Bd. 1, S. 423), а также многие другие исследователи.

ников, исходя из определенных идеологических и эстетических установок³. Своими исследованиями И. С. Чичуров «открыл» проблему, в дальнейшем обсуждении которой мы и собираемся принять носильное участие.

В «Хронографии» Феофан использует не менее десяти более ранних сочинений, однако мы остановимся лишь на тех случаях, когда его источники находятся в нашем распоряжении в оригинальном или близком к оригинальному виде. Начнем с анализа характера переработки Феофаном «Истории» Феофилакта Симокатты, поскольку, во-первых, Феофан использовал почти все сочинения Феофилакта, во-вторых, потому, что при переложении Феофилактовой истории Феофан применяет почти все имеющиеся в его распоряжении приемы освоения источника.

Нет сомнения в том, что сочинение Феофилакта было предварительно прочитано и в какой-то мере изучено Феофаном. Об этом свидетельствует прежде всего хронологическое «выравнивание» текста Феофилакта. Материал «Истории» Феофилакта, содержащий немало «забеганий» вперед и отступлений назад, не мог быть механически переложен Феофаном, а должен был подвергнуться неслучайной переаранжировке историком, придерживавшимся строгого погодного изложения. Такая переаранжировка, весьма детальная и в основном точная, действительно была им произведена.

Феофан излагает «Историю» Феофилакта не с ее начала, а с середины Третьей книги (Феоф., 244; 13—Симок., 128.23)⁴, как раз с того места, где ее автор совершает экекурс во времена императора Юстина. Изложив это отступление и подойдя к воцарению Маврикия, Феофан и на этот раз обращается не к началу повествования Симокатты, а рассказывает о коронации и женитьбе Маврикия (Феоф., 24—27) и лишь затем принимается за пересказ начала труда Феофилакта, сообщая о внешнеполитических событиях и о взаимоотношениях Византии со славянами и аварами. Если Феофилакт рассказывает последовательно о кампании против каждого из этих народов, то у Феофана события «перемешаны» и расположены в хронологическом порядке. Уже эта хронологическая перестановка материала предполагает определенную предварительную работу эпитоматора над текстом своего оригинала.

Используя «Историю» Феофилакта в качестве основного источника, Феофан тем не менее обращается и к другим сочинениям, компилируя их сведения с данными Феофилакта⁵. Прежде всего уже при беглом сличении текстов Феофилакта и Феофана у второго из них обнаруживаются пассажи, отсутствующие у первого и совсем не связанные с контекстом рассказа. Из 27 выделенных нами пассажей такого рода в семи содержатся данные о постройках или переоборудовании церквей, зданий, сооружений (Феоф., 248.2—3; 248.5—8; 251.16—19; 161.13—16; 272.22—27; 274.22—24; 277.14—17). В одиннадцати сообщается о смерти, рождении, бракосочетании, усыновлении, коронации, рукоположении императоров и патриархов и т. п. (Феоф., 247.28—31; 248.9—10; 248.13—14; 251.22—24; 251.25—252.4; 252.5—13; 252.24—25; 267.26—28; 271.28—32; 283.35—284.3; 284.3—6). Во всех остальных случаях тоже передаются эпизоды из жизни императорской семьи или события сугубо константинопольские. Характер заимствованных эпизодов заставляет думать, что Феофан использовал какую-то неизвестную нам хронику, автор которой концентрировал внимание на

³ См.: Бибииков М. Творческий мир византийской литературы. — Вопросы литературы, 1982, № 1, с. 260 след.

⁴ Феофан цитируется нами по изд.: *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. (Далее: *Феоф.*), Феофилакт Симокатта — по изд.: *Theophylacti Simocatae historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. (Далее: *Симок.*).

⁵ Проблему «других источников» впервые поставил еще в конце прошлого столетия О. Ададек, ряд выводов которого и поныне не потеряли своего значения (*Adamek O. Beiträge zur Geschichte des Byzantinischen Kaisers Mauricius. — Bericht d. Gumn. Graz, 1890*). Автор настоящей статьи исследовал материал, еще не будучи знаком со статьей О. Адамека, тем не менее его выводы во многом совпали с заключениями австрийского ученого. В какой-то степени подобные совпадения — критерий объективности полученных результатов.

внутренней жизни двора и столицы. Возможно даже, что то была константинопольская городская хроника, существование которой предполагали некоторые ученые⁶.

До сих пор говорилось о совершенно новых сообщениях, отсутствующих у Феофилакта и вставленных в текст хроники Феофана из какого-то другого источника. Имеются, однако, случаи иного рода, когда в повествовании Феофана, в целом базирующемся на Феофилакте, появляются фактические подробности, отсутствующие у последнего. Приведем несколько наиболее ярких примеров. 1. Проб назван у Феофана патриkiem (265.23), в соответствующем же месте Феофилакта его имя упоминается без всякого титула (Симок., 168.14 след.). 2. Каган направляет Приску, по Феофану, 400 повозок с продовольствием (278.21), Феофилакт никакой цифры не называет (Симок., 267.17). 3. Приск отправляет, согласно Феофану (278.24), индийские пряности кагану, в то время как последний находится в Сирмии. У Феофилакта нет речи о Сирмии (Симок., 268.2). 4. Узурпатор Фока, утверждает Феофан (289.22), прежде чем явиться во дворец, провел два дня в храме Иоанна Крестителя — Феофилакт ничего об этих двух днях не знает (Симок., 303.12). 5. Перед казнью Маврикия, согласно утверждению Феофана и Феофилакта, были убиты сыновья императора (Феоф., 290.1 = Симок., 305.4). Однако лишь первый называет число казненных — их было пятеро.

Число примеров можно легко увеличить, но определить пути, по которым эти дополнительные детали попадают в сочинение Феофана, непросто. Вполне вероятно, что некоторые из них вовсе и не являются «дополнительными деталями», а содержались в более полном манускрипте (по сравнению с дошедшими до нас рукописями Феофилакта), которым пользовался Феофан. На такую мысль наталкивает один из эпизодов, пересказанных Феофаном. Успокаивая народ, взволнованный восстанием войска, Маврикий устраивает конные ристания, во время которых, по Феофану, происходит диалог царя с прасинами и венетами (287.12 след.). При этом приводятся слова как прасинов, так и венетов. В дошедшем же до нас тексте Феофилакта «слово предоставляется» одним только венетам (Симок., 296.27), о прасинах же совсем не упоминается. Вряд ли можно себе представлять, что этот цельный и законченный эпизод смонтирован Феофаном из разных источников, — скорее всего, он нашел весь его целиком в той рукописи Феофилакта, которой пользовался.

Кое-какие коррективы и дополнения наверняка вносятся Феофаном и из других источников. В отдельных случаях отчетливо видны следы некоторых из них.

Повествуя о том, как был нарушен мир императора Юстина с персами в 572—573 гг. (244.13 след.), и пересказывая данные Феофилакта, Феофан вслед за своим источником приводит две причины этого печального события. Первая связана с историей племени химьяритов, вторая заключается в убийстве персами тюркских послов, направлявшихся в Византию. Вторую причину Феофан излагает строго по Феофилакту, а вот говоря о первой, неожиданно оставляет его и приводит отрывок из сочинения Иоанна Малалы (Мал., 456.23 след.)⁷, тоже повествующего о химьяритах, но в совершенно ином контексте, решительно никакого отношения к делу не имеющем (у Феофана речь идет о времени Юстина, у Малалы — Юстиниана). Феофан решил расширить и дополнить Феофилакта, но сделал это крайне неудачно.

Другие примеры обращения к иным источникам приводятся О. Адамек, по наблюдениям которого ряд вставок Феофана в рассказ, заимствованный у Феофилакта, находит соответствие во фрагментах Иоанна Антиохийского, Георгия Монаха и Льва Грамматика⁸. Сходство между

⁶ См.: Freund A. Beiträge zur Antiochenischen und zur Konstantinopolitanischen Stadtchronik. Diss. Jena, 1882.

⁷ Цит. по изд.: *Ioannis Malalae chronographia* / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831. (Далее: Мал.).

⁸ *Adamek O.* Op. cit., S. 12 ff.

пассажами Феофана, с одной стороны, и Иоанна Антиохийского, Георгия Монаха и Льва Грамматика — с другой, по вполне вероятному объяснению О. Адамека, — результат использования ими некоего неизвестного нам «нового» источника. Вопрос об идентичности этого источника с тем, откуда заимствовал Феофан сведения о Константинополе и о царском дворе, остается открытым.

Однако ни предположительное использование более полной рукописи Феофилакта, ни привлечение иных источников никак не покрывают всех случаев расхождений Феофана со своим оригиналом. Нередко их причины коренятся в каких-то особенностях памяти Феофана, ассоциациях и аналогиях с другими похожими эпизодами, всплывающими в сознании хрониста. Приведем любопытную в этом отношении деталь. Пленные турки, по Феофану (266.34), имели на лбу знак креста, нанесенного черным пунктиром (*διὰ μέλανος κεντητοῦ*). В соответствующем месте Феофилакт ни о каком черном пунктире не упоминает (Симок., 208.15). Однако эта деталь всплывает через десятки страниц рукописи, уже в оригинальном и ниоткуда не заимствованном рассказе о Константине VI, велевшем начертать черным пунктиром (*μέλανι κεντητῶ*) на лицах плененных повстанцев слова «*Ἀρμενιακὸς ἐπίβουλος*» (Феоф., 469.13). Каким образом появляются подобные «переносы», определить очень трудно, ведь механизм их возникновения надо искать в тончайших областях человеческой психологии. Тем не менее некоторые заключения можно сделать, если сравнить тексты Феофана и Феофилакта в тех пассажах, где влияние других источников практически исключается и где Феофан остается «один на один» с Феофилактом. Как правило, для исследователя-историка все подобные отклонения от оригинала не более как досадная порча, искажения, ошибки не очень внимательного и не слишком аккуратного автора. И это действительно так, коль скоро подходить к сочинению Феофана лишь как к источнику исторических сведений. Однако выводы окажутся существенно другими, когда мы попытаемся оценить «Хронографию» Феофана как культурно-исторический памятник. Но прежде всего о характере самих этих ошибок.

Если отвлечься от элементарных lapsus memoriae самого автора или от частых ошибок в передаче имен и цифр, которые вполне могли быть результатом невнимания переписчика⁹, «промахи» Феофана сводятся в принципе к нескольким типам.

1. Феофан подменяет субъект или объект действия: Дарой, по Феофану (247.14), овладел персидский полководец Адормаан, по Феофилакту, — сам царь Хормизд (Симок., 131.25 след.). У Феофана к Даре прибывают ромеи во главе с Юстинианом, а рядом располагаются персы (250.18 след.). У Феофилакта все происходит наоборот (Симок., 134.29 след.). У Феофана войско поклялось не подчиняться императору Маврикию (261.1), у Феофилакта — отказалось принять военачальника Филиппика (Симок., 115.4 след.) и т. д.

2. В тексте Феофана происходят частые «хронологические сдвиги». По Феофилакту, во время бури корабль императора спасся и причалил к Даонии, там царь провел ночь, утром отправился в путь и к вечеру остановился лагерем. В эту ночь некая женщина родила уродца, которого царь наутро велел уничтожить; затем он продолжает свой путь и через два дня встречает трех славян с кифарой (идет изложение этого эпизода) (Симок., 220.18 след.). Все упомянутые события заняли, по Феофилакту, четыре дня¹⁰. Те же эпизоды у Феофана происходят в два дня (Феоф.,

⁹ Стратиг императора Маврия именуется у Феофана Архелаем (247.13). У Феофилакта это Акакий, сын Архелая (Симок., 131.21). Прежний стратиг того же царя у Феофана зовется Мартином (245.25), у Феофилакта — Маркианом (Симок., 129.23). Гудуин захватил, по Феофану, двух опьяненных варваров (277.24), по Феофилакту же, их было трое (Симок., 265.27). Войско, согласно Феофану (260.10), вышло навстречу Приску на две, согласно же Феофилакту, — на три мили (Симок., 110.39). Ромеи убили, по Феофану (282.3), восемь, а не девять, как у Феофилакта (Симок., 287.14), тысяч варваров и т. д.

¹⁰ В этом эпизоде (как, впрочем, и в ряде других), помимо временного смещения, можно видеть также и географическую переориентацию событий. Так, по Феофану, все они

268.14). Время нетрудно подсчитать по имеющимся в тексте обоих авторов указаниям. Такие временные стяжения у Феофана не редкость (например, боевые действия Приска против аваров у Феофилакта занимают двое суток, у Феофана — один день). Конечно, потеря одного-двух дней — мелочь, маловажная для историка. Однако временная переаранжировка событий подчас оказывается гораздо более существенной. Так, по Феофану (247.28 след.), заболевший Юстин усыновил и провозгласил Тиверия кесарем, а по прошествии двух лет, почувствовав облегчение от болезни, собрал синаклит и клир и обратился с напутственной речью к Тиверрию. По Феофилакту (Симок., 132.22), Юстин произносит свою речь одновременно с провозглашением Тиверия кесарем. Таким образом, Феофан как бы берет у своего оригинала факты и эпизоды, но по-своему организует их во времени. Впрочем, зачастую временная реорганизация бывает связана с искажением событийной стороны дела. Согласно Феофилакту (Симок., 266.10 след.), после кампании 598 г. Приск в течение 18 месяцев стоял с войском на Дунае, не совершив ничего достойного упоминания, и лишь через полтора года вступил вновь в борьбу с каганом. У Феофана (278.10 след.) ни о каких 18 месяцах нет речи: Приск в 598 г. (видимо, осенью) возвращается домой, а уже в марте следующего года возобновляет борьбу с каганом, надо полагать вернувшись на Дунай из Константинополя¹¹.

3. Феофан переставляет и по-новому сочетает между собой элементы рассказа. «Царь Маврикий, — пишет Феофан, — усыновив персидского царя Хосрова, отправил к нему своего родственника, мелитинского епископа Домициана вместе с Нарсесом, поручив последнему ведение войны» (266.13—16). В этом эпизоде, переданном фактически в одной фразе, весьма примечательно сочетались между собой три сообщения Феофилакта, не имеющие между собой ни хронологической, ни какой-либо иной связи (Маврикий усыновил Хосрова — Симок., 194.6; Маврикий отправил послом Домициана — 179.6; Маврикий назначил стратигом Нарсеса и поручил ему ведение войны — 192.6).

Следующий за только что приведенным эпизод борьбы Нарсеса с взбунтовавшимся персом Варамом построен по сходному принципу. «Варам же, узнав об этом (имеется в виду движение Нарсеса. — Я. Л.), расположился в месте под названием Александрина с намерением воспрепятствовать войску, движущемуся из Армении для соединения с Нарсесом. Дело в том, что Маврикий велел армянскому полководцу Иоанну Мистакону вместе с войском соединиться с Нарсесом, чтобы вступить в войну с Варамом. Ночью все ромейские войска соединились и построились против Варамы. Варам же, охваченный страхом, разбил лагерь на горе» (266.18—26). Все детали этого сообщения Феофана без труда можно обнаружить у Феофилакта, упоминающего и место Александрина (в форме *Ἀλεξάνδρινά* — Симок., 202.6), и войска Иоанна, пришедшие на соединение с Нарсесом (Симок., 203.24 след.), и ночь как время действия (Симок., 204.19), и, наконец, гору, на которой, видимо, располагалось войско Варамы (Симок., 205.21.24). Однако детали эти находятся как бы в ином контексте. Александрина, например, — просто одно из мест по пути движения объединенного ромейско-персидского войска; ночью Варам собирался (но так и не осмелился) совершить нападение на ромеев и т. д. Феофан как бы разъединил нарисованную Феофилактом картину на отдельные компоненты, из которых затем создал совсем иную конструкцию, представил эпизод, перенес его в иное

происходят в месте высадки императора, т. е. в Даонии, между тем как, по Феофилакту, события эти случаются в разных местах по пути следования царя. О географических ошибках и неточностях Феофана подробно см.: *Чичуров И.* Феофан Исповедник — компилятор Прокопия, с. 64 след.

¹¹ Впрочем, с приведенным эпизодом не все так просто. В его описании у Феофана являются детали, отсутствующие у Феофилакта. Помимо возвращения Приска, это — датировка возобновления военных действий с каганом мартом 3 индикта, а также приход Приска к Сингидону (278.13—14). Не взяты ли все эти сведения из другого источника?

время и поместив в иную топографию. Единственное сообщение, добавленное Феофаном, — это замечание, что Варам «был охвачен страхом».

Конечно, имеется в виду не сознательный процесс «разборки» конструкции Феофилакта и монтажа своей собственной, а воспроизведение текста оригинала так, как его понял и запомнил Феофан. Примечательно при этом, что, «забывая» из рассказа Феофилакта многое весьма существенное, не воспроизводя ни последовательности действия, ни его географии, Феофан фиксирует второстепенные детали и в его повествовании они выходят на первый план. Эта переакцентовка происходит у Феофана на уровне как эпизода, так и отдельной фразы. Знаменательно в этом отношении, что Феофан, как правило пользуясь паратаксистом, препарирует фразы Феофилакта таким образом, что извлекает содержание из придаточного предложения или причастной конструкции Феофилакта, опуская содержание главного предложения или основной части простого.

Каким образом могли возникнуть подобные ошибки, иными словами, какие условия написания «Хронографии» и способы работы Феофана могли привести к их появлению? Поставим также и более сложную проблему: какие механизмы мышления и памяти Феофана действовали при обработке оригинала историографа и как они привели к появлению столь сильных «искажений на выходе»?

Последние два из приведенных примеров «реконструкции эпизодов», думается, могут свидетельствовать только об одном методе работы: Феофан прочитывает (выслушивает?) значительные куски текста, которые затем воспроизводит по памяти. Именно поэтому его текст почти никогда не совпадает целиком с Феофилактовым, а в иных пассажах у обоих авторов не обнаруживается ни единого совпадающего слова. Только таким методом работы можно объяснить, почему детали, отстоящие одна от другой на несколько страниц современного издания, у Феофана вдруг соединяются и сочетаются между собой.

В добавление к уже приведенным присовокупим еще два примера. Возбуждая воинов против Хормизда, Варам, по Феофану (263.23), говорит о свирепости неприятеля, его жестокости, сребролюбии и страсти к убийствам. В передаче Феофилакта речь Варамы не содержит подобной характеристики Хормизда, однако очень похожие определения находятся пятью страницами ранее — уже в форме прямой характеристики Хормизда Феофилактом (144.11). Феофан запомнил ее и вложил, к тому же весьма уместно, в уста Варамы. А вот другой случай. Персидский хардариган, по Феофану (256.14), зашел в тыл ромейскому войску безлунной ночью. Ни о какой «безлунной ночи» в соответствующем месте Феофилакта не упоминается, но она вовсе не выдумана хронографом. Эта ночь встречается у Феофилакта, только страницей ниже (86.17) и уже в другом эпизоде. Не станем нагромождать однотипных примеров: приведенных достаточно, чтобы проиллюстрировать способ работы Феофана, прочитывавшего (выслушивавшего?) большие куски текста Феофилакта, а затем передававшего его по памяти.

Итак, память Феофана фиксирует детали, элементы, подчас выстраивающиеся в его сочинении в новый контекст. При этом можно выделить несколько путей освоения историком всего материала. Об идеологической обработке подробно писал И. С. Чичуров, показавший, как Феофан добавляет, а чаще опускает отдельные эпизоды и детали под влиянием своих представлений и убеждений. Укажем на наиболее типичные ходы мышления Феофана, не сводящиеся к идеологической обработке, а отражающие более общие приемы осмысления материала. Ряд элементов добавляется Феофаном «по шаблону». Историк использует клише, сложившиеся в историографии, в том числе и у Феофилакта, но отсутствующие в данном конкретном месте оригинала. Вот хотя бы несколько примеров: войско, провозгласившее Германа императором, поднимает его на щит (*ἐπὶ ἀσπίδος ὑψώσαντες* — 260.24). Татимер в пути предавался пьянству и роскоши (*εἰς μέθην καὶ τρυφήν*), пренебрегал осторожностью и в результате подвергся нападению славян (271.7). Ромей вернулись на родину, взяв множество плен-

ных (αἰχμαλωσίας πολλῆς ἐκράτησαν — 276.2; ср.: 259.5). Ни о каком подвиге на щите Германа, ни о каком пьянстве и роскоши Татимера, ни о каком множестве пленных у ромеев в соответствующих местах труда Теофилакта ничего не говорится. Все это попросту обычная у историков, в том числе у самих Теофилакта и Теофана, топка, сопутствующая указанным ситуациям. Как это присуще средневековому писателю, на конкретное событие накладывается обобщенный образ, так сказать, идеальная модель события, живущая в сознании писателя.

Было бы, однако, неверно сводить все изменения, вносимые Теофаном в текст Теофилакта, к непреложному воздействию клише. Весьма многочисленные новые элементы рассказа появляются в результате догадки, домысливания, более или менее оправданного контекстом рассказа Теофилакта. Так, император Маврикий, по Теофану (287.29 след.), называет причиной своих несчастий Германа и родного сына — Феодосия. Феодосий у Теофилакта в этом контексте не упоминается. Можно, однако, понять, почему его имя появилось в «Хронографии». Восставшее войско хочет, по Теофилакту (Симок., 298.3 след.), провозгласить императором либо Германа, либо Феодосия. Однако догадка Теофана вряд ли справедлива: в соответствующем эпизоде «гнева Маврикия» Феодосию отведена у Теофилакта совсем другая роль, чем та, которая уготована ему Теофаном. Феодосий стоит не рядом с обвиняемым Германом, а подле своего разгневанного отца (Симок., 298.26).

Другой пример. Согласно Теофилакту (Симок., 134.4 след.), император Тиверий отправил к персидскому царю мирное посольство, но в то же время готовил свое войско к войне. Судя по контексту и форме выражения, речь идет об одновременных действиях¹². Теофан же, принимая эти эпизоды за последовательные, делает вывод о том, что посольство Тиверия не имело успеха (250.14). Любопытно, что «домысливание» Теофана в одном случае относится даже к характеристике персонажа, вообще редко встречающейся у историка. Византийский полководец Роман, по его словам (263.14), «был украшен разумом» (συνέσει . . . ἐκχόσμητο). У Теофилакта такой характеристики нет, зато говорится, что Роман противопоставил хитростям своего противника Варама сообразительность (ἀρχινοταν — Симок., 125.5). Это замечание, без сомнения, дает Теофану основание говорить о разумности Романа.

Домысел из контекста как бы выявляет то, что содержится в потенци, но не выражено четко Теофилактом. Теофан не следует ему буквально, а, получив свое, иногда субъективно окрашенное впечатление от прочитанных (прослушанных?) эпизодов, излагает события уже в собственной версии. Нередко при этом события, упоминаемые у Теофилакта, подвергаются Теофаном определенной «логизации». Она касается прежде всего порядка изложения эпизодов. Приведем только один, но весьма показательный пример. После победы над Коментиолом, рассказывает Теофилакт Симокатта (Симок., 271.9 след.), войско кагана постиг мор, во время которого умерли семь его сыновей. Коментиол же тем временем прибыл в Константинополь, жителей которого обуял великий страх перед каганом. Некоторая алогичность рассказа в данном случае очевидна: почему, в самом деле, так боятся жители столицы, если войско кагана уже подверглось столь страшной болезни? Эту алогичность ощутил, видимо, и Теофан, исправивший порядок следования эпизодов у Теофилакта: сначала он рассказывает о страхе жителей, а затем уже о болезни, поразившей войско (Теоф., 279.15 след.).

Как можно было убедиться, метод компиляции Теофана — типично средневековый. Историк стремится исключить из процесса творчества всякое воображение, всякую фантазию, к которой византийцы вообще

¹² ἐστρατολόγει τε καὶ πλῆθη μαχίμων (Симок., 134.9—10). С. П. Кондратьев в данном случае даже употребляет в русском переводе слово «одновременно», отсутствующее в оригинале, но вполне оправданное контекстом (Теофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 85).

относились крайне отрицательно. Все изменения, все искажения на «выходе» — результат бессознательной или полусознательной трансформации материала оригинала, происходящей в результате воспроизведения по памяти. Многие по существу новые эпизоды оказываются построенными из старых элементов, скрепленных между собой новыми связями.

И тем не менее, анализируя литературные тексты, вряд ли можно вывести какие-либо правила без исключений. Иногда все-таки Феофан отстает от своего оригинала, руководствуясь, видимо, стремлением к созданию живой картины. Обращает на себя внимание прежде всего его упорная тенденция переводить косвенную речь Феофилакта (и не только Феофилакта!) в прямую. Историк, который в подавляющем большинстве случаев опускает витиеватые речи персонажей, построенные по правилам риторики, краткие высказывания героев, переданные в форме косвенной речи, как правило, переводит впрямую¹³. А ргггг следовало бы ожидать обратного. В отдельных случаях воображение историка оживляет сухие сцены оригинала. Узурпатор Фока, по Феофану, делает вид, что хочет провозгласить Германа императором, тот, в свою очередь, притворяется, будто отказывается от императорской власти (289.4 след.). Последней детали у Феофилакта нет, но именно она придает образность всему эпизоду: оба персонажа, страстно желая власти, притворно от нее отказываются.

* * *

Хотя к «Истории войн» Прокопия Феофан обращается трижды (под 5961, 6026 и 6033 гг.), это сочинение лишь во втором случае используется достаточно широко и на значительном протяжении его хроники. Тем не менее если Феофилакт служил Феофану основным источником для изложения примерно тридцатилетней истории Византии, то весь эксерпт из Прокопия (свыше 30 страниц в издании Де Бора — с. 186—214) занят лишь одним из двух эпизодов, приведенных под 6026 г. При этом как бы не имеет значения, что второй эпизод (а по порядку он, наоборот, первый!) рассказан всего на трех строчках. . . К тому же надо иметь в виду, что события, переданные Прокопием под одним годом, по его собственному исчислению, происходили приблизительно в течение 9 лет.

Только одно сообщение в целом на протяжении всего эпизода не восходит у Феофана непосредственно к Прокопию: рассказ о Велисарии, захватившем Рим и Сицилию и отправившем к Юстиниану Виттия с женой и детьми (205.24—28). В других случаях можно обнаружить лишь детали, не заимствованные из текста Прокопия. Вот главнейшие из них. Велисарий, по словам Феофана (191.29), велел префекту Архелаю и наварху Калониму приблизиться к Карфагену. В соответствующем месте Прокопия Калоним не упоминается (Procop., I, 388.5)¹⁴. Феофан сообщает о приходе варваров в Пентаполис (208.18). Ни о каком Пентаполисе у Прокопия не говорится (Procop., I, 514—520). Здесь можно предположить (подобно тому как это было при компилировании Феофилакта) либо влияние другого источника, либо использование более полной рукописи Прокопия, что более вероятно. Впрочем, некоторые из «дополнительных сведений» вполне могли быть и результатом самостоятельных разъяснений хрониста или же попавших в текст маргиналий (например, что остров Сардиния прежде именовался Киросом — 198.16 и что полководец Соломон был евнухом — 202.7 и т. д.).

Передавая Прокопия, Феофан нередко пользуется уже описанным нами приемом: читает (слушает?) большие отрывки из текста своего оригинала, дабы затем по памяти изложить его содержание. Характерным признаком, указывающим на применение этого метода, опять-таки оказыва-

¹³ Из весьма многочисленных примеров приведем только несколько: *Феоф.*, 267.10 след.; 270.26 след.; 275.19 след.; 276.27 след.; 288.1 след.

¹⁴ Сочинения Прокопия цит. по изд.: *Procopii Caesarensis opera omnia* / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905. V.I, II.

ются ошибки, аналогичные тем, которые отмечались выше. Только пересказывая по памяти, Феофан мог написать, что Велисарий велел отряду Иоанна следовать (*παρακολουθεῖν* — 192.11—12) за войском, хотя у Прокопия ясно говорится, что этот отряд должен был идти впереди него (Ргосор., I, 385.10). Только таким образом Феофан мог написать, что большинство вражеских архонтов перешло к ромеям (202.2), хотя в соответствующем месте Прокопия говорится, что все варварские начальники бежали, за исключением одного, действительно сдавшегося византийцам (Ргосор., I, 474.26). Ничем иным, как *lapsus memoriae*, можно, наконец, объяснить, что в эпизоде с поездкой в Сиракузы, рассказанном Прокопием, слугу товарища его детства замещает сам товарищ детства и т. д. (Феоф., 190.8; ср.: Ргосор., I, 374.8).

Как и при компилировании Феофилакта, мысль Феофана синтезирует детали, у Прокопия отделенные одна от другой многими страницами текста, воспроизводя верные, но не заимствованные непосредственно в первоисточнике картины. Гелимер, например, по Феофану (189.6 след.), послал на Сардинию против восставшего Годды своего брата, который и убил мятежника. В соответствующем месте «Истории» Прокопия (Ргосор., I, 363.25 след.) нет речи об убийстве Годды — о нем сообщается много позднее (Ргосор., I, 410.6)! Феофан же (предварительно прочитавший, следовательно, сочинение Прокопия!) помнит об этом факте и сообщает о нем сразу же при первом упоминании мятежника. В уже приведенном рассказе о посольстве самого Прокопия в Сицилию говорится о том, что он имел целью найти проводников в Ливию, чтобы флот мог неожиданно пристать к материку, поскольку войско опасалось морского сражения (189.28 след.). В соответствующем месте у Прокопия (Ргосор., I, 373.6) нет речи ни о поручении, данном Прокопию (найти проводника), ни о страхе войска перед морским сражением. Однако и то и другое взято из самого Прокопия. О страхе войска сообщалось ранее (Ргосор., I, 373.1), о характере же задачи Прокопия можно легко заключить по последующему описанию его действий в Сицилии. Пересказывая текст оригинала, Феофан помнит, о чем говорилось раньше, знает, о чем будет сообщено в дальнейшем, и в своем рассказе компилирует эти сведения.

Следует отметить, что таких «верно воспроизведенных» картин Феофан создал на основе текста Прокопия гораздо больше, нежели на базе повествования Феофилакта Симокатты. Первого он читает, видимо, сосредоточеннее, чем второго. В то же время, как и в случае с Феофилактом, Феофан подчас, сохраняя элементы рассказа своего оригинала, устанавливает между ними новые связи. Можно утверждать, что, склонный к паратаксису (не только в конструкции предложения, но и в самом характере мышления), Феофан предпочитает упрощать связи между элементами рассказа Прокопия. Чтобы пояснить эту мысль, приведем следующий пример. «Пуденций, — пишет Феофан, — восстал и захватил Триполи и написал Юстиниану, чтобы он отправил войско и взял город. Также и гот Годда восстал против своего господина Гелимера, овладел островом Сардинией и написал Юстиниану, чтобы прислал войско, полководца и взял остров» (188.32). В соответствующем месте у Прокопия сообщается, что Пуденций захватил Триполи, что Гелимер хотел наказать Пуденция, но ему помешало новое событие — восстание Годды (Ргосор., I, 359, 11 след.). Перенос на композицию эпизодов терминологию синтаксиса, Феофан заменил противительную связь оригинала сочинительной. Впрочем, не только в композиции эпизодов, но и в построении фраз Феофан довольно последовательно заменяет гипотактические конструкции паратактическими, явно предпочитая простые линейные сочленения причинным, временным, уступительным и прочим связям¹⁵. В этом смысле тенденция в построении

¹⁵ Прокопий пишет: «Если бы Велисарий так не выстроил войско, велел воинам Иоанна двигаться впереди, а массагетам идти справа, мы не смогли бы избежать вандалов» (Ргосор., I, 389.2 след.). Вместо условной конструкции у Феофана — простое сообщение о том, что Велисарий велел Иоанну двигаться впереди, а массагетам идти

отдельных эпизодов и фраз как бы дублирует основной композиционный принцип всей «Хронографии» — анналистический. Так же как события мировой истории сменяют одно другое, словно касаясь соседнего, подчиняясь лишь движению времени, отдельные эпизоды, а равно и отдельные фразы чередуются, сочленяясь посредством простого примыкания.

Эта тенденция коррелируется подчас и противоположной. Феофан не только ликвидирует связи, существовавшие в тексте его оригинала, но и создает новые, отсутствовавшие в нем. Прокопий, например, рассказывает о том, как ливийские земледельцы убивали рассеявшихся по стране ромейских воинов, а вслед затем повествует о подвиге дорифора Диогена (Ргосор., I, 407.10). Связь между двумя эпизодами у Прокопия чисто хронологическая. Не так излагает этот эпизод Феофан, по рассказу которого Велисарий, узнав о бесчинствах ливийцев, посылает на их усмирение дорифора Диогена. В ходе этой миссии Диоген и совершает свой подвиг (194.19 след.). Второй эпизод, таким образом, оказывается следствием первого, и сочинительная связь — замененной консекутивной. Точно такая же замена происходит на следующей странице, где два отдельных сообщения Прокопия (Велисарий распял предателя Лаврентия и устранил других предателей. Массагеты признались в стоворе с Гелимером) соединяются между собой союзом *ὥστε* (так что). И здесь сочинительная связь превращается в консекутивную (195.17).

Описанный прием, однако, отнюдь не единственный, используемый Феофаном для компилирования текста Прокопия. Во многих случаях он вытесняется другим, который удобно было бы назвать «методом текстовых блоков». Суть его заключается в том, что Феофан пересказывает не весь текст оригинала, а выбирает из него отдельные пассажи — «блоки», которые монтирует один с другим без существенных изменений. Такой метод чреват смысловыми потерями, поскольку в местах соединений часто остаются «незаделанные швы» и смысловые сбои. Вот отдельные примеры. Велисарий, по Феофану (204.3—11), покинул Карфаген и отправился в Сицилию. Узнавший об этом Юстиниан отправил в Ливию своего племянника Германа. Оба сообщения смонтированы из текста Прокопия (Ргосор., I, 495.14 след.+497.1 след.). Однако, будучи соединены вместе, они рождают смысл, отсутствующий в оригинале: якобы Юстиниан отправил в Ливию Германа, потому что узнал об уходе Велисария в Сицилию. На самом деле Юстиниан узнал об африканских делах, рассказ о которых у Феофана выпущен. Точно такое же искажение смысла налицо и в эпизоде, где рассказывается о Соломоне, который, «узнав об этом» (*ταῦτα μάθων*), быстро двинулся против варваров (206.4). Все дело в том, что у Феофана и Прокопия Соломон узнает о разных вещах. Недоразумение опять-таки происходит из-за механического монтирования «текстовых блоков».

В роли таких «блоков» чаще всего выступают фразы или их группы. Нередко, однако, Феофан монтирует между собой отдельные части, сегменты фраз, в результате чего также возникает отсутствующий в оригинале смысл¹⁶. Иногда вследствие столь «странного» симбиоза появляются предложения, значение которых можно выяснить, только сопоставив их с текстом оригинала¹⁷. Итак, во многих случаях Феофан компилирует

справа (Феоф., 192.6 след.). Нельзя не отметить обычного для Феофана приема, когда передается только мысль, содержащаяся в придаточном предложении и опускается заключенная в главном.

¹⁶ Так фраза Феофана *ἐπεὶ δὲ οἱ φύλακες τὴν τοῦ Γονθάριδος τελευταίην ἔμαθον, Ἰουστινιανὸν ἀνεβῶν καλλίνικον βασιλέα* (215.9—10) скомпонована из двух частей разных предложений Прокопия: *ἐπεὶ δὲ οἱ φύλακες τὴν Γονθάριδος τελευταίην ἔμαθον, ξυνετάσσοντο τοῖς Ἀρμενίας αὐτίκα* (Ргосор., I, 550. 10 след.) и *ἐμπροσθέντες τοῖνον Ἰουστινιανὸν ἀνεβῶν καλλίνικον* (I, 550.13).

¹⁷ См.: Theoph., 195.8—11: *ὁ δὲ Γεμίμερ παραλαβὼν ἀμφοτέρους ἐπὶ Καρχηδόνα ἐχώρει καὶ ταύτην πολιορκεῖν ἐπειράτο οἰόμενος τοὺς ἐν Καρχηδόνι προδιδόναι αὐτῷ τὴν πόλιν, καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν οἷς ἡ τοῦ Ἀρείου δοξα ἦσκητο*. Грамматическая связь καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν οἷς... с остальным предложением тут совершенно непонятна. Дело разъясняет соответствующая фраза Прокопия (Ргосор., I, 419.10 след.): *...καὶ προδοσίαν τινὰ ἐσσεσθαι σφίσις ἐν ἐλπίδι εἶχον Καρχηδονίων τε αὐτῶν καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν, ὅσους ἡ τοῦ Ἀρείου δοξα ἦσκητο*.

свой текст из отдельных «блоков», фраз, а то и сегментов фраз, пользуясь при этом совершенно иным приемом, нежели тот, о котором говорилось при анализе его работы с «Историей» Феофилакта. Можно предположить, что в этих случаях Феофан не слушает, а читает текст своего оригинала. Этим, видимо, и объясняется появление ряда ошибок, возможных только при визуальном восприятии текста¹⁸.

Как ни различны между собой методы «пересказа по памяти» и «монтажа текстовых блоков», и здесь фантазия историка оперирует лишь готовыми элементами, сочетая их новыми, подчас неожиданными связями. Однако и здесь встречаются исключения, когда воображение Феофана дорисовывает отдельные эпизоды и сцены. Примеров таких немного, тем больше, однако, их значение. Так, вместо лаконичного сообщения Прокопия о том, что наварх Калоним «разграбил имущество карфагенских и чужеземных купцов, живших у моря», Феофан рисует более детальную картину: «Калоним разграбил суда, захватил много денег, ворвался в лавки и дома живших рядом с заливом и многих взял в плен» (193.22 след). Степень фантазии автора бесконечно мала, если мерить ее масштабами античной или новой литературы, тем не менее сама возможность ее проявления заслуживает упоминания.

* * *

О соотношении между сочинением Феофана и «Хронографией» Иоанна Малалы судить несравненно труднее: имеющаяся в нашем распоряжении единственная оксфордская рукопись Малалы — не более как сокращенная версия, сделанная к тому же не слишком образованным и сообразительным редактором¹⁹. В ряде случаев «Хронография» Феофана доносит до нас более полный и лучше сохранившийся текст оригинального Малалы, нежели оксфордская рукопись его произведения. Тексты Феофана и этой рукописи подлежат сравнению скорее как два произведения, восходящие к одному источнику, нежели как непосредственно зависящие одно от другого. И тем не менее такое сопоставление необходимо для наших целей, во-первых, потому что Малала наряду с Феодором Анагностом служит Феофану источником для рассказа о многих десятилетиях византийской истории, во-вторых, потому что Малала совершенно непохож ни на Феофилакта, ни на Прокопия (это хроника средневекового характера, типологически близкая «Хронографии» Феофана), и, в-третьих, по той причине, что наряду с известными уже нам методами заимствования Феофан, перелагая Малалу, использует и несколько отличные приемы компиляции.

В разделах сочинений Феофана, так или иначе связанных с «Хронографией» Малалы, можно различить как части, в которых Малала служит основным источником, так и части, где фрагменты из Малалы оказываются вмонтированными в текст, заимствованный у других авторов (чаще всего Феодора Анагоста).

Анализ ошибок, которые допускает Феофан, перелагая Малалу, уже практически не добавляет ничего нового к сделанным ранее наблюдениям. Приведем наиболее выразительные из «промахов» Феофана. Следуя Малале, Феофан начинает рассказ о посольстве Юстиниана к персидскому царю во главе с Гермогеном и приводит — с небольшими отклонениями — соответствующее сообщение об этом Малалы (Мал., 178.27—29). Последний, однако, ничего не говорит о судьбе посольства, обрывает по-своему обыкновенно эпизод и переходит к следующему. Феофан же продолжает

¹⁸ $\chi\rho\acute{\omicron}\nu\mu\alpha$ у Прокопия (381.7) превращается у Феофана в $\chi\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha$ (190.18), $\acute{\alpha}\lambda\mu\eta$ (390.11) — в $\acute{\alpha}\lambda\chi\eta$ (192.18), $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\sigma\varsigma$ (541.23) — в $\kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (213.19) и т. д. Отдельные из этих погрешностей могли возникнуть, конечно, в результате невнимательности переписчика.

¹⁹ Приведем, видимо, самый уничижительный отзыв об авторе этой дошедшей до нас версии: «В сочинении Малалы мы видим лишь отражение некоего много выше его стоящего труда, который бессмысленно сокращал совершенно необразованный и лишенный здравого смысла человек» (*Gleze G. Ein Beitrag zur Charakteristik des Malalaswerkes. — Pädagogische Anzeiger für Rußland, 1912, N 6, S. 362*).

рассказ (178.30—179.14) опять-таки пассажем из Малалы, но использует при этом уже отрывок, относящийся совсем к другому времени и даже к другому посольству — во главе с Руфином (455.10 след.). Таким образом, Феофан «монтирует блоки», в результате чего соединяет два посольства в одно. Подобный «монтаж блоков» нередко, как мы помним, Феофан использовал, эксперпируя Прокопия.

Другой пример содержит *lapsus memoriae*, естественный при пересказе по памяти значительных отрывков текста. Малала говорит о божьем гневе (θεομηνία), достигшем Аназарв (Мал., 418.6—8), а затем Эдесу (418.8—419.4), и при этом сообщает, что император Юстин, оказавший городу много милостей, переименовал Эдесу в Юстинополь. Феофан передает оба сообщения, однако переименование города в Юстинополь относит к Аназарву (171.14—28). Такого рода подмену деталей мы чаще всего встречали там, где Феофан перелагал Феофилакта Симокатту²⁰. Таким образом, в работе над Малалой Феофан пользуется в принципе теми же приемами, что и при пересказе Феофилакта и Прокопия. И тем не менее, перелагая Малалу, Феофан столкнулся с сочинением, представляющим не целостный рассказ, пронизанный логическими и смысловыми связями, а конгломерат отдельных сообщений, лишь внешне примыкающих одно к другому. При этом (во всяком случае, в дошедшей до нас версии Малалы) большинство сообщений лишено хронологических помет, кроме самых общих — типа «в то же самое царствование» или «в то же время» (ἐν τοῖς χρόνοις τῆς αὐτοῦ βασιλείας, ἐν αὐτῷ δὲ τῷ χρόνῳ). Видимо, это обстоятельство заставляет Феофана не следовать порядку своего оригинала, как в большинстве случаев делается при передаче сочинений Феофилакта и Прокопия, а перетасовывать эпизоды-сообщения Малалы, подобно карточной колоде, по своему разумению.

Прежде всего Феофан, конечно, стремится расположить сообщения в правильном, а вернее, в кажущемся ему правильном хронологическом порядке. Тем не менее, обладая минимумом критериев для оправданного хронологического расположения материала, он пользуется принципом, который на первый взгляд может показаться для него и вовсе неожиданным. Рассказав под 6016 г. о заступничестве Теодориха за ариан (169.19 след., рассказ восходит к Феодору Анагносту?), Феофан присоединяет обширное сообщение о преследованиях и резне, учиненной персидским царем Кавадом над манихеями (169.27—170.24). Это последнее сообщение заимствовано уже из Малалы (Мал., 444.5—19), причем Феофан резко «забегает вперед» (примерно на 38 страниц боннского издания!) и цитирует Малалу совсем не из того места, которое он передает в этой части своего труда. Что принуждает византийского хрониста привлекать столь далеко отстоящий эпизод из Малалы? Единственным оправданием тут может служить тематическое сходство эпизодов: рассказ об отношении Теодориха к арианам как бы «влечет» за собой рассказ об отношении Кавада к манихеям. Весьма знаменательно, что вслед за тем Феофан приводит сообщение Малалы (Мал., 422.14 след.) об императоре Юстине, разославшем указы, которые повелевали наказывать всех, устраивающих беспорядки и учиняющих убийства (170.24—28). Феофан совершает здесь грубейшую ошибку; сообщение Малалы, касающееся Юстиниана, он относит к Юстину. Более того, спутав Юстиниана с Юстином, Феофан утверждает, что последний взял в жены Феодору. Что же опять-таки заставляет Феофана снова перелистывать назад рукопись Малалы и при этом еще

²⁰ Не следует думать, что все изменения оригинала у Феофана непременно «порча», искажения» и т. п. Можно привести случаи, особенно в разделах, где перелагается столь неточное и сумбурное по содержанию произведение, как «Хронография» Малалы, когда оригинал не только не «портится», но, напротив, исправляется! Так, во многих местах, в том числе и в только что цитированном отрывке о посольстве Гермогена к персидскому царю, имя Кавада заменяется — и заменяется совершенно верно — на Хосроя. Кавада ко времени описываемых событий уже не было в живых! Можно указать и на другие случаи сознательного исправления текста. Например, по Феофану, беспорядки венетов начались в Антиохии (Феоф., 166.26), в то время как Малала в этом же контексте пишет о Константинополе (Мал., 416.6).

приписывать Юстину то, что «по праву принадлежит» Юстиниану? Думается, что здесь тоже играют роль тематические соображения. Рассказ о жестокой расправе Кавада над манихеями оттеняется сообщением о достойном и милосердном поведении благочестивого Юстина.

Таким образом, связь между эпизодами оказывается чем-то большим, нежели простое примыкание, которое по праву считается основным композиционным методом анналиста Феофана. Явно тематические соображения играют роль и в тех нескольких случаях, когда Феофан концентрирует вместе эпизоды, заимствованные из разных разделов сочинения Малалы, а также Феодора Анагноста и Прокопия, эпизоды, которые лишены датировок, но содержат однотипные сообщения, будь то о событиях внешней или внутренней истории или, наконец, о всевозможных стихийных явлениях либо чудесах. Так, во всех эпизодах, примыкающих один к другому на протяжении Феоф., 171.14—173.1, говорится исключительно о стихийных бедствиях, Феоф., 176.17—27 — о внутренней истории, Феоф., 216.23—217.22 — о церковной истории, Феоф., 217.26—222.8 — о событиях внешнеполитических.

О «тематизме» Феофана свидетельствует, думается, и другой пассаж. Малала пишет: «В феврале десятого индикта епископ Рима Вигилий явился в Константинополь. В то же время Рим был захвачен готами» (Мал., 483.2—5). Передавая эти сообщения, Феофан меняет их местами: «В этом году Рим был взят готами и папа Вигилий явился в Константинополь» (225.12). Смысл этого небольшого изменения в следующем: Феофан, в отличие от Малалы, продолжает рассказ о папе Вигилии в Константинополе и о его взаимоотношениях с патриархом Миной и Юстинианом (225.13—28). Не касаемся сейчас вопроса, откуда Феофан заимствовал этот рассказ, — важно то, что он объединяет его в один эпизод, в то время как Малала рассеял его по трем разным местам.

Итак, перелагая Малалу, Феофан гораздо чаще, чем в других случаях, пользуется методом, который можно сравнить с приемами мозаичиста, прилаживающего один к другому кубики, взятые из более древней композиции. Метод мозаичиста подчас с большой виртуозностью Феофан особенно часто применяет в местах «стыков» источников, излагая историю эпохи, для которой в его распоряжении находилось не одно, а два и более исторических сочинения (чаще всего это случается там, где он кончает пользоваться каким-то источником, обращается к новому, но еще не переходит на него полностью). Этот же метод хронист применяет и там, где хочет изложить то или иное событие с наибольшей полнотой. Покажем это на примере рассказа Феофана о знаменитом восстании Ника (Феоф., 181.24—186.2).

Пересказывая Малалу и не найдя у него достаточно подробного рассказа о восстании, Феофан обращается к другой имеющейся в его распоряжении рукописи и выписывает из нее — весьма близко к тексту — содержащееся там сообщение о восстании Ника²¹. Не удовлетворившись, однако, краткостью и этого сообщения, он привлекает третье сочинение — Пасхальную хронику и начинает уже подробно повествовать о том же восстании. При этом Феофан рассказывает о распе на ипподроме (знаменитые «Акты Каллоподия») значительно более полно, чем она изложена в Пасхальной хронике (см. Феоф., 181.32—184.2 = Пасх. хр., 620.4—13)²².

Не ограничившись описанием народного возмущения на ипподроме («Акты Каллоподия») как повода к восстанию и дальнейшему «бесчинству черни», Феофан приводит и другую причину — он передает эпизод с двумя

²¹ Сообщение это дошло до нас в: *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae parisiensis* / Ed. J. Sramer, 1839, II, p. 112.19—27. Данный отрывок сохранился в числе хроникальных заметок, приложенных в парижской рукописи к «церковно-историческому эпитоме» Феодора Анагноста.

²² Пасхальную хронику цит. по изд.: *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1832, I. Можно думать, что в дошедшей до нас рукописи этой хроники «Акты Каллоподия» сокращены; Феофан же пользовался рукописью, в которой они содержались в полном виде.

приговоренными к повешению зачинщиками, упавшими с виселицы и пытавшимися спастись в церкви св. Лаврентия. Отказ епарха гарантировать спасенным безопасность вызывает возмущение народа (Феоф., 184.3—14). Феофан использует для этого рассказа «Хронику» Малалы, которую, было, оставил, обратившись к повествованию о восстании (Мал., 473.12 след.). После этого он вновь возвращается к Пасхальной хронике и уже по ней повествует о дальнейшем ходе восстания. Таким образом, рассказ о восстании Ника оказался составленным из четырех «блоков», заимствованных из трех разных источников, причем Феофан не правит один источник по другому, а берет из каждого готовые сообщения, нисколько не смущаясь тем, что подчас дважды (конечно, по разным авторам) повествует об одних и тех же событиях²³.

* * *

Пересказывая Георгия Писиду (Феоф., 303.17—306.8=Georg. Pis., p. 17.139—41.297)²⁴, Феофан демонстрирует все отмеченные уже методы переработки источников. Поэтому детальное сравнение текстов оригинала и «Хронографии» Феофана вряд ли может добавить существенные штрихи к уже нарисованной картине. Чаще всего Феофан по памяти пересказывает сочинение Георгия Писиды, как всегда смещая в этом случае и по-новому комбинируя детали. Иногда, однако, он прибегает и к методу соединения «текстовых блоков», komponуя отдельные фразы из своего оригинала в новом смысловом контексте (см.: Феоф., 303.17 след.). Как и в остальных случаях, Феофан почти не правит текст Георгия Писиды по другим источникам, но, пользуясь «методом мозаичиста», комбинирует блоки из разных авторов. Применение данного метода приводит к тому, что Феофан дважды по разным источникам рассказывает об одном и том же событии. Пример — дважды повторенный рассказ об учениях, которые устроил своему войску император Ираклий. Впервые о них Феофан рассказывает по какому-то неизвестному нам источнику (Феоф., 303.12—17), вторично — уже с привлечением Георгия Писиды (Феоф., 304.3—11)²⁵.

* * *

Подводя итоги, заметим, что методы переработки Феофаном своих источников разнообразнее, чем это может показаться с первого взгляда. Собственно говоря, речь должна идти о трех главных способах, используемых византийским хронистом.

1. Феофан пересказывает по памяти и потому своими словами большие отрывки текста, нередко устанавливая новые связи между верно сохранными деталями. К этому способу он чаще всего прибегает при переработке «Истории» Феофилакта Симокатты.

2. Феофан соединяет между собой отдельные «текстовые блоки» оригинала, выпуская соединяющие их пассажи; в результате такой операции нередко образуются новые логические и смысловые сочленения между блоками. Этот метод чаще всего применяется при переработке текста Прокония.

3. Феофан в совершенно новом порядке, по «методу мозаичиста», монтирует «текстовые блоки» из произведений одного, двух и более авторов. Этот метод чаще всего встречается при пересказе «Хронографии»

²³ Например, о том, как толпа спалила ксенодохий *Σαυφόν*, сообщается Феоф., 181.28 (по «Эпитоме») и Феоф., 184.25 (по Пасхальной хронике).

²⁴ Георгия Писиду цит. по изд.: *Georgii Pisidae Expeditio persica, Bellum avaricum, Heraclias* / Rec. I. Bekkerus. Bonn, 1836.

²⁵ Многочисленные пассажи заимствованы также Феофаном из эпитоме «Церковной истории» Феодора Анагноста. Сравнение обоих текстов не прибавляет ничего существенного к сделанным выводам. Приведем лишь характеристику метода Феофана, данную издателем Феодора Анагноста Г. Ханзеном: «Способ использования (текста Феодора Анагноста. — Я. Л.) — не рабский. В отличие от многих поздних хронографов Феофан цитирует не буквально, а производит стилистические изменения, сокращения, перестановки. Встречаются также смещения и неточности» (*Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte* / Ed. G. Ch. Hansen. B., 1971, S. XXIX).

Иоанна Малалы или в тех, не столь уж частых, случаях, когда события излагаются по двум и более источникам.

Историку, добывающему исторические факты из тех пассажей «Хронографии» Феофана, источники которых не сохранились, надо постоянно иметь в виду перечисленные особенности. Исторический факт, верная деталь могут быть поставлены Феофаном в совершенно иной логический, смысловой и хронологический контекст.

Промахи хрониста, не переставая быть обыкновенными ошибками не слишком внимательного компилятора, свидетельствуют одновременно о специфическом механизме мышления средневекового автора, в конечном счете отражающем особенности его исторического и литературного метода. Характеризуя последний, приходится учитывать, что Феофан не столь однозначен, как это может представиться при первом чтении. Композиция «Хронографии» в принципе атематична, и в то же время элементарное примыкание эпизодов сочетается в ней с их тематической группировкой. Феофан, как правило, стремится следовать оригиналу, однако это стремление не всегда распространяется на связи между эпизодами. Верность передачи факта и детали сочетается с некоторой долей фантазии в их группировке. Заданность метода, свойственная почти любому средневековому писателю, ослабляется индивидуальными писательскими приемами, строгость правила смягчается большим числом исключений.

Феофан — принципиальный систематизатор и системосозидатель. Различие версий одних и тех же исторических событий, противоречия в свидетельствах различных источников для него как бы не существуют или, во всяком случае, остаются за скобками его повествования. Принятая им версия должна молчаливо восприниматься в качестве единственно возможной.

В этом смысле приемы работы Феофана прямо противоположны методу свято чтимого им его учителя Георгия Синкелла. Тот — историк, беспокойно ищущий истину (если, конечно, не ошибочно первое впечатление современного исследователя от этого очень мало изученного писателя). Он постоянно делает выписки из произведений разных хронистов, повествующих об одних и тех же событиях, отказываясь сводить воедино противоречивые свидетельства. Обращаясь к различным источникам и заново рассматривая одни и те же исторические или легендарные факты, Георгий Синкелл подчас приходит к взаимоисключающим выводам, которые нередко сосуществуют в его сочинении, так и оставшемся без окончательного редактирования²⁶.

В отличие от Георгия Синкелла, Феофану «все ясно», его не посещают сомнения и колебания, он безусловен и категоричен, его версия событий как бы должна молчаливо признаваться единственно справедливой и правильной, однако картина истории, рисуемая Феофаном, типично «средневековая». Средневековому художнику целое всегда представляется в виде суммы деталей, связь между которыми может осуществляться лишь в некоей высшей сфере и не должна выражаться наглядно и зримо. Агиограф или энкомиаст, рисуя образ своего героя, нанизывает на одну нить (по принципу «ожерелья») звенья его подвигов. Историк или биограф перечисляет качества изображаемого им персонажа, которые также свободно примыкают одно к другому, как исторические факты в сочинении хрониста-анналиста (характернейший пример — так называемые соматопсихогаммы у Иоанна Малалы). Средневековый автор экфразы, описывая произведение искусства, не стремится передать целостное впечатление, а скрупулезно перечисляет составляющие его детали. Не потому ли и Феофан, сохраняя детали и факты из сочинений-источников, часто опускает их сочленения или даже устанавливает новые, произвольные связи?

²⁶ Весьма интересная историко-литературная характеристика сочинения Георгия Синкелла содержится в единственной, по сути дела, статье, посвященной его творчеству. См.: *Laqueur J.* — RE, 2. R., 8. Hbd., s. v. Synkellos. О противоположности метода Феофана и Георгия Синкелла см.: *Чичуров И. С.* Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор? (В связи со статьей К. Манго). — ВВ, 1981, 42, с. 85 след.

В. П. СТЕПАНЕНКО

ИШХАНЫ ЭДЕССЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГОРОДА В 70-Х ГОДАХ XI—НАЧАЛЕ XII В.

История Эдессы XI в. сравнительно мало привлекала внимание исследователей¹, ведь, будучи предельно насыщен событиями, данный период сравнительно слабо освещен в источниках. Наиболее сложными и противоречивыми в судьбах Эдессы были 1077—1098 гг., время сельджукской экспансии на Ближнем Востоке, Первого крестового похода и образования государств крестоносцев на территориях Сирии, Месопотамии, Палестины. Сравнительно рано утраченная Византийской империей, Эдесса, по словам Ж. Лорана, «была оспариваема многочисленными соискателями, посредством силы переходила из рук в руки, от одного господина к другому, и это не всегда обходилось без грабежей и экзекуций. Она должна была искать власти могущественной и стабильной»². Традиционно, начиная с работ Ж. Лорана, Эдесса периода 1077—1098 гг. рассматривалась именно как объект международных отношений, последовательно переходивший от одних властителей к другим, входивший в состав владений или следовавший в русле политики государя, контролировавшего в тот или иной период положение на Ближнем Востоке. Однако тот же Лоран отмечал наличие в самом городе силы, стремившейся в известной мере определять внешнеполитическую ориентацию Эдессы³. Французский исследователь не возвращался в дальнейшем к данному вопросу, хотя существующие источники, в первую очередь «Хронография» Маттэоса Урхайеци, дают возможность достаточно полно проследить изменение внешнеполитической ориентации Эдессы в 1077—1098 гг. (и осветить роль двенадцати ишханов — органа городского самоуправления⁴) в этом, казалось бы, вызванном чисто внешними факторами процессе. Более того, ряд обстоятельств внутривосточной борьбы, происходившей тогда в городе, можно объяснить именно внешнеполитическими устремлениями ишханов Эдессы, столкновением интересов различных группировок правящей верхушки города.

Как известно, после 1071 г. вследствие сельджукской экспансии в Малой Азии большая часть византийских владений в Сирии и Месопотамии оказалась под властью Филарета Врахамия, ранее — domestika схол Востока, порвавшего с империей. В 1076 г. его войска вступили в Антио-

¹ Об Эдессе XI в. см.: *Duval R. Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edesse jusqu'à la première croisade.* — JA, 1892, XIX, 8 série; *Laurent J. Des Grecs aux Croisés. Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071—1098.* — Byz., 1924, I, p. 367—449; *Idem. Byzance et les Turcs Seljoucides dans l'Asie Occidentale jusqu'à 1081.* — Annales de l'East, Paris; Nancy, 1949, 28; *Cahen Cl. La première pénétration Turque en Asie Mineure au XI s.* — Byz., 1948, 17—48, p. 1—67; *Beaumont A. Albert of Aachen and the county of Edessa.* — In: *The crusades and other historical essays / Presented to D. C. Munro.* N. Y., 1968 (repr. 1928); *Segal J. Edessa. The Blessed city.* Oxford, 1970; *Апутьюнова В. А. Византийские правители Эдессы в XI в.* — ВВ, 1973, 35, с. 137—153.

² *Laurent J. Des Grecs. . .*, p. 399.

³ *Ibid.*, p. 448.

⁴ См.: *Степаненко В. П. К статусу и функциям совета двенадцати ишханов в Эдессе XI в.* (в печати).

хию, а в 1077 г. осадили номинально византийскую Эдессу, которая открыла ворота полководцу Филарета — Васили, сыну Абукаба, ставшему наместником города и правившему именем Врахамия⁵. Васил был тесно связан с Эдессой, где еще в 1065—1066 гг. жил его отец Абукаб, в прошлом — дука города⁶. Вряд ли в этих условиях выбор именно Василя, которого Филарет направил для захвата Эдессы, был случайным. Осада завершилась мятежом жителей против византийского дуки и сдачей города Васили. Последний оставался наместником Эдессы до 1083 г. Сообщая о его смерти в 1083 г., Маттэос Урхайеци пишет, что, узнав о ней, «сотворили собрание всего города в церкви св. Софии и передали Урху в руки Смбага, мужественного и храброго бойца против турок. И поставили Смбага на пост дуки Урхайского на шесть месяцев. И один из великих города вознамерился отнять пост дуки у народа армянского». Некий ишхан из рода Арджектон «возмутился и отправился к Филарету, ибо имел он в качестве сторонников много родов и семей могущественных в городе Урха. И возбудил ишхан Филарета и (тот) пленил Урху. И перешел город Урха в руки его. И спустя несколько дней велел Филарет схватить Ишхана и всех (его) приверженцев, и Смбага, и разрушил до основания все дома их, и отделил великих ишханов армянских, которые были в городе Урха, и Арджука-ишхана предал мучениям, и других угнал в город Мараш. И лишил глаз Смбага, мужа храброго, и глаз — Ишхана и его брата Тодорика, а других ишханов держал в окопах в городе Мараше из-за злого нрава своего⁷. Вероятно, тогда же воинские отряды, пришедшие ранее с Василием, были заменены в городской цитадели верным Филарету гарнизоном. Наместником города был назначен некий паракаманос⁸.

Репрессии Филарета не привели к сколько-нибудь существенным положительным для него результатам, скорее всего, они оттолкнули от него представителей тех кругов правящей верхушки Эдессы, которые были готовы сотрудничать с ним. В этих условиях Врахамий сохранял контроль над городом лишь благодаря введенному в цитадель гарнизону, с которым уцелевшие от расправы ишханы скоро смогли договориться.

Не санкционированное Филаретом избрание Смбага в качестве преемника Василя обычно считается единственной причиной последовавших затем репрессий и рассматривается как проявление сепаратизма ишханов города, стремившихся если не к его отделению от удела Врахамия, то по меньшей мере к установлению автономии в рамках этого удела⁹. Между тем уже Р. Дювалю и Ж. Лорану были известны сведения Ибн аль-Асира и Бар Эбрея, вносящие существенные коррективы в традиционную трактовку событий 1083 г. и связывающие их с изменением общей политической ситуации на Ближнем Востоке в 1077—1083 гг.

В то время здесь шла борьба за гегемонию между тремя государствами — образовавшимися в 70-е годы сельджуками Румским и Сирийским султанатами и эмиратом Укайлидов Мосула. Театром военных действий и основным объектом борьбы стала Северная Сирия, включавшая города Хaleb и Харран. Она граничила с территорией названных государств и с уделом Врахамия. В 1081 г. Хaleb и Харран были захвачены Укайлидом Муслимом ибн Курайшем, получившим таким образом временный перевес над соперниками¹⁰. Тогда же, как пишет Ибн аль-Асир, Укайлид «отнял Эдессу у греков»¹¹. С 1077 г., однако, наместником этого

⁵ Маттэос Урхайеци. Хронография. Вагаршанат, 1898 (далее: Маттэос Урхайеци), с. 222—223 (др.-арм. текст).

⁶ Там же, с. 51, 181.

⁷ Там же, с. 223.

⁸ Там же. О событиях 1083 г. см.: Степаненко В. П. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города (К интерпретации событий 1083 г.) — В кн.: Византия и ее провинция. — АДСВ, 1982, с. 48—53.

⁹ Laurent J. Des Grecs. . . , p. 399. Ср.: Степаненко В. П. Государство Филарета Варажнуни. — АДСВ, 1975, 12, с. 96—97.

¹⁰ Cahen Cl. Op. cit., p. 38—39; Gregorii Abylfaradj sive Bar Hebrai Chronicon Syriacum / Ed. P. I. Bruns, G. G. Kirsch. Lipsiae, 1787, v. II (далее: Abylfaradj), p. 271.

¹¹ Duval R. Op. cit., p. 99, n. 1; Ibn al Athiri Chronicon / Ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1864, v. X, p. 78.

города являлся: Васил, умерший в 1083 г. Из рассказа Ибн аль-Асира создается впечатление, что Эдесса не была завоевана Муслимом ибн Курайшем и в ее цитадель не был введен гарнизон последнего, что речь может идти лишь о признании городом сюзеренитета Укайлида при сохранении автономии городом, наместником которого оставался Васил. Между тем последний мог сохранить власть лишь как ставленник торгово-ремесленной верхушки Эдессы — ее ишханов: ведь именно они, чувствуя себя подлинными хозяевами города, организовали избрание и его преемника Смбага Вкхаци, армянина-халкедонита и в прошлом также византийского полководца.

В пользу представления о том, что имело место соглашение ишханов Эдессы с Муслимом ибн Курайшем, и о том, что его политика в известной мере соответствовала их интересам, свидетельствует панегирическая оценка, данная Укайлиду Маттэосом Урхайеци: «Таговор арабов Шереф ад Даула, сын Курайша, доброты и милосердия столь значительных в отношении поклоняющихся кресту, что перо не в состоянии описать все благодеяния, которыми они были осыпаны. . . , и наказания и муки, которые он наложил на своих подданных, чтобы покровительствовать христианам»¹². Ж. Лоран полагал, что причиной, приведшей к признанию Эдессой сюзеренитета эмирата Укайлидов, явился захват последним контроля над коммуникациями, связывавшими Харран и Халеп с его месопотамскими владениями¹³. Отчасти это так. Однако более существенную роль, на наш взгляд, сыграло то, что под властью эмирата оказались важнейшие пути международной торговли, соединявшие Закавказье и Иран с Сирией, Месопотамией и Северной Африкой. Стоявшая же на скрещении этих путей Эдесса издревле зависела от состояния транзитной торговли и потому — от владетеля, контролировавшего в данное время пути этой торговли¹⁴. Иными словами, контроль над торговыми путями давал владельцу власть и над Эдессой, экономически всецело зависевшей от их функционирования. Экономическая зависимость города неминуемо должна была сказаться и в политической сфере. Эдесса входила в состав удела Врахамия и управлялась его наместником, тогда как материальное благосостояние горожан, в первую очередь торгово-ремесленной верхушки Эдессы, во многом зависело от отношений города с эмиратом Укайлидов. Поэтому-то, на наш взгляд, ишханы Эдессы вполне добровольно признали сюзеренитет эмирата Укайлидов, сохранив автономию города и восстановив свои позиции в сфере международной торговли. Поэтому же позднее, после возвращения Эдессы под власть Врахамия, репрессиям подверглась именно городская верхушка, переход которой под власть Укайлида был расценен как измена бывшему сюзерену. Избрание Смбага явилось лишь одним из проявлений этой «измены» и не сыграло той существенной роли в последующих событиях, которая приписывается ему Маттэосом Урхайеци.

Бар Эбрей приводит точную дату захвата Эдессы Врахамием — 23 сентября 1083 г.¹⁵ Успех Филарета во многом был связан с тем, что Муслим ибн Курайш в это время был занят подавлением мятежа наместника Харрана и не мог вмешаться в эдесские события¹⁶. И если, по сообщению Бар Эбрея, Филарет Армянин отнял Эдессу у турок, то из повествования Мат-

¹² *Маттэос Урхайеци*, с. 227.

¹³ *Laurent J. Des Grecs*. . . , p. 396.

¹⁴ Для раннего периода см.: *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.; Л., 1940, с. 46—47. В армянском иттенерарии X в. Эдесса упоминается как стоявшая на скрещении двух важнейших торговых путей, которые вели из Закавказья и Ирана в Джазире, Диар Бакр, Сирию, Месопотамию и Северную Африку. Первый путь: Двиз — Хлат — Халимар — Эдесса вдоль Евфрата — Хомс — Дамаск — Иерусалим — Александрия — Пентаполис — Триполи к Атлантике; второй: Гандзак — Шахастан — Мосул — Нисибин — Эдесса. См.: *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 255.

¹⁵ *Abylfaradj*, p. 271.

¹⁶ *Duval R.* Op. cit., p. 99, n. 1.

тэоса Урхайеци видно, что решающую роль в этом сыграли распри внутри самой городской верхушки, расколовшейся на две группировки по вопросу о кандидатуре дуки города. Одна из них, возглавляемая Ишханом и недовольная избранием Смбата, выдвинутого, по-видимому, верхушкой армянской общины Эдессы, сдала город Филарету. Попытка последнего ликвидировать власть ишханов в городе, предупредив их возможные выступления против него в будущем, оказалась безуспешной. Во многом это объясняется крайне неблагоприятной ситуацией, сложившейся на Ближнем Востоке в начале 80-х годов XI в., когда борьба за гегемонию достигла здесь предельной остроты. Одной из первых жертв ее стал удел Филарета.

12 декабря 1084 г. султан Рума Сулейман ибн Кутлумыш внезапным ударом овладел Антиохией¹⁷. В ответ на требование Укайлида о выплате дани за Антиохию, как ранее это делал Филарет, султан бросил войска на Халеб. Муслим ибн Курайш пытался перехватить румские войска на пути к городу и погиб в сражении. Халеб был сдан Сулейману, что привело к вмешательству султана Сирии Тутуша в ход борьбы: он разгромил войска Рума у стен города. Сулейман погиб в сражении, но Тутуш не смог воспользоваться плодами победы — на Ближнем Востоке появился Великий Сельджукид Мелик-шах, произведший передел сирийских и месопотамских владений Рума и эмирата Укайлидов. В большинство городов Сирии и Месопотамии были назначены наместники султана¹⁸. Об этом еще не было известно, когда Филарет отправился из Эдессы в ставку султана, надеясь получить инвестицию на оставшиеся под его контролем территории. В отсутствие Филарета один из командиров размещенных в Эдессе отрядов, Парсама, «замыслил заговор свой нечестивый с некими ишханами города и сообща совершали дело безбожное Каина и Иуды»¹⁹. В ходе последовавшего затем переворота наместник Филарета в городе Паракаманос был убит. Парсама захватил цитадель и стал дукой Эдессы. Фактически к власти вернулись ишханы города, сохранявшие ее в течение шести месяцев. Переданная Мелик-шахом в удел полководцу Бузану, Эдесса отказалась открыть ему ворота.

Казалось бы, повторилась ситуация 1083 г. Город был осажден сельджуками войсками и полгода отражал их натиск. Однако после того, как среди жителей начался голод, они подняли мятеж против Парсамы и, по-видимому, захватили цитадель. Парсама бросился вниз со стены и разбился. По словам Маттэоса Урхайеци, «вышли ишханы города к Бузану и передали Урху в руки его»²⁰. Объективно вхождение города в состав султаната Великих Сельджукидов, власть которого распространялась на всю Переднюю Азию, благоприятствовало восстановлению как безопасности торговых путей, так и позиций города в сфере международной торговли. «Покой великий, — констатирует Маттэос Урхайеци, — был возвращен в Урху и во всю страну нашу»²¹. Наместником города, правившим именем Бузана, стал салар Ксулук. По-видимому, вновь разгорелась борьба внутри городской верхушки Эдессы. Маттэос Урхайеци рассказывает, что «Аскар и некие другие мужи» оклеветали «армянских ишханов, которые находились в городе», и по доносу наместник казнил «ишханов армянских, двенадцать знаменитых, богатых и знатных». Речь явно идет о тех ишханах (в данном случае — двенадцати, составлявших орган городского самоуправления), которые ранее сдали Эдессу Бузану: ниже Маттэос сообщает, что полководец сожалел об их смерти, ибо дал

¹⁷ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche / Ed. et trad. par J.-B. Chabot. P., 1905, v. III, p. 173; *Abylfaradj*, p. 279.

¹⁸ *Cahen Cl. Op. cit.*, p. 47—49.

¹⁹ Маттэос Урхайеци, с. 233.

²⁰ Там же, с. 236 (27 февраля 1087 г.).

²¹ Там же, с. 236. Наиболее ярко это иллюстрирует поездка католика Барсега Анеци по армянским епархиям Ближнего Востока. После визита к Мелик-шаху в Рей католикос посетил Хоны, Кесарию, Эдессу, Антиохию. См.: Маттэос Урхайеци, с. 240.

клятвенное обещание сохранить им жизнь²². Таким образом, и в данном случае между ишханами и Бузаном было заключено соглашение, по условиям которого они открыли ему ворота города, получив по меньшей мере гарантию личной безопасности. А так как репрессии на этот раз коснулись сравнительно узкой группировки, то создается впечатление, что совет двенадцати продолжал функционировать некоторое время параллельно с наместником города, что свидетельствует о сохранении известных элементов автономии Эдессы и после ее перехода под власть Бузана.

Мирная передышка, которую город получил после 1086 г., была недолгой. Смерть Мелик-шаха и последовавшая за ней борьба за престол султана Великих Сельджукидов, завершившаяся распадом последнего, вновь сделали Ближний Восток ареной военных действий. В 1095 г. Бузан пал в сражении с Тутушем. На этот раз Эдесса без боя открыла ворота султану. И вновь из источников создается впечатление, что и на этот раз городская верхушка вошла в соглашение с Тутушем — иначе невозможно объяснить тот факт, что наместником султана в городе стал куропалат Торос, армянин-халкедонит, ранее являвшийся наместником Врахамия в Мелитене и, по-видимому, осевший в Эдессе после распада удела Филарета. Обычно он считается либо дукой Эдессы, и потому автономным представителем Византии на Востоке, что явно ошибочно, либо наместником Тутуша, о чем прямо пишет Маттэос Урхайеци²³. Однако статус Тороса был весьма своеобразен; ведь всей полнотой власти в качестве наместника Эдессы он явно не обладал — ему не был подчинен сельджукский гарнизон, введенный в цитадель. Однако именно присутствие последнего и гарантировало султану лояльность Эдессы в период борьбы за власть в султанате Великих Сельджукидов. Ввиду сказанного Торос может рассматриваться лишь как ставленник ишханов города, сохранивших власть в Эдессе и при новом ее сюзерене.

В феврале 1096 г. Тутуш погиб в сражении с наследником Мелик-шаха — Беркярюком. С поля боя в Эдессу бежали его сын Ридван и наместник Антиохии — Яги Сиан. Стремясь овладеть цитаделью, Торос предложил пленить беглецов, но, как сообщает Маттэос Урхайеци, «не сочли другие ишханы (это) приличным, и отправились они с миром в свои города»²⁴. Иными словами, в данном случае решающее слово осталось за ишханами города, которые предпочли сохранить лояльность по отношению к наследнику Тутуша. Однако распад Сирийского султана вскоре поставил Эдессу в зависимость от бывшего наместника Антиохии, а ныне ее владетеля Яги Сиана, которому подчинился гарнизон цитадели²⁵. Возобновившиеся попытки Тороса если не захватить цитадель, то изолировать ее от города посредством постройки крепостной стены, защищавшей прилегающие к ней городские кварталы, привели к осаде Эдессы Сукманом ибн Артуком и эмиром Самосаты Балдухом. Они отошли от города при появлении у его стен Ридвана и Яги Сиана, повторивших неудачную попытку захвата Эдессы²⁶. Именно тогда командир армянского отряда, входившего в состав гарнизона цитадели со времен Тутуша, Мхитар-патрикий, смог передать ее Торосу²⁷, ставшему, таким образом, наместником города от имени его торгово-ремесленной верхушки.

То, что функции Тороса были именно таковы, доказывается следующим. Вплоть до 1098 г. ишханы Эдессы, обретшей шаткую автономию после изгнания из цитадели сельджукского гарнизона, постоянно искали силу, способную упрочить внешнеполитическое положение города и области, и в этой связи готовы были передать власть любому владетелю, который был бы в состоянии выполнить эту задачу. Так, в том же 1096 г. Торос пригласил в Эдессу некоего Алихилага, потомка Дулмэша, и «передал

²² Там же, с. 236—237.

²³ Там же, с. 248.

²⁴ Там же, с. 249.

²⁵ *Laurent J. Des Grecs...*, p. 405 — со ссылкой на Абу-ль-Фиду и Ибн аль-Асира.

²⁶ *Маттэос Урхайеци*, с. 250—251.

²⁷ Там же, с. 251.

Торос Урху в руки его, чтобы он отомстил врагам его»²⁸. После тридцатипятидневного правления Сельджукид решил разграбить город и уйти, но был убит. По-видимому, именно в это время внешнеполитическое положение Эдессы было наиболее тяжелым. Если верить тенденциозно освещавшему ее историю Альберту Ахенскому, стремившемуся оправдать захват города крестоносцами и убийство Тороса, в период правления последнего Эдесса отдавала заложников, сыновей нотаблей, т. е. ишханов, в Самосату²⁹. Эти сведения подтверждает и Камал ад-дин, сообщающий, что в 1095 г. город отдавал заложников в Халев, т. е. Ридвану ибн Тутушу³⁰. Именно этим можно объяснить и тот факт, что после появления в Приевфратье крестоносцев Торос «послал к графу франкскому в Тель Башир и пригласил его к себе на помощь против врагов своих из-за притеснений, которые он имел от соседних эмиров»³¹.

Хотя об «Иерусалимской истории» Альберта Ахенского сложилось представление как об источнике компилятивном и неравноценном, при описании эдесских событий 1098 г. автор несомненно опирался на сведения их непосредственного участника. Он явно стремился создать впечатление, будто свержение Тороса явилось сугубо внутренним делом, будто крестоносцы либо оставались безучастными свидетелями событий, либо посредниками, благожелательно настроенными к куропалату и пытавшимися спасти его. При всей своей тенденциозности хронист дает довольно полное и точное представление о событиях марта 1098 г. в Эдессе. Судя по его рассказу, при появлении крестоносцев в Тель Башире «герцог города Роха прислал к Балдуину епископа этого города вместе с двенадцатью старшими городскими префектами, по совету которых в этой стране все творится, чтобы он с . . . рыцарями спустился в Эдессу и защитил ее от набегов турок, получив взамен всю власть в управление и все доходы наравне с герцогом». Балдуин отправился в Эдессу, где его встретили «сенаторы города и все население». Оскорбленный торжественной встречей графа горожанами, хотя он «сам призвал его в город по совету двенадцати сенаторов для защиты от врагов», Торос «отказал ему в том, чтобы управлять городом и страной, и в том, чтобы считать его равным себе при получении каких-либо доходов и дани. Он сказал, что даст Балдуину много золота и серебра. . . если тот изъявит готовность выступить защитником указанных мест и всего города и окрестностей от. . . набегов турок». Иначе говоря, графу было предложено стать наемником города, но он отказался, заявив, что тотчас отправится назад. «Когда двенадцать главных сенаторов и первейшие горожане и все остальные жители узнали об этом. . . то отправились к герцогу и всячески умоляли его, чтобы он. . . не позволил графу уйти и сделал его своим союзником и во власти и в управлении городом. . . поскольку город и вся страна могут быть надежно защищены только при содействии Балдуина и его войска». «Когда герцог увидел приверженность и благожелательство двенадцати сенаторов и всех горожан к Балдуину», он был вынужден усыновить графа, после чего тот во главе отряда рыцарей³², а также «войск города и пехоты области» совершил успешно закончившийся поход против Самосаты³³. «Спустя немного дней сенат и все горожане Эдессы. . . удостоверились

²⁸ Там же, с. 252. Кл. Каэн считает его Али Илеком, сыном Кутулмышы и братом Сулеймана. См.: *Cahen Cl. Qutlumusch et ses fils avant l'Asie Mineure. — Der Islam, 1964, Bd. 39, p. 27, n. 55.* Сельджукид опирался на военные контингенты, после его убийства ушедшие из города, но, кажется, не имел владений — именно потому он и был приглашен править Эдессой.

²⁹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolimitana. — RHCoc., 1879, t. IV, lib. III, 24.*

³⁰ *Laurent J. Des Grecs. . . , p. 422, n. 1.* Михаил Сириен (*Chronique, III, 179*) отмечает, что в 1095 г. Торос урегулировал отношения с Ридваном.

³¹ *Mattäos Urxaięu, c. 260.*

³² *Alberti Aquensis Historia. . . , lib. III, 24, p. 353—354* (ср. перевод М. Стасюлевича. — История средних веков. СПб., 1887, т. 3, с. 191).

³³ *Ibid., 21, 354*, где хронист сообщает о триумфальном успехе графа. По известию же Маттэоса, эдесское городское ополчение, принявшееся грабить пригороды Самосаты, было обращено в бегство. См.: *Mattäos Urxaięu, c. 260.*

в благоразумии и твердости Балдуина в войне против турок и сочли, что под его властью город и цитадель будут спасены и защищены наилучшим образом».

В среде городской верхушки возник заговор, направленный против Тороса и имевший целью немедленную передачу власти в Эдессе Балдуину Фландрскому. Описание последовавшего затем мятежа горожан не оставляет сомнений в том, что его возглавляли ишханы Эдессы либо одна из группировок правящей городской верхушки. Стремящийся отвести от графа обвинение в соучастии в заговоре, Альберт Ахенский вкладывает в его уста во время переговоров с осажденным в цитадели Торосом следующие слова: «Все горожане и сенаторы этого города составили заговор, дабы умертвить тебя». Далее сообщается, что «весь совет и все горожане не желали слушать увещаний Балдуина» сохранить Торосу жизнь и куропалат был убит³⁴. Маттэос Урхайеци также пишет, что заговорщики «возбудили против Тороса толпу, которая разграбила дома его ишханов». Торос был осажден в цитадели и, получив от графа гарантии свободного ухода в Мелитену, «сдал цитадель в руки его. И Балдуин, как и ишханы города, вошли туда»³⁵. Балдуин Фландрский стал правителем Эдессы. Использовать его в качестве наемника не удалось. Акт усыновления должен был удержать графа в городе, а передача ему власти в Эдессе, даже путем насильственного устранения его предшественника, куропалата Тороса, являлась высшей ценой, которую могла и готова была уплатить эдесская городская верхушка за военную силу крестоносцев.

Однако единение недавних союзников было недолгим. Уже в ноябре 1088 г. «двенадцать принцепсов и местные жители» составили заговор с целью свержения власти Балдуина и направили посланца к туркам, обещающая сдать им город. Заговорщики были выданы, их дома разрушены, имущество конфисковано, сами они брошены в тюрьму³⁶. Дальнейшие события показали, что Балдуину Фландрскому и его преемнику в должности графа Эдессы — Балдуину Буржскому пришлось пойти на компромисс с эдесскими сенаторами, продолжавшими сохранять влияние в городе. В 1101 г. граф потерпел поражение от Сукмана ибн Артука при Серудже и «с тремя своими людьми укрылся в цитадели Урхи и находился в положении жалком. И собравшиеся ишханы города пустили в город и возвратили ему трон его»³⁷. Следовательно, Балдуин Буржский, контролировавший лишь цитадель Эдессы, сохранил власть тоже благодаря поддержке городской верхушки.

В последний раз ишханы Эдессы продемонстрировали все влияние на судьбы города в 1107 г. В битве при Харране (1104 г.) граф Эдессы попал в плен к атабеку Мосула Джекермишу. Наместником Эдессы, правившим именем князя Антиохии — Боэмунда, а затем его преемника — Танкреда, стал племянник последнего — Ричард Салернский. В 1107 г. Балдуин Буржский освобожден из плена и потребовал у Танкреда возвращения Эдессы. Началась усабица, в ходе которой граф потерпел поражение при Тель Башире и бежал в Равендан. «И когда узнали об этом в городе Урха, впали в скорбь из-за Балдуина, так как мертвым сочли его. И созвали собрание в церкви св. Иоанна при папосе (архиепископе. — В. С.) франкском ради достижения (соглашения), ибо опасались, что (опять) попадает город Урха к Танкреду и (тот) отдаст его в руки Ричарда, ибо этот в то время, как владел городом, умножил гибельные деяния. . . И папосу сказали: „(Пусть) вашему человеку и нашему будет поручено охранять цитадель города, пока нам тэр (не) станет известен“»³⁸. Прибыв в город, граф узнал о решении совета. По-видимому, это было сочтено посягательством на прерогативы графа как главы города. Последовали

³⁴ *Alberti Aquensis Historia*. . . , lib. III, 24, p. 354.

³⁵ *Mattæos Urxajecy*, с. 262.

³⁶ *Alberti Aquensis Historia*. . . , lib. V, 16, p. 442. Но о заговоре не знают Маттэос Урхайеци и Фульхерий Шартрский.

³⁷ *Mattæos Urxajecy*, с. 275.

³⁸ Там же, с. 308.

репрессии. Размах их был значителен: угрозе ослепления подвергся даже армянский архиепископ Эдессы³⁹.

В дальнейшем упоминания о совете ишханов города исчезают со страниц «Хронографии» Маттэоса Урхайеци. Вероятно, вследствие репрессий 1108 г. он утратил почву для легальной деятельности либо был уничтожен. Соотношение сил в данный период явно изменилось в пользу графа. Он был уже не столько правителем Эдессы, сколько владельцем обширных территорий от Самосаты до Мараша, опиравшимся на отряды вассалов из числа переселившихся на Восток рыцарей. В этих условиях граф уже мог не считаться ни с городской верхушкой Эдессы, ни с реакцией на свои действия со стороны его христианских подданных. Однако вряд ли исчезновение ишханов с политической арены может быть связано лишь с репрессиями Балдуина Буржского. Гонения происходили и ранее, но каждый раз совет двенадцати возобновлял свою деятельность, осуществляя фактическую власть в Эдессе. Надо полагать, что, став столицей графства Эдесского, город быстро утратил былое значение центра международной транзитной торговли, пути которой теперь прошли южнее — через Халеб и Дамаск. Постоянные войны крестоносцев с соседями, в свою очередь, не способствовали восстановлению безопасности торговых путей. Ее нарушение подрывало экономическую базу торгово-ремесленной верхушки Эдессы, постепенно терявшей свои позиции в сфере транзитной торговли. Последнее не могло не отразиться на руководящей роли ишханов во внутриполитической жизни города, роль эта постепенно ослабевала. Репрессии 1098 и 1108 гг. лишь довершили крах.

В целом можно констатировать, что за всеми переворотами, совершавшимися в Эдессе на протяжении исследуемого периода, за частыми изменениями внешнеполитической ориентации города, видимо, стояли интересы различных группировок правящей городской олигархии (вспомним случаи свержения Смбата и Тороса), а может быть, и более широких слоев горожан, страдавших не столько от сельджукских набегов и грабежей, отрицательные последствия которых бесспорны, сколько от нестабильности внешнеполитической ситуации на Ближнем Востоке и связанных с нею перерывов в транзитной торговле. Отсюда — и стремление ишханов Эдессы ценою подчинения одному из соседних владетелей, контролировавшему положение в Месопотамии и вообще на Ближнем Востоке, обеспечить безопасность как самого города, так и торговых путей, восстановить свои позиции в сфере международной торговли. Отсюда же — и панегирики Маттэоса Урхайеци Укайлиду Муслиму ибн Курайшу и Великому Сельджукиду Мелик-шаху, положительная оценка, данная им вхождению Эдессы в состав султаната Великих Сельджукидов, несмотря на то что это стоило жизни двенадцати ишханам, попытки самих ишханов сдать Эдессу Сельджукиду Али Илеку и сдача ее Балдуину Фландрскому. Мотивы этого четко понимали современники — «из-за притеснений, которые город имел от соседних эмиров» (Маттэос Урхайеци); «для защиты от набегов турок» (Альберт Ахенский). Отсюда же — и попытки сената Эдессы по мере возможности контролировать и направлять ее внешнеполитическую ориентацию, приспособляясь к уже существующей или меняющейся ситуации, дабы «мир и покой великий был возвращен в Урху», как это имело место в 1086—1092 гг.; когда, свергнув Парсаму, город открыл ворота заместнику Мелик-шаха.

³⁹ Там же.

С. П. КАРНОВ

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И АФОН

Монашеская республика на Афоне со времени своего возникновения в X в. и до падения Византии, а нередко и значительно позже оказывала существенное влияние на идейную жизнь государств православного Востока, на формирование их политики. Многосторонние связи Афона, существование здесь греческих, болгарского, сербского, русского и грузинского монастырей сделали его центром международного культурного общения¹. С XIV в. влияние Афона, откуда распространяется учение исихастов, еще более растет. Из среды афонской братии все чаще избираются виднейшие иерархи церкви. В этих условиях контакты отдаленных стран с Афоном осознавались как их сопричастность некоему идеальному единству православного мира, были важным политическим, а не только культурным и религиозным фактором.

Связи Трапезундской империи с Афоном до сих пор не подвергались систематическому изучению². Между тем их истоки восходят к первому веку истории «Святой горы». Сам основатель афонского монашества Афанасий являлся уроженцем Трапезунда. Его отец был знатным греком, а мать, как отмечает древнейшее Житие святого (редакция А, составленная Афанасием Панагиотом в начале XI в.), была родом из Колхиды, т. е. грузинкой³. Местная трапезундская традиция сохранила память об Афанасии Афонском как об одном из «своих» святителей: вскоре после образования Трапезундской империи Акакий Савваит включил в написанное им Житие основателей Сумелийского монастыря на Понте особый, восходящий к XII в. вариант биографии св. Афанасия⁴. Версия Акакия была

¹ См.: *Amand de Mandieta E. Mount Athos. The Garden of the Panaghia*. В., 1972 (ВВА, Bd. 41). Роль Ивиры как научно-просветительного центра грузинской культуры была рассмотрена на проходившей 19—20 октября 1982 г. научной сессии в Тбилиси. См. также: *Алексидзе А. Д. Афон тысячелетний*. Тбилиси, 1982; *Менабде Л. В. Очаг грузинской культуры на Афоне*. Тбилиси, 1982; *Мачхалели М. Греческое «Житие» Иоанна, Евфимия и Георгия Афонцев*. Тбилиси, 1982 (все книги — на груз. яз.); *Ломоури Н. Ю. Афонский Ивирон*. Тбилиси, 1983.

² Наиболее полные сведения о них содержатся в исследовании греческого ученого митрополита Хрисанфа: *Χρυσάνθος. Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζούντος*. — АП, 1933, т. 4/5 (ἀνατύπωσις — 1973).

³ Житие преп. Афанасия Афонского / По рукописи Московской Синодальной библиотеки изд. И. Помяловский. — Записки имп. Санктпетербург. ун-та. Истор.-филол. фак-тет, 1895, ч. 35, с. 3; новое критическое издание: *Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae* / Ed. J. Noret. Leuven, 1982. (далее: *Vitae*), p. 5; ср. также житие В (составленное в сер. XI—сер. XII в.): *Vitae*, p. 128; *Lemerle P. La Vie ancienne de saint Athanase l'Athonite composée au début du XIe siècle par Athanase de Lavra*. — In: *Le Millénaire du Mont Athos, 963—1963*. Chevetogne, 1963, t. 1, p. 59—100.

⁴ *Lampsidis O. Μιά παραλλαγή τῆς βιογραφίας Ἁγίου Ἀθανασίου τοῦ Ἀθωνίτου*. — Βυζαντινά, 1974, 6, p. 283—319. Изображенный на фреске в с. Ачи «Афанасий Трапезундский» отнюдь не идентичен, как полагает Д. Г. Иосебидзе, Афанасию Афониту (см.: *Иосебидзе Д. Г. Роспись церкви св. Георгия в селении Ачи, Грузия*. — В кн.: *Памятники культуры. Новые открытия, за 1975 г. М., 1976, с. 158, примеч. 18*). Скорее всего, это трапезундский митрополит времен Василия I (867—886) — Афанасий Демонокатали, почитаемый в Трапезунде как местный святой. См. о нем: *Панадопуло-Керамевс А. И. Сборник источников по истории Трапезундской империи*, т. 1. — Записки имп. Санктпетербург. ун-та. Истор.-филол. фак-тет, 1897, ч. 44, с. 53, 57—58; *Он же. Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν Τραπεζούντος*. — ВВ, 1906, 12, с. 133—

составлена в первой четверти XIII в. в области Иерусалима человеком, хорошо знавшим и использовавшим понтийскую традицию⁵. В деталях эта версия расходится с древнейшей редакцией Жития св. Афанасия. В частности, в ней указано, что юный Афанасий был усыновлен дукой Трапезунда, увезшим его затем в Константинополь⁶, однако, по древнейшей версии Жития, Афанасий отбыл в столицу в свите присланного на Понт императором Романом Лакапином евнуха-коммеркиария⁷. Различия весьма существенны: они отражают перемены, происшедшие на Понте в XI—XII вв., когда им правили именно дуки из рода Гавров.

О Лампсидисом установлено, что Акакий написал свое произведение об основателях Сумелы — Варнаве и Софронии — в монастыре Саввы Освященного в Иерусалиме в начале XIII в. Вероятно, это было сделано по поручению трапезундских императоров Великих Комнинов, но цель такого поручения до конца не разъяснена. Нам представляется, что она находится в тесной связи с выработкой официальной идеологии Трапезундской империи. Заботой Великих Комнинов в первой половине XIII в. была легитимизация своей власти на Понте. Для этого обосновывалась идея ее преемственности от Византии⁸, разрабатывался культ местных святителей, патронов державы. Великие Комнины стремились постепенно отодвинуть на задний план культ ранее широко почитавшегося на Понте св. Феодора Гавры, чье имя в глазах основателей империи символизировало антикомниновские, децентрализаторские тенденции⁹.

Трапезундские Комнины избирали в качестве патрона-покровителя то библейского царя-псалмопевца Давида, то Елевтерия, символика имени («Освободитель») указывавшего на планы реставрации Византии и отвоения византийских земель, которые в первые годы после основания империи на Понте вынашивались Комнинами¹⁰. После 1214 г., когда Трапезундская империя вышла из борьбы за восстановление Византии, в качестве патрона собственно Понтийского царства все более выступает наиболее чтимый местный святой — Евгений. Культ его, существовавший в Трапезунде еще в VI в., реорганизованный и упорядоченный на рубеже VIII—IX вв., детально разрабатывался и в окончательном виде оформился в XIV в.¹¹ Однако в начале XIII в. на ту же роль, что и св. Евгений, могли предназначать и трапезундца Афанасия Афонского, и основателей Сумелийского монастыря. Это обстоятельство и привело к заказу их Житий в иерусалимском монастыре Саввы Освященного.

Связи Трапезунда с крупнейшими центрами православного монашества были прочными. Императоры строили и обновляли монастыри

141; *Chrysanthos*. Op. cit., p. 152—153, 217—221; *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bythynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975, p. 256. Смещение малоизвестного трапезундского святителя с другим Афанасием, Александрийским, встречалось и у средневековых путешественников и географов — Одорико де Порденоне и Джона Мандевила. См.: *Свет Я. М.* После Марко Поло. М., 1968, с. 171; *Wyngaert A. van.* Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Ad Claras Aquas, 1929, p. 415; *Mandeville's Travels*. L., 1953, vol. 1, p. 103—104; vol. 2, p. 311.

⁵ *Lampsidis O.* Μία παραλλαγή. . . , p. 317—319.

⁶ *Ibid.*, p. 289—291.

⁷ *Vitae*, p. 7; cp. p. 130.

⁸ *Lampsidis O.* 'Ο ανταγωνισμός μεταξύ τῶν κρατῶν τῆς Νικαίας καὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν διὰ τὴν κληρονομίαν τῆς Βυζαντινῆς 'Ιδέας. — АП, 1976/77, 34, p. 3—19; *Карнов С. П.* У истоков политический идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ). — ВВ, 1981, 42, с. 101—105.

⁹ *Bryer A. A.* A Byzantine Family: the Gabrades, c. 979 — c. 1653. — Univ. of Birmingham Historical Journal, 1970, 12, N 2, p. 170 (repr. in: *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980, N III).

¹⁰ *Laurent V.* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'Empire de Trébizonde. — АП, 1954, 19, p. 151—160; *Карнов С. П.* У истоков. . . , с. 103—105 и примеч. 20.

¹¹ См.: *Παναδοπούλο-Κεραμεас А. И.* Сборник. . . ; *Chrysanthos*. Op. cit., passim (см. указатель); *Lampsidis O.* 'Αγιος Εὐγένιος ὁ Τραπεζούντιος. — АП, 1953, 18, p. 129—201; *Sivropulos I.* 'Αγιος Εὐγένιος ὁ πολιούχος τῆς Τραπεζούντος. Athenai, 1975; *Martin-Hisard B.* Trébizonde et le culte de saint Eugène (6e—11e ss.). — Revue des études arméniennes, 1980, NS, 14, p. 307—343.

не только на Понте, но и в отдаленных от него областях¹². Постоянно оказывалась помощь и иерусалимским монастырям¹³. Даже кратковременное правление царицы Анны (1341—1342), период смут в Трапезундской империи, ознаменовано восстановлением на трапезундские средства монастыря св. Евфимия в Иерусалиме¹⁴. Между Трапезундом и Иерусалимом осуществлялся интенсивный книгообмен: не случайно многие тексты, относящиеся к истории и культуре Трапезунда, были обнаружены именно в Иерусалимской патриаршей библиотеке¹⁵. Церковная политика была для Великих Комнинов важным средством в борьбе за признание их государства¹⁶. Осуществление этой политики и привело к интенсификации контактов с Афоном.

До 1374 г. Трапезундская империя не располагала на Афоне собственным монастырем. Однако достоверно известно, что и до этого времени там подвизались монахи-трапезундцы. В 50-х годах XIV в. об одном из них рассказывает Житие отшельника Ромилы¹⁷. Связи Трапезундской империи с Афоном еще более упрочились, когда трапезундским митрополитом стал Феодосий, в 1331—1351 гг. монашествовавший на «Святой горе», затем занявший должность игумена столичного Манганского монастыря (1351—1368)¹⁸. Именно в годы игуменства Феодосия в Манганском монастыре принял постриг император Иоанн VI Кантакузин. Феодосий был тесно связан с исихастскими кругами. Помимо близости с отрекшимся от престола, но сохранившим влияние государем, он, видимо, пользовался поддержкой исихастского патриарха Филофея Коккина. Когда в 1368 г. в Константинополь прибыло трапезундское посольство для участия в переговорах и в избрании нового трапезундского митрополита, выбор патриарха и синклита остановился именно на Феодосии¹⁹. Трапезундская церковь в это время располагала известными привилегиями в избрании своих архиереев, гарантированными патриаршим актом еще в 1261 г.²⁰, но кандидатура Феодосия не вызвала никакого противодействия у императора Алексея III и местного клира, и он был торжественно возведен на митрополичий престол по прибытии в Трапезунд в августе 1370 г.²¹ Исихастские влияния, и ранее достигавшие Трапезунда, получили теперь благоприятные возможности для распространения.

¹² Bryer A. The Late Byzantine Monastery in Town and Countryside. — In: The Church in Town and Countryside (Studies in Church History, 16). Oxford, 1979, p. 219—241 (repr. in: Bryer A. The Empire of Trebizond. . . , N VI).

¹³ См., например: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841, т. I, с. 127—129.

¹⁴ *Rapadopoulos-Kerameus A.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. СПб., 1891, т. I, с. 245; 1894, т. 2, с. 255—257.

¹⁵ Там же, т. 1, с. 424—437; т. 2, с. 255—257. *Idem.* Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη. СПб., 1891, т. 1, с. 451—452 и др.

¹⁶ См.: Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 1973, 35, с. 154—164; *Он же.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 1974, 36, с. 83—99; *Он же.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981, с. 125, 136—142; Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения в 1213—1223 гг. — ВО. М., 1982, с. 183—190.

¹⁷ Греческая версия: *Halkin F.* Un ermite des Balkans au XIVe siècle. La Vie grecque inédite de St. Romylos. — Вуз., 1961, 31, p. 134. Славянские версии: Григория монаха Житие преп. Ромила по рукописи XVI в. Имп. публичной библиоки собрания Гильфердинга. Сообщ. П. А. Сырку. — Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1900, т. 136, с. 23. Сербский извод XVII в. издан Й. Диничем: Гласник друштва српска словесности, 1857, т. 8, с. 252—255.

¹⁸ См. о нем: *Chrysanthos.* Op. cit., p. 254—256; *Lampsidis O.* Βιογραφικά τῶν ἀδελφῶν Διονυσίου, ἱδρυτοῦ τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει μονῆς καὶ Θεοδοσίου, μητροπολίτου Τραπεζούντος. — Ἀρχεῖον Ἐκκλησιαστικοῦ καὶ Κανονικοῦ Δικαίου, 1963, 18, N 2, с. 101—124.

¹⁹ *Laourdas B.* Μητροπάσιος Βίος τοῦ ὁσίου Διονυσίου τοῦ Ἀθωνίτου. — АП, 1956, 21, § 40—41, с. 59; *Lampsidis O.* Βιογραφικά. . . , с. 117.

²⁰ *Petit L.* Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde. — ИРАИК, 1903, вып. 3, с. 163—174; *Laurent V.* Les Regestes des Actes des patriarches de Constantinople, vol. 1, fasc. 4. Les Regestes de 1208 à 1309. P., 1971, N 1351, p. 153—155.

²¹ Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου. Περί τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ἐκδ. Ὁ. Λαμψίδης. — АП, 1958, 22, с. 77. 17—22.

Брат Феодосия Дионисий²² около 1356—1366 гг. основал на Малом Афоне небольшой монастырек св. Иоанна Предтечи τῆς Νεῆς Πέτρας²³, испытывавший нехватку средств и страдавший от пиратских набегов. От Константинополя особой помощи не ждали²⁴, и Дионисий решил прибегнуть к другому греческому государству, где во главе церкви стоял его брат. Под предлогом встречи с ним Дионисий приехал в 1374 г. в Трапезунд. Царствовавший тогда Алексей III (1349—1390) уже был известен как возобновитель монастырей св. Фоки в Кордиле (1362 г.) и Сумелы (1364 г.)²⁵. Митрополит Феодосий добился для брата приема у императора. Дионисий убедил Алексея III, «подобно всем царям, королям и государям», построить для вящей памяти монастырь на «Святой горе»²⁶. В сентябре 1374 г. Алексей III издал особо торжественный хрисовул, оформлявший его дарения афонскому монастырю. Император брал на себя издержки по строительству храма, стен, келий монастыря, проведению в него воды и завершению всех начатых ранее работ. Дионисий получал на это 100 соммов серебра, из которых 50 уплачивалось сразу, а 50 — в течение трех лет²⁷. После выдачи этих денег монастырь должен был ежегодно получать из императорской казны 1000 аспров в качестве аделфатона (на содержание братии)²⁸. Определенные обязательства брал на себя и монастырь: помимо традиционного вечного поминания императора, его родственников, предков и потомков²⁹, монахи должны были любезно встретить и приютить любого трапезундца, прибывшего для осмотра тех мест и для поклонения, а также принять в число братии тех трапезундцев, которые того пожелают и будут соблюдать устав обители³⁰. Алексей III был объявлен ктитorem «монастыря Великого Комнина»³¹, за которым вскоре утвердилось название Дионисиат. Концепция императорской власти, существовавшая в те годы, предусматривала даролюбие государя. Являясь ктитorem афонского монастыря, Алексей III стремился уподобиться первым византийским василевсам, финансировавшим строительство обителей на Афоне, как их законный наследник и преемник³². Эта преемственность нарочито подчеркивалась архаизированным текстом и внешним видом хрисовула³³.

После того как часть строений была возведена, в 1377—1378 гг. Дионисий вновь приехал в Трапезунд за оставшимися 50 соммами, которые и получил без затруднений³⁴. Однако во время его отсутствия монастырь был ограблен турецкими пиратами, а братия уведена в плен. Полученные средства пошли на выкуп. Во время третьей, вынужденной поездки в Тра-

²² Сохранившееся Житие Дионисия было написано в XVI в. монахом Митрофаном, использовавшим древнейшую редакцию начала XV в. См. публикацию: *Laurdas B. Μητροφάνου Βίος...*, с. 43—79; ср.: *Lampsidis O. Βιογραφικά...*, с. 107.

²³ *Laurdas B. Μητροφάνου Βίος...*, с. 54—57; *Oikonomidēs N. Actes de Dionysiou. Texte. P.*, 1968 (Archives de l'Athos, IV), p. 5.

²⁴ Хрисовулом 1366 г. Иоанн V Палеолог лишь подтвердил дарения монастырю на острове Лемнос. См.: *Oikonomidēs N. Actes...*, N 3, p. 10.

²⁵ Μυχαήλ τοῦ Παναρέτου. Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, с. 74. 6—8; *Fallmerayer J. Ph. Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt. — Abhandlungen der Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*, 1843—1844, Bd. 3/4, S. 92—100; MM, V, p. 276—281; ср.: *Janin R. Les églises...*, p. 275, 293—294; *Bryer A. The Late Byzantine Monastery...*, p. 228—229; *Idem. The Estates of the Empire of Trebizond. — АП, 1978/79, 35, p. 419—420 (repr.: Bryer A. The Empire of Trebizond...*, N VII).

²⁶ *Oikonomidēs N. Actes...*, N 4, p. 60. 16—25; *Laurdas B. Μητροφάνου Βίος...*, с. 60—62.

²⁷ *Oikonomidēs N. Actes...*, p. 61.47—51.

²⁸ *Ibid.*, p. 61.51—60.

²⁹ *Ibid.*, p. 60.38—44.

³⁰ *Ibid.*, p. 61.60—64.

³¹ *Ibid.*, p. 61.46—47; *Laurdas B. Μητροφάνου Βίος...*, с. 62. 621—622.

³² Ср.: *Nastase D. La signification cachée des documents athonites. — JÖB, 1982, 32/2, S. 262—264.*

³³ *Oikonomidēs N. The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality. — АП, 1978/79, 35, p. 299—332.*

³⁴ *Laurdas B. Μητροφάνου Βίος...*, с. 61—64; *Lampsidis O. Βιογραφικά...*, с. 119.

пезунд (между 1382 и 1389 гг.) за материальной помощью Дионисий скончался³⁵. После его смерти связи Трапезунда с Дионисиатом не прерывались: продолжалась выплата денег, хрисовул 1374 г. был дважды подтвержден простагмами Алексея IV (1416 г.) и Иоанна IV³⁶. В 1416 г. для подтверждения хрисовула в Трапезунд прибыл игумен монастыря Даниил. Алексей IV внес некоторые изменения в пожалование деда: указанные 1000 аспров представитель Дионисиата должен был получать у игумена трапезундского монастыря Христа Спасителя в Халдах, на которого была возложена обязанность производить выплаты вместо испытывавшей затруднения царской казны. Иоанн IV (1429—1458) лишь подтвердил сложившийся порядок.

Связи Трапезундской империи с Дионисиатом отражены и в памятниках материальной культуры. В апартаментах игумена монастыря хранится икона с изображением Иоанна Предтечи и императора Алексея III, подносящего церковь святому. Возможно, что эта икона была подарена Дионисиату самим ктитором³⁷. Надпись на ней содержит полный титул трапезундского василевса. Другая икона — богоматери с изображением на обороте Алексея III, дающего икону Дионисию, — видимо, более позднего происхождения³⁸. В монастыре хранилась также серебряная рака трапезундской работы с мощами св. Иоанна Милостивого³⁹. К сожалению, пожар 1534 г. нанес значительный ущерб и ризнице, и библиотеке монастыря, уничтожив также памятники, свидетельствующие о связях его с Трапезундом в XIV—XV вв.

Основание Дионисиата и регулярная помощь ему вызвали большой резонанс на Афоне⁴⁰. Ряд других монастырей, в том числе и более древних, чем Дионисиат, претендовал впоследствии на то, что они были основаны Алексеем III (иногда его путали с византийским императором Алексеем I). Основой для различных подделок служил подлинный трапезундский хрисовул 1374 г., многократно копировавшийся на Афоне. В числе копистов был и иверский митрополит XIV в. Феогност⁴¹.

Предприняв в XVI в. составление поддельного хрисовула для обоснования древности возникновения Кутлумуша, монахи последнего почти без изменений включили в текст фальсификата хрисовул 1374 г. Заменены лишь дата (1374 на 1082 г.), некоторые топонимы и имена. Любопытно, что при перенесении личности дарителя на византийского императора были оставлены без изменений титул василевса Трапезунда, его именование — Великий Комнин и само упоминание о столице — Трапезунде. В тексте фигурирует и трапезундский митрополит Феодосий. Сохранились и аллюзии от частичной замены имен. Например, иеромонах Кутлумуша Каллист стал кровным братом митрополита Феодосия (каким в хрисовуле 1374 г. был Дионисий). Хрисовул Кутлумуша — *сopia imitativa* — подписан той же рукой, что и весь текст⁴².

³⁵ Laurdas B. *Μητροπόλις Βίος*. . . , σ. 64—67; *Lampsidis O. Βιογραφικά*. . . , σ. 122—123. По предположению Лампсидиса, Дионисий умер в 1388 г.

³⁶ *Oikonomides N. Actes*. . . , N 15, p. 100—101; N 27, p. 156—157.

³⁷ *Ibid.*, p. 26; Барский В. Г. Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1887, ч. 3, с. 365.

³⁸ *Oikonomides N. Actes*. . . , p. 26. См. афонские легенды об иконе: Порфирий (*Успенский*). Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Киев, 1877, ч. 1, отд. II, с. 95—97.

³⁹ Порфирий. Указ. соч., с. 94.

⁴⁰ В 1389 г. сигиллием Антония IV монастырь был признан патриаршим и на него были распространены соответствующие привилегии. Сигиллий, впрочем, отмечает бедность обители в те годы. Видимо, одних поступлений из Трапезунда было явно недостаточно. См.: *Oikonomides N. Actes*. . . , N 6, p. 63—67; Laurdas B. *Ἐπίμετρον σφύλλιον τοῦ πατριάρχου Ἀντωνίου διὰ τὴν μονὴν Διονυσίου*. — АП, 1956, 21, p. 77—79; Darrouzès J. *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*, vol. I. *Les Actes des Patriarches*, fasc. VI. *Les Regestes de 1377 à 1410*. P., 1979, N 2860.

⁴¹ *Oikonomides N. Actes*. . . , p. 52—53.

⁴² Lemerle P. *Actes de Kutlumous*. P., 1945, t. 1 (*Actes de l'Athos*, 2), p. 225—228; *Idem*. A propos de la fondation du monastère de Kutloumous, un faux chrysobulle d'Alexis III, empereur de Trébizonde. — ВСН, 1934, 58, p. 221—234.

В монастыре св. Лаврентия также была сделана поддельная надпись о его основании якобы Алексеем III в 1378 г.⁴³ При реконструкции монастыря Пандократор уже в XIX в. была реинтерпретирована надпись на гробнице ктитора великого стратопедарха Алексея, чтобы показать, что и этот монастырь был основан Алексеем Комнином⁴⁴. Все эти попытки применить к своим обителям хрисовул 1374 г. или использовать легенду, связанную с основанием Дионисиата, говорят о признании важности дарения Алексея III и роли Трапезундской империи на Афоне.

Об утвердившемся там в конце XIV в. влиянии Трапезунда свидетельствует и питтакий Иоанна V Палеолога трапезундскому митрополиту⁴⁵. Византийский император, ссылаясь на крайнее бедствие, постигшее Лавру Афанасия (нападения сербов, набеги и грабежи турок, полное оскудение братии), просил трапезундского митрополита оказать посильную помощь Лавре, тем более что ее основатель происходил из Трапезунда. О полученном ответе мы ничего не знаем, но сама грамота — свидетельство финансовых затруднений Константинополя, и, видимо, лучшего положения Трапезунда. Предстоит, однако, выяснить, кому и когда направлялась эта грамота. Издатель документа Г. Хунгер не без оснований предположил, что адресатом мог быть митрополит Феодосий, бывший афонский монах⁴⁶. Действительно, Феодосий хорошо знал положение дел на Афоне и был лично известен византийскому императору. Считая вслед за митрополитом Хрисанфом, что Феодосий архирействовал в 1370—1391 гг., Хунгер теми же годами датировал и питтакий⁴⁷. Однако в 1388 г. трапезундским митрополитом был уже не Феодосий, а Феогност, в 1388—1389 гг. совершивший поездку на Русь⁴⁸. Ко времени Феогноста питтакий видимо, не относился, так как до своего отъезда этот митрополит практически не был в Трапезунде. Кроме того, в конце XIV в. с потерей ряда территорий и нарастанием угрозы со стороны османов и Тамерлана положение Трапезундской империи заметно ухудшилось. Так, трапезундский хронист со страхом отмечает разгром в 1386 г. Грузии и пленение ее царя Баграта V, зятя трапезунд-

⁴³ *Giannopoulos N. I.* 'H ἐπί τοῦ Παλίου μονῆ τοῦ ἁγίου Λαυρεντίου. — *ΕΕΒΣ*, 1935, 11, σ. 395.

⁴⁴ Такая же традиция отражена и в одной из рукописей монастыря. См.: *Millet G., Pargoire J., Petit L.* Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos. P., 1904, t. I, N 159—160, p. 49—50.

⁴⁵ Питтакий не датирован, имя трапезундского митрополита не названо. Изд.: *Hunger H.* Kaiser Johannes V Palaiologos und der Heilige Berg. C) Brief des Kaisers Johanns Palaiologos an den Metropolit von Trapezunt und Exarchen von Lazika die Lavra betreffend. — *BZ*, 1952, 45, S. 375—379.

⁴⁶ *Ibid.*, S. 377—378. Атрибуция принята в кн.: *Dölger F., Wirth P.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. 5. Teil. Regesten von 1341—1453. München; Berlin, 1965, N 3125, S. 59. О Ламсидисе, однако, полагает, что адресатом Иоанна V был трапезундский митрополит до 1369 г., ибо: 1) в питтакий нет упоминания о дарениях, сделанных Алексеем III Дионисиату, и 2) трапезундский митрополит назван соотечественником (*συμπατριώτου*) основателя Лавры св. Афанасия, тогда как в действительности он был родом из Македонии (*Lampsides O. Βιογραφικά...*, с. 117—118, п. 5). Отсутствие упоминания о пожаловании Алексея III — типичный *argumentum ex silentio* — может быть оставлен без внимания, тем более что питтакий адресован не императору, а митрополиту Трапезунда. Именование митрополита «соотечественником» Афанасия, т. е. трапезундцем (ср.: *Hunger H.* Kaiser. . . , S. 376.34—35), относится не к личности митрополита, а является собирательным термином, обращением к трапезундской церкви, к родине подвижника. Это становится ясным из текста несколькими строками выше (*Hunger H.* Kaiser. . . , S. 376.23—24): «ἐπειδὴ ἀπὸ τῆς ὁμῶν πατρίδος καὶ τόπου τῆς Τραπεζούντος ἐδρίσκειται ὦν καὶ ὁ τοιοῦτος μέγας καὶ ἅγιος Ἀθανάσιος...». Кроме того, по отношению к митрополиту Трапезунда в питтакий повсюду употребляется не множественное число (как в случае с «вашим» соотечественником, Афанасием), а единственное (*Hunger H.* Kaiser. . . , S. 376.25, 376.31, 376.38). Нам представляется, что личное происхождение митрополита в данном случае не играет роли.

⁴⁷ *Chrysanthos.* Op. cit., с. 254—256; *Hunger H.* Kaiser. . . , S. 377—378; *Dölger F., Wirth P.* Regesten, S. 59.

⁴⁸ См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и русские земли. — *ВВ*, 1977, 38, с. 41—42; *Laurent V.* La succession épiscopale du siège de Trébizonde au moyen âge (additions et corrections). — *ΑΠ*, 1956, 21, p. 87—91; *Darrouzens J.* Les Regestes. . . , vol. I, fasc. VI, N 2890.

ского императора, вместе с семьей. При этом Панарет называет Баграта выдающимся правителем и воином, а силы Тимура оценивает в 800 тыс. человек ⁴⁹.

Итак, для датировки питтакиа остаются 1370—1388 гг. Но и этот отрезок времени можно еще более ограничить, поскольку трапезундское влияние на Афоне устанавливается ведь в основном после 1374 г. По нашему мнению, именно хрисовулом Алексея III Дионисиату был создан прецедент и повод обращения с подобной просьбой. Кроме того, в 1373—1376 гг. отношения между Трапезундской империей и Византией были весьма натянутыми ⁵⁰. Следовательно, питтакий скорее относится к 1376—1388 гг.

Связи Трапезунда с Афоном не ограничивались двусторонними контактами. Через Трапезунд проходили пути грузинского паломника к «Святой горе». В Трапезунде вплоть до XV в. воспитывались, обучались и готовились к дальнейшему паломничеству грузинские иноки ⁵¹. И в идейном, и в географическом смысле путь из Грузии на Афон открывался иногда у берегов Понта.

Многочисленные связи Трапезундской империи с Афоном нашли свое отражение и в книжных собраниях «Святой горы». Немало манускриптов трапезундского происхождения или связанных с Понтом хранят библиотеки Ивирона, Ватопеда, Лавры, Дионисиата (большая часть древнейшего собрания которого погибла, как указывалось, в 1534 г.). Ограничимся несколькими примерами. Библиотека Дионисиата имеет кодекс конца XIV в., содержащий ценнейшие агиографические произведения о св. Евгении (Cod. Athos. Dionys. 154) ⁵²; типикон монастыря св. Евгения находится в иллюминированной рукописи Ватопеда 1346 г. (Cod. Athos. Vatop. 1199) ⁵³. Трапезундская рукопись XIII в., в составе которой — текст сочинения Кекавмена, происходит из Ивирона ⁵⁴. На Евангелии XIII в. того же монастыря имеется весьма интересная надпись экономического содержания — о займе, произведенном небогатым трапезундцем Львом Климод для торговли с Крымом ⁵⁵. Уникальна приписка к псалтири Ватопеда (Cod. Athos. Vatop. 760), сообщающая о смерти трапезундского полководца, брата Алексея I Давида Комнина ⁵⁶. Эти примеры указывают на большое значение рукописей Афона для изучения истории Трапезундской империи и одновременно демонстрируют живую связь двух центров греческого мира.

⁴⁹ Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου. Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, с. 80. 20—31.

⁵⁰ См.: Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь. . . , с. 93—94.

⁵¹ См.: Йосебидзе Д. Г. Роспись. . . , с. 158, примеч. 16.

⁵² Παπαδοπούλου-Κεραμεῶς Α. Ι. Сборник. . . , с. II—XII.

⁵³ Strzygowski I. Eine trapezuntische Bilderhandschrift vom Jahre 1346. — Repertorium für Kunstwissenschaft, 1890, Bd. XIII, H. 4, S. 241—263; Chrysanthos. Op. cit., p. 411—421.

⁵⁴ В 1654 г. она была приобретена Арсением Сухановым. Ныне — в собрании ГИМ, № 436. См.: Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972, с. 11—35; Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 1971, 31, с. 108—120. Исправление датировки рукописи (XIII, а не XIV в.) принадлежит Б. Л. Фонкичу.

⁵⁵ Lampros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. Cambridge, 1900, t. 2, N 4126; ср.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. . . , с. 38.

⁵⁶ Chrysanthos. Op. cit., p. 355, факсимиле — p. 360; Карпов С. П. У истоков. . . , с. 103.

Н. Е. КОПОСОВ

ИДЕОЛОГИ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
О ВИЗАНТИЙСКОЙ АВТОКРАТИИ *

Для понимания оценок византийской автократии идеологами абсолютизма XVI—XVII вв. наиболее важны такие явления французской действительности, как развитие национального сознания, религиозная политика правительства и отношения Франции с Османской империей.

XVI—XVII вв. — решающий этап в формировании французской нации, когда особенно активно проходило становление французского национального сознания¹. Оно имело тогда в целом монархический и религиозный характер. «Символом и гарантом» национального единства служила королевская власть, и ее идеализация являлась своего рода патриотическим долгом. Согласно господствовавшей абсолютистской концепции французской монархии, неограниченность королевской власти якобы сочеталась со свободой подданных. Благодаря этому Франция была сильнее всех прочих государств — как республик, так и деспотий. Представление о совершенстве государственного строя Франции дополнялось и обосновывалось идеей ее религиозного превосходства. Французы считали себя как бы новым «избранным народом»: он таков именно в силу христианской природы монархии. «Старший сын церкви», наделенный даром чудотворного врачевания, французский король воспринимался как первый государь христианского мира². Считалось, что своим величием он обязан особым отношениям с богом и церковью, закрепленным венчанием на царство и коронационной присягой.

Эти идеи способствовали укреплению королевской власти внутри страны, а вместе с тем и оправдывали претензии Франции на гегемонию в Европе, восходившие еще к XIII в. и с тех пор превратившиеся в неотъемлемую черту не только ее внешней политики, но и национального сознания.

* Настоящая статья примыкает к нашей работе «Византиноведение и абсолютизм во Франции XVII века» (ВВ, 1979, 40). В статье уточняются и обосновываются высказанные нами ранее предположения о том, как и почему во Франции XVII в. утвердилось резко отрицательное отношение к Византии. Поскольку большинство эрудитов в силу подчеркнуто академического характера их трудов не высказывали политических оценок (что, видимо, и явилось причиной надуманных толкований их позиции), главным источником для предлагаемой статьи послужили политические трактаты и произведения поздних гуманистов по истории Франции, где разрабатывались центральные вопросы абсолютистской теории и вместе с тем давались зачастую весьма подробные экскурсы в византийскую историю. Там, где это оказывалось возможным, мы дополняли указанные источники трудами эрудитов-византинистов, чьи немногочисленные высказывания находятся вполне в русле общей концепции. Она сложилась в основных чертах еще в период, предшествующий расцвету французского эрудитского византиноведения, т. е. в конце XVI—первой половине XVII в., и была созданием идеологов, а не эрудитов, концепцией по преимуществу политической, а не научной. Однако она надолго определила традиции подхода к Византии.

Мысль об идеализации автократии во Франции XVII в., поставленная нами под сомнение в предыдущей статье, развивается также в работе: *Burkhardt D. Byzantium, Gallic perspectives from the reign of Louis XIV to 1900, as reflected in the works of selected historians.* — *Byzantina*, 1980, X, p. 291—336.

¹ См.: *Tapié V.-L. Comment les français du XVIIe siècle voyaient la patrie.* — XVIIe siècle, 1955, N 25—26, p. 37—58; *Jardeni M. La science nationale en France pendant les guerres de religion.* Louvain; Paris, 1971.

² См.: *Bloch M. Les rois thaumaturges.* Strasbourg, 1924.

В становлении этой черты огромную роль играла традиция: прошлое и настоящее смешивалось в идее исторического, или скорее даже надвременного величия французской монархии. Какую гордость вызывал тот факт, что почти все европейские государства управлялись в какой-либо период своей истории принцами французского королевского дома! ³ Муссирование этой темы было тем более важным, что закон о неотчуждаемости домена придавал вид легальности территориальным претензиям Франции. Идеи религиозно-политического превосходства и гегемонии Франции смыкались с осмыслением ее завоевательной внешней политики как крестового похода ради повсеместного установления христианского мира и справедливости.

Эта агрессивность и «комплекс превосходства» Франции, характерные для ее абсолютистской идеологии, имели прочную социально-психологическую базу. Ее отличительным признаком была ксенофобия. Из нее вытекала невозможность последовательной идеализации других народов и государств. Напротив, нормой было их противопоставление Франции в качестве отрицательных примеров ⁴. Это отношение распространялось не только на настоящее, но и на прошлое, включая и Византию.

Развитие контрреформации и тенденция абсолютизма к сближению с ней придавали особое значение чертам воинствующего католицизма в официальной идеологии. Абсолютным монархиям XVI—XVII вв. было свойственно стремление к установлению религиозно-политического единства общества ⁵. Для французского правительства искоренение кальвинизма являлось одним из важнейших политических вопросов, решение которого откладывалось лишь поневоле ⁶. Теоретически обосновать необходимость ликвидации раскола можно было двояким образом — с помощью рационалистических либо религиозно-мистических аргументов. С одной стороны, многие в XVI—XVII вв. считали религию важнейшей цементирующей силой государства, мощным орудием упрочения социальной дисциплины. С другой — раскол воспринимался как нарушение традиций наихристианнейшей французской монархии, чреватое божественной карой. Две линии аргументации иногда существовали раздельно, иногда же переплетались, порождая различные сочетания в трудах разных авторов. Соотношение и эволюция религиозно-мистической и рационалистической интерпретации ереси изучены еще недостаточно, и анализ оценок византийской автократии теоретиками абсолютизма проливает, думается, свет на этот вопрос: ведь именно Византия служила классическим примером государства, которое ересь привела к религиозным смутам и конечной гибели. Надо ли добавлять, что она выступала при этом в качестве отрицательного примера? Погибшее православное государство иначе и не могло рассматриваться.

Средиземноморская политика Франции ⁷ равным образом вела к развитию неблагоприятных для оценки Византии тенденций в историографии и общественной мысли. В XVII в. возможности создания «второго фронта» против Габсбургов в Северной Европе значительно возросли, а активность европейской политики Турции, напротив, уменьшилась. Соответственно уменьшились необходимость и возможность франко-турецкого союза. Общественное мнение, всегда решительно осуждавшее — по религиозным мотивам — франко-турецкий альянс, в условиях контрреформации стало гораздо более стеснительным. По словам одного историка, туркофобия прев-

³ См., например: *Bernard Ch. Généalogie de la maison royale de Bourbon. P., 1645. Préface.*

⁴ *Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500—1640). Essai de psychologie historique. P., 1961, p. 174.*

⁵ *Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965, с. 176.*

⁶ *Stankiewicz W. J. Politics and religion in seventeenth century France. Berkeley; Los Angeles, 1960.*

⁷ См.: *Tongas G. Les relations de la France avec l'empire ottoman durant la première moitié du XVIIe siècle. Toulouse, 1942.*

ратилась в настоящую манию⁸. Французские короли были вынуждены посылать экспедиционные корпуса на помощь германским императорам против Турции. И хотя католическим кругам эта помощь казалась недостаточной, в Порте она вызывала законное недовольство. Дипломатические интриги торговых конкурентов Франции встречали понимание дивана. Это было тем более неприятным, что англичане и голландцы к концу XVI в. заняли ведущее положение в девантийской торговле, потеснив французов. Правда, при Генрихе IV «капитуляции» были возобновлены, но это отнюдь не вернуло французским купцам и дипломатам прежнего благоприятствования в Турции.

Между тем, несмотря на «поворот к Атлантике» во второй половине XVI в., Средиземноморье оставалось важнейшей сферой внешнеэкономических интересов Франции. Стремление разорвать этот гордиев узел, силой вернуть утраченные позиции определило безудержную агрессивность общественного мнения в отношении Турции, а подчас и прямые враждебные действия французского правительства. Идеи крестового похода и восстановления Латинской империи во главе с французским принцем пользовались широким распространением. Им не чужды были и виднейшие государственные деятели. Лидерство в грядущем походе должно было принадлежать Франции, которой предрекалась роль сокрушителя державы полумесяца. Официальная пропаганда традиционно использовала такие идеи. В этих целях, в частности, усиленно изучалась история крестовых походов и крестоносных государств на Востоке. Однако Латинская империя была врагом Византии. Восстанавливать последнюю никак не предполагалось. Крестоносные проекты обращивались для нее — в сфере идеологии — очевидной антипатией.

Впрочем, многие авторы крестоносных проектов в той или иной степени рассчитывали на помощь угнетенных турками народов, в том числе и греков⁹, но от этого было еще очень далеко до филэллинизма XIX в. Ф. Бродель, знаток истории Средиземноморья, подчеркивал взаимную замкнутость католической и православной цивилизаций и тенденцию к сосуществованию православия и ислама¹⁰. Несмотря на периодические вспышки освободительной борьбы греческого народа в XVI—XVII вв., преобладала тенденция к его интеграции в систему Османской империи. Напротив, религиозная рознь с Западом была весьма сильной. Даже протестанты с их заинтересованностью в православии и долей готовности к компромиссу не смогли преодолеть последовательного изоляционизма восточной церкви. Тем более невозможным это было для католиков, поскольку для них речь могла идти только о «возвращении» греческой церкви в лоно римской. Униатское же движение в православии было довольно поверхностным.

Вот почему, какие бы ни велись разговоры о страданиях восточных христиан, нормой было отношение к ним не как к союзникам, но как к объекту миссионерской или даже крестоносной деятельности. Это отношение имело под собой прочный средневековый фундамент. По словам А. С. Атийи, в XIII—XIV вв. «крестовый поход предполагал войну и против сарацин, и против греков»¹¹. Так было и в XVII в.¹² Традиционная враждебность к грекам делает понятными их резко отрицательные оценки. Опорой последних служила теория климата, предполагавшая определяющее влияние природных условий на психический склад народов. В соответствии с ней жители Востока (куда включалась и Греция) наделялись в противовес европейцам отрицательными признаками. Считалось, что размягчающее влияние жаркого климата воспитывает там малодушных, слабовольных, переменчивых и рабленых людей. В свете этой теории интерпретирова-

⁸ См.: Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949, p. 671 (цитируются слова Л. Дранерона).

⁹ Djuvara T.-G. Cent projets de partage de la Turquie. P., 1914, p. 188.

¹⁰ Braudel F. Op. cit., p. 564, 598.

¹¹ Atiya A. S. The crusade in the later Middle Ages. L., 1938, p. 283.

¹² Drapeyron L. Un projet français de conquête de l'empire ottoman au XVIe et au XVIIe siècles. — Revue des Deux Mondes, 1876, nov., t. 18, p. 147.

лись рассказы путешественников о жалкой участи покоренных турками народов.

Историки и географы, публицисты и поэты XVI—XVII вв. в унисон утверждали, что греки лживы, лицемерны, суетны и малодушны, что они предали свои национальные интересы и обычаи, что они покорны турецкому игу и враждебны «христианскому делу», а потому непригодны в качестве союзников¹³. Так, секретарь французского посольства в Константинополе в конце XVII в. и автор многочисленных описаний Турции Лакруа писал, что «греческая нация сделалась добычей турецкой», что она покорно сносит господство варваров и, «кажется, любит свое ярмо». Чтобы понять современное положение Греции, по словам Лакруа, достаточно знать, что один турок с палкой в руках и проклятиями на устах решится пойти против легиона греков. Подобно многим другим, Лакруа говорил и о невежестве православного духовенства, что, по его мнению, во многом объясняет причины сохранявшихся заблуждений¹⁴. Характерной чертой отношения к грекам в XVI—XVII вв. было восприятие их как еретиков *par excellence*: природное непостоянство (*inconstance*), полагали во Франции, нарушало их крепость в истинной вере¹⁵, излишняя склонность к умственным спекуляциям сделала их основателями почти всех ересей¹⁶, а национальная склонность к атеизму восходила еще к античной эпохе¹⁷. Чувства презрения к греческому народу, хотя и с существенной модификацией мотивов, сохранялись и в XVIII в. Естественно, что отрицательное отношение к Византии, государству того же православного греческого народа, во многом объясняется этими устойчиво негативными оценками последнего.

«Мания туркофобии» не только не привела, следовательно, к византиофильству, но, по-видимому, даже усугубила отрицательное отношение к автократии. Мысль о преемственности византийской и турецкой государственности, распространенная в среде греческих «интеллектуалов», отнюдь не была чужда и европейским мыслителям того времени. Обе империи на языке эпохи назывались *l'empire d'Orient*. Автор известной космографии Пьер Давити, перечисляя «константинопольских императоров», свел в едином списке без различия византийских василевсов и турецких султанов¹⁸. Луи Леруа называл Сулеймана Великолепного «византийским императором» (*Byzantinus imperator Solimanus*)¹⁹. Лакруа считал Турцию венцом империй²⁰.

Поскольку в основе всех этих высказываний лежала средневековая концепция «переноса империи», очевидно, что они обнаруживают представление о родстве византийских и турецких государственных порядков²¹. Последние же, несмотря на существование тенденции к их идеализации (ее главным объектом была турецкая армия)²², в принципе считались

¹³ *Postel G.* La tierce partie des histoires orientales. Poitiers, 1560, p. 87—88; *Du Chesne A.* Les antiquités et recherches de la grandeur et majesté des rois de France. P., 1609, p. 43—44; *Davit P.* Etats, empires, royaumes, et principautés du monde. Rouen, 1630, p. 1159; *La Mothe Le Vayer Fr. de.* Oeuvres, 1754, t. 1, pt. 2, p. 70. См. также: *Mandrou R.* Op. cit., p. 174.

¹⁴ *La Croix de.* La Turquie chrétienne. P., 1695. Préface, p. 2—3, 17.

¹⁵ *Dupleix S.* Histoire générale de France. P., 1634, t. III, p. 264.

¹⁶ *Postel G.* Histoire et considérations de l'origine, loy, et coutume des Tartares, Persiens, Arabes, Turcs. Poitiers, 1560, p. 42.

¹⁷ *Belleforest Fr. de.* Histoire universelle du monde. P., 1570. Préface.

¹⁸ *Davit P.* Op. cit., p. 1280—1283.

¹⁹ *Le Roy L.* Oratio de pace et concordia. P., 1583, f. 11.

²⁰ *La Croix de.* Etat général de l'empire ottoman. P., 1695, p. 8.

²¹ Конечно, это не мешало осознавать различия между Византией и Турцией, а иногда даже подчеркивать их. Так, Гийом Постель решительно отвергал претензии султанов на сан и права преемников римско-византийских императоров, а следовательно, и на принадлежавшие некогда империи западные владения. См.: *Postel R.* Histoire... p. 25.

²² *Sturmberger H.* Das Problem der Vorbildhaftigkeit des türkischen Staatswesens in 16. und 17. Jahrhundert und sein Einfluß auf den europäischen Absolutismus. — In: XIIe Congrès International des sciences historiques. Rapports. Wien, 1965, t. IV,

противоположными европейской политической традиции. Предполагалось, что покорность и непостоянство азиатов способствуют установлению на Востоке деспотий, жестоких и слабых одновременно. Осуждение турецкого государственного строя как восточной деспотии («сеньориальной монархии», по терминологии Ж. Бодена) в равной мере характерно и для сторонников, и для противников абсолютизма²³.

Такое представление о Турции было важной опорой традиционной концепции французской монархии, что и определяло его устойчивость. Развитое просветителями, оно вошло затем в европейскую научную традицию. Мысль о подобии Византии и Турции, видимо, способствовала укреплению идеи о закономерности упадка и гибели первой, когда с конца XVI в. стал очевиден начавшийся упадок второй. Объяснение упадка Турции влиянием жаркого климата было общим местом, но, по словам Ж. Биньона, «некоторые приписывали этой самой причине малодушие последних греческих императоров Константинополя»²⁴. При этом Биньон не забывает подчеркнуть, что во Франции — иной психический склад народа и иная форма государства.

Помимо рассмотренных факторов, неблагоприятному отношению идеологов абсолютизма к Византии способствовало представление о ней как о наследнице Римской империи²⁵. Несмотря на привычку находить в римской истории классический образец величия государства, в целом политический строй империи оценивался отрицательно. Главной причиной можно считать то обстоятельство, что если республика была временем усиления влияния Рима, то империя стала свидетельницей его упадка. Первоначальное неприятие итальянскими гуманистами Римской империи обуславливалось их республиканскими убеждениями²⁶. У античных историков было заимствовано представление об угасании гражданских доблестей под гнетом тирании принцев, пришедшее как нельзя более кстати. Понимание Римской империи как тирании утвердилось и во Франции, причем среди приверженцев абсолютизма не менее, чем у оппозиционных публицистов²⁷. В отношении первых особенно характерно то, что империя ассоциировалась ими с упадком гражданских доблестей и вместе с ними — могущества государства²⁸. Даже для крайних монархистов, не исключая самого Людовика XIV, Римская республика с ее культом гражданского духа, отлаженной системой управления, мощной армией и

p. 201—209; *Rouillard C. G.* The turks in French history, thought and literature (1520—1660). P., 1938; *Martino P.* L'Orient dans la littérature française. P., 1906; *Atkinson G.* Les nouveaux horizons de la Renaissance française. 2e éd. Genève, 1969.

²³ В среде гугенотской знати, например, замысел Варфоломеевской ночи, являвшейся будто бы попыткой истребить французское дворянство, приписывали влиянию, которое оказал на Екатерину Медичи некий кавалер де Понсе, долго живший в Турции и объяснявший силу власти султана отсутствием у турок наследственной аристократии. Хотя Турция здесь выступала предполагаемым образцом для французского правительства, речь шла все же только о тираническом правительстве, а традиционная французская конституция, в защиту которой будто бы выступали гугеноты, мыслилась как нечто противоположное господствовавшим в Турции порядкам.

См.: *Луцкий И. В.* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871, с. 17—18. Помимо цитированных здесь авторов, см. также: *La France — Turquie.* Orléans, 1576, p. 7. Точка зрения идеологов абсолютизма была выражена Ж. Боденом. См.: *Bodin J.* Les six livres de la république. P., 1577, p. 201.

²⁴ *Bignon J.* De l'excellence des rois et du royaume de France. P., 1610, p. 85.

²⁵ Перенесение столицы империи в Константинополь оценивалось иногда как решительный разрыв с римскими традициями, приведший к ослаблению государства, но о смене государственного строя не было и речи.

²⁶ *Whitfield J. H.* Livy > Tacitus. — In: Classical influences on european culture. A. D. 1500—1700 / Ed. R. R. Bolgar. Cambridge, 1976, p. 283.

²⁷ *Hotman Fr.* Antitribonian. — In: Opuscles françaises des Hotmans. P., 1616, p. 6; *Le Roy L.* De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. P., 1576, p. 50v, 73v, 78v.

²⁸ *Bodin J.* Op. cit., p. 374; *Le Roy L.* De la vicissitude. . . , p. 73v. Аналогичную точку зрения оппозиции см.: *Les soupirs de la France esclave qui aspire après sa liberté.* Amsterdam, 1690, p. 189.

периодически избираемыми диктаторами была объектом идеализации²⁹. Немаловажной причиной гибели Рима считали гражданские войны, подточившие его могущество изнутри³⁰.

Негативному отношению идеологов абсолютизма к Римской империи способствовало еще одно обстоятельство: национальная гордость французов весьма страдала при сознании, что когда-то Галлия была порабощена Римом, тем более что на положение преемников последнего претендовали Габсбурги. Французские публицисты и историки стремились всячески преуменьшить степень римского порабощения и подчеркивали героизм, выказанный галлами при сопротивлении³¹. Отношение к Римской империи как в какой-то мере национальному врагу Франции, безусловно, укрепляло антипатии к тиранам — принципсам. Подобно тому как это имело место в отношении к Турции, Римская империя считалась не только предшественницей Византии, но и образчиком ее судьбы. Леруа, например, объяснявший упадок Римской империи тиранией принципсов, отмечал, что Константинопольская империя — наследница Римской и Вавилонской и что судьба ее напоминает их схожие между собой судьбы³².

Весьма важно, что историки XVI—XVII вв. нередко отмечали существенные черты сходства государственной и военной организации (а иногда и социально-экономического строя³³) Римской и Турецкой империй. За этим стояло представление об однопорядковости обоих государств как восточных деспотий. Леруа писал: «Очевидно, что государство Турка во многом напоминает Римскую империю и древнее персидское царство, где вся власть была в руках единственного господина, пользовавшегося мелкими людишками, которых безопасно можно было назначить на великие должности и, не вызывая беспорядков, отрешить, унижить или убить»³⁴.

Этот порядок Леруа противопоставляет французскому обычаю, по которому король правит при поддержке наследственной знати, что и отличает «свободную» монархию от восточных деспотий. Наряду с деспотизмом Римскую и Турецкую империи в глазах французов XVI—XVII вв. сближала их нестабильность. Особенно часто подчеркивали близость положения турецких янычар и римских преторианцев, «которые избирали и убивали своих императоров по собственному решению»³⁵. В конце XVII в. Лакруа, предвосхищая Монтескье, отмечал, что следствием тиранической власти султанов была обыденность дворцовых переворотов: «Власть без границ, не умея сама поддерживать себя, как правило, предоставлена ярости тех, кто ее поддерживает. . . Цезари, которые царствовали не менее абсолютно, чем Османлы, почти все кончали трагически»³⁶.

²⁹ Louis XIV. Oeuvres / Ed. Ph. A. Grouvelle. P., 1806, t. II, p. 19; Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. P., 1709, p. 552; Idem. Discours sur l'histoire universelle. P., 1861, p. 500 sq.

³⁰ Этот взгляд развивал, например, Жоашен Дю Белле, причем в судьбе Рима он видел не только образец гибели государства вообще, но и угрожавшей Франции опасности в частности. Напомним, что «Древности Рима» Дю Белле оказали существенное влияние на дальнейшее понимание римской истории. См.: Bunner Ю. Б. Поэзия Плеяды. М., 1976, с. 278—281. О точке зрения Ж. Кальвина см.: Dubois Cl.-G. La conception de l'histoire en France au XVIe siècle (1560—1610). P., 1977, p. 475—477.

³¹ Bignon J. Op. cit., p. 259. Об аналогичных взглядах Постеля см.: Bouwsma W. J. Concordia mundi. The Career and thought of Guillaume Postel. Cambridge (Mass.), 1957, p. 222.

³² Le Roy L. De la vicissitude. . . , p. 87r.

³³ Например, Влез де Виженер вставил в свой перевод «Истории» Лаоника Халкондила не имеющий аналогий ни в греческом тексте, ни в распространенном тогда латинском переводе Конрада Клаузера фрагмент, заключающий в себе наблюдение о том, что основу богатства Турецкой империи, равно как и Римской (и других античных государств), составляли рабы, используемые, в частности, в хозяйстве. См.: Chalcondyle L. Histoire générale des turcs / Trad. B. de Vigenère. 3e éd. P., 1662, t. I, p. 28. Ср.: Chalcondyla L. Historiarum libri decem / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1843, p. 32; Chalcondyla L. De origine et rebus gestis turcorum / Transl. C. Clauserus. Basiliae, 1556, p. 10.

³⁴ Le Roy L. De la vicissitude. . . , p. 50v.

³⁵ Postel G. La tierce partie. . . , p. 30; Chalcondyle / Trad. B. de Vigenère, t. II, p. 69; Dupleix S. Op. cit., t. II, p. 770.

³⁶ La Croix de. Etat. . . , p. 70.

Историческое место Византии оказывалось, таким образом, между двумя восточными деспотиями, с каждой из которых ее связывали узы одновременно преемственности и параллелизма. Безусловно, это в немалой мере сказалось на оценках Византии во французской политической мысли XVII в. Как мы увидим, автократию также считали жестокой и нестабильной деспотией и к тому же национальным врагом Франции. Однако прежде, чем обратиться к анализу этих взглядов, попытаемся выяснить, каковы были те традиции, которые унаследовало французское византиноведение XVII в.

* * *

Средневековые представления Запада о Византии отличались двойственностью. С одной стороны, греков третировали как схизматиков, особенно после 1204 г., с другой — Византию считали «одним из источников всяческого благородства, что подчеркивало уже самое название „Константинополь“»³⁷. Этот последний взгляд отразился, например, в «Мемуарах» бургундского вельможи Оливье де Ла Марш. Рассказывая о «празднике фазана» в Лилле в 1454 г., когда Филипп Добрый и его рыцари принесли обет крестового похода для отвоевания Константинополя, Ла Марш называет византийского императора «самой знатной персоной в мире», поскольку императорский титул выше королевского, а германские императоры, будучи выборными монархами, уступают первенство наследственным василевсам³⁸. Почтительное отношение к Византии, следовательно, было связано с включением ее в феодальную иерархию западного средневековья, в то время как третирование — с конфессиональным подходом к ней. Такая двойственность не вызывает удивления, тем более что аналогичным было и отношение к мусульманскому Востоку³⁹.

Вопрос о том, какая из двух тенденций преобладала, нуждается в отдельном исследовании. Вывод И. Ирмшера о том, что к началу XVI в. «антивизантийское настроение западного средневековья исчезло» в связи с осознанием общности борьбы против турок и развитием гуманистического мировоззрения⁴⁰, сделан на основе анализа немецкой историографии, и переносить его на Францию, не произведя дополнительных разысканий, рискованно. Очевидно лишь, что следы образа «рыцарственного» Константинополя сохранялись во французской общественной мысли XVI—XVII вв.⁴¹

За отсутствием специальных исследований нельзя сказать определенно, действительно ли «Византия с ее совершенной административной системой доставляла феодальному западному миру... живой пример общества, управляемого публичной властью»⁴², но, во всяком случае, в XV в. постоянные призывы о помощи, исходившие от василевсов, наносивших визиты в Европу, рассказы путешественников о жалкой зависимости Византии от турок и особенно падение Константинополя в 1453 г. не могли не привести к представлению о бессилии автократии. Гуманистическая историография основывалась именно на привычке воспринимать Византию как гибнущее государство. Византия была тогда еще слишком недавним

³⁷ Grunzweig A. Philippe le Bon et Constantinople. — Byz., 1954, t. 24, p. 50. Слово «Константинополь» писали как «Constantinoble» или даже «Constantinnoble».

³⁸ La Marche O. de. Mémoires. — In: Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. Michaud et Poujolat. P., 1837, t. III, p. 478.

³⁹ Martino P. Op. cit., p. 4 sq.

⁴⁰ Irmscher J. Die Ausstrahlung der spätbyzantinischen Kultur auf Mitteleuropa. — Athenes, 1976, S. 25.

⁴¹ Византийским императорам часто отдавали первенство по чести перед прочими монархами, а их столицу называли «королевой всех городов мира». См.: Bignon J. Op. cit., p. 445; Esprinard J. Histoire des empereurs romains depuis Jules César jusques'à Rodolphe II. S. l., 1600, t. II, p. 486; Du Verdier G. S. Abrégé de l'histoire des turcs. Lyon, 1675, t. 1, p. 254; Mezeray Fr. de. Histoire de France depuis Faramond. P., 1643, t. II, p. 77; Aubery A. de. Des justes prétentions du roy sur l'empire. P., 1667, p. 101.

⁴² Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966, p. 37.

прошлым, чтобы традиция эта успела прекратиться. Значение данного факта для последующих концепций византийской истории представляется нам определяющим.

В немецкой гуманистической историографии, которая первой добилась серьезных успехов в изучении Византии, интерес к ней был связан в первую очередь со злободневностью проблемы турецкой экспансии, непосредственно угрожавшей Германии. Главным в истории Византии стали для немецких гуманистов причины ее падения. Понятно, что в таких условиях Византия, даже если ее судьбе сочувствовали, выступала отрицательным примером. В Германии XVI в. идея борьбы против турок была связана с идеей религиозно-политического замирения страны⁴³. Гуманисты первой половины XVI в. часто ссылались на печальный опыт Византии, объясняя ее гибель усобицами знати и схизмой, лишившей константинопольскую империю поддержки католических государств⁴⁴. С начала деятельности Иеронима Вольфа и его коллег это мнение получило опору в сочинениях поздневизантийских историков, особенно Лаоника Халкондила, широко известного в Западной Европе XVI—XVII вв.⁴⁵

Основное содержание его «Истории» — раздоры византийских магнатов, причем Халкондил неоднократно отмечает, что эти раздоры облегчили туркам их завоевания⁴⁶. О том, как воспринимали Халкондила в XVI в., можно судить по предисловию Конрада Клаузера к его изданию латинского перевода «Истории». Это — небольшой трактат на тему, каким образом можно изгнать турок из Европы. Единственным средством Клаузеру представляется объединение Германии, пораженное «наихудшей и гибельнейшей заразой» раздора, государство так же бессильно, как больное тело. Сочинение Халкондила, по мнению Клаузера, показывает, что возвеличение турок произошло «вследствие их взаимного согласия», а «гибель высочайшего греческого царства» была подготовлена «раздорами царей и князей и религиозными разногласиями»⁴⁷. Помимо гражданских распрей и религиозного раскола, на Византию проецируется и такой порок общественного строя Германии, как недисциплинированность армии (*corrupta disciplina militaris graecorum*). Следовательно, не будучи настроены прямо враждебно в отношении Византии (Клаузер особо оговаривает, что не имеет в виду враждебных действий против христианских подданных Порты), немецкие гуманисты были далеки от ее идеализации. Главной чертой их взглядов на греческую империю было представление об отсутствии внутреннего единства как причине ее гибели. Последнее понималось как раздоры греческих князей и как религиозное разномыслие, причем, характерно, что второй момент еще не стал ведущим.

Сочинения немецких византинистов были хорошо известны французским историкам и публицистам. Латинский текст Корпуса Вольфа, например, в 1567 г. был перепечатан в Париже, всего несколько лет спустя после его первоначальной публикации. Неудивительно, что в сочинениях французских гуманистов эпохи религиозных войн встречаются прямые отзвуки рассмотренных представлений.

⁴³ Fischer-Galati St. A. Ottoman imperialism and german protestantism. Cambridge, 1959.

⁴⁴ Cuspinianus J. De turcorum origine, religione, ac immanissima eorum in christianos tyrannide, deque viis per quas christiani principes turcos profligare et invadere facile possent. Antverpiae, 1541, p. 15, 20, 10. Другие примеры см.: Djuvara T.-G. Op. cit., p. 68—70; см. также: Васильевский В. Г. Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890, вып. 1, с. 19.

⁴⁵ Перечень его изданий см.: Rouillard C. G. Op. cit., p. 76, n. 2.

⁴⁶ Вот одно из наиболее характерных высказываний Халкондила — фраза по поводу раздоров в Пелопоннесе накануне прихода турок: Οἱ μὲν Ἕλληες οὕτω ἐν οὐδενὶ λόγῳ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν ἐπιτριβόμενοι κατὰ βραχὺ ἀπώλοντο. См.: Chalcondyla / Ed. I. Bekker, p. 414; см. также: Ibid., p. 17.

⁴⁷ Chalcondyla / Ed. Clauserus. Praefatio. Подробнее см.: Pertusi A. Storiografia umanistica e mondo bizantino. Palermo, 1967, p. 48.

Во второй половине XVI в. Византия попала в поле зрения французских историков⁴⁸. Это было время острого социально-политического кризиса — религиозных войн во Франции. Соперничество аристократических группировок в обстановке всеобщего недовольства абсолютизмом вылилось в настоящую гражданскую войну. Враждующие партии привлекали себе на помощь единоверцев из-за рубежа. Наемники-иноземцы опустошали страну. В годы междоусобицы (1589—1594) в Париже размещался испанский гарнизон. Папа намеревался посадить на французский престол испанского принца. Снова, как и в самые тяжелые годы Столетней войны, перед Францией возникла угроза потерять национальную независимость. В этих условиях пример Византии — государства, погибшего от внутренних смут, — был весьма актуален. Подобно многим немецким гуманистам, на этот пример ссылались публицисты партии «политиков», призывая к установлению внутреннего мира. Один из наиболее видных политических теоретиков первого периода религиозных войн — Леруа писал: «Когда константинопольский император призвал десять тысяч турок на помощь против взбунтовавшихся греческих князей, он показал им путь в Европу. И затем они использовали возможность приобрести весьма большую власть над Грецией и постепенно захватить ее всю: откуда ведет начало рабство, до которого доведена сейчас эта прекрасная страна»⁴⁹.

Только во внутренних раздорах, по мнению Леруа, надо искать причину падения Византии, ибо никогда чужеземец не завоеует сплоченный народ. Наряду с внутригреческими смутами важной причиной ее падения Леруа, как и немецкие гуманисты, считал разногласия в христианском мире в целом⁵⁰.

Обращаясь к историческому опыту Византии и Франсуа де Лану, видный деятель гугенотской партии, по взглядам близкий к «политикам». Он считал, что возвеличение и гибель государств зависят от божественной воли. Грехи современной ему Франции, за которые бог угрожает ей отпущением, Лану видит в атеизме, богохульстве и увлечении магией. Божественная кара проявляется в распаде и гибели государства. Большое внимание к гражданским войнам в гнущихся государствах сблизает оценку Византии, данную Лану, с точкой зрения Леруа. Лану так пишет о смутах в империи в XIII—XIV вв.: «Эти смуты скорее заслуживают названия разбоя, чем войны. . . (Противники) всячески стремились расчленить империю. Это в конце концов дало средство турецкому императору захватить Константинополь и все другие греческие провинции»⁵¹.

К этой традиционной картине Лану, однако, добавляет еще один своеобразный штрих. Как и многим его современникам, союз с неверными представляется ему невозможным для христианской державы, ибо, подобно всякому проявлению нечестия, навлекает на страну гнев божий. Так, союз с турками, облегчивший их бесчинства в Средиземноморье, послужил одной из основных причин упадка могущества Франции ко времени смерти Генриха II. Подтверждение этой мысли Лану находит опять-таки в примере Византии, когда василевсы обращались за помощью к туркам против своих мятежных подданных⁵². Таким образом, к мотиву разъединения перед лицом внешней опасности Лану добавляет другой — нечестия Византии. И если она еще не рисовалась государством, пораженным смертельным недугом ереси, то все же мотив ее нечестия выступает именно в связи с рассуждениями о греховности Франции, приведшей ее к бедствиям религиозных войн.

Наиболее полное изложение причин падения Византии, представленных под рационалистическим углом зрения, принадлежит Рене де Люсенжу,

⁴⁸ См.: *Копосов Н. Е.* У истоков французского византиноведения. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 2, вып. 1 (Серия: история, язык, литература), с. 34—38.

⁴⁹ *Le Roy L.* De l'excellence du gouvernement royal. P., 1575, p. 69—70.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 59; *Idem.* Oratio. . . , p. 12.

⁵¹ *La Noue Fr. de.* Discours politiques et militaires. Basel, 1587, p. 24—25.

⁵² *Ibid.*, p. 368—369.

савойскому дипломату, хорошо знакомому с «турецкой проблемой» (он десять лет прослужил в императорской армии, сражаясь против турок). Первая причина, по Люсенжу, — распутность греческих императоров, понемногу передававшаяся народу и подточившая военную мощь империи («марсову силу»); вторая — «злая зависть» греков, побуждавшая их препятствовать замыслам крестоносцев; третья — «ссоры, прения и распри группировок греческих князей», приглашавших турок себе на помощь; наконец, четвертая — «разделение греческой и римской церквей», ослабившее католическую помощь византийцам⁵³.

Таково основное содержание представлений французских гуманистов о византийской автократии. То, что они отразилось в известных политических трактатах, подчеркивает их сугубую актуальность, однако они не были плодом систематического изучения истории Византии.

Вместе с тем сама эта гуманистическая концепция, близкая идеям немецких византистов, отнюдь не была единственной. В конце XVI в. во Франции складывается иная концепция византийской автократии, которую можно назвать конфессионально-абсолютистской. Рационалистические мотивы в ней были примерно такими же, но они целиком подчинялись религиозно-мистическому толкованию истории Византии. Причины такой ситуации заключались в том, что по мере углубления социально-политического кризиса во Франции развивался и кризис морально-психологический. Он проявился, с одной стороны, в характерном для поздних гуманистов скептицизме и в упадке нравов, обычно сопровождающем социальные потрясения. Все это подготавливало либертинам XVII в. В области историографии временно укрепилось рационалистическое осмысление событий⁵⁴ (частично мы могли это наблюдать на примере Рене де Люсенжа). С другой же стороны, происходило нарастание религиозного фанатизма, что также весьма типично для периодов дестабилизации общественной жизни. Относительно рационалистическая религиозность гуманистов стала уступать место мистицизму, восторжествовавшему в «католическом возрождении» XVII в. Эта тенденция была более массовой, более мощной, и ей принадлежало ближайшее будущее. В этих условиях рационалистический анализ причин национального кризиса закономерно подменялся рассуждениями на тему: за какие грехи бог послал Франции столь тяжкие испытания?

Убеждение, что причиной был «атеизм», кризис веры и религиозной морали, питалось реалиями углублявшегося морально-психологического кризиса и вместе с тем усиливало религиозно-мистические тенденции. В соответствии с нарастанием последних и в связи с опасностью скептицизма для монархической идеологии официальная пропаганда усиленно развивает религиозные стороны традиционной концепции французской монархии. Только это могло как-то поддержать — так по крайней мере казалось — ее падающий престиж.

Применительно к Византии итогом развития указанных идеологических процессов была концепция автократии как принципиально еретического, религиозно и морально несостоятельного государства, противоположного «наихристианнейшей» французской монархии и погибшего, естественно, от божественного гнева. Мы уже видели, как убеждение в греховности Франции переносилось на Византию (Лану). Этот взгляд и становится исходным пунктом новой концепции⁵⁵.

⁵³ Lucinge R. de. De la naissance, durée, et chute des états. P., 1588, p. 69—72.

⁵⁴ Huppert G. The idea of perfect history. Historical erudition and historical philosophy in Renaissance France. Urbana; Chicago; London, 1970; Dubois Cl.-G. Op. cit.

⁵⁵ Поскольку считалось, что «народ образует свои нравы по образцу нравов своих владык» (Люсенж), постольку главным элементом картины греховности Византии была порочность василевсов. Ее изображение во многом опиралось на саму византийскую традицию. Ф. Тиннефельд собрал обширный материал, показывающий, до какой степени критически относились византийцы к значительной части своих монархов. Это критическое отношение отчасти повинно в дурной памяти, которую оставила по себе Византия многим поколениям историков и которая стала изживаться сравнительно недавно. См.: Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Nicetas Choniates. München, 1971.

Первым такое толкование истории Византии предложил известный историк Франсуа де Бельфоре, примыкавший к партии «политиков». В отличие от Лану или Леруа, он обращался к Византии не в поисках отдельных аргументов для политического памфлета, а специально изучал ее историю. Помимо латинских хроник, содержащих материал о Византии, Бельфоре читал Прокопия, Агафия, Зонару, Халкондила, Глику и Хониата. Его оценки имеют в виду уже Византию в целом, а не отдельные эпизоды ее истории. Он нейтрально относится к императорам V—VI вв. и даже весьма одобрительно отзывается об Юстиниане и Маврикии, но, начиная с Ираклия, который в гордыне впал в ересь и был наказан арабским нашествием, его тон меняется. Все василевсы «были поражены ересью в результате которой произошел крах греческой империи»⁵⁶. Развивая мысль о чуже и изначальной еретичности Византии, Бельфоре последовательно затушевывает тот факт, что между Западом и Востоком существуют периоды религиозного мира. Отчасти эта тенденция обусловлена необходимостью оправдать перенос империи от греков к франкам, рассматриваемый в качестве наказания Византии за иконоборчество и награды — за благочестие Каролингов. Бельфоре подчеркивает не только еретичность, но и ничтожество василевсов — разумеется, в противовес величии франкских королей⁵⁷. Идея религиозного противостояния греческого и латинского миров превращается у него в идею национально-религиозного противостояния Франции и Византии.

Иконоборческое движение вызывало особую антипатию Бельфоре потому, что ссылки на него служили аргументом в пользу протестантского иконоборчества. Желая лишить оппонентов этого аргумента, Бельфоре указывал, что греческая церковь не может приниматься за образец, ибо она управлялась «фантазией» государей, а не церковной традицией⁵⁸. Представления о непостоянстве веры как нельзя лучше согласовывались с сообщениями греческих историков о частых дворцовых переворотах; отсутствие крепкой веры, собственно, и должно было, по мнению историка, вести к слабости государства. «Греческие императоры, — пишет Бельфоре, — были настолько подвержены козням своих подданных, что многие избежали их, не погибнув под мечами мятежников»⁵⁹. И несмотря на положительные характеристики ряда василевсов (Василия I, Льва VI, Мануила II), основная линия развития империи в изображении Бельфоре — дурная религиозная политика правителей, осуждавшаяся им тем более решительно, чем ближе она ассоциировалась с требованиями гугенотов⁶⁰. В соответствии с постоянными ассоциациями Византии и Франции гибель первой должна послужить предостережением последней: «Бог наказал греков за то же преступление, относительно которого я весьма опасался, как бы оно не принесло гибели нашей Франции, а именно за то, что они столь легко вступили в тесную связь с ересью и стряхнули ярмо священного повиновения, которым все мы обязаны вселенской римской церкви. Ибо с тех пор, как греки освободились от нее, они знали только несчастья и не могли поддерживать мира и согласия между собой»⁶¹.

Заметим попутно, что отделение от римской церкви считается здесь достаточным объяснением внутренних раздоров в империи: схизма и есть

⁵⁶ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales et l'histoire générale de France. P., 1579, t. 1, p. 118r.*

⁵⁷ *Belleforest Fr. de. La cosmographie universelle. P., 1575, t. II, p. 398.*

⁵⁸ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales. . . , t. 1, p. 276.* Заметим, что если взятое изолированно всевластие василевсов над православной церковью могло выводить одобрение идеологов абсолютизма (об этом см. ниже, примеч. 116), то в общем концептуально-историческом контексте оно оказывалось безусловно отрицательным свойством. Во-первых, изменчивость веры считалось несомненным признаком ее ложности. Во-вторых, только «наихристианнейшие» французские короли почитались способными вмешиваться в дела церкви на благо, а не во вред, василевсы же не обладали подобной избранностью. Их вмешательство могли создавать юридический прецедент, но не вели к идеализации государственного строя Византии в целом.

⁵⁹ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales. . . , t. 1, p. 217 r.*

⁶⁰ *Belleforest Fr. de. La cosmographie. . . , t. II, p. 426.*

⁶¹ *Ibid., p. 472.*

схизма. Однако, хотя французская ситуация и проецировалась на Византию, полного параллелизма между ними отнюдь не устанавливалось. Религиозный раскол, естественный для непостоянных греков, воспринимался как противоестественный в «наихристианнейшей» французской монархии, тем более чуждый ее природе, чем более он был близок и опасен. Византию тем решительнее противопоставляли Франции, чем последовательнее рисовали ее в виде модели угрожающих последней несчастий.

Итак, основное содержание взглядов Бельфоре на Византию состоит в том, что, впад в ересь при Ираклии, она вступила на путь неизбежной гибели, явившейся результатом божественной кары⁶². Вряд ли можно с уверенностью решить, сказывалось ли тут влияние распространенного в латинской литературе XV в. теологического объяснения гибели Византии. Во всяком случае, это объяснение органически связано с историческим мировоззрением Бельфоре. Попытки рационалистически объяснить крушение империи, разыскав «механизм» божественной кары во внутренних смутах, не слишком ярки у Бельфоре. Он ограничивается беглым замечанием, что невозможно жить в мире среди мятежного народа, исповедующего другую веру, чем государь. Опять-таки при этом проводится параллель с Францией⁶³. Однако его не очень интересовали «вторичные причины», колы скоро первичная — гнев божий — казалась совершенно очевидной, и, следовательно, проблема религиозно-политического единства не имела для него самостоятельного значения.

Не в меньшей мере такое понимание Византии было естественным и в свете политических взглядов Бельфоре. Выше была охарактеризована официальная концепция «наихристианнейшей» французской монархии. Нарушение верности католической церкви, т. е. отказ от искоренения ереси, воспринималось как разрыв «пакта» с богом, как самоуничтожение этого «наихристианнейшего» королевства⁶⁴. Так аргументировалась идея необходимости религиозного единства для поддержания единства политического, стабильности государства — мысль, общая для католиков всех партий, как «ревностных» (*dévots*), так и «политиков»⁶⁵. Последние только оппортунистически указывали на то, что силой невозможно достигнуть единства, по крайней мере при созданных условиях. Преобладание этих взглядов не исключало рационалистического анализа ереси как политического явления, равно как и последовательных систем веротерпимости, но и то и другое встречалось в XVI в. довольно редко. Во всяком случае, не эти исключения определяли концепцию византийской автократии.

Укрепление абсолютизма в правление Генриха IV сопровождалось энергичной борьбой за восстановление престижа королевской власти. В это время в официальной идеологии оформляется доктрина божественного права — духовный элемент абсолютизма. Правительственная пропаганда усиленно разрабатывает идею королевского священства и христианской природы французской монархии. В залечивающей раны стране необходимость покончить с кризисом религиозной морали порождает широкое движение «католического возрождения». В борьбе со скептицизмом и либертинажем укрепляются позиции мистицизма. В области историографии торжествует теологическая концепция истории. Эти два движения — укрепление абсолютизма и католической церкви — идут рука об руку. При всех столкновениях правительства с папской курией и партией «ревностных» внутри страны уже при Генрихе IV преобладает тенденция к союзу абсолютизма и католицизма, которая развивается в дальнейшем.

⁶² В том же духе, хотя и более лаконично, трактует автократию один из наиболее известных историков конца XVI в. — Дени Пето. См.: *Petavius D. Rationarium temporum. Franequerae*, 1694, p. 383, 400, 403—404.

⁶³ *Belleforest Fr. de. La cosmographie. . .*, t. II, p. 449.

⁶⁴ *Jardeni M.* Op. cit., p. 103.

⁶⁵ *Stankiewicz W. J.* Op. cit., p. 23, 25, 37; *Allen J. W.* A history of political thought in the sixteenth century. 2nd ed. L., 1941, p. 295.

Обстоятельства, следовательно, благоприятствовали укреплению геологической концепции истории Византии. Об ее прочности говорит уже то, что такую концепцию разделяли даже некоторые протестантские историки. Они принадлежали к той части протестантской партии, которая радостно приняла умиротворение, принесенное Генрихом IV, и на протяжении почти всего XVII в. придерживалась концепции абсолютности божественного права. Они судили о Византии не с конфессиональных, а с проабсолютистских позиций. Отсюда — приближение их оценок Византии к точке зрения католических историков.

Пастор Жан де Серр — видный деятель умеренного крыла гугенотов. Он вынашивал проекты сближения католицизма и кальвинизма. В качестве духовного наставника Генриха IV пастор разрешил королю переход в католицизм. Его «История Франции» была произведением протестантской пропаганды и принесла ему звание королевского историографа. Начальный период истории Византии был, с точки зрения Жана де Серра, продолжением упадка Римской империи, так что василевсы V—VI вв. царствовали «с бесчестьем и потерями»⁶⁶. Только франки, сломившие могущество ислама, предотвратили гибель Византии от рук арабов. С конца VI в., со споров о титуле вселенского патриарха, начинается Жан де Серр историю раскола между византийской и римской церковью⁶⁷. От протестанта можно было бы ожидать симпатий к движению иконоборцев, но Серр такового не обнаруживает. Он, правда, отмечает, что иконопочитание было новшеством в церкви, и говорит о верности иконоборцев апостольским заветам, но тем дело и ограничивается. На первый план для него выдвигается не то, что велась борьба за «истинную веру», а то, что она наносила ущерб государству. Мятежи и бунты «после многих трагических событий были причиной гибели Восточной империи»⁶⁸. В результате иконоборчества «дела государства были ужасно спутаны»⁶⁹. Очередной вехой упадка Византии явился перенос империи к франкам. После этого, по мнению Серра, в Византии уже не было сколько-нибудь достойных правителей и «Восток на полном галопе стремился к падению». «Так влачилось это бедное и истощенное тело среди постыдных деяний (василевсов) в ожидании последнего удара от рук мусульман, сила которых увеличивалась дурной жизнью греков. Славная картина суда бога»⁷⁰.

Как видим, наряду с внутренними распрями и даже ранее таковых причиной гибели Византии объявляются скверна и последовавший за ней гнев божий. Однако если в нем находит объяснение общая судьба Византии, то конкретные явления ее упадка объясняются внутренними раздорами и отсутствием помощи от западного христианства⁷¹, разделенного «великой схизмой» и Столетней войной.

Жак Эсприншар — богатый ларошельский буржуа, много путешествовавший по Европе и, возможно, поэтому чуждый протестантского фанатизма своих сограждан. Он был убежденным монархистом и патриотом, но в то же время приверженцем «общехристианского дела» — крестового похода коалиции европейских государей против турок⁷². Такая позиция делала его восприимчивым к конфессионально-абсолютистской концепции византийской автократии. В сочинении по истории Турции (в приложении был издан его проект крестового похода) Эсприншар рисует жалкую картину последних веков существования Византии. Причиной падения ее он объявляет «раздор между греческими князьями» и нежелание папства помогать отделившейся церкви⁷³. В общем же очерке истории империи

⁶⁶ Serres J. de. Inventaire générale de l'histoire de France. P., 1608, p. 75.

⁶⁷ Ibid., p. 170.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid., p. 210.

⁷⁰ Ibid., p. 261.

⁷¹ Ibid., p. 445, 752—755.

⁷² См.: Chatenay L. Vie de Jacques Esprinshard Rochelais. P., 1957.

⁷³ Esprinshard J. Histoire des Ottomans ou empereurs des turcs. P., 1609, t. 1, p. 43—45.

эти объяснения подчиняются теологическому. Эспреншар нередко восхваляет императоров V—VI вв. (например) Феодосия, Юстиниана, Тиверия), но начиная с описания правления Фоки и Ираклия его тон становится враждебным. Бог дозволил арабам преуспеть в наказание за монофелизм Ираклия⁷⁴. Перенос империи к франкам связывается с иконоборчеством, подорвавшим авторитет василевсов в Италии⁷⁵. Он же навлек на Византию и божественную кару в виде нового нашествия арабов⁷⁶. Отмечаемые Эспреншаром в этом контексте гражданские войны выступают лишь частью общего упадка и менее бросаются в глаза, чем описание порчи империи⁷⁷. Им отводится роль одновременно сопутствующих обстоятельств, признаков божественного гнева и конкретного «механизма» гибели: «Когда монархиям приходит срок, провозвестниками их разрушения являются несчастные утраты, пренебрежение к законам и внутренние раздоры, расщепляющие величие империй, которые обычно ниспровергаются только междуусобиями, проистекающими из справедливого суда бога»⁷⁸.

В заключение своего рассказа о гибели Константинополя Эспреншар призывает французов помнить о грехах византийцев, впадших в гордыню и предавшихся усобицам, и «жить умереннее, заботливо поддерживать мир, не нарушая общественного спокойствия неверием и пороками из страха, как бы затем к нам, как и к грекам, не пришли распри и взаимные убийства в гражданских войнах»⁷⁹. Здесь снова отчетливо видно, что гражданские войны представлялись частью морального упадка скорее, чем непосредственным политическим результатом схизмы.

Католические историки первой половины XVII в. развивали ту же концепцию византийской автократии. Примером может служить Сипьон Дюплеи, один из наиболее замечательных апологетов политики Ришелье. Он использует довольно значительное число произведений византийских авторов и регулярно включает их материал в свою «Общую историю Франции». В предисловии сам он перечисляет Прокопия, Агафия, Зонару, Кедрена, Куропалата, Глику, но Дюплеи, видимо, читал также Халкондила и Никифора Каллиста. В стремлении подчеркнуть исключительные заслуги франкских королей перед католической церковью он противопоставляет их политику антиримской линии Византии в период спора о титуле вселенского патриарха⁸⁰. С религиозным превосходством Франции Дюплеи связывает и ее большее могущество по сравнению с Византией. Он подчеркивает слабость империи в правление иконоборцев и одновременное процветание франкского королевства Каролингов⁸¹. Даже описывая упадок франкской империи при сыновьях Людовика Благочестивого, автор не забывает отметить, что Византия «была в еще худшем состоянии по причине атеизма императора Михаила III»⁸². Не случайно упадок Византии наиболее ярко проявился, по Дюплеи, в переносе империи к франкам⁸³.

Гибель Византии Дюплеи объясняет «непостоянством греков», приведшим их к схизме⁸⁴, но это объяснение понимается целиком в теологическом плане. Бог, наказуя гордыню и непостоянство греков, «содейл их рабами сарацин и турок»⁸⁵. Серьезность веры Дюплеи в божественное вмешательство видна из его ссылок на чуму и голод в империи конца VIII в. или на смерть Никифора I от руки болгар: все это, с его точки зрения, чудесные проявления божественного гнева против иконоборцев⁸⁶.

⁷⁴ *Esprinchard J. Histoire des empereurs romains depuis Jules Cesar jusques'à Rodolphe II. S. 1., 1600, t. I, p. 640—641.*

⁷⁵ *Ibid.*, p. 673.

⁷⁶ *Ibid.*, t. II, p. 14.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 158, 478—479.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 473.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 486.

⁸⁰ *Dupleix S. Histoire générale de France. P., 1634, t. I, p. 186.*

⁸¹ *Ibid.*, p. 446.

⁸² *Ibid.*, p. 493.

⁸³ *Ibid.*, p. 360.

⁸⁴ *Ibid.*, t. III, p. 264.

⁸⁵ *Ibid.*, t. I, p. 206.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 356, 445.

Можно поверить, что рационалистические причины являются для Дюплеи в полном смысле вторичными. Рассказав о смутах в Византии в конце VII—начале VIII в., он замечает: «Такого рода трагедии разыгрывались на подмостках империи в результате сделавшихся обычными восстаний тиранов против законных государей, поскольку бог покинул их, как они покинули церковь. В это время сарадины значительно преуспели в делах»⁸⁷.

Государственные беспорядки здесь чисто теологически объясняются тем, что бог перестал поддерживать единство империи. Внутреннее «сцепление» вторичных причин словно отодвигается на второй план. Характерно в этом высказывании и то, что византийский василевс как тип является у Дюплеи воплощением тирана-узурпатора⁸⁸. Именно с тираническим характером власти связывает Дюплеи и крайнюю жестокость василевсов, вызывавшую омерзение историков XVI—XVII вв.⁸⁹, и слабость перед лицом внешних врагов⁹⁰. Тем же объясняется историческая вражда Франции и Византии — неизбежная вражда между легитимными монархами и узурпаторами, которым «все законные государи подозрительны»⁹¹. Французских крестоносцев, взявших Константинополь, Дюплеи считает носителями божественной справедливости, в этом находит свое полное выражение противопоставление Византии и Франции, а вместе с тем — отношение к автократии вообще⁹².

Такое отношение было общепринятым. Известный «юркист» Мишель Бодье писал, что гибель Византии «явилась наказанием нечестия греков, которые отрицают, что святой дух исходит от Иисуса Христа»⁹³. Один из крупнейших французских историков XVII в. — Франсуа де Мезере в первом томе своей «Истории Франции» называет основной причиной гибели греческой империи гнев господ, «который пожелал наказать предательства и ужасные преступления этих схизматиков»⁹⁴, а во втором указывает частные причины — «леность императора Запада», «малодушие греков», «тиранию греческих государей и раздоры как по поводу религии, так и государства»⁹⁵. Насколько прочно представление о полярности Византии и Франции укоренилось в общественной мысли этого периода, видно из того, что оно широко привлекалось в политических трактатах для обоснования идеи об исключительности французской монархии. Так, Андре Дюшен, Жером Биньон и Жан Фильсак подчеркивали большую древность и святость помазания французских королей по сравнению с аналогичным ритуалом византийских василевсов⁹⁶.

Во второй половине XVII в. продолжала господствовать клерикально-абсолютистская концепция византийской автократии. Французский абсолютизм достиг в этот период своего наивысшего могущества. От прежней тактики сплочения антигабсбургских коалиций Франция перешла к открытой борьбе за гегемонию в Европе. Значительно активизировалась коло-

⁸⁷ Ibid., p. 257.

⁸⁸ Ibid., t. II, p. 427—428.

⁸⁹ Ibid., p. 428. Речь идет об обычае выкалывать глаза.

⁹⁰ Ibid., p. 108.

⁹¹ Ibid., p. 52.

⁹² Ibid., p. 195, 238. Осуждение «предательства» греками крестоносцев и прославление IV Крестового похода было общим местом во французской историографии этого времени. См.: *Vignier N. La bibliothèque historique. P., 1588, t. III, p. 225; Bongar J. Gesta dei per francos. Hanoviae, 1611. Praefatio; Mezeray Fr. de. Op. cit., t. I, p. 498.*

⁹³ *Baudier M. Histoire générale de la cour et du sérail du Grand Seigneur. P., 1626, p. 4.*

⁹⁴ *Mezeray Fr. de. Op. cit., t. I, p. 411.*

⁹⁵ Ibid., t. II, p. 77. Некоторое изменение точки зрения Мезере, высказывавшейся во втором томе, по сравнению с той, которой он придерживался в первом, было, очевидно, неслучайным. Известно, что, попав в Париже под влияние либертинов, автор во втором томе стал гораздо реже апеллировать к божественному вмешательству для объяснения причин исторических событий, чем в первом. См.: *Pintard R. Le libertinage érudit dans la première moitié du XVIIe siècle. P., 1943, p. 281.*

⁹⁶ *Du Chesne A. Op. cit., p. 417; Bignon J. Op. cit., p. 507. О Фильсак см.: Bloch M. Op. cit., p. 197—198, 354.*

ниальная экспансия абсолютизма, в частности и в Средиземноморье. Торжество над мятежной знатью и народными восстаниями внутри страны позволило правительству более решительно повести борьбу за установление религиозного единообразия. Нарастание религиозных гонений означало дальнейшее сближение абсолютизма и католицизма. Однако эта попытка восстановить духовную монополию католической церкви совпала с началом «кризиса европейского сознания» конца XVII в., который был ею в немалой мере ускорен. Традиционная религиозная культура уступала место рационализму Просвещения, да и сама реакционная идеология этого периода не оставалась неизменной: она восприняла многие элементы новой мысли. Неудивительно, что при сохранении основных пунктов клерикально-абсолютистской концепции истории Византии некоторые ее черты трансформировались.

Активизация средиземноморской политики Франции сказалась на идейной направленности трудов крупнейшего эрудита-византиниста XVII в. Шарля Дюканжа. Он настойчиво подчеркивает крестопосную функцию французской монархии и устанавливает прямые параллели между внешней политикой Людовика XIV и крестовыми походами⁹⁷. Людовику он предрекает исполнение великой миссии, начатой крестоносцами, используя для доказательства законности французской экспансии историю основания Латинской империи: «Государь, я предлагаю Вам не чуждые земли и не новые миры, когда предлагаю Вам Константинопольскую империю, поскольку это престол, на который храбрость и доблесть возвели Ваших предков»⁹⁸.

Многие современные государи богаты, по мнению Дюканжа, «только узурпациями, сделанными в ущерб правам французской короны». Один из таких узурпаторов — турецкий султан. Его власть характеризуется Дюканжем как «самая грубая тирания»⁹⁹, она здесь — это не угнетение греческого народа, а узурпация прав французских императоров Константинополя¹⁰⁰. В вековой борьбе Франции с исламом греки, по мнению Дюканжа, — враги французов¹⁰¹. Аналогичные параллели между Людовиком XIV и крестовыми государами проводит Луи Мэмбур. Он также сурово осуждает василевсов за «предательство» крестоносцев и за незаконное происхождение их власти из взаимных узурпаций, а взятие Константинополя в 1204 г. считает богоугодным деянием¹⁰². Эти мотивы характерны и для других исторических сочинений второй половины XVII в.¹⁰³ Византия по-прежнему рисовалась не каким-то могущественным агрессивным государством, как это иногда предполагают, но лишь в виде объекта завоевания.

Сохранялся в эпоху Людовика XIV и взгляд на Византию как на государство, погубленное гражданскими войнами и усобицами магнатов: по словам Лакруа, «разделение многих мелких суверенов, каждый из которых владел частью греческой империи, устранило для турок все препятствия»¹⁰⁴. Разумеется, удерживалось и представление о религиозно-политическом противостоянии Византии и Франции¹⁰⁵. Характерна фраза Боссюэ: после походов Пипина Короткого в Италию византийские «им-

⁹⁷ *Du Cange Ch. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois.* P., 1657, t. I. Epitre.

⁹⁸ *Ibid.*

⁹⁹ *Ibid.*

¹⁰⁰ *Ibid.*, t. II. Préface.

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² *Maimbourg L. Histoire des croisades pour la délivrance de la terre sainte.* P., 1684, t. I. Epitre, p. 66, 340.

¹⁰³ *Prade Le Royer de. L'histoire de France depuis Pharamond jusqu'à Louis XIV.* P., 1684, t. I, p. 424; *Marolles M. de. Histoire des rois de France.* P., 1663, p. 172.

¹⁰⁴ *La Croix de. Abrégé chronologique de l'histoire ottomane.* P., 1768, t. 1, p. 101. См. также: *Idem. La Turquie.* . . , p. 18; *Idem. Etat.* . . , p. 71—72; *Chevreau U. Histoire du monde.* P., 1689, t. III, p. 380; *Du Vignau J. L'état présent de la puissance ottomane.* P., 1687. Préface.

¹⁰⁵ *Aubery A. de. Op. cit.*, p. 114.

ператоры стали мало признаваться в Риме: их презирали за слабость и ненавидели за заблуждения. Пипина же там рассматривали как защитника римского народа и римской церкви. Это достоинство сделалось наследственным в доме французских королей»¹⁰⁶. «Презирали за слабость и ненавидели за заблуждения» — слова, вполне применимые для характеристики отношения и самих идеологов абсолютизма к Византии.

Однако, хотя эти мотивы отношения к Византии сохранялись, другие, напротив, стали звучать приглушенно. Обращает на себя внимание изменение тона историков, писавших о Византии. Конечно, здесь трудно установить точные критерии, но все же у историков второй половины XVII в. не найти картины утопающей в грехах Византии. Характеристики василевсов, данные, например, Луи Мэмбуром, если не более объективны, то, во всяком случае, более сдержанны и разносторонни, чем прежде. Возможно, здесь сказалось лучшее знакомство с византийскими источниками, которые с середины XVII в. стали издаваться Королевской типографией в Лувре, но этот сдвиг можно связать и с более глубокими переменами в общественной мысли.

Во-первых, в царствование Людовика XIV не было места для представления о моральном упадке как причине национального кризиса просто в силу отсутствия последнего, пусть моралисты и критиковали «нравы этого века». Соответственно и примеры именно нравственного падения государств прошлого потеряли былую актуальность. Во-вторых, большее значение приобрели иные объяснения упадка Византии. «Механизм» упадка стал пониматься по-другому.

Наиболее отчетливо эти изменения в понимании Византии прослеживаются в сочинениях Луи Мэмбура. Он принадлежал к числу тех французских иезуитов, которых последовательный галликанизм привел к прямому конфликту с Римом. Его сочинения скандализировали курию. «Это отрезанный ломоть для святого престола», — писал о нем Мабильон¹⁰⁷. В конце концов Мэмбур был изгнан из ордена. Научные достоинства его трудов невелики, и эрудиты — возможно, излишне пристрасно — оценивали их критически («это книги для женщин»¹⁰⁸). Все же Мэмбур был довольно начитан в византийских источниках. Именно ему принадлежат первые во французской историографии обзорные труды по истории Византии.

Главная цель исторических сочинений Мэмбура состояла, по его собственному признанию, в том, чтобы показать непрерывный упадок империи, завершающийся в жалком состоянии современной ему Германии и противоположный возрастающему величию французской монархии¹⁰⁹. История Византии оказывается у него этапом общего упадка империи. Она рисуется Мэмбуром как непрерывное нарастание ересей, венчаемое схизмой и сопровождаемое политическим крушением автократии. Его основные вехи — арабское нашествие, латинское, а затем и турецкое завоевание Константинополя¹¹⁰. Эти мотивы вполне традиционны, равно как и апелляция к божественной воле для объяснения тех или иных событий¹¹¹. Вместе с тем Мэмбур подробнее и по-новому раскрывает сцепление вторичных причин, приводящих от схизмы к гибели. Он пишет: «Из всех врагов, которых следует опасаться в великой монархии, самым ужасным является раскол, каким он изображен в этой истории, где можно видеть, в резуль-

¹⁰⁶ Bossuet J.-B. Discours. . . , p. 147.

¹⁰⁷ Correspondance inédite de Mabillon et de Montfaucon avec l'Italie / Ed. Valery. P., 1846, t. I, p. 9.

¹⁰⁸ Ibid., t. III, p. 244.

¹⁰⁹ Maimbourg L. Histoire de la décadence de l'empire après Charles Magne P., 1681, p. 1—2. Это стремление в высшей степени характерно для официальной пропаганды правительства Людовика XIV. См.: Zeller G. Les rois de France candidats à l'empire. — Revue historique, 1934, t. 173, p. 523.

¹¹⁰ Maimbourg L. Histoire de l'hérésie des iconoclastes et de la translation de l'empire aux français. P., 1679, t. I, p. 3—5; t. II, p. 93.

¹¹¹ Ibid., t. I, p. 3, 8; t. II, p. 93—94.

тате каких беспорядков и несчастий он наконец разрушил империю Великого Константина»¹¹².

Сила монархии и наличие в ней схизмы «сцеплены» здесь напрямую. Схизма описывается Мэмбуром в первую очередь как антиправительственное движение. Рассказ Георгия Пахимера о восстании родственников Михаила Палеолога (они были недовольны заключением Лионской унии) дает Мэмбур повод заключить: «Вот чего должны бояться государи от схизматиков, которые в жутком ослеплении, являющемся наказанием им за их ересь, убеждены, что во имя защиты их убеждений, которые они зовут религией, все самые тяжкие преступления, презрение к духовным и светским властям, восстание против государя, союз с врагами государства являются для них великими выражениями добродетелей»¹¹³.

Божественное наказание, мысль о котором проскальзывает и здесь, имеет, однако, совершенно иную функцию. Божественная воля не выступает тут более или менее произвольно действующей причиной явления, но только санкционирует его естественный «внутренний состав». Ересь губит монархию сама по себе, в силу внутренней несовместимости с абсолютизмом. Она влечет за собой гражданскую войну не из-за упадка правов или в результате божественной кары, а в силу отсутствия идейного единства — высшей санкции единства политического: «Примеры зарубежной и отечественной истории убеждают нас, что нет ничего более предосудительного в монархии, где все должно быть сведено к совершенному единству под властью одного главы, чем различие религиозных чувств, ибо, разделяя члены по самому деликатному поводу между собой, оно со всей легкостью под благовидным предлогом свободы совести отделяет часть от вождя, который не покровительствует ей»¹¹⁴.

В противоположность терзаемой смутами Византии Франция накануне ревокации Нантского эдикта рисуется Мэмбуром страной, избавившейся наконец от схизмы. Противопоставление благочестивых французских королей нечестивым василевсам находит предельно красноречивое выражение в следующем высказывании Мэмбура: «... в различном поведении греческих императоров и французских королей можно найти уроки того, что является доброй, а что — дурной политикой»¹¹⁵.

Изложенные взгляды Мэмбура отличаются от представлений его предшественников не столько в изложении фактов, сколько в осмыслении примерно одного и того же материала. В этой эволюции проявилась тенденция к более рационалистическому осмыслению истории в рамках клерикально-абсолютистской историографии. В то же время на нее повлияли новые черты религиозной политики Людовика XIV. Как политическая организация протестантская партия была сломлена еще при Ришелье. Теперь речь шла об искоренении кальвинизма как вероучения, не о компромиссе между религиями, а о жесткой религиозно-политической унификации общества. Представление о несовместимости ереси и абсолютизма и лежало в основе взглядов Мэмбура на Византию.

* * *

Итак, в XVII в., в период расцвета французского византиноведения, во Франции утвердилось резко отрицательное отношение к Византии. На всем протяжении рассмотренного нами периода автократию считали нестабильной, слабой и закономерно погибшей деспотией. Вся ее история представлялась сплошным упадком. Причины его понимались по-разному. Во второй половине XVI в. гуманисты склонны были искать их в первую очередь в феодальных уособиях византийских магнатов. В конце XVI в. оформилась клерикально-абсолютистская концепция истории Византии, согласно

¹¹² *Maimbourg L. Histoire du schisme des grecs. P., 1680, t. I, epître.*

¹¹³ *Ibid., t. II, p. 116.*

¹¹⁴ *Ibid., t. I, p. 294.* См. также: *Stănescu E. Le XIe siècle byzantin: évolution d'une image historique aux XVIe—XIXe siècles. — RÉSEE, 1968, t. VI, N 1, p. 93.*

¹¹⁵ *Maimbourg L. Histoire... des iconoclastes... t. I, p. 6.*

которой главной причиной гибели империи была схизма. Можно выделить два этапа развития этой концепции. Поначалу она имела религиозно-мистический характер. Поскольку сохранение религиозного единства осознавалось в качестве долга перед богом, состоявшего в том, чтобы исповедовать «истинную веру», схизма считалась как бы коллективным грехом государства. Будучи таковой, она занимала свое место среди прочих «прегрешений», причиной и в то же время порождением которых была и сама. Схизма, следовательно, осознавалась прежде всего как грех, а не как политическое явление. Поэтому и гибель Византии считалась скорее наказанием за грехи, чем естественным политическим следствием схизмы. Во второй половине XVII в. возобладали более рационалистический вариант этой концепции. Гибель Византии стали объяснять отсутствием в ней в результате схизмы необходимого для прочности государства религиозно-политического единства. Эта идея, однако, не заменила старого теологического объяснения, а только включилась в него в виде относительно эмансипированного «механизма» божественной кары. Указанные изменения отразили эволюцию концепции ереси в абсолютистской идеологии XVII в.

Все эти оценки автократии были прямо навеяны французской ситуацией. И гуманисты, и историки XVII в. проецировали на Византию те пороки политического строя Франции, необходимость избавиться от которых они стремились обосновать. Однако эти пороки, главным образом схизма (т. е. — во французских условиях — реформация), считались чуждыми природе «наихристианнейшей» французской монархии. Поэтому Византия, наделенная пороками Франции, представлялась ее антиподом, а не подобием. История крестовых походов, богатая франко-византийскими конфликтами, вместе с враждебным отношением к православному греческому народу и стремлением восстановить Латинскую империю превращали представления о противоположности Византии и Франции в идею их принципиальной враждебности. Будучи важной опорой официальной теории французской монархии, конфессионально-абсолютистская концепция автократии прочно укоренилась во французской историографии XVII в. и оказала значительное влияние на византийское поведение XVIII—XIX вв.¹¹⁶

¹¹⁶ Все это не исключало периодического обращения идеологов абсолютизма к византийским концепциям и юридическим прецедентам, заимствованным из византийской истории. В частности, византийское законодательство по вопросам соотношения императорской власти и церкви использовалось для обоснования галликанских идей. См. подробно: *Копосов Н. Е.* Представления о византийской автократии во французской общественной мысли XVII века. Диссертация . . . канд. ист. наук. Л., 1980, с. 36—44. См. также статью Р. Жаксона, где впервые в историографии убедительно показана возможность византийского влияния на один из элементов французского коронационного церемониала (*Jackson R. De l'influence du cérémonial byzantin sur le sacre des rois de France.* — *Byz.*, 1981, 51, fasc. 1, p. 201—210).

Г. К. ВАГНЕР

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО В ТРУДАХ В. Д. ЛИХАЧЕВОЙ (1937—1981)

Это было живое искусство, продолжавшее развиваться на протяжении столетий, способное к новым поискам и открытиям.

Ш. ДИЛЬ

И сейчас византийские памятники несут нам, современным зрителям, как и прежде, свою неповторимую красоту, тайны которой мы стремимся разгадать.

В. ЛИХАЧЕВА

Недавно ушедшая от нас Вера Дмитриевна Лихачева оставила, несмотря на молодость, значительное научное наследие. Наиболее общая и яркая его особенность — это многогранность. Продолжая высокие традиции русской византистики, В. Д. Лихачева не замыкалась в границах искусства собственно Византии: исследовательница охватывала своим наблюдательным взором Балканы, Кавказ, романский мир и, конечно, более всего близкую ей древнюю Русь. При этом интересы ее сосредоточивались не только в сфере живописи, но и архитектуры, с которой эта живопись связана, а также прикладного искусства. Подобно тому как византийское искусство являло собой нерасчленимый синтез изобразительных и декоративных форм, так и интересы В. Д. Лихачевой отличались органическим единством.

Принимая во внимание границы и способы охвата византийского искусства, можно различить в исследованиях В. Д. Лихачевой три периода. Первый, естественно, характеризуется накоплением материалов по неизученным или малоизученным памятникам византийского и древнерусского искусства и завершается двумя работами: кандидатской диссертацией «Иконографический канон и стиль палеологовской живописи»¹ и книгой «Художественное наследие древней Руси и современность»² (раздел о древнерусской литературе написан Д. С. Лихачевым). В дальнейшем В. Д. Лихачева все более концентрировала свое внимание на ансамблевом искусстве византийской книги, результатом чего явились монографии об искусстве книги³ и о византийской миниатюре⁴, а затем докторская диссертация «Искусство книжной графики Византии»⁵. Этот период по характеру научных публикаций может быть назван кодикологическим. И, наконец, третий период, когда были созданы работы по истории всех родов и видов византийского искусства с IV по XV в.⁶ Я определил бы этот период как синтетический. Таковы в самых общих

¹ Лихачева В. Д. Иконографический канон и стиль палеологовской живописи. Автореф. дис. . . . канд. искусств. Л., 1965.

² Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971.

³ Лихачева В. Д. Искусство книги: Константинополь. XI век. М., 1976.

⁴ Лихачева В. Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.

⁵ Диссертация не опубликована.

⁶ Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV веков. Л., 1981.

чертах основные вехи научно-творческого пути В. Д. Лихачевой, пути, можно сказать, только начатого — трагический случай оборвал ее жизнь, находившуюся в расцвете. . .

Очерченный пунктиром набросок творческого пути В. Д. Лихачевой — это, разумеется, не более как план статьи. Однако уже из него видно, что В. Д. Лихачева шла в своих исследованиях от частного к общему, от общего — к более углубленному знанию частного с тем, чтобы вернуться к общему на более высоком уровне. Насколько сознательно намечен и избран был такой путь? Ведь можно допустить, что влияние отца-академика способствовало вступлению начинающего исследователя сразу на стезю «обобщений широкого масштаба», но мы хорошо знаем, как сам Д. С. Лихачев критически относится к такого рода попыткам. Даже ученые, у которых тяга к частным исследованиям остается на всю жизнь, вызывают у него «чувство наибольшего уважения»⁷. Тем не менее, когда пришло время, В. Д. Лихачева ощутила потребность высказаться по столь общему вопросу, как взаимоотношение иконографического канона и стиля палеологовской живописи. Ниже мы увидим, что исследовательница заняла здесь принципиальную позицию, потребовавшую известного сопротивления традиции. Самостоятельность молодого ученого проявилась и в том, что В. Д. Лихачева выбрала своей специальностью все-таки византийское, а не древнерусское искусство, которое, казалось бы, было ближе семейной атмосфере. Овладение древнегреческим языком доказывает серьезность сделанного выбора.

Естественно, что, прежде чем выступить со сложной палеологовской темой, В. Д. Лихачева должна была накопить материал по частным вопросам византийского искусства. Впрочем, это выражение не совсем верно. Нет такого частного вопроса в этой отрасли науки, решение которого не упиралось бы в проблему общего порядка, причем недостаточно решенную. Таких спорных проблем в истории искусства Византии немало. И мы действительно видим, как уже в первых публикациях мысль В. Д. Лихачевой настойчиво прибегает сквозь призму частного к уяснению общего. В статье о Четвероевангелии XI в.⁸, например, непосредственным предметом изучения служат четыре миниатюры евангелистов и несколько орнаментальных заставок. Однако вне внимания исследователя не остаются ни форма книги, ни бумага, ни переплет, ни взаимоотношение текста с полями, ни его начертание — вплоть до отдельных букв и характера их «хвостиков». Теперь такой подход называют кодикологическим. Отмечу, что В. Д. Лихачева применила его с самого начала своей исследовательской работы. Но главное даже не это: главное — в том, что через каждую проанализированную деталь делается выход в большую историю византийского искусства. Через сравнения, аналогии, в которых В. Д. Лихачева всегда была очень точна, исследовательская мысль идет, во-первых, к конкретной датировке и, во-вторых, к определению положения исследуемого произведения в ряду других. Последнее предполагает построение такого ряда, т. е. охват целого.

Статья о Четвероевангелии XI в. кладет начало глубокому интересу В. Д. Лихачевой к средневековой, прежде всего византийской, миниатюре, которую она всегда рассматривала как часть всей рукописи, более того — как часть культурной истории.

С точки зрения атрибуционного мастерства показательна сравнительно короткая, но чрезвычайно информативная статья о халцедоновом бюсте императора Юлиана Отступника (Гос. Эрмитаж)⁹. В ней есть все: и точный анализ самого произведения; и знание во всех подробностях историче-

⁷ Лихачев Д. С. От редактора. — В кн.: Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980, с. 4.

⁸ Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки. — ВВ, 1961, XIX, с. 144—153.

⁹ Лихачева В. Д. Халцедоновый бюст Юлиана Отступника. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 1962, XXII, с. 18—20.

ской ситуации, в которой оно могло возникнуть; и исчерпывающее знакомство со всеми изображениями императора на самых различных предметах, находящихся в разных музеях Европы; и, наконец, полная осведомленность в разноязычной литературе. И нет ни одной фразы, рассчитанной на эффект. Здесь, пожалуй, уместно остановиться на этой последней черте. В. Д. Лихачева никогда не приносила своих научных знаний, наблюдений, подчас имевших волнующий (для самой исследовательницы) характер, в жертву легко достижимому, но чисто внешнему эссеистскому успеху. Как бы ни были экспрессивны излагаемые В. Д. Лихачевой факты и события (а история Византии насыщена ими), стиль ее изложения всегда сохранял простоту и четкость. Это — та простота, которая идет от уважения к Истине. Бережное отношение к языку — явление не столько художественного, сколько этического характера. Как хорошо сказал Т. Манн, «ответственность за язык и его чистоту носит символический и духовный характер, она имеет не только эстетический, но и общий нравственный смысл»¹⁰. Своеобразная сдержанность в языковых средствах сопровождалась у В. Д. Лихачевой информативной насыщенностью текстов. Этому нелишне поучиться.

Написанная и изданная в это же время статья о русских эмалях в Новгородском музее¹¹ отмечена теми же чертами. Она, в свою очередь, кладет начало широкому подходу В. Д. Лихачевой к искусству соседних с Византией стран христианского Востока, к чему несколько позднее будет подключен и романский мир. Пока же, повторяю, В. Д. Лихачева подготавливалась выступить с палеологовской темой, для чего ей тоже нужно было освоить немалый материал. Почему именно с палеологовской темой? Не имея в своем распоряжении точных данных (бесед с исследовательницей), о чем я очень сожалею, или каких-либо дневниковых записей, а также бесед с ее учителями, я решаюсь высказать догадку или предположение, рассчитанное в дальнейшем на уточнение и поправку. Мне думается, что В. Д. Лихачеву привела к ее кандидатской диссертации именно та любовь к семантической насыщенности и выразительности изображительных деталей, которая проявилась уже в первых публикациях. В произведениях же палеологовского искусства, как известно, архитектурный, пейзажный и бытовой антураж очень расширился. Через это обогатился изобразительный язык живописи. Усложнился ее психологизм. Появилось «настроение» и т. д., что нередко характеризуется как рождение реализма. Этого термина, неверного по отношению к византийскому искусству палеологовского времени, В. Д. Лихачева избегает, но эмоциональное обогащение искусства второй половины XIII—XIV в. не могло не привлекать ее жизнелюбивую, открытую натуру. Думаю, что глубокие разработки ее отцом проблем восточноевропейского Предвозрождения¹² тоже должны были оказывать свое влияние. Во всяком случае, в конце первой половины 1960-х годов, работая в Эрмитаже, В. Д. Лихачева заинтересовалась малоизвестными византийскими иконами «Троица», «Рождество Иоанна Предтечи», «Сошествие Святого Духа на апостолов»

¹⁰ Манн Т. Собр. соч. М., 1960, т. 9, с. 148.

¹¹ Лихачева В. Д. Десять русских эмалей XII века в Новгородском музее. — Новгородский исторический сборник, 1962, вып. 10, с. 245—252.

¹² Вопросы восточноевропейского Предвозрождения поднимались еще в работах Д. В. Айналова, Ю. А. Олсуфьева, Б. В. Михайловского, Б. И. Пуришева и др., но только под пером Д. С. Лихачева приобрели теоретический статус. См.: Айналов Д. В. Византийская живопись XIV столетия. — Записки классического отделения Русского археологического общества, 1917, т. IX, II; Олсуфьев Ю. А. Три доклада по изучению памятников искусства. Сергиев Посад, 1927; Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.; Л., 1941; Лихачев Д. С. Новгород Великий. Л., 1945; Он же. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. М., 1946; Он же. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958; Он же. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVIII веков. — Русская литература, 1972, № 2; Он же. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973; и др.

и «Успение Богоматери» (XIV—XV вв.), объединенными общими чертами палеологовского стиля, которые и стали предметом ее анализа¹³.

Показательно, что за отправной пункт исследования берутся не какие-либо догматические абстракции, а самые что ни на есть конкретные предметы, говорящие об усилении жанровых черт в живописи, причем эти вещи — «изображение посуды, обстановки, детали одежды» — анализируются с точки зрения изменения их художественной функции. Каковы же эти изменения? Если ограничиться пока иконой «Троица», то для бытовой утвари — это появление собственно эстетического начала в композиционном расположении вещей, позволившее В. Д. Лихачевой сформулировать «принцип натюрморта»; для обстановки — это особое внимание к реальным, а не выдуманым формам, что тоже родило своего рода принцип контраста между изящным и грубым; для одежды — обилие мелких, беспокойных (динамических) складок; для колорита — любовь к теплой гамме. Проследившая развитие этих стилевых черт, В. Д. Лихачева пришла к выводу, что функция предметов быта из формально-символической становится более реальной. И это тогда, когда собственно символично-догматическое начало темы Троицы сильно увеличивалось!

Функциональный подход — очень плодотворный метод исследования, особенно если освободить его от философической шелухи, каковой он иногда обрастает в абстрактных штудиях. Нелишне поэтому напомнить слова П. А. Флоренского: «Чем выше человеческая деятельность, тем более выдвигается функциональный метод постижения и изучения»¹⁴. Объектом исследования В. Д. Лихачевой выступает именно такая деятельность.

Наблюдения, сделанные над иконой «Троица», продолжены и развиты В. Д. Лихачевой на основе анализа других палеологовских икон Эрмитажа, причем теперь ее занимают не столько предметы быта, сколько изменения самих традиционных схем «в угоду» требованиям нового стиля. Это очень важный для искусствоведческой медиевистики вопрос. Ведь и до сих пор еще встречаются утверждения об определяющей роли иконографии в таких «канонических» искусствах, как византийское, древнерусское и т. п. В. Д. Лихачева наглядно показала, что развитие стиля подчиняло себе иконографический канон, причем изменения допускались очень значительные, даже резкие. Например, в иконе «Рождество Иоанна Предтечи» (середина XV в.) не представлена, казалось бы, совершенно обязательная сцена омовения новорожденного! В иконе «Сшествие Святого Духа на апостолов» архитектурный фон отличается «сложным нагромождением форм и пестротой окраски деталей». В миниатюрах «Творения аввы Исайи» действие развернуто «не на фоне, а среди пейзажа». Все эти и многие другие аналогичные наблюдения В. Д. Лихачевой над изменениями иконографии под влиянием «требований» палеологовского стиля и были обобщены в диссертации. Попутно рассмотрены и такие явления, когда никаких изменений не вносилось, хотя по ходу развития искусства они должны были быть. Это относится к таким сюжетам, которые уже одним драматизмом своего содержания соответствовали строю нового искусства, например сюжет «Успения Богоматери». Следовательно, здесь уже можно ставить вопрос о взаимоотношении жанра и стиля, точнее, о влиянии жанра на стиль и наоборот, что для середины 1960-х годов было совершенно новым¹⁵.

¹³ Рукопись кандидатской диссертации не издана. Раздел, посвященный иконографии «Рождества Иоанна Предтечи», опубликован: Известия за искусствоведение, София, 1969, XIII; в «Византийском временнике» (1971, 31) опубликовано сокращенное изложение диссертации под названием: «Взаимодействие иконографического канона и художественного стиля в палеологовской живописи Византии».

¹⁴ Флоренский П. А. Храмовое действо, как синтез искусств. — Маковец. Журнал искусств, М., 1922, № 1, с. 29.

¹⁵ Проблема взаимоотношения жанра и стиля в оформлении рукописной книги была поставлена О. И. Подобедовой. См.: Подобедова О. И. Некоторые проблемы изучения рукописной книги. — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972, I, с. 22.

Рассмотрение диалектики иконографического канона и стиля составило сильную сторону диссертационной работы В. Д. Лихачевой. В ней привлекает логическая ясность аргументации, за которой некоторые критики не разглядели важного теоретического содержания. А ведь вопрос о диалектике иконографии и стиля составляет душу искусствоведческой медиевистики! Можно с полным основанием сказать, что В. Д. Лихачева поставила теоретическую проблему, мимо которой теперь не может пройти ни один серьезный исследователь средневекового искусства. Для самого автора это явилось прочным основанием всех последующих работ, в которых проблема стиля никогда не сводилась к иконографическому анализу. С таким же критерием В. Д. Лихачева подходила к оценкам работ других византистов, книги которых ей приходилось рецензировать¹⁶.

После защиты кандидатской диссертации В. Д. Лихачева активно включается в орбиту международной византистики¹⁷, чему, кроме широты интересов, способствовало владение не только древнегреческим, но и английским, немецким и французским языками.

Если опубликованная в 1968 г. в Болгарии статья о произведениях византийского искусства в Эрмитаже¹⁸ сохраняла кое-что от первого периода «накопления фактов», то в рецензии на книгу болгарского искусствоведа М. Бичева «Стенописите в Иваново»¹⁹ В. Д. Лихачева уверенно выступила во всеоружии знаний эрудированного историка-византиста. Подробность анализа материала рецензируемой книги сочетается с весьма ответственными суждениями по самым широким и принципиальным вопросам. Прежде всего — об историческом значении росписей Иваново. В. Д. Лихачева опровергает гипотезу А. Ксингопулоса о решающем значении Фессалоники для всего неконстантинопольского искусства. При этом она отталкивается не только от росписей Иваново, но исходит и из всех новых открытий, которые были сделаны к тому времени. Что же касается росписей Иваново, то В. Д. Лихачева особо оценивает их значение для выяснения вопроса о самостоятельности болгарского искусства, проявившейся даже в придворной школе. Это далеко не маловажное наблюдение. Стоит напомнить, сколь прочно в византистике убеждение в несамостоятельности национальных искусств средневековой, особенно Восточной, Европы эпохи расцвета Византии. Не только болгарское, но и древнерусское искусство иногда выдается за провинциальный сколок византийского. В рецензии на книгу М. Бичева В. Д. Лихачевой предоставилась возможность высказаться и по этому поводу. В. Д. Лихачева поддерживает мысль автора, что роспись Иваново интересна для сопоставления с фресками древней Руси, поскольку «она довольно близка своей экспрессией, свободной живописной манерой, теплой палитрой» к произведениям Феофана Грека, а также росписям Волотова и Ковалева. Если не считать ранней (1962) статьи о русских эмалях XII в. из Новгородского музея (см. выше), то этот экскурс в русскую живопись XIV в. можно рассматривать как первое проникновение в глубь русско-византийско-болгарских художественных отношений, история которых вскоре усложнится рассмотрением отношений с Грузией, Арменией и Западной Европой.

В рецензии на труд М. Бичева В. Д. Лихачева солидаризируется с многими другими высказываниями автора, в частности по вопросам датировки,

¹⁶ Лихачева В. Д. T. Malquist. Byzantine 12th Century Frescoes in Kastoria. Agioi Anargyroi and Agios Nicolaos ton Kasnitzi. Uppsala, 1979. — ВВ, 1981, 42, с. 227—228.

¹⁷ У В. Д. Лихачевой были активные научные связи с такими крупными византистами, как Т. Вельманс, А. Грабар, Дюфрени, П. Лемерль, Ф. Лилиенфельд, Д. Мейендорф, В. Мошин, Л. Мюллер, Д. Оболенский, К. Онан, О. Райан, И. Шевченко, П. Шрайнер, Р. Штихель, Г. Хунгер. В. Д. Лихачева была также тесно связана с болгарскими учеными — Бакаловой, Джуровой, Пашковым и др.

¹⁸ Лихачева В. Д. Византийские памятники в Эрмитаже. — В кн.: Музеи и памятники на культура. София, 1968, II.

¹⁹ Лихачева В. Д. Милко Бичев. Стенописите в Иваново. — ВВ, 1969, 30, с. 259—262.

техники росписи, ее стиля, связи с искусством античности и итальянского Ренессанса. Естественно, для нас важнее те мысли, в которых отразилось искусствоведческое кредо самой В. Д. Лихачевой. Оно отразилось в ее суждениях по трем важнейшим вопросам: отношение к исихазму, к готике и к проблеме реализма.

Влияние исихастского движения на работу художников Иванова В. Д. Лихачева, как и М. Бичев, признает, делая, впрочем, совершенно правильную оговорку, что М. Бичеву ничем не удалось доказать негативный характер данного влияния. И вообще неизвестно, в каких чертах живописи негативность такого рода может проявляться. По сравнению с М. Бичевым, который в вопросах исихастского влияния на искусство следует за В. Н. Лазаревым, В. Д. Лихачева заняла более объективную позицию. Она справедливо отмечает, что исихастское движение «не было единым и неизменным. Его представители, и в частности Григорий Палама, никогда не проповедовали ортодоксального мистицизма. Во всяком случае противопоставлять исихазм культурному подъему XIV в. нет никаких оснований». Это верно. Недосказанным только остался вопрос: что же в росписях Иванова относится за счет этого «культурного подъема XIV в.», а что за счет собственно исихазма?

К мнению о готических воздействиях на художников Иванова В. Д. Лихачева отнеслась тоже настороженно. С ее точки зрения, черты кажущихся готицизмом в росписи объясняются просто стремлением живописцев «к предельной эмоциональности». Тенденция к подчеркнутой эмоциональности, как показало исследование А. Ф. Лосева²⁰, вообще характерна для искусства XIV в. В этом направлении и осуществлялось влияние готики. Оно в известной мере наполнило и искусство Предвозрождения. Но все ли здесь обязано своим происхождением готике? Сомнение В. Д. Лихачевой заставляет глубже разобратся в этом сложном вопросе.

Насколько особенности палеологовского стиля соотносимы с реализмом? Мы уже видели, что в кандидатской диссертации этот вопрос решен с большими оговорками. И в рецензии на книгу М. Бичева В. Д. Лихачева сохраняет свою позицию. По ее мнению, было бы не историчным применять понятие реализма к византийскому искусству XIV в., в чем на этот раз она согласна с В. Н. Лазаревым. Однако понятие «элементы реалистичности», введенное в свое время В. П. Адриановой-Перетц²¹, пожалуй, можно было бы применить.

Как уже отмечено выше, интересны и важны соображения В. Д. Лихачевой о значении фресок Иванова для понимания истоков стиля Феофана Грека. Конечно, это не нужно истолковывать таким образом, будто именно росписи Иванова являются «ключом» к творчеству Феофана. Речь идет о довольно широком круге росписей, в котором фрески Иванова представляют далеко не ранний этап. В. Д. Лихачева отмечает, что стилистически они ближе собственно не к Феофану, а к росписям Волотова и Ковалева. Последние датируются точно 1380 г., датировка фресок Волотова колеблется между 1363 и 1380 гг. М. В. Алпатов склонен видеть в авторах этой росписи художников, уже знакомых с работой Феофана Грека²². Если это так, то следует признать, что его стиль развивался не в едином русле с остальными «экспрессивно-живописными» направлениями и истоки его нужно искать ближе к росписи Снеготорского монастыря 1313 г., т. е. в достаточно отдаленной эпохе.

Высказав ряд важных соображений по трем разобранным узловым вопросам живописи эпохи Палеологов, В. Д. Лихачева, кроме того, в своей рецензии внесла уточнение в нередко употребляемое сравнение мелко-масштабных фресок с иконным письмом. Примером могут служить росписи Ковалева. В. Д. Лихачева правильно отметила, что суть дела вовсе не

²⁰ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978, с. 503 сл.

²¹ Адрианова-Перетц В. П. Об основах художественного метода древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 4, с. 62.

²² Алпатов М. В. Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М., 1974, с. 99 сл.

в мелкомасштабности, а в степени широты или детальности самого письма. На этом основании фрески Иванова отнюдь не характеризуются «иконностью» — наоборот, они отличаются монументализмом.

От рецензии на книгу М. Бичева остается впечатление, что она явилась для В. Д. Лихачевой своего рода школой зрелого научного мастерства. Теперь, после выхода на межславянскую искусствоведческую арену и овладения почти всей «византийской эйкуменой», В. Д. Лихачева была вправе взглянуть на древнерусское художественное наследие без того панвизантинизма, который всегда был следствием либо равнодушия к конкретной истории, либо недостаточного знания ее. В 1971 г. увидела свет книга под широким названием «Художественная культура древней Руси и современность». Такое название скорее подходило бы сборнику статей, но книга и явилась таким сборником, так как главы о древнерусской литературе в ней принадлежат перу Д. С. Лихачева. Заслуживает быть отмеченным, что не литературе, а именно изобразительному искусству, т. е. проблематике, разрабатывавшейся В. Д. Лихачевой, отведена ведущая часть труда. Единое Введение к нему в какой-то мере освобождало ее от необходимости воссоздавать для своей части текста особый историко-художественный фон. Однако повествование начинается уже не с деталей, а с общих проблем, что на этот раз позволило предпочесть индукции дедуктивный метод.

На первом месте стоит проблема синтеза искусств, как он осуществлен в храмовой архитектуре и ее интерьере. Древнерусская эстетика выступала здесь наследницей Византии. Храм понимался как своего рода воплощение Святой Земли со всеми ее топографическими особенностями. Это положение В. Д. Лихачева отстаивает вопреки утверждениям некоторых западноевропейских искусствоведов-византинистов, считающих, что русские люди плохо знали Восток. Кроме приведенного топографического фактора, В. Д. Лихачева рассматривает космологический и временной факторы, определяющие систему и структуру храмового синтеза, что, пожалуй, в суммарном виде после работ О. Демуса²³ и, во всяком случае, в русской литературе делается впервые. За последнее время, правда, появились очень интересные исследования каждого из этих факторов, но нельзя не признать, что рассмотрение их вне общей системы приводит подчас к заметной гипертрофии и снижает достоверность выводов. Впрочем, временной фактор В. Д. Лихачева проанализировала несколько облегченно. Это могло обуславливаться объемом книги, удивительно малым для столь серьезной темы.

Излагая систему и характер древних росписей, отдавая должное иконографическому канону и его эволюции, В. Д. Лихачева большое внимание обращает на эстетическую сторону, на принципы создания гармонического ансамбля. В связи с этим говорится об учете особенностей архитектуры здания, об оптических поправках, о трактовке пространства, о разных типах композиций, что еще ближе подводит к проблеме жанров, намечавшейся в работе середины 1960-х годов. Касаясь этого вопроса, В. Д. Лихачева выделяет симметричные композиции, типичные для «особо важных сюжетов». Это, конечно, сюжеты догматические, поэтому в будущем им и будет дано название символично-догматического жанра²⁴. Об асимметричных композициях В. Д. Лихачева говорит более отвлеченно, но один перечень их сюжетов свидетельствует о том, что имеются в виду прежде всего сцены ветхозаветной и евангельской истории, так что их можно отнести к легендарно-историческому жанру.

Очень тонкие наблюдения высказаны В. Д. Лихачевой о соотношении живописи и стен здания. Тут невольно возникла проблема пространства с такими специфическими ее модификациями, как плоскостность и обратная перспектива. Сколько по этим вопросам было фантастических выска-

²³ Demus O. Byzantine Mosaic Decoration. L., 1947.

²⁴ Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 99 сл.

зываний! Из плоскостности фресок умозаключали о неспособности средневековых художников видеть пространство, из обратной перспективы столь же уверенно выводили положение о зашифрованной в ней (!) культово-сакральной семантике. В. Д. Лихачева без всякого упрощения предложила реалистическое объяснение всем этим своеобразным чертам, особенно убедительное касательно обратной перспективы.

Рассматривая специфику композиций древнерусских икон и как бы вспоминая сказанное в кандидатской диссертации, она хорошо показала, что, несмотря на существование иконописного подлинника, художники, вдохновляясь своим искусством, создавали не копии, а вполне индивидуальные, творческие произведения. К ним как нельзя лучше приложимы слова из рассказа Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»: «А у нас (речь идет об артели иконописцев. — Г. В.) в подлиннике поставлен закон, но исполнение его дано свободному художеству». Это «свободное художество» и выразилось в удивительном единстве композиционных решений. Единство всех элементов композиции — вот что было, по определению В. Д. Лихачевой, непререкаемым «законом» иконописи. Непререкаемым в силу того, что это был не писанный закон, а историческая особенность восприятия, особенность средневекового художественного гнозиса. Единство, с точки зрения средневекового художника, — это прежде всего возможность и необходимость полного, а не фрагментированного восприятия всех частей изображаемого мира. Осуществить такое полное изображение можно только с нескольких точек зрения. Единство — это изображение мира как бы в круговой панораме, центром которой мыслится изображающий, изображаемый и воспринимающий изображение человек. Такое типичное для средневековья пространственное восприятие и привело к обратной перспективе, которая была естественным *следствием* безыскусственного теолого-космологизированного мировоззрения, но не заведомо созданной системой приемов. Само название «обратная перспектива» В. Д. Лихачева считает неточным и вполне условным, так как оно неявно говорит о неправильности такой перспективы. Между тем современные исследования показали ее естественность в условиях необученного восприятия пространства, даже своего рода правильность при передаче предметов ближнего плана. Уже после выхода работы В. Д. Лихачевой появились подробнейшие штудии Б. В. Раушенбаха²⁵, в которых аргументация перенесена в область точных наук. В. Д. Лихачева же сумела без физико-математических доказательств установить, что все символические теории обратной перспективы имеют чисто умозрительный, априорный характер, в то время как суть явления заключается в восприятии и изображении мира не столько в каком-то бесконечном удалении, сколько в сферическом расположении его вокруг себя. Этому способствовал геоцентризм и антропоцентризм средневекового мировоззрения. Такую перспективу можно было бы назвать центробежной.

В. Д. Лихачева не дает оценки рассматриваемому явлению: хороша ли такая перспектива или не хороша? Во-первых, это не исторично, а во-вторых, потребовало бы экскурса в область философии реализма, в которой далеко не все ясно²⁶ даже для специалистов по истории живописи нового времени. Но некоторые заключения исследовательницы знаменательны. Это приведенное выше положение о том, что средневековый художник руководствовался не какой-либо символикой, а стремлением к полноте изображения. Далее, при взгляде на новую русскую живопись рубежа XIX и XX вв. В. Д. Лихачева отмечает, что те художники, которые тянулись к широкому охвату мира (К. С. Петров-Водкин, П. Д. Корин и др.), невольно обращались к выразительным возможностям обрат-

²⁵ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975; *Он же. Пространственные построения в живописи.* М., 1980.

²⁶ Ср.: Лифшиц М. А. В мире эстетики. — В кн.: Философия искусства в прошлом и настоящем. М., 1981, с. 205 сл.

ной перспективы²⁷. Эта мысль созвучна ряду интересных исканий современных художников, что, впрочем, сопровождается и безумным «оригинальничанием»²⁸.

Определившись интерес В. Д. Лихачевой к искусству оформления византийской книги вдохновил ее посвятить особый раздел анализируемой работы древнерусским иллюминированным кодексам, что в свете современной теории графики выглядит очень актуальным. Естественно, кодикологический метод применен здесь В. Д. Лихачевой в полную свою силу. Как и ранее, при изучении византийского Евангелия XI в., оформление рукописей рассматривается во всех компонентах, начиная с формы буквы и кончая переплетом. Кодекс — это целый художественный мир со множеством своих законов, образующих сложную систему. Однако теперь, кроме формулирования этих законов, изложение обогащается выделением древнерусских особенностей в оформлении рукописной книги. Отмечаются иные (кратные) соотношения полей; ритмическое распределение украшений с постепенным нарастанием и ослаблением декора (Остромирово Евангелие)²⁹; сильное контрастирование строгого шрифта и всего текстового блока с яркими пятнами украшений. Так же контрастируют с текстом и листовые миниатюры с изображениями евангелистов. Противопоставление сложного простому вообще составляет один из главных принципов декоративной системы кодексов, в чем нетрудно почувствовать тот вкус, которым отмечена древнерусская архитектура. Кстати сказать, в более поздних работах В. Д. Лихачевой по искусству византийской книги это сопоставление кодекса с архитектурой будет обосновано не только идейно, но и структурно.

Интересно, что контраст между строгим блоком текста и живописными миниатюрами сохраняется и в древнерусских маргинальных рукописях, украшения которых свободно разбросаны на полях и среди текста. Но В. Д. Лихачеву интересует не только и не столько этот «оформительский прием», сколько принцип копирования византийского оригинала. Под этим углом зрения подробно рассмотрены иконоборческие сюжеты в миниатюрах Киевской Псалтири 1397 г., чему позднее была посвящена специальная статья³⁰. Подчеркивая, что художники Псалтири следовали традиции византийского оригинала, В. Д. Лихачева отмечает: верность им вовсе не означала точного копирования. Многие иконоборческие сюжеты оригинала опущены, как потерявшие свою актуальность, зато большое внимание уделено точной передаче сложных евангельских композиций, находящихся в постоянном культовом обиходе церкви.

В последней главе книги В. Д. Лихачева касается принципиальных вопросов копирования и реставрации древней живописи. Известно, что в ведущихся поисках теории этого сложного дела остается немало неясных, дискуссионных вопросов, излагать которые здесь было бы неуместно, да и невозможно³¹. В. Д. Лихачева обоснованно высказалась как против различного рода «дореконструкций», так и против включения в копии реальных элементов архитектуры, попадающих в поле зрения копииста. Введение же в копии пластических элементов архитектуры, выполненных скульпторами, признается целесообразным. В исполнении копий автор

²⁷ О К. С. Петрове-Водкине см.: *Широких Т. Д.* О границах применения символического начала в ранней советской живописи (1917—1920 годы). — В кн.: *Философия искусства в прошлом и настоящем*, с. 144 сл.

²⁸ В связи с этим находится и появление таких суждений о природе обратной перспективы, которые не идут дальше метафизической спекуляции. Любопытно, что чаще всего подобные высказывания принадлежат людям, не имеющим отношения к изобразительному искусству.

²⁹ Наблюдения подобного рода интересно развиты в статье: *Жуковская Л. П.* Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника. — В кн.: *Древнерусское искусство: Рукописная книга*, М., 1974, II, с. 60 сл.

³⁰ *Лихачева В. Д.* Изображение иконоборцев и иконопочитателей на листах Киевской Псалтири. — В кн.: *Древнерусское искусство: Рукописная книга*, II, с. 100—106.

³¹ Из последних работ см.: *Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации* / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1981. Рец. см.: *Искусство*, 1982, № 4.

предлагает ступенчатую градацию, ориентированную на разные моменты сохранности оригинала, т. е. (в копиях) предлагается картина постепенного изменения памятника, что, конечно, весьма заманчиво, но пока трудно осуществимо. Искусство копирования действительно требует такой же теории, как и искусство перевода.

Одной из особенностей рассматриваемой работы В. Д. Лихачевой является ее «компрессивность». Все разнообразие и богатство проблем уплотнено в сжатом тексте, который приобрел предельную информативность.

Чтобы привести все сказанное В. Д. Лихачевой о древнерусском искусстве в соответствие с византиноведческой проблематикой настоящей статьи, надо отметить, что высказывания эти не были бы столь содержательны, не найдись за ними всестороннего знания всего средневекового, в первую очередь византийского, искусства. В этом отношении положение В. Д. Лихачевой было намного «выигрышнее», чем у тех византинистов, которые, хорошо зная свой материал, довольно скупо осведомлены о древнерусском искусстве.

В 1974 г. была опубликована рецензия В. Д. Лихачевой на две капитальные книги О. Демуса, одна из которых называется «Византийское искусство и Запад», а другая — «Романская монументальная живопись»³². Обе темы — огромны. Авторитетнейшее в мире европейской византистики имя О. Демуса тоже обязывало ко многому. В. Д. Лихачева обстоятельно изложила сложное содержание обеих книг, во многом признала справедливость заключений автора, отметила попутно несколько ошибок, но, что особенно существенно для характеристики В. Д. Лихачевой-медиевиста, — она решительно не согласилась с общей оценкой О. Демусом древнерусского искусства как якобы затерявшего свой путь «среди декоративных принципов народного искусства». Проявившаяся в этом строгая научная объективность, конечно, не имеет ничего общего ни с объективизмом, ни с преувеличением национального пиетета. Она идет от признания того неоспоримого факта, что средневековье было временем рождения национальных культур, в чем-то родственных, в чем-то различных, что вплотную подводило к типологическому методу их изучения, хотя В. Д. Лихачева прямо по этому вопросу не высказывалась. Для византиниста, всегда подверженного своего рода «гипнозу византизма», отмеченная строгая объективность В. Д. Лихачевой должна быть особо подчеркнута.

* * *

Итак, после экскурса в искусство Древней Руси мы вслед за В. Д. Лихачевой возвращаемся к Византии. Впрочем, как уже можно было заметить, Византия и не исчезала из поля зрения исследовательницы. Почти любое ее высказывание об искусстве Древней Руси сопровождалось примерно такими словами: «русские художники унаследовали и развили дальше. . .» и т. д. Но все же именно византийское искусство, подобно Фаросскому маяку, указывало ей творческий путь, определяло выбор тем, наполняло вдохновением. Я думаю, что одной из причин здесь было увлечение высочайшим мастерством византийской рукописной книги. С изучения книжных миниатюр В. Д. Лихачева начала свой научный путь, к ним она и вернулась после того, как, вероятно, почувствовала, что открывшаяся широта горизонта даст ей возможность вдохнуть в изучение миниатюры новую жизнь. С этого времени (речь идет о первой половине 1970-х годов) начинается ряд выступлений В. Д. Лихачевой с научными докладами и лекциями о византийском искусстве в Бухаресте (1971), Афинах (1976), Великотырнове (1979), Бирмингеме, Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Эдинбурге (1980) и других городах Англии и Шотлан-

³² Лихачева В. Д. Demus O. Byzantine Art and the West. L., 1970; Demus O. Romanesque Mural Painting. L., 1970. — ВВ, 1974, 36, с. 189—192.

дии. В. Д. Лихачеву слушали также в Австрии и Италии³³. Это, естественно, открывало широкий путь к публикациям в зарубежных журналах. Начался, если можно так сказать, «второй период накопления» материала, теперь главным образом в области оформления византийской рукописной книги. Из публикаций этого периода наиболее значительны статьи о миниатюрах в кодексе с Акафистом (Москва, ГИМ, Син. гр. 429)³⁴, о двух литургических списках (Ленинград, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, гр. 672; Москва, Библиотека АН СССР)³⁵, а также о болгарских миниатюрах XIV в.³⁶

Частная тематика, казалось бы, диктовала испытанный индуктивный метод исследования. И он здесь действительно был применен. Однако теперь, располагая международным опытом, В. Д. Лихачева смогла обогатить индукцию, углубившись в общевизантийскую, более того, в общесредневековую искусствоведческую проблематику, что сообщило индукции эвристический характер³⁷. В статье о рукописи с Акафистом В. Д. Лихачевой пришлось преодолеть невероятный разбой в датировке этого памятника многими авторами, что было выполнено с прекрасным знанием всех публикаций. В итоге за кодексом закрепилась датировка последней четвертью XIV в. и характеристика его как замечательного произведения византийского искусства эпохи Палеологов. Оба литургических списка (в форме свитков) оказались очень редкими в своем роде³⁸ памятниками Константинопольской школы конца XI—начала XII в. (Ленинград) и второй половины XI в. (Москва), т. е. эпохи наивысшего расцвета византийской книги, созданными в скриптории Студийского монастыря. При этом В. Д. Лихачевой путем остроумных соображений удалось доказать, что в фигуре святого отца, получающего инвеституру в виде жезла от Иоанна Предтечи (московский свиток), изображен сам Феодор Студит. Этот свиток после первой его публикации в 1901 г. в течение чуть ли не 75 лет не исследовался и считался (зарубежными византистами) утерянным, пока В. Д. Лихачева снова не ввела его в науку с существенными уточнениями в атрибуции.

В статье о болгарской миниатюре В. Д. Лихачева подробно исследовала изображение Иоанна Лествичника, обнаруженное сотрудником Болгарской Академии наук при описании болгарских памятников в Погодинском собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Анализируя это произведение на фоне греческих лицевых рукописей «Лествицы Иоанна Климaksa», В. Д. Лихачева пришла к заключению, что оно относится ко второй половине XIV в. и выполнено в Тырновском скриптории в традициях лучших произведений Константинополя, сближению с которым способствовал исихазм³⁹.

Ко «второму периоду накопления» материала следует отнести еще одну работу В. Д. Лихачевой, в которой ее византийские, болгарские и древнерусские интересы нашли очень целостное выражение. Я имею в виду статью

³³ Все зарубежные доклады В. Д. Лихачевой читались ею на европейских языках.

³⁴ *Lichatcheva V. D. The Illumination of the Greec Manuscript of the Acahists Hymn (Moscow, State Historical Museum, Sinodal gr. 429)*. — *DOP*, 1972, XXVI, p. 253—262.

³⁵ *Lichatcheva V. D. La décoration d'un réuleau liturgique byzantin de la Bibliothèque d'Etat de Léningrad*. — *Cahiers archéologiques*, 1974, XXIII, p. 121—128; *Она же*. Византийская лицевая рукопись в Библиотеке Академии наук. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. М., 1974, I, с. 334—348.

³⁶ *Лихачева В. Д.* Болгарская миниатюра второй половины XIV века с изображением Иоанна Климaksa. — В кн.: Българско средновекови: Българско-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980, с. 349—353.

³⁷ Об эвристических возможностях индукции см.: *Лебедев С. А.* Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания. — *Вопросы философии*, 1980, № 6, с. 79—88.

³⁸ Форма свитка в византийских рукописях была гораздо более редкой, нежели форма кодекса. Свитки применялись для богослужебных текстов, употреблявшихся с литургическими целями.

³⁹ *Лихачева В. Д.* Болгарская миниатюра второй половины XIV века с изображением Иоанна Климaksa, с. 353.

об архитектурных фронтисписах «Изборника Святослава 1073 года»⁴⁰. В. Д. Лихачева доказала, что подобного рода фронтисписы восходят к византийским оригиналам VI в., которые, в свою очередь, многим обязаны формам прикладного искусства. Анализируя фронтисписы, В. Д. Лихачева по-своему развивает мысль А. Н. Грабара о связи их структуры со структурой христианского храма — как в экстерьере, так и в интерьере. Позднее это наблюдение будет перенесено на иллюминированный кодекс вообще.

Другое интересное наблюдение состоит в том, что хотя фронтисписы «Изборника Святослава 1073 года» и восходят к византийской традиции, но передатчиком этой традиции на Русь была, скорее всего, Болгария. При этом на Руси, т. е. в Киеве, эта важная часть украшения рукописной книги получила существенную творческую переработку. В. Д. Лихачева видит ее в богатстве типов и разнообразных сочетаниях орнаментов, в замене крестов на «куполах» декоративно-символическими формами: шарами, птицами и т. п., наконец, в известной пестроте палитры.

Рассмотрение искусств восточнохристианского мира в их связях и взаимодействиях с Византией и между собой было одним из главных методологических принципов В. Д. Лихачевой. Показательна в этом отношении ее рецензия на работу А. И. Вольской о росписях трапезных в пещерных монастырях Грузии⁴¹. Отмечая новизну исследования, его ценность для выяснения вопроса о сложении национальных черт грузинского искусства, В. Д. Лихачева уже «прикидывает», насколько подобная работа ценна для изучения росписей пещерных храмов Болгарии и других регионов⁴².

Надо полагать, что накопление новых материалов требовало очередной их «организации», обобщения — сверх того, что дала в свое время кандидатская диссертация. В размышлениях над этим вопросом, вероятно, родилась статья о принципах каталогизации византийских иллюминированных рукописей в собраниях СССР⁴³, внесшая, несомненно, вклад в подготовку первого тома Каталога, недавно увидевшего свет. Обобщающих работ требовал и активный выход В. Д. Лихачевой за границы собственно византийского искусства. Вслед за болгарским искусством здесь большое место стало занимать грузинское, древнему книжному делу которого в 1977 г. были посвящены сразу две статьи⁴⁴. Поэтому кажется вполне естественным, что одновременно с появлением перечисленных работ начинается второй период научного творчества В. Д. Лихачевой, названный мной кодикологическим. Он ознаменовался выходом двух книг — «Искусство книги: Константинополь. XI век» и «Византийская миниатюра. . .», а также написанием капитальной монографии об искусстве оформления византийской книги, подводившей итог многолетним исследованиям книжно-рукописного искусства Византии. В 1978 г. работа В. Д. Лихачевой была защищена в качестве докторской диссертации. Три большие работы в течение трех лет — свидетельство интенсивнейшего творческого напряжения исследовательницы. Она словно торопилась сделать общим достоянием свои разросшиеся знания. . .

К исследованию «Искусство книги: Константинополь. XI век», как и ко всем работам В. Д. Лихачевой, применимо крылатое изречение: «Словам тесно — мыслям просторно». Поскольку эта работа является как бы стержневой, вокруг которой будет разворачиваться кодикологическая тематика последующих исследований, стоит хотя бы кратко оха-

⁴⁰ Лихачева В. Д. Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г. — В кн.: Изборник Святослава. М., 1977, с. 204—216.

⁴¹ Вольская А. И. Росписи средневековых трапезных Грузии. Тбилиси, 1974.

⁴² Лихачева В. Д. А. И. Вольская. Росписи средневековых трапезных Грузии. — ВВ, 1978, 39, с. 248.

⁴³ Лихачева В. Д. Задачи каталога иллюминированных византийских рукописей собраний Советского Союза. — Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974, с. 23—25.

⁴⁴ Лихачева В. Д. Отношение к образцам грузинских художников XIV столетия. — ВВ, 1977, 38; Она же. Художественное оформление Менология грузинскими художниками конца XIV столетия. — В кн.: Второй Международный конгресс по истории грузинского искусства. Тбилиси, 1977.

рактизовать ее по частям. Это даст возможность видеть, как в дальнейшем расширилось и углублялось изучение того или иного вопроса.

В небольшом Введении автор излагает основы кодикологического подхода, подчеркивая, что анализ миниатюр самих по себе занимает в нем субординированное положение. Это обстоятельство свидетельствует о методологической строгости автора, поскольку все предшествующее изучение искусства книги сводилось именно к анализу миниатюр (включая, конечно, орнамент).

В первой главе В. Д. Лихачева воссоздает тот культурно-художественный фон, на котором во второй половине XI в. происходило развитие искусства византийской книги. Это важно для получения основных исторических критериев, т. е. для включения книги в «контекст эпохи»⁴⁵, без чего она не может быть изучена «во всех ее связях»⁴⁶, как того требует современное книговедение. Во второй и третьей главах автор рассматривает книжное искусство двух главных константинопольских скрипториев — Императорского и Студийского. Поскольку у константинопольских мастеров не было обычной пометки место изготовления кодексов, В. Д. Лихачевой пришлось заново проанализировать кодикологические данные довольно многочисленных византийских рукописей второй половины XI в., хранящихся в библиотеках разных стран. Рукописи (в этих двух главах их число не менее 10) рассмотрены с точки зрения их писчего материала, формата, количества листов и миниатюр, типа разлиновки, характера почерка, системы декора, не говоря уже об иконографических и стилистических особенностях самих миниатюр. Эти кодикологические приемы были суммированы предшествующих, но в них немало и нового.

В кодексах Императорского скриптория В. Д. Лихачева отмечает особый интерес к портрету, к жизненности человеческих образов, «жемчужности» почерка, пурпурному цвету, к роскоши оформления вообще. В студийских рукописях наблюдается гораздо большее разнообразие в принципах сочетания миниатюр с текстом, а также интерес к иконоборческим сюжетам, заметная спиритуализация образов.

Выявленные особенности более подробно анализируются в четвертой главе — с точки зрения отражения в византийской рукописной книге второй половины XI в. ее литургических функций. Эта часть исследования особенно ценна, так как по вопросу о связи средневекового искусства с богослужением сказано немало декларативных слов, несколько не продвигающих решение проблемы. Казалось бы, литургические функции кодексов должны были вести к отвлеченности их художественного оформления, но на деле мы видим обратное: большое развитие повествовательности. Правда, она имеет символический характер, но как раз символика и способствовала наглядности образов. Недаром еще патриарх Никифор называл иллюстрации Псалтирей картинами, а Н. П. Кондаков усматривал в иллюстрациях ватиканской Библии прообразы картин Паоло Учелло⁴⁷. Особое внимание В. Д. Лихачева уделяет художественной структуре Псалтирей так называемой «монастырской» редакции, в которой новые принципы нашли наиболее свободное развитие. С этой точки зрения большой интерес представляет анализ житийных сборников (Менологиев), в иллюстрировании которых можно усматривать сложение определенных жанровых схем.

Последняя, пятая глава книги посвящена анализу системы декора византийских рукописных книг. От существующих здесь канонов делались разные отступления, что и дает автору возможность более конкретной характеристики материала. В. Д. Лихачева пишет, что не заказчик рукописи, а именно художник (или редактор) выбирал основной декоративный

⁴⁵ Лихачев В. Д. Задачи изучения связи рукописной книги с печатной. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 6.

⁴⁶ Сидоров А. А. Советская история книги. — В кн.: Книга: Исследования и материалы, 1967, 15, с. 170.

⁴⁷ Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, с. 188.

принцип оформления кодекса. Большое внимание в пятой главе уделено анализу таких элементов, как обрамление миниатюр, историзированные инициалы, заставки, наконец, сам блок рукописного текста в его эстетических качествах. Перед читателем проходит до 20 византийских кодексов! Сравнение их с кодикологическими особенностями древнерусских рукописей позволило В. Д. Лихачевой углубить те выводы, к которым она пришла в работе «Художественное наследие древней Руси и современность». Древнерусские художники не только не были копиистами, но они обдуманно выбирали материал, отбрасывая то, что не соответствовало древнерусским интересам и этико-эстетическим нормам. Подобные наблюдения и составляют основу строгой объективности при решении проблемы национальных школ, с чем В. Д. Лихачева столкнулась в рецензии на сочинения О. Демуса.

В своем Заключении В. Д. Лихачева подчеркивает, что византийские художники XI в. были не столько иллюстраторами, сколько истолкователями текста. Определяющее значение текста было очень велико. Из сказанного можно сделать вывод, что древнерусские художники были своего рода комментаторами комментаторов. Только в таком свете можно понять, каким образом древнерусское искусство того же XI в., несмотря на связь с византийской традицией, сумело выработать свое лицо во всех областях творчества вплоть до искусства книги.

Работа «Византийская миниатюра» создавалась почти одновременно с только что рассмотренным трудом. Она представляет роскошное издание, в сплошных цветных иллюстрациях которого В. Д. Лихачева, по-видимому, впервые обрела удовлетворение как византист и как автор вообще. Довольно подробная разработка различных исторических, теоретических и атрибуционных проблем византийской книги в предшествующих работах позволила наконец В. Д. Лихачевой «отвести душу» на чисто живописном материале, т. е. на миниатюрах. Здесь собрано многое из того, что было разбросано по опубликованным в разное время и в разных журналах статьям. Но я не назвал бы это издание альбомом, равно как и сам текст написан вовсе не в «альбомном жанре»⁴⁸. Склонность к историческому синтезу проявилась в целостной концепции текста. Вкратце она сводится к тому, что иллюминированный кодекс — это сложная система, в некотором роде подобная архитектуре, о чем упоминалось выше. Роль храмовых живописцев в этой системе выполняют миниатюристы. Отсюда с непреклонностью следует вывод о конкретной связи миниатюр как с текстом, так и со всей архитектурой рукописной книги в целом. В. Д. Лихачева рисует картину стилистической эволюции миниатюр начиная с Хлудовской Псалтири середины IX в., эволюции очень медленной, но не в силу консервативности, а по причине устойчивости античного наследия. Высокое уважение к античному наследию в византийском искусстве проходит через все творчество В. Д. Лихачевой. Концентрация большинства византийских кодексов в собраниях Советского Союза и непосредственное знакомство автора со всеми этими материалами делают ее изложение почти энциклопедическим. Отсюда проистекает возможность перекрестных сопоставлений, убедительных аналогий и широта суждений вообще, облегчающая атрибуционные и генетические детализации, которые делают работу полнокровной. Миниатюры рассматриваются как активный стимул эволюции всего византийского искусства, чем определяется их громадное значение для всего средневекового искусства.

В разворачивании общей картины истории византийской миниатюры В. Д. Лихачева не отстает от принятой в византистике периодизации, но стремится преодолеть обычай схематического чередования стилей. Так, раскрывая эллинистические черты в искусстве «Македонского Ренессанса», она отмечает название нового, спиритуалистического стиля,

⁴⁸ Ср.: Пучко В. Г. Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. — ВВ, 1981, 42, с. 202.

а также усиление восточных влияний. В XI—XII вв. различаются придворное и демократическое направления⁴⁹ с их каллиграфической и плоскостной манерами. Первое направление характеризуется гармонизацией всех живописных средств, второе — господством принципа локальности. Для XIII в. отмечается смешение стилистических различий, общее усиление эмоционального начала, в чем В. Д. Лихачева признает на этот раз воздействие готики. Большое значение придается двум никейским кодексам второй половины XIII в., в которых тематика миниатюр значительно расширена за счет драматизации евангельских сцен и введения совсем новых, нетрадиционных сюжетов. В живописном строе этих миниатюр В. Д. Лихачева отмечает рождение нового стиля, предвещающего палеологовский. Этот последний — стиль «Византийского Возрождения» — характеризуется очень подробно и ярко, его гуманистические черты ставятся в связь с исихазмом, подчеркивается заметное влияние византийского искусства на западное, что облегчило итальянскому искусству переход к Проторенессансу. К сожалению, краткость текста лишила В. Д. Лихачеву возможности более подробно разобраться в вопросе соотношения изобразительного творчества с исихазмом. Эта проблема не разрешена пока и в более специальных штудиях. У В. Д. Лихачевой оставалась еще возможность вернуться к вопросу, и, как увидим ниже, она ее использовала.

В книге «Византийская миниатюра» представлены в виде цветных таблиц 15 лучших византийских кодексов. Общий вид каждого дан на двух полосах (на разворотах). К каждому кодексу примыкают лучшие из миниатюр. В текстах к иллюстрациям указана библиография с краткой аннотацией каждого исследования, что дает возможность проследить, «как эволюционировали взгляды ученых». В этом действительно есть «немало поучительного»⁵⁰.

Поразительно, что, выпустив в 1976 и 1977 гг. одну за другой две книги, В. Д. Лихачева сумела в 1978 г. закончить большую работу «Искусство книжной графики Византии» и защитить ее в качестве докторской диссертации! Конечно, в это исследование вошел уже достаточно знакомый автору материал, тем не менее если в книге «Византийская миниатюра» анализировались 15 кодексов, то в докторской диссертации речь идет о 35 рукописях. При этом многие из них впервые исследованы В. Д. Лихачевой. Достаточно также познакомиться со структурой работы и ее теоретической направленностью, чтобы признать, что автор сделал большой шаг вперед в изучении византийского художественного наследия. В этой работе еще более решительно выдвигается вопрос о значении византийской книжной графики для современного полиграфического искусства. Тем самым возникла проблема «сквозных» художественных ценностей в истории мирового искусства. Сюда относятся такие, как синтез всех элементов декора, решение страницы, разворота в качестве цельной композиции, связь стиля оформления с почерком и т. п., утерянные в период книгопечатания. В. Д. Лихачева справедливо указывает, что прогресс современной книжной графики зависит от овладения этим наследием.

Хотя кодикологический метод изучения иллюминированных рукописей широко применялся В. Д. Лихачевой еще при работе над изданием «Искусство книги: Константинополь. XI век», но теперь он был распространен именно на декор рукописей. В диссертации существенно углублено исследование принципов творчества византийских писцов и художников в мастерских — проблемы, еще мало изученной. Исследуются не только принципы работы создателей кодексов, но и организация их труда, художественные традиции скрипториев и т. д. Особенно интересны сведения о «сферах влияния» писцов и художников, о распределении между ними ролей в выборе типа и характера оформления кодекса. То, что в монографии «Искусство книги» было изложено кратко, сжато, теперь как бы обросло плотью и наполнилось кровью.

⁴⁹ Понятие «направление» здесь употребляется условно, в смысле линии развития.

⁵⁰ Пуцко В. Г. Указ. соч., с. 202.

Распределение кодексов между Императорским скрипторием и скрипторием Студийского монастыря произведено с существенными уточнениями, что мог сделать только специалист с европейским кругозором. Более подробную разработку получил тезис о связи живописного декора с литургикой, о чем впервые было сказано в работе семилетней давности («Художественное наследие древней Руси и современность»). Теперь В. Д. Лихачева не ограничивается одной констатацией явления, но рассматривает изобразительный материал под литургическим углом зрения (главным образом на примере литургического свитка, гр. 672). Автором доказываемая, что «для репертуара изображений, оформляющих этот свиток. . . характерна связь с декором крестовокупольного храма», который, как мы знаем, в свою очередь, связан со структурой литургии. Развитием того же вопроса в диссертации выступает исследование влияния обряда на искусство книги. Оно проявилось в особой структуре Менологиев, Псалтирей и т. п. книг, миниатюры которых ориентированы на соответствующие части читаемые во время богослужения.

Большое внимание к формальной стороне кодексов никогда не заслоняет у В. Д. Лихачевой исторического интереса. Он выражается не только в историческом построении исследования, но и в особом внимании к отраженным в миниатюрах событиям реальной византийской истории. Прежде всего это относится к миниатюрам послеиконоборческой эпохи⁵¹, к анализу так называемых «историзированных инициалов» и т. п. Здесь зоркая наблюдательность и историческая пытливость исследовательницы часто увенчивались интересными открытиями. Рисуя исторический фон возникновения тех или иных кодексов, В. Д. Лихачева простыми литературными средствами, буквально двумя-тремя штрихами создает драматические ситуации, восстанавливая перед читателем описываемое событие. Так, например, нельзя без волнения читать строки о том, как ученик Феодора Студита Николай последовал за учителем в ссылку, занимался переписыванием его писем, за что был наказан изуродованием рук. Этот эпизод, между прочим, показывает, что эллинское «величие духа»⁵² далеко не было чуждо византийцу. Очень живы строки о работе писцов в Студийском скриптории с его жесткой дисциплиной, наказаниями за погрешности и пр. Строгое научное изложение насыщается бытовыми ремарками, свидетельствуя об остром ощущении автором далекого исторического прошлого. Это живое чувство великого византийского наследия и сообщает исследованию В. Д. Лихачевой связь с современностью.

Здесь сказался опыт, приобретенный в работе над книгой «Художественное наследие древней Руси и современность». Я бы сказал, что в докторской диссертации эта «перекличка времен» принимает весьма конкретные формы. В. Д. Лихачева называет определенные области, в которых от усвоения великих законов византийской книжной графики можно ожидать наибольшего результата, с чего, собственно, и начинается исследование. Кончается же оно — и это, пожалуй, мы впервые видим у В. Д. Лихачевой — характеристикой XIV—XV вв. как времени расцвета национальных художественных школ. Вот почему от византийского искусства автор переходит к болгарскому и грузинскому. О древней Руси уже шла речь выше.

Как всегда бывает при работе над большими темами, некоторые части труда разрастаются у исследователя до таких размеров, что не укладываются в требуемую структуру, так что их приходится публиковать отдельными статьями. Конечно, в первую очередь это коснулось византийской тематики. В диссертации В. Д. Лихачева не имела возможности подробно развить такую тему, как портрет в миниатюрах. Поэтому она очень быстро откликнулась рецензией на вышедшую еще в 1976 г. книгу И. Спатара-

⁵¹ Иконоборческой сюжетике миниатюр В. Д. Лихачева касалась еще в работе «Художественное наследие древней Руси и современность».

⁵² Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций. — Вопросы литературы, 1973, № 2, с. 162.

киса о портрете в византийских иллюминированных рукописях⁵³, к чему, судя по полноте цитируемой литературы, была заранее подготовлена⁵⁴. С полным знанием материала В. Д. Лихачева встала на сторону автора рецензируемой книги, выступившего с опровержением традиционного мнения об отсутствии у византийских художников склонности к портретизму. Между тем такая склонность была, и именно у миниатюристов, что И. Спатаракис доказал на многих конкретных примерах. К ним, как это всегда было у В. Д. Лихачевой-рецензента, она добавила новые примеры, И. Спатаракису неизвестные. Попутно были внесены и некоторые атрибуционные уточнения.

Высоко оценивая искусствоведческую методiku И. Спатаракиса, его нелюбовь к словесному «щегольству», его «почти математическую логику», В. Д. Лихачева невольно высказала и свои, уже знакомые нам «писательские» критерии. Однако главное в рецензии состоит в выявлении того обстоятельства, что оказывается поколебленным традиционное мнение о большей реалистичности ликов святых по сравнению с образами светских персонажей. Более того, портреты светских лиц, изображенных в исторических сценах, оказываются более абстрактными, нежели в композициях репрезентативного характера. Это заставляет пересмотреть проблему портрета и в древнерусском искусстве⁵⁵.

Если регламентированный объем докторской диссертации не позволил полностью развить в ней византийскую тематику, то в еще более трудном положении оказались материалы по болгарскому искусству миниатюры, которые В. Д. Лихачева чуть ли не с самого начала своей научной деятельности связывала с Византией. В 1977 г. Л. Живкова осуществила прекрасное издание болгарского Евангелия царя Ивана Александра (XIV в.), известного под названием «лондонского» Add 39627 и хранящегося в Британском музее⁵⁶. Как это было с книгой М. Бичева, В. Д. Лихачева живо откликнулась и на это издание, сделав предметом своего исследования сравнение миниатюр Евангелия с византийскими образцами⁵⁷.

Внимательное сличение миниатюр Евангелия Ивана Александра с миниатюрами византийского Евангелия XI вв., находящегося в Парижской Национальной библиотеке (гр. 74), показало, что в основе их сходства лежит не восхождение к общему прототипу, как считалось ранее, а непосредственное копирование болгарскими художниками византийского оригинала. Как и всегда, В. Д. Лихачева идет дальше констатации исторического факта и ищет в миниатюрах печать соответствующего времени, отражения национального вкуса, признаков «национальной школы» в копировании. Она находит черты болгарского своеобразия не столько в иконографии, сколько в ином стилистическом подходе: в укрупнении рукописи; в широтной ориентации миниатюр, что делает их похожими на фриз; в материализации фигур, уплотнении их форм и пропорций; наконец, во введении новых драматических сюжетов. Так постепенно В. Д. Лихачева накапливала материал для постановки проблемы национальных особенностей болгарской миниатюры — тема, к которой она вернется перед своим трагическим концом.

В русле этой темы находился и последний доклад В. Д. Лихачевой — о миниатюрах Елисаветградского Евангелия, с которым она выступила в июне 1981 г. на I Международном конгрессе по балканистике (София). Судя по интервью, которое В. Д. Лихачева дала болгарской газете

⁵³ *Spatharacis J.* The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscript. L., 1976.

⁵⁴ Лихачева В. Д. Был ли портрет в византийском искусстве? — ВВ, 1979, 40, с. 221—223.

⁵⁵ См.: Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве, с. 110 сл.; Он же. Формирование исторической проблематики в русском искусстве X—XIII вв. — Вопросы истории, 1972, № 10.

⁵⁶ *Schivkova L.* Das Tetraevangeliar des Zaren Ivan Alexander. Recklinghausen, 1977.

⁵⁷ Лихачева В. Д. Роль византийской рукописи XI в. как образца для болгарского так называемого «лондонского» Евангелия Иоанна-Александра XIV в. (в печати).

«Антени», Елисаветградское Евангелие восходило, по ее мнению, к Евангелию Ивана Александра XIV в., а также, подобно последнему, и к византийскому образцу⁵⁸.

Как я стремился показать, работа В. Д. Лихачевой над двумя книгами и докторской диссертацией, потребовавшая экскурсов в самые различные области византийского искусства, в искусство древней Руси, Болгарии и Грузии, подводила исследовательницу к написанию общей истории византийского искусства, что она и сделала в самом конце 1970-х годов. Ею были написаны две работы: одна для издания «Культура Византии», другая — в виде отдельной книги «Искусство Византии IV—XV веков». Верстку этой книги В. Д. Лихачева успела подписать к печати, но книга вышла уже с некрологом. . .

* * *

Как научному редактору последней работы В. Д. Лихачевой, мне, вероятно, не следует высказывать какие-либо оценочные суждения. Это сделают другие. Однако нужно поставить ее в ряд с разобранными (или только перечисленными) трудами — для того, чтобы получилась цельная картина. К 44-му году своей жизни В. Д. Лихачева проделала очень богатый творческий путь от частных статей до общей истории византийского искусства со всеми логически необходимыми промежуточными ступенями. Сказанное вовсе не означает, что последняя книга как бы завершает этот путь. Нет, она скорее завершает только первую половину пути, открывая если не более широкие горизонты, то, несомненно, более глубокие уровни исследования. Оставаясь в границах этой книги, я отнес бы сюда проблему античного наследия в византийском искусстве. Известно, что по этому вопросу мнения исследователей разделяются на скептические и апологетические⁵⁹. В. Д. Лихачева твердо придерживалась того факта, что сами византийцы высоко ценили античность. Недаром такой знаток Византии, как Ш. Диль, называл преклонение византийцев перед античностью «почти суеверным»⁶⁰. Отношение В. Д. Лихачевой к античному наследию в Византии определилось уже в датировке памятников. Начиная историю византийского искусства не с VII, а уже с IV в., она тем самым признала это время «собственностью» византийской истории, а не истории «христианской античности», как это встречается в современных исследованиях. Действительно, зрелость византийского вкуса в литературе определялась уже во времена Григория Назианзина⁶¹. Немногим отстали в этом отношении и изобразительные искусства.

Более точную характеристику В. Д. Лихачева дала сложнейшим явлениям византийской духовной жизни — иконоборчеству и исихазму в их отношении к искусству. Иконоборчество, по словам исследовательницы, «в условиях Византии было бесперспективным, так как шло вразрез с многовековой национальной греческой традицией», основу которой составлял антропоморфизм. Исихазм же «способствовал усилению индивидуального начала в искусстве, всего того, что связано с эмоциональным переживанием, что, конечно, должно было отразиться на трактовке образа человека, в частности, усилением портретных тенденций». В соответствии с этим и понятию «византийского Предвозрождения» возвращено его ограничительно-позитивное содержание, которое в ряде случаев еще подвергается скепсису. Показательно, что все эти и подобные им теоретические уточнения сделаны в общем-то для работы научно-популярного жанра, свидетельствуя о высоком уважении автора к функции этого жанра.

Возможно, впрочем, что характер рассматриваемой книги не дал возможности В. Д. Лихачевой высказаться по более глубинным эстетическим

⁵⁸ Антени, 1982, 20 янв., с. 13.

⁵⁹ Банк А. В. Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства. — ВВ, 1953, VII, с. 260.

⁶⁰ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, с. 151.

⁶¹ Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций, с. 156.

вопросам. Отделаться от них общими словами не соответствовало духу исследовательницы. Верная своей любви к конкретному, она рассмотрела (в соавторстве с Я. Н. Любарским) высказывания о произведениях искусства, принадлежащие Константину Багрянородному (905—959), отметив в них такие важные черты, как индивидуализм и любовь к аффектированным перечислениям⁶². Перевод сочинения Константина Багрянородного снабжен подробными комментариями.

Окидывая в заключение общим взором все, сделанное В. Д. Лихачевой за ее короткую жизнь, приходишь к мысли, что от нас ушел не просто искусствовед-византист, но искусствовед-историк-культуролог. При этом я имею в виду не столько неизменный историзм ее исследований, сколько конкретную человечность этого историзма. Византийское искусство, в отношении которого наука знает довольно противоречивые суждения, выступает под пером В. Д. Лихачевой без всякого преувеличения его светскости или, наоборот, теологичности. Оно выступает, конечно, сложным, но жизненно реальным творением реально ощущаемых людей: почти за каждым анализируемым явлением или памятником у В. Д. Лихачевой присутствует конкретный византиец, будь то император, игумен монастыря или писец Николай с искалеченными руками. Одинаковое уважение как к константинопольскому, так и к соседним с Византией очагам национальных искусств (София, Тырново, Тбилиси, Киев, Новгород и др.) освобождает исследования В. Д. Лихачевой от ложного панвизантизма, но несколько не умаляет исследовательского пиетета к Византии — этому поистине великому мировому явлению.

Как уже сказано, последняя книга В. Д. Лихачевой — «Искусство Византии IV—XV веков» — отнюдь не была завершением. Она не столько завершала, сколько открывала путь к большому синтезу. Третий из разобранных здесь периодов творческого пути В. Д. Лихачевой, названный мной синтетическим, должен был быть представлен работами, в которых все виды изобразительного искусства средневековья выступали в синхронном синтезе. Одна из оставшихся в письменном столе В. Д. Лихачевой незаконченных статей посвящалась вопросу единства архитектуры, живописи и музыки на Руси в конце XV—начале XVI в. Эта работа готовилась в качестве доклада на конференции в Познаньской филармонии в 1982 г. В. Д. Лихачева напечатала только восемь страниц, девятая осталась на машинке в незаконченном виде. Это была бы интереснейшая работа, содержащая разбор изобразительного искусства и акафистного распева на материале Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Выявленные В. Д. Лихачевой принципы этого художественного синтеза были, по словам автора⁶³, характерны для древнерусского искусства эпохи Дионисия⁶⁴.

Две другие статьи из письменного стола посвящаются болгарскому искусству — его национальным особенностям и связям с народным творчеством. Надо надеяться, что мы увидим эти работы опубликованными. Они свидетельствуют о том, что научные интересы В. Д. Лихачевой неуклонно углублялись. Что же касается их проблематики, то она открывает большие перспективы перед искусствоведческой медиэвистикой. Разве это не лучшая память, оставленная по себе столь безвременно ушедшим ученым?

⁶² Лихачева В. Д., Любарский Я. Н. Памятники искусства в «Жизнеописании Василия» Константина Багрянородного. — ВВ, 1981, 42, с. 172.

⁶³ Сообщено мне Д. С. Лихачевым, которому я обязан многими сведениями о В. Д. Лихачевой, за что приношу здесь глубокую благодарность.

⁶⁴ С этой стороны громадный интерес представляет недавно законченная Р. Щедриным поэма «Фрески Дионисия», в которой как бы нашло продолжение начинание В. Д. Лихачевой по изучению синтеза древнерусской музыки и живописи.

К. К. АКЕНТЬЕВ

МОЗАИКИ ГАЛЕРЕЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ СВ. СОФИИ¹

Итоги исследований постиконоборческих мозаик константинопольской Св. Софии весьма неутешительны на сегодняшний день². С одной стороны, это объясняется вполне объективными обстоятельствами: в распоряжении исследователей нет прямых текстуальных свидетельств, позволяющих твердо определить время создания мозаик, личность заказчика и общий замысел декоративной программы. Все современные представления на этот счет имеют всецело гипотетический характер. Кроме того, сами мозаики сохранились лишь фрагментарно, целостный облик ансамбля восстанавливается только по старым рисункам и описаниям, что еще более усложняет задачу. С другой стороны, сыграли свою роль и субъективные факторы. Казалось бы, очевидно, что в указанных условиях важным критерием верификации выдвигаемых гипотез выступает их взаимная согласованность или хотя бы непротиворечивость: атрибуция и датировка памятника не должны противоречить интерпретации его идейного замысла. Однако, увы, отнюдь не ясно, каким образом можно обеспечить такую согласованность, избегая другой крайности — произвольной подтасовки фактов.

Ошибки обоого рода возникают особенно часто, если памятник рассматривается как неподвижная в своей материальной осязаемости вещь, как готовый результат, а процесс его формирования не привлекает особого внимания³. Кажется поэтому вероятным, что преодолеть подобные трудности может противоположный подход к проблеме, при котором в центре внимания будет находиться не вещь сама по себе, а ситуация, породившая данные вещественные реалии. Нужно попытаться осмыслить внутреннюю динамику самого процесса формирования ансамбля, последовательно выявляя все факторы, наложившие отпечаток на идейный замысел декоративной программы и формы его воплощения. Иными словами, создание памятника необходимо рассматривать как целенаправленную деятельность, осуществлявшуюся в определенных исторических обстоятельствах.

При таком подходе — назовем его каузальным в противовес описательному — все вопросы атрибуции, датировки и интерпретации идейного содержания декоративной программы можно трактовать как частные аспекты целостной историко-художественной реконструкции процесса создания памятника. Тем самым и обеспечивается взаимная согласованность в решении этих частных проблем, тогда как избежать произвольной подтасовки фактов помогут два весьма несложных методологических принципа.

¹ Статья развивает основные положения доклада, прочитанного автором 12 марта 1982 г. на заседании Ленинградского отделения Российского Палестинского общества при АН СССР.

² См.: *Акентьев К. К.* Некоторые итоги исследований мозаик константинопольской Св. Софии и вопросы методологии историко-художественных реконструкций. — ВВ, 1983, 44, с. 158—181.

³ Там же, с. 176—179.

Первый принцип заключается в том, что исследователь в своих умозаключениях должен оперировать, по возможности, логически независимыми аргументами. Лишь при таком условии исключается подтасовка фактов, логическая тавтология и порочный круг в рассуждениях.

Второй принцип определяет правила обращения с независимыми аргументами: сопоставление нескольких независимых аргументов может быть продуктивным только в том случае, если они соизмеримы между собой по какой-то единой оценочной шкале. Это означает, что при всей качественной разнородности наших фактических данных — иконографических, текстуальных, эпиграфических и т. п. — они должны рассматриваться хотя и независимо друг от друга, но под общим углом зрения, позволяющим оценивать их значение и смысл в одних и тех же категориях. Эти категории, в свою очередь, должны соответствовать природе поставленной задачи, и поскольку наша цель — целостная реконструкция процесса формирования ансамбля, очевидно, что это должны быть категории каузального плана. Каждую характерную особенность иконографии мозаик или посвяtitельной надписи, каждое сообщение источников и т. д. необходимо оценивать как следы или результаты деятельности определенных лиц в определенной исторической ситуации.

Только удовлетворяя этим условиям — сопоставляя результаты наблюдений, сделанных в каждом из указанных направлений вполне независимым образом, и выявляя возникающие между ними корреляции, — можно надеяться получить более или менее объективную картину событий.

Начинать поиск целесообразно с иконографии мозаик — по двум соображениям. Во-первых, обилие дополнительных материалов — текстуальных, эпиграфических и т. п. — не должно заслонять того факта, что собственным предметом исследования остается все-таки изобразительный материал. Он будет постоянно находиться в центре нашего внимания, с него и надо начинать. Первостепенное же значение именно иконографических его характеристик определяется спецификой поставленной задачи: прежде всего нас заинтересуют те аспекты внешнего облика памятника, в которых идейный замысел получил наиболее наглядное выражение.

Во-вторых, положив в основу анализа особенности иконографии мозаик, мы в какой-то мере оградим себя от поспешного толкования эпиграфических данных и сообщений источников, содержание которых нередко весьма противоречиво и не поддается однозначной оценке.

Оба соображения, взятые вместе, побуждают сосредоточить усилия на том, чтобы рассмотреть иконографию мозаик в качестве вполне самостоятельного исторического источника — документа эпохи, ценность которого в нашей ситуации особенно велика. Иконографический факт должен быть раскрыт как каузальная величина, как целенаправленная иконографическая инициатива, обязанная своим содержанием определенным мотивам и обстоятельствам.

Постановка такой задачи потребовала разработки принципиально новой методики исследования — методики «каузативно-иконографического анализа»⁴. В ее основу положено представление об исторической динамике любого иконографического типа — динамики, выражающейся в изменчивом, подвижном соотношении трех основных его структурных компонентов: иконографической темы (воплощаемой идейной программы), иконографического сюжета (непосредственно изображаемого эпизода) и иконографической схемы (композиционной схемы изобразительного воплощения замысла).

При этом непосредственным предметом исследования выступают только такие вариации сюжетной или изобразительной ткани иконографического

⁴ Подробно об этом см.: *Акентьев К. К.* Каузативно-иконографический анализ и его роль в историко-художественных реконструкциях. — Советское искусствознание 82 (в печати). В названной статье мы оперируем понятием «иконографическое событие», в принципе совершенно идентичным по своему содержанию употребляемому здесь понятию «иконографическая инициатива». Различие сводится к перенесению акцента на отнюдь не безличный характер этого «события», в силу чего новый вариант нам и кажется предпочтительным.

типа, которые могут объясняться вариациями самой иконографической темы, воплощаемого идейного замысла. От иконографических вариаций, не обусловленных темой, приходится полностью отвлечься: поскольку нельзя быть уверенным в том, что они контролировались авторской рефлексией, имели сознательный, целенаправленный характер, постольку их причины не поддаются однозначной оценке, необходимой для реконструкции тех исторических реалий, которыми они могли быть обусловлены. Только целенаправленные иконографические инициативы, идеологическое звучание которых совершенно очевидно, могут служить достаточно твердым основанием для определения обусловивших их мотивов и обстоятельств, а тем самым и для уточнения датировки, атрибуции и интерпретации идейного замысла ансамбля.

Важно учитывать также, что тематически обусловленные иконографические инициативы могут не только получать разное выражение (вариации сюжета или схемы в различных сочетаниях), но и проследиваться на разных функциональных уровнях.

Во-первых, под влиянием тематического компонента может осуществляться трансформация всей композиционной или сюжетной ткани иконографического типа в целом. Во-вторых, вариации могут быть локальными и выражаться лишь отдельными деталями иконографии. Особую ценность приобретают уникальные иконографические детали, встречающиеся в истории данного иконографического типа лишь однажды и поэтому наиболее ценные для определения обусловивших их конкретных исторических обстоятельств. Наконец, в-третьих, заметные вариации и даже общие трансформации иконографической темы и средств ее воплощения могут наблюдаться при изменении условий использования иконографического типа, а соответственно и его прагматических функций. Это может иметь место при его миграции из одной области искусства в другую, скажем, из монументального искусства в миниатюру и наоборот и т. д. и т. п.⁵

Иконографическая инициатива может проявляться и на каком-либо одном из указанных уровней, и на всех трех уровнях сразу. Разумеется, в последнем случае иконографический факт предоставляет более богатый материал для выявления темы, и его анализ должен проводиться в три этапа, соответствующих этим уровням. Последовательность этапов безразлична и определяется ad hoc соображениями практического удобства. Ведь на каждом из этапов анализ осуществляется опять-таки логически независимым образом, и только сопоставление получаемых результатов может служить основанием для выводов.

Что же касается аналитических операций, производимых на каждом из трех этапов, то их задача сводится к выявлению иконографической инициативы в различных, указанных выше формах ее выражения (сюжет или схема в разных сочетаниях). Поэтому кажется целесообразным выделить следующие основные операции:

1. Анализ роли образа в его непосредственном иконографическом контексте, нередко дающий ключ к пониманию иконографической темы. (Слово «образ» употребляется здесь и далее, конечно, в том специфическом значении, которое придавалось ему в сознании византийцев.)

2. Уяснение функций образа (в том числе и чисто прагматических) в данных условиях его экспозиции (предмет литургического обихода, мозаика, миниатюра и т. д.).

3. Сопоставление иконографической схемы образа или ее отдельных значимых элементов с ближайшими визуальными аналогиями. Если по отношению к традиционной иконографии данного сюжета наблюдается явная трансформация композиционной схемы, то к анализу привлекаются сходные композиционные решения в изобразительной трактовке других сюжетов. Только при таком условии, учитывая роль и место данной схемы или изобразительного мотива в общем иконографическом репертуаре

⁵ Подробнее об этом см. в статье, указанной в примеч. 4.

эпохи, можно правильно определить, в каком тематическом направлении развивается сюжет с помощью этой схемы.

4. Анализ отношения образа к иллюстрируемому эпизоду Св. Писания с целью выявления новой трактовки сюжета посредством отбора и комбинации его собственных элементов.

5. Если такая трансформация сюжетной ткани действительно наблюдается, необходимо рассмотреть достаточно широкий круг аналогичных вариантов трактовки и толкования данного сюжета. Здесь, в свою очередь, помимо иконографических аналогий, следует привлекать и литературный материал соответствующей экзегетической традиции. Текстуальные параллели могут заметно прояснить генезис общего замысла.

Едва ли нужно оговаривать в заключение, что эти аналитические операции также должны осуществляться логически независимым образом на каждом из трех основных этапов исследования, тогда как содержание предварительных выводов опять-таки вытекает из сопоставления получаемых результатов.

Такова в общих чертах «поисковая стратегия» каузативно-иконографического анализа. Определив методические принципы предлагаемого подхода, можно обратиться наконец к интересующему нас материалу.

* * *

Среди постиконоборческих мозаик Св. Софии, большинство которых не сохранилось и реконструируется лишь по рисункам XVIII—XIX вв.⁶, наиболее благоприятным отправным пунктом для каузативно-иконографического анализа является сцена Пятидесятницы в южной галерее храма. Ее выбор объясняется тем, что эта мозаика выступает чрезвычайно яркой иконографической инициативой, раскрывающейся одновременно на всех трех указанных уровнях. За единственным исключением (см. ниже), она представляет собой самый ранний образец данной сцены в византийском монументальном искусстве. Правомерно, таким образом, поставить вопрос о причинах и обстоятельствах, которые могли способствовать не имевшему прямых прецедентов использованию этого сюжета в декорации Св. Софии. Поскольку мозаика несомненно датируется второй половиной IX—началом X в.⁷, любопытно, что проникновение ее сюжета в монументальное искусство происходит приблизительно одновременно с оформлением новой, ставшей впоследствии классической, иконографии Пятидесятницы в искусстве малых форм. Сначала это наблюдается в книжной миниатюре. Первый известный образец — миниатюра парижской рукописи гомилий Григория Назианзина (гр. 510), твердо датируемой 880—883 гг.⁸ Следующий по времени пример — миниатюра так называемого Трапезундского евангелия (ГПБ, греч. 21), относимая обычно к концу IX—началу X в.⁹ Затем, на протяжении XI—XII вв., сложившийся в ми-

⁶ Это рисунки К. Луса (1710 г.), братьев Фоссати и В. Зальценберга (середина XIX в.), взаимному сопоставлению и верификации которых уделил особое внимание К. Манго, обеспечив им тем самым статус независимых фактических данных. См.: *Mango C. Materials for the Study of Mosaics of St. Sophia at Istanbul*. Washington, 1962.

⁷ *Ibid.*, p. 93—101.

⁸ *Der-Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus*. Paris, gr. 510. A Study of the Connections between Text and Images. — DOP, 1962, 16, p. 195—228. К. Манго предлагает еще более уточнить датировку, ограничив верхний предел 882 г., поскольку миниатюры явно были исполнены до женитьбы Льва VI на Феофано зимой этого года (см.: *Mango C., Hawkins E. J. W. The Mosaics of St. Sophia: the Church Fathers in the North Tympanum*. — DOP, 1972, 26, p. 37). И. Спатаракис полагает, что миниатюры были начаты несколько ранее, ибо рукопись предназначалась в дар старшему сыну Василия I — Константину, не дожившему до окончания работы (ум. в сентябре 879 г.). См.: *Spatharakis J. The Portraits and the Date of the Codex Paris. gr. 510*. — *Cahiers arch.*, 1974, XXIII, p. 97—105.

⁹ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. B., 1935, S. 59—62; воспроизв.: *Idem. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. Chicago; London, 1971, p. 262, fig. 250; ср.: *Лазарев В. Н. История византийской живописи*. М., 1947, т. 1, с. 81, 301. Указанием на эту аналогию автор обязан покойной В. Д. Лихачевой.

миниатюрах иконографический тип проникает и в другие области искусства — в резную кость, теревтику, икону и т. д., постепенно приобретая значение общего иконографического типа данного сюжета¹⁰.

Поэтому естественно возникает вопрос о возможной связи между появлением сцены Пятидесятницы в декорации Св. Софии и оформлением ее новой иконографической редакции в рукописи Paris. gr. 510. Вопрос этот тем более правомерен, что в обоих случаях — в мозаике и в миниатюре — обнаруживаются идентичные иконографические детали, не имеющие себе аналогий в других примерах.

Наконец, мозаика южной галереи содержит и ряд других, не менее интересных иконографических деталей. Некоторые из них имеют типовой характер, полностью отвечая новой иконографии сюжета, и, следовательно, они актуальны опять-таки с точки зрения возможных параллелей между мозаикой и миниатюрой парижского кодекса. Напротив, другие лишены всяких аналогий, совершенно уникальны в истории христианской иконографии и поэтому представляют особую ценность для исследователя.

Все это, вместе взятое, и делает сцену Пятидесятницы в южной галерее наиболее перспективной точкой отсчета в изучении мозаик Св. Софии.

* * *

Начинать анализ в данном случае целесообразно с выяснения условий экспозиции образа. Мы полагаем, что мозаика южной галереи — самый ранний (по крайней мере в постиконоборческое время) образец сцены Пятидесятницы в декорации храма. Рисунки Корнелия Луса и братьев Фоссати позволяют реконструировать иконографию этой мозаики¹¹, оценить ее роль в ближайшем иконографическом контексте и раскрыть ее возможную связь с функцией того помещения, свод которого она украшала.

Ближайшее окружение создавали для сцены Пятидесятницы остальные мозаики галерей. Восточный свод той же южной галереи, на западном своде которой находилась Пятидесятница, был украшен образом Христа-Пантократора в медальоне, помещенном в вершине свода, тогда как на парусах располагались изображения серафимов и херувимов (рис. 1). Эта мозаика, безусловно, представляла собой обобщенную синкретическую редакцию иконографии «видения единого» в ветхозаветных пророчествах Иезекииля (10, 1—22) и Исаяи (6, 1—5), где упоминаются соответственно херувимы и серафимы. В догматическом отношении эта композиция соответствовала вполне традиционной христианской трактовке ветхозаветных видений, восходящей еще к Филону Александрийскому: бог-сын — это образ бога-отца, в котором последний только и может являться людям¹². В северной галерее на восточном своде располагалась сцена крещения Христа (рис. 2), а на западном, не зафиксированном в дошедших до нас рисунках, по мнению К. Манго, могло помещаться Преображение¹³.

Однако и трех твердо известных сюжетов достаточно, чтобы сделать вывод: все мозаики галерей представляли собой различные варианты воплощения одной и той же иконографической темы — темы теофании, зримого явления божества¹⁴. В этой же не совсем обычной для себя роли

¹⁰ Grabar A. L'icôno-graphie de la Pentecôte. — In: L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. P., 1968, vol. 1, p. 616—621.

¹¹ Mango C. Materials..., p. 35—38, pl. 29—35. Благодаря огромной работе, проделанной К. Манго, эти рисунки вполне могут использоваться в качестве полноценного источника. Ученый подверг их тщательному критическому анализу, сопоставляя как между собой, так и с письменными свидетельствами. Результаты анализа показали, что рисункам Фоссати безусловно можно доверять. Достаточно надежны и рисунки К. Луса, по крайней мере в тех отношениях, которые будут здесь для нас существенны.

¹² Leg. alleg., III, 207. Ср.: De conf. 146.

¹³ Mango C. Materials..., p. 98.

¹⁴ Ibid.

выступала и сцена Пятидесятницы. Причем перед нами не просто теофании, а именно такие их варианты, которые в предельно наглядном виде раскрывают триединую природу божества. Это, в сущности, картина теофании Троицы: Пятидесятница изображает богоявление «в огненных языках Св. Духа», образ Христа-Пантократора утверждает сущностное единство бога-отца и бога-сына (благодаря которому бог-отец и может являться людям в образе своего воплотившегося сына), а сцена Крещения демонстрирует взаимное соотношение и связь всех трех ипостасей. Преображение также вполне укладывалось бы в этот контекст, если вспомнить, как освещалось это событие в евангельском повествовании: «Облако светлое осенило их, и глас был из облака глаголящий: Сей есть сын мой возлюбленный, в котором Мое благоволение» (Матф., XVII, 5).

Следовательно, уже на первом этапе анализа мы получаем достаточно определенное представление об иконографической теме мозаики и ее органической связи с ближайшим иконографическим контекстом.

Следующий ключ к решению задачи предоставляет локализация сцены Пятидесятницы именно в южной галерее Св. Софии, а не в каком-либо ином компартименте храма. Выбор сюжетов декорации явно мог быть обусловлен здесь функцией самого помещения. Известно, что в южной галерее Св. Софии во второй половине IX в. заседали поместные соборы константинопольской церкви — Анти-Фотиев собор 869—870 гг. и созданный восстановившимся на престоле Фотием собор 879—880 гг.¹⁵ Уяснить значение этого обстоятельства помогает экзегетическая традиция синодальных актов.

Каноны Эфесского (431 г.)¹⁶ и VII Вселенского соборов¹⁷ утверждают, что работой соборных заседаний якобы руководил сам Христос как участник и глава епископской ассамблеи, а символом его присутствия выступает евангелие, помещенное в центре зала на специально установленном троне. С другой стороны, указывается, что обязательное условие легитимности соборных актов — единодушие епископов на соборе, происхождение которого объясняется непосредственным вдохновением св. духа, о чем прямо говорил в соборном послании Константину VI и Ирине патриарх Тарасий, председательствовавший на VII Вселенском соборе¹⁸.

Эти два принципа, по всей вероятности, и получают свое выражение в декорации южной галереи — в украшении ее сводов образами Христа-Вседержителя и сошествия св. духа на апостолов. Декорация зала заседания церковных соборов приводится в соответствие с богословской трактовкой природы и сущности «соборных деяний» (Христос председательствует на синоде, а св. дух вдохновляет апостолов — основателей церкви). Принимая во внимание то обстоятельство, что тезис о «боговдохновенности» соборных постановлений получает свое визуальное выражение в сцене Пятидесятницы, мы можем уловить таким образом связь рассматриваемой мозаики еще с одним — третьим по счету — догматическим принципом экзегетики синодальных актов. Начиная с эпохи «отцов церкви» ортодоксальное богословие рассматривало главных участников соборов как «восприемников апостольского служения»¹⁹. Сама апостольская коллегия трактуется при этом как прообраз синодов церкви²⁰. Усиление миссионерской деятельности Константинополя во второй половине IX в. сделало такой комплекс представлений особенно актуальным, и он получил отражение в памятниках иконографии: в иконографическую схему

¹⁵ *Mansi*, XVI, 309 С. Ср.: *Whittemore Th. The Mosaics of Hagia Sophia at Istanbul. VI. The Deesis Panel.* Oxford, 1952, p. 25.

¹⁶ *PG*, t. 76, col. 472 В.

¹⁷ *Mansi*, XII, 1000 В. Ср.: *Ibid.*, XVI, 309 С.

¹⁸ *Ibid.*, XIII, 404 А—В.

¹⁹ См.: *Walter Ch. L'icographie des conciles dans tradition byzantine.* P., 1970, p. 262. Особенно ярко этот принцип прослеживается в Соборном послании 836 г. (*PG*, t. 95, col. 372).

²⁰ *Walter Ch. Op. cit.*

Пятидесятницы вводится мотив «народов», которым апостолы «понесут осиявшую их благодать»²¹.

Присутствует этот мотив и в данной мозаике, где образы «народов» размещаются на парусах свода (рис. 4). Тот же тематический акцент присутствует и в изображении книг в руках апостолов (рис. 3), напоминающих об их «учительской роли». Следовательно, связь мозаик с функцией помещения сказывается не только в выборе сюжетов, но и по крайней мере в двух характерных особенностях иконографии Пятидесятницы. В смысловом отношении вся декорация южной галереи в целом демонстрирует единство и взаимосвязь выявленных догматических принципов. И хотя ни один из известных нам образцов христианской экзегетики не утверждает, что прообразом соборов церкви послужил именно тот апостольский консилиум, который собрался в день Пятидесятницы²², наличие такой иконографической темы в занимающей нас мозаике кажется достаточно вероятным. Подобная идея могла появиться в результате контаминации трех перечисленных принципов, бытовавших в русле одной и той же экзегетической традиции.

Впрочем, в одном тексте все-таки удастся обнаружить более или менее близкий по смыслу пассаж — впечатляющий в тем большей степени, что по своему жанру этот текст также представляет собой образец синодальной экзегетики, а по времени он даже ближе к интересующему нас периоду, чем остальные аналогии. Это XVIII гомилия патриарха Фотия, прочитанная им в сентябре 867 г. в качестве торжественного панегирика деяниям только что завершившего свою работу церковного собора²³. Заглавие гомилии уточняет, что прочитана она была с амвона Св. Софии²⁴, хотя и остается неясным, в каком помещении заседал сам собор.

Подчеркивая ценность и масштаб деяний этого собора, провозглашенного им вселенским, Фотий говорит (курсив везде наш. — К. А.): «Именно благодать святого духа собирала соборы, которые в разные времена очищали мир от сорняков (т. е. ересей — К. А.), но и они наследовали свою мудрость от других. Первый собор был призван частично повторить деяния предшествующих (синодов), второй принял первый как схему и образец, а для третьего примером служил второй. . . и (таким образом, все) предшествующие были учителями для последующих. А ты, атлет благочестия (обращение к Михаилу III, официально председательствовавшему на соборе. — К. А.), какой пример ты имел в виду, выступая новым творцом этого святого дела? Какого учителя ты нашел? К какому вождю ты себя причисляешь? За каким проводником ты последовал? — Очевидно, конечно, что и в этом таинстве вдохновителем твоим был наш общий господь и творец всего сущего. Ибо не только в присутствии людей и ангельского хора, но также, кажется, и в присутствии самого господя, взиравшего сверху и увенчивающего победу, провозглашен был триумф над всеми ересями»²⁵.

Отвлекаясь пока от тех исторических реалий, которые затрагиваются в этом отрывке, отметим ряд характерных выражений, представляющих сейчас непосредственный интерес. В кристально ясной форме прослеживаются два первых выделенных нами экзегетических принципа. Кроме того, утверждается, что каждый собор повторял предшествующий как свою «схему и образец», тогда как ныне заседавший синод был вдохновлен и воспользовался «примером» самого господя.

Выявляется и любопытная связь между этими тезисами. Оперируя категориями «образа и прототипа» в качестве логической связки, Фотий,

²¹ Grabar A. L'iconographie de la Pentecôte, p. 616.

²² Walter Ch. Op. cit., p. 225.

²³ Mango C. The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge, Mass., 1958, p. 297—306.

²⁴ Учитывая коррективы, предложенные К. Манго, гомилии Фотия цитируются по изданию: Τοῦ ἐν ἁγίῳ πατρὸς ἡμῶν Φωτίου . . . λόγοι καὶ ὁμιλίαι ὀρθοδόξοντα τρεῖς / Ed. S. Aristarches. Constantinople, 1900. V. I, II. Заглавие XVIII гомилии — v. II, p. 314.

²⁵ Ibid., p. 321—322.

в сущности, объединяет первый принцип (вдохновение св. духа) со вторым (председательство Христа) в единое целое. Это позволяет автору сделать выразительную эмфазу на особенной, прямой боговдохновенности деяний данного собора. Мало того, что он, подобно предшествующим синодам, «созван св. духом», — важно, что в отличие от них он получил свою «схему и образец» не от предыдущего собора, а от «самого господина!» По смыслу своему это утверждение уже достаточно близко напоминает предполагаемую нами символику сцены Пятидесятницы в южной галерее. Близость становится особенно очевидной, если вспомнить, что, согласно представлениям той эпохи, именно «сам Христос» вдохновил апостолов в день сошествия св. духа и «привел народы к познанию истины через огненные языки»²⁶. Следовательно, этот сакраментальный эпизод новозаветного повествования, действительно, расценивается как вполне подходящие «схема и образец» для созванного Фотием собора.

Однако сама Пятидесятница в гомилии не упоминается; не содержится в ней и третьего выделенного нами экзегетического принципа — уподобления синодов церкви апостольскому консилиуму. Впрочем, опустив этот третий принцип, автор, кажется, компенсирует его отсутствие тем, что уподобляет творцу самого императора, «нового творца этого святого дела» (уподобление имеет в сущности тот же смысл, поскольку император официально председательствовал на соборе). В пользу высказанного только что предположения может свидетельствовать то обстоятельство, что в канонах VII Вселенского собора, из которых Фотий, вероятно, почерпнул два первых принципа, содержится и характерный образец уподобления василевсов апостолам в качестве их «последователей и соратников»²⁷. Причем ближайшим контекстом для этой фразы служит пассаж, посвященный сошествию св. духа на апостолов и их миссии обращения народов. Вероятность того, что Фотий опирался именно на эти каноны, достаточно велика — и не только потому, что на протяжении почти всей своей сознательной жизни он боролся за общецерковную ратификацию деяний VII собора²⁸, но и по той простой причине, что превозносимый в XVIII гомилии собор 867 г. как раз и являлся одним из важнейших этапов этой борьбы²⁹.

Можно, таким образом, заключить, что выделенный фрагмент гомилии не только сам по себе выступает весьма яркой текстуальной параллелью к мозаикам, но и заслоняет собой или, точнее, поглощает собой, вбирает в себя аналогичные параллели в канонах VII собора.

Сказанным не исчерпывается значение XVIII гомилии. В ее тексте обнаруживается еще один важный, в плане данного исследования, пассаж — своего рода теологическая «сумма» Фотия, демонстрирующая его богословское кредо. Поясняя смысл одержанного на соборе «триумфа над всеми ересями», патриарх провозглашает бога-сына единосущным своему отцу, а дух — включенным «вместе с ними в то же верховное божество»; «слово, которое приняло плоть от девы для общего спасения нашего рода, не отделяется от верховного божества; их естества остаются неслиянными и воля каждого наблюдается действующей согласно своей природе»³⁰. Нетрудно убедиться, что декорация галерей Св. Софии может оцениваться как прямая иллюстрация этой догматической посылки. Образ Христа-Пантократора в окружении серафимов и херувимов олицетворяет единосущность бога-отца и бога-сына, сцена Пятидесятницы рядом «включает»

²⁶ Именно такая формулировка содержится в аккламациях димов во время императорского богомолья в день Пятидесятницы. См.: *De serim.*, I, 9, 59. Датируются тексты этих аккламаций 860-ми годами. См.: *Беллев Ф. Д. Byzantina*. СПб., 1893, т. II, с. XL.

²⁷ *Mansi*, XIII, 401.

²⁸ *Иванцов-Платонов А. М.* К исследованиям о Фотии. СПб., 1895, с. 27, 121—230. Ср.: *Dvornik F. The Photian Schism*. Cambridge, Mass., 1948, p. 191 sq.; *Idem. The Patriarch Photius and Iconoclasm*. — *DOP*, 1953, 7, p. 92 sq.

²⁹ *Mango C. The Homilies of Photius ...*, p. 297—306. (там же — и литература вопроса).

³⁰ *Ed. S. Aristarches*, v. II, p. 319.

сюда св. дух, а неслиянность ипостасей выразительно поясняется в северной галерее сценой крещения.

Следовательно, текст XVIII гомилии предоставляет близкие по смыслу литературные параллели к обоим аспектам символики мозаик галерей — как для их связи с функцией южной галереи, так и для тринитарной тематики их иконографической программы, обнаруженной ранее посредством анализа роли сцены Пятидесятницы в непосредственном иконографическом контексте. Создается впечатление, что мозаики могли послужить своеобразным мемориалом собора, созванного Фотием.

Впрочем, не следует спешить с выводами. Ведь приблизительно через две недели после того, как собор завершил свою работу, Фотий был низложен с патриаршего престола, а соборные каноны по распоряжению Василия I конфискованы³¹. Это явилось следствием общего изменения политического курса правительства в результате совершенного Василием дворцового переворота. Конфискация патриаршего архива и низложение Фотия последовали за убийством Михаила III и захватом престола Василием³². Следовательно, если предположить, что мозаики галерей Св. Софии были призваны увековечить деяния собора 867 г., в качестве наглядного «двойника» XVIII гомилии, то совершенно очевидно, что у Фотия просто-напросто уже не оставалось времени для осуществления такой инициативы. Приписывать же ее Василию I или новому патриарху Игнатию было бы абсурдом: созванный Игнатием собор 869—870 гг. подтвердил осуждение Фотия и объявил каноны 867 г. недействительными³³. Конечно, можно было бы допустить и обратную последовательность событий: мозаики могли быть выполнены до созыва собора 867 г. как декорум для его заседаний. Отвергать такую возможность нельзя, хотя в ее пользу, кажется, можно выдвинуть лишь один аргумент: из XVII гомилии того же Фотия известно, что работы по украшению Св. Софии мозаиками начались еще в марте 867 г.³⁴ Однако и этот аргумент имеет более чем относительную ценность, поскольку в тексте XVII гомилии описывается только образ богородицы в апсиде храма и не содержится ничего, даже отдаленно напоминающего те аспекты декоративного замысла, о которых идет речь. В то же время могут быть выдвинуты и серьезные контрдоводы: если акты собора 867 г. были уничтожены³⁵ и официально объявлены неканоническими, то возникает вопрос, почему не были уничтожены вместе с ними и мозаики — их вещественная реликвия. Здесь мы уже становимся на зыбкую почву чисто умозрительных гипотез и не столько о событиях или поступках, сколько о возможности таковых.

Другое соображение, склоняющее нас не торопиться с выводами, состоит в том, что не стоит переоценивать и собственное значение тех литературных параллелей к мозаикам, которые содержатся в XVIII гомилии. Все-таки новозаветный «апостольский консилиум» не объявляется здесь прообразом созванного Фотием собора. Налицо, так сказать, необходимые догматические предпосылки для такой прокламации, но она сама в тексте отсутствует. Кроме того, сосуществование двух обсуждаемых аспектов символики декоративной программы остается пока что механическим совмещением внутренне никак не связанных между собою элементов. Разумеется, такое совмещение служило бы достаточным аргументом, если бы могла быть доказана мемориальная функция мозаик по отношению к канонам 867 г., но для такого вывода нет оснований.

Следовательно, текст XVIII гомилии Фотия проливает определенный свет лишь на возможные предпосылки интересующей нас иконографической инициативы. Вопрос о том, какие факторы могли способствовать реализации этих предпосылок, остается открытым. Прежде чем попытаться

³¹ См.: *Mango C. The Homilies of Photius . . .*, p. 21—22, 297—306.

³² *Ibid.*

³³ *Mansi, XVI, 384. Cp.: Liber Pontif/Ed. L. M. O. Duchesne, II, p. 179.*

³⁴ *Mango C. Homilies of Photius, p. 279—285.*

³⁵ *Mansi, XVI, 384 C; Liber Pontif., II, 179.*

ответить на него, нужно удостовериться в том, что сделанные наблюдения и выводы по крайней мере не противоречат известным иконографическим традициям византийского монументального искусства. Для этого необходимо сопоставить мозаику с тем единственным образцом сцены Пятидесятницы в монументальном искусстве, который датируется более ранним временем. Это — декорация Сионской базилики, некоторые сведения о иконографии которой удается почерпнуть в двух ее описаниях: одно было составлено армянским паломником в VII в., а другое — Иоанном Фокой в XII в. Согласно этим описаниям³⁶, сцена Пятидесятницы помещалась в апсиде храма, купол которого, по свидетельству армянского автора³⁷, украшало изображение Тайной вечери.

Использование именно этих сюжетов для декорации церкви, являвшейся мемориалом апостольского Кенакля, делает совершенно прозрачным характер декоративного замысла. В мартирии Кенакля изображаются именно те два сакральных события «священной истории», которые, согласно древнейшей традиции истолкования текста Писания, якобы и имели место в стенах Кенакля. Мемориальная функция образов не вызывает сомнений, но, возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что текст Писания устанавливает между этими эпизодами также и смысловую, а не только чисто топографическую связь. Ведь в своей речи на Тайной вечери (Иоанн, гл. 14—16) Христос предсказал ученикам сошествие на них св. духа и «разъяснил» сущность этого события. Поэтому нельзя исключать, что выбор сюжетов декорации определялся и этим соображением.

Вполне вероятно, однако, что иконографическая тема мозаик Сионской базилики не исчерпывалась указанными аспектами. В экзегетической традиции апостольский Кенакль осмыслялся как «мать всех церквей»³⁸. Следовательно, мартирий Кенакля — прообраза, «начала» и «матери всех церквей» — выступал для христианского сознания свидетельством (μαρτυρ — букв.: свидетель) апостольских истоков церкви. Быть может, что и сцена Пятидесятницы в такой своей мемориально-мартирологической функции уже начинала приобретать тематическое звучание прообраза и прототипа церковных собраний. Дальнейшее развитие этой иконографической темы, вероятно, и оказалось возможным благодаря влиянию экзегетической традиции соборных актов, которая уточнила, какие собрания церкви здесь в первую очередь следует иметь в виду и каким именно образом проявляется их апостолический авторитет и «боговдохновенность» их постановления. Значит, иконографическая традиция не только не противоречит сделанным ранее выводам, но и полностью их подтверждает.

Однако по-прежнему остается неясным главное: если мозаики рассматриваемой здесь базилики и основные принципы синодальной экзегетики выступают достаточными предпосылками подобной иконографической инициативы, то почему она предпринимается лишь во второй половине IX в., притом именно в декорации Св. Софии, и вообще не имеет аналогий? Ни один другой известный нам в византийском монументальном искусстве образец сцены Пятидесятницы никак не связывается с темой церковных соборов. Безусловно, текст XVIII гомилии Фотия позволяет проследить весьма энергичное развитие этих предпосылок — развитие, которое в принципе было достаточным для догматического обоснования изучаемой иконографической инициативы. Это тем более примечательно, что состав декорации Сионского храма, по-видимому, мог быть известен Фотию³⁹.

³⁶ *Ioannes Phocae. Descriptio Terrae Sanctae.* — PG, t. 133, col. 941. Ср.: *Baumstark A. Il mosaico degli apostoli nella chiesa abbaziale di Grottaferrata.* — *Oriens Christianus*, 1904, IV, p. 145 ff.

³⁷ *Heisenberg A. Ikonographische Studien.* München, 1922, S. 99.

³⁸ Например, Гильом Турский (PL, t. 201, col. 630 C). Ср.: *Evdokimov P. L'orthodoxie.* Neuchâtel; Paris, 1959, p. 126.

³⁹ А. Грабар убедительно показал, сколь яркое отражение получили памятники Святой земли в миниатюрах Хлудовской псалтири, изготовленных, по мнению ученого, в скриптории Фотия. Одним из аргументов в пользу такой атрибуции и выступает тот факт, что Фотий проявлял большой интерес к «святыням» Палестины.

Вполне вероятно, таким образом, что именно он мог осуществить мысленную контаминацию элементов иконографической и экзегетической традиций. Мог — но осуществил ли? И если — да, то когда и под воздействием каких конкретных факторов?

Учитывая, сколь впечатляющий, хотя и не решающий для наших целей материал был обнаружен в XVIII гомилии Фотия, в поисках ответа на эти вопросы естественно обратиться к канонам тех соборов, которые заседали в интересующий нас период в южной галерее Св. Софии. Прежде всего следовало бы, невзирая на все приведенные выше соображения, проанализировать акты собора 867 г., панегириком которым явилась XVIII гомилия. Однако каноны этого собора были не только изъяты, но и уничтожены по распоряжению Василия I. По этой причине мы и не могли поставить данный собор в один ряд с синодами 869 и 879 гг., каноны которых сохранились и однозначно свидетельствуют о том, что оба собора заседали в южной галерее Св. Софии. Акты Анти-Фотиева собора 869—870 гг.⁴⁰ не содержат ничего примечательного для нас, тогда как постановления собора 879—880 гг.⁴¹ приобретают исключительную и, пожалуй, определяющую ценность.

Немаловажно уже то обстоятельство, что собор этот был созван Фотием после его возвращения из ссылки и восстановления на патриаршем престоле в 877 г., но еще более значимо то обстоятельство, что собор 879—880 гг. следовал в своей деятельности по пути, проложенному собором 867 г., и добился в этом направлении решающих успехов, ознаменовав тем самым высший взлет церковно-политической карьеры Фотия⁴². Попытаемся, однако, сперва уяснить, какие логически независимые аргументы для нашей реконструкции могут предоставить сами тексты канонов 879—880 гг.

Здесь содержатся две одинаково важные в интересующих нас отношениях литературные параллели к мозаикам, аналогичные по смыслу тем, которые были обнаружены в XVIII гомилии. Первая параллель относится к связи мозаик с функцией южной галереи, а вторая проливает принципиально новый свет на тринитарную символику декоративной программы.

Первая параллель содержится в актах пятого заседания собора, посвященного общецерковной ратификации канонов VII Вселенского собора — тех самых, которые, как мы полагаем, послужили Фотию источником традиционных экзегетических формул, «творчески» использованных им в цитированном пассаже XVIII гомилии. Сама по себе ратификация канонов VII собора — сюжет не новый. Борьба за их общецерковное признание проходит красной линией через весь жизненный путь Фотия. Как раз с этой целью им был созван собор 861 г.⁴³⁻⁴⁴, та же задача стояла в повестке дня собора 867 г., о чем свидетельствует сам Фотий в своем окружном послании патриархам восточных церквей⁴⁵, написанном и разосланном адресатам накануне созыва собора. Однако решающий и затем уже необратимый успех сопутствовал патриарху лишь на пятом заседании собора 879—880 гг. Какое значение придавалось этому обстоятельству, очевидно уже из заглавия его актов: «Каноны, сформулированные святым синодом, который собрался в прославленной церкви, названной именем премудрости божией догоса, и который подтвердил седьмой вселенский синод и опроверг всякую схизму и ересь»⁴⁶.

См.: Grabar A. Quelques notes sur les psautiers illustrés byzantins du IXe siècle. — Cahiers arch., 1965, XV, p. 61—82.

⁴⁰ Mansi, XVI, 300—413.

⁴¹ Ibid., XVII, 365—525.

⁴² Mango C. The Homilies of Photius..., p. 303—305. Ср.: Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч., с. 121—130; Jugie M. Les actes du synode photien de Ste-Sophie., — Echos d'Orient, 1938, 37; Dvornik F. The Photian Schism, p. 120—129, 159—201.

⁴³⁻⁴⁴ Dvornik F. The Patriarch Photius and Iconoclasm, p. 77 f., 92 f.

⁴⁵ Φωτίου τοῦ σοφωστάτου καὶ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἐπιστολαί/Ed. I. Balletta. L., 1864, p. 180—181.

⁴⁶ Mansi, XVI, 549 A.

Мотивы, определявшие такое отношение к деяниям VII собора, проясняются, если вспомнить, что их ратификация означала юридическое оформление окончательного разгрома иконоборческой ереси, тогда как само осуждение иконоборчества осмыслялось современниками — и прежде всего самим Фотием — как последний, завершающий шаг в формировании православной доктрины. Она обретала наконец полную догматическую завершенность, целостность и зрелость⁴⁷. Кроме того, могли сыграть свою роль и личные мотивы, поскольку патриарх Тарасий, под председательством которого заседал VII собор, приходился Фотию двоюродным дедом, а иконофильские взгляды составляли непоколебимую семейную традицию в их роду⁴⁸.

Рассматривая акты пятого заседания и само заглавие канонов 879—880 гг. в таком, единственно возможном для них, историческом контексте, трудно допустить, чтобы к 879 г. у Фотия полностью «выпало из памяти» то, что он говорил по аналогичному поводу в своем панегирике деяниям Синода 867 г. Выделенный нами пассаж об их «боговдохновенности» непосредственно следует в тексте XVIII гомилии за развернутым обличением иконоборческой ереси, сокрушить которую удалось наконец с помощью «христоролюбивых василевсов»⁴⁹. Фотий воздает похвалу синоду именно за то, что он «утвердил триумф над всеми ересями»⁵⁰ — выражение, которое двенадцать лет спустя повторяется почти буквально в заглавии канонов интересующего нас сейчас собора.

Поэтому можно предполагать, что если бы Фотий задумал составить панегирик деяниям и этого, триумфального для него, собора, то логика богословского «обоснования» его деяний была бы близка той, которая прослеживается в XVIII гомилии. Иными словами, сам собою возникает вопрос, не сыграли ли именно каноны собора 879—880 гг. ту роль по отношению к нашим мозаикам, которая ранее едва не оказалась приписана нами деяниям собора 867 г.? Может быть, мозаики и являются своего рода «визуальным панегириком», мемориалом одержанной наконец победы?

Обратимся ко второй текстуальной параллели, содержащейся в актах шестого заседания собора. Здесь обнаруживается канон, оговаривающий недопустимость любых изменений в формулировке тринитарной догматики, традиционное содержание которой столь выразительно иллюстрируется мозаиками галерей Св. Софии. Прежде чем углубиться в изучение этого фрагмента, отметим собственно методологическое значение того обстоятельства, что в одном и том же корпусе текстов — в канонах собора 879—880 гг. — присутствуют ближайšie литературные параллели для обоих выявленных аспектов идейного замысла декоративной программы. Это означает, что полученные совершенно независимо друг от друга результаты анализа сцены Пятидесятницы в ее непосредственном иконографическом контексте и результаты анализа ее связи с функцией южной галереи совпадают между собой и приводят нас к одному и тому же событию в церковно-политической жизни Константинополя. Если сходная ситуация с XVIII гомилией Фотия оказалась бесплодной в плане решения поставленных нами задач вследствие хронологических соображений, то на этот раз применительно к канонам 879—880 гг. никакого негативного исторического контекста нет: Фотий оставался патриархом вплоть до 886 г. — срок вполне достаточный для реализации подобного замысла.

Очевидно, указанный канон шестого заседания собора заслуживает более детального рассмотрения. Недопустимость внесения поправок

⁴⁷ Grabar A. L'art religieux et l'empire byzantin à l'époque des Macédoniens. — Ecole pratique des Hautes études. Annuaire, 1939—1940, p. 8 sq.

⁴⁸ Иванов-Платонов А. М. Указ. соч., с. 96. Ср.: Mango C. The Patriarch Photius and the Liquidation of Iconoclasm. — In: Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977, p. 133—140. Сам Фотий называл патриарха Тарасия своим πατρόςθεος. См.: PG, t. 102, col. 609 B.

⁴⁹ Ed. S. Aristarches, v. II, p. 320—325.

⁵⁰ Ibid., p. 314 — характерно, что и здесь эта фраза находит себе место в заголовке гомилии.

в Никейский символ веры мотивировалась здесь тем, что «удалять или добавлять (что-либо) означало бы, что символ веры, врученный нам изначально, несовершенен в том, что касается святой и единосущной Троицы». Как было показано В. Грюмелем⁵¹, сама эта формулировка, довольно неожиданная на фоне сложившейся практики соборных определений, свидетельствует о личной инициативе Фотия, под председательством которого заседал собор. Все, что нам известно о его догматической деятельности, подсказывает, что в данном случае Фотий имел в виду недопустимость включения в Символ догмата *filioque*, на котором настаивали тогда весьма влиятельные круги латинского духовенства. Этот догмат провозглашал исхождение св. духа не только от бога-отца, но также и от бога-сына, и такое дополнение к тексту Символа вызвало резкое противодействие константинопольской церкви и самого Фотия, усматривавшего в нем попытку умаления божественного достоинства св. духа, и возрождение тем самым духоборческой ереси⁵².

Правда, М. Жюжи поставил под сомнение новаторство Фотия по отношению к канонической традиции⁵³, но для нас сейчас важны не процедурные вопросы оформления соборных актов. Существенно самоосуждение догмата *filioque* на соборе — факт, не вызывающий никаких сомнений у подавляющего большинства исследователей, включая и М. Жюжи. Следует напомнить в связи с этим, что в трактате «О тайне св. духа», написанном уже после 886 г., Фотий ссылается в своем толковании пневматологической проблемы и в критике догмата *filioque* на каноны собора 879—880 гг., оговорившие недопустимость любых дополнений к Символу. Фотий подчеркивает, что папа Иоанн VIII был вполне солидарен с ним в этом вопросе, коль скоро папские легаты подписали каноны собора⁵⁴. Для того чтобы вполне оценить значение этой важной параллели к канонам шестого заседания — как, впрочем, и всей полемики о *filioque*, — необходимо проследить основные этапы развития конфликта.

Догматическая полемика между Константинополем и Римом теснейшим образом переплеталась с политической борьбой. Конфликт из-за *filioque* разгорелся лишь после того, как в новообращенную (в 864 г.) византийцами Болгарию стали проникать (с 866 г.) латинские миссионеры, проповедовавшие Символ веры в этой новой редакции⁵⁵. Фотий действовал весьма оперативно. В начале 867 г. был созван поместный собор константинопольской церкви, осудивший догмат *filioque* и всю деятельность папских миссионеров в Болгарии⁵⁶. Затем, опираясь на решения этого собора, Фотий развертывает подготовку к созыву нового вселенского собора, призванного своим авторитетом подтвердить сделанное. Этот синод собрался, как мы уже знаем, в августе—сентябре 867 г., и о его деятельности мы можем составить себе определенное представление по тексту Окружного послания Фотия, направленного патриархам восточных церквей, вероятно, еще в феврале того же года. В этом послании Фотий оповещает патриархов о созыве собора и предлагает им прислать своих легатов. Одновременно разъясняется и повестка дня собора, в которой выделяются три основных пункта: 1) осуждение догматических новшеств, проповедуемых латинянами в Болгарии — помимо *filioque*, это также строгий celibat клира, субботный пост и т. п.; 2) рассмотрение жалоб западного клира на папу Николая I, которые дополнительно ставят под сомнение его право занимать папский престол; третий пункт нам уже

⁵¹ Grumel V. Le décret du synode photien de 879—880 sur le Symbole de la foi. — *Échos d'Orient*, 1938, 37, p. 357—372, особенно p. 359—360.

⁵² Ibid. Ср.: Jugie M. Les actes du synode photien..., p. 89—99; Dvornik F. The Photian Schism, p. 194—197.; Mango C. The Homilies of Photius..., p. 22, 236—237.

⁵³ Jugie M. Origine de la controverse sur l'addition du *Filioque* au Symbole. — *Revue des sciences philos. et théol.*, 1939, 28, p. 379.

⁵⁴ De Spiritus S. *Mystagogia* / Ed. J. Hergenröter. Ratisbonae, 1857, § 89.

⁵⁵ В сочинениях Фотия нет никаких указаний на то, что он вообще что-либо знал о *filioque* до столкновения в Болгарии. См.: Jugie M. Origine de la controverse..., p. 374. Ср.: Dvornik F. The Photian Schism, p. 122.

⁵⁶ Φωτίου . . . Ἐπιστολαί, p. 167.

знаком — это требование общецерковной ратификации постановлений VII Вселенского собора, против которой к этому времени практически возражал только Рим⁵⁷.

Сформулированная Фотием программа, по всей вероятности, была реализована собором: выполнено было даже самое «сильное» требование Фотия — папа Николай низложен с престола. Однако в тексте XVIII гомилии полноценное отражение получил лишь разгром иконоборчества — главное условие «триумфа православия», тогда как полемика о filioque даже не упоминается. Если первое, несомненно, имело тогда более серьезное значение, то второе, возможно, покрывалось общей рубрикой «триумфа над всеми ересями»⁵⁸. Судить об этом с уверенностью трудно, но, по-видимому, Фотий имел свои соображения о том, как распределить акценты. Важно оценить контраст: в 879—880 гг. он, судя по всему, рассуждал иначе, коль скоро проблематике filioque было уделено такое внимание на шестой сессии собора, а затем, уже после 886 г., Фотием был посвящен этой теме целый трактат.

Теперь, проследив развитие событий, мы можем наконец понять, сколь значим в интересующем нас разрезе отмеченный выше пассаж этого трактата, где Фотий ссылается на каноны, подписанные папскими легатами, в особенности если вспомнить судьбу канонв 867 г.: после низложения Фотия и восстановления дружественных отношений с Римом один из конфискованных экземпляров этих канонв был отправлен в Рим, где его торжественно сожгли на площади перед базиликой Св. Петра, тогда как другой экземпляр с не меньшей помпой сожгли накануне открытия восьмой сессии Анти-Фотиева собора в том же 869 г.⁵⁹ Такой исторический фон помогает не только убедиться в содержании догматической инициативы Фотия на шестой сессии собора 879—880 гг., но и уяснить причины, по которым патриарх придавал исключительное значение цитированному канону этой сессии.

Разумеется, значение собора не исчерпывается принятием данного канона: его деятельность имела весьма широкий характер, что позволило Фотию называть его «братом вселенских соборов»⁶⁰. Он действительно явился не только личным триумфом Фотия, но и существенной вехой в истории самой византийской церкви — вехой, ознаменовавшей собою, пожалуй, беспрецедентный успех Константинополя в его конфронтации с Римом⁶¹.

Фотий сумел добиться на соборе удовлетворения всех основных своих требований. Как уже говорилось, были ратифицированы наконец каноны VII Вселенского собора. Папские легаты действительно подписали акты всех сессий, в том числе и шестой. Получил приемлемое для Константинополя компромиссное решение и «болгарский вопрос» (впоследствии это решение оказалось практически перечеркнутым)⁶². Кроме того, был осужден делибат клира, а также от лица римской кафедры подписано обязательство не добиваться для себя впредь каких-либо новых привилегий⁶³.

Следовательно, программа 867 г. не только была выполнена целиком, но и значительно расширена в тех же принципиальных направлениях. Экспансия папства на Восток и его притязания на «вселенское главенство» в церковных делах получили определенные юридические ограничения — хотя официально Фотий отнюдь не отрицал примат «престола Петра»⁶⁴. Пусть

⁵⁷ Ibid., p. 165—181.

⁵⁸ К. Манго объясняет это жанровым своеобразием гомилии — торжественного панегирика, в котором едва ли было уместно останавливаться на «частностях». См.: *Mango C. The Homilies of Photius...*, p. 302—304.

⁵⁹ *Liber Pontif. / Ed. L. M. O. Duchesne, II, 179; Mansi, XVI, 384 B—C. Ср.: Nicetas Paphlago. Vita Ignatii. — PG, t. 105, col. 540—541.*

⁶⁰ Φωτίου... 'Επιστολαί, p. 204—216.

⁶¹ *Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч., с. 121—130.*

⁶² *Dvornik F. The Photian Schism, p. 202—216.*

⁶³ На соборе был решен и ряд вопросов внутренней жизни константинопольской церкви, но эта тема выходит за рамки обсуждаемой здесь проблематики.

⁶⁴ *Jugie M. Photius et la primauté de St. Pierre et du Pape. — Bessarione, 1919, XXIII, p. 123—129; Mango C. The Homilies of Photius..., p. 40, 312.*

и весьма недолговечный, но все-таки очевидный успех Константинополя был оформлен как преодоление схизмы и «восстановление церковного единения» между Константинополем и Римом — на условиях, в значительной мере продиктованных Константинополем и заметно расширивших его самостоятельность в церковных делах⁶⁵.

Помимо осуждения *filioque* и ратификации постановлений VII Вселенского собора, непосредственный интерес для нас представляет и решение «болгарского вопроса», поскольку оно позволяет увидеть в новом свете включение в иконографическую схему Пятидесятницы в мозаике южной галереи мотива «народов» и книг в руках апостолов. Эти иконографические детали могут теперь связываться не только в общем виде с активизацией миссионерской деятельности Константинополя в тот период, но и непосредственно с компромиссом в «болгарском вопросе» на соборе 879—880 гг.

Таким образом, активная роль собора в качестве наиболее вероятного стимула анализируемой иконографической инициативы начинает прослеживаться не только в сюжетной ткани декорации галерей, но и в особенностях изобразительного воплощения замысла. Одна и та же иконографическая тема получает свое выражение в обоих структурных компонентах иконографического типа.

Особенно впечатляет то обстоятельство, что в иконографии мозаик галерей тринитарная символика фокусируется именно вокруг пневматических аспектов соответствующей догматики, как это наблюдается и в цитированном пассаже канонов шестой сессии собора. Мозаики буквально «поясняют» недопустимость включения в Символ догмата *filioque* с точки зрения того, «что касается святой и единосущной троицы». Сцена Пятидесятницы предельно наглядно иллюстрирует никейскую формулировку догмата: св. дух исходит от бога-отца, знаменуемого этимасией, небесным престолом (рис. 5) — традиционным в христианской иконографии символом неизобразимого божества. Размещение хотя и рядом, но уже на соседнем своде образа Христа-Пантократора подчеркивало, что при всей единосущности бога-отца и бога-сына (серафимы и херувимы на парусах) последний, в отличие от бога-отца, все-таки не является источником св. духа. Сцена Крещения в северной галерее развивала эту тему далее, фиксируя взаимное соотношение всех трех ипостасей: голубь св. духа спускается от отца на сына, когда тот принимает крещение.

На первый взгляд смысловая аналогия между мозаиками и текстом может показаться здесь не более яркой, чем это наблюдалось применительно к XVIII гомилии Фотия, но лишь на первый взгляд. Полемика о *filioque* в этой гомилии даже не упоминается. Параллели между мозаиками и воспроизведенными пассажами этой проповеди не позволяли проследить внутреннюю связь между тринитарной символической мозаикой и их связью с функцией южной галереи. Только каноны шестого заседания собора 879—880 гг. дают возможность прояснить эту связь и понять определившие ееображения и мотивы: по всей вероятности, именно вопрос о *filioque* явился здесь естественным связующим звеном.

Складывается впечатление, что заседание церковного собора уподобляется «апостольскому консилиуму» в день сошествия св. духа именно постольку, поскольку имеется в виду вполне конкретный церковный синод — тот, который провозгласил недопустимость искажений традиционного толкования пневматологических аспектов тринитарной догматики. В силу этого данный собор, его каноны и могли трактоваться редактором декоративной программы как «истинный образ» новозаветного «прототипа», в качестве которого был использован эпизод Пятидесятницы как наиболее наглядная каноническая формула «Таинства исхождения св. духа». Вероятно, именно такой замысел лежал в основе изображения Пятидесятницы на своде помещения, где заседал собор. Остальные мозаики

⁶⁵ Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч., с. 126; Dvornik F. The Photian Schism, p. 190—192, 202—210.

галерей «поясняли» — в соответствии с «духом и буквой» соборного определения — органическую связь пневматологии с другими аспектами тринитарной проблемы.

Мотивы такой иконографической инициативы вполне прозрачны: помещая на своде южной галереи изображение новозаветного «прототипа», Фотий, вероятно, стремился еще раз подчеркнуть истинность и каноничность «образа» (определений созванного им собора), в первую очередь в том, что касается Троицы, т. е. вопроса о *filioque*. В контексте представлений о боговдохновенности соборных деяний эта мозаика могла означать: св. дух на синоде как бы сам свидетельствовал собравшейся епископской ассамблее о таинстве своего исхождения. В целом же вся декорация галерей представляла собой своеобразный иконографический комментарий к постановлениям шестой сессии собора, комментарий, выдержанный в свойственном Фотию ключе.

Подводя итоги первому этапу исследования, можно заключить, что мозаики галерей представляют собой единое смысловое целое. Они иллюстрируют и комментируют деяния собора 879—880 гг., выступая их своеобразным мемориалом. Такая интерпретация позволяет объяснить как отбор и локализацию отдельных сюжетов, так и взаимную их связь между собой. Важно и то, что отражение в мозаиках проблематики соборных актов прослеживается одновременно во всех трех структурных компонентах иконографического целого: в его сюжетике, в выявляемой тринитарно-пневматологической тематике и в самом изобразительном воплощении идейного замысла.

Правда, в этой последней плоскости получает свое место в целой картине главным образом общий строй иконографических схем мозаик. На уровне иконографических деталей в этот символический комплекс вписываются пока лишь три элемента: мотив «народов», книги в руках апостолов в сцене Пятидесятницы и фигуры херувимов и серафимов вокруг образа Пантократора. Следовательно, вопрос о более детальном анализе иконографии мозаик в принципе остается открытым. Это и понятно: ведь еще не затрагивались уникальные особенности иконографии Пятидесятницы и мозаика эта не сопоставлялась с ее ближайшей иконографической аналогией в миниатюрах парижской рукописи гомилий Григория Назианзина.

Что же касается предполагаемой мемориальной функции мозаик, чрезвычайно важной для их точной датировки в хронологических рамках второго патриаршества Фотия (877—886 гг.), — ибо, строго говоря, пока что нельзя исключать исполнение мозаик и накануне собора, — то в пользу такого взгляда, кажется, могут свидетельствовать два аргумента. Первый из них — это функциональная, а отчасти и тематическая аналогия с декорацией Сионской базилики. Второй аргумент содержат материалы письменных источников, свидетельствующие о том, что начиная с 867 г. тринитарно-пневматологическая проблематика постепенно занимала все более заметное место в богословской деятельности Фотия и оказалась в центре его внимания уже после собора 879—880 гг.

* * *

Прежде чем перейти ко второму этапу исследования — анализу уникальных иконографических деталей, необходимо сделать одну оговорку. Все предшествующие рассуждения опирались на бесспорное признание того факта, что сцена Пятидесятницы в Св. Софии является первым в постиконоборческое время примером использования этого сюжета в декорации храма. Между тем ряд исследователей оспаривает приоритет Св. Софии, и если мы не сможем убедиться в бездоказательности приводимых ими аргументов, то все изложенное ранее немало потеряет в своей убедительности. Во всяком случае, может показаться сомнительной внутренняя логика самого каузативно-иконографического подхода.

Приоритет Св. Софии в указанном смысле оспаривается в пользу двух ансамблей — мозаик храма Св. Апостолов и церкви Богородицы Источника⁶⁶, однако выдвигаемые аргументы не выдерживают критики. О сцене Пятидесятницы в храме Св. Апостолов сообщает лишь Николай Месарит (XII в.)⁶⁷. В более раннем описании мозаик, составленном в середине X в. Константином Родиём, Пятидесятница не упоминается⁶⁸. К. Манго склонен объяснять это тем, что описание Родия дошло до нас в неполном виде, а создание самих мозаик относит (если и не целиком, то в какой-то их части) ко времени архитектурной реставрации храма, предпринятой Василием I (867—886 гг.)⁶⁹.

Сама по себе произвольность обоих предположений совершенно очевидна, но можно убедиться и в малой их правдоподобности. Поскольку сведения о реставрации храма Св. Апостолов извлекаются из *Vita Basilii* Константина Багрянородного⁷⁰, нельзя игнорировать тот факт, что, упоминая об этой реставрации, автор ни словом не касается мозаик. Между тем в предыдущем параграфе этого текста, описывая реставрацию Св. Софии после землетрясения 869 г., он особо останавливается на мозаике западной подпружной арки храма, выполненной, как он утверждает, по ходу реставрационных работ⁷¹. На этом фоне умолчание о мозаиках храма Св. Апостолов было бы более чем странным. Следовательно, нет серьезных оснований не только предполагать, что сцена Пятидесятницы изначально фигурировала в составе ансамбля, но и датировать эти мозаики временем реставрационных работ Василия I.

Если даже допустить подобную интерпретацию источников, приоритет мозаик храма Св. Апостолов остается весьма сомнительным и в принципиальном отношении, с точки зрения роли и места сцены Пятидесятницы в составе ансамбля. В обоих описаниях мозаик речь идет о развернутом евангельском цикле: лишь в его рамках и фигурирует у Николая Месарита обсуждаемый сюжет. Он выступает здесь в качестве рядового эпизода новозаветного повествования, который никак не выделяется среди других и не раскрывает свою самостоятельную смысловую ценность. Иными словами, включение сцены Пятидесятницы в декоративную программу в данном случае не связывается с собственным содержанием этого сюжета, с его иконографической темой, а потому и не может оцениваться как иконографическая инициатива в принятом значении этого понятия.

Не менее сомнительны доводы в пользу приоритета мозаик церкви Богородицы Источника. Их датировка временем до 879 г. (т. е. до смерти старшего сына Василия I — Константина) опирается на одну из эгидграмм Палатинской антологии, по всей вероятности современную мозаикам⁷². Однако, согласно этому описанию, церковь была украшена изображениями евангельского цикла из пяти сцен, среди которых Пятидесятница не упоминается. К. Манго предполагает, впрочем, что и здесь список может быть неполон⁷³. Допустить, что в нем должна была бы фигурировать также и сцена Пятидесятницы, позволяет другое описание мозаик, в котором затрагиваются вообще только два сюжета: Пятидесятница — в апсиде и Благовещение — «справа от нее, на арке»⁷⁴. Разумеется, в таких условиях контаминация двух текстов совершенно неправомерна: сообщаемые ими сведения никак «не пересекаются» между собой. Кроме того, второй текст позволяет определить лишь *terminus post quem* исполнения этих мозаик, поскольку указывается, что украшение храма производилось параллельно с реставрационными работами после землетрясения 869 г. —

⁶⁶ Например: *Heisenberg A. Apostelkirche. Leipzig, 1908, S. 197, 203—207.*

⁶⁷ Описание Николая Месарита см.: *Mango C. The Art of the Byzantine Empire. 312—1453. Sources and Documents. Englewood-Cliffs, 1972, p. 232 sq.*

⁶⁸ Описание Константина Родия — *Ibid.*, p. 200 sq.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 199—200.

⁷⁰ *Vita Basilii*, § 80.

⁷¹ *Ibid.*, § 79.

⁷² *Anthologia graeca, I, 109—116.*

⁷³ *Mango C. The Art of the Byzantine Empire, p. 200.*

⁷⁴ *Ibid.*, p. 201—202; *Acta Sanctorum, Nov., vol. III, p. 882.*

увы, без уточнения, когда же именно ⁷⁵. Константин Багрянородный в *Vita Basilii* упоминает о реставрации этой церкви Василием I, но о мозаиках не говорит ни слова ⁷⁶. Молчит о них и Никита Пафлагонский в своей *Vita Ignatii*, охватывающей события до смерти патриарха Игнатия (877 г.), хотя также останавливается на землетрясении 869 г. и его последствиях ⁷⁷.

Следовательно, даже допуская, что мозаики церкви Богородицы Источника могли быть созданы в 877—879 гг. (лакуна у Константина Багрянородного в этом случае могла объясняться тем, что мозаики создавались по инициативе не императора, а Фотия, деятельность которого Константин систематически замалчивает ⁷⁸), нет оснований предполагать, что к этому же времени относится и появление в ансамбле сцены Пятидесятницы. Скорее всего, она была включена в декоративный цикл позднее, как это было в храме Св. Апостолов. Аналогичным же образом принципиально значим тот факт, что в церкви Богородицы Источника мозаики тоже составляли развернутый повествовательный цикл.

Сопоставляя эти примеры между собой, можно заключить, что в обоих случаях иконографической инициативой выступает не включение сцены Пятидесятницы в декорацию храма, а появление на стенах церквей, впервые в постиконоборческое время, развернутых евангельских циклов. В числе их эпизодов в какой-то момент стала фигурировать и сцена Пятидесятницы. Быть может, одной из предпосылок этого и явилось становление ее новой иконографии, приспособленной к условиям экспозиции в интерьере храма; когда привлечение данного сюжета определялось какими-либо специфическими соображениями. Мозаика Св. Софии, по-видимому, и могла здесь послужить исходным образцом.

* * *

Убедившись в необоснованности попыток опровергнуть приоритет Св. Софии в интересующем нас отношении, мы можем продолжить анализ мозаик южной галереи, сосредоточив внимание на неповторимых особенностях иконографии Пятидесятницы в этом ансамбле. Судя по рисунку (рис. 5) и сопровождающим заметкам Г. Фоссати ⁷⁹, этой мозаике присуща была уникальная иконографическая деталь, не имеющая аналогий в истории христианской иконографии (разумеется, в рамках доступного нам археологического материала). У подножия престола здесь были представлены младшие апостолы — Фома и Филипп, а не апостолы-корифеи Петр и Павел или Петр и Андрей, как это наблюдается во всех случаях, когда удается опознать отдельных апостолов в этой сцене ⁸⁰.

К. Манго считает, что Г. Фоссати просто допустил ошибку, которая могла возникнуть из-за необычной ориентации всей композиции, обращенной, как и медальон с образом Пантократора на соседнем своде, в сторону востока — навстречу императорским процессиям ⁸¹. Исследователь полагает, что, развернув соответствующим образом престол в центре композиции, Г. Фоссати не сделал этого по отношению к кольцевому фризу с апостольскими фигурами, сохранив, таким образом, привычное для иконографии Пятидесятницы размещение младших апостолов — Фомы и Филиппа — в западной части свода. Именно поэтому они и оказались помещенными у подножия престола.

Искусственность такого объяснения очевидна. Совершенно непонятны причины, которые могли побудить художника разлагать единую композицию на отдельные элементы, перенося по частям на свой рисунок престол и апостольский фриз, причем Г. Фоссати зарисовывал ведь не всю мозаику целиком, а только сохранившийся к тому времени фрагмент ее, включав-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ *Vita Basilii*, § 80.

⁷⁷ *Nicetas Paphlago. Vita Ignatii*. — PG, t. 105, col. 549A.

⁷⁸ *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. соч., с. 66—68.

⁷⁹ *Mango C. Materials...*, p. 38, pl. 32.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid., p. 37—38.

лий нижнюю часть престола и четыре ближайших к его подножию фигуры апостолов. Фрагмент этот целиком помещался в поле зрения художника, и его внешний контур отчетливо воспроизведен на рисунке (рис. 5). Ясно поэтому, что и само понятие «поворота» едва ли может быть здесь уместным. Г. Фоссати рисовал то, что находилось прямо перед его глазами; не было необходимости поворачивать голову, чтобы проследить образец, а следовательно, не было нужды и что-то поворачивать или разворачивать на рисунке. Нет никаких оснований и приписывать художнику стремление поместить фигуры Фомы и Филиппа на «привычном» для них месте: такой уровень иконографической компетенции, при котором складываются соответствующие «привычки», не прослеживается.

Если допустить, что перед нами не ошибка, а фиксация действительно уникальной иконографической детали, нужно попытаться найти ей объяснение. Здесь вновь перед нами несомненная *иконографическая инициатива*, и ее анализ должен осуществляться опять-таки логически независимым образом — по принятой нами схеме.

Иконографический контекст этой детали очевиден, но сам по себе он не позволяет понять ее значение. Визуальных аналогий данная модель не имеет. Следовательно, единственная возможность поиска — обращение к тому эпизоду Писания, который мозаика иллюстрирует. Однако в тексте Деян., 2, 1—8, где описывается изображаемое событие — сошествие св. духа на апостолов, ничто не проливает свет на интересующий нас вопрос. Лишь в Евангелии от Иоанна — единственный раз во всем корпусе новозаветных текстов — обнаруживается эпизод, перекликающийся с изучаемой иконографической деталью. На первый взгляд аналогия может показаться чисто внешней: она сводится к тому, что в данном пассаже Христос обращается с речью именно к Фоме и Филиппу. Однако поскольку уникальной иконографической детали здесь отвечает не менее уникальный эпизод новозаветного повествования, явно целесообразно рассмотреть возможности их сопоставления, хотя сцена Пятидесятницы, безусловно, иллюстрирует текст Деяний (14, 16—26; 15, 26—27; 16, 4). Отвечая на вопросы Фомы и Филиппа, Христос говорит здесь следующее: «И я умолю отца, и даст (он) всем другого утешителя, да пребудет с вами вовек, духа истины. . . не оставлю вас сиротами, приду к вам. . . в тот день узнаете, что я в отце моем, и вы во мне, и я в вас. . . Утешитель же, дух святой, которого пошлет отец во имя мое, научит вас всему и напомнит все, что я говорил вам» (14, 16—26). Особенно характерно завершение этого отрывка: «Когда придет утешитель, которого я пошлю вам от отца, дух истины, который от отца исходит, он будет свидетельствовать обо мне» (15, 26—27). Затем еще раз поясняется: «Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что я сказывал вам о том» (16, 4; курсив везде наш. — К. А.).

Христос предвозвещает своим ученикам грядущее сошествие на них св. духа, который «напомнит» им все только что сказанное. Поэтому неудивительно, что мозаика не только *изображает* сцену Пятидесятницы, но одновременно и *напоминает* пророчество Христа, предсказавшего это событие и разъяснившего его «мистическую сущность». Иными словами, непосредственный сюжет мозаики получает такую изобразительную трактовку, которая позволяет представить изображаемое событие именно в той его роли и значении, которые были «предсказаны» Христом. Средством изобразительного воплощения такого замысла, судя по всему, и явилось размещение у подножия престола фигур Фомы и Филиппа — «ближайших свидетелей» слов Христа. Уникальная иконографическая деталь выражает принципиально новую трактовку сюжета посредством отбора и комбинации его собственных элементов. Идейный замысел мозаики — воплощаемая ею иконографическая тема — прослеживается как в изобразительной, так и в сюжетной ткани иконографического целого.

Впрочем, новизна такой трактовки сюжета в известной мере относительна. Указанные пассажи евангельского текста представляют собой различные фрагменты речи Христа на Тайной вечери (Иоанн, гл. 14—16).

Упоминавшаяся выше декорация Сионской базилики, кажется, и в этом отношении выступает ближайшей аналогией данной мозаики. Иконографическому диптиху, состоящему из сцен Тайной вечери и Пятидесятницы, в южной галерее Св. Софии отвечает совмещение этих сюжетов в пределах одной композиции.

Приведенная аналогия еще раз подтверждает обоснованность предложенной выше интерпретации уникальной иконографии Пятидесятницы в мозаиках Св. Софии. Ценность этой аналогии тем более очевидна, что ранее декорация Сионской базилики предоставила нам важнейшую иконографическую параллель к другим аспектам декоративного замысла мозаик южной галереи — их мемориальному значению, связи с функцией украшения имени помещения. Мы вновь получаем свидетельство органического единства обоих основных аспектов декоративного замысла. В связи с этим уместно еще раз напомнить, что состав декоративной программы Сионского храма мог быть известен Фотию, а следовательно, и послужить исходным образцом при разработке плана декорации галерей Св. Софии.

Догматические предпосылки обеих иконографических инициатив легко прослеживаются в древнейших традициях византийской церкви — в порядке чинопоследования литургических чтений, установившегося, по всей вероятности, уже к середине V в.⁸² Указанные главы евангелия от Иоанна читались параллельно с соответствующими пассажами текста Деяний на протяжении последней декады пасхального цикла — от Вознесения до Пятидесятницы⁸³. Следовательно, обе декорации не только имели определенное догматическое содержание, но и могли служить иллюстрацией для соответствующих литургических чтений.

Что касается догматического содержания речи Христа на Тайной вечери, то оно, пожалуй, проливает наиболее яркий свет на идейный замысел декорации галерей Св. Софии. Указанные фрагменты евангельского текста представляют собой развернутое теологическое толкование тринитарно-пневматологической проблемы. Христос и св. дух трактуются здесь как равно поставленные в зависимость от бога-отца параллельные ипостаси Троицы, как два члена единой парадигмы богоявления, взаимно дополняющие друг друга. При этом совершенно однозначно определяется, что св. дух «от Отца исходит» и одновременно «свидетельствует» о сыне в качестве «другого утешителя», посланного «от Отца».

Следовательно, перед нами не только тот единственный евангельский эпизод, в котором Христос обращается к Фоме и Филиппу, — что соответствует внешним характеристикам иконографии нашей мозаики, — но и единственный фрагмент Писания, который непосредственно мог быть использован ортодоксальным богословием в борьбе против включения в Символ веры латинского догмата *filioque*. Он не только мог, но и должен был использоваться — в силу содержащихся здесь недвусмысленных указаний, вложенных евангельским текстом в уста Христа: все, сказанное учителем, было сказано именно для того, чтобы апостолы «вспомнили» эти слова, когда снизойдут на них огненные языки св. духа (14, 26; 16, 4).

О том, что предоставляемые евангельским текстом аргументы были в полной мере использованы Фотием, свидетельствует ряд его сочинений, в которых ключевую роль в доказательстве играют упомянутые евангельские пассажи (особенно 15, 26). Это — окружное послание Фотия 867 г.⁸⁴, письмо архиепископу Аквилеи (883—884)⁸⁵, «Вопросы к Амфилохию»⁸⁶

⁸² Этим временем датируется лекционарий армянской церкви в Иерусалиме (древнейший из известных восточнохристианских лекционариев), в котором евангельскими чтениями на Пятидесятницу указаны: Иоанн, 14, 15—31 и 16.5—15. См.: *Conybeare E. Rituale Armenorum*. Oxford, 1905, p. 525.

⁸³ *Ibid.* О том, что таков был порядок литургических чтений в Св. Софии в интересующей нас период, совершенно однозначно говорит текст Тихиха Великой Церкви. См.: *Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*. Киев, 1895, ч. 1, с. 146—148.

⁸⁴ *Φωτίου . . . Ἐπιστολαί*, p. 165—181, особ. § 16.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 182—202, особ. § 14—15.

⁸⁶ *Quest.*, 28, 49, 81, 88, 95, 99, 125, 159, 182, 183, 184, 188, 189, 190, 213, 235 (PG, t. 101).

(868—872 гг.) и, наконец, Мистагогия — трактат «О тайне св. духа» (после 886 г.)⁸⁷. Данные тексты фиксируют различные этапы полемики Фотия с латинскими богословами и на фоне известных нам исторических реалий выразительно объединяются между собой событиями, связанными с деятельностью константинопольского собора 879—880 гг.

Таким образом, наблюдения над уникальной иконографической деталью сцены Пятидесятницы полностью согласуются с полученным ранее выводом относительно связи мозаик галерей с актами шестой сессии этого собора и предоставляют в пользу такого вывода едва ли не решающий логически независимый аргумент (тем более что никакое другое объяснение данной детали невозможно).

Если первый этап исследования привел нас к выводу, что мозаика южной галереи символизировала собою «свидетельство св. духа на соборе о тайне его исхождения», то теперь мы убедились в том, что такая роль сцены Пятидесятницы опиралась на соответствующие указания евангельского текста. Мозаика напоминала высшему клиру столицы, «воспреемникам апостольского служения», о словах Христа, разъяснивших сущность изображаемого события — подобно тому, как само оно, согласно новозаветному повествованию, «напомнило» об этих же словах «апостольскому консилиуму». Предполагаемая нами ссылка на последний в качестве прообраза созданного Фотием синода наконец целиком раскрывает свое значение.

Следовательно, результаты исследования каждого из двух этапов, соответствующих двум уровням проявления иконографической инициативы, полностью совпадают, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

* * *

Однако этим выводом отнюдь не исчерпывается значение сделанных наблюдений. Смысловая целостность декорации галерей до сих пор прослеживалась лишь в общем виде: в единстве ее идейного замысла (воплощаемой иконографической темы), в отборе и сочетании сюжетов мозаик и в структуре их композиционных схем. На уровне иконографических деталей отмечались лишь три характерные особенности декоративной программы — образы «народов» и книги в руках апостолов в сцене Пятидесятницы и фигуры серафимов и херувимов вокруг полуфигуры Христа-Пантократора. Анализ роли и значения уникальной иконографической детали Пятидесятницы показал, что средством воплощения идейного замысла явилась и новая комбинация элементов самого сюжета: эпизод Деяний оказался совмещен с указанным пассажем Евангелия от Иоанна. Такое совмещение и позволяет заметно расширить представление о содержании декоративного замысла. Если иконографический контекст, предоставляемый остальными мозаиками галерей, послужил первоначальной точкой отсчета для реконструкции иконографической темы Пятидесятницы, то теперь, напротив, уникальная иконографическая деталь этой сцены позволяет углубить понимание догматического содержания всего ансамбля.

В первую очередь по-новому проясняются мотивы, которые могли обусловить размещение образа Христа-Пантократора рядом со сценой Пятидесятницы — на соседнем своде той же южной галереи. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить выделенный фрагмент евангельского текста. В нем утверждается, что исходящий от бога-отца св. дух «свидетельствует» о боге-сыне в качестве «другого утешителя» (15, 26—27), посланного одновременно и сыном от отца (15, 26), и отцом «во имя» сына

⁸⁷ De Spiritus S. Mystagogia, § 2—19. Разумеется, Фотий в этом не оригинален: аналогичные толкования 14—16 гл. Евангелия от Иоанна содержатся в десятках сочинений видных представителей восточной патристики IV—V вв. Фотий лишь возрождает древнюю традицию, что он и сам неоднократно подчеркивает.

(14, 26). Более того, подчеркивается, что сошествие св. духа на апостолов представляет собой, в известном смысле, мистическое возвращение на землю самого Христа (14, 18), позволяющее апостолам «вновь увидеть» его (16, 16), тогда как обосновываются все эти положения ссылками на единосущность ипостасей и единоначалие триединого божества (16, 13—15).

Так не естественно ли заключить, что именно этот комплекс идей и демонстрируется мозаиками, в которых образ Христа и сцена Сошествия св. духа размещаются рядом друг с другом, как два члена единой парадигмы богоявления?

Далее, этот же евангельский текст позволяет переосмыслить и характерные особенности иконографии самого Христа-Пантократора. Изображение ветхозаветных херувимов и серафимов наглядно подчеркивали единосущность бога-отца и бога-сына. Если на соседнем своде «единый» знаменовался престолом с евангелием в центре сцены Пятидесятницы, то естественной параллелью этому символу и выступал образ воплотившегося бога-сына в окружении атрибутов «единого». С этой точки зрения, помимо уже приведенных пассажей, можно указать еще один — в самом начале цитируемого фрагмента. Отвечая на недоумения Фомы («Господи! не знаем, куда идешь») и Филиппа («Господи! покажи нам Отца!»), евангельский Христос разъясняет: «. . .видевший меня видел отца. . . Я в отце и отец во мне. . . Я к отцу моему иду» (14, 8—12). Последняя фраза намекает на вознесение, и в конце своей речи Христос еще раз подчеркивает это (16, 28). Любопытно, что в тексте Деяний, описывающем события, которые последовали за распятием Христа, содержится явная ссылка на анализируемый евангельский текст. Непосредственно перед вознесением Христос говорит апостолам: «Ждите обещанного от отца, о чем вы слышали от меня» (Деян., 1, 4).

Возникает впечатление, что именно это место и иллюстрируется мозаиками. По логике вещей, вознесение Христа выступает необходимым условием и предпосылкой сошествия св. духа. Следовательно, было весьма целесообразно, с точки зрения ортодоксального богословия, увязать изображение Христа-Пантократора не только со сценой Пятидесятницы, но также и с Вознесением — необходимым промежуточным звеном в цепи событий, также предсказанным Христом на Тайной вечери и содержащим вполне недвусмысленную ссылку на этот евангельский текст. Предлагаемое здесь теологическое толкование предстоящих событий вполне позволяло расценивать их как теснейшим образом связанные и даже перетекающие друг в друга — в силу чего образ Христа-Пантократора в южной галерее и мог приобрести такой двойственный смысл.

Совмещая, таким образом, в своей изобразительной ткани уже не два, а целых три эпизода священной истории — речь Христа на Тайной вечери, вознесение и сошествие св. духа, мозаики южной галереи соединялись в единое целое, в своеобразный иконографический диптих. Разумеется, и в этом отношении все необходимые предпосылки подобной иконографической инициативы содержались в чинопоследовании литургических чтений последней декады пасхального цикла. Неразрывная связь между обеими частями диптиха соответствовала представлению о неразрывном единстве божественной сущности троицы.

Если совмещение этих трех эпизодов позволяло сделать акцент на каждой из трех ипостасей, то их совмещение в пределах именно двух композиций напоминало о принципиальной неизобразимости бога-отца, демонстрируя две единственно возможные формы богоявления триединого божества, тогда как отмеченный выше иконографический параллелизм небесного престола в сцене Пятидесятницы и образа Христа с атрибутами ветхозаветных видений еще раз напоминал о том, что источником обеих форм является бог-отец, т. е. «единоначалие» троицы, а решающим условием такой взаимосвязи ипостасей — само нераздельно-неслиянное единство триединого божества. Благодаря этому пневматология оказывалась нераз-

рывно связанной со всей проблематикой тринитарного догмата — в полном соответствии как обсуждаемому евангельскому тексту, так и духу и букве цитированного канона шестой сессии собора 879—880 гг.

Оценивая идейный замысел декоративной программы под таким углом зрения, мы получаем возможность поместить в тот же тематический контекст и сцену Крещения на восточном своде северной галереи. Вероятно, эта мозаика выступала естественной иконографической параллелью Пятидесятнице — в прямом соответствии к иллюстрируемому тексту Деяний (1, 5): «Иоанн крестил водою, а вы... будете крещены духом святым». Мистерия богоявления раскрывается как таинство посвящения, непосредственного приобщения благодати — неотъемлемого признака истинной теофании (Деян., 1, 8). Быть может, сыграло свою роль здесь и то обстоятельство, что именно такими хронологическими рамками — «начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который он вознесся от нас», — ограничивалась совместная жизнь апостолов с их учителем (Деян., 1, 22), тем более что вслед за этим пассажем и разворачивается повествование о событиях Пятидесятницы (2, 1—41).

Привлекает внимание и еще одна особенность иконографии Пантократора, собственная историко-художественная проблематика которой опять-таки логически независимым образом полностью подтверждает сделанные выводы. Полуфигура Христа в медальоне (см. рис. 1) — типичный образец иконографической формулы *imago clipeata*. Наиболее общая смысловая характеристика данной схемы состоит в том, что изображаемый в *clipeus* персонаж трактуется как физически отсутствующий, но психологически, морально или мистически сопresentствующий в изобразительном контексте⁸⁸.

Следовательно, эта иконографическая схема как нельзя более отвечает выявленному догматическому содержанию декоративной программы — таинству явления бога-сына в «огненных языках» св. духа. Любопытно с этой точки зрения, что в мозаике прослеживаются даже те смысловые нюансы, которыми формула *imago clipeata* обязана своим рождением в искусстве заупокойного культа и в иконографии официального искусства императорского двора эпохи поздней античности. Изображение покойного в *clipeus* было знаком его посмертного апофеоза, приобщения вечности, а образ императора в медальоне либо также символизировал его апофеоз, либо обозначал мистическое «присутствие» принца в его официальных портретах⁸⁹. В разбираемом случае Христос как раз и представлен, по всей вероятности, уже вознесшимся на небо, в своей вневременной единственности богу-отцу, в силу которой и оказывается возможным его мистическое явление в пламени св. духа. Следовательно, внутренняя логика иконографической схемы мозаики исчерпывающим образом отвечает ее догматическому содержанию, дополняя и обогащая изобразительное воплощение замысла, позволяя, в частности, «совместить» в изображении вознесение и «возвращение» бога-сына. К сожалению, сохранившийся рисунок К. Луса (рис. 2) не позволяет подвергнуть столь же детальному анализу иконографию сцены Крещения в северной галерее, хотя, вероятно, и здесь можно было бы сделать немало интересных находок.

В пользу развиваемой интерпретации свидетельствуют не только собственно иконографические соображения. Обнаруживаются и едва ли не ошеломляющие текстуальные параллели в трактате Фотия «О тайне св. духа». Только теперь мы получаем наконец возможность в полной мере оценить значение этого текста для датировки, атрибуции и интерпретации идейного замысла декоративной программы.

Титул этого произведения гласит: «О тайне святого духа... и о том,

⁸⁸ Grabar A. *Imago clipeata*. — In: *L'art de la fin...*, vol. I, p. 610.

⁸⁹ Ibid. Cp.: *L'Orange H. P. Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World*. Oslo, 1953.

что подобно тому, как сын, по церковному учению, единственно от отца зарождается, точно так же, согласно истинной теологии, и святой дух исходит именно тем же самым образом. Но дух означает сына, поскольку он с ним сущности единой и через него обнаруживается»⁹⁰. Реализовав намеченную программу и всесторонне обосновав эту формулу как в догматическом, так и в логическом отношении, автор подчеркивает в конце трактата, что отказ от нее равносильен отказу от догмата единосущности и единоначалия троицы⁹¹. Как мы видели, именно такая связь между ипостасями раскрылась в результате иконографического анализа мозаик.

Содержание трактата предоставляет ещё более яркие параллели и аналогии. Фотий обосновывает свои теологические взгляды поэтапно, рассматривая проблему под разными углами зрения. Для решения поставленных нами задач достаточно выделить три главных направления в аргументации⁹².

Исходным постулатом автору служит уже упоминавшийся выше пассаж Евангелия от Иоанна: «Дух истины, который от отца исходит, он будет свидетельствовать обо мне» (15, 26). Опираясь на «авторитет» этого «евангельского свидетельства», Фотий решительно опровергает все аргументы латинских богословов в пользу *filioque*⁹³. Безусловно, этот первый раздел трактата выступает ближайшей текстуальной параллелью к уникальной иконографической детали сцены Пятидесятницы.

Во втором разделе⁹⁴ Фотий подвергает критике наиболее «серьезные» возражения сторонников *filioque* — в первую очередь то, которое опиралось также на один из пассажей речи Христа на Тайной вечери («Когда же придет дух истины, то... прославит меня, ибо от моего возьмет». — Иоанн, 16.13—14). Вновь опираясь на основной постулат (15, 26), Фотий показывает, что *ἐκ τοῦ ἐμοῦ* в евангельском тексте совершенно неправомерно интерпретировать как *ἐξ ἐμοῦ*. Наличие артикля свидетельствует, что здесь употребляется отнюдь не личное местоимение, как понимают это место латинские богословы, а притяжательное, и, следовательно, имеется в виду не личность Христа в качестве источника св. духа, а нечто, чем обладает Христос⁹⁵. Что это такое, ясно из контекста разбираемой фразы: «все, что имеет отец, есть моё, потому я сказал, что от моего возьмет и возвестит вам» (Иоанн, 16. 15). На основании этого Фотий заключает: выражение *ἐκ τοῦ ἐμοῦ* раскрывает отнюдь не способ исхождения св. духа, как воображают латиняне, а лишь подчеркивает единосущность и единоначалие троицы, в силу которых дух «берет» у сына именно то, что последний имеет от отца⁹⁶. Поэтому утверждать, что дух исходит от сына, — значит отвергать догмат единоначалия троицы, согласно которому бог-отец является конечной «причиной и источником» как сына, так и духа⁹⁷.

Едва ли будет преувеличением сказать, что совершенно идентичный смысл имеет изобразительный комментарий к тем же самым пассажам евангельского текста в иконографическом диптихе мозаик галерей. Он совмещает те же три эпизода — речь Христа на Тайной вечери, Вознесение и Пятидесятницу. Предлагаемое Фотием понимание фразы «от моего возьмет» иллюстрируется с помощью иконографического параллелизма между Этимасией с Евангелием (символ бога-сына) в центре Пятидесят-

⁹⁰ De Spiritus S. Mystagogia, p. 3.

⁹¹ Ibid., § 96, p. 109.

⁹² Сам авторский текст разбит на 96 параграфов, в которых И. Гергенрөтер выделил восемь самостоятельных разделов в тексте. См.: *Hergenröter J. Photius Patriarch von Konstantinopel. Regensburg, 1867—1869, Bd. III, S. 158—160.* Конфессиональная ограниченность мышления этого эрудита совершенно очевидна, и предпринятый им анализ текста не представляет для нас интереса.

⁹³ De Spiritus S. Mystagogia, § 2—19.

⁹⁴ Ibid., § 20—47.

⁹⁵ Ibid., § 20—21, 23. Cp.: Ep. ad. Aquil., § 14—15.

⁹⁶ De Spiritus S. Mystagogia, § 21—22. Cp.: Ep. ad. Aquil., § 15.

⁹⁷ De Spiritus S. Mystagogia, § 24—29. Cp.: Quest. ad Amphil., 27—28. — PC, t. 101, col. 197—212.

ницы и образом Христа-Пантократора в *clipeus* с атрибутами ветхозаветных видений. В обоих случаях — в мозаиках и в тексте трактата — исхождение духа от отца и его «свидетельство» о сыне трактуются как непосредственное выражение нераздельно-неслиянного единства и «единоначалия» троицы. И это опять-таки полностью соответствует канонам шестой сессии собора 879—880 гг.

С тех же позиций опровергает Фотий и второй серьезный аргумент латинских богословов, почерпнутый из Послания апостола Павла галатам (4, 6). Выражение «дух сына» Фотий понимает как еще одно подтверждение сказанного им ранее, акцентируя еще раз единосущность ипостасей⁹⁸. К комментированию этого и аналогичных ему пассажей новозаветных текстов автор возвращается несколько раз, последовательно развивая свою теологическую концепцию⁹⁹.

Фотий выделяет шесть основных терминов, использованных в Писании по отношению к св. духу, группируя их в две категории. Выражения «дух бога», «дух отца» и «дух от бога» действительно подразумевают принцип исхождения св. духа, тогда как выражения «дух господя», «дух Христа» и, наконец, «дух сына» с тайной исхождения св. духа абсолютно никак не связаны¹⁰⁰. Кроме того, два выражения из этих шести являются скорее парафразой, не имеющей самостоятельного терминологического значения. В собственно догматическом плане важно различать две основные пары терминов. При этом члены каждой пары не являются синонимами друг для друга, что особенно подчеркивается Фотием применительно к выражениям «дух сына» и «дух Христа»¹⁰¹.

Если выражение «дух сына» свидетельствует о единосущности божественной природы ипостасей, то выражение «дух Христа» напоминает о том, что «дух помазал воплотившегося сына в день крещения Иоаннова» (Исайя, 61.1; Лука, 4.18). Следовательно, смешение этих двух понятий означает отказ от догмата неслиянности человеческой и божественной природы Христа¹⁰².

Кажется, данный раздел трактата предоставляет не только очередное подтверждение результатов нашего анализа иконографии мозаик. Рассуждения Фотия позволяют по-новому оценить размещение отдельных сюжетов декорации: если сцена Пятидесятницы и образ Христа-Пантократора в южной галерее соответствовали понятиям «дух сына», «дух отца» и «дух бога», то сцена Крещения в северной галерее иллюстрировала значение четвертого основного термина — «дух Христа». (Если, как полагает К. Манго, на западном своде северной галереи располагалась сцена Преображения, то она, безусловно, также вполне отвечала бы этому представлению). Следовательно, топография распределения сюжетов акцентировала неслиянность божественной и человеческой природы Христа, нераздельность которых демонстрировалась образом Христа-Пантократора. Благодаря этому наряду с пневматологией в общую ткань тринитарной догматики влеталась и христологическая тема.

Третье основное направление аргументации Фотия отвечало третьему из главных доводов, выдвигавшемуся сторонниками *filioque*, которые ссылались в полемике на авторитет отцов западной церкви — прежде всего Амвросия, Августина и Иеронима. Этому доводу Фотий противопоставляет авторитет вселенских соборов и самих римских пап, от Дамаса до Адриана III (884—885 гг.), никогда официально не признававших никаких дополнений к тексту Символа¹⁰³. При этом особое внимание уделяется первому и второму Вселенским соборам, оформившим тринитарно-пневматологическую доктрину православия, а также и решениям собора 879—880 гг., каноны которого были подписаны легатами

⁹⁸ De Spiritus S. Mystagogia, § 48—60.

⁹⁹ Ibid., § 85, 90—94, особенно 91.

¹⁰⁰ Ibid., § 48—56, 59, 85, 90—92. Ср.: Ep. ad Aquil., § 11.

¹⁰¹ De Spiritus S. Mystagogia, § 93—94.

¹⁰² Ibid. Ср.: Quest. ad Amphil., 28—29, 188. — PG, t. 101, col. 205—217, 909—913.

¹⁰³ De Spiritus S. Mystagogia, § 78—89.

Иоанна VIII (872—882 гг.)¹⁰⁴. Фотий подчеркивает «боговдохновенность» соборных деяний и то обстоятельство, что как Халкидонский собор, так и созданный им собор 879—880 гг. специально оговорили недопустимость любых дополнений к Символу¹⁰⁵.

Наконец, суммируя выводы, полученные по всем трем указанным направлениям, Фотий обвиняет сторонников *filioque* в «бездумной строптивости» и непослушании самому Христу, его апостолам и вселенским синодам¹⁰⁶. И в заключение трактата еще раз подчеркивается, что отказ от традиционной ортодоксальной формулировки пневматологической проблемы равносителен отказу от догмата единосущности и единоначалия троицы¹⁰⁷.

Третий раздел трактата и его заключительная часть представляют особый интерес. В сущности, Фотий разъясняет здесь, какую роль сыграл цитированный нами канон шестой сессии собора 879—880 гг. в его собственных глазах, как инициатора и редактора этого канона. Причем определяется эта роль по отношению ко всему историческому фону полемики о *filioque*. Поскольку ее догматическое содержание получает весьма полное освещение в предыдущих разделах трактата, характеристика значения данного канона оказывается едва ли не исчерпывающей — в содержательном, функциональном и даже историко-прагматическом плане. Мы узнаем, какой именно смысл был вложен в текст канона его редактором и какое значение придавалось им самому его оформлению.

Такая полноценная характеристика канона в тексте трактата позволяет нам использовать этот текст не только как совокупность определенных текстуальных анализируемых параллелей для мозаик, но и как вполне достаточное основание для интерпретации выявляемых совпадений: мы можем не только констатировать их, но и объяснить. Если, с одной стороны, мы убедились в том, что одни и те же эпизоды и мотивы новозаветного повествования получают идентичное догматическое толкование в мозаиках и в тексте трактата, то, с другой — предоставляемая Фотием характеристика значения канона позволяет объяснить эти совпадения именно тем, что мозаики и трактат равным образом разъясняли его догматическую ценность, хотя и разными средствами — средствами языка вербального и языка иконографического. Следовательно, мы получаем не просто текстуальные параллели, а прямое логически независимое подтверждение нашего вывода о мемориально-прокламативной функции мозаик по отношению к этому канону.

Значимость Фотиевой характеристики деяний шестой сессии собора 879—880 гг. становится особенно очевидной, если привлечь к обсуждению еще один корпус текстов, содержащий не менее яркие текстуальные параллели для мозаик — по крайней мере для их иллюстративно-толковательного содержания. Этим корпусом являются уже упоминавшиеся «Вопросы к Амфилохию» (868—872 гг.). Чтобы убедиться в правомочности такой их оценки достаточно было бы краткого перечисления основных элементов их фабулы, определяемых по титулам соответствующих вопросов¹⁰⁸.

Давая ответы на них, Фотий тщательно анализирует различные аспекты тринитарной догматики, уделяя при этом особое внимание пневматологии. В частности, он особо останавливается на «поругании св. духа» в еретических учениях (от Македония до *filioque*), подчеркивая недопустимость смешения понятий «дух сына» и «дух Христа», подробно разбирая в уже

¹⁰⁴ Ibid., § 89, p. 100—101.

¹⁰⁵ Ibid., § 80. Ср. аналогичные пассажи в первом разделе трактата (§ 3, 4, 6—19).

¹⁰⁶ Ibid., § 95.

¹⁰⁷ Ibid., § 96, p. 109.

¹⁰⁸ Это вопросы 27, 28, 29, 49, 57, 81, 88, 95, 99, 125, 128, 159, 173, 181—184, 188, 189, 190, 213, 225, 230, 235, 247, 323. См.: PG, t. 101, col. 197—217, 368—377, 404, 549—552, 560, 604—607, 612—615, 716, 721, 836, 873, 889—904, 909, 923, 969, 1016—1020, 1029, 1053, 1288—1292. Вопрос 323 содержится в Cod. Paris. gr. 2982 — см.: *Hergenröter J. Photius Patriarch von Konstantinopel*, Bd. III, S. 25.

знакомом нам ключе те пассажи Евангелия от Иоанна и Деяний апостолов, в которых говорится о сошествии св. духа и т. п.

О чем же могут свидетельствовать эти новые текстуальные параллели, если иметь в виду все, что позволил увидеть нам иконографический анализ мозаик? Думается, лишь о том, что уже в 868—872 гг., не говоря о 879—880 гг., в сознании Фотия вполне сложилась та догматическая концепция, которая иллюстрируется и прокламируется мозаиками галерей Св. Софии и которая составила основу деятельности шестой сессии созванного Фотием собора. Об этом последнем обстоятельстве, играющем ключевую роль для датировки, атрибуции и полноценной интерпретации идейного замысла мозаик, мы получаем вполне надежное свидетельство лишь из трактата Фотия «О тайне св. духа». Именно в этом и заключается главное в плане интересующей нас темы значение этого текста. Каноны шестой сессии собора 879—880 гг. (благодаря собственным разъяснениям Фотия!) и мозаики галерей Св. Софии получают свое историческое место как раз между «Амфилохиями» и Мистагогией — и в чисто хронологическом, и в принципиальном отношении.

Таковы ближайшие выводы, вытекающие из сделанных наблюдений.

Что же касается уточнения датировки мозаик в пределах 880—886 гг.¹⁰⁹, то к этому вопросу мы обратимся на третьем этапе исследования, сопоставив мозаики с их ближайшими иконографическими аналогиями в миниатюрах парижской рукописи гомилий Григория Назианзина, твердо датированных 880—882 гг.

* * *

Полученные результаты позволяют высказать ряд общих соображений о характере прослеженной иконографической инициативы и ее значении для истории византийского искусства.

В новом и несколько неожиданном свете вырисовывается взаимоотношение между собой таких, казалось бы, различных по своей природе функций мозаик, как их связь с литургией, их догматическая символика и иллюстрация «священной истории». Последняя воспроизводится как свидетельство в пользу вполне определенного догмата (подобно цитатам из новозаветного повествования — в трактате Фотия), и такое иллюстративно-толковательное содержание декоративной программы получало подкрепление в литургических чтениях.

Совсем недавно в византиноведческой науке были распространены представления о некоей «отвлеченной духовности», «оторванности от жизни» и тому подобных чертах византийского искусства. Так, один видный советский исследователь склонен был подчеркивать, что адаптация живописного декора храма к потребностям литургии в значительной мере способствовала выполнению главной задачи византийского искусства — «возносить души верующих к небесам»¹¹⁰. Само по себе это, конечно, вполне справедливо, но важно не забывать при этом и другое — то, что, «возносясь к небесам», византийцы отнюдь не «отрывались» от земли. Это была весьма специфическая, конкретно-историческая форма «духовности», обретавшая почву для себя в сиюминутных реальностях земного, общественного существования, в суете, заботах и тревогах сегодняшнего дня. Мозаики галерей Св. Софии при всей рафинированности своего иконографического языка, при всей сложности своей теологической программы были

¹⁰⁹ Допускать возможность исполнения мозаик после изложения Фотия в 886 г. не представляется возможным — и не только потому, что направленный против Фотия курс Льва VI совершенно очевиден, но и по той причине, что в 892 г. каноны Анти-Фотиева собора 869—870 гг. были подвергнуты вторичной редакции (см.: *Mansi*, XVI, 462 A), что делает маловероятным создание мемориала собора 879—880 гг. в этот же период.

¹¹⁰ *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1970, с. 31.

злободневны в самом прямом значении этого слова, являлись церковно-политической прокламацией, своего рода плакатом. И если их локализация в галереях второго этажа храма, недоступных простым верующим, свидетельствует о том, что такая пропаганда была обращена к узкой аудитории, к представителям высших слоев византийского общества, то это лишь характеризует социальный профиль акта коммуникации. Едва ли Фотий мог думать, что целесообразно разъяснять догматические тонкости тринитарно-пневматологической проблемы простым прихожанам, для которых, вероятно, было вполне достаточно несложных истин популярного богословия.

Наконец, мозаики галерей Св. Софии, безусловно, выступают ярким свидетельством несостоятельности бытующего порой в науке мнения об «имперсональности» византийского искусства. Здесь во всем прослеживается мысль и воля вполне определенной человеческой личности — одной из наиболее значительных фигур византийской истории, до сих пор еще во многом остающейся загадочной. Не будет преувеличением сказать, что мозаики, являвшиеся в глазах Фотия мемориалом и маририем актов созданного им собора, выступают памятником и вещественным отпечатком деятельности и склада мышления самого Фотия.

В. Г. ПУЦКО

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИЛЛЮМИНОВАННЫЕ РУКОПИСИ
ЧИКАГО-КАРАХИССАРСКОЙ ГРУППЫ В МОСКВЕ

(ГИМ, Син. греч. 387 и 220; Муз. 3646)

Греческие иллюминированные кодексы, объединяемые вокруг Нового завета в библиотеке Чикагского университета (№ 965) и Карахиссарского евангелия в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (греч. 105), давно уже стали предметом пристального внимания палеографов. Сейчас, когда усилиями кодикологов выявлены многочисленные рукописи, прежде не связываемые с указанной группой¹, думается, настало время для изучения кодексов, находящихся в советских книгохранилищах, особенно тех из них, которые являются выдающимися памятниками книжного искусства. Поэтому вслед за заметками о двух рукописях Четвероевангелия в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина (греч. 11 и 9), а также о Никомидийском евангелии² мы предлагаем результаты изучения декора трех кодексов, хранящихся в Гос. Историческом музее в Москве³. Каждый из них отличается чертами своеобразия в художественном оформлении, но вместе с тем все они обнаруживают признаки общности, обычно свойственные продукции одного книгописного центра, если не того же самого скриптория.

Лицевые рукописи, рассматриваемые в этой статье, как нам представляется, имеют непосредственное отношение к Чикаго-Карахиссарской группе. Детальный анализ их декора может позволить проверить обоснованность данного тезиса и, кроме того, внести некоторые штрихи в общую характеристику определенного направления в книжном искусстве Византии.

1. ЕВФИМИЙ ЗИГАВИН. ДОГМАТИЧЕСКОЕ ВСЕОРУЖИЕ

(Син. греч. 387; Влад. 224)

Хранящийся в Москве кодекс с указанным сочинением константинопольского монаха Евфимия Зигавина, жившего в монастыре Богоматери Перивлепты и написавшего эту книгу по повелению императора Алексея

¹ Carr A. W. The Rockefeller McCormick New Testament: Studies toward the Reattribution of Chicago, University Library, ms. 965. Diss. The University of Michigan, 1973; *Idem*. A Group of Provincial Manuscripts from the Twelfth Century. — DOP, 1981, 34; Фонкич Б. Л. Византийские скриптории: Некоторые итоги и перспективы исследования. — In: XVI. Intern. Byzantinisten-Kongress. Akten, 1/2 (JOB, 31/2). Wien, 1981, с. 442—444; *Он же*. К вопросу о кодикологическом изучении рукописей Чикаго-Карахиссарской группы. — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, 3, с. 300—302; Canart P. Les écritures livresques chypriotes du milieu XIe siècle au milieu du XIIIe et le style palestino-chypriote «epsilon». — *Scrittura e civiltà*, (1981), 5, p. 17—76.

² Пуцко В. Г. Византийские лицевые рукописи ГБЛ в Москве. — ВВ, 1982, 43; *Он же*. Заглавная миниатюра Никомидийского евангелия и византийские изображения Христа во славе. — RESEE, 1984, XXII (в печати).

³ Считаю своим приятным долгом выразить признательность заведующему Отделом рукописей Гос. Исторического музея И. В. Левочкину, всемерно содействовавшему изучению кодексов, а также Б. Л. Фонкичу за дружескую и бескорыстную помощь в работе.

Комнина (1081—1118)⁴, известен в литературе⁵. Кодекс неоднократно обращал на себя внимание историков византийского искусства, поскольку содержит выходные миниатюры с изображениями Христа, восседающего на троне, отцов церкви и Алексея Комнина⁶ (рис. 1, 2). Портретное изображение последнего было привлечено И. Спатаракисом при детальном исследовании аналогичной по иконографии серии миниатюр в ватиканском кодексе *Παππλία δογματική* (гр. 666)⁷. Московскую рукопись Син. греч. 387 принято датировать второй половиной XII в.

Кодекс состоит из 429 листов пергамента размером 27, 2 × 19 см, заключенных в дощатый, покрытый тисненой кожей переплет с застёжками. Текст писан черными чернилами минускулом; на л. 7 вверху помещена единственная в рукописи узкая полосная заставка с сине-голубыми крестоцветами по золотому полю; под ней золотым минускулом писано заглавие, ниже — золотой инициал «Κ». Остальные заглавия и инициалы карминные. На л. 1 помещено предисловие с именем писца Памфила, запись которого читается на л. 429: *Χειρὼν πόνημα Παμφίλου Γεωργίου*.

Рукопись находилась в Ватопедском монастыре на Афоне, откуда вместе с другими греческими кодексами была вывезена келарем Троице-Сергиева монастыря Арсением Сухановым в 1654 г.⁸ Ее последующая судьба связана с Москвой: до 1920 г. она хранилась в Синодальном собрании Московского Кремля и в составе этого собрания перешла в Гос. Исторический музей.

Миниатюры занимают в рукописи лл. 5 об.—6 об., образуя две композиции с постепенно развивающимся сюжетом: император Алексей Комнин получает кодекс от авторов содержащихся в нем творений, цитированных Евфимием Зигавином, и затем подносит книгу тронному Христу. Над изображениями воспроизведены (греческим унциалом киноварью в четыре строки) стихотворные надписи, разъясняющие смысл этих символических композиций, полностью сходные с приведенными в ватиканской рукописи⁹. Первая композиция донаторского цикла состоит из двух расположенных на одном развороте миниатюр (лл. 5 об.—6), каждая из которых, как и миниатюра на л. 6 об., заключена в довольно скромное обрамление из узкой киноварной и более широкой внешней светло-синей полосок с несложными растительными мотивами на углах. Миниатюры золотофонные, с унциальными киноварными сопроводительными надписями и контурами нимбов, окружающих головы Христа, святителей и преподобных, а также Алексея Комнина.

Первая композиция, состоящая из двух неодинаковых по ширине частей, как было сказано, занимает книжный разворот (рис. 1). В левой ее части представлены в рост, в трехчетвертном повороте влево, образующие процессию семь авторов-епископов и два — в монашеских одеждах. Перечислим их изображения начиная с находящегося во главе этого шествия Дионисия Ареопагита, облаченного в светлый с широкими коричневыми источниками подризник, золотые епитрахиль и поручи с киноварным растительным узором, голубую фелонь и белый омофор с крупными темными крестами; лицо обрамлено прядями седых волос и окладистой бородой; правой рукой благословляет, в левой, покрытой фелонью и концом омофора, держит кодекс. Дионисий Ареопагит, Василий

⁴ Wickert J. Die Panoplia dogmatica des Euthymios Zygabenos. — Oriens Christianus, 1908, 8, S. 278—388; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 614—615.

⁵ Савава, еп. Указатель Московской Патриаршей ризницы. М., 1863, с. 75; Владимир, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1894, ч. 1, с. 279—282, № 224.

⁶ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947, т. 1, с. 317; Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977, вып. 2, № 513.

⁷ Spatharakis I. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976 (Byzantina Neerlandica, fasc. 6), p. 129, fig. 83—85.

⁸ Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891, ч. 1, с. 385, № 38; Он же. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 151.

⁹ Spatharakis I. The Portrait..., p. 123—126.

Кесарийский, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст и Иоанн Дамаскин образуют первый ряд, и поэтому их фигуры изображены полностью, в отличие от фигур Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Кирилла Александрийского и Максима Исповедника. Афанасий Александрийский представлен в обычном иконографическом типе (видна голова с наполовину утраченным красочным слоем и с частью омофора). Василий Кесарийский (Великий) — в розовом подризнике с широкими коричневыми источниками, с золотыми орнаментированными епитрахилью, поручами и епигонатием, в бледно-зеленого цвета фелони с омофором, со свитком в правой руке. Лицо, обрамленное длинной окладистой бородой и коротко подстриженными темно-каштановыми волосами, тщательно моделировано. Рядом плохо сохранившееся изображение Григория Нисского, с темными волосами и бородой, в розовом подризнике, золотой епитрахили с геометрическим киноварным орнаментом, светлых фелони и омофоре. Григорий Назианзин (Богослов) в изумрудно-зеленом подризнике, золотых епитрахили, поручах и епигонати, украшенных растительным киноварным узором, в фелони-полиставрии с равноконечными темными крестами и омофоре; правой рукой и покрытой фелонью левой держит за концы свиток; лицо с высоким, открытым лбом и окладистой седой бородой. Изображение Кирилла Александрийского в епископских одеждах и со священным покровом на голове сохранилось плохо. Иоанн Златоуст в голубоватом подризнике с темными источниками, золотых епитрахили, поручах и епигонати с киноварным орнаментом, фелони-полиставрии с большими равноконечными крестами темно-коричневого цвета и омофоре; живопись лица почти утрачена; в руках свиток. Плохо сохранилось и изображение Максима Исповедника, в коричневой монашеской одежде, с покрывающим голову куколем. Крайний слева — Иоанн Дамаскин, в охряного цвета рясе и коричневой мантии, с чалмой на голове; лицо, как и у Максима Исповедника, обрамлено большой седой бородой; в руках держит свиток. Все фигуры одинакового роста; ступни ног переданы мазками темно-коричневого цвета, обозначающими обувь; позем отсутствует. Сопроводительные киноварные надписи над головами выполнены плотно, в одну строку, над которой много свободного пространства.

Все описанные изображения типологически соответствуют нормам византийской иконографии киноварного периода и не содержат каких-либо заметных отступлений. Удлиненные пропорции фигур в значительной мере обусловлены общим композиционным решением миниатюры, и поэтому не следует их рассматривать в качестве стилистического признака: они не находят соответствий даже на двух остальных миниатюрах (рис. 2). К сожалению, сохранность живописи лиц очень неудовлетворительная, и поэтому судить о ней приходится по изображению Василия Кесарийского и отчасти по изображению Иоанна Дамаскина; во всех других случаях можно получить представление только о характере подготовительного рисунка, выполненного чернилами пером. Живопись кистей рук сохранилась значительно лучше. Колорит довольно сдержанный.

Миниатюре на л. 5 об. соответствует помещенная на следующем листе и составляющая вторую часть той же композиции, с изображением византийского императора Алексея Комнина, стоящего на светло-синем сусанеоне, в позе, которая выражает стремление принять от идущих ему навстречу отцов церкви и известных богословов их произведения (рис. 1). Алексей Комнин одет в хитон и хламиду пурпурного цвета; на голове стемма с пропендулиями. Подол хитона украшен золотым шитьем, представляющим растительные мотивы. Хламида, скрепленная на груди круглой фибулой, также орнаментирована золотыми узорами. Лицо обрамлено большой темной бородой. Живопись лица больше чем наполовину утрачена (обнажен подготовительный рисунок пером). Слева вверху — значительно меньших размеров поясное изображение Христа, в золотом хитоне и синем гиматии, благословляющего императора, над головой которого опроводительная надпись киноварью: ΑΛΕΞΙΟΣ ΕΝ ΧΩ ΤΩ ΘΩ ΠΙΤΟΣ

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΑΙ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ ΡΩΜΑΙΩΝ Ο ΚΟΜΝΗΝΟΣ. Возле изображения Христа обычные монограммы.

На л. 6 об. помещена миниатюра с изображением императора Алексея Комнина, подносящего кодекс тронному Христу (рис. 2). Облаченный в золотой хитон и светло-синий гиматий, он восседает на украшенном резьбой массивном золотом троне с алой мутакой. Ноги опираются на широкое золотое подножие. Простертой вперед правой рукой Христос благословляет стоящего перед ним Алексея Комнина, левой — поддерживает кодекс Евангелия с киноварным обрезом, в золотом переплете. Живопись лица Христа утрачена, за исключением небольшого участка на левой щеке. Лучше сохранилось изображение каштановых волос, разделенных на пряди тонкими параллельно нанесенными пробелами; от изображения шеи уцелели два участка живописи; более удовлетворительна сохранность живописи кисти правой руки. Император изображен в пурпурном скарамангионе, щедро украшенном золотым орнаментальным шитьем, с золотым, унизанным камнями и жемчугом лором; на голове стемма. В руках у императора — золотой полураскрытый кодекс «Догматического всеоружия», который он подносит Христу. Это изображение Алексея Комнина — тоже с большими потерями красочного слоя, приходящимися в основном на лицо, правую руку (почти на всем ее протяжении), нижнюю часть фигуры, на книгу. Выше фигуры тронного Христа сохранились довольно крупные киноварные монограммы.

Слева вверху на л. 5 об. имеется помета: τοῦ Παμφίλου, в которой, как предполагали, заключено имя писца и художника¹⁰; на других листах с миниатюрами ей соответствует: τοῦ ἀτοῦ. Имя писца Памфила, что уже было отмечено, встречается в предисловии на л. 1 и в записи на л. 429, в которой он называет себя Памфилом Георгием; не приходится поэтому сомневаться, что его рукою написаны и тексты над миниатюрами. Более чем скромное художественное оформление кодекса Син. греч. 387 (Влад. 224) не говорит, однако, за то, что этим же Памфилом могли быть выполнены миниатюры, а также заглавная заставка на л. 7. Миниатюры, несмотря на их сравнительно плохую сохранность, заслуживают внимания, поскольку помогают узнать происхождение схем и стиля.

В литературе по истории византийского искусства, в частности портретного, основное внимание уделялось изображениям императора Алексея Комнина на миниатюрах Ватиканского кодекса. Московская рукопись с записями писца Памфила, прежде находившаяся в Ватопедском монастыре, а затем в Москве на печатном дворе (об этом говорит помета скорописью на форзаце), обычно не интересовала исследователей ввиду неудовлетворительной сохранности миниатюр. И. Спатаракис допускает, что последние можно рассматривать в качестве копий миниатюр кодекса Ватиканской библиотеки (gr. 666)¹¹. Основанием для этого служит идентичность композиций выходных миниатюр, сопоставление которых позволяет убедиться в том, что ватиканский цикл — более ранний и художественно выразительный (рис. 2, 3). Дата составления Евфимием Зигавином «Догматического всеоружия» остается неизвестной, но принято считать, что книга появилась после 1110 г.¹² С учетом донаторских изображений Алексея Комнина выполнение ватиканских миниатюр либо их оригинала надо отнести, следовательно, к 1110—1118 гг. Однако их общая иконографическая формула была выработана в Византии несколько раньше, о чем косвенно говорит серия изображений в киевском Изборнике Святослава 1073 г.¹³ Подразделение церемонии поднесения рукописи

¹⁰ Владимир, архим. Указ. соч., с. 280.

¹¹ Spatharakis I. The Portrait..., p. 128—129.

¹² Wickert J. Op. cit., p. 280.

¹³ Пущко В. Об источниках миниатюр Изборника Святослава 1073 года. — Etudes balkaniques, 1980, 1, с. 101—119.

донатором Христу на несколько этапов — обычное свойство западных памятников¹⁴.

Вопросы, связанные с изучением портретных изображений Алексея I Комнина, детально освещены в исследованиях И. Спатаракиса. Он пришел к выводу о том, что миниатюры упомянутого Ватиканского кодекса выполнены были ранее миниатюры в другой рукописи, хранящейся в той же Ватиканской библиотеке и датируемой временем около 1125 г. (Urb. gr. 2)¹⁵. Таким образом, ни константинопольское происхождение ватиканской рукописи гл. 666, ни ее связь с императорским заказом, как и датировка в хронологических пределах 1110—1118 гг., не подлежат сомнению. Анализ состава портретных изображений в византийских иллюминированных рукописях, столь скрупулезно собранных И. Спатаракисом, дает основания утверждать, что донаторские миниатюры обычно не копировали наряду с композициями, составлявшими неотъемлемую часть оформления книг определенного содержания. Во всяком случае другие известные греческие списки «Догматического всеоружия» Евфимия Зигавина оформлены весьма скромно и ни один из них не имеет подобных выходных миниатюр. Это, в свою очередь, вызывает закономерный вопрос: почему именно и при каких обстоятельствах копии донаторского цикла миниатюр с изображениями Алексея Комнина были включены в кодекс Син. греч. 387 (Влад. 224)?

По палеографическим признакам письма невозможно датировать московскую рукопись ранее второй половины XII в. Стиль описанных нами миниатюр не исключает возможности их выполнения даже в начале следующего столетия. Однако для того, чтобы более обоснованно и уверенно судить относительно происхождения данного цикла, необходимо ввести его в круг аналогичных произведений византийского книжного искусства. Сопоставление миниатюр с украшающими Ватиканский кодекс композициями позволяет заключить, что, хотя художник рукописи Син. греч. 387 (Влад. 224) и стремился к максимально точному воспроизведению образца, в сущности, он унаследовал лишь иконографию, да и здесь заметно упростил некоторые детали, особенно относящиеся к императорской одежде и к трону Христа (рис. 2, 3). Миниатюрист едва ли ставил перед собой задачу избежать каких-либо отступлений: головам отцов церкви он придал однообразное положение и тем самым лишил изображения той непринужденности, которая их отличает в ватиканском кодексе; Дионисия Ареопагита представил не со свитком, а с кодексом. Однако вместе с тем ничто не препятствует видеть в московских миниатюрах воспроизведение именно ватиканского цикла, несмотря на все их качественные отличия. Если это действительно так, то для объяснения указанного факта нужно предположить, что, во-первых, возникла необходимость выполнить иллюминированную копию ватиканского кодекса и, во-вторых, что иллюминатор московской рукописи имел доступ к кодексу первой четверти XII в., хранившемуся в библиотеке византийских императоров, и, следовательно, выполнял императорский заказ. Скрипторий, из которого вышла рукопись Син. греч. 387 (Влад. 224), располагал квалифицированными рисовальщиками (об этом свидетельствует предварительный рисунок пером), но технология живописи была плохой, вследствие чего миниатюры дошли с обширными утратами красочного слоя.

Все отмеченные нами черты, характеризующие миниатюры кодекса Син. греч. 387 (Вл. 224), свойственны иллюминированным рукописям Чикаго-Карахиссарской группы. В частности, их можно указать в иллюстрациях Нового завета, хранящегося в Чикаго (Университетская библио-

¹⁴ *Braunfels W.* Die Welt der Karolinger und ihre Kunst. München, 1968, Abb. 129, 130; *Skubiszewski P.* Malarstwo karolinskie i przedromanskie. W-wa, 1971, s. 164, II. 51—54.

¹⁵ *Spatharakis I.* Three Portraits of the Early Comnenian Period.—*Simiolus*. — *Netherlands Quarterly for the History of Art*, 1974, 7, p. 5—20; *Idem.* The Portrait..., p. 127—128, 79—83, fig. 46.

тека, cod. 965)¹⁶, Карахиссарского евангелия — в Ленинграде (ГПБ, греч. 105)¹⁷, Никомидийского евангелия — в Киеве (БАН УССР, № ДА 25 л)¹⁸. Сопоставление этих обширных иллюстрационных циклов рукописей, вышедших, несомненно, из одного скриптория, указывает на то, что работавшие в нем художники выполняли миниатюры ускоренными темпами, в ограниченные сроки и при этом пользовались различными образцами. Отсюда становится понятным, почему именно аналогичные композиции нередко обнаруживают иконографические варианты. С достаточной отчетливостью выделяются несколько индивидуальных манер, хотя при этом сохраняется общность характера миниатюр. Выходные миниатюры московского кодекса отличаются плоскостностью, графичная трактовка лиц и складок одежд. Все это, как и характер подготовительного рисунка пером, заметно сближает рукопись Син. греч. 387 (Влад. 224) с продукцией скриптория, выпустившего иллюминированные кодексы Чикаго-Карахиссарской группы.

Датирование указанных лицевых рукописей, по стилю и характеру письма тяготеющих к XII в., определяется записями на некоторых кодексах, принадлежащих к той же группе: в частности, Четвероевангелие Университетской библиотеки в Тюбингене (Berlin, cod. gr. 4°66) имеет запись от 1219 г.¹⁹, а Четвероевангелие из Андреевского скита на Афоне (Москва, ГБЛ, греч. 11) — помету о смерти некоего Иоанника в 1208 г.²⁰ Исходя из этого, невозможно предполагать, что рукописи были изготовлены позднее первых двух десятилетий XIII в. Если почерки этой группы кодексов не обнаруживают существенных отличий от каллиграфической традиции второй половины XII в., то в этом нет ничего удивительного, поскольку профессиональные навыки писцов должны были оформиться именно в данный период. Так как приемы оформления рукописей Чикаго-Карахиссарской группы указывают на их связь с константинопольским скрипторием, необходимо все же установить причины столь интенсивно проведенного выпуска большого числа иллюминированных книг. Выяснить эти причины можно, лишь предположив, что книги были изготовлены после захвата византийской столицы крестоносцами в 1204 г., когда эмигрировавшие в Никею архонты, духовенство и ученые употребили все усилия для сохранения духовных богатств греков²¹.

Этими стремлениями могло быть обусловлено изготовление и московской рукописи Син. греч. 387 (Влад. 224), содержащей «Догматическое всеоружие» Евфимия Зигавина, и многочисленных кодексов Четвероевангелия, иногда содержащих, кроме обычных изображений евангелистов, развернутые иллюстрационные циклы, и списков сочинений античных авторов. Известно, что бежавшие из Константинополя ученые монахи устроили школу в никейском монастыре Иакинфа; при императорском дворе в Никее нашел приют известный историк и писатель Никита Хониат. Поэтому, как нам представляется, появление Чикаго-Карахиссарской группы рукописей, среди которых видное место занимают иллюминированные, логичнее всего связать с Никеей времени Феодора I Ласкаря (1208—1222 гг.). По крайней мере это предположение позволяет согласовать характер продукции скриптория с конкретными историческими условиями.

¹⁶ *Goodspeed E. J., Riddle D. W., Willoughby H. R. The Rockefeller McCormick New Testament. Chicago, 1932. Vol. I—III; Illuminated Greek Manuscripts from American Collections: An Exhibition in Honor of K. Weitzmann. Princeton, 1973, N 45.*

¹⁷ *Colwell E. C., Willoughby H. R. The Four Gospels of Karahissar. Chicago, 1936. Vol. I, II; Treu K. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. В., 1966, S. 67—70.*

¹⁸ *Петров Н. И. Миниатюры и заставки в греческом евангелии XIII века. — Искусство, Киев, 1941, с. 117—130, 170—192; Treu K. Op. cit., S. 339—341.*

¹⁹ *Hamann-Mac Lean R. Der Berliner Codex Graecus Quarto 66 und seine nächsten Verwandten als Beispiele des Stilwandels im frühen 13. Jahrhundert. — In: Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters: Festschrift für K. H. Usener. Marburg an der Lahn, 1967, S. 225—250.*

²⁰ *Фонкич Б. Л. Византийские скриптории, с. 443.*

²¹ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.; Л., 1948, т. III, с. 542.*

В отличие от предыдущего кодекса афонское происхождение названной рукописи не документировано и его можно лишь предполагать. Рукопись известна в литературе по описаниям²², а также упоминается в изданиях по истории византийского искусства²³. Специальному изучению ее декор не подвергался. Кодекс датируют обычно XII в. Как считает Б. Л. Фонкич, по палеографическим данным эта рукопись — одна из лучших в Чикаго-Карахиссарской группе и примыкает к Новому завету из библиотеки Чикагского университета (gr. 965), Новому завету с Псалтирью — в Национальной библиотеке в Палермо (Ms. Dep. Museo, 4)²⁴ (если не писана той же рукой), а также к Новому завету с Псалтирью — в Лавре на Афоне (B26). Характер художественного оформления полностью подтверждает справедливость этой характеристики.

Рукопись, заключенная в дощатый, обтянутый кожей переплет, состоит из 274 листов пергамента размером 32×22 см. Текст писан темно-коричневыми чернилами мелким убористым минускулом, по 46 строк. Кодекс украшен рисунком, выполненным пером, и пятью миниатюрами, из которых четыре являются принадлежностью заставок (рис. 5—8). К этой же рукописи принадлежат 23 листа с Синаксарем и Менологием, похищенные Ф. Х. Маттеи и хранившиеся в Дрезденской библиотеке (A. 101)²⁵.

Рисунок кармином на л. 1 об. с изображением пишущего евангелиста Матфея едва ли следует рассматривать в качестве элемента декора данного кодекса. Расположение на листе изображения, иконографическая схема которого типична для византийской миниатюры XII—XIII вв., указывает на то, что оно было предназначено для рукописи более широкого формата. Это — заготовка для миниатюры. Такие черты, как тщательно прорисованная голова, маленькие ступни ног, типичны для продукции скриптория, из которого вышло Никомидийское евангелие, а также другие рукописи, объединяемые в Чикаго-Карахиссарскую группу.

На л. 3 об. помещена миниатюра с изображением сидящего Иоанна Златоуста: он представлен одетым в монашескую рясу охристого цвета с графическими коричневыми линиями складок, бордовые мантию и аналав, конец которого с белильными полосками и образующими ромб точками свисает спереди. Правая рука (пальцы сложены для благословения) опущена, левой Златоуст касается лежащего на попитре кодекса с охряной крышечкой переплета и киноварным обрезом. Лицо Иоанна Златоуста с высоким лбом и тонкими чертами, темно-оливкового тона, со слабой моделировкой объемов. Черты лица кажутся лишь слегка намеченными коричневым цветом, хотя в сущности они довольно тщательно моделированы. Иоанн сидит в кресле с высокой спинкой; сзади — фигура вдохновляющего апостола Павла в сине-голубом одеянии (живопись головы плохо сохранилась: красочный слой более чем наполовину утрачен). Головы Иоанна Златоуста и апостола Павла окружены золотыми нимбами, обведенными по контуру тонкой киноварной линией. В левой части миниатюры — высокое здание розового цвета с сине-голубой верхней частью и крохотным куполом с киноварной черепичной кровлей; через карниз переброшен велум. В правой части миниатюры — стол с письменными принадлежностями и попитром; за ним — архитектурные кулисы: их мотив — башни, стены и сооружения с двускатной кровлей с перебро-

²² *Savaa*, еп. Указ. соч., с. 74; *Владимир*, архим. Указ. соч., с. 80, № 88; *Treu K. Op.*, cit., S. 272—274.

²³ *Лазарев В. Н.* История..., т. 1, с. 319; *Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки*, вып. 2, № 522.

²⁴ *Venezia e Bisanzio*. Venezia, 1974, N 63.

²⁵ *Gebhardt O. von*. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften. — *Zentralblatt für Bibliothekswesen*, 1898, 15, S. 475; *Treu K. Op.* cit., S. 274.

шенным велумумом и с погрудным изображением мужчины с широкой окладистой бородой. В последнем нетрудно опознать Прокла — ученика Иоанна Златоуста, наблюдающего через приоткрытую дверь явление своему учителю апостола Павла. Этот сюжет лишь изредка встречается в миниатюрах византийских рукописей ²⁶.

В московском кодексе Син. греч. 220 (Влад. 88) иконографическая композиция, представляющая Иоанна Златоуста с апостолом Павлом, шепчущим ему на ухо, усложнена: справа вверху добавлено изображение тронного Христа, в ярко-синем хитоне и бордовом гиматии, восседающего на золотисто-охряном троне с киноварной мутакой. Правая рука простерта в благословляющем жесте, левая — поддерживает опирающийся на колено кодекс с темно-красной крышкой переплета и киноварным обрезаем. Типологически образ Христа восходит к той же модели, что и аналогичное изображение в рукописи «Догматического всеоружия» Евфимия Зигавина (рис. 2). Все описанные изображения выделяются на золотом фоне. Сопроводительные надписи, как и узкая полоска, обрамляющая миниатюру, — киноварные.

В нижней части композиции описанной миниатюры с изображением Иоанна Златоуста представлена коленапреклоненная, почти распластанная фигура монаха в водянисто-синей рясе и светло-коричневой мантии с молитвенно простертыми руками. Голова припадающего к ногам Златоуста старца — с длинной окладистой бородой и длинными волосами. Говорить более обстоятельно об этом изображении не приходится, поскольку красочный слой живописи почти совсем утрачен (судить о цвете можно лишь по небольшому участку пигмента). Текст помещенного под миниатюрой пятистишия, восхваляющего Иоанна Златоуста, ничего не дает для идентификации лица, представленного в проскинесе. По аналогии с донаторскими портретами, представленными в византийской миниатюре ²⁷, следовало бы здесь предположить изображение монаха или игумена, на средства которого изготовлен кодекс. В таком случае напрашивается гипотеза, что последний изготовлен был в монастырском скриптории. Однако нельзя исключать и возможность портретного изображения Евфимия Зигавина — автора толкований, собранных в этой книге (рис. 4). Если это верно, то весьма вероятно, что имело место копирование образца, относившегося к тому же времени и принадлежавшего к тому же кругу произведений книжного искусства, что и ватиканский кодекс gr. 666.

Изображения четырех евангелистов, помещенные в рукописи Син. греч. 220 (Влад. 88) на лл. 4, 122, 146 и 203, вписаны в круглые медальоны прямоугольных заглавных заставок, но типологически они восходят к листовым миниатюрам, о чем красноречиво говорят позы представленных: сидящим изображен лишь пишущий Матфей (рис. 5), тогда как остальные евангелисты имеют своим прототипом стоящих евангелистов (рис. 6—8). Тип авторского портретного изображения, включенного в заставку, в византийском книжном искусстве становится популярным уже во второй половине XI в. Это были, однако, композиции, представлявшие сидящих евангелистов и апостолов; иногда с их учениками ²⁸. Для заставок более типичны погрудные изображения Христа (Эммануила и Пантократора), нередко заключенные в круглые медальоны: последние встречаются в греческих кодексах Четвероевангелия примерно с того же времени. Заставки, в пространство которых вписаны подобные медальоны с бюстами евангелистов и апостолов, мыслимые как авторские портреты, могут быть указаны на примере уже упомянутого кодекса Нового завета с Псал-

²⁶ *Martin J. R.* The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954, fig. 69; *Buberl P.* Die Miniaturenhandschriften Nationalbibliothek in Athen. Wien, 1917, Abb. 40.

²⁷ *Spatharakis I.* The Portrait..., fig. 2, 17, 18, 26, 45, 52.

²⁸ *Der Nersessian S.* A Psalter and New Testament Manuscript at Dumbarton Oaks. — DOP, 19, 1965, fig. 28—30, 32, 33, 38, 42; *Alpatov M.* Un nuovo monumento di miniatura della scuola constantinopolitana. — Studi bizantini, 1927, 2, p. 103—108.

тирью в Палермо (№ 4)²⁹, два листа из которого хранятся ныне в Филадельфии (Free Lib. cod. Lewis, 353)³⁰. Таким образом, ближайшие аналогии оказываются связанными с рукописью из той же Чикаго-Карахиссарской группы.

Верхнюю часть л. 4 московской рукописи Син. греч. 220 (Влад. 88) занимает прямоугольная, довольно широкая заставка с круглым медальоном в центре; на золотом фоне здесь представлен сидящий на массивном охряном табурете с простейшей геометрической орнаментацией и с алой мутакой евангелист Матфей. Он одет в темно-розовый хитон, разбеленный в освещенных местах и темно-красный (тон краплака) в тенях; гиматий, судя по незначительным уцелевшим остаткам пигмента, был оливкового цвета, с коричневым в тенях. Правой рукой Матфей пишет на широком листе пергамента, который поддерживает левой. Кисть руки оливкового цвета, с теплыми коричневыми тенями, обведена по контуру линией более темного тона. Маленькие ступни ног выполнены менее тщательно. Евангелист изображен почти в профиль. Его фигура, большеголовая и угловатая, выполнена непосредственно по пергамену, после того как было положено золото фона. Живопись головы сохранилась лишь частично. Лицо и шея моделированы по темно-оливковому санкирю; борода и волосы пепельного оттенка. По следам на золотом фоне, справа, прослеживается контур пюпитра, изображение которого утрачено, равно как и осыпавшаяся живопись почти всей нижней части медальона, где уцелели лишь незначительные остатки охряного позема. Нимб вокруг головы очерчен кармином, который выполнена и сопроводительная надпись: Ο ΑΓΙΟΣ ΜΑΤΘΝΟΣ (рис. 5).

Поле прямоугольной заставки, с внешней стороны обведенной синей полоской (с пробелами), заполнено растительным мотивом. Характерно расположение по углам заставки крупных медальонов с темно-карминным кольцом-обрамлением, покрытым веерообразно расходящимися белильными линиями и отделенным с середины тонкой светло-синей линией, из которой выходят сине-зеленые пятилистники. Пространство между каждой из двух пар этих колец-медальонов заполняют переплетающиеся волюты растительного стебля с трилистниками внутри; от стебля отходят лешетки; меньшие волюты заполняют зазоры между кольцами-медальонами и большим медальоном с изображением евангелиста, а уголки — трилистники. Преобладает выделяющийся на золотом фоне плавно извивающийся светло-синий стебель с зелеными листочками и красными вкраплениями. Заглавие написано мелким золотым минускулом в четыре строки; инициал «Π» золотой, довольно строгой формы (с растительными завитками).

Изображение евангелиста Матфея отличается энергичной моделировкой форм, применением густых и сочных пробелов. По иконографии и по манере исполнения оно может быть сопоставлено с миниатюрами таких греческих рукописей, как Четвероевангелия библиотеки греческой патриархии в Иерусалиме (47)³¹ и монастыря Дионисиат на Афоне (№ 4)³². Эти и близкие им по стилю иллюминированные кодексы рубежа XII—XIII вв. представляют то же самое направление в книжном искусстве, всецело обязанное константинопольской художественной традиции. Орнаментику заставки можно охарактеризовать как композиционную разработку мотивов, с бесконечным разнообразием вариантов, применяемых византийскими мастерами на протяжении XI—XIII вв.; только в последние десяти-

²⁹ Подробнее о нем см.: Willoughby H. R. Vagrant Folios from Family 2400 in the Free Library of Philadelphia. — Byz., 1940—1941, XV, p. 126—132.

³⁰ Willoughby H. R. Illuminated Greek Manuscripts from American Collections, N 46.

³¹ Hatch W. H. P. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem. Cambridge, 1931, p. 98, pl. XLI.

³² Pelekanidis S. M., Christou P. C., Tsioumis Ch., Kadas S. N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Athens, 1973, vol. 1, p. 395, fig. 22.

летия XIII в., уже при Палеологах, появляются качественно новые варианты³³.

Три другие заставки рукописи Син. греч. 220 (Влад. 88) более схожи между собой, и единственное существенное отличие последней, на л. 203, от двух предыдущих — в том, что медальон с погрудным изображением Иоанна Богослова не вписывается в контур прямоугольной заставки, но значительно выдается вверх, будучи, кроме того, несколько смещен вправо (рис. 8). В целом же начальные листы, украшенные этими заставками с заключенными в круглые медальоны бюстами евангелистов, оформлены по одному и тому же принципу: золотом в одну строку унциалом, с элементами вязи, выполнено заглавие, а ниже, на полях помещен небольшой золотой инициал — буква, украшенная несложными растительными завитками.

В верхней части л. 122 находится заставка, в центре которой — круглый медальон с погрудным изображением евангелиста Марка (рис. 6). Евангелист представлен в трехчетвертном повороте вправо, в темно-розовом хитоне, складки которого моделированы тонкими белильными движками и темными линиями, и в охристом гиматии, коричневом в тенях, покрывающим левое плечо. Правой рукой Марк благословляет перед грудью, в левой держит большого формата кодекс в переплете охряного тона с выполненным коричневым цветом геометрическим орнаментом и с киноварным обрезом. Лицо обрамлено короткой окладистой бородой темно-каштанового цвета, свойственного и разделенным на пряди, коротко подстриженным курчавым волосам. Лицо, шея, а также кисть благословляющей правой руки — оливкового цвета; тени мягкие; белила применены лишь для разбела основного тона в наиболее освещенных местах; глаза и брови обозначены коричневыми линиями. Нимб очерчен киноварью, ею же выполнена крупная сопроводительная надпись: Ο ΑΓΙΟΥ ΜΑΡΚΟΥ. Ободок медальона синий. Прямоугольная заставка с темно-красным обрамлением в виде широкой полосы, разделанной пробелами мутно-зеленоватого тона; на углах — «слезки». Пространство золотого поля заставки по обеим сторонам от медальона с изображением евангелиста заполнено в каждом случае четырьмя кольцами, образованными растительным стеблем. Орнаментальные мотивы этих колец даны попарно: слева сверху — крестовидный, с крохотным красным крестоцветом в центре, обведенным белилами, от которого отходят четыре прямых стебля с широко распластанными лепестками — в промежутках между ними узкие лепестки миндалевидной формы. Для второго типа характерен крив с красной серединой и широко распластанными синими лепестками с белильными оживками. Справа сверху — крестовидные композиции с парами синих и зеленых лепестков и четырьмя красными «тюльпанамии». Четвертая пара колец — с заполняющими их широкими синими пальметтами. Просветы между кольцами заполнены крестоцветами и трилистниками.

На л. 146, в верхней его части, расположена подобная же заставка с вписанным в нее медальоном с погрудным изображением евангелиста Луки (рис. 7). Евангелист представлен в трехчетвертном повороте вправо, одетым в темно-розовый хитон с небрежно тронутыми белилами складками, оттененными темно-красными линиями; с правой стороны плеча спускается гиматий фиштаккового цвета, с коричневым в тенях. Правая рука Луки — перед грудью в ораторском жесте, в левой руке — большого формата кодекс с золотистой крышечкой переплета и киноварным обрезом. Лицо обрамлено редкой, короткой окладистой бородой темно-русого цвета, раздвоенной на конце, и коротко подстриженными курчавыми волосами. Тени положены на оливковую основу легким коричневым тоном, черты лица очерчены мягко. Вокруг головы киноварной линией очерчен нимб; по сторонам сопроводительная надпись: Ο ΑΓΙΟΥ ΛΥΚΑΣ. Ободок медальона

³³ *Buchthal H. Toward a History of Palaeologan Illumination.*— In: *The Place of Book Illumination in Byzantine Art.* Princeton, 1975, fig. 16, 17, 21—28, 31, 32.

сивий, контрастирующий с его золотым фоном. Заставка обведена по контуру киноварной линией, очерчивающей также «слезки» на углах. Широкое темно-красное обрамление декорировано веерообразно нанесенными белильными движками. Золотое поле заставки заполнено сгруппированными по четыре сердцевидными изгибами стебля с крупными сине-зелеными трилистниками; промежутки заполняют сине-зеленые стебли с распластанными лепестками на концах.

Последняя, четвертая заставка занимает верхнюю часть л. 203. В соответствии с общей схемой, определяющей и структуру предыдущих заставок, в нее вписан круглый медальон с изображением Иоанна Богослова (рис. 8). Нами уже были отмечены такие особенности, как несоразмерность медальона и его смещенность вправо от центра заставки. Чем они могли быть вызваны? Едва ли это можно объяснить неопытностью художника: он работает кистью быстро и уверенно, смело и энергично наносит мазки, выразительно передающие форму, но в его работе явно ощущается спешка и вызванная ею небрежность. Это в одинаковой мере сказывается и в изображениях евангелистов, и в выполнении орнамента заставок. Нарушение симметрий заметно и в заставке с Лукой (рис. 7), однако здесь, в последнем случае, оно становится слишком очевидным. Складывается впечатление, что по мере изготовления рукописи спешка усиливалась. И хотя, стремясь сохранить ритм в художественном оформлении кодекса, художник поместил все заставки с изображениями евангелистов на лицевой стороне листа вверху, весьма трудно представить, что это декор экземпляра рукописи, на фронтисписе которой мог приказать изобразить себя ее заказчик. Поэтому, возвращаясь к композиции первой миниатюры, мы можем на этот раз более уверенно высказать предположение о том, что молящийся Иоанну Златоусту монах есть не кто иной, как Евфимий Зигавин (рис. 4).

Иоанн Богослов представлен в иконографическом облике седобородого старца, в трехчетвертном повороте влево. Его фигура задрапирована темно-розовым плащом с туго натянутым краем, который евангелист сжимает пальцами правой руки, удерживая тяжелый полураскрытый кодекс с обычными киноварным обрезом и золотистыми досками переплета. Тонкие линейные складки одежды оттенены краплением, рядом с которым резко выделяются размашисто нанесенные струйчатые белые блики, вносящие элемент драматизма в это изображение сторбленного евангелиста. Живопись лица по существу утрачена: не задетыми осыпями оказались лишь фрагменты изображения носа, левого глаза, бороды, лба. Кисть руки — оливкового цвета, с обведенными коричневыми по контурам пальцами. Характерно, что красочный слой уцелел именно на тех местах, где под живопись заходит золото фона. Вокруг головы красной линией очерчен нимб неправильной формы. По сторонам — сопроводительная надпись минускулом: 'O 'ΑΓΙΩ 'Ο ΘΕΟΛΟΓ. Заставка с темно-красной обрамляющей полосой, разделенная с внутренней стороны зеленым «отворотом» с веерообразно расположенными белильными движками, которые создают орнаментальный мотив. Золотое поле заставки заполнено асимметрично растянутыми ромбами со вписанными в них ветками с трилистниками, детализированными белыми и охряными бликами. Крохотные бутоны по сторонам верхнего лепестка трилистников и крестоцветы в центре ромбов — темно-красные. В целом орнаментальный декор выполнен в довольно чистых тонах, но все же остается ощущение заметной сдержанности колорита.

Использование различных по происхождению и соответственно по иконографической схеме моделей иллюминатором кодекса Син. греч. 220 (Влад. 88) для изображений евангелистов очевидно. В византийской миниатюре можно обычно проследить случаи варьирования жестов, каких-либо второстепенных деталей в рамках одной серии, пользовавшейся популярностью в определенном художественном центре или же в отдельных скрипториях. Скрипторий, из которого вышла анализируемая рукопись, явно не имел в этом плане твердо устоявшихся традиций, что сказалось

в оформлении не только таких подробно иллюстрированных кодексов, как чикагский Новый завет или Карахиссарское евангелие, но даже в сравнительно скромно декорированных, подобных рассматриваемому. Помимо того что все последующие изображения евангелиста Матфея отличаются от первого типологически, они, как уже было сказано, восходят к образцам, представлявшим Марка, Луку и Иоанна стоящими. Однако несомненным в данном случае приходится считать обращение миниатюриста не к старым моделям, с их статуарной постановкой фигур³⁴, а к радикальным переработкам этих моделей, проникающим в византийское книжное искусство на рубеже XII—XIII вв.³⁵ Экспрессивное изображение Иоанна Богослова находит ближайшие иконографические и стилистические аналогии в миниатюрах Четвероевангелия из Мавромола (Москва, ГБЛ, греч. 9)³⁶, Четвероевангелия в библиотеке греческой патриархии в Иерусалиме (№ 28)³⁷, Четвероевангелия в монастыре Дионисия на Афоне (№ 12)³⁸. Приводимые примеры говорят о том, что появления таких произведений книжного искусства, как московская рукопись, содержащая Четвероевангелие с толкованием Евфимия Зигавина, может быть понято лишь на широком фоне новых явлений художественной жизни Византии в начале XIII в., в значительной мере предопределивших развитие искусства эпохи Палеологов³⁹.

Как мы убедились, в оформлении рукописи Син. греч. 220 (Влад. 88) нет ни одной особенности, позволяющей усомниться в ее принадлежности к Чикаго-Карахиссарской группе. Несмотря на то что книги переписаны различными писцами, нельзя категорически исключать вероятность выполнения Син. греч. 220 в том же скриптории, из которого вышел кодекс Син. греч. 387 (Влад. 224).

3. ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ МУЗЕЙСКОЕ

(Муз. 3646)

Греческая рукопись Четвероевангелия, входящая в Музейское собрание, судя по ярлыку, прежде принадлежала В. П. Орлову-Давыдову. Она была подробно описана К. Троем⁴⁰. В. Н. Лазарев упоминал это Четвероевангелие в числе известных ему лицевых византийских кодексов XI в.⁴¹; К. Трой датирует рукопись XII в., приводя мнение Р. Хамана Мак-Лена, считавшего временем ее изготовления рубеж XII—XIII вв. Декор рукописи оставался неизученным. Для истории кодекса существенное значение имеет датированная 1760 г.⁴² запись на л. 1 об.: το παρον τετραεγγελιον υπαρχει τοϋ παπα Λεοντιου τοϋ Θασιου και το χαρισειν εμοι των Διμητριον τοϋ Βεριου εις μνημοσυτων αυτου το χειρογραφον ÷ αμην. Λεοντ(ος) Διμητρ. ετι' αφξ (рис. 9), которая почти полностью повторена той же рукой на л. 1 (рис. 10). Там же находится монограмма указанного в цитированной записи лица.

Рукопись заключена в дощатый, покрытый кожей переплет с тисненными изображениями тронной богоматери с младенцем в среднике и евангелистов с их символами на углах верхней крышки и распятия — на нижней.

³⁴ Friend A. M. The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts. — Art Studies, 1927, V, p. 124—125, fig. 1—8, 13—16.

³⁵ Hatch W. H. P. Op. cit., pl. XXXVI—XXXVIII, XLVI—L.

³⁶ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977, вып. 3, № 892, рис. на с. 20.

³⁷ Hatch W. H. P. Op. cit., p. 112, pl. LV.

³⁸ Pelekanidis S. M. e. a. Op. cit., vol. 1, fig. 35.

³⁹ Подробнее см.: Demus O. Die Entstehung des Paläologenstils in der Malerei. München, 1958 (Berichte zum XI. Intern. Byzantinisten-Kongreß. München, 1958), S. 26—31; Velmans T. Les valeurs affectives dans la peinture murale byzantine au XIIIe siècle et la manière de les représenter. — In: L'art byzantin du XIIIe siècle. Symposium de Sopocani, 1965. Beograd, 1967, p. 47—57.

⁴⁰ Treu K. Op. cit., S. 305—307.

⁴¹ Лазарев В. Н. История..., т. 1, с. 316.

⁴² К. Трой прочитал дату записи как 1776 г.

кодекс состоит из 220 листов пергамена размером 19,5×14,2 см. Текст писан черными чернилами изящным минускулом, по 26 строк. Четверо-евангелие украшено миниатюрами, заставками и инициалами. Миниатюры с изображениями четырех евангелистов, с композициями, построенными по одному и тому же типу, составляют единую серию, как и большие квадратные заставки перед евангельскими текстами.

На л. 1 об. находится миниатюра с изображением евангелиста Матфея (рис. 11). Матфей сидит на широком золотом табурете, украшенном геометрическим узором с мотивом ромба, с киноварной мутакой; ноги опираются на полукруглое киноварное подножие, украшенное по краям жемчужной обнизью. Наклонившийся евангелист пишет на разлинованном листе пергамена, который он поддерживает левой рукой, сжимающей край гиматия. Одеждой служат синий с зеленоватым оттенком хитон, собранный в тонкие, сухие, параллельно идущие складки, и зеленый, изумрудного оттенка, гиматий. Поза подчеркивает порывистость движения; подол хитона развеивается как бы на ветру. Складки одежд выявлены посредством энергичных разбелов основного тона. Живопись лица, обрамленного седыми волосами и окладистой бородой с зелеными тенями, плохой сохранности и позволяет лишь отметить в качестве ее признака белильное вохрение. В отличие от достаточно тщательно нарисованной правой руки ступни ног евангелиста переданы довольно схематично и по контуру очерчены черной линией. Перед Матфеем — столик с письменными принадлежностями с укрепленным на нем юпитром, через который перевешен раскрытый свиток. Синее пространство, открывающееся сквозь аркаду — в виде нее трактован столик, — представляет остаток изображения постройки с киноварным карнизом и двускатной синей кровлей, покрытой черепицей; в левой части миниатюры ей соответствует аналогичное сооружение охряного цвета с киноварным многолопастным завершением. Фон золотой, с ничтожно малыми остатками сопроводительной надписи, выполненной синей краской; позем зеленый, с волнообразным контуром. Обрамление городчатое, в два тона синего цвета, разграниченные по контуру тонкой белильной линией. Слева на полях — поздняя сопроводительная надпись чернилами, выполненная, вероятнее всего, в 1760 г., одновременно с записями в начале рукописи.

Иконографическая схема миниатюры с изображением евангелиста Матфея относится к числу весьма распространенных в византийской миниатюре. Она может быть указана в таких иллюминированных кодексах, как Никомидийское евангелие⁴³, чикагский Новый завет⁴⁴, Четверо-евангелие из Андреевского скита на Афоне (Москва, ГБЛ, греч. 11)⁴⁵, Четверо-евангелие в библиотеке греческой патриархии в Иерусалиме (№ 47)⁴⁶, Четверо-евангелие в монастыре Мегаспелайон (№ 7)⁴⁷, и в ряде других, входящих в Чикаго-Карахиссарскую группу рукописей.

Большую часть л. 2 занимает почти квадратная заставка с широким красным обрамлением, разделанным светло-охряными волнистыми линиями, имитирующими перевивы веревки. У основания заставки слева — синий листок сердцевидной формы, справа — зеленая шишка на синем стебле и стилизованное сине-зеленое деревцо с сидящей на нем птицей; вверху — сине-зеленый куст с двумя куропатками по сторонам; на углах — синие сердцевидные листья. Пространство заставки заполнено выделяющейся на золотом фоне орнаментальной композицией с мотивом переплетающегося синего стебля с сине-зелеными кринами, образующей в центре ромбовидный узор (рис. 12). Ниже золотом выполнены заглавие, узкий ленточный орнамент с мотивом стебля вьюнка и текст в шесть строк; сине-зеленый инициал «В» образован изгибами растительного стебля.

⁴³ Петров Н. И. Указ. соч., рис. 3.

⁴⁴ Goodspeed E. J., Riddle D. W., Willoughby H. R. Op. cit., vol. III, pl. C.

⁴⁵ Пучко В. Г. Византийские лицевые рукописи ГБЛ в Москве, с. 114, рис. 13.

⁴⁶ Hatch W. H. P. Op. cit., p. 98, pl. XLI.

⁴⁷ Demus O. Studien zur byzantinischen Buchmalerei des 13. Jahrhunderts. — JÖB, 1960, 9, Abb. 4.

Последний лист, содержащий Евангелие от Матфея (л. 62 об.), оформлен декоративными крестами и записью золотом внизу.

Изображение евангелиста Марка занимает л. 63 об. (рис. 13). Миниатюра очень повреждена осыпями красочного слоя. Марк представлен сидящим на массивном золоченом табурете, плоскость которого покрыта перекрещивающейся штриховкой, по контуру — жемчужная обнизь; на табурете — киноvarная мутака с золотыми наконечниками, как и на других миниатюрах этого кодекса. Евангелист изображен в розово-красном хитоне, с очень низко нашитым на правом рукаве узким черным клавом, и в изумрудно-зеленом гиматии, в освещенных местах переходящем иногда в голубой тон. Цвет гиматия наиболее глубокий на левом плече, на пояснице и вдоль фигуры. Правой рукой Марк набирает тростью («писалом») чернила, левой держит разлинованный тонкими киноvarными линиями лист белого пергамена, зажав край гиматия. Ступни ног, опирающиеся на киноvarное подножие овальной формы, перетянуты тонкими черными ремешками сандалий. От изображений столика с письменными принадлежностями, стоящего перед евангелистом, остались лишь незначительные участки пигмента, указывающие на алый цвет крышки, коричневатый тон остова и фиштакховые обрамления декоративных арочек. Архитектурные кулисы трактованы в виде фланкирующих фигуру евангелиста сине-голубого башнеобразного сооружения слева, с двускатной киноvarной кровлей, и соответствующего ему фиштакхового, с широким киноvarным карнизом и синею двускатною черепичною кровлей, — справа. Тонкая киноvarная линия контура нимба сохранилась лишь частично. Изображение головы — полустертое. Фон — золотой, с осыпями по линиям предварительного рисунка, от которого миниатюрист существенно отступил. Позем — зеленый, обрамление — городчатое, двух тонов сине-голубого цвета, с белильной контурной линией раздела.

Иконография сидящего евангелиста Марка в византийской миниатюре отличается большим разнообразием, причем изображения размышляющего автора едва ли не являются преобладающими. Аналогичный тип посадки фигуры обычно характерен для Луки⁴⁸. Относительно близкими иконографическими аналогиями для описанной миниатюры Четвероевангелия Муз. 3646 являются две рукописи XIII в. в афонском монастыре Дионисиат (№ 12, 23)⁴⁹.

На л. 64 находится большая квадратная заставка с красно-голубым городчатым обрамлением; слева от нижнего угла отходит растительный завиток с листочком плюща, таким же, какие изображены на верхних углах, справа — стилизованное сине-голубое дерево с синим стволом, на котором сидит птица, обернувшаяся назад. Вверху нарисована фиала с тянущимися к ней двумя страусами. Пространство заставки заполнено выделяющимся на золотом фоне растительным узором, образованным голубым стеблем с зелено-голубыми трилистниками и пятилистниками. Перевивающийся стебель образует по углам большие, а между ними меньшие сердцевидные контуры с кринами внутри; к этим мотивам примыкают волюты стебля с подобными же кринами. Ниже заставки выделены золотом заглавие, узкая полоска и пять строк евангельского текста, написанного минускулом; инициал «А» с изображением стоящего на задних лапах льва, который грызет синий с золотыми разводами ствол дерева (рис. 14). Фигура льва передана довольно реалистично.

Миниатюра с изображением евангелиста Луки заполняет л. 120 об. (рис. 15). Евангелист представлен на золотом фоне, сидящим на массивном золотом табурете, с обычными штриховкой и жемчужной обнизью, а также большой киноvarной мутакой с золотыми наконечниками. Одежду составляют темно-розовый хитон и изумрудно-зеленый гиматий, собранные в беспокойно изломанные складки, нанесенные белилами по основному тону. Ступни ног, обутых в сандалии, опираются на киноvarное подножие

⁴⁸ Hamann-Mac Lean R. Op. cit., Abb. 24—27.

⁴⁹ Pelekanidis S. M. e. a. Op. cit., vol. 1, fig. 33, 58.

на зеленом поземе почти того же тона, что и гиматий. Правой рукой Лука держит большой чистый лист пергамента, левая поднята в патетическом жесте. Евангелист изображен в состоянии вдохновения. Лицо обрамлено темно-русыми волнистыми, коротко подстриженными волосами и короткой окладистой бородой. Живопись лица отличается хорошей моделировкой с постепенными светотеневыми переходами. Перед евангелистом — столик с письменными принадлежностями. Архитектурные кулисы, фланкирующие фигуру, имеют вид двух башнеобразных сооружений: синерозового с охряным карнизом и красным луковичной формы завершением — слева, и с чередующимися этажами синего, розового, голубого и охряного цвета, с красным куполом — справа. От тонкой киноварной линии, очерчивающей нимб, сохранились едва заметные остатки; сопроводительная надпись стерта. В качестве иконографической особенности изображения евангелиста Луки на этой миниатюре следует отметить простиженную на макушке тонзурю, по цвету почти не отличающуюся от волос. Обрамление — городчатое, сине-голубое, с тонкой белильной разгранкой. По сохранности эта миниатюра лучшая в рукописи.

Изображение евангелиста Луки в состоянии экстаза сравнительно редко встречается в византийской миниатюре, где обычно преобладает тип пишущего либо размышляющего автора. Евангелист в экстатическом состоянии — обычная тема лицевых латинских рукописей каролингского и оттоновского периодов, но она не оставалась чуждой и восточнохристианской иконографической традиции, на что, в частности, указывает изображение Луки в Остромировом евангелии 1056—1057 гг., миниатюры которого сохранили иконографические схемы ранних балканских моделей⁵⁰.

Л. 103, составляющий один разворот с описанной миниатюрой, украшен большой, почти квадратной, заставкой с красно-зеленым городчатым мотивом обрамления; от нижнего левого угла отходит карминный растительный побег с синим листочком плюща, от правого — стилизованные деревья с сидящей на большем из них куропаткой; сверху, над заставкой, — изображение птицы, на верхних углах — зеленые листочки плюща. Внутреннее пространство заставки заполнено выделяющимися на золоте фона голубым растительным стеблем, который образует сердцевидные деления, большей частью спаренные, со вписанными в них зелено-голубыми трилистниками. Между этими делениями вписаны зеленые четырехлепестковые розетки-крестоцветы. Ниже золотом выполнены заглавие, узкий ленточный орнамент с мотивом стебля вьюнка и две верхние, а также две нижние строки текста (две средние писаны чернилами). Инициал «Е» образован изображением птицы, проглатывающей золотую ветку с красной пальметтой, а также зеленой пальметтой внизу (рис. 16).

Последняя, четвертая миниатюра с изображением Иоанна Богослова занимает л. 171 об. (рис. 17). Ее красочный слой сохранился весьма плохо, и поэтому в данном случае можно говорить преимущественно о характере иконографической схемы. Евангелист представлен сидящим в кресле из тонких брусков, украшенных по контуру жемчужной обнизью; рисунок кресла выполнен поверх фигуры сидящего согбенного старца, одетого в синий хитон с развевающимися складками подола и бордового цвета гиматий, плотно облегающий плечи и правую руку. Иоанн Богослов в задумчивости склонился над полуоткрытым кодексом, который держит в руках. Фигура представлена почти в профиль. Ступни ног, перевязанные тонкими ремнями сандалий, опираются на киноварное подножие; позем зеленый. Изображение евангелиста фланкировано высокими башнеобразными сооружениями, из которых находящееся слева — охряного цвета с синим карнизом, справа — светло-синее с киноварным карнизом. Золото фона, судя по контурам предварительного рисунка, не совпадающим с живописным изображением, утрачено. Предварительный рисунок выполнен коричневыми чернилами пером. От изображения

⁵⁰ Подробнее см.: *Пуцко В. Г.* Этюды об Остромировом евангелии (Византийские и западные элементы иконографии миниатюр). — Преслав, вып. 3. София, 1984.

головы остались лишь незначительные участки коричневого пигмента с белилами волос, участок уха и бороды. Нимб вокруг головы обозначен тонкой киноварной линией. Сопроводительная надпись не сохранилась. Обрамление городчатое, сине-голубое, с обычной белильной разгранкой. Иконографически сходные изображения Иоанна Богослова часто встречаются среди византийских миниатюр начала XIII в., хотя они, как правило, обнаруживают бесконечное разнообразие в деталях⁵¹.

Как и в аналогичных предыдущих случаях, заставка на л. 172 занимает большую часть пространства (рис. 18). Она имеет городчатое карминно-голубое обрамление; от нижних углов отходят растительный завиток с зеленым листочком плюща и дерево с сидящей на нем птицей, вверху — стебель плюща и зеленые листочки на верхних углах. И здесь пространство заставки заполнено вырисовывающимся на золотом фоне голубым растительным стеблем, своими плавными изгибами образующим волюты и ланцетовидные фигуры, а посередине — ромб с вогнутыми гранями; пересекающихся в центре двух прямых черенков оказывается достаточным, чтобы этому причудливому узору с возникающими то здесь, то там зелено-голубыми кринами и красными полураспустившимися тюльпанами придать характер симметричной и строго упорядоченной орнаментальной композиции. Ниже, по обычаю, золотом выполнены заглавие, ленточный орнамент с мотивом двух свитых веточек плюща и первые четыре строки евангельского текста; инициал «Е» образует изображение сидящей птицы, которая клюет верхнюю пальметту красного цвета, опираясь лапками на нижнюю, голубую.

Судя по размерам полей миниатюр и особенно по срезанным завершениям заставок заглавных листов, кодекс Четвероевангелия Муз. 3646 за время своего существования заметно изменил формат. Больше всего он, очевидно, пострадал в XVIII в., при изготовлении ныне существующего переплета. Хотя все четыре миниатюры с изображениями евангелистов выполнены на отдельных вшитых листах более желтого пергамента, у нас нет оснований предполагать их более позднее происхождение по отношению к текстовой части рукописи. Не только иконографически, но и всеми своими стилистическими признаками изображения евангелистов выдают ближайшее сходство с кодексами Чикаго-Карахиссарской группы, близкими также и характером орнаментики заставок.

Над изготовлением указанной группы рукописей явно работала целая книгописная мастерская, располагавшая определенным штатом писцов и художников. Миниатюры для таких кодексов, как Муз. 3646, выполняли отдельно, приспособивая к уже сделанной текстовой части. Выполнение же столь щедро иллюстрированных рукописей, как чикагский кодекс Нового завета или Карахиссарское евангелие, требовало постоянного присутствия художника. Эти иллюстрации, по-видимому, были исполнены очень быстро, и если художник действительно вынужден был на некоторое время прерывать работу переписчиков, то становится понятным, что именно способствовало появлению миниатюр с совсем плоскими фигурами, очень упрощенными, с доминирующей линией силуэта и почти отсутствующей моделировкой объемов. В такой несколько упрощенной манере выполнены, в частности, миниатюры Никомидийского евангелия, а также некоторых кодексов Псалтири⁵². Однако не только лишь большой состав иллюстрационного цикла служил для этого причиной: выработанную манеру применяли и при иллюминации таких кодексов, как Син. греч. 220 (Влад. 88), доказательством чего может служить его выходная миниатюра (рис. 4). И хотя изображения евангелистов в рукописи Муз. 3646 не обнару-

⁵¹ См.: Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки, вып. 3, № 892, рис. на с. 20; *Hatch W. H. P. Op. cit.*, pl. XLIV, LV; *Hamann-Mac Lean R. Op. cit.*, Abb. 32; *Illuminated Greek Manuscripts*, fig. 88; *Pelekanidis S. M. e. a. Op. cit.*, vol. 1, fig. 35, 60, 464.

⁵² *Cutler A. The Aristocratic Psalter: The State of Research.* — In: XVe Congrès Intern. d'études byzantines. Rapports et co-rapports, III. Art et archéologie. Athènes, 1976, p. 231—257, pl. LII—LVII.

живають резкого разрыва с памятниками книжного искусства раннего XIII в., выполненными в этой манере, все же их следует в первую очередь сопоставлять с такими образцами, как Четвероевангелие из Андреевского скита на Афоне (Москва, ГБЛ, греч. 11) и Четвероевангелие из Мавромола (Москва, ГБЛ, греч. 9)⁵³.

Миниатюры, украшающие кодексы Чикаго-Карахиссарской группы, дают большое количество серий изображений сидящих евангелистов, очень схожих по иконографии, очень близких стилистически, но почти никогда не обнаруживающих абсолютного тождества. Это относится к миниатюрам рукописей, упомянутых в качестве аналогий при описании кодекса Муз. 3646, равно как и к орнаментальным композициям заставок тех же самых рукописей: сохраняется лишь общий характер декора.

Рассмотрение художественного оформления греческого Четвероевангелия Муз. 3646 выявило все признаки его принадлежности к группе иллюминированных рукописей, объединяемых вокруг чикагского Нового завета и Карахиссарского евангелия. Поскольку описанная рукопись чрезвычайно близка Четвероевангелию из Андреевского скита на Афоне (Москва, ГБЛ, греч. 11), которое, как было сказано, имеет помету о смерти некоего Иоанникия в 1208 г., постольку, вероятно, возникновение Муз. 3646 может быть отнесено примерно к тому же времени.

* * *

Изучению миниатюр и орнаментального оформления, составляющих единое целое в декоративном убранстве рукописей, имеет важное значение для их датировки и локализации. Развитие иконографии и эволюция стиля в декоре византийских рукописей иногда ощущаются острее, чем в графических формах письма. Однако лишь соединение усилий историков искусства средневековой книги и кодикологов, работающих каждый своими профессиональными методами, может дать положительные результаты. Этот вывод в данном случае мы имели возможность проверить исследованием трех рукописей одного круга, на первый взгляд столь непохожих, но в сущности в одинаковой мере отражающих новые явления в искусстве Византии начала XIII в.

⁵³ А. В. Карр предлагает разгруппировку многочисленных рукописей Чикаго-Карахиссарской группы; 24 рукописи он выделяет в одну чикагскую подгруппу. Вопрос этот остается пока дискуссионным отчасти потому, что ряд кодексов до сих пор не опубликован.

П. А. РАШПОРТ

О РОЛИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В РАЗВИТИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Роль византийского влияния — один из наиболее острых вопросов истории русской архитектуры домонгольского периода. В зависимости от того, как исследователи отвечали на этот вопрос, складывалась их общая концепция развития древнерусского зодчества. Естественно поэтому, что проблема византийского влияния привлекала внимание с первых же шагов русской историко-архитектурной науки. Впрочем, для историков XIX в. вопрос этот решался достаточно просто: древнейшие памятники русского монументального зодчества строили греки, следовательно, на раннем этапе русская архитектура была провинциально-византийской, а несколько позже на нее стало оказывать влияние также и романское зодчество.

Такая точка зрения могла продержаться лишь до тех пор, пока оставались плохо изученными сами памятники — как русской, так и византийской архитектуры. Их изучение постепенно, но совершенно неопровержимо показало, что памятники русской архитектуры даже древнейшего периода далеко не идентичны синхронным им византийским памятникам. И тогда начал формироваться другой, диаметрально противоположный взгляд, согласно которому роль византийского влияния на развитие русской архитектуры была минимальной, а основное значение имели древние традиции русского деревянного зодчества. Эта концепция возобладала в 40—50-х годах XX в. Некоторые исследователи пошли так далеко, что даже кирпичную кладку из плинфы со скрытым рядом, характерную для зодчества Киевской Руси, объявили русским изобретением, вызванным к жизни желанием повторить в каменно-кирпичной архитектуре типичное для деревянных срубных построек членение стен горизонтальными полосами. Конечно, такое одностороннее увлечение «автохтонностью» древнейшего русского монументального зодчества могло лишь дискредитировать русскую историко-архитектурную науку.

В настоящее время обе эти крайние точки зрения полностью отвергнуты и в научной литературе господствует отвечающий фактам объективный подход¹. Констатируется, что византийская архитектура сыграла огромную роль в становлении русского монументального зодчества, хотя под влиянием местных условий даже наиболее ранние каменно-кирпичные здания Киевской Руси уже существенно отличались от византийских; в дальнейшем же пути развития русской и византийской архитектуры все более расходились, что привело в середине — второй половине XII в. к полной переработке византийских форм на Руси. Эти положения, историческая достоверность которых не вызывает сомнений, можно найти в работах ряда советских ученых, прежде всего В. Н. Лазарева и Н. Н. Воронина. Однако никто из исследователей не ставил перед собой задачи специального изучения данной проблемы и не пытался свести воедино все накопившиеся факты с тем, чтобы дать полный ответ на продолжающий

¹ Удальцова З. В., Шапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. — ВИ, 1980, № 7, с. 50.

оставаться острым и актуальным вопрос о роли византийского влияния на развитие древнерусской архитектуры.

Проблема, о которой идет речь, включает по сути два самостоятельных вопроса: как часто приезжали на Русь византийские зодчие и что они на Руси строили, во-первых; во-вторых, чем объясняется отличие древнейших памятников русской архитектуры от византийских и различие путей архитектурного развития в этих странах? По обоим этим вопросам за последние годы были получены весьма существенные новые данные.

Сложность решения проблемы, как и изучения древнейшего периода русской архитектуры в целом, связана прежде всего со скудостью источников; количество сохранившихся памятников невелико. В настоящее время на всей территории, некогда входившей в состав Древней Руси, имеется всего около 30 целиком сохранившихся памятников зодчества домонгольского периода, т. е. относящихся ко времени от конца X до середины XIII в. Если даже к этому добавить те постройки, которые сохранились лишь частично, и те, которые погибли в сравнительно недавнее время, то и тогда общее количество памятников не достигнет 60; из них к X—XI вв. относится менее десятка. Интенсивные исследования и археологические раскопки, проведенные за последние 30 лет, позволили увеличить количество изучаемых памятников русской архитектуры X—XIII вв. почти до двух сотен. Это дает возможность по-новому и более объективно решать вопросы, связанные с оценкой путей развития русской архитектуры и роли византийского влияния.

Русские летописи сообщают только об одном случае приезда византийских мастеров-строителей. Это произошло в конце X в., сразу же после принятия Русью христианства, когда греческие мастера построили в Киеве церковь Богородицы, названную Десятинной. Князь Владимир, как пишет летописец, «помысли создати церковь пресвятыя богородица и послав приведе мастера от Грек»². Остатки Десятинной церкви были вскрыты археологическими раскопками³. Постройка этого храма византийскими зодчими — факт настолько бесспорный, что не вызывал сомнений ни у одного, даже самого скептически настроенного ученого. Однако примененная в Десятинной церкви кладка из плинфы со скрытым рядом неизвестна в каком-либо византийском памятнике того времени; все они возведены позже. Высказывалось предположение, что и в Десятинной церкви такая кладка относится к частям здания, перестроенным в 1039 г., но сама перестройка Десятинной церкви в XI в. очень спорна; соответствующее мнение основано исключительно на известии о вторичном освящении храма, которое могло быть вызвано вовсе не перестройкой здания, а какими-либо иными причинами. Главное же — кладка со скрытым рядом отмечена в найденных при раскопках фрагментах профилированного столба, явно относящегося к аркадам хор, т. е. безусловно к первоначальному этапу строительства. Таким образом, не подлежит сомнению, что техника, о которой идет речь, действительно использовалась на Руси уже в конце X в. Следовательно, она должна была применяться в Византии в еще более раннее время.

Обычно приводимые примеры византийских памятников, исполненных в технике кладки со скрытым рядом, не восходят ко времени древнее середины XI в. и относятся почти исключительно к зодчеству Константинополя⁴. Известны, однако, и более ранние постройки; так церковь Панагия Халкеон в Солуни была возведена в 1028 г.⁵ Памятники византийского зодчества второй половины X в. практически почти не изучены, а в Кон-

² Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 83 (6497 г.).

³ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, ч. 2, с. 25.

⁴ Schneider A. M. Byzanz. — Istanbuler Forschungen, Amsterdam, 1967, Bd. 8, S. 14; Schäfer H. Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert. — Istanbuler Mitteilungen, Tübingen, 1973/1974, Bd. 23/24, S. 198.

⁵ Vocotopoulos P. L. The concealed course technique: further examples and a few remarks. — JÖB, 1979, Bd. 28, S. 254.

стантинополе вообще не сохранилось ни одного памятника от середины X до третьей четверти XI в.⁶ Учитывая общие тенденции развития византийской архитектуры, большинство исследователей склоняется к мысли, что техника кладки со скрытым рядом была изобретена в Константинополе во второй или третьей четверти X в.⁷

Итак, очевидно, что постройка Десятиной церкви была осуществлена не просто византийскими («от Грек»), но столичными, константинопольскими мастерами. Кроме этого события, в Печерском Патерике излагается предание о приезде греческих зодчих в 70-х годах XI в. для постройки Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Собор был заложен в 1073 г., причем в Патерике отмечено, что для его строительства «приидоша от Царяграда мастера церковнии, четыре мужи...»⁸. Некоторые исследователи сомневались в достоверности данного сообщения, поскольку оно не находило подтверждения в других источниках⁹. Однако изучение руин самого собора привело к выводу об историчности сообщения Патерика¹⁰. Совершенно неожиданно сведения легенды получили убедительное подтверждение при раскопках другого памятника — собора Кловского монастыря. Собор этот был построен в 80—90-х годах XI в. по заказу игумена Стефана, бывшего до этого игуменом Печерского монастыря, и поэтому вполне вероятно, что Кловский собор строили те же мастера, которые возвели Печерский собор. Вскрытая раскопками сложная и необычная для русских памятников сетка ленточных фундаментов затрудняла реконструкцию плана Кловского собора¹¹. Единственное решение, которое полностью соответствует плану фундаментов, — это храм с куполом на 8 опорах¹². Подкупольное пространство собора имело размер около 9,6 м; это был самый большой по диаметру купол в древней Руси. Тип храма с куполом на 8 опорах совершенно здесь не применялся, зато был широко распространен в Византии. Все сохранившиеся памятники этого типа находятся на территории Греции, но исследователи полагают, что по происхождению он все же не провинциально-греческий, а столичный¹³.

Кроме этих двух приездов византийских мастеров-строителей на Русь, засвидетельствованных как реальными остатками памятников, так и письменными источниками, имеются данные, позволяющие утверждать, что было еще несколько таких приездов.

В самом деле, после постройки Десятиной церкви и некоторых небольших гражданских зданий рядом с ней, видимо возведенных в то же время, строительство в Киеве прервалось. Новый его этап, связанный с сооружением Софийского собора, начался либо в 1017 г., либо в 1037 г. Даже если принять более раннюю дату, то и тогда окажется что строительная артель, возводившая Десятинную церковь, полностью бездействовала по крайней мере полтора десятка лет. К тому же ряд общесторических соображений и собственно «архитектурных аргументов» дают основания считать гораздо более вероятной позднюю дату начала строительства Софийского собора¹⁴. В таком случае лагуна между двумя этапами строительства в Киеве растягивается уже не менее чем на 30 лет. Видимо, пер-

⁶ Buchwald H. Sardis church E-a preliminary report. — JÖB, 1977, Bd. 26, S. 285.

⁷ Schäfer H. Architekturhistorische Beziehungen..., S. 218; Vocotopoulos P. L. Op. cit., S. 258 и а.

⁸ Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 5.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев, ч. 2, с. 344.

¹⁰ Холостенко Н. В. Памятник XI в. — собор Печерского монастыря. — Строительство и архитектура, Киев, 1972, № 1, с. 34.

¹¹ Асеев Ю. С., Харламов В. О., Мовчан І. І. Дослідження архітектури Кловського собору в Києві. — Археологія, 1979, № 30, с. 37. Предложенная этими авторами реконструкция не может быть признана убедительной.

¹² Логвин Г. Н. Архитектура храма на Клове. — В кн.: Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев, 1980, с. 72.

¹³ Mango C. Byzantine Architecture. N. Y., 1976, p. 224.

¹⁴ Асеев Ю. С. Про дату будівництва київської Софії. — Археологія, 1979, № 32, с. 3; Poppe A. The building of the church of St. Sophia in Kiev. — Journal of Medieval History, 1981, vol. 7, N 1, p. 15.

вая артель строителей, возведя Десятинную церковь, возвратилась в Константинополь, а строительство Софийского собора осуществила уже новая артель, также приехавшая из Византии¹⁵. После этого строительная деятельность в Киевской Руси развивается непрерывно; очевидно, в процессе сооружения Софийского собора в Киеве сложилась собственная, достаточно сильная, строительная организация. Именно поэтому для возведения Печерского собора уже не надо было вызывать из Константинополя целую артель умельцев, а достаточно было пригласить несколько руководителей строительства — зодчих («четыре мужи»).

В конце XI в. началось монументальное строительство в Переяславле. Археологическое исследование памятников, построенных здесь в конце XI — начале XII в., показало, что как по архитектурным формам, так и по деталям строительной техники они не совпадают с памятниками Киева и целиком связаны с архитектурой Константинополя. Об этом вполне убедительно свидетельствует, например, раскопанная гражданская постройка, очевидно баня, о которой с удивлением писал летописец¹⁶. При ее раскопках были найдены керамические водопроводные трубы византийского типа, капитель из проконнесского мрамора, смальта от мозаичных наборов. Но особенно ярко отразились византийские черты в главном храме Переяславля — церкви Михаила, все архитектурные формы и декоративные элементы которой указывают на ее константинопольское происхождение¹⁷. Так, многие черты этого памятника находят аналогии в относящемся к XI в. константинопольском здании Гюль-джамии, видимо бывшей церкви монастыря Эвергета¹⁸. Очевидно, что начало строительства в Переяславле связано с приездом сюда новой византийской строительной артели, вызванной епископом Ефремом, который до того, как обосновался в Переяславле, долгое время жил в одном из константинопольских монастырей «и тамо всякой красоте научився»¹⁹.

Таким образом, от конца X до конца XI в. мы можем отметить не менее четырех случаев приезда на Русь византийских строительных артелей или зодчих. Видимо, церковно-политические и культурные связи Руси и Византии являлись настолько тесными, что пригласить мастеров-строителей из Константинополя было иногда проще, чем готовить соответствующие кадры на месте.

Существует еще одна группа памятников конца XI или самого начала XII в., также созданных приехавшей на Русь новой строительной артелью: это церкви, построенные в Чернигове, и особенно Успенский собор Елецкого монастыря. Архитектурная композиция и тип последнего несомненно связаны с развитием киевского зодчества, в частности находятся под сильным влиянием Печерского собора. Вероятно, подражание типу «богосозданной» Печерской церкви было обязательным условием, которое поставили перед зодчими. Однако полностью изменившаяся строительная техника (равнослойная кирпичная кладка), новые типы конструкции (лестницы в толще стены, крестовые своды), совершенно иной набор декоративных элементов (аркатурный пояс, полуколонны на пилястрах фасадов и др.) и даже иная система формовки кирпичей свидетельствуют о том, что строителями были не киевляне, а какие-то приезжие мастера. Кроме Елецкого собора, и, вероятно, Борисоглебской церкви, в той же строительной технике в Чернигове была возведена небольшая бесстолпная Ильинская церковь, аналогии типу которой также известны в XI в. в разных районах Византии²⁰.

¹⁵ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 224.

¹⁶ «Строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси» [Лаврентьевская летопись, 6597 (1089) г.].

¹⁷ Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила в Переяславле. — Зограф, Београд, 1979, № 10, с. 30.

¹⁸ Schäfer H. Die Gül Gamii in Istanbul. Tübingen, 1973; Aran B. The church of saint Theodosia and the monastery of Christ Euergetes. — JÖB, 1979, Bd. 28, S. 228.

¹⁹ Гусинская летопись (ПСРЛ. СПб., 1843, т. II, с. 277). См. также: Poppe A. Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. W-wa, 1968, str. 142, 167.

²⁰ Eyice S. La ruine byzantine dite «Üçayak». — Carch., 1968, XVIII, p. 144.

После 1139 г., вместе с переходом на киевское княжение черниговских князей Ольговичей, те же зодчие начали работать и в Киеве. Происхождение этой строительной артели пока неясно, но, в отличие от всех предыдущих примеров, где явно ощущалась столичная, константинопольская архитектурная школа, в Чернигов приехали мастера из византийской провинции, причем из такого района, где наряду с византийской основой было заметно и романское влияние. Очень вероятно, что мастера были вызваны в Чернигов князем Олегом Святославичем, женатым на гречанке и проведшим несколько лет в Византии.

Практика приглашения византийских зодчих продолжалась на Руси и в XII в., хотя в меньшей степени, чем в XI в. Так, безусловно византийскими строителями были возведены церковь Благовещения в Витебске, а несколько позднее церковь Бориса и Глеба в Новогрудке²¹. Судя по технике кладки (чередование рядов тесаного камня и кирпича-плинфы), эти мастера, вероятно, прибыли из района Балкан²². Какой-то византийский зодчий участвовал в строительстве церквей в Полоцке в первой половине XII в.²³ Во Пскове в 40-х годах XII в. по заказу новгородского епископа Нифонта византийский мастер руководил строительством собора Мирожского монастыря, о чем свидетельствует четко выраженная крестообразная композиция, совершенно не применявшаяся на Руси, но типичная для провинциального византийского зодчества²⁴.

Казалось бы, столь частые приезды на Русь византийских строителей должны были привести к тому, что вся русская архитектура не только XI, но даже и XII в. полностью повторяла бы византийские архитектурные формы. Между тем этого не произошло. Даже самые ранние памятники русской монументальной архитектуры, созданные, несомненно, под руководством византийских зодчих, очень существенно отличаются от памятников, возведенных на территории самой Византийской империи.

Чем же можно объяснить такое явление? Очевидно, здесь сыграли роль три основные причины. Во-первых, приехавшим на Русь архитекторам пришлось тут решать иные задачи, чем на родине, отвечать на иные запросы. Именно новое задание заставляло зодчих прежде всего отказаться от привычных решений. Киевский Софийский собор строился как главный храм вновь сложившегося мощного государства. Своей пышностью и великолепием он должен был отвечать этому назначению, о чем убедительно свидетельствуют русские письменные источники. Собор должен был иметь обширные эмпоры (иначе — хоры; на Руси их называли «полати»), которые могли бы вмещать большое количество людей. Здесь происходили торжественные церемонии княжеского и епископского дворов, прием иностранных послов и пр. В Константинополе император мог использовать для этой цели эмпоры Софийского собора, построенного в VI в.; при сооружении новых церквей нужды в подобных помещениях в Константинополе не было. Но осветить обширные хоры в киевском Софийском соборе, прикрытые снаружи вторым ярусом галерей, можно было только через окна барабанов дополнительных глав. Таким образом, многоглавие русских церквей этого периода, столь резко отличающее их от византийских, имеет функциональное объяснение: это — исполненное византийскими строителями приемами решение задачи, которую поставили перед мастерами на Руси²⁵. В киевском Софийском соборе имеется 13 глав; в новгород-

²¹ Каргер М. К. Церковь Благовещения в Витебске. — КСИА АН СССР, 1978, вып. 155, с. 71.

²² Подробную сводку материалов об этой технике см.: Reusche E. Polychromes Sichtmauerwerk byzantinischer und von Byzanz beeinflusster Bauten Südosteuropas. Köln, 1971.

²³ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века. — СА, 1980, № 3, с. 157.

²⁴ История русского искусства. М., 1978, т. 1, с. 25 (текст Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта). См. также: Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973, текст перед рис. 188.

²⁵ Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.

ском Софийском соборе, очень близком ему по композиции, галереи первоначально строились одноэтажными; они не закрывали хор, и поэтому количество глав здесь меньше, их всего пять²⁶. Многоглавие, вызванное функциональной необходимостью, архитектор использовал для создания чрезвычайно торжественной и живописной композиции. Особенности заказа может быть объяснено и широкое развитие западной части, столь характерное для ранних киевских храмов²⁷.

Вторая причина, повлиявшая на изменение византийских архитектурных форм на русской почве, — отличия в условиях строительства и в строительных материалах. Раньше на Руси не было кирпичного строительства, и естественно, что византийским мастерам пришлось здесь впервые налаживать производство кирпича. Конечно, они стремились по возможности экономить его и использовать местный камень. Так, в Новгороде строители широко применили местную известняковую плиту, что резко изменило внешний облик стен. На Руси не было мрамора, и поэтому вместо мраморных колонн зодчие ввели кирпичные столбы, а это сразу же сказалось на характере интерьера храмов. Высказывалось предположение, что даже форма сводов с подпружными арками и связанное с этим применение столбов с выступающими лопатками отвечают некоторому упрощению системы кладки, что, в свою очередь, объясняется нехваткой опытных каменщиков²⁸. Вместо мраморных карнизов использовали плиты пиррофиллитового сланца (обычно называемого красным шифером). Им покрывали и полы, поскольку он имел цвет, близкий к излюбленному в Византии пурпуру. Также широко вместо мраморных полов стали употреблять полы из поливных керамических плиток. Таким образом, внедрение местных строительных материалов и приспособление к местным условиям строительства оказали очень существенное влияние на изменение архитектурных форм.

Наконец, третья причина, которую нам, к сожалению, труднее всего учесть, — эстетические представления заказчиков. По-видимому, деревянное зодчество, существовавшее на Руси до принятия христианства, не могло оказать непосредственного влияния на архитектурные формы или строительные приемы каменно-кирпичных сооружений. Этому препятствовала совершенно иная технология деревянного и каменно-кирпичного строительства. Даже значительно позднее при нехватке каменщиков их вербовали из горшечников, керамистов, а не из плотников. Кроме того, церковные власти, конечно, не могли допустить, чтобы первые христианские церкви хоть в чем-либо напоминали языческие капища. Однако традиционное на Руси деревянное зодчество могло все же повлиять на архитектурный облик монументальных каменно-кирпичных сооружений, поскольку традиции деревянного зодчества способствовали выработке у представителей господствующего класса Киевской Руси определенных эстетических представлений, а архитектору нельзя было не считаться с требованиями заказчиков.

В результате сочетания и взаимодействия этих причин памятники русской архитектуры уже на самых ранних этапах развития обладали большим своеобразием, заметно отличающим их от памятников Византии. На основе этих ранних киевских зданий на Руси сложилась собственная архитектурно-строительная традиция. В силу церковно-политического главенства Киева она стала ведущей в развитии архитектуры во всех русских землях. Поэтому вновь приезжавшие мастера были вынуждены считаться с нею и придерживаться основных композиционных и типологичес-

М., 1972, с. 50; см. также примечание Г. М. Штендера в кн.: *Каргер М. К.* Новгород. 4-е изд. Л., 1979, с. 229, примеч. 7.

²⁶ *Штендер Г. М.* Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни новгородской Софии. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 30.

²⁷ *Холостенко М. В.* З історії зодчества древньої Русі X ст. — *Археологія*, 1965, т. XIX, с. 68.

²⁸ *Schäfer H.* Architekturhistorische Beziehungen..., S. 216.

ких решениях, сложившихся в Киеве. Так, строители Успенского собора Печерского монастыря несомненно учитывали, что в Киеве к этому времени уже получил развитие тип трехнефного крестовокупольного (вернее — типа вписанного креста) храма с нартексом²⁹. В дальнейшем престиж Печерского монастыря и вышедшая из него легенда о «божественном» происхождении Успенского собора создали традицию, по которой большие городские и монастырские соборы должны были как типологически, так и по посвящению (Успение) повторять Печерский собор³⁰. Конечно, повторение это было не буквальным: храмы строили разной величины, с нартексом или без него, но общий тип здания повторяли полностью. В тех же случаях, когда вновь приезжавшие византийские мастера возводили здания, не отвечавшие сложившейся киевской традиции (например, церковь Михаила в Переяславле, собор Кловского монастыря), эти памятники уже не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие русского зодчества.

Со сложившейся на Руси архитектурной традицией пришлось считаться не только византийским, но и приезжавшим романским мастерам: так, церковь Иоанна в Перемышле (первая четверть XII в.) представляла собой крестовокупольный храм, а не романскую базилику³¹.

Таким образом, в развитии русской архитектуры по крайней мере с середины XI в. наметилась четкая линия самостоятельного развития, приведшая в середине XII в. к появлению таких построек, в которых византийские композиционные приемы были полностью переработаны и переосмыслены. Свидетельством этому является Спасский собор Евфросиньева монастыря в Полоцке — первый пример той динамической башнеобразной композиции церквей, которая стала господствующей в русском национальном зодчестве к концу XII в.³²

²⁹ *Комеч А. И.* Возникновение позакомарного завершения фасадов в храмах Киева второй половины XI—начала XII века. — В кн.: Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1975, вып. 1, с. 14.

³⁰ О церкви в Ростове в Печерском Патерике сказано: «...и сия вся в чин и в подобие сътвори по образу великия тоа церкви богознаменанья», См.: Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980, с. 428.

³¹ *Раппопорт П. А.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 459; *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества. — КСИА АН СССР, 1981, вып. 164, с. 37.

³² *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции, с. 12.

М. К. ХОТЕЛАШВИЛИ, А. Л. ЯКОБСОН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХРАМ В С. ДРАНДА (АБХАЗИЯ)*

- 1

Храм в с. Дранда представляет, несомненно, чрезвычайный интерес. Он находится в местности Цхыбын (северо-восточнее древнего Севастополиса, совр. Сухуми, в 23 км от него), являвшемся, по-видимому, важным культурно-политическим, стратегическим и церковным центром Апсилии, где, вероятно, находилась резиденция апсильского князя и епископа, а также крепость¹. В ней и был воздвигнут храм. Здесь, на рубеже горной и прибрежной зон исторической Апсилии, начинался знаменитый в древности Мисимианский путь, связывавший абхазское побережье с Северным Кавказом².

В раннее средневековье территория Абхазии находилась, как известно, под владычеством Византии, которая с V в. развернула там широкое строительство дорог и крепостей — и не только ради охраны горных проходов, но и для закрепления за собой прибрежной зоны, важной для византийского флота, а тем самым для поддержания своей северо-восточной экспансии в странах Восточного Причерноморья. Той же цели служило усиление церковной организации и строительство храмов, ведшееся особенно активно при Юстиниане I. К памятникам этого строительства относятся храмы в районе Адлера, Цандрипская (Гантиадская) базилика, храм в Гагре, несколько храмов в Питиунте (Пицунде), базилика в Алахадзы, храмы в крепости Цибиле, в Зиганисе (Гудакове), Анакопии³. О строительстве Юстинианом I храмов в Лазике сообщает Прокопий Кесарийский⁴.

Обращает на себя внимание разнотипность перечисленных храмов, что объясняется, очевидно, отсутствием собственной традиции в культурном зодчестве. А это, несомненно, способствовало проникновению и утверждению архитектурной мысли, шедшей из Византии вместе с греческими мастерами⁵. О византийском архитектурном экспорте в Абхазию

* Первая часть статьи, посвященная керамике, написана М. К. Хотелашвили, вторая — об архитектуре храма — А. Л. Якобсоном.

¹ Значительные укрепления этого района (Дранда, Даранда, Дандара) указаны на старинных итальянских картах (см.: *Дюбуа де Монпере Фр.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, т. 1, с. 147).

² *Иерусалимская А. А.* О северо-кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1967, 2, с. 64.

³ *Хрушкова Л. Г.* Скульптура средневековой Абхазии. Тбилиси, 1980, с. 18, 31, 32, 37; *Леквинадзе В. А.* Гантиадская базилика. — СА, 1970, 3, с. 170—172; *Он же.* О некоторых сооружениях древнего Питиунта. — КСИА, 1968, 113, с. 57, 58; *Рчеулишвили Л. Д.* Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья. — В кн.: Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978, с. 23, 24; *Якобсон А. Л.* О дате большого храма в Пицунде. — КСИА, 1972, 132, с. 45; *Микеладзе Т. К.* Бичвинская двухапсидная церковь. — МАГК, 1963, III, с. 131; *Башкиров А. С.* Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Сухум, 1926, с. 34, 35; *Агрба З. В.* Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы Гагринского района. — Вестник отд. обществ. наук (Мацне) АН ГрузССР, серия истории, 1972, 3, с. 159; *Закарая П. П., Леквинадзе В. А.* Археологические раскопки в Гудава в 1971 г. — АЭМГ, 1974, III, с. 149; *Замтарадзе М.* Гудавская археологическая находка. — ВГМГ, 1979, XXXIV-V, с. 66.

⁴ *Procopii De aedificiis*, III, 7 (пер. С. Кондратьева: ВДИ, 1939, 4, с. 249).

⁵ *Рчеулишвили Л. Д.* Указ. соч., с. 21.

в V—VI вв. свидетельствуют и найденные здесь многочисленные изделия из проконнесского мрамора (колонны, капители, детали амвопа и пр.)⁶.

О самом храме, его композиции и архитектурных особенностях — речь ниже. А сначала мы остановимся на одном открытии, сделанном в храме перед его недавней реставрацией — при снятии железной кровли с западной стороны от барабана. Открытие это существенно и само по себе, и для датировки храма, в чем пока нет согласия среди исследователей.

Строительный мусор, заполнявший пространство между основанием барабана и прилегающими к нему глухими куполами, содержал большое количество амфор, уложенных одна к другой горловинами вниз в слегка наклонном положении. Извлечено было около 30 сосудов, из которых 24 амфоры находятся ныне в Абхазском музее (рис. 1). Часть амфор осталась неизвлеченной. По всей вероятности, немало их заложено и во всех других сводах и куполах. Включение полых и, как видно по драндским экземплярам, не бывших в употреблении сосудов в кладку сводов ради их облегчения практиковалось уже в первые века н. э. — в архитектуре Римской империи, сасанидского Ирана, а затем и Византии⁷. В Абхазии этот прием известен не только в Дранде: как и там, многочисленны амфоры были заложены (также горловиной вниз) в свод конхи Цандрипшской базилики в с. Гантиади (бывш. Цандрипш) близ Гагры. Здесь было извлечено 20 раннесредневековых амфор двух типов⁸.

Оба комплекса амфор — из Гантиади и из Дранды — приблизительно одновременны и исключительно важны не только для изучения раннесредневековой керамики, но и для характеристики всей материальной культуры Абхазии и ее исторических связей в ту эпоху.

Амфоры из сводов в Дранде принадлежат семи типам (рис. 1 и 2).

1. Амфора конической формы с высоким горлом (рис. 2, 1). От сосуда сохранилась лишь верхняя часть выс. 43,5 см; выс. горловины — 8,5 см, диам. устья — 7 см. Ручки — овальные в сечении, с продольными желобами. Тулово сплошь бороздчатое, черепок красно-палевый с редкими включениями белых частиц. Тулово такой же амфоры было поднято со дна моря в районе Нового Афона. Их фрагменты встречались и на Пицундском городище⁹, а также на Таманском полуострове¹⁰ и в Крыму, где они датируются V или началом VI в. Высота аналогичных херсонесских сосудов — 83—85 см¹¹. Подобные амфоры (V—VI вв.) известны и в Западном Причерноморье — в Дакии (территория совр. Румынии); их находили в Сучидаве, Томи, Истрии, Диногетии¹² и во Фракии (в Ятруссе¹³ на памятниках V—VI вв.). Амфоры этого типа, относящиеся к позднеимперскому периоду, попадались в Тарсе (в западной части Малой Азии)¹⁴.

⁶ Хрушкова Л. Г. Указ. соч., гл. 1.

⁷ Demangel R., Mamboury E. La quartier des Manganes et premier région de Constantinople. P., 1939, p. 45.

⁸ По сообщению Л. Г. Хрушковой.

⁹ Гамбашидзе О. С. Результаты археологических раскопок на VII участке городокрепости Бичвинта. — В кн.: Великий Питиунт, II. Тбилиси, 1977, с. 128, 131, 132, рис. 174, 185. Амфоры найдены в IV башне, переставшей существовать к концу первой половины VI в., тем самым и наша амфора не может быть отнесена к более позднему времени (см.: Там же, с. 141).

¹⁰ Из раскопок Н. И. Сокольского на городище Батарейка II (см.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 9, рис. 1, 1).

¹¹ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. — МИА, 1941, 4, с. 222, рис. 36; *Он же*. Античный дом в Херсонесе. — ВДИ, 1950, № 2, с. 118; Белов Г. Д., Стржеleckий С. Ф., Якобсон А. Л. Кваргал XVIII (раскопки Херсонеса в 1941, 1947 и 1948 гг.). — МИА, 1953, 34, с. 203—204, рис. 51; с. 213, рис. 63.

¹² Свод находок этих амфор в Румынии см.: Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV—VIIe siècle) dans l'espace Istro-Pontique. — Dacia, N. S., 1977, XXI, p. 283, fig. 23, type XVII (V—VII вв.).

¹³ Böttger B. Die Importkeramik aus dem spätantiken Donausimeskastell Iatrus in Nordbulgarien. — In: Actes du IXe Congrès Intern. d'études sur les frontières romaines. Bucureşti; Köln, 1974, тип A—S. 131, abb. 2 (Pd), Taf. 28, 1. В этих амфорах хранилось оливковое масло.

¹⁴ Goldmann H. Excavation at Gözlu-Kule (Tarsus, vol. I). Princeton, 1950, p. 166, pl. 209, N 831. Выс. амфоры — 67 см, диам. — 22 см.

Форма рассмотренной амфоры имеет еще античный облик и является по существу раннесредневековым вариантом позднеримских амфор, дата бытования которых не выходит за пределы V—VI вв.

2. Амфора веретенообразной формы (рис. 2, 2). Выс. ее — 56,5 см, наибольший диам. — 20,5 см, диам. устья — 3,5 см. Сосуд тонкостенный. Сужающееся книзу тулово заканчивается ножкой в виде конусовидного поддона-каблучка с узким отверстием снизу. К горлу примыкают плоские ручки. Тулово сплошь бороздчатое (борозды поднимаются вверх спиралеобразно). Черепок — красновато-коричневый, тесто — тонкоотмученное, с большим содержанием слюды.

Аналогичные амфоры или их фрагменты неоднократно находили в Абхазии: в Сухумской крепости (1959 г.), на Пицундском городище в слоях IV—V вв. — около полустотни ножек и горловин с ручками¹⁵, в крепости Цибил в Цебельде. Их нередко встречали в городах Боспора — Гермонассе (датированы по условиям находки IV в.), в Пантикапее, в Фанагории¹⁶, в Тиритаке (в слое IV в.)¹⁷, в северо-восточном Крыму¹⁸, в Чоргунском могильнике (Инкерманская долина близ Севастополя), в Херсонесе¹⁹.

Аналогичные амфоры найдены при раскопках Диногетии (в Дакии), в слоях VI в.²⁰, и на Афинской агоре, где в слоях IV и VI вв. было найдено 27 экземпляров (целых и в обломках)²¹.

Приведенный материал ясно указывает на то, что форма этих амфор была выработана в позднеантичное время и усвоена раннесредневековыми гончарами²². И. Б. Зеест относит их появление к IV в., а временем наибольшего распространения считает V в.²³ Пицундские находки таких амфор позволили исследователям, исходя из формы ножек, расчленить их на две хронологические группы — IV и V вв.²⁴ Драндская амфора такого рода — несомненно раннесредневековая и относится к концу V в. или к самому началу VI в.

3. Амфоры на стержневидной ножке (рис. 2, 3). Выс. — 60 см, наибольший диам. — 24,5 см, диам. горла — 10 см. Тулово — овально-вытянутой формы, с заметным расширением книзу. Придонная часть — в виде стержня. Горловина широкая и низкая, с отогнутым наружу венчиком. Тулово почти сплошь бороздчатое (профиль борозд — в виде набегающей волны).

Аналогичные амфоры известны в Дакии. Почти целый экземпляр происходит из Сучидавы; такие же амфоры найдены в Томи²⁵. Целая серия

¹⁵ Бердзенишвили К. В., Путьридзе Р. В. Пицундские амфоры. — В кн.: Великий Пятиунт, П. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.), с. 275, 278, рис. 62—64, табл. 59, 1, 3, 7; 60, 2, 5; 63, 8—12, 14—16, 22—29, 31—32.

¹⁶ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 118—119.

¹⁷ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки 1935—1940 гг. — МИА, 1952, 25, с. 94, 96, 101, рис. 114. Автор ошибочно считал их самосскими, с которыми ни форма, ни глина тиритакских амфор не совпадают.

¹⁸ Баранов И. А. Погребение V в. н. э. в северо-восточном Крыму. — СА, 1973, 3, с. 244.

¹⁹ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 118—119, рис. 95; Баранов И. А. Указ. соч., с. 244; Кузманов Г. Типология и хронология на ранновизантийските амфори (IV—VI вв.). — Археология, София, 1973, кн. 1, с. 17.

²⁰ Barnea I. L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle. — Dacia, 1966, X, p. 244, fig. 8, 2; p. 250, fig. 12, 1 (найлены при раскопках римского претория); выс. амфор — 59 см; диам. — 29 см; Scorpan C. Op. cit., p. 272, type V.

²¹ Robinson H. S. Pottery of the Roman Period. Chronology (The Athenian Agora, vol. V). New Jersey, 1959. Прототип этого вида амфор дают слои IV в. [p. 110, pl. 29 (M. 282), выс. амфоры — 59,2 см, диам. — 22,5 см; более поздний образец — p. 79, pl. 17 (L. 50, L. 51), выс. — 44,5 см, диам. — 20,4 см]. Значительно чаще они встречаются в слоях VI в. [p. 115, pl. 33 (M. 335), выс. — 52 см, диам. — 18,3 см; p. 119, pl. 34 (M. 373), выс. — 54,2 см, диам. — 20,8 см — она идентична драндской амфоре; p. 119, pl. 40 (P. 12861) — выс. ок. 70 см].

²² Яковсон А. Л. Керамика. . . с. 12.

²³ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 119.

²⁴ Бердзенишвили К. В., Путьридзе Р. В. Указ. соч., с. 275.

²⁵ Tudor D. Sucidava. București, 1966, fig. 30, 4; Scorpan C. Op. cit., p. 272, type III, fig. 5, 3.

подобных амфор (56 экз.) извлечена из цистерны близ Герайона на острове Самос, где они найдены вместе с краснолаковым блюдом V в. А. Шнейдер отмечает, что сосуды этого типа встречаются во всех странах Восточного Средиземноморья²⁶. Видимо, они широко бытовали в V в. Этим временем можно датировать и драндскую амфору.

4. Амфора яйцевидной формы (рис. 2, 4). Выс. — 40 см, наибольший диам. — 27 см, диам. горла — 9,5 см. Сосуд — круглодонный, с выступом в центре дна, горловина довольно широкая, венчик — в виде стоячего воротничка. Массивные кольцевидные ручки овальны в сечении. Черепок — палевый. Тулово целиком обработано глубоким рифлением.

Такого рода амфоры найдены в Херсонесе²⁷, в Западном Причерноморье — в Дакии (Сучидаве и Истрии, в слое начала VI в.)²⁸ и Болгарии, на мысе Калиакра²⁹. Находили их и в Греции — в Новом Анхиаэле³⁰ и на Афинской агоре, где они появляются в III в. и доживают до VI в.³¹ Аналогичные амфоры нередко встречаются в странах Восточного Средиземноморья — в Северном Ливане³², а особенно часто — в Палестине и на берегу Красного моря³³.

Описанный тип амфор, по-видимому, был широко распространен на обширной территории Восточного Присредиземноморья с III и по крайней мере до второй половины VI в.

5. Амфора с цилиндрическим туловом (рис. 2, 5). Такого рода сосуды близки амфорам предыдущего типа, но не имеют резкого расширения книзу. Выс. — 40 см, диам. — 18,5 см, диам. горла — 3,5 см. Горловина амфоры довольно узкая, низкая, с припухлым венчиком в виде стоячего воротничка. Ручки — кольцевидные, оттопыренные. Тулово амфоры бороздчатое, а верхняя ее часть обработана частым и глубоким рифлением. Черепок — палевый.

Близкие типы известны в Абхазии — в Цебельде (слои начала VI в.)³⁴ и на Пицундском городище³⁵. Такая же амфора в составе большого керамического комплекса найдена на Ильичевском городище (Таманский полуостров), разгромленном в VI в.³⁶ Наиболее полные аналогии дает Херсонес³⁷. Известны они и в Истрии (Дакия), в слое второй половины VI в.³⁸,

²⁶ *Schneider A. M.* Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit. — Athenische Mitteilungen, В. 54, S. 126, 127, Beilage XLVIII, 1. Выс. — 70 и 62 см, черепок красновато-серый или коричневатокрасный.

²⁷ Раскопки 1911 и 1966 гг. см.: *Якобсон А. Л.* Керамика. . . , с. 11—12 (тип. 6), рис. 3, II; там же указаны аналогии; *Антонова И. А.* и др. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, 1971, 7, с. 84, рис. 5. Выс. сосуда — 40—42 см, диам. — 30—32 см.

²⁸ *Tudor D.* Op. cit., p. 25, pl. 30, 5; *Condurachi Em.* Ceramica. — In: *Histria (Monografie arheologica, vol. I)*. București, 1954, p. 459, fig. 385 (выс. амфоры из музея Истрии — 41 см, диам. — 35 см); *Scorpan C.* Op. cit., p. 273, fig. 9, 4.

²⁹ *Кузманов Г.* Указ. соч., с. 16 (тип. VI).

³⁰ ПАЕ, 1976, πтν. 282 В.

³¹ *Robinson H. S.* Op. cit., p. 68, pl. 15 (К. 108, III, выс. амфоры — 47,5 см, диам. — 36,8 см); p. 115, pl. 32 (М. 329, М. 330, М. 334; начало VI в., их выс. — 40—41 см, диам. — 26,9 см). Всего на агоре в слоях V—VI вв. было найдено не менее 6 таких амфор.

³² *Thalmann J.-P.* Tell'Arqa (Liban Nord). — Syria, 1978, LV, fasc. 1—2, p. 85—87, fig. 23.

³³ *Bar-Adon P.* The Judean Desert Expedition. Expedition C. — Bulletin of the Israel Exploration Society, 1961, XXV, N 1/2, p. 38, fig. 1. I (публикация повторена им в журнале: *Israel Exploration Journal*, 1961, vol. 11, N 1/2, p. 28, fig. 1); *Barad D.* A Survey of Pottery Recovered from the Sea of the Coast of Israel. — *Israel Exploration Journal*, 1963, vol. 13, p. 18, pl. 5, II.

³⁴ По сообщению руководителя раскопок Ю. Н. Воронова.

³⁵ *Гамбашидзе О. С.* Бичвишта: Предварительный отчет археологических работ в 1956—1957 гг. — МАГК, 1963, III, с. 92; рис. 10; *Он же.* Результаты. . . , с. 126, рис. 24; *Рамишвили Р. М.* Археологические раскопки в Бичвишта в 1958 г. — МАГК, 1965, IV, с. 108, рис. 2.

³⁶ *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище. — СА, 1966, 4, с. 132, рис. 4, 2.

³⁷ Из раскопок 1935, 1948 и 1960 гг. См.: *Антонова И. А.* и др. Указ. соч., с. 84, рис. 5; *Якобсон А. Л.* Керамика. . . , с. 12—13, примеч. 19, рис. 2, 4.

³⁸ *Condurachi Em.* Op. cit., p. 460, 461, fig. 389; *Јанковић.* Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII в. Београд, 1981, с. 152, слика 64 в. Амфоры этого типа имеют здесь более вытянутое тулово; относятся они к концу VI в.

в Тарсе (Киликия в Малой Азии)³⁹, на берегу Красного моря⁴⁰, на Кипре, в Египте, где они широко бытовали в V и VI вв.⁴¹ Наиболее ранний близкий экземпляр дала Афинская агора⁴². В Абхазию такие сосуды могли попасть из северных районов Малой Азии, хотя область их распространения охватывает все Средиземноморье, начиная от испанских и североафриканских берегов и кончая Западным и Восточным Причерноморьем⁴³.

6. Амфоры с перехватом в средней части (рис. 2, б). Высота их колеблется от 71 до 75 см (чаще 74 см), диам. вверху — 17,5 см, в месте перехвата — около 13,5 см, внизу — 15—16 см. Такого рода амфоры составляют основную часть драндского комплекса. Тулово их сильно вытянуто, ручки уплощены, причем толщина их уменьшается сверху вниз. Бороздчатость в основном прослеживается в верхней и самой нижней части. Цвет черепка — от светло-розового до коричневого. Тесто — с включениями толченой керамики и большого количества черных минеральных частиц, обжиг неравномерный. Своеобразие формы объясняется, возможно, спецификой их транспортировки на выючных животных.

В Абхазии такие амфоры имели широкое распространение. Их неоднократно поднимали со дна моря рыбаки — в районе Нового Афона и Бомборского мыса (Гудаута); в Пицунде во время добычи торфа нашли целую группу подобных амфор⁴⁴. Особенно много обломков попадает на самом городище в слоях V и VI вв. (до 540-х годов)⁴⁵. Находили их и на Иверской горе в Новом Афоне. Большое количество таких амфор, совершенно подобных драндским, найдено при раскопках в Цебельде⁴⁶. 19 амфор этого же типа были, как сказано, заложены в свод конхи Цандрипшской базилики. Своеобразный вариант амфор с перехватом обнаружен в могильниках и поселениях Кодорского ущелья и предгорной полосы долины р. Кодор⁴⁷. В этом районе такие амфоры, возможно, и изготовлялись.

В Восточном Причерноморье амфоры с перехватом известны во многих местах — в древней столице Лазского царства Цихе-Годжи (совр. Нокалакеви)⁴⁸, в Уреки, в Поты, в с. Носири и с. Григоleti и Чаоби (близ

³⁹ *Goldmann H.* Excavation at Gözlu-Kule, p. 278, pl. 167, N 875 (выс. амфоры — 70,5 см, диам. — 29 см.)

⁴⁰ *Barad D.* Op. cit., pl. 5, 5, 9.

⁴¹ *Kaufmann K. M.* La découverte des Sanctuaires de Ménas. Alexandrie, 1908, p. 62, fig. 40.

⁴² *Robinson H. S.* Op. cit., pl. 22 (M. 104).

⁴³ *Scorpan C.* Op. cit., p. 281, fig. 20.

⁴⁴ *Длапидзе А. М.* Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, III. Тбилиси, 1978, с. 41 (автор предполагает, что сосуды находились на корабле, вошедшем во внутреннюю гавань. Высота сохранившейся амфоры (пожка отломана) — 91,5 см, верхний диам. — 27 см, нижний — 20,5 см); *Хоштария Н. В.* Археологическое исследование Уреки. — МАГК, 1955, I, с. 60—61.

⁴⁵ *Бердзенишвили К. В., Пугуридзе Р. В.* Указ. соч., с. 277, 278, табл. 61, 64, 65; *Гамбашидзе О. С.* Бичвинта, с. 91, табл. II, 1, 2; *Он же.* Результаты. . . , с. 128—130, 141, 144, рис. 190; ср.: Великий Питиунт, 1978, III, табл. 32—39. Средние размеры пицундских амфор: выс. — около 60 см, верхний диам. — 19—25 см, нижний — 16—17 см.

⁴⁶ *Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г.* Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. — В кн.: Полевые археол. исследования в Грузии в 1977 г. Тбилиси, 1978, с. 244—247, табл. 102, 1 (размеры: выс. — 50—55 см, наиб. диам. — 20—23 см); *Воронов Ю. Н.* Раскопки в Цебельде. — Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 406.

⁴⁷ *Гзелишвили И. А.* Остатки кремации в глиняных сосудах в Абхазии. — Сообщ. АН ГрузССР, 1947, VIII, 1—2, с. 93—99; *Бердзенишвили К. В.* О цебельдинской керамике. — МАГК, 1959, II, с. 108 сл.; *Трапи М. М.* Культура цебельдинских некрополей. — Труды. Тбилиси, 1971, т. 3, с. 135, табл. VI, 6; VII, 16; XX, 4; XXI, 2; XXII, 1; LIV; *Шамба Г. К.* Ахаччараху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 25—27, табл. IV, 1; XV, 3; *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. — СА, 1973, 1, с. 186, рис. 4, 2; 6, 4; *Гунба М. М.* Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978, с. 66, 67, 109, табл. VIII, 5; XII, 2; XIX, 1; XX, 5; XXXVII, 2; XLI, 5. М. М. Трапи относил цебельдинские амфоры к IV в.; они имеют украшения, часто — широкий чашеобразный гофрированный венчик и отверстие в ножке.

⁴⁸ *Закарая П. П., Левинадзе В. А., Ломоури Н. Ю.* Раскопки в Нокалакеви. — Заря Востока, 1977, 8 дек. Было обнаружено 22 экземпляра.

Батуми)⁴⁹. Однако все эти амфоры являются случайными находками. Немало аналогичных сосудов происходят из северо-восточной части Причерноморья: они преобладали в слоях II—начала III в. в Гортигии⁵⁰. Находили их в и Краснодарском крае⁵¹, и в районе Нижнего Дона⁵². Пять экземпляров дали раскопки Ильичевского городища (Таманский полуостров)⁵³. Встречались они и в Гаврике — в Пангикапее⁵⁴, в Тиритаке⁵⁵; одна из них, относящаяся к IV в., была наполнена нефтью⁵⁶. Тесто некоторых из тиритакских амфор содержало многочисленные включения крупинок черного минерала⁵⁷. Находили их и в Херсонесе⁵⁸. Подобная амфора обнаружена также в Делакеу (Молдавия), на городище Черняховской культуры⁵⁹.

Амфоры с перехватом были распространены в V—VI вв. и в северо-западном Причерноморье: они найдены в Дакии (в Истрии, Томах)⁶⁰ и во Фракии (в Варне, Несебре и Созополе)⁶¹. В странах Средиземноморья такие амфоры, насколько известно, не встречаются. Находки их сосредоточены в основном в восточном Причерноморье (около 100 единиц), где они, как сказано, вероятно, и производились⁶². Амфоры с перехватом имеют еще ясно выраженный античный характер и генетически, возможно, восходят к амфорам II—начала III в. типа «гортигийских»⁶³, а последние — к амфорам из слоев II в. до н. э. Эшерского городища и в Вани⁶⁴.

7. Наконец, к последнему типу амфор из свода церкви в Дранде относятся круглодонные амфоры-корчажцы с коротким цилиндрическим туловом, слегка суживающимся книзу (рис. 2, 7). Желобчатые ручки, неправильно овальные в сечении, под прямым углом прикреплены к горлу и почти вертикально опускаются на плечи сосуда. Выс. амфоры — 47,5 см, диам. — 26,5 см, выс. горловины — 9 см. Черепок сосуда — розово-серый, шалевый, поверхность сосуда бороздчатая, с профилем набегающей волны. На плечике краской краской нанесена надпись (рис. 3), содержащая, возможно, раннехристианскую формулу⁶⁵.

⁴⁹ Хоштария Н. В. Указ. соч., с. 59—61, табл. XVIII, рис. 16. Автор относит эти амфоры к III—V вв. или к несколько более позднему времени. Амфоры из Поти она датирует V в., из Носири — V или VI в. Тем же временем ею датированы и батумские амфоры.

⁵⁰ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 160. Выс. амфоры — 70 см, диам. устья — ок. 10 см.

⁵¹ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 121, рис. 103. Выс. амфоры — 54 см, диам. — 18 см.

⁵² Якобсон А. Л. Керамика. . . , рис. 2, 3.

⁵³ Соколовский Н. И. Указ. соч., с. 131, рис. 4, 1. Выс. амфор — 72 см, наибольший диам. — 22 см.

⁵⁴ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки. . . , с. 120, рис. 149, 2. Выс. амфор — 62 см, диам. — 18 см.

⁵⁵ Там же, с. 62, рис. 70; с. 120, рис. 149, 1. Высота одной из них — 58 см, другой — 85 см.

⁵⁶ Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. — МИА, 1952, 25, с. 420.

⁵⁷ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 120.

⁵⁸ При раскопках в портовой части города они составили около половины всех найденных амфор. См.: Антонова И. А. и др. Указ. соч., с. 82—83, рис. 3, 2. Авторы выделяют два варианта: ранний, III—IV вв., может быть, V в., — с перехватом в нижней части (выс. их до 80 см, диам. — 20—23 см) и более поздний, VI—VII вв., — с перехватом около середины высоты (выс. — 65—75 см, диам. — 19—21 см). Аналогичные амфоры подняты со дна моря в Камышевой и Карагинной бухтах. См.: Там же, с. 83, 93, примеч. 7. А. Л. Якобсон (Керамика. . . , с. 16) считает все эти амфоры продукцией в основном IV—V вв.

⁵⁹ Рикман Э. А. Черняховское городище Делакеу (Молдавия). — МИА, 1967, 139, с. 193—194, рис. 18, 1.

⁶⁰ Сводку находок см.: *Scorpan C.* Op. cit., p. 281, fig. 12, 4—6 (тип XV, который автор датирует V—VI вв.).

⁶¹ Минчев А. Амфоры от IV—VI вв. във Варненски Музей. — Известия на Народни Музей Варна, 1972, VIII (XXIII), табл. I, 7—9, II; Кузманов Г. Указ. соч., с. 17 (тип XI).

⁶² Ср.: Хоштария Н. В. Указ. соч., с. 61.

⁶³ Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 150—152.

⁶⁴ Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980, с. 25, 58, табл. XXXIII, 5; см. также: Вани. Тбилиси, 1972, т. 1, с. 157, табл. 109 и 111, 5—9.

⁶⁵ Ср.: Tudor D. Sucidava. București, 1966, p. 25, 27, 39, fig. 14.

Одна такая амфора была заложена среди других в своде Цандришской базилики. Такие же сосуды найдены и при раскопках Цибелиумской крестости (относятся к первой половине VI в.) и в Питуунте ⁶⁶. В северо-восточном Причерноморье они входили в керамический комплекс IV—V вв. Ильичевского городища ⁶⁷, где представлены в двух вариантах (первый: выс. — 40—42 см, диам. — 20—22 см; второй — крупнее: выс. — 55 см, диам. — 21 см). Подобные амфоры не раз находили на Таманском городище и в Фанагории. Они широко бытовали в Таврике и в VI в. были там, по-видимому, наиболее употребительны — в Мирмекии, Тиритаке, близ Ялты (поднята со дна моря). Их неоднократно встречали в Херсонесе: некоторые из них бесспорно могут быть датированы VI в. ⁶⁸ Такие же амфоры были распространены и в Западном Причерноморье: в Дакии — Сучидаве, Альтиуме, Капидаве, Карсиуме, Томах, Истрии, Ольтине ⁶⁹ и во Фракии — в Варне, в римской крестости Ятрус (со следами осадков вина и остатками зерна) ⁷⁰, в Тырново и других местах ⁷¹.

Аналогичные амфоры встречаются и за пределами Причерноморья: в Греции — на Афинской агоре, начала VI в. ⁷², у западного побережья Малой Азии (около древнего Галикарнаса), где также датируются VI в. ⁷³ Распространены они были и в древнем Куше (Нубия) в 400—550 гг. ⁷⁴ V—VI вв. — наиболее вероятная дата рассмотренных цилиндрических амфор. Центры их изготовления пока неизвестны; один из них находился, возможно, в западной части Малой Азии ⁷⁵, но не в Истро-Понтийском районе, как полагает Скорпан ⁷⁶.

Форма корчажек V—VI вв. также, несомненно, античного происхождения, на что указывают позднеантичная амфора III в. из раскопок Афинской агоры и яйцевидная амфора второй половины V в. из Герайона на о-ве Самос, имеющая промежуточную форму ⁷⁷.

Итак, заложенные в своды храма в с. Дранда амфоры принадлежат семи типам, более или менее одновременным. Они членятся на несколько групп. К первой из них можно отнести: 1) конусовидную амфору с высоким горлом (рис. 2, 1); 2) веретенообразную (рис. 2, 2 и 3) удлиненную амфору со стержнеобразной нижней частью (рис. 2, 3). Вторую группу образуют круглодонные амфоры с удлиненными или расширяющимися книзу туловом (рис. 2, 4, 5). Третья группа — гладкостенные амфоры с перехватом (рис. 2, 6). В драндском комплексе так же, как и в цандришском, они,

⁶⁶ Бердзенишвили К. В., Путуридзе Р. В. Указ. соч., с. 272, рис. 61.

⁶⁷ Соколовский Н. И., Сорокина Н. П. Работы Таманской экспедиции. — Археологические открытия: 1967 г. М., 1968, с. 87, 88.

⁶⁸ Сводку данных об их находках в северо-восточном Причерноморье и в Таврике см.: Антонова И. А. и др. Указ. соч., с. 86—87, рис. 10; Якобсон А. Л. Керамика. . . с. 13—14 (тип 9) и рис. 2, 6. Размеры херсонесских амфор, найденных в северном районе городища: выс. — 49,5 см, диам. — 26 см; найденных в портовом районе: выс. — 42 см, диам. — 28 см.

⁶⁹ Tudor D. Sucidava, I. — Dacia, 1938, V/VI, p. 409, fig. 13, 18, 19; p. 419; *Condu-rachi Em.* Op. cit., p. 455, fig. 379 b; *Vulpe R., Barnea I. Romanii la Dunarea.* . . — In: *Din istoria Dobrogei.* Bucuresti, 1968, vol. II, p. 536, fig. 47, 4. Сводку материала см.: *Scorpan C.* Op. cit., p. 277—278, fig. 12, 1, n. 38. Он относит эти амфоры (по его классификации, это тип VIII) к VI—VII вв.

⁷⁰ Böttger B. Die Importkeramik. . . , S. 132, abb. 2 (Nc), Taf. 28, 2.

⁷¹ Чангова И. Средновековни амфори в България. — Изв. на Българск. Археолог. Институт, 1959, XXII, с. 249, примеч. 3, рис. 1; Минчев А. Амфори от IV—VI вв. във Варненски Музей, табл. IV, 46; Кузманов Г. Указ. соч., с. 17—18 (тип XIII).

⁷² *Robinson H. S.* Op. cit., p. 115, pl. 32 (M. 333, начало VI в., выс. амфоры — 49,5 см, диам. — 21,1 см, но тулово ее более вытянутое). На плечике также начертано красной краской $\rho\nu (=150)\phi\alpha\epsilon\tau$.

⁷³ *Bass G. F.* Underwater Excavations at Yassi Ada. — *Archaeologische Anzeiger*, 1962, Hf. 3, S. 546, Abb. 6 b.

⁷⁴ *Adams W.* An Introductory Classification of Christian Nubian Pottery. Kush. X. Hartum, 1962, p. 261, fig. 7, 3; p. 279, fig. 22.

⁷⁵ *Scorpan C.* Op. cit., p. 278 (type VIII).

⁷⁶ *Ibid.*, p. 278. Автор не учитывает материалы Восточного Причерноморья; только этим можно объяснить его ошибочный тезис об истро-понтийском происхождении этого типа амфор.

⁷⁷ *Robinson H. S.* Op. cit., p. 68, pl. 15 (K. 112).

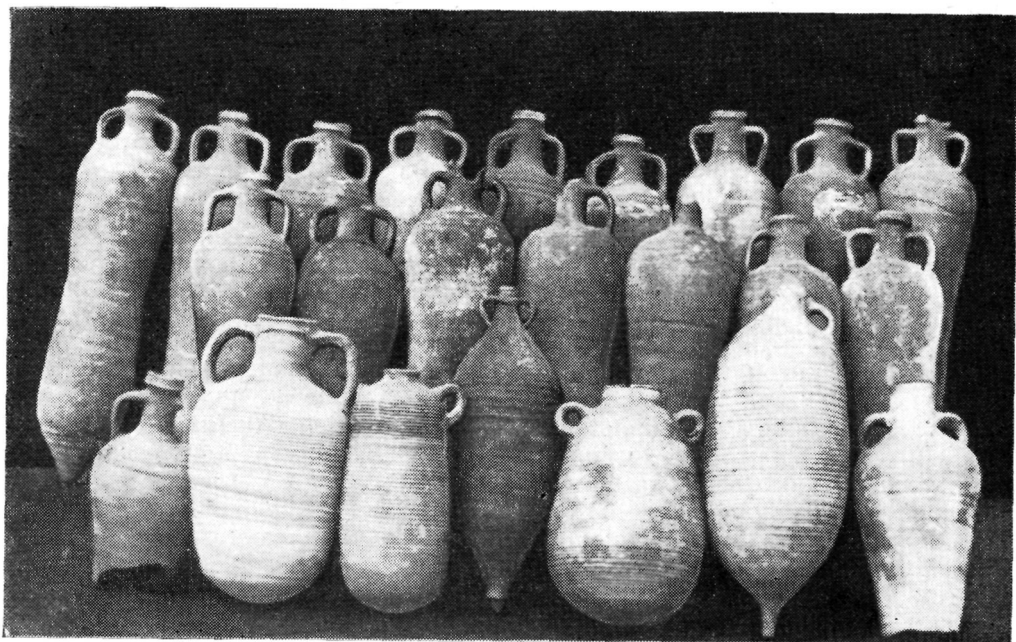

Рис. 1. Амфоры, извлеченные из свода церкви в с. Дранда

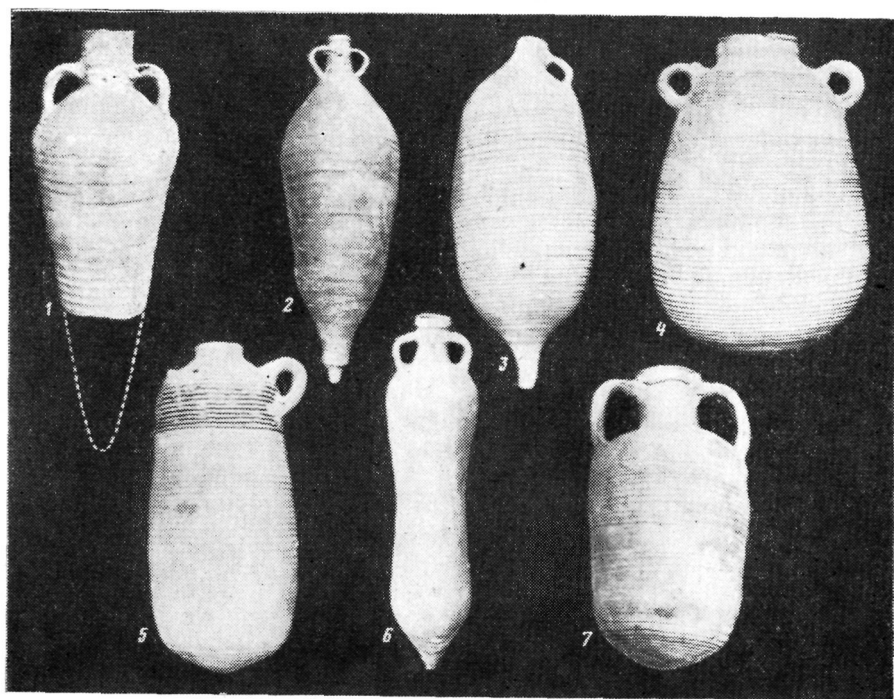

Рис. 2. Семь типов раннесредневековых амфор из свода церкви в с. Дранда

как указывалось, доминируют. Наконец, особую группу образуют круглодонные амфоры с высоким горлом и характерной бороздчатостью с профилем набегающей волны (рис. 2, 7).

Все раннесредневековые амфоры Восточного Причерноморья встречаются лишь в узкой прибрежной полосе (исключая Нокалакеви и Цебельду, но и эти два пункта тяготеют к прибрежной зоне). Некоторые рассмотренные типы амфор с перехватом, вероятно, производились в Восточном Причерноморье.

Амфоры, извлеченные из сводов храма в Дранде, как показывают приведенные аналогии, не выходят за пределы V—VI вв. и вряд ли — первой половины VI в. (вторая половина столетия исключается в силу политической ситуации, сложившейся здесь в послеоюстиниановское время).

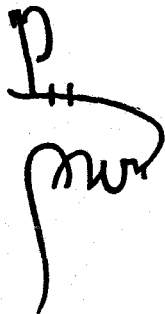

Рис. 3.
Надпись
красной краской
на амфоре типа 7

Представленный выше керамический комплекс исторически важен во многих отношениях — и как памятник раннесредневекового гончарного производства, и как свидетельство торговых связей Аписилии со странами Средиземноморья, и как пример применения на красной почве Абхазии древнего строительного приема облегчения сводов, которым пользовались в то время не только в Константинополе, но и на Востоке (в сасанидском Иране, в Закавказье), и на Западе (церковь Виталия в Равенне), и, наконец, как косвенное, но важное указание относительно времени строительства самого храма.

Обратимся теперь к собственно архитектуре здания.

2

В историко-архитектурном отношении храм в с. Дранда весьма примечателен, но до сих пор он в сущности не подвергался исследованию. Те беглые замечания, которые рассеяны в немногих статьях, либо устарели, либо содержат фактические ошибки, либо, на наш взгляд, искажают смысл памятника.

Храм (рис. 4, 5, 6) почти целиком сложен из кирпича (плинфы) на толстом слое известкового раствора (толщ. 4,5—5 см); размер кирпича приблизительно одинаковый, но внизу он немного крупнее (35—37×19 и 25 см, толщ. 3—5 и 5—6 см; в верхних частях здания — 32—33×25—26 см, толщ. 3 см) и лишь местами и на коротких отрезках фасада (но не сплошь) проложены узкие слои разномерного булыжного камня и отдельные камни ⁷⁸.

Остается непонятным замечание Дюбуа де Монпере о том, что стены храма «снаружи из тесаного камня», как и сообщение М. Селезнева (посетившего Дранду после занятия селения русскими в 1835 г.), что «храм сложен из полированного плитняка» ⁷⁹. Однако другой давний свидетель — Д. З. Бакрадзе, побывавший в Дранде в 1860 г., отмечает, что церковь «построена вся из кирпича больших размеров» ⁸⁰.

Храм, по-видимому, неоднократно подвергался обновлению и различным перестройкам; на что указывают вновь пробитые проходы (в сред-

⁷⁸ В основном здании построено все же именно из кирпича, а не из «булыжника с про-
слойкой из кирпича через каждые 15 см», как считал Г. Н. Чубинашвили (*Чубинашвили Г. Н. Архитектура Грузии. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. М., 1966, 3, с. 317*). Вернее обратное: кирпичная кладка с нерегулярно проложенными слоями булыжника. В другой своей работе (*Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948, с. 62, примеч. 2*) он писал, что «арх. Павлинов (МАР, III, с. 8), как и другие, отмечают только кирпич как строительный материал. Между тем на алтарном выступе и на южной стене церкви мною замечен двойной материал (кирпич и гольшии слоями), что выявилось при проломе двери».

⁷⁹ Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, с. 154; Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847, кн. 2, с. 171.

⁸⁰ Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875, с. 49.

ней части западного фасада) и, наоборот, заложенные проходы, превращенные в окна, — на южном и северном фасадах; вновь переложены верхние части ветвей креста (фронтоны); заложены некоторые проходы из западных круглых помещений в центральную часть храма. Во многих местах стен здания (как внутри, так и снаружи) видны заплаты новым кирпичом. Однако все эти перестройки не изменили композиционную структуру храма ^{80a}.

По композиции он представляет собой большое центрально-купольное здание «простого» варианта, т. е. с равными ветвями креста, включенными в общий объем (сгоix inscrit) (рис. 8). Общие наружные размеры здания: с севера на юг — 19,5 м, с запада на восток вместе с апсидальными выступами и нартексом — 27,3 м. Четыре равные ветви креста (продольные несколько шире поперечных), выделяющие угловые помещения, сходятся к широкому куполу на низком барабане — круглому внутри (диаметр внутри — 10,3 м) с 16 плоскими гуртами (рис. 9) и 16-гранному снаружи. Подкупольный объем значительно шире ветвей креста, а потому он срезает углы стен угловых помещений. Ветви креста на фасадах немного возвышаются над боковыми (северной, южной и западной) частями здания. Восточные углы храма заняты прямоугольными помещениями жертвенника и дьяконика с полукруглыми апсидами, снаружи трехгранными, перекрытыми глухими плоскими куполами. Восточная ветвь креста также заканчивается апсидальным полукружием (с узким синтроном), снаружи пятигранным, но выдвинутым несколько больше, чем боковые. Западные углы храма заняты круглыми помещениями диаметром 4 м, перекрытыми, как и восточные помещения, глухими куполами, придающими своеобразие его плановой композиции. Их стены имеют по несколько глубоких полукруглых ниш. Помещения эти соединялись с ветвями креста. Часть проходов позднее была заложена. Освещались угловые помещения парой широких окон, выходящих на западную и боковые (северную и южную) стороны. Здание было хорошо освещено, особенно сверху, 16 широкими окнами, прорезанными в нижней части купола, а также широкими окнами в нижней части здания: четыремя — на южной и северной сторонах и двумя такими же окнами — на западной стороне. Средняя апсида освещена тремя окнами, боковые — по одному.

С западной стороны к храму примыкал узкий нартекс (шириной 3,5 м), современный зданию, с двумя широкими входами — в южной и северной его частях — и с двумя окнами между ними; два других окна находились по краям фасада. Южная часть нартекса использовалась, видимо, в качестве крещальни: в углу здесь помещалась крестообразная купель.

Первоначально храм имел, несомненно, черепичную кровлю, на что указывают находки керамид размером 44×35 (и 30) см, с высоким (4 см) продольным бортиком, типично раннесредневековым.

Обращают на себя внимание пониженные пропорции храма. Его широкие и как бы распластанные массы вместе с широким и низко посаженным куполом создают ощущение приземистости здания.

Исторически наиболее важен вопрос о взаимоотношениях храма в Дранде с архитектурой других христианских стран средневекового мира, особенно — соседней Грузии. Грузинские историки архитектуры относят храм в Дранде к типу Джвари в Мцхете ⁸¹. Наиболее категорически это выразил Л. Д. Рчеулишвили, утверждавший, что «Дранда дает однородную с грузинским типом компоновку», и усматривавший здесь «купольную ва-

^{80a} См.: Цинцадзе В. Дранда. — В кн.: Дзеглис Мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси, 1979, 50 (на груз. яз.), с. 35—42, 71.

⁸¹ Г. Н. Чубивашвили («Памятники типа Джвари») указывает, что благодаря разрезу храма «делается особенно ясной несомненная связь этого здания с Джварской группой, несмотря на существенные отличия в разработке плана» (с. 67, примеч. 1). В другом месте автор, правда, оговаривается в том смысле, что храм в Дранде «представляет самостоятельную стадию развития» формы Джвари (с. 99); то же говорит он и в своем обзоре архитектуры Грузии (Всеобщая история архитектуры, 3, с. 317), где усматривает в храме «существенную вариацию» этого типа, что опять-таки не меняет сути дела: связь с архитектурой Джвари остается основным тезисом.

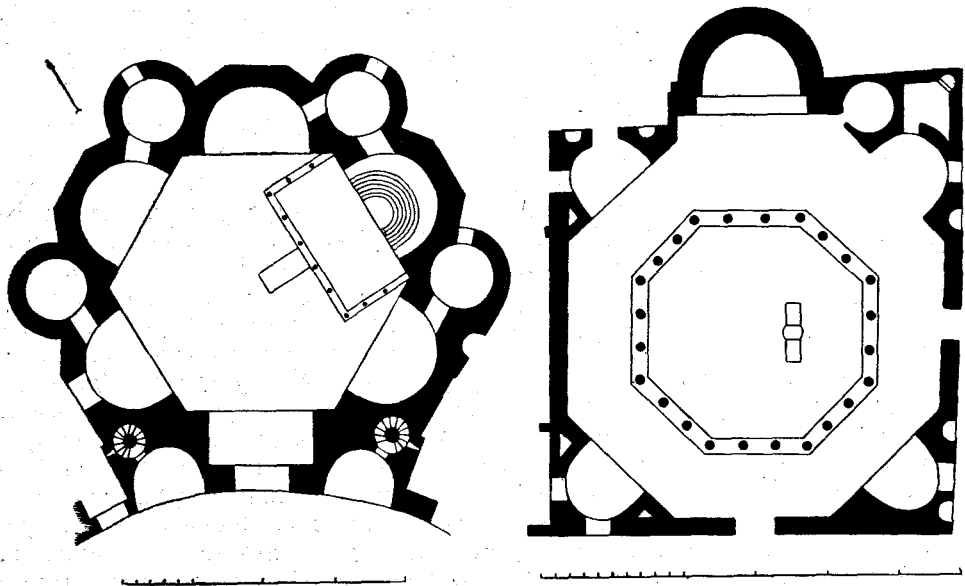

Рис. 7. Византийские центрические здания VI в.: а — Константинополь. Мартирий Евфимия; б — Филиппы. Октагон

риацию Мцхетского Джвари»⁸². Согласиться с этим тезисом невозможно хотя бы потому, что храм в Дранде принадлежит совсем другому архитектурному типу — типу вписанного креста со свойственной ему расчлененностью внутреннего пространства, тогда как в храмах типа Джвари (в Грузии), Рипсима (в Армении) и им подобных, как и вообще в грузинской и армянской архитектуре VI—VII вв., внутреннее пространство в сильной степени объединено под широким куполом. Боковые ветви креста, заканчивающиеся там экседрами, слиты с подкупольным объемом в единое целое. В интерьере Дранды этого нет.

Кроме того, композиционный прием расширения подкупольного пространства за счет стен, выделяющих прямоугольные ветви креста путем срезания их углов, в архитектуре Грузии и Армении совсем не наблюдается в таком виде; храмы типа Джвари и Рипсима дают иную, более сложную систему расширения подкупольного объема путем создания трехчетвертных промежуточных ниш. Прием срезания углов ветвей креста, использованный в Дранде, в средневековой архитектуре вообще редок. Мы можем привести только одну аналогию — церковь в болгарском монастыре Патлейн (близ Преславы) конца X в. или начала XI в.⁸³ Однако церковь в Дранде, несомненно, намного древнее церкви в Патлейне, в которой тот же прием расширения подкупольного пространства выглядит очень архаично⁸⁴.

Если же говорить о самом принципе крестовокупольной композиции, общей и для Джвари, и для Дранды, то принцип этот был весьма широко распространен в раннее средневековье, притом в самых различных вариантах, и не только в Грузии и Армении, но и в Сирии, и в Месопотамии, и в Малой Азии, и в центральных областях Византии (включая западные

⁸² Рчеулишвили Л. Д. Указ. соч., с. 27.

⁸³ Миятев Кр. Архитектурата в Средновековна България. София, 1965, с. 115; *Бояджиев Ст.* Църквата в Патлейна в светлината за нови данни. — Археология, София, 1960, кн. 4, с. 23—33.

⁸⁴ Связь форм церкви в Дранде с композицией типа Джвари отрицают и другие историки архитектуры — А. М. Высоцкий (Раннесредневековая архитектура стран Закавказья и античная традиция. — В кн.: Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Востока. М., 1978, с. 154) и немецкая исследовательница Э. Нойбауэр (*Neubaue E.* Abchasische Architektur in Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6. bis 11. Jahrhundert). — In: Byzantinischer Kunstexport: seine gesellschaftliche und künstlerische Bedeutung für die Länder Mittel- und Osteuropas. Halle, 1978, S. 78). В ее работе имеются, правда, другие ошибки, о которых ниже.

районы Малой Азии), и в Греции⁸⁵, — словом, повсеместно, хотя и с особенностями, присущими каждой из этих стран и областей. Не наблюдаем мы в Грузии и круглых помещений в западной части храма, которые, насколько нам известно, вообще очень редки в раннесредневековой культовой архитектуре — как в Византии, так и в других странах христианского Востока — и встречаются только в Армении — в церкви Авана конца VI — начала VII в. (что, впрочем, также недостаточно для сближения архитектуры Дранды с зодчеством Армении) и в Кавказской Албании, в архитектурном отношении тесно связанной с Арменией, — речь идет о центральных храмах-ротондах на Килисадаге (в центральной части древней Албании, близ Кабалы)⁸⁶ и о расположенной неподалеку церкви Арматиан в сел. Гюлюк (по сообщению А. А. Караахмедовой), а с другой стороны — в самом Константинополе — в шестигранной церкви-мартырии Евфимия, построенной близ ипподрома в VI в., с четырьмя круглыми помещениями, расположенными с внешней стороны здания по сторонам алтарной и северных экседр, и, наконец, в Македонии — октогоне VI в Филиппах⁸⁷. Кроме того, храм в Дранде резко отличается от грузинской, как и от армянской и албанской, архитектуры строительной техникой: он почти целиком построен из кирпича, что, как известно, совсем не характерно для зодчества других стран Закавказья^{87а}.

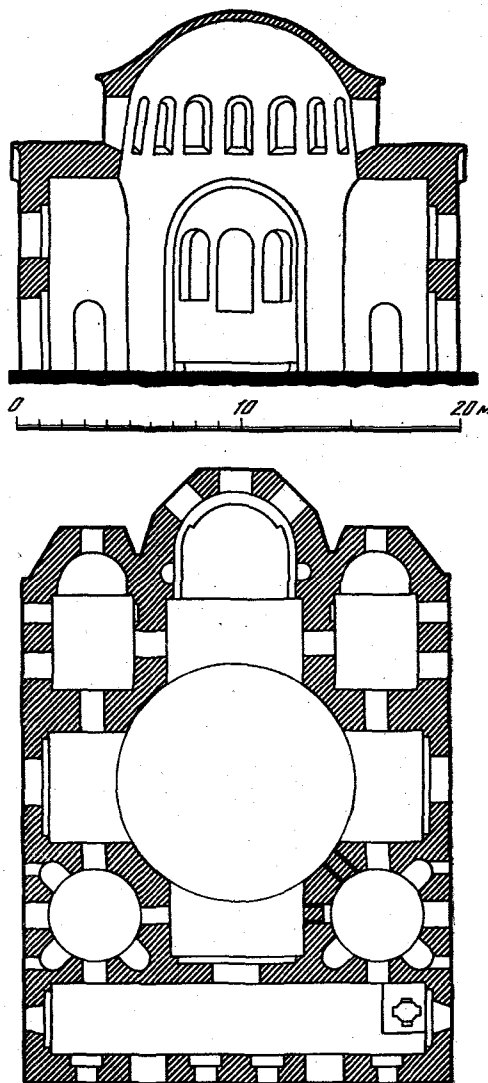

Рис. 8. Церковь в с. Дранда. План (по обмеру В. Хашба)

⁸⁵ Имеются в виду такие памятники, как иль-Андерин и церковь вне стен Русафы (Сергиополя) — в Сирии и Месопотамии, ряд церквей в Каппадокии и соседней Ликаонии (Сиври-хисар, Чукуркент, Махалеч и др.) — в Малой Азии, церковь Успения в Никее — в западной части Малой Азии, Кераментим-джами в Фессалониках. См.: *Ξυροβλοκος Α.* Το Κεραμεντιμ-Τζαμι Θεσσαλονίκης. — *Ἀρχαιολογ. Δελτίον*, 1923, 6, с. 190—194. См. также: *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. — В кн.: *Всеобщая история архитектуры*, 3, с. 69, 71. О церквях в Ликаонии и Каппадокии см.: *Ramsay W., Bell G.* The Thousand and One Churches. L., 1909, fig. 198, 283, 300, 311; *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. L., 1965, p. 123—124, pl. 50 B; *Restle M.* Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien, 1979, Plans 27, 35, 45.

⁸⁶ Об архитектурных связях Кавказской Албании и Армении см.: *Якобсон А. Л.* Архитектурные связи Кавказской Албании и Армении. — ИФЖ, 1977, 1, с. 69—70.

⁸⁷ Константинополь: *Mathews T. F.* The byzantine Churches of Istanbul. A Photographic Survey. Pennsylvania State University; London, 1976, p. 124 (там же указана библиография); Филиппы: памятник публиковался неоднократно; см., например: ВСН, 1961-II, XXXV, p. 827—831.

^{87а} О коренных различиях композиции храмов в Дранде и Джвари делал доклад в Ереване в октябре 1982 г. и В. А. Левинадзе, резко возражавший Л. Д. Рчеулишвили

С зодчеством Грузии и Армении (как и Албании) архитектуру Дранды объединяет, повторяем, лишь самый общий принцип центрально-купольной архитектуры, свойственный ей во многих средневековых странах. В процессе архитектурного развития это было закономерное явление.

Зато архитектура храма в Дранде находит, вопреки Л. Д. Рчеулишвили, немало точек соприкосновения именно с архитектурой Византии. Такие памятники, как церковь Акаталепта (Календер-джами) и церковь Петра и Марка (?) (Аттик-Мустафа-джами)⁸⁸, наиболее близки к Дранде (имея в виду основную часть храмов, без боковых галерей, которые предполагал Н. И. Брунов). Оба названных константинопольских храма, относящихся к несколько более позднему времени — к IX в., также воспроизводят тип вписанного креста. Первый из них, правда, принадлежит «сложному» варианту (т. е. с вимой, немного удлиняющей восточную ветвь креста), зато второй (церковь Петра и Марка) — «простому» варианту, как и Дранда. А с восточной стороны его также завершают три трехгранные апсиды. Следует отметить и другую черту, сближающую церковь Петра и Марка с Драндой, — пониженные, приземистые пропорции — черту, уже архаичную для Константинополя того времени, к которому относятся оба столичных храма (IX в.). Архаична, традиционна и вся композиция этих константинопольских храмов, которую Н. И. Брунов справедливо связал с восточновизантийской архитектурой⁸⁹. Действительно, на византийском Востоке такого рода крестовокупольная композиция представлена в более раннее время — в VI в. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать уже упомянутые храмы VI в. в Северной Сирии — иль-Андерин, а в Месопотамии — церковь вне стен Русафы (569—586 гг.)⁹⁰. Имеются, правда, и отличия: восточное полукружие там не выступает наружу, а боковые апсиды вовсе отсутствуют. Наиболее же существенно то, что подкупольный объем в константинопольских храмах не расширен за счет ветвей креста, как в Дранде. Зато такое расширение подкупольного пространства (точнее, объединение под его куполом) свойственно, как известно, не только классической культовой архитектуре Грузии и Армении VI—VII вв. (и далеко не только храмам типа Джвари и Рипсима), но не в меньшей степени и византийской архитектуре VI в. В этом вполне убеждают храмы Сергия и Вакха в Константинополе (окончен в 536 г.)⁹¹ и Виталия в Равенне (546—548 гг.). Кстати сказать, первый из них, как и в Дранде, отличается и приземистыми пропорциями.

Следует отметить и характер кладки византийских храмов VI в., в которых кирпич играл активную роль, что также сближает храм в Дранде с греко-восточной архитектурой⁹². Храмы Грузии и Армении и в этом отношении контрастно отличаются.

В провинциальном византийском зодчестве тип вписанного креста продолжал применяться и позднее. Промежуточное звено (между сирийскими и константинопольскими памятниками) дает церковь начала VIII в. на острове близ Амастры (северное побережье Малой Азии) с тремя выступающими апсидами⁹³ и некоторые храмы IX—X вв. в Херсоне (Херсонесе) в Таврике⁹⁴.

Все сказанное позволяет считать, что храм в Дранде не только не

(Леквинадзе В. А. О различиях и сходстве между Драндским храмом и храмами «типа Джвари». — В кн.: V Республ. научная конфер. по проблемам культуры и искусства Армении: Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 351—352).

⁸⁸ В отношении датировки Календер-джами (IX в.) мы придерживаемся точки зрения Н. И. Брунова (Указ. соч., с. 87—91).

⁸⁹ Там же, с. 88.

⁹⁰ Там же, с. 70, рис. 38, 1, 4.

⁹¹ Там же, с. 36, рис. 17.

⁹² Византийские особенности храма в Дранде (кладка из кирпича, широкие окна) отмечают и Р. Мепишавили и В. Цинцадзе, хотя в целом относят храм к типу Джвари. См.: *Mepiaschwili R., Zinzadze W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977, S. 64.*

⁹³ *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 1959, 63, с. 216, рис. 112, 1.*

⁹⁴ Там же, с. 215—216.

чужд византийской архитектуре в широком ее понимании (преимущественно греко-восточной), как утверждает Л. Д. Рчеулишвили⁹⁵, но, напротив, близок ей всем своим существом. Это и понятно: Восточное Причерноморье всегда тяготело к прибрежным областям Понта; особенно интенсивными были связи с Малой Азией (главным образом с Трапезундом), а через нее с Сирией, откуда распространялось христианство по всему Закавказью. В начале VI в. (в 523 г.) христианство было принято и в Лазике⁹⁶. В Пителинте епископская кафедра существовала уже в начале IV в. — во времена Никейского собора (325 г.). В церковном отношении Восточное Причерноморье издавна подчинялось Понтийской епархии, а в VII в. объединенные епископские кафедры Лазики были непосредственно подчинены Константинопольскому патриархату⁹⁷. Это, конечно, не могло не сказаться и на культовом зодчестве. Церковная зависимость, как всегда и всюду, отражала политическую ситуацию: долгое время Лазика находилась в сфере византийских политических интересов, о чем свидетельствует Прокопий в своем трактате «О постройках». Он рассказывает о том обширном строительстве, преимущественно крепостном, которое предпринял здесь император Юстиниан. В крепостях возводились, разумеется, и храмы в виде трехнефных базилик эллинистического типа (со стропильным перекрытием) — в Пителинте, Петре, Гантиади или, реже, сводчатые — в Сапиети, Археополисе, находящие себе близкие параллели преимущественно в прибрежных и внутренних областях Малой Азии. Несколько отличается лишь храм в Вашнари с трехсторонним внутренним обходом, выделяющим центральный объем, который имел, вероятно, деревянное перекрытие⁹⁸. Это, конечно, не центрическая постройка, но тенденция к созданию ее тут уже явно ощущается, что, впрочем, было явлением отнюдь не местным (на это справедливо указывает в своей статье и В. А. Леквинадзе).

Возвратимся, однако, к храму в Дранде. Для локализации его среди мест, названных в трактате Прокопия, пока нет данных. Возможно, что храм был построен во второй половине VI в. — после 563 г., когда Византия по договору с Персией вновь овладела Лазикой; поручение же написать трактат о постройках Прокопий получил еще в 545 г., а написал его в 560 г. В пользу датировки храма VI в. говорят и названные выше ранне-средневековые параллели, к которым храм тяготеет. Особенно важны в этом смысле храмы VI в. в Сирии и Константинополе. Речь идет не только о плановой, но и пространственной композиции с присущими ей в то время пониженными пропорциями. Для раннесредневековой архитектуры характерна и система освещения через широкие окна, многочисленные — в основании купола (свода небесного) и немногие — на фасадах.

Однако решающее значение для датировки храма имеет материал, сопровождающий здание, — те многочисленные амфоры, которые были использованы в кладке сводов храма (для их облегчения) и о которых шла речь выше. Они принадлежат нескольким синхронным типам и все без исключения относятся к V или, вернее, к VI в. Они, бесспорно, и датируют храм в Дранде, чему не противоречит ни один из его архитектурных признаков⁹⁹.

⁹⁵ Рчеулишвили Л. Д. Указ. соч., с. 27.

⁹⁶ Леквинадзе В. А. Базилика Археополиса. — ВГМГ, 1974, XXX-V, с. 111, 119.

⁹⁷ Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — ВВ, 1973, 34, с. 177; *Оп же.* Базилика Археополиса. — ВГМГ, 1974, XXX-V, с. 119.

⁹⁸ Упомянутым постройкам в Лазике посвятил ряд статей В. А. Леквинадзе, результаты исследования которого здесь использованы: Материалы по монументальному строительству в Лазике. — ВГМГ, 1961, XXII-V; О древнейшей базилике Пителинта и ее мозаиках. — ВДИ, 1970, № 2; КСИА, 1970, 113, с. 175 сл.; Гантиадская базилика — СА, 1970, 3; Раннесредневековые памятники Вашнари. — СА, 1972, 3, с. 309—322; О постройках Юстиниана в Западной Грузии, с. 169—186; Базилика Археополиса, с. 111—124.

⁹⁹ Дата, которую называет Л. Д. Рчеулишвили, — VIII век (Указ. соч., с. 27) — абсолютно не обоснована и произвольна (она, правда, значится только в подписи под планом храма, воспроизведенного, кстати сказать, без масштаба), как не обоснована и дата, которую называет Э. Нойбауэр, — IX в. (Op. cit., S. 76). Ближе к истине Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, относящие храм к VII в. (Op. cit., S. 64). VI в. да-

Столь же несомненно и общеисторическое значение здания. Оно вместе с другими архитектурными памятниками Лазики — позднеантичными и раннесредневековыми — свидетель тех доминирующих связей, которые этот регион имел с Малой Азией и с Византией в целом.

* * *

Уже после представления настоящей работы в редакцию вышла из печати статья Р. Меписашвили об архитектуре храма в Дранде, доложенная в конце мая 1983 г. на IV Международном симпозиуме по грузинскому искусству в Тбилиси и опубликованная в 1983 г. отдельной брошюрой¹⁰⁰. Мы не можем принять основные тезисы этой статьи, и прежде всего датировку храма.

1. Датировка, предлагаемая автором (VIII в.), никак не обоснована. Она опирается на сопоставление разнотипных и разновременных памятников в Константинополе, Малой Азии, Фессалониках, относящихся к V, VI, VIII и IX вв. (с. 4), а потому датировка неопределенна и неубедительна.

2. Хронологические указания документального материала в виде многочисленных амфор, заложенных в своды храма и, что очевидно, одновременных ему, автор начисто отвергает; он почему-то считает эти амфоры вторично использованными, а «по мнению специалистов» (каких — не сказано), они относятся не только к V и VI вв., но и «к более позднему времени» (с. 9); какая-либо аргументация в пользу этого тезиса отсутствует. Между тем приведенный выше обильный и исчерпывающий материал ясно показывает, что о «более позднем времени» амфор не может быть и речи. Как видно, автор не компетентен в датировке средневековой керамики.

3. В композиции храма Дранды автор видит «перекличку с решением некоторых грузинских памятников» (с. 6), что выражается в смещении южного входа относительно поперечной оси храма. Однако наличия этого признака, конечно, недостаточно для историко-архитектурных обобщений. А общее заключение, согласно которому зодчий храма «был вжит (sic) в те творческие процессы, которые характеризуют памятники Грузии переходного периода, т. е. VIII—IX вв.» (с. 10), также ничем не обосновано — оно лишь декларировано.

4. Круглые угловые помещения в западной части храма почему-то сочтены баптистериями (с. 5, 8, 9), хотя раскопки показали, что крещальня находилась не там, а в южном конце нартекса.

Автор, стремясь во что бы то ни стало найти в архитектуре Дранды сочетание лежащих в его основе византийских элементов с грузинскими, только осложняет вопрос и вносит путаницу в исследование.

тирует храм в Дранде А. Альпаго-Новелло (*Alpago-Novello A., Beridze V., La-fontaine-Desogne J. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain; la Neuve, 1980, p. 489*). Датировку храма VI в. подтверждают и найденные при обследовании здания кровельные черепицы (керамиды) с высокими бортиками и без сужения в нижней части (с внутренней стороны черепицы), т. е. типично раннесредневековые.

¹⁰⁰ Меписашвили Р. Дранда. Тбилиси, 1983.

Л. Г. ХРУШКОВА

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ САРКОФАГИ ИЗ АБХАЗИИ

В Абхазском государственном музее хранится саркофаг, обнаруженный в 1954 г. во время земляных работ в г. Сухуми, близ Красного моста¹. Это — массивный ящик из цельного куска песчаника. Длина саркофага 2,19 м, ширина 0,68 м у изголовья и 0,4 м — в области ног, глубина 0,26—0,38 м. Крышка, представлявшая собою грубо обработанную плиту, фрагментирована. Сведения о костяке и инвентаре отсутствуют. Характерная особенность саркофага: закругление в области головы — в виде небольшой апсидки с заплечиками.

Аналогичный саркофаг был обнаружен в 1980 г. в Пицунде при раскопках церкви, расположенной между городищем и большим храмом. Саркофаг находился в ее северо-восточной части. Инвентарь также отсутствовал. В церкви были раскопаны, кроме того, гробницы из камня, кирпича и черепицы. Церковь предварительно датирована VI в.², при этом, вероятно, не все ее части одновременны. Саркофаг высечен из светлого известняка. Его размеры и пропорции близки к саркофагу из Сухуми. Саркофаг был закрыт массивной крышкой, ко времени находки разбитой на куски. Саркофаг из Пицунды отличается подковообразной формой апсидки и большей тщательностью обработки, в особенности крышки. Любопытная деталь, живо рисующая характер отправления мемориального ритуала: углубления для свечей, высверленные по краю крышки. Такие же углубления для свечей имеются у крещальной купели в раннехристианской церкви Собата в районе Негева (Палестина)³ — деталь, редкая как для саркофагов, так и для крещален. Особая тщательность обработки крышки, возможно, указывает на то, что первоначально саркофаг был открыт для обозрения.

Наличие в области головы закругления в виде апсидки ставит саркофаги из Абхазии в ряд саркофагов, именуемых «антропоидными». Вообще каменные саркофаги как тип христианского захоронения — наследие античной эпохи, но их «антропоидная» форма является принадлежностью только раннехристианского времени. Данные о саркофагах этого типа в Югославии, Константинополе, Греции систематизированы И. Николаевичем⁴. Кроме названных, к типу «антропоидных» относятся также саркофаги из Северной Африки (из базилик в Типасе⁵, Телепте — здесь в скале

¹ Рисунок саркофага (без даты и атрибуции) приведен в кн.: *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. VII, 9.

² *Лордкипанидзе Г. А.* Исследования в Пицунде. — АО, 1980. М., 1981, с. 402—403; *Лордкипанидзе Г. А., Азба З. В.* Раскопки на территории комплекса Пицундского храма. — В кн.: АО 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982, табл. 32, 34.

³ *Negev A.* Christen und Christentum in der Wüste Negev. — *Antike Welt.*, 1982, 13, Hf. 2, Abb. 17.

⁴ *Nikolajević I.* Beograd. Grablangen und Begräbniskulte in Moesien aus frühchristlicher Zeit. — *JÖB*, 1980, Bd. 29, S. 305—306, Abb. 5.

⁵ *Baradez J.* La basilique de Pierre et Paule à Tipasa de Mauretainele Martvrium juxtaposé. — In: *Akten des VII Intern. Kongresses für christliche Archäologie.* Trier, 5—11 September 1965. Città del Vaticano; Berlin, 1965, p. 353, pl. CLXXIII, fig. 4.

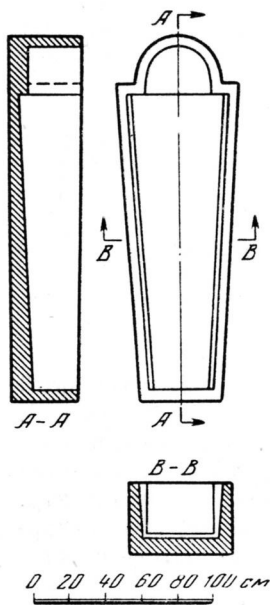

Рис. 1. Саркофаг из Сухуми.
План и разрез

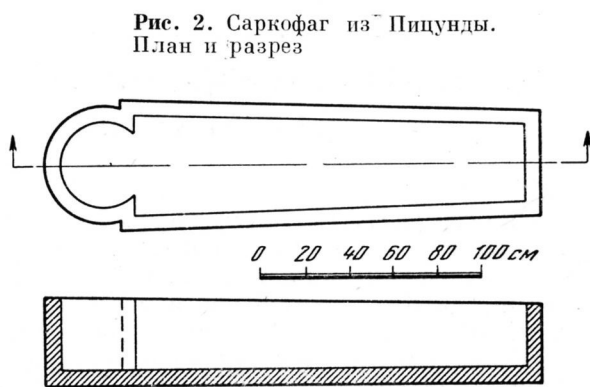

Рис. 2. Саркофаг из Пицунды.
План и разрез

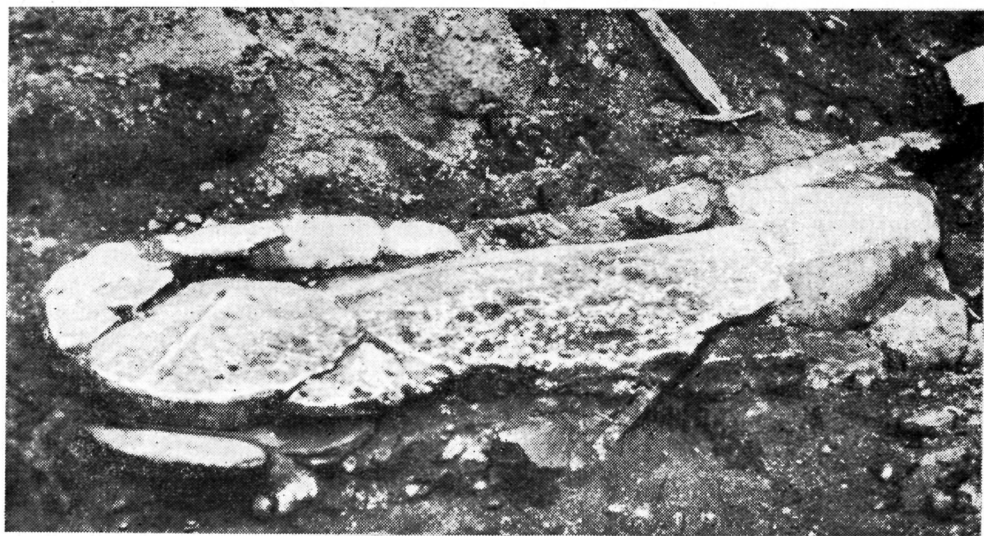

Рис. 3. Саркофаг из Пицунды.

высечены гробницы «антропидной» формы ⁶, из музея в Тебессе ⁷) и из Прованса ⁸. В некоторых из приведенных примеров головная часть саркофагов имеет полукруглую форму только изнутри.

⁶ Gsell S. Edifices chrétiens de Thélepte. — In: Atti del II Congresso intern. di Archeologia cristiana tenuto in Roma nell'aprile 1900. Roma, 1902, p. 217—218.

⁷ Benoit F. Le sarcophage de Lurs en Provence. Situation dans l'art géométrique barbare.— C. Arch., 1959, X, p. 30, fig. 4, 5.

⁸ Ibid., fig. 3.

Перечисленные саркофаги датируются следующим образом: экземпляр из раскопок монастыря Липса (Фенари Иса-джами) в Стамбуле относят к VI в., при этом Т. Макриди, отмечая, что саркофаги этого типа были распространены в V—VI вв., приводит сходные примеры из Стамбульского музея⁹; саркофаг из Царицына Града датируют юстиниановской эпохой¹⁰, из Ниша — V—нач. VI в.¹¹, из Прованса — V—VI вв.¹² Самые ранние экземпляры (IV в.) происходят из Северной Африки¹³, следовательно, предположение Ф. Бенуа о происхождении этой формы от формы «мумий» египетских саркофагов справедливо. Распространение «антропoidных» саркофагов в Средиземноморье он связывал с изображением саркофагов в сцене воскресения Лазаря, популярной в раннехристианском искусстве¹⁴. Заметим, однако, что в этой сцене погребальное сооружение очень часто представлено в виде круглого строения с фронтоном¹⁵. Скорее можно предположить связь «антропoidной» формы саркофагов с апсидами церквей. Многозначная символика апсид перекликается и с кругом идей, связанных со смертью, погребением, воскресением. Не случайно саркофаги, как и апсиды церквей, могут иметь апсидку полукруглую или подковообразную, свободно выступающую или включенную в прямоугольный наружный контур¹⁶.

Саркофаг из раскопок монастыря Липса, достаточно достоверно датированный и территориально ближайший к Абхазии, относится к VI в. Тем же временем следует датировать и саркофаги из Сухуми и Пицунды.

Говоря о Севастополе, Прокопий Кесарийский отмечал, что Юстиниан его «заново весь перестроил. . . украсил его улицами и другими постройками»¹⁷. В их числе, несомненно, были и церкви, однако ни одна из них до сих пор не открыта. От культовых сооружений VI в. до нас дошли лишь элементы архитектурной декорации, содержащей раннехристианские мотивы¹⁸. Из неизвестной нам церкви происходит и «антропoidный» саркофаг.

Форма таких саркофагов оказала влияние на форму других раннехристианских захоронений¹⁹. Можно предположить, что выступающие заплечики некоторых каменных гробниц в Цандрипшской (Гантиадской) базилике VI в., раскопанной в 1980 г., навеяны формой подобных саркофагов, хотя она не выражена последовательно²⁰. Данная гипотеза подтверждается и тем, что гробницы из Пицундской церкви, где был обнаружен «антропoidный» саркофаг, и часть гробниц из Цандрипшской базилики очень близки друг к другу по форме и конструкции.

Возможно, к тому же раннехристианскому времени относится массивный известняковый саркофаг, происходящий из с. Каманы близ Сухуми и в качестве раки хранящийся сейчас в городской церкви.

⁹ *Macridy Th.* The Monastery of Lips and the Burials of the Palaeologi. — DOP, 1964, 18, p. 272, fig. 71, 73.

¹⁰ *Мано-Зисс Э.* Нова базилика у Царицином Граду. — Старинар. Н. С., 1958—1959, кн. IX—X, 1959, с. 303.

¹¹ Там же.

¹² *Benoit F.* Op. cit., p. 30.

¹³ *Baradez J.* Op. cit., p. 354; *Gsell S.* Op. cit., p. 216—217; *Benoit F.* Op. cit., p. 29.

¹⁴ *Benoit F.* Op. cit., p. 30.

¹⁵ DACL, VIII, 1, col. 2010 etc.

¹⁶ Связь погребальных христианских памятников с архитектурой отмечал А. Грабар (*Grabar A.* Observations sur l'arc de triomphe de la croix dit arc d'Eginhard et sur d'autres bases de la croix. — SArch., 1978, XXVII).

¹⁷ *Прокопий.* О постройках, III, 7. — ВДИ, 1939, № 4.

¹⁸ *Хрушкова Л. Г.* Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тбилиси, 1980, с. 31—38, табл. XVIII, 2; XX, 2; XXII, 3.

¹⁹ Кирпичная гробница «антропoidной» формы из Чалма в Югославии (*Nikolajević I.* Op. cit., S. 305), упомянутые выше захоронения, высеченные в скале, из Телешта.

²⁰ *Хрушкова Л. Г.* Раскопки Цандрипшской базилики в с. Гантиади (Абхазия). — АО, 1980. М., 1981, с. 411—412; *Она же.* Новые материалы о Цандрипшской базилике. — Изв. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории АН ГССР, 1983, XI, с. 148—150.

Раскопками 1981 г. в пос. Мрамба в Цебельде был открыт саркофаг овальной в плане формы, видимо находившийся в церкви²¹, которая, судя по архитектурным фрагментам, содержащим раннехристианские символы, датируется VI в.²² Саркофаги близкой формы распространены были в раннехристианское время в Северной Африке²³.

Рассмотренные саркофаги происходят из церквей, указывая на наличие в последних мемориального культа. «Антропоидный» тип саркофагов — еще одно (среди множества других) свидетельство византийской активности в крае.

²¹ Баажба О. Х. Исследования в Цебельдинской долине. — АО, 1981. М., 1983, с. 405.

²² Фрагменты приводились в популярных работах как свидетельство существования церкви в Цебельде в VIII в., но без аргументации. См.: Воронов Ю. Н. Тайна цебельдинской долины. М., 1975, с. 115; Он же. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977, с. 19, 51, рис. 7, 1, 2. Анализ этих памятников показывает, что они относятся к VI—VII вв. (Хрушкова Л. Г. Скульптура. . ., с. 32—35, табл. XIX, 1, 3; XXII, 1) или, скорее, только к VI в., будучи типичными для раннехристианского времени.

²³ Duval N., Lézine A. Necropole chrétienne et baptistère souterrain à Carthage. — CArch., 1959, X, p. 102—103, fig. 21.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ДВЕ ПОПРАВКИ К КАТАЛОГУ ГРЕЧЕСКИХ
РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

I. ГИБ, ГРЕЧ. № 113

В каталоге Е. Э. Гранстрем данная пергаменная рукопись из коллекции П. П. Дубровского обозначена как «Сборник сочинений Раймонда Медульонского (1292 г.)»¹. Такое название является воспроизведением идентификации этого анонимного сборника, впервые (молчаливо) выдвинутой Э. Мюральтом² и затем солидно обоснованной В. Леклерком³. Сам он рукопись не видел, а судил о ней отчасти на основе сведений, содержащихся в составленном Б. Монфоконом каталоге греческих рукописей Куалена, завещанных позднее Сен-Жерменскому аббатству (одной из них и была данная рукопись, хранившаяся ранее в библиотеке Сен-Жерменского аббатства и в библиотеке канцлера Сегье)⁴, а также на основе описания видевших ее доминиканцев Кетифа и Эшара⁵ и, наконец, на основе упомянутого каталога Мюральта. При этом решающим доводом в пользу подобной идентификации была запись писца, изготовившего рукопись, сделанная на л. 223, в конце последнего, девятого по счету сочинения из тех, что составили сборник: *δέδοται ἐν κάστρῳ Μεδουλλιόνης τρίτη ἡμέρα πρὸ τῆς ἑορτῆς τῆς μακαρίας ἀγαπητρίας τοῦ κυρίου Μαρίας τῆς Μαγδαληνῆς ἕξει αὐτοῦ χιλιοστῶ διακοσιοστῶ ἐνενηχοστῶ δευτέρῳ*⁶ («дано в крепости Медуйон за три дня до праздника блаженной подруги Господа Марии Магдалины (т. е. 19 июля), в год от его (пришествия) 1292 г.»). Поскольку епископом прованского городка Meuillon, или Mevouillon — в латинизированной форме Medullione (именно с ним и отождествлялся *κάστρον Μεδουλλιόνης*), — был доминиканец Раймон, находившийся в тесных связях с неаполитанским королем Карлом II Анжуйским, который являлся в то же время графом Прованса, и поскольку первый трактат интересующей нас рукописи был написан, как явствует из текста (л. 1), *ἐνώπιον κυρίου τοῦ ρηγός*, т. е. в присутствии неаполитанского короля⁷, постольку зародилась вполне правдоподобная на первый взгляд мысль о том, что рукопись представляет собою сборник переведенных с латинского языка на греческий богословских трактатов этого прелата, причем переведенных, как полагает Леклерк, *sous ses yeux*⁸. Указанный в вышеприведенной записи год (1292 г.) был сочтен датой составления рукописи, хотя завершающие эту

¹ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII века. — ВВ, 1964, 24, с. 176—178 (№ 450).

² Muralto E. Catalogus codd. Bibliothecae imp. publicae graecorum. Petropoli, 1840, col. 24—25.

³ Le Clerc V. Raymond de Meuillon dominicain, évêque de Gap, archevêque d'Embrun. — In: Histoire littéraire de la France, 1842, t. 20, p. 252—266.

⁴ Monfaucou B. de. Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. P., 1715, p. 585.

⁵ Quétif J. et Echard J. Scriptorum ord. Praed., t. 1, p. 937—938.

⁶ На фронтисписе позднейшего латинского оглавления рукописи эта запись переведена (рука Монфокона) следующим образом: Datum in castro Medullionae die tertia ante festum Beatae amatricis domini Mariae Magdaleneae, anno ejus 1292.

⁷ . . . ante Regem scilicet Neapolitanum scriptus, говорится в вышеуказанном латинском оглавлении.

⁸ Le Clerc V. Op. cit., p. 260.

запись слова Τελειοῦται ἡ ὁμιλία ἐπὶ τῇ σημασίᾳ τοῦ ὀνόματος τοῦ τετραγράμματος, казалось бы, должны были подсказать, что речь идет о месте и о времени написания данного конкретного трактата или его перевода на греческий язык (вероятнее первое), но не о времени изготовления рукописи.

Вопрос об авторстве сочинений, сохранных данной уникальной рукописью, уже решен в науке, и поскольку этот факт не отражен в новейшем каталоге (видимо, по той причине, что статьи, посвященные столь важному открытию, были напечатаны в почти недоступных советскому читателю изданиях), представляется необходимым сообщить об имеющемся решении.

Речь идет именно о «важном открытии»: ведь рукопись хранит в единственном известном нам экземпляре еще никогда не публиковавшийся перевод на греческий язык теологических сочинений не какого-то провинциального французского епископа, а выдающегося средневекового ученого, выходца из Каталонии, Арнальдо да Вилланова (Arnaldus Villanovanus, ок. 1240—1311), известного своими трактатами по медицине и алхимии, наиболее вероятного автора знаменитых памфлетов *De tribus impostoribus* и *De probatione maleficiorum*, всю жизнь путешествовавшего по дворам монархов Испании, Италии, Франции, написавшего ряд теологических сочинений, расцененных церковью как еретические и осужденных инквизицией⁹. Честь открытия принадлежит испанскому ученому Иоахиму Каррерасу, опубликовавшему в 1932 г. об этом статью в Барселоне¹⁰. Ознакомившись со случайно попавшей ему на глаза статьей Леклерка, он был поражен начальными словами одного из трактатов нашей рукописи (л. 186: Πλεονάκις ἐπεθύμησα, μακαριώτατε πάτερ, ἵνα τὸ σπέρμα τῆς ἐβραϊκῆς γλώσσης, ὃ ὁ ἦλος τῆς ἀσκήσεως τοῦ ἀδελφοῦ Ῥαμουῦνδου τοῦ Μαρτίνοου..., так как знал, что именно ими (в латинском оригинале) начинается трактат Арнальдо да Вилланова (*Pluries affectavi, karissime pater, ut semen illud hebraice lingue, quod zelus religionis patris R/aumundi/Martini*)¹¹.

Дальнейшее изучение incipit'ов, сообщенных Леклерком, показало испанцу, что: 4 трактата греческой рукописи (№ 5, 7, 8, 9) совпадают с трактатами 3, 8, 2 и 10 рукописи Vaticanus lat. 3824, содержащей теологические сочинения Арнальдо да Вилланова; incipit'ы 4-х других трактатов (№ 1—4), которые отсутствуют в латинской ватиканской рукописи, совпадают с incipit'ами некоторых его сочинений, перечисленных в приговоре инквизиционного суда, состоявшегося в 1316 г. (уже после его смерти) в Таррагоне, а тексты второго и третьего трактатов известны по их итальянским и каталонским версиям; не поддающийся точной идентификации шестой трактат также принадлежит ему, ибо вписывается в рамки той полемики, которую Арнальдо да Вилланова вел в 1299—1300 гг. против теологов Парижского университета. Таким образом, рассматриваемая нами рукопись содержит два или три сочинения каталонского ученого, оригиналы которых, написанные на итальянском или каталонском, утеряны. Большинство же сохранившихся были писаны им в первое десятилетие XIV в.; примерно этим же временем (1305—1311) испанский ученый датирует и появление греческой версии. По его мнению, перевод мог осуществить какой-либо эрудит-западноевропеец, знавший греческий язык, или же, напротив, грек, приехавший на Запад.

⁹ К той обширной библиографии работ об Арнальдо да Вилланова, которая указана в «Итальянской энциклопедии» (*Enciclopedia Italiana*, vol. IV, p. 540—541), следует добавить: *Сурта Н. Г.* Арнольд из Виллановы и его трактат «О сохранении молодости и отдалении старости». — В кн.: *Медицина в памятниках латинской литературы (I—XVI вв.)*. М., 1980, с. 82—92; *Арнольд из Виллановы. О сохранении молодости и отдалении старости* / Пер. с лат. и примеч. Мерцаловой Т. В., Савельевой Л. Л., Сизякиной Е. С., Сурты Н. Г. — Там же, с. 93—131; *Hillgarth J. N.* *The Spanish Kingdoms. Vol. I (1250—1410)*. Oxford, 1976 (см. именной указатель).

¹⁰ *Carreras i Artau J.* Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova. — *Analecta sacra Tarraconensia*, Barcelona, 1932, vol. 8, p. 127—134.

¹¹ *Finke H.* *Aus den Tagen Bonifaz VIII.* Münster, 1902, p. CXXVII—CXXVIII.

Работу Каррераса продолжил другой испанский ученый — Микель Батлори. В одной из своих статей он еще раз обстоятельно рассмотрел вопрос о соответствии трактатов рукописи упомянутым в инквизиционном приговоре 1316 г. сочинениям Арнальдо да Вилланова, о совпадении трех первых из них с трактатами Арнальдо, сохранившимися в итальянской рукописи XV в. G. 3.36 из Национальной библиотеки Флоренции, и издал итальянские оригиналы¹². Располагая уже микрофильмом греч. 113, Батлори посвятил специальную статью четвертому трактату рукописи (начинавшемуся словами Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι), оригинал которого (а им был текст, написанный на каталонском) не сохранился (Батлори дает свой, обратный перевод этого трактата с греческого на каталонский)¹³. Речь при этом шла о трактате, содержание которого послужило главным пунктом обвинений, выдвинутых арагонским инквизитором 6 ноября 1316 г. в Таррагоне: здесь развивалась еретическая мысль о том, что человеческая природа, полученная от бога, равна божественной во всех своих атрибутах. В настоящее время Барселонским институтом каталонских исследований осуществляется — в рамках «Корпуса средневековых философов» — 4-томное издание сочинений Арнальдо да Вилланова, причем в четвертом томе предполагается издать его теологические сочинения, в частности и их греческие переводы, сохранные ленинградской рукописью (издание подготавливает уже упомянутый М. Батлори).

Таковы предварительные итоги изучения греч. 113. Разумеется, работа должна быть продолжена. Рукопись содержит бесценный, в сущности еще нетронутый материал для воссоздания мировоззрения Арнальдо да Вилланова, для изучения средневековой техники и методики перевода. Необходимо было бы выяснить обстоятельства и автора перевода. Поскольку рукопись уникальна и палеографически может быть датирована первой четвертью или половиной XIV в., то не исключено, что переводчик был и писцом. Крайне желательно было бы отождествить этого писца, хотя бы по почерку (с этой целью мы и публикуем несколько снимков с образцами почерка писца греч. 113). При этом не следует упускать из виду такие факты, как весьма тесные контакты, поддерживавшиеся Арнальдо да Вилланова с монахами Афона, а также установление каталонского владычества в Афинах.

В заключение даем исправленное описание содержания греч. 113 (в остальном см. детальное кодикологическое описание рукописи в каталоге Е. Э. Гранстрем):

1) лл. 1—17 об. Трактат <Арнальдо да Вилланова> о христианской вере, греческий перевод (с каталонского?). Итальянская версия трактата издана Микеле Батлори в: Archivio italiano per la storia della pietà, 1951, vol. 1, p. 454—462 (incipit: Per ciò che molti desiderano di sapere); судя по тексту приговора инквизиционного суда, первоначально трактат был написан на каталонском. Этот пункт обвинения гласит (воспроизводим текст по цитируемой статье Батлори, целиком документ опубликован в: Jaime Villanueva. Viage literario a las iglesias de España, 1851, XIX, p. 321—328): Item dampnamus libellum qui intitulatur *De helemosina et sacrificio*, et incipit: *Al catòlic enquiridor*; et infra: *Faç-vos saber que la qüestió que vós en vostra letra proposats. Ibi enim dicit quod opus misericordiae plus placet Deo quam sacrificium altaris: quod est temerarium et etiam erroneum, tum quia inter omnia sacramenta ecclesiastica sacramentum eucharistiae est praetiosius et nobilium quod possit Deo offerri, tum quia incomparabiliter plures rationes acceptabilitatis sunt in sacramento eucharistiae quam in helemosinae largitione. Item quia ibidem dicitur quod stabiliens capellanas vel faciens celebrari missas post mortem non facit opus caritatis, nec ex hoc*

¹² *Batllori M.* Les versions italianes medievals d'obres religioses de mestre Arnau de Vilanova. — Archivio italiano per la storia della pietà, Roma, 1951, vol. 1, p. 395—462.

¹³ *Batllori M.* Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι. Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum. — Miscellanea Melchor de Pobladora, Romae, 1964, I, p. 215—223.

meretur vitam aeternam: quod est haereticum, et est contra id quod communiter tenet Ecclesia et contra canonem missae et contra Scripturam Sacram. Item quia ibidem dicitur quod qui in vita sua scit multitudinem indigentium et maxime amicorum Dei, et congregat et retinet superflua ad stabiliendum capellanas et perpetuandum missas post mortem, certum est quod cadit in aeternam dampnationem, reputamus falsum et temerarium, nisi essent indigentes extrema necessitate. Item quia ibidem dicit quod in sacrificio altaris sacerdos offerens, vel faciens offerri, nihil Deo de suo offert, nec etiam voluntatem: quod nos falsum et temerarium reputamus. Item quia ibidem dicitur quod in helemosina magis representatur passio Christi quam in sacrificio altaris: quod falsum et erroneum reputamus, quia sacrificium altaris magis est memorativum dominicae passionis, et ex institutione; unde dixit Christus: «Haec quotienscumque feceritis in mei memoriam facietis»; et apostolus: «Quotienscumque hunc panem» et cet. «mortem Domini annuntiabitis». Item quia ibidem dicitur quod in sacrificio missae non laudatur Deus opere, sed solum ore: quod falsum et erroneum iudicamus. Item, quod dicit in Informatione beguinorum, quod in constitutionibus papalibus non est scientia, nisi operum humanorum reputamus temerarium et manifestum mendacium et propinquum errori, cum ibi si[n]t multa de articulis fidei et sacramentis Ecclesiae.

2) лл. 18—50 об. — Трактат <Арналидо да Вилланова> De Caritate, греческий перевод (с каталонского?), без заглавия. Итальянская версия трактата издана Микеле Батлори в: Archivio italiano per la storia della pietà, 1951, vol. I, p. 411—427 (incipit: Lodato et ringraziato sia lo nostro signore Jesù Christo). Пункт приговора таррагонского инквизиционного суда гласит: Item dampnamus libellum qui intitulator *Ad priorissam vel de caritate*, qui incipit: *Beneyt et loat sia de Jesuchrist*, ubi dicit quod omnes claustrales sunt extra caritatem et dampnantur, et quod omnes religiosi falsificant doctrinam Christi: quod est temerarium dicere et manifestum mendacium.

3) лл. 51—72. Трактат <Арналидо да Вилланова> Lectio Narbone, греческий перевод (с каталонского?), под заглавием Σύνοψις βίου πνευματικού (incipit: πάντες ἐκείνοι, οἱ θελοῦσι ποιῆσαι βίον πνευματικόν). Итальянская версия трактата издана Микеле Батлори в: Archivio italiano per la storia della pietà, 1950, vol. I, p. 429—453 (incipit: Tutti quelli che vogliono fare vita spirituale). Пункт приговора таррагонского инквизиционного суда гласит: Item dampnamus libellum qui intitulator *Informatio beguinorum vel Lectio Narbone*, et incipit: *Tots aquells qui volen fer vida spirital*. Ibi enim dicit quod diabolus ingeniose deviare fecit totum populum christianum a veritate Domini Iesu Christi; sic suxit et evacuavit, quod non dimisit in eo nisi pellem, id est, apparentiam cultus ecclesiastici, quem facit ex usu; et fides quam habet est talis, qualis est fides daemonum; et quod totus populus christianus ducitur in infernum, et quod christiani per singulos status palam vita et moribus et affectibus Christum abnegavere, et quod in toto corpore Christi collegii, usque ad verticem a planta pedis, non solum vivit, sed regnat et imperat talis apostasia; ex quibus verbis videtur quod non sit gratia in tota Ecclesia militante: quod videtur nobis temerarium et error in fide, cum Salvator dicat, Mathei ultimo: «Ego autem vobiscum sum usque ad consummationem saeculi»; et contra illum articulum «Credo sanctam Ecclesiam catholicam». Item quod dicitur expresse et sequitur ex hoc quod tota Ecclesia militans dampnetur, reputamus consimili modo temerarium, et errorem in fide, et contra articulum «Remissionem peccatorum».

4) лл. 72—81. Трактат <Арналидо да Вилланова> De humilitate et patientia Iesu Christi, греческий перевод с каталонского, без заглавия (incipit: Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι). Приговор таррагонского инквизиционного суда гласит: Nos itaque, dictus praepositus et dictus inquisitor, dampnamus, reprobamus ac sententialiter condempnamus libellos sive tractatus dicti magistri Arnaldi per ordinem qui secuntur: Primum qui intitulator *De humilitate et patientia Iesu Christi*, et incipit: *Filla, si la amor natural*. Ibi

enim ponit naturam humanam a Deo assumptam aequalē Deo in omnibus bonis suis, et quod tam alta sit humanitas in Deo quantum divinitas, et tantum possit: quod videtur esse error in fide, quia nihil creatum potuit aequari Deo, et est contra symbolum Athanasii, ubi dicitur: «Minor Patre secundum humanitatem»; et in Iohanne dicit Christus: «Pater maior me est». Item dicit in libro *De fine mundi*, qui incipit: *Entès per vestres paraules*, quod quam cito anima Christi fuit unita divinitati, statim ipsa anima scivit omnia que divinitas scit, quia alias non fuisset cum ea una persona, praecipue quia scire est circumstantia pertinens ad suppositum individuale, et non ad naturam. Ex hiis eius verbis magna duo dubia insurgunt, quia ponit animam Christi scire omnia quae divinitas scit, et quia videtur annuere quod in Christo non sit nisi una scientia.

5) лл. 81 об.—108. Трактат <Арнальдо да Вилланова> *Dialogus de elementis catholicae fidei*, греческий перевод с латинского, под заглавием (в тексте) *Διάλογος διδασκαλικός ἐπὶ τοῖς στοιχείοις τῆς καθολικῆς πίστεως* (incipit: Ὑπάρχεις σὸ πιστός); латинская версия содержится в рукописях Borgh. 205, ff. 9—20 и Vat. lat. 3824, ff. 29—43.

6) лл. 108 об.—113 об. Трактат <Арнальдо да Вилланова?> *Responsiones adversus praedicta*, греческий перевод (с латинского?) под заглавием Ἀντιλογίαι κατὰ τῶν εἰρημένων (incipit: Δοκεῖ μοι ἀσάδεια καὶ εὐθήθεια). Никаких сведений, помимо нашей рукописи, о том, что у Арнальдо да Вилланова был такой трактат, не сохранилось.

7) лл. 114—173 об. — Трактат <Арнальдо да Вилланова> *Philosophia catholica et divina tradens artem annichilandi versutias maximi Antichristi et omnium membrorum ipsius*, греческий перевод (с латинского?) под заглавием Ἡ φιλοσοφία καθολικὴ καὶ θεία, ἡ διδοῦσα τέχνην τοῦ οὐδενῶσα τὰς πανουργίας τοῦ μεγίστου ἀντιχρίστου καὶ πάντων τῶν μελῶν αὐτοῦ. Латинская версия содержится в рукописях Borgh. 205 ff. 75—96 v и Vat. lat. 3824, ff. 110v—135.

8) лл. 174 об. — 184 об. Трактат <Арнальдо да Вилланова> *Eulogium de notitia verorum et pseudoapostolorum*, греческий перевод (с латинского?) под заглавием Ἀρχὴ τοῦ εὐλογίου περὶ γνωρίσματος ἀληθινῶν καὶ ψευδοπροφητῶν (incipit: Ἐπειδήπερ ὁ ἀπόστολος). Латинская версия содержится в рукописи Vat. lat. 3824, ff. 160—6.

9) лл. 186—223. Трактат Арнальдо да Вилланова *Allocutio super significatione nominis tetragrammaton*, греческий перевод (с латинского?) под заглавием Ὁμιλία ἐπὶ τῇ σημασίᾳ τοῦ τετραγράμματος (incipit: Πλεονάχτις ἐπεθύμησα, μακαριώτατε πάτερ). Латинская версия содержится в рукописи Vat. lat. 3824, ff. 13—28v.

II. ГПБ, ГРЕЧ. 535

Речь идет о нескольких сплетенных в одном картонном переплете XIX в. бумажных листах из различных рукописей. Только последний фрагмент (л. 8—8 об.) отмечен в каталоге Е. Э. Гранстрем как «Трактат об исхождении св. духа. Отрывок. XIV в.». Указано также, что бумага не содержит филиграней, текст писан минускулом, «отрывок заключен в одном переплете с фрагментами двух других позднейших рукописей», даны размеры, число строк, начало и конец текста; сказано, что «текст целиком не читается, отождествить его не удалось»¹⁴.

Между тем как раз этот отрывок хорошо сохранился, отлично читается и являет собою, как выяснилось, автограф константинопольского писца (им писана, например, рукопись Marc. Z. 440), папаса и диакона Льва Атрапеса (XV в.), который преподавал также риторике, что явствует из записи его ученика от марта 1426 г. в демосфеновском кодексе Caesep. D. XXVII 1: ἡρξάμην διδάσκειναι τὸν Δημόσθενην ὑπὸ τοῦ κυρίου παπᾶ διακόνου

¹⁴ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 8. Добавления, поправки и указатели. — ВВ, 1971, 32 с. 113 (№ 633).

Δέοντος τοῦ Ἀτράπη¹⁵. Писанный им в греч. № 535 текст действительно представляет собою фрагмент какого-то антилатинского трактата на тему о природе троицы, в духе тех, которые интенсивно сочинялись византийскими философами и богословами XIV и XV в. Точной идентификации отрывка, однако, и нам сделать не удалось. Начинается фрагмент словами αὐτῶν, καὶ τὰ τρία αἴτια εἶναι ὥστε ἐπεὶ ὅπως αἴτιος ἐστὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ μὲν γεννητῶς, τοῦ δὲ ἐκπορευτῶς и заканчивается словами καὶ ὁ Νουαέων δὲ θεὸς Γρηγόριος ἐν τῷ περὶ θεωνομίας λόγῳ.

Что касается не отмеченных в каталоге частей рукописи греч. 535, то с ними дело обстоит так: лл. 1—4 об. представляют собой фрагменты какой-то рукописи, сплошь заклеенной полупрозрачной бумагой; текст не читается, дату определить невозможно. Зато следующие листы 5—7 (22,0×14,5 и 16,5×9,0; 22—23 строки) записаны хорошо сохранившимся и вполне удобочитаемым курсивом XV в.; они содержат анонимный текст письма, адресованного какому-то императору (incipit: Κράτιστε βασιλεῦ, καὶ τῆς παροῦσης . . . αἰδῆς συγγνώμῃ αἰτῶ). Преисполненный риторики и лишенный какой бы то ни было положительной информации, текст письма сам по себе почти не оставляет исследователю возможностей для надежной идентификации. Тем не менее Пападопуло-Керамевс, издавший письмо, сделал попытку отождествить его автора с Димитрием Кидонисом, а адресата-императора — с императором Иоанном VIII Палеологом¹⁶. Думаю, что попытка явно неудачная, если принять в расчет хронологию событий: ведь автор письма говорит о покойном отце императора, покровительством которого он пользовался, и просит о покровительстве царствующего¹⁷. Однако, как известно, отец Иоанна VIII, император Мануил II Палеолог, умер в 1425 г., когда Димитрия Кидониса давно уже не было в живых (ум. около 1400 г.)¹⁸. Неудивительно, что и в корпусе писем Димитрия Кидониса, изданных Ленерцем, данное письмо отсутствует¹⁹.

Не является ли писцом и этой части рукописи Лев Атрапес? Манера письма здесь несколько иная, почерк свободнее, размашистее, небрежнее, но в то же время и явно родствен почерку, которым писаны листы 8—8 об. К тому же представляется возможным его отождествление с почерком одного из писцов рукописи Marc. Gr. z. 37 (=coll. 396), содержащей греческий перевод обрядника латинско-католической мессы, выполненный Мануилом Хрисолорой (Missale latinum graece redditae a Manuele Chrysologa). По почерку этот писец (ему принадлежат листы 25—124 об.) отождествляется автором новейшего каталога именно с Львом Атрапесом (Leo Atrapēs, nisi fallor, diligenter scripsit)²⁰. Независимо от Миони, с Львом Атрапесом отождествил писца марчанской рукописи и Б. Л. Фонкич, который, однако, не поддержал (в адресованном мне письме от 5 октября 1982 г.) предложенную мною идентификацию писца греч. 535 (лл. 5—7)

¹⁵ См. о нем: Harlfinger D. Specimina griechischer Kopisten der Renaissance. I. Griechen des 15. Jahrhunderts. В., 1974, S. 17 (здесь же — образец почерка Льва Атрапеса, см. № 13). Фотоснимки л. 8 греч. 535 были показаны мною двум известным авторитетам в области греческой палеографии — Б. Л. Фонкичу (Москва) и Эрнсту Гамильшегу (Вена), и каждый из них, независимо друг от друга, указал на Леона Атрапеса как писца рукописи — яркое свидетельство эффективности почерковедческого метода.

¹⁶ Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἐπιστολὴ ἀνωνύμου πρὸς αὐτοκράτορα. — Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 1909, III, σελ. 323—326.

¹⁷ Ibid., p. 325.

¹⁸ Καραγιαννόπουλος Ἰ. Ε. Πηγαὶ τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας. Β' ἐκδ. Θεσσαλονίκη, 1971, σελ. 367.

¹⁹ Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956, 1960, I, II.

²⁰ Mioni E. Codices graeci manuscripti Bibliothecae Divi Marci Venetiarum: Thesaurus antiquus. Roma, 1981, vol. 1, p. 54. Образец почерка опубликован: Gasparini-Leporace T., Mioni E. Cento codici Bessarionei. Venezia, 1968, tav. 16 (авторы высказали, однако, в этой работе ошибочное мнение, будто писцом был сам кардинал Виссарийон в его молодые годы; в своем новейшем каталоге Миони молчаливо исправляет собственную ошибку).

с писцом марчанской рукописи. Думаю все же, что эти рукописи писаны одной рукой — рукой Льва Атрапеса.

Во всяком случае, рукопись (греч. 535, лл. 5—7), которая не имеет филиграней, также должна датироваться XV в., и, значит, идентификация Пападопуло-Керамевса хотя бы частично подтверждается; адресатом письма мог быть только император Иоанн VIII Палеолог. Был ли автором письма писец рукописи Лев Атрапес и не является ли вся рукопись греч. 535 фрагментом утраченного сборника его сочинений? На этот вопрос мы пока дать ответа не можем.

Разумеется, наши скромные поправки и дополнения к каталогу Е. Э. Гранстрем ничуть не умаляют его значения. Напротив, только его существование и делает возможным и естественным дальнейший прогресс в изучении рукописных сокровищ ленинградских хранилищ.

СООБЩЕНИЯ

Ю. Я. ВИН

ПРАВО ПРЕДПОЧТЕНИЯ
В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Одной из важнейших черт общинных связей византийского крестьянства являлось существование определенных норм, регулировавших земельно-имущественные отношения членов сельской общины. К числу таких норм относится прежде всего протимисис — право предпочтения на приобретение отчуждаемых недвижимостей. Протимисис наряду с другими общинными обычаями (право родового выкупа, необходимого наследования и т. д.) обеспечивал сохранение недвижимого имущества крестьянских семей от распыления.

Протимисис исследовался преимущественно на основе материалов законодательства императоров Македонской династии и «Пиры». В итоге изучения было выяснено значение законодательства о протимисисе для судеб византийского крестьянства¹. Одни ученые усматривали в протимисисе следствие коллективной податной ответственности крестьянства², другие подчеркивали, что в X в. были узаконены присущие общине обычаи³.

¹ Право предпочтения нашло глубокое отражение в юриспруденции X—XII вв. См.: Svoronos N. G. Les privilèges de l'Eglise à l'époque des Comnènes: un rescrit inédit de Manuel Ier Comnène. — ТМ, 1965, I, p. 345 sqq. Библиография основных зарубежных исследований приводится в кн.: Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. Galway, 1979, p. 90, п. 1. См. также: Köpstein H. Zur Veränderung der Agrarhältnisse in Byzanz vom 6. zum 10. Jahrhundert. — In: Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. В., 1983, S. 74—76. Весьма важны затрагивающие данную тему труды русских византистов: Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства. — Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930, т. 4, с. 266 сл.; Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, 1883, ч. 225, № 2, с. 323 сл.; Idem. Ζητήματα πρὸς μελέτην τῆς ἐσωτερικῆς ἱστορίας τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους. — Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος, 1887, τ. 2, № 7, σ. 546; Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, с. 244 сл.; Безобразов И. В. Крестьяне. — В кн.: Герпберг Г. Ф. История Византии. М., 1897, с. 624 сл.; Он же. Рец. на кн.: Georges Testaud. Des rapports des puissants et des petits propriétaires dans l'empire byzantin au Xe siècle. Bordeaux, 1898; Gaignerot Rolend. Des bénéfices militaires dans l'empire romain et spécialement en orient et au Xe siècle. Bordeaux, 1898. — ВВ, 1900, 7, с. 159 сл. Названной проблеме уделяется также значительное внимание в недавних публикациях советских ученых. См.: Лутаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 17—19; Липищ Е. Э. Продажа класм и протимисис. — АДСВ, 1973, 10, с. 105—108; Она же. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981, с. 126 сл.

² Zachariä von Lingenthal K. E. Geschichte des Griechisch-Römischen Recht. 3. Aufl. В., 1892, S. 236 ff.; Platon G. Observations sur le droit de προτίμησις en droit byzantin. — RGD, 1903, 27, N 5, p. 432—434; Dölger K. Das Fortgestellen der 'Επιβολή in mittel- und späthbyzantinischen Zeit. — In: Studi in memoria di Aldo Albertoni. Padova, 1937, 2, S. 10—11.

³ Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, 1956, X, с. 37—38; Он же. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3, с. 109; Он же. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, 1960, XVII, с. 13, примеч. 27; Лутаврин Г. Г. Указ. соч., с. 17, 21; Zepos P. J. Survivances byzantines dans le droit des coutumes. — Balkan Studies, 1980, 21, N 1, p. 11.

Право предпочтения практиковалось в византийской деревне с глубокой древности. Его реминисценции обнаруживаются уже в ранневизантийском законодательстве⁴. С теоретической точки зрения право это принадлежало лишь родственникам и не переносилось на соседскую общину⁵. Однако фактически протимисис в том виде, в каком он предстает в новелле Романа I Лакапина 922 г., где дана четко установленная пятиступенчатая градация лиц, обладающих правом предпочтения (причем среди них названы не только родственники, но и соседи), безусловно распространялся на всю поземельную общину⁶. Весьма вероятно, что именно в этом, т. е. в узаконении существовавшего обычного права, расширении его норм и распространении права предпочтения на всю соседскую общину, состояла цель предпринятой кодификации.

Переложение актов Охридской архиепископии, принадлежащее ее главе Димитрию Хоматиану, свидетельствует о существовании протимисиса в византийском селе в первые десятилетия XIII в. В изображении Димитрия Хоматиана протимисис рисуется живым, действующим правом, которым руководствовались жители северо-западных провинций Византии, когда им приходилось улаживать свои поземельно-имущественные отношения⁷. Приводимые Димитрием Хоматианом жалобы мелких землевладельцев отражают допущенные при отчуждении земельных наделов нарушения. Так, нередко выказывалось пренебрежение к праву предпочтения родственников и ближайших соседей. Нарушением признаются помехи, чинимые родственникам и соседям, желающим использовать фактическое право предпочтения, помехи, создаваемые с целью отчуждения земельного участка постороннему лицу⁸. Отсутствие предварительного оповещения воспринималось как ущемление законных прав землевладельцев, претендующих на предпочтение⁹.

Вместе с тем исследование протимисиса последних столетий византийской истории можно осуществить главным образом благодаря актовому материалу. Заметим, что документальные свидетельства привлекались историками к изучению этого института лишь эпизодически. Так, Г. А. Острогорский на примере актов X в. из архива Лавры Афанасия показал, как в условиях феодального строя крестьяне практически лишались своих прав предпочтения. Признав этот факт, югославский византист обратил внимание на то, что право предпочтения отражено и в материалах документов последующих веков¹⁰. К одному из таких актов обратился некогда Ж. Платон¹¹. Однако уже русские византисты второй половины XIX — начала XX в., используя актовые материалы, выявили следы протимисиса в поздневизантийской деревне¹².

⁴ *Platon G. Op. cit.*, p. 432 sqq.; *Ostrogorsky G. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert.* — VSWG, 1927, 20, Hf. 1—2, S. 33; *Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы...*, с. 108—109.

⁵ *Косвен М. О. Семейная община и патронимия.* М., 1963, с. 157.

⁶ JGR, 1857, III, p. 234—241. Ср.: *Литаврин Г. Г. Указ. соч.*, с. 17—19.

⁷ *Ангелов Д. Принос към народностните и поземелни отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четвърт на XIII век.* — Известия на Камарата на народната култура. Серия: Хуманитарни науки. София, 1947, т. IV, № 3, с. 20, 26—27, 37—38; *Charanis P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later.* — BS, 1951, 12, p. 124; *Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм.* М., 1962, с. 86.

⁸ *Chom.*, № 89, col. 393—396. В частности, контрагентами одной из сделок была завышена цена продаваемого участка земли с тем, чтобы обладавшие правом предпочтения родственники и соседи не смогли им воспользоваться (*Ibid.*, N 71, col. 307—311).

⁹ *Ibid.*, N 42, col. 185—187.

¹⁰ *Ostrogorsky G. The Peasant's Pre-emption Right. An Abortive Reform of the Macedonian Emperors.* — JRS, 1947, 37, p. 117—126. См. также: *Idem. Die ländliche Steuergemeinde...*, S. 35.

¹¹ Французский ученый рассмотрел акт 1193 г., свидетельствующий о существовании прав близости и предпочтительной покупки у жителей Крита (MM, VI, 124—127). См.: *Platon G. Op. cit.* — RGD, 1904, 28, N 1, p. 6.

¹² См.: *Васильевский В. Г. Материалы...* — ЖМНП, 1880, ч. 210, № 7, с. 135—136, 142, 155—157, 160—161; *Безобразов П. В. Рец. на кн.: Georges Testaud...*, с. 163,

Еще К. Э. Цахариэ фон Лингенталь считал, что протимисис сохранился в течение всей византийской истории и даже дожил до новейшего времени¹³. Тем не менее некоторые исследователи, ссылаясь на якобы сделанные в «Шестикнижии» Константина Арменопула оговорки о забвении положений законодательства императоров Македонской династии, сомневаются в реальном осуществлении прав предпочтения в позднейший период византийской истории¹⁴. Согласно концепции, принятой рядом исследователей, право предпочтительной покупки, вытекавшее из права близости, проявлялось как пережиток общинных отношений. Протимисис, чуть ли не с X в. ставший прерогативой феодальных собственников, постепенно терял свою силу¹⁵.

Изложенная теория, думается, не раскрывает в полной мере существа и эволюции права предпочтения в поздневизантийской деревне. Отдельные ее положения, в том числе прозвучавший с наибольшей выразительностью у Г. А. Острогорского тезис о вытеснении протимисиса в поздней Византии правом близости («правом соседей»)¹⁶, нуждаются в уточнении и исправлении.

Неясен прежде всего вопрос о действенности в XIII—XV вв. законодательства о праве предпочтения. Безусловно, реальная значимость собранных в «Шестикнижии» Константина Арменопула законоположений для юриспруденции может вызывать сомнение¹⁷. Однако полное отрицание практического значения «Шестикнижия» неправомерно. «Шестикнижие» представляло не просто компиляцию юридических памятников предшествующих эпох. Приводя в соответствие их законодательные положения с нормами действующего права, «Шестикнижие» отражало юридическую практику своего времени¹⁸. Поэтому было бы неверным относить замечание поздневизантийского юриста о забвении норм протимисиса к законодательству о нем в целом. В «Шестикнижии» содержится неоспоримое указание на то, что во времена его составления пренебрегали в первую очередь запрещением использовать протимисис динатам, не являющимся родственниками продавцов земли¹⁹. Именно о таком положении вещей рассказывает Димитрий Хоматиан, судебные постановления которого

164—165. Позиция Б. А. Панченко относительно реализации прав предпочтения в поздневизантийской деревне противоречива. С одной стороны, он считал, что участок мелкого землевладельца, который продан монастырю, утрачивал обусловленную близостью расположения с другими наделами «связь» с ними (Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. — ИРАИК, 1904, IX, вып. 1—2, с. 108); с другой стороны, ученый приводил примеры сохранения прав предпочтения у жителей поздневизантийского села, использования феодальными собственниками права близости для скупки земель окрестного крестьянства (Там же, с. 117, 140, 154, 163). Более того, Б. А. Панченко подчеркнул, что господа обладали правом предпочтения на приобретение наделов зависимых крестьян (Там же, с. 142).

¹³ Zachariä von Lingenthal K. E. Op. cit., S. 248. См. также: Rouillard G. La vie rurale dans l'Empire byzantin. P., 1953, p. 92.

¹⁴ Zakythēnos D. A. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 50; Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977, p. 54, n. 70.

¹⁵ Мутафчиев П. Селското землевладение в Византия. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1909, кн. 25 (7), дел. II, с. 61 сл.; Он же. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. — Списание БАН, 1923, кн. 27, кл. ист.-фил., № 15, с. 18; Вишнякова А. Ф. и др. Новые материалы по аграрной истории Византии XIII—XIV вв. — ВВ, 1951, IV, с. 209; Ostrogorskij G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 45—46. См. также: ВВ, 1956, X, с. 52—53; ВВ, 1958, XIII, с. 305; Тувчев П. Към въпроса за селското население във Византия през XII в. — Годишник на Софийския ун-т. Философско-исторически факт., 1960, 53, кн. 2, с. 509; Ферянчић Б. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, с. 50; Laiou-Thomadakis A. E. Op. cit., p. 49, 53 sqq., 105.

¹⁶ Ostrogorskij G. Quelques problèmes..., p. 45.

¹⁷ Πισσαρης Κ. Γ. Τὸ δίκαιο στὸ Βυζάντιο τοῦ 14^{ου} αἰῶνα. — 'Εἰς: Κωνσταντίνου 'Αρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος. Ἀθήναι, 1971, σ. πγ' — πε'.

¹⁸ Cront G. Exabibluul lui Armenopul. — Studii, Revistă de Istorie, 1963, 16, N 4, p. 820—821.

¹⁹ Армен., III, 3, 112.

по поводу имущественных споров, кстати сказать, нередко опирались на законодательство Македонской династии о протимисисе²⁰. Косвенным подтверждением влияния выработанных в предшествующие эпохи законоположений о праве предпочтения на юридическую практику в поздней Византии являются формуляры документов, нашедшие применение в этот период²¹. Наконец, проведенное в апреле 1324 г. судебное разбирательство иска некоего Кефалы по поводу его предпочтительного права на покупку домов в Фессалонике, которые приобрел Константин Музалон, также доказывает, что протимисис сохранял свою юридическую силу²². Кефала обладал правом предпочтительной покупки потому, что он был лицом, имевшим право близости «по законам» (*κατὰ νόμους*)²³. Точное выполнение требований законов о протимисисе подтверждается таким фактом, как оповещение лиц, обладающих правом предпочтения и близости²⁴, соблюдение сроков применимости законодательных норм²⁵.

Вместе с тем неправильно считать, что область действия протимисиса ограничивалась куплей-продажей недвижимостей. Он распространялся, помимо отчуждений, производимых в форме продажи и дарения, также на передачу имущества в аренду²⁶. Акты константинопольского патриарха XIV в. говорят о широком понимании протимисиса современниками и отражают его ведущую роль в сфере приобретения и наследования имущества сообразно действовавшим нормам брачно-семейного права²⁷. В частности, при разрешении имущественных споров между родственниками в случаях задолженности действовало право предпочтения в отношении свадебного дара²⁸.

²⁰ Ангелов Д. Указ. соч., с. 37—38. Иногда Димитрий Хоматиан непосредственно ссылается на законы о протимисисе, послужившие основой для его решений (Сом., N 4, col. 32; N 65, col. 289—290; N 71, col. 311—314). Сохранились разъяснения архиепископа относительно права предпочтения на дар по поводу брака (Ibid., N 43, col. 189—194).

²¹ Нормы протимисиса и права близости прямо или косвенно воплотились в строках формуляров различных документов [BG, p. 610, 5, 19, 24—25 (N 2); p. 612, 26 (N 4); p. 616, 9—10 (N 8); p. 619, 4—11 (N 10); p. 620, 21—22 (N 12); p. 622, 25—p. 623, 1, 15—17 (N 14); Formulari, p. 48, 23 (N 61)]. Конечно, формуляры подобного рода складывались задолго до рассматриваемого периода. Так, инскрипции одного из формуляров опубликованного Ж. Феррари сборника указывают на его возникновение в Комниновскую эпоху [Formulari, p. 59—60 (N 29)]. Однако рукописная традиция позволяет прийти к заключению о практическом употреблении созданных ранее формуляров и в поздней Византии. Содержащая вышеупомянутый сборник формуляров ватиканская рукопись (Cod. Vat. gr. 867) сохранила запись нотариуса, сделанную в 1259 г. (Ibid., p. 41). Сборник же формуляров, опубликованных К. Н. Сафой, воспроизведен в рукописи XV в. (Cod. Paris, gr. 2509). Она датируется по включенным в состав рукописи пасхалиям, начинающимся с 1430 г. См.: *Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la bibliothèque nationale. P., 1888, v. 2, p. 274—275.*

²² Действенность законодательства о протимисисе не была территориально ограничена: соответствующие нормы соблюдались и в сельской местности, и в городе. См.: Ангелов Д. Указ. соч., с. 26. В дальнейшем — без дополнительных оговорок — привлекаются материалы, которые касаются регулирования осуществлявшегося на основе протимисиса движения земельных имуществ в черте города, поскольку они помогают восполнить недостаток сведений о характере прав предпочтения.

²³ RPK, I, N 71, 37—38.

²⁴ Schatz., N 20, 2—3.

²⁵ См.: MM, II, 324, 388.

²⁶ Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 17.

²⁷ Нельзя не упомянуть о том, что брачный и предсвадебный дар, равно как и дар по случаю смерти, а также по завещанию, совершаемый без соблюдения норм протимисиса, использовался для скрытых продаж, которые давно были запрещены законодательным путем (JGR, III, 240. См. также: Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 19). Ограничения законодательства X в. подтверждаются в «Шестикижии» Арменопула (Армен., III, с. 3, 107).

²⁸ Так, некая Ватагина, муж которой занял деньги на приобретение упряжки тягловых животных, согласилась признать право предпочтения заимодавца, Георгия Гудела, на имущество ее мужа. Приданое же Ватагины не подлежало отчуждению для погашения долга (MM, II, 400—401). Формулы распоряжения актов константинопольского патриарха свидетельствуют о том, что при задолженности главы семьи его наследники сохраняли за собой предпочтительное право на получение брачного дара: «οἱ θεοὶ νόμοι παντός χρέους τοῦτῃς προῖκος τίθεσσι προτιμώτερον». Ср.: RPK,

Документальные материалы XIII—XV вв., относящиеся к европейским провинциям Византии, раскрывают главным образом характер права предпочтения на приобретение имущества как форму правоотношений феодальных собственников. В первую очередь это право возникало на основе моральных обязательств родственников по отношению друг к другу²⁹. Степень права предпочтения ближайших родственников обуславливалась мерой кровного родства³⁰. Когда степень родства оказывалась одинаковой, право предпочтения на наследуемое имущество предоставлялось тому, в чьем фактическом владении оно находилось³¹. Распределение имущества среди родственников, располагавших правом предпочтения, сопровождалось вычислением посотиса, который соответствовал стоимости переданного им имущества³². Родственники сохраняли право предпочтения на отчужденные другим лицам имущества независимо от давности сделки, если их право закреплялось в документе об отчуждении³³.

При отсутствии прямого родства вступали в силу другие критерии определения приоритета в использовании права предпочтения. В начале XV в. монахиня Марфа опротестовала покупку дьяконом Великой церкви Георгием Евгеником участка сада, собственницей которого являлась некая Асаннина. Спор разрешился признанием права предпочтения за дьяконом. Георгий Евгеник оказался не просто соседом — таковым судьи сочли монахиню Марфу. Будучи арендатором участка, он выступал в качестве соплательщика (*ὡς ἑμπελάης*). Что же касается прав Евгеника и Марфы на садовый участок и дома Стгурополины — оба соседа претендовали на них без дополнительных оснований, — эти права также не были равны. В то время как монахине было предоставлено право на одну треть участка, Георгий Евгеник получил предпочтение — право приобрести две трети, соответственно доле общих границ смежных владений (*καθόσον μέρος πλεονάζει αὐτῶν*)³⁴.

Анализ рассмотренного акта, как и других документов, показывает, что обычно протимисис обосновывался соседством (*ἀνακοίνωσις*) расположе-

1, № 72, 15—16; № 74, 35—36; № 77, 32—33; ММ, II, 300, 344. Равным образом клаузула одного из документов гласит: «*χρέος γάρ ἐστιν ἀπαραίτητον ἢ προτίμησις τῆς προικός*» (ММ, I, 283). Указанное правило вытекало из законодательства предшествующих веков. Ср.: SB, II, XXIX, 20. См. также: *Buckler G. Women in Byzantine Law about 1100 a. d.* — Вуз., 1936, II, fasc. 2, p. 410. Документальным подтверждением действительности рассматриваемого права в отношении брачного дара в X—XI вв. является новелла Константина X Дуки, требующая выполнения «протимисиса брачного дара» (JGR, III, 325—326). Данная норма нашла отражение в «Шестикнижии» Арменопула (*Армен.*, IV, 10, 38). Однако охрана прав предпочтения в отношении брачного дара осуществлялась в основном в случаях задолженности, не распространяясь на другие виды гражданских исков. Ср.: ММ, II, 412—413.

²⁹ Христофор Теодаракис должен был получить право предпочтения на приобретение имущества после смерти своего тестя, не сумевшего выполнить условия брачного договора о свадебном даре (РПК, I, № 45). Петр Палеолог, взявший на содержание детей своей сестры, по условиям договора о залоге виноградника, входившего в ее свадебный дар, получил право предпочтения на этот земельный участок перед остальными родственниками (ММ, I, 399—400).

³⁰ РПК, I, № 43, 19—23.

³¹ См.: ММ, II, 356—357. Учет права близости позволял отводить каждому из родственников участки делимых земель, расположенные близ его собственных владений. См.: ММ, II, 545—546.

³² Раздел имущества, входящих в состав дара гипоболона (см. о нем: *Липшиц Е. Э. Законодательство...*, с. 105—108) дочери Курулаки, между родственниками сводился ко взаимным расчетам стоимости делимых имуществ, включая зевгилятий, купленный Патрикием, зятем Курулаки, за счет брачного дара жены. Наследники Курулаки, получившие по праву предпочтения разрешение владеть помещьем, должны были компенсировать наследникам Патрикия разницу между стоимостью этого зевгилятия — она превышала размеры стоимости доли имущества, которая должна была быть им передана, — и величиной начисленного им посотиса (РПК, I, № 22).

³³ Братья Пенагомены, заложив свои недвижимые имущества монахам расположенного поблизости монастыря (*καθίσμα*), оговорили свое право предпочтения. Предусматривалось, что, если один из них скончается, другой сохранит за собой право выкупа (ММ, II, 443—444).

³⁴ ММ, II, 427—429.

ния имущества³⁵ или более емким правом близости (*πλησιασμός*)³⁶. Иногда последнее выступало в качестве источника протимисиса опосредованно. Сад Марка Палеолога Ягариса в Кинигосе находился по соседству с заброшенным участком некоего Мавроммата. Поскольку Марк Палеолог терпел ущерб от случайных прохожих, которые проникали в его владения через заустевший соседний участок, он решил покончить с таким положением. В виду отсутствия Мавроммата Марк Палеолог с согласия родственницы упомянутого владельца обнес стеной и при помощи своего садовника расчистил, а также возделал соседний участок. Встал вопрос о юридическом оформлении договора относительно переданного фактически в пользование Палеолога участка Мавроммата. Марк Палеолог надеялся, что по возвращении Мавроммат уступит в аренду или же продаст ему участок. Константинопольский патриарх, приняв к рассмотрению иск о заключении временного соглашения, признал за Марком Палеологом в случае продажи хозяином земельного участка право предпочтения на его приобретение, так как Палеолог расчистил и оградил участок забором³⁷. Словом, не само право близости, а личная забота и попечение соседа, труд и расходы на культивацию участка послужили основой признания протимисиса³⁸.

Регистрация права близости и прямое отождествление его с протимисисом³⁹ в документах, удостоверяющих владельческие права представителей господствующего класса, благоприятствовали формированию крупной феодальной собственности. Право близости крупных землевладельцев распространялось на территории целых поселений.

Поучительна история хориона Ахиану, часть которого принадлежала во второй половине XIV в. Акапнийскому монастырю. Некогда половина этого поместья была передана в пронию Макарию Вриеннию, а к началу 1390-х годов принадлежала Димитрию Вриеннию Ласкарису⁴⁰, другая же половина хориона оставалась во владении названного монастыря. С течением времени Акапнийский монастырь обеднел, и его монахи, заручившись разрешением церковных властей, решили продать принадлежавшую им часть деревни. Покупателями выступили монахи Кутлумушского монастыря. Однако кутлумушцы не имели права предпочтения на покупку,

³⁵ Ср.: ММ, II, 351, 354, 392, 427. О праве предпочтения, обусловленном анакинисисом, которому посвящена одна из глав (50) «Пиры», см.: *Липиниц Е. Э.* Законодательство..., с. 128 сл.; Понятие «анакинисис» служило для обозначения принадлежности земельных участков к одной ипотаге. См.: *Svoronos N.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes. — ВСН, 1959, 83, p. 123; см. также: УЗ ВЛГПИ, 1956, с. 87 сл.; *Литаерин Г. Г.* Указ. соч., с. 12.

³⁶ Симптоматично замечание, сделанное в акте продажи монахини Марии Модины 1321 г. Оно указывает на взаимообусловленность «плисиасма» и «протимисиса»: «εἰ μὴ πρὸς ἡμᾶς τοὺς μοναχοὺς, ὡς πλισιαστὰς ὄντας καὶ προτημῆσας δίκαιον ἔχοντας ἔχοντας ἐπαυτῶ» (Chil., № 69, 37—38).

³⁷ Ср.: «ὀφείλει ἐν προτημῆσει εἶναι πάντων τῶν ἄλλων ὁ Παλαιολόγος δ' Ἰάγαρις, ὡς ἀνακαθάρας τοῦτον καὶ περιφράξας». См.: ММ, I, 497—499.

³⁸ В документах далеко не всегда освещаются истинные мотивы, предопределяющие возможности использования соседним землевладельцем права предпочтения. Например, причины признания такого права у Зографского монастыря на приобретение метоха Ватопедского монастыря скрыты. Зато ясно, что монахам Зографского монастыря, получившим право предпочтения на не подлежащий отчуждению храм метоха (ἐν ᾧ καὶ τὴν προ τιμῆσιν ἐποιήσαμεθα ἐν ἑμῖν), вменялось в обязанность попечения о его состоянии (Zogr. № IX).

³⁹ Право близости ограничивало возможности отчуждения земельных наделов их собственниками. Для продажи недвижимых имуществ посторонним землевладельцам требовался отказ соседей от их права предпочтения — права близости. Ср.: Kutl., № 7, 9—10, 30—31; Chil., № 12 Б, 1—2, 15—17, 53—57; № 142, 37—48; Zogr., № VIII, 11—12; Хег., № 12, 45—45 bis; см.: Ibid., p. 100.

⁴⁰ Возможно, что упомянутая половина владений Акапнийского монастыря была передана в пронию ок. 1371 г., после поражения византийцев в битве на р. Марица, когда половина монастырских владений отошла прониарам. См.: *Ostrogorskij G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 161 ss.; *Idem.* Byzance, état tributaire de l'Empire turc. — ЗРВИ, 1958, 5, с. 51; *Иончев Л.* За характера на манастирското землевладение у Македония през XIII—XIV вв. — ИИИ БАН, 1972, 22, с. 172.

ибо у них не было права близости (μη ἔχοντες δὲ μίτη ἀπὸ πλησιασμοῦ δίκαιον). Они пошли на хитрость. Передав деньги Димитрию Ласкарису, монахи Кутлумушского монастыря убедили его, будто бы пользовавшегося правом соседства (διὰ τὸ κατ' αὐτὴν δὴ τὴν χώραν τῆς ἀνακοινώσεως αὐτοῦ δίκαιον), приобрести половину села с тем, чтобы потом подарить ее их монастырю. Однако их махинация была разоблачена монахами Хиландарской обители, которые заявили о своем праве близости на половину хориона Ахиану. Только что заключенная сделка акапнийцев с кутлумушцами была расторгнута. Едва, однако, Хиландарский монастырь попытался воспользоваться своей победой, обнаружился еще один претендент на покупку — Эсфигменский монастырь. Его монахи, апеллируя к властям, указали, что ни Димитрий Ласкарис, ни Хиландарский монастырь были не в праве приобретать вторую половину села: Ласкарис — потому, что был не собственником, а всего лишь владельцем пронии, права же хиландарцев на село были несравнимо уже их собственных, поскольку хотя монахи Хиландарского монастыря обладали правом близости, они являлись соседями только по внешней границе хорафиев спорной половины деревни (πλησιασμοῦ τὸ δίκαιον ἐσχηκότες καὶ κατὰ τοὺς ἔξωθεν τῶν χωραφίων περιουσιασμοῦς... γειτνιώντες τῷ τοιοῦτῳ χωρίῳ). Иначе говоря, Хиландарский монастырь обладал «близостью издалека» (τὸν μακρόθεν πλησιασμόν), тогда как монахам Эсфигменского монастыря принадлежали права соседства (ἀνακοινώσεως δίκαια). Действительно, представители Серрского митрополита Матфея подтвердили заявление монахов Эсфигменского монастыря. Судьи установили, что владения двух монастырей располагались совместно (δίκαια ἀνακοινώμενα τυχάνοντα) и даже дома в селе, которые принадлежали каждому из названных монастырей, находились рядом (συγκείμενον). Именно это послужило основой для решения спора в пользу Эсфигменского монастыря ⁴¹.

Итак, феодальные собственники располагали правом близости, охватывавшим обширные территории вокруг их поместий ⁴². Это позволило магнатам беспрепятственно приобретать земельные владения не только зависимых от них крестьян ⁴³, но и вообще скупать земли окрестных жителей — в качестве «плисиаста» ⁴⁴. Таким образом, роль «плисиаста» в жизни поздневизантийской деревни приобрела весьма определенную социальную значимость ⁴⁵.

Аналогичная картина предстает перед исследователем документов XIII—XIV вв. малоазийского происхождения ⁴⁶. На юго-западном побережье Малой Азии и прилегающих островах право близости, безусловно, было адаптировано феодальными землевладельцами применительно к своим нуждам ⁴⁷. О присвоении феодальными собственниками права

⁴¹ Esph., № 30; см. также: Chil., № 160.

⁴² Ср.: Doch., № 8, 67—75.

⁴³ Семейство Малиасинов во второй половине XIII в. систематически скупало земельные наделы, имея в виду организовать монастырь, у членов общины хориона Дрианувена. См.: Ферjanчић Б. Указ. соч., с. 75 сл.; а также: Zakythenos D. A. Crise monétaire..., p. 58; Charanis P. On the Social Structure..., p. 101—102; Idem. The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century. — In: Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Johnson. Princeton, 1951, p. 346 sqq. Один из них, Константин Кацидон, продавший Малиасинам, своим господам, виноградник, оговаривается, что те обладали правом близости (χωρίους ἡμῶν, ὡς δίκαια ἔχουσι πλησιασμών) по отношению к держаниям крестьян (MM, IV, 408, см. также: Ферjanчић Б. Указ. соч., с. 83—84).

⁴⁴ Chil., № 109, 5, 8, 17; № 98, 7. Ср. также: Meliteniotes, I, 7—8.

⁴⁵ Будучи «плисиастами», землевладельцы участвовали в работе местного поземельного суда, размежевывали спорные владения своих соседей (Metéor., № 18, 58—62).

⁴⁶ См.: Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261). L., 1975, p. 131; см. также: Мутафчиев П. Войнишки земи..., с. 96.

⁴⁷ Акт соглашения между смирнскими монастырями, в том числе монастырем Лемвиотиссы, которому Георгий Петридзос пожертвовал хорафий (на помин души), и монастырем чудотворца Николая, претендовавшим на этот земельный участок, показывает, что основой урегулирования поземельных отношений феодальных

предпочтения непосредственно свидетельствует завещание Анны Ангелины (1267 г.). Передавая в Лемвиотийский монастырь земельный надел на помин души своего мужа, она и ее ближайшие родственники отказывались в пользу монастыря от принадлежавшего им права предпочтения⁴⁸.

Значит ли это, что в условиях развитого феодального землевладения протимисис, призванный упорядочить поземельные отношения в сельской общине, окончательно изживает себя? Лапидарные формулы актов позволяют обнаружить следы протимисиса в сфере крестьянского землевладения. В ряде документов, составленных в канцелярии смирнской митрополии, упоминается предварительное оповещение лиц, пользующихся правом предпочтения, о предстоящем отчуждении крестьянских земель. На первый взгляд упоминание об оповещении является ушедшим в прошлое атрибутом формуляра документа⁴⁹. Однако материалы расследования обстоятельств продажи, осуществленной в обход права близости одного из феодальных собственников, подтверждают, что оповещение было неотъемлемой частью процедуры продажи крестьянских земель⁵⁰. Не менее убедительным, хотя и косвенным, свидетельством сохранения протимисиса в малоазийских провинциях Византии вплоть до их утраты является повсеместная регистрация в актах продаж и дарений «плисиастов»-соседей, пользовавшихся правом близости или собственно близости расположения соседних владений, вместо точного указания границ участков⁵¹.

Конечно, реально воспользоваться правом предпочтения могли только зажиточные собственники и феодальные землевладельцы⁵². Рядовым общинникам приходилось мириться с переходом имущества в чужие руки. При этом продажи крестьянских наделов совершались от имени всех членов семьи⁵³. Родственники и соседи, как правило, выражали свое согласие на отчуждение земли в пользу других землевладельцев. Так, Михаил и Иоанн, двоюродные братья Никандра Гунароцула, удостоверили совершенную им продажу земельных участков Василию Влатеру⁵⁴. Имена родственников и соседей в актах отчуждения говорят о юридическом признании за ними прав предпочтения⁵⁵. Итак, несмотря на узурпацию про-

собственников служило право близости (ММ, IV, 161—163. См.: *Васильевский В. Г. Материалы...* — ЖМНП, 1880, ч. 210, № 7, с. 157).

⁴⁸ ММ, IV, 169—170.

⁴⁹ Указания на оповещения (τὴν πρῶτον διεφθέρισαντες и т. п.) рассматриваются как неперемная клаузула формуляра документа (см.: ВВ, 1950, III, с. 391). Можно предположить, что особенности формуляра отражали социальное положение контрагента сделки. Документы, содержащие формулы объявления об оповещении, завизированы номиками Георгием и Феодором Каллиситами, Георгием Каронитисом, Катаром, Михаилом Керамеосом и Иоанном Пигином, Лаодикином, Василием Цикапитисом и другими ответственными должностными лицами митрополии. Однако в этих документах сообщается о продажах имущества, которые принадлежали исключительно рядовым общинникам (ММ, IV, 60—61, 64—65, 77—79, 89—91, 118—119, 124—125, 150—152, 163—164, 170—171, 183—184, 191—192). В документах о продажах, совершенных мелкими феодальными владельцами, подобные сведения отсутствуют (ММ, IV, 94—96, 99—101, 122—124, 126—128, 130—131, 172—173, 227—228). Равным образом продажи паричского имущества феодальным господам, видимо обладавшим на него правом предпочтения, происходили без упоминания в составляемых актах об оповещении (ММ, IV, 195—196, 197—198, 200—201).

⁵⁰ Продажа земельного участка Николая Дерматы (Качиварина) Михаилу Вардахлу (Варихиру), нарушавшая право близости Лемвиотийского монастыря, была признана недействительной, так как участники сделки не оповестили предварительно своего могущественного соседа (μὴ δὸς δὲ κατὰ νόμους ἔδρασαν τὸ μέρος τῆς μονῆς περὶ τοῦ τοιοῦτου χωραρίου) (ММ, IV, 154—157). См.: *Васильевский В. Г. Материалы...* — ЖМНП, 1880, ч. 210, № 7, с. 135—136; *Безобразов П. В.* Рец. на кн.: Georges Testaud... с. 163.

⁵¹ ММ, IV, 60—61, 78, 90, 95—96, 114—115, 129—130; VI, 161, 164, 191; *Ніера.*, № 11, 9—10; № 12, 4; № 13, 5. См. также: *Фрейденберг М. М.* Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII вв. — УЗ ВЛГПИ, 1956, с. 116.

⁵² Ср.: ММ, IV, 115—117.

⁵³ *Безобразов П. В.* Рец. на кн.: Georges Testaud..., с. 160—161; *Фрейденберг М. М.* Указ. соч., с. 115.

⁵⁴ ММ, IV, 189—190.

⁵⁵ Среди подписей свидетелей, значащихся в актах продаж и дарений недвижимостей в хорионе Панарета, фигурируют имена родственников и соседей продавцов —

тимисиса феодальными собственниками, право предпочтения у малоазийских крестьян сохранялось⁵⁶.

В регионе Понта право предпочтения проявлялось, пожалуй, не менее выразительно, чем в других районах страны. Хотя и здесь заметна доминирующая роль феодальных землевладельцев⁵⁷, документы Вазелонского монастыря донесли не вызывающие сомнения свидетельства о протимисисе в среде общинного крестьянства. Даже когда непосредственные упоминания протимисиса отсутствуют, материалы актов говорят о систематическом использовании жителями трапезундской деревни их прав предпочтения. Разумеется, в первую очередь право предпочтения на отчуждаемый надел реализовывали родственники. В документах Вазелонского монастыря XIII—первой половины XIV в. имеются сведения примерно о 20 продажах земельных наделов общинников частным лицам; в семи из этих случаев сделки были заключены между родственниками⁵⁸.

Иногда отчуждение земельного надела в пользу третьего лица осуществлялось с частичным удовлетворением прав предпочтения родственников. Константин Вувала приобрел небольшую часть родового владения своего двоюродного брата Георгия Мадзукаита, который продал принадлежавший ему гоникон Вазелонскому монастырю⁵⁹. Родственники, лишенные возможности осуществить свое право предпочтения, при определенных обстоятельствах сохраняли за собой это право. Феодора Феофилопула, чьи родственники находились в турецком плену, завещала свой наследственный надел в Вазелонский монастырь на том условии, что при возвращении из плена те, отдав в монастырь возмещение (*ἀπόμοιρον*), получат право обрабатывать свой наследственный участок (*ἐὰν δὲ ἔλθῃ τὸ αἰχμαλωτὸν μου, προτιρεῖται ἰνα χάμνη*)⁶⁰. Столь же красноречиво доказывает существование протимисиса сделка, совершенная во второй половине XIII в. между Константином Ксистурги и Романом Дуверити. Будучи должником, Константин Ксистурги был вынужден отдать свою усадьбу заимодавцу в качестве залога (*εἰς ἀνόχηρον*). При этом должник указал, что его дети или другие родственники имеют безоговорочное право на выкуп переданных Роману Дуверити имуществ⁶¹. В тех же случаях, когда право предпочтения родственниками не было использовано, они зачастую выступали свидетелями производимой сделки⁶².

Никиты Какава, Георгия Мавроиоанна, Георгия Агарина, Константина Армени (ММ, IV, 60—61, 75—77, 77—79). К этому списку могут быть добавлены имена Феодора Варита, Иоанна и Михаила Коскинов (ММ, IV, 133—134, 136—137). См. также: Нієга., № 11, 12—16; № 12, 8—11; № 13, 1—2, 7—9; № 14, 1—6.

⁵⁶ Мутафчиев П. Селского землевладение..., с. 62—63.

⁵⁷ Василий Вукенатор, уступая Вазелонскому монастырю во второй половине XIII в. свой наследственный надел, прямо заявил о праве предпочтения этой монашеской обители (ВА, № 39, 28—29. См. также: Rouillard G. Op. cit., p. 164; Сметанин В. А. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии. — АДСВ, 1965, 3, с. 53).

⁵⁸ О продажах земель частным лицам см.: ВА, № 17; 21; 24; 32; 37; 58; 82; 83; 84; 87; 88; 92; 93. Сделки, заключенные между родственниками: ВА, № 19; № 38, 7; № 49; № 86. Кроме того, к числу сделок, заключенных между родственниками, относятся продажи, совершенные представителями семьи Кутрупели зятю Льва Кутрупели — Роману Дуверити (ВА, № 89; 90; 91). О личности Романа Дуверити см.: Bryer A. Rural Society in the Empire of Trebizond. — АП, 1966/1967, 28, p. 158; *Idem*. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for Their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location. — АП, 1979, 35, p. 415.

⁵⁹ ВА, N 64, 14—16.

⁶⁰ ВА, № 16; ср. также: ВА, № 38, 9—12; № 100, 35—36; № 115, 54—56. См. также: Charanis P. The Monastic Properties and the State in Byzantine Empire. — DOP, 1948, 4, p. 102—103; *Idem*. On the Social Structure..., p. 111—112. Впрочем, воспользоваться своим правом предпочтения крестьянам, вернувшимся из плена, вряд ли удавалось. Георгий Гавр, например, возвратившись домой, обнаружил, что его наследственный надел завещан дядеям в монастырь на помин души. Бывшему пленнику пришлось отказаться от своих прав на землю (ВА, № 66). Ср.: Rouillard G. Op. cit., p. 165—166.

⁶¹ ВА, № 85, 5—6.

⁶² Так, продажа Константином Хамури земельного участка Вазелонскому монастырю совершалась в присутствии родственников (ВА, № 57, 4), а представитель семьи

Следовательно, и в трапезундской деревне, подобно тому как это было в других регионах Византии, соблюдалась определенная процедура отчуждений, связанная с оповещением лиц, обладавших правом предпочтения. Наверняка, кроме родственников, им могли воспользоваться соседи. Священник Константин Хамури, продавая свой гоникон Вазелонскому монастырю, был вынужден уступить половину отчуждаемого участка соседям. Видимо, общинники потребовали у него часть надела, находившегося посреди их участков на гумне, после того, как двоюродные братья Хамури отказались от принадлежавшего им права⁶³. Клаузула одного из документов, предостерегающая против нарушения условий сделки соседями, показывает, что в ту пору протимисис на Понте осуществлялся также на основе прав близости⁶⁴.

Надо полагать, что регулирование поземельных отношений трапезундского крестьянства посредством протимисиса сохранялось и в XIV—XV вв. Судя по содержанию акта 1434 г., Василика Пухинтопула передала Вазелонскому монастырю свои наследственные земли, но ее дети по обычаю предшествующих веков удерживали предпочтительное право (*ἐν προτιμίσσει*) на их обработку⁶⁵. Родственники же и соседи по традиции удостоверили отчуждение земельных владений⁶⁶.

В условиях укрепления феодального землевладения, по мере концентрации земель в руках феодальных собственников и зажиточных крестьян, возможности реализации прав предпочтения рядовыми общинниками сужались⁶⁷. Тем не менее феодальные собственники вынуждены были, как и прежде, считаться с нормами протимисиса. И хотя в XIII—XV вв. права предпочтения присваиваются феодалами⁶⁸, протимисис не исчезает из жизни феодально-зависимой деревни полностью. Как форма регулирования поземельных отношений крестьянства, он сохранялся не только в азиатской, но и в европейской части страны. Общинники хориона Дрианувена, отчуждавшие земельные участки феодальным господам, продолжали оповещать своих соседей о предстоящей продаже⁶⁹. Обмен земельных долей, проведенный фиском в начале XIV в., общиннику хориона Афета, как можно предполагать, был совершен с учетом прав предпочтения этого землевладельца⁷⁰.

Мадзукаитов освидетельствовал продажу земли одного из двоюродных родственников (ВА, № 84, 12; ср.: ВА, № 64, 14—16). Продажа Львом Кутрупели хорафия зятю Роману (ВА, № 91, 4—5; очевидно, речь идет о Роме Дуверити (см. выше), который во второй половине XIII в. скушал земли, прежде всего у родственников по линии жены. См.: ВА, № 89, 3—4; № 90, 3—4) удостоверена Иоанном Кутрупели, являвшимся, безусловно, его родственником (ВА, № 93, 15—16). Братья Иоанна Кодзона согласились на покупку хорафия его зятем Константином Мурмой (ВА, № 73). При пожертвовании в монастырь Никифором Канари земельного надела, приобретенного у Зиганита, учитывались права предпочтения его родственников — Льва Зиганита и братьев Сапуа, которые выдали за сына Зиганита свою сестру (ВА, № 111; см. также: ВА, № 107, 24).

⁶³ ВА, № 57.

⁶⁴ ВА, № 64, 20.

⁶⁵ ВА, № 144, 14—16.

⁶⁶ Например, Курва Цертеви завещал монастырю земельный надел, отметив в документе согласие своего двоюродного брата (*με τὸν ἐξαδελφόν*); акты отчуждения владений Цимприков, Калепов, семейства Хауса, Мудзани второй половины XIV—начала XV в. скреплены подписями членов их семей и ряда других общинников (ВА, № 126, 10—11; № 127, 13—14; № 128, 26—28; № 129, 10—11; № 130, 10; № 132, 20).

⁶⁷ См.: *Ostrogorsky G. The Peasant's Pre-emption Right...*, p. 118; ср.: *Панченко Б. А. Указ. соч.*, с. 179. Г. Цанкова-Петкова, рассматривающая протимисис как ограничение права свободных крестьян отчуждать земельные наделы, подчеркивает, что обязанность париков ушлячивать феодальную ренту оказывалась более действенным препятствием для осуществления их права распоряжения землей, чем право предпочтения (*Cankova-Petkova G. La population agraire dans les terres bulgares sous la domination byzantine aux XIe—XIIe siècles. — Bèzantinobulgarica, 1962, I, p. 311*).

⁶⁸ См.: ВВ, 1958, XIII, с. 305.

⁶⁹ ММ, IV, 408.

⁷⁰ Судя по материалам практика 1318 г., составленного Николаем Циракисом, который передал Хиландарскому монастырю выморочные держания крестьян хориона

Независимо от форм проявления протимисиса в жизни поздневизантийской деревни играло большую роль собственно право близости. Недавно формулы предостережения документов неоднократно предупреждают о возможности нарушения прав землевладельцев соседями «плисиастами»⁷¹. Действительно, близость расположения земельных владений нередко становилась поводом для имущественных притязаний соседей. Примером тому может служить проведенное в XIV в. судом Ларисского митрополита Антония расследование споров феодальных собственников о границах владений монастыря богородицы Калогерины, метоха завлантийского монастыря Георгия. Некие Водесады, соседи монастыря, которым был пожалован незначительный клин в местности Гулина, пытались незаконным образом расширить свои владения. Основывая села в Клиновишта и Гулина, захватывая земли в Ялеа, они действовали, как установлено в ходе расследования, под прикрытием права близости (ἀπὸ μόνου τοῦ πλησιασμοῦ)⁷².

Близость расположения владений феодальных собственников, была, несомненно, важным фактором их поземельных отношений. Однако еще более значимым явлением право близости оказывалось для рядовых жителей деревни. Уже сама близость земельных наделов побудила обитателей местечка Сампсины завладеть хорафиями соседнего монастыря⁷³. В конце XIII в. крестьяне Неохорiona, не соблюдая границ, проникали во владения Лемвиотийского монастыря, возделывали и обрабатывали там хорафии. Показательно, что общинники Неохорiona объяснили свои постоянные попытки отторгнуть чужие владения их близостью (δ' οὐπερ πλησιασμοῦ)⁷⁴. В то же самое время в окрестностях Мосинополя несколько обитателей хорiona Цинцилукия стремились воспрепятствовать строительству монастырской мельницы. Общинники неспроста выказали подобное намерение. Ведь они выступали симплисиастами (συμπλησιασταί) по отношению к участку, где предполагалось возвести упомянутую мельницу⁷⁵. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что близость расположения соседних владений, по всей вероятности, порождала в сознании общинного крестьянства реминисценции права на использование земельных участков соседей⁷⁶.

Итак, документальные материалы XIII—XV вв. наглядно демонстрируют содержание протимисиса в поздней Византии. Понятие протимисиса истолковывалось тогда весьма широко. Право предпочтения распространялось на различные виды отчуждений и наследования. Иначе говоря, поздневизантийское право предпочтения интегрировало совокупность норм обычного права, принадлежавших некогда узкому кругу родственников, норм, которые обеспечивали целостность наследственных держаний. Поэтому под протимисисом подразумевались прежде всего права родственников: личный труд земледельцев, из поколения в поколение вкладываемый в обработку земельного надела, и кровное родство служили основными источниками права предпочтения. Понятие протимисиса, тесно связанного с правом близости, обозначало также соответствующие права соседей.

С X в. соблюдения прав предпочтения требовал закон, распространявшийся и на крестьянство, и на феодальных владельцев. В дальнейшем обе формы протимисиса — на уровне обычного права и на законодатель-

Афета, священнику Стратигу Ксиропсоми вместо его наследственного надела были предоставлены для устройства метоха другие земли. Прежде они находились во владении его брата Димитрия. Указание родства наводит на мысль о том, что при обмене земельных наделов братьев, производившемся после смерти одного из них, приняты во внимание права предпочтения (Chil., № 40, 34—37, 77—82).

⁷¹ BA, № 64, 20; MM, IV, 160, 202, 267; VI, 152, 188, 214, 218.

⁷² Metéor., N 18 passim.

⁷³ Hiéra., N 8 passim.

⁷⁴ MM, IV, 229—232.

⁷⁵ Esph., app ndice E, 3—14.

⁷⁶ См.: Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы..., с. 105.

ном уровне — сосуществовали. В XIII—XV вв. протимисис, воплотивший в себе авторитет официального законодательства, использовался для упорядочения имущественных отношений феодальных собственников. Право крупного землевладельца на предпочтительную покупку способствовало сосредоточению в его руках земель местного крестьянства и закабалению общины.

Вместе с тем протимисис, несомненно, продолжал регулировать поземельные отношения общинного крестьянства. Конечно, трудно судить, в какой степени в поздневизантийской общине соблюдались нормы законодательства X в., предписывавшие осуществлять право предпочтения, соотносясь с установленными категориями покупателей. С определенностью можно лишь сказать, что право предпочтения в поздневизантийской деревне сохраняли родственники и ближайшие соседи. Роль протимисиса была ощутима не только при продаже недвижимостей, но и при их обмене, дарении, наследовании. В целом выполнение традиционных принятых норм отчуждения имущества общинников показывает, что в недрах общинного землепользования протимисис действовал как обычай, тесно сплетавшийся с правом общинников на использование земли соседей.

Возможность реализации прав предпочтения крестьянами во многом зависела от уровня развития феодального землепользования. Право близости феодального собственника накладывало отчетливый отпечаток на характер поземельных отношений сельской общины. В европейских провинциях Византии в среде феодально-зависимого крестьянства протимисис, по-видимому, практиковался в ограниченном объеме, зато в сельских общинах азиатской части страны этот обычай прочно держался среди рядовых жителей деревни. На юго-западном побережье Малой Азии право предпочтения сохранялось у крестьян вплоть до второй половины XIII в., а в трапезундской деревне прослеживается до начала XV в.

Н. И. СЕРИКОВ

**О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
НА МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК:
ГРИГОРИЙ ИОАНН АБУ-Л-ФАРАДЖ
ИБН-АЛ-'ИБРИ (БАР ЭБРЕЙ)
И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ***

Существование культурных контактов (в самом широком смысле этого слова) между Византией и арабо-мусульманским миром несомненно. Несмотря на то что уже начиная с VII в. арабы становятся наиболее опасными противниками Империи, впоследствии отбирают у нее Египет, Сирию и Палестину, а их флот не раз стоял под стенами Константинополя, осаждая царственный град, отношения этих народов, этих культур все-таки нельзя сводить лишь к стычкам и военной конфронтации. Хотя основная масса источников повествует большей частью о военных столкновениях, тем не менее среди сообщений о битвах и проклятий «неверным агарянам» появляются намеки, недомолвки, а то и просто некоторые замечания, по которым можно судить об ином, «мирном» интересе этих народов друг к другу. Достаточно вспомнить в этой связи, например, наставления Константина VII Порфирогенета своему сыну Роману, где в специальном разделе рассказывается об истории и географии мусульманского мира, более того — также и о вероучении «сарацин»¹. Из того же сочине-

* В работе приняты следующие сокращения:

- ТАБ. — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*/ Ed. De Goeje. Lugd. Bat., 1964.
- М. З. — *Maçoudi. Les praires d'or/ Texte et trad. par C. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille. P., 1961. V. 1.*
- АС — *Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum (el-Kamil) inscribitur*/ Ed. C. J. Tornberg. Lugd. Bat., 1851. V. 1.
- КИСА'И — *Vitae prophetarum auctore Muhammed ben Abdallah al-Kisa'i*/ Ed. Isaac Eisenberg. Lugd. Bat., 1922.
- АНД. — *سعید بن احمد الاندلسی. کتاب طبقات الامم. ل. شیخو. بیروت ۱۹۱۲*.
- СИНК. — *Georgius Syncellus. Chronographia*/ Ed. B. Niebur. Bonnae, 1829.
- ГЛИК. — *Michaelis Glykai Annales*/ Ed. I. Bekker. — In: CSHB. Bonnae, 1836.
- АМАРТ. — *Georgii Monachi chronicon*/ Ed. C. de Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- ЗОН. — *Ioannis Zonarae Epitome historiarum*/ Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1868.
- ПАСХ. — *Chronicon paschale*/ Ed. B. Niebur. Bonnae, 1832.
- КЕДР. — *Georgius Cedrenus. Compendium historiarum.* — PG, t. 421.
- ФЕОД. — *Theodoreti quaestiones in Genesis.* — PG, t. 80.
- ИОС. — *Flavii Iosephi opera omnia*/ Ed. Naber. Lipsiae, 1888.
- П. АЛ. — *Хроника Петра Александрийского*/ Изд. З. Г. Самодуровой. — ВВ, 1961, XVIII, с. 150—197.
- Коран — *Corani textus arabicus...*/ Ed. G. Flügel. Lipsiae, 1858.
- МАН. — *Constantini Manassis Breviarum Historiae Metricum*/ Ed. I. Bekker. Bonnae, 1837.
- М. С. — *Michel le Syrien. Chronique*/ Ed. et trad. . . . par J. B. Chabot. P., 1899—1911. T. 1.

¹ *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*/ Ed. R. Jenkins, Gy. Moravcsik. Wash., 1967, с. 14—22.

ния мы узнаем, что византийцы интересовались арабским ветеринарным искусством². Наконец, существовал более или менее упорядоченный обмен пленными³. Ромеи, как и арабы, очевидно, знали языки друг друга, не говоря уже о жителях пограничных областей. Пример тому — образ литературного героя византийской поэмы Дигениса Акрита, сына крепостного арабского эмира Мусура и гречанки Ирины. Известно также, что в Константинополе, центре православия, была сооружена мечеть⁴.

Уже эти примеры, число которых можно было бы умножить, свидетельствуют о достаточно активном интересе ромеев к своему восточному соседу-сопернику, к материальной деятельности арабов, их военному искусству, а также (в контексте спора по конфессиональным вопросам) и к их вероучению. Однако при всем этом ромеи воспринимали арабов как «варваров»⁵, иноверцев, а потому, видимо, и обходили вниманием все, что относилось к сфере их духовной жизни и самовыражения. Считанные произведения арабской литературы были переведены на греческий⁶, и даже Коран, вероятно, был известен в виде так называемых «формул отречения»⁷.

Что же касается арабов-мусульман, то с их стороны интерес к византийской культуре был более разносторонним, более «пристальным», хотя и не лишенным также известной ограниченности. Как и византийская, мусульманская культура во многом была синкретической: она вобрала в себя отдельные элементы христианства, иудаизма, буддизма и зороастризма⁸. Синкретический характер культуры обусловил, в частности, формирование определенного взгляда на систему воспитания, имевшую при всех различиях черты сходства с эллинистической «пайдейей»⁹. Это во многом определило отбор материалов для переводов с греческого. Поэтому, арабы, изучавшие с большим рвением греческие сочинения по географии, медицине, философии, совсем не знали греческой литературы. Примечательно в этой связи, что первое встречающееся у арабов упоминание о Гомере (конец X в.) показывает, что и тот был интересен для них также с «научной» точки зрения: в «Одиссее» их внимание привлекло лишь то, сколь долгод век собаки.

Переводы эллинистических греческих и византийских исторических сочинений на арабский язык неизвестны. Тем не менее есть основания полагать, что мусульмане были знакомы с христианской системой мировоззрения и историописания. Свидетельство тому — хотя бы структура арабских всемирно-исторических хроник: уже со времени Иа'куби (IX в.) повествование в них ведется начиная с сотворения мира, а весь материал, хотя и распадается на доисламскую историю и историю ислама, все-таки включает в себя истории иных отдельных народов. Известно, что эти особенности составляют также отличительную черту и христианских все-

² Ibid., 29.127—130.

³ Canard M. Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle. — In: Canard M. Byzance et les musulmans du Proche Orient. Varior. Repr. L., 1973, XII, p. 52.

⁴ Vismara G. Bisanzio e l'Islam. Milano, 1950, p. 21.

⁵ Lechner K. Byzanz und die Barbaren. — Saeculum, 1955, Bd. 6, H. 3, S. 292—307.

⁶ Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен. Л., 1969, с. 163.

⁷ Montet E. Un rituel d'abjuration des musulmans dans l'église grecque. — Revue de l'histoire des religions, 1906, 53, p. 145—163; Trapp E. Gab es byzantinische Koran-übersetzung? — ΔΠΤΥΧΑ. В'. 'Αθήναι, 1980—1981, S. 7—17, bes. 14—17.

⁸ Kraemer J. Das Problem des islamischen Kulturgeschichte. Tübingen, 1958, S. 19—23.

⁹ Ibid. Здесь необходимо подчеркнуть замечание Кремера о том, что исламская цивилизация, равно как и средневековая западноевропейская и византийская, является полноправным «наследником» античной культуры. Об отношении арабов к «пайдейей» как к «корпусу необходимых знаний» см.: Грюнебаум Г. Э. фон. Мусульманское мировоззрение и мусульманская наука. — В кн.: Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981, с. 118. Исходя из определения целей исторического сочинения — быть авторитетом при разборе трудных религиозных и политических вопросов (там же), легко понять, что греческие исторические сочинения не принадлежали к числу «необходимых» для мусульманской общины, а потому и не переводились.

мирно-исторических хроник, ориентировавшихся на систему изложения истории Евсевием Кесарийским. С христианскими воззрениями на историю мусульманские ученые могли ознакомиться на материале сочинений арабов-христиан, как, например, Агапий, Евтихий, Яхья Антиохийский. Не исключено также, что к XIII в. арабы имели некоторое представление об исторических воззрениях византийцев.

Известный материал в пользу этого предположения содержит сочинение известного сирийского ученого, яковита Григория Иоанна Абу-л-Фараджа ибн Харуна, известного под прозвищем Ибн ал-Ибри (Бар Эбрея) (1226—1286), — «ТАРИХ МУХТАСАРА АД-ДУВАЛА» (Краткая история династий. — Далее: ТМ) ¹⁰.

Бар Эбрей родился в Малатии (Мелитене) в семье известного врача, вероятно, как свидетельствует его кунья — прозвище принявшего христианство еврея. С детства он подготавливался к духовной карьере. Будучи великолепно образован и начитан, зная множество языков (кроме родного сирийского — арабский, еврейский, персидский и, возможно, греческий и армянский) ¹¹ и обладая к тому же, видимо, природным умом, он завоевал симпатии со стороны высшего духовенства. Уже 20 лет от роду он был рукоположен в епископы Губоса (Губаса) — города близ Малатии, а еще через 18 лет был возведен в сан мафриана ¹² «яковитского патриарха», в котором и пребывал до самой смерти.

Жить ему выпало в трудное время. В XIII в. Ближний Восток подвергся нашествию орд хана Хулагу (1216—1265). В 17 лет Бар Эбрей имел возможность познакомиться с обычаями монгольского двора: его отец в 1243 г. был вынужден стать лейб-медиком одного из монгольских военачальников ¹³. Может быть, именно знание психологических особенностей этого народа впоследствии помогало ему защищать от притеснений своих единоверцев. Ведь несмотря на конфессиональную гетерогенность монгольских орд и сравнительную терпимость их предводителей по отношению к различным религиям, церкви и духовенства в целом (оставление за мечетями вакуфных земель, освобождение от налогов, разрешение строить церкви и мечети), они нередко вырезали христианское или мусульманское население целых городов, как, например, это произошло в Багдаде ¹⁴.

Наряду со славой церковного деятеля и политика Бар Эбрей приобрел к тому же известность как незаурядный писатель и переводчик. Его перу принадлежат экзегетические сочинения, труды по грамматике, философии, медицине, поэтические произведения, переводы с сирийского на арабский и наоборот ¹⁵. Но самый заметный след он оставил своими историческими сочинениями, прежде всего знаменитой всемирной историей, написанной по-сирийски, в которой он уделяет большое внимание политическим и церковным событиям как далекого прошлого, так и современным ему. Хронологический период, охватываемый этим сочинением, — от «сотворения мира» до 1286 г. Бесспорно, что оно пользовалось популярностью. Свидетельство тому — не только большое количество сохранившихся рукописей, но также, как свидетельствует брат Бар Эбрея, Бар Саума,

¹⁰ Везде цитаты приведены по изданию А. Сальхани: تاريخ مختصر الدول 1890. للعلامة غريغوريوس ابى الفرج... ابن العبرك بيروت у первого издателя ТМ — Э. Поккока: Historia compendiosa dynastiarum auctore Abul' Faraaj. Oxoniae, 1663. Но в книге В. Райта (Краткий очерк истории сирийской литературы/ Пер. К. А. Тураевой. СПб., 1902. Далее: Райт) на с. 203 стоит, на наш взгляд, более правильное: «ал-мухтасар фи-д-дувал».

¹¹ Nöldeke T. Orientalische Skizzen. B., 1892, S. 254.

¹² Hage W. Die syrisch-jakobitische Kirche in frühislamischer Zeit. Wiesbaden, 1966, S. 22—31.

¹³ Райт, с. 191.

¹⁴ Пицуглевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до XVIII в. Л., 1958, с. 185, 187, 189, 191.

¹⁵ Райт, с. 194, 195 сл.

просьба «знатных арабов» (النبلاء)¹⁶ к автору, чтобы он перевел ее на их родной язык, а они могли «читать и наслаждаться». Бар Эбрей ответил согласием и, начав работу за месяц до смерти, успел ее закончить.

Так появилась ТМ — арабская редакция основного сирязычного труда, которая представляет собой изложение политической истории мира от его «сотворения» и до 1286 г. — года смерти автора. Здесь также следует заметить, что на арабском языке не существует иного, охватывающего больший промежуток времени, свода всемирной истории, автором которого был бы писатель-христианин.

С точки зрения «традиционного» подхода ТМ представляет собой плохой материал для исследователя-историка. Сведения, сообщаемые Бар Эбреем, носят в основном компилятивный характер и, как правило, хорошо известны по другим источникам. При этом изложение их не содержит каких-либо подробностей и дополнительных деталей, словом, информации, позволяющей говорить о «новых данных». Однако если попытаться взглянуть на ТМ как на литературное произведение, отражающее и авторскую индивидуальность, и современную автору эпоху, среду, в которой он жил, то откроются большие возможности этого источника, в частности для ответа на поставленный вопрос о характере культурных контактов на восточных границах Византийской империи¹⁷, их глубине и содержании. Обретет черты реальности и образ самого автора. Такой подход к исследованию средневековых хроник, при котором историческое произведение рассматривается в первую очередь с точки зрения того, насколько оно отражает культурную атмосферу эпохи, в принципе не нов. О необходимости такого пути изучения средневековых хроник и его продуктивности еще в 30-е годы XX в. говорил немецкий историк Шперль¹⁸. Историк должен, писал он, взглянуть на хронику глазами ее сочинителя, с научных и эстетических позиций того далекого времени, отказаться от «упреков» средневековому автору в «передергивании фактов» и «неточности». В византиноведении проблема автора и авторского самосознания была поставлена в 60-х годах; в настоящее время она успешно разрабатывается советскими византинистами С. С. Аверинцевым, Я. Н. Любарским, И. С. Чичуровым. В зарубежном византиноведении этой проблеме уделяет большое внимание Х.-Г. Бек¹⁹. Что же касается восточных хроник, в частности в интересующем нас аспекте взаимосвязи мусульманской и византийской культур на Ближнем Востоке в XIII в., то по отношению к ним этот вопрос не затрагивался ни византиноведением, ни арабистикой. Цель настоящей статьи — попытаться проследить и выявить на материале ТМ и в изложении ее автора ту форму, в которой воспринимал (или мог воспринимать) арабский читатель византийскую систему воззрений на историю и историописание, иными словами, какими видел арабо-мусульманскую и византийскую исторические традиции сам автор ТМ — Григорий Иоанн Абу-л-Фарадж ибн ал-Ибри — Бар Эбрей.

Основанием для постановки вопроса о чертах и особенностях именно византийского историописания в сочинении сирийца яковита Бар Эбрея является прежде всего круг использованных им источников. Так, в предисловии к сирязычному оригиналу хроники упоминаются, в частности,

¹⁶ Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana/ Ed. S. P. Assemanus. Romae, 1721, II, p. 264.

¹⁷ Здесь я пользуюсь термином Э. Хонигмана (*Hönigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1961).

¹⁸ Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter/ Hrsg. von W. Lammers. Darmstadt, 1961, S. 1—29.

¹⁹ Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, 1966—1968, 27—29; Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978; Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 203—217; Он же. Феофан Исповедник — компилятор Прокония. — ВВ, 1976, 37, с. 62—73; Beck H.-G. Das literarische Schaffen der Byzantiner. — SBÖAW, 1974, Bd. 249; Ders. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. — SBÖAW, 1981, Bd. 284.

Анниан Александрийский, церковные историки Сократ и Созомен, также сирийские авторы: Дионисий Тельмахарский и Михаил Великий (Сириец)²⁰, в основу хроник которых также были положены византийские исторические сочинения. Кроме того, в различных частях как сироязычной хроники, так и ее арабской редакции фигурируют ссылки на Ветхий (Септуагинта) и Новый заветы, Евсевия Кесарийского, каппадокийских «отцов», Секста Юлия Африкана, Иосифа Флавия. Это обстоятельство, а также тот факт, что сирийцы многое восприняли от византийцев в области историографии и экзегезы, став, таким образом, как бы «передатчиками» эллинистической и византийской историографии на мусульманский Восток, рассмотренный на материале ТМ, не будет натяжкой²¹.

В статье анализируется лишь часть ТМ: фрагмент Священной истории от «сотворения мира» до передачи Моисеем власти Иисусу Навину и его смерти. Выбор именно этой части обусловлен, во-первых, основополагающим с позиций мировоззрения средневекового читателя характером ее тематики и, во-вторых, наличием большого числа источников, общих с теми, которые использовали для этого периода в своих сочинениях византийские хронисты.

Однако не только источники роднят эту часть ТМ с аналогичными разделами в византийских исторических сочинениях — Георгия Синкелла, Амартола, Кедрина, Манасси и Зонары. Почти сто лет назад немецким ученым Гельдером было доказано, что в основе ТМ, как и ее сирийского оригинала, лежит хронологический принцип, восходящий к хронологической основе «Хронографии» Секста Юлия Африкана²² (III в. н. э.): это сочинение, обработанное Евсевием, Аннианом Александрийским и Панодором, служило основным источником для всех христианских хронографий последующих времен — в Византии, на Западе и на Востоке²³.

Влияние византийской историографической традиции сказалось и на манере периодизации событий: их изложение в ТМ формально не подразделяется, как в исторических сочинениях мусульман, на доисламский период и историю ислама, напротив, оно сохраняет принцип периодизации, выработанный Евсевием, в соответствии с которым всемирная история составлялась из историй народов, игравших в описываемое время главенствующую роль в мире. «Подбор» народов, истории которых излагает Бар Эбрей, близок к тому, который имел место в византийских исторических текстах, опиравшихся на традицию Евсевия. Это, в частности, история еврейская, халдейская, персидская, греческая, римская и др. Примечательно и то, что эти малые истории называются у Бар Эбрея также в соответствии с византийской традицией «династиями»²⁴.

Таким образом, избранный для анализа фрагмент сочинения Бар Эбрея обнаруживает сюжетно-хронологический «костяк», восходящий в основных своих чертах к Африкану, Анниану, Евсевию²⁵. Как известно, рассмотрение «сюжета» исторического сочинения предполагает также анализ последовательности описываемых событий. Типична ли — и в какой мере — последовательность событий данного фрагмента ТМ с точки зрения византийской хронографии? Сравним его с аналогичными по содержанию отрывками из «исторических компендиев» Синкелла, Амартола, Кедрина, Манасси и Пасхальной хроники.

Сличение отрывков сочинений этих авторов исследуемого фрагмента ТМ обнаруживает прежде всего сходную манеру при отборе библейского материала. В частности, развиваются одни и те же сюжеты, как, например, о падших ангелах (Быт., 6.1—2; ср.: ТМ, 10.12—17; ПАСХ., 37.13—39.13;

²⁰ The Chronography of Gregory Abu-I-Faraj/ Ed. and tr. Budge. L., 1932, p. 3. (Далее: Chronography).

²¹ Lacy O'Leary. How the Greek science passed to the Arabs. L., 1951, p. 490, 509, 614.

²² Gelzer H. Sextus Julius Africanus. Leipzig, 1885, Bd. II, S. 403.

²³ Ibid., 1880, Bd. I, S. 25.

²⁴ δυναστεία — دولة.

²⁵ Gelzer H. Op. cit., Bd. II, S. 404 (там же — хронологическая таблица).

СИНК., 34.12—35.6, 42.20—47.20; МАН., 375—385; АМАРТ., 44.2—6, 11—16; 47.2—5; ЗОН., I, 19.17—30), сводится воедино все, сказанное в Писании о Мельхиседеке (ТМ, 22.2—3, 23.9, 23.4—5; ЗОН., I, 25.29—26.2; СИНК., 184.12—15; АМАРТ., 101.5—7; ПАСХ., 90.1—92.3), часто отмечается, что жена Адама была названа Евой до изгнания из рая (ТМ, 6.13; СИНК., 7.18—но ср. 5.21—6.1; МАН., 282, ЗОН., I, 12.21—22). К тому же в совпадающей последовательности перечислены следующие сюжеты: колена Израилевы, обман Ревекки, бегство евреев из земли Египетской и т. п. Разумеется, есть и некоторые расхождения. Так, Бар Эбрей, основываясь главным образом на хронике Михаила Сирийца и, очевидно, на Малом Бытии, крайне скупое повествует о злключениях Иосифа, тогда как у Синкелла и Зонары, вероятно компилировавшими «Иудейские древности» Флавия, об этом рассказано с большим количеством подробностей. Также он ничего не говорит, например, о продаже первородства Исавом, не упоминает имени Авимелеха, хотя и передает связанную с ним историю (ТМ, 22.5—10). Однако и византийские хронисты также иной раз опускают или иные библейские сюжеты: Зонара, в частности, ничего не говорит о Фамари, снохе Иудиной. Но при этом, несмотря на существующие несоответствия, круг сюжетов и комментариев к ним у Бар Эбрея в основных и главных чертах идентичен тому, который мы наблюдаем у византийских хронистов. Лишним доказательством важности отобранных Бар Эбреем фактов с точки зрения византийской историографии служит именно то, что эти же факты счел важными для комментирования Феодорит Киррский.

Во всех рассмотренных случаях в основе повествования лежит генеалогическо-временная и причинная связь событий, но при этом необходимо отметить также и то, что изложение библейской истории в ТМ, равно как и у византийских авторов, не является простым перечислением фактов, но представляет собой и попытку критического их осмысления. В одном случае — это заявление непосредственно самого Бар Эбрея о недостатках самаритянского Писания (ТМ, 15.14—19), об исполнении божественного обещания (وعدو) по отношению к евреям (ТМ, 32.15—18), в другом — ссылка на авторитеты: каппадокийских «отцов» (ТМ, 8.4—5), Иакова Эдесского (ТМ, 7.1), Мефодия²⁶ (Псевдо) Патарского (ТМ, 8.5). Интересно, что, компилируя труды своих предшественников, Бар Эбрей переносит в ТМ их критические замечания. Так, из «Истории» Михаила Сирийца он выбирает замечания о несоответствии между Ветхим и Новым заветами (ТМ, 17.1—3 — М. С., 16). Примечательно, что это же самое место встречается в хронике Синкелла, имея своим источником ремарку Анниана.

Совпадение исследуемого отрывка ТМ и византийских хроник можно обнаружить также в отдельных деталях сюжета. Например, замечание Бар Эбрея о том, что Адам был похоронен в горе «Иерусалимской», совпадает с ремаркой Амартыла и Петра Александрийского (АМАРТ., 743.13—18; П. АЛ., 186.1—3). Все они восходят к замечанию (Псевдо) Иосифа Флавия²⁷. Равно и распространенное толкование, что на могиле Адама будет распят помазанный божий, также имеет место у Бар Эбрея и византийских хронистов (ТМ, 16.14—15; АМАРТ., 46.12—15; П. АЛ., 186.8; Адам — второй Христос; КЕДР., 36 В). Аналогично упоминание о царице «Самирам» — Семирамиде, которая «насыпала [земляные] холмы, убоясь [нового] потопа» (ТМ, 23.15; АМАРТ. 13.3—4; КЕДР., 56 В; СИНК., 202.11—12), и ремарка о том, как после смерти Исаака пошел Исав войной на Иакова, но тот выстрелил из лука и убил его (ТМ, 26.7—8; СИНК., 202.11—12; АМАРТ., 114.6; КЕДР., 89 АВ). Подобно Глике, Бар Эбрей останавливается на вопросе о том, что являло собой древо познания, и ука-

²⁶ Текст явно испорчен. Предлагаемое Сальхани и Поккоком чтение *ثو ديوسى* считаю неудовлетворительным. Предлагаю заменить на *مشو ديوسى*, так как это место бесспорно заимствовано Бар Эбреем из хроники Михаила Сирийца (М. С., 3).

²⁷ *Gelzer H. Op. cit., Bd. II, S. 287 sqq.*

зывает на существующее по этому вопросу расхождение во мнениях ученых (ГЛИК., 162.22; 163.2; ТМ, 8.1—4).

Для нас сейчас неважно, что многие из приведенных мест являются общими для византийских хроник в силу того, что их авторы имели один общий источник или просто компилировали сочинения друг друга. Важно другое — то, что рассмотренные пассажи ТМ дают право говорить о наличии в той ее части, где идет речь о Священной истории, черт, присущих византийской хронографии.

Об этом же свидетельствует идентичная сюжетно-хронологическая основа, а также одинаковый с византийскими хронистами взгляд на основной источник — Священное писание. Стоит отметить, что акрибия — точность, с которой Бар Эбрей передает в ТМ последовательность фактов библейской истории, отсутствует при изложении того же фрагмента в сирийской хронике, рассчитанной на единоверцев. Там он дает лишь самую общую канву событий, не останавливаясь даже на таких ключевых местах, как жизнеописание Авраама, рассказ о коленах Израиля, десять заповедей²⁸. Вероятно, Бар Эбрею незначительно было излагать системно своим единоверцам то, что им и так было известно из повседневного церковного обихода, и, напротив, это было важно для читателей, исповедовавших иную веру.

Таким образом, приведенные факты позволяют сказать, что исследуемый фрагмент ТМ передает византийскую систему представлений о бытии, мироздании, ходе истории, облеченную в тождественную для византийской исторической мысли форму, и все это — на арабском языке и специально для арабского читателя!²⁹ В данном случае важно совпадение именно системы и последовательности изложения, так как очевидно, что арабский читатель XIII в. был достаточно хорошо информирован о событиях библейской истории. Основным источником такого рода представлений для мусульман являлся Коран, в котором наряду с изложением различных фактов, относящихся к библейской истории, содержались и основные догматы — десять заповедей, например³⁰. Наряду с этим не надо забывать, что и сама библейская история была предметом изложения в читаемых и широко популярных исторических трудах — Табари, Динавари, Мас'уди, не говоря уже о специальных исследованиях Вахба б. Мунаббиха и Ибн Исхака. Имелись также переводы Библии, в частности Пятикнижия, на арабский язык, существовала и библейская критика³¹. Однако библейская традиция в изложении мусульманских историографов, например Табари, предстает в виде перечня версий, точек зрения и не имеет главного отличительного признака — сведения к известной непреложности и единозначности. Аналогично и мусульманская библейская критика занималась в основном доказательством того, что в Библии (Второзак, 33.2; ПС., 49(50). 2; Иоанн, 16.7) упоминается имя Мухаммада, и толкованием с этих

²⁸ The Chronography..., p. 5—7.

²⁹ Обратим в этой связи внимание на целый ряд мелких лексических совпадений текста исследуемого фрагмента и некоторых византийских хронистов. Так, ТМ, 22.3 — рассказ об Аврааме, протянувшем Мельхиседеку десятую часть награбленного, добычи (السلب). Это слово — «награбленное» — отсутствует в еврейской Библии и Сеитугаинте. В Новом завете употреблено слово «ἀκροβόλιον» («лучшее») (Евр., 7.4). Очевидно, выражение «часть награбленного» Бар Эбрей заимствовал из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (ИОС., I, 37.12: δεκάτη τῆς λείας = عشرًا من السلب). Кроме того, совпадения с текстом Синкелла наблюдаются в следующих местах: ТМ, 10.22; СИНК., 106.13 — о том, как сыны «Элохима» сошли с горы Хермон, ТМ, 13.13; СИНК., 36.23—37.1; ТМ, 15.19, СИНК., 184.14—15; дословное совпадение (о Мельхиседеке); παρθένος... καὶ ἐν ἁρτρῶ καὶ οἶνῳ τὴν ἀναίμακτον θυσίαν... ولا اراق دمًا وكان قرباته حبرًا وخمرًا فقط... وما غشى امرأة.

³⁰ Shorter Encyclopaedy of Islam. Leyden, 1953, TAWRAT, p. 557; Lecomte G. Les citations de l'Ancien et du Nouveau Testament dans l'oeuvre d'Ibn Qutayba. — Arabica, 1958, 5, p. 37—35; Goldzieher I. Über muhammedanische Polemik gegen Ahl al-Kitab. — ZDMG, 1878, 32, S. 341—348.

³¹ Ahrens K. Christliches im Qoran. — ZDMG, 1930, 84, S. 117.

позиций самого текста Писания (ср.: ТМ, 163.5—10). Одновременно утверждалось, что Тора в том виде, в котором она имела в обиходе, не являлась атрибутом Аллаха и совсем не соответствовала тому Писанию, которое было ниспослано на самом деле³².

В изложении Бар Эбрея акценты проставлены иначе. Библия — Пятикнижие, и «пророческие свидетельства» являются для него непреложным авторитетом (ТМ, 13.4—6), библейская сюжетная канва — важная составляющая его произведения. Спор поэтому может идти лишь об аутентичности мелких деталей, частей целого, но не самого целого.

Вопрос, возникающий в этой связи: осознавал ли Бар Эбрей чуждость этой системы для мусульманского мировосприятия, пытался ли как-нибудь связать византийскую историографическую традицию с мусульманской? Рассмотрим с этой точки зрения некоторые пассажи. Вот рассказ о сотворении Адама (ТМ, 5.12—13): «Адам, прародитель всех людей. Был сотворен в пятницу, день шестой, а это был нисан первого года мира». Легко заметить, что в пассаже сочетаются каноническая и апокрифическая библейские традиции. Последняя здесь восходит к Малому Бытию, или Книге Юбилеев³³ — это явствует прежде всего из упоминания нисана как месяца творения (ср.: СИНК., 4.19—20) и «первого года мира» — явного свидетельства летоисчисления по «мировым годам» — «юбилеям». Однако наряду с апокрифической христианской традицией в приведенном пассаже ощутимо также влияние мусульманской. Так, тот же нисан как месяц творения упоминается и у мусульманских историографов — Табари (ТАБ., 155), Мас'уди (М.З., 60, 69), причем Бар Эбрей, как и они, для обозначения пятницы употребляет специальное слово: العروبة. Да и Адам охарактеризован чисто мусульманским эпитетом — اجوا لبشر.

На сочетании христианской и мусульманской традиций строится также пассаж, в котором говорится о небесном устройстве (ТМ, 5.13—17):

«... сотворил Аллах ... вышнее небо. . . а также — девять чинов ангельских, свет и четыре первоосновы. В понедельник сотворил. . . небесный свод, то есть небо нижнее. . . и содержащиеся внутри него семь перегоронок». К Малому Бытию в настоящем пассаже восходит упоминание о «вышнем небе» и «силах небесных», сотворенных в первый день (воскресенье). Это, очевидно, распространенное представление — указание на бытование его у византийцев можно видеть из ремарок Синкелла (СИНК., 5.17—18), Феодора Кирского (ФЕОД., 92 АВ, 100 D), Зонары (ЗОН., 1, 13.4—5) — соседствует с элементами мусульманской традиции, о чем говорит упоминание Бар Эбрея семи «перегородок» (или небесных сводов — رقبع). Не напоминают ли они те самые небеса — «серебряные», «хрустальные», «изумрудные», по которым Мухаммад совершал ми'радж — восхождение на небо — и которые упомянуты прежде всего в Коране (Коран, 17.46) и у Мас'уди (М., З., 49)?³⁴

Получается также, что девятичинам ангельским формально соответствуют ангелы мусульманской традиции — не те ли самые, что участвовали вместе с богом в процессе творения человека. Вот как пишет об этом Бар Эбрей (ТМ, 6.9—11): «Затем обратился Он к ангелам, сказав: „А теперь, давайте, сотворим человека по образу нашему и подобию нашему, знающего, что есть добро, а что — зло, и могущего совершить их!“». Как и приведенный выше, этот пассаж также сочетает апокрифическую христиан-

³² Goldzieher I. Op. cit., S. 369 — ссылка на ал-Синахаги: غير المنزل هذا اثر كلام التوراة وهو تاريخ حدث بعد موسى عم الصنورة فهو في

³³ Апокриф, его греческий текст, видимо, не сохранился. Имеется эфиопская редакция. См.: Rönisch H. Das Buch der Jubiläen oder Kleine Genesis. Leipzig, 1874. Другие издания: Смирнов А. А. Книга Юбилеев, или Малое Бытие. Казань, 1885; Kautsch E. Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments. Tübingen, 1900, Bd. II, S. 33.

³⁴ Саблуков Г. Сведения о Коране. Казань, 1884, с. 194—200. О большем, нежели 2, числе небес в христианской традиции см.: 2 Кор., 12.2 (ἕως τρίτου οὐρανοῦ); Rönisch H. Op. cit., S. 478.

скую и мусульманскую традиции, что проявляется прежде всего в том, что человек оказывается творением не только бога, но и ангелов³⁵. Соответственно претерпевает изменение и библейская цитата (Быт., 1, 26). Так, Бар Эбрей меняет «плюралис маестатис» оригинального еврейского глагола **נַעֲשֶׂה** («сотворим») на обычное множественное постановкой перед самим глаголом адгоративной частицы **هلموا** — «давайте», подчеркивая обращение бога к ангелам. В результате цитата получает иной оттенок. После этого автор завершает пассаж совсем в духе мусульманской традиции, которой присуща также идея злого начала в человеке: «...знающего, что есть добро, а что — зло, и могущего совершить их!».

Важный пассаж, в котором повествуется об изгнании Адама и Евы из рая, обнаруживает также сочетание двух культурных традиций, осуществляющееся путем включения уточняющей ремарки, наиболее характерной для мусульманских писателей: (сошли они на землю) «в девятом часу дня пятницы, а творение их было в первый час того самого дня» (ТМ, 7.10—11; ТАБ., 155).

У изгнанных из рая Адама и Евы родились дети. Согласно канонической еврейской Библии и Септуагинте, это были лишь сыновья — прежде Каин и Авель, потом — Сиф. Согласно же апокрифической традиции (Малое Бытие) и Иосифу Флавию, одновременно с Каином и Авелем родились их сестры-близнецы — соответственно Климия и Лабуда³⁶ (Флавий не называет имен дочерей). Это представление бытовало и в мусульманской традиции с той лишь разницей, что имена дочерей могли быть иными. Бар Эбрей максимально сближает мусульманскую и христианскую традиции, избирая для дочерей Адама именно эти имена — как общие для всех традиций, но при этом идет дальше, объясняя причину убийства Каином Авеля согласно мусульманской традиции. По ней Адам хотел женить сыновей своих на сестрах их — каждого на сестре брата его, но «возжелал Каин сестры своей». Поэтому-то и была принесена ими жертва богу.

Культурный синкретизм присущ также и некоторым фрагментам повествования об Аврааме. В этой связи интересен комментарий Бар Эбрея к одному каноническому месту (Быт., 12.13), где Авраам выдает Сару за сестру свою. «И не солгал он, сказав так, — пишет далее наш автор, — ибо Сара была дочерью его дяди по отцу, а дед их жил там же, где жили отцы их» (ТМ, 22.8—9). На тот факт, что Сара приходилась Аврааму сестрой по отцу (и, согласно еврейским представлениям, могла быть его женой), указывают и другие средневековые авторы, как арабские, так и византийские, например Табари (ТАБ., 266), Ибн ал-Асир (АС., 1.72), Георгий Синкелл (СИНК., 183.17—19).

Правда, арабские авторы, как правило, лишь отмечают тот факт, что Сара была сестрой Авраама, и только Ибн ал-Асир стремится внести разъяснение, утверждая, что Сара была сестрой Авраама «по вере» (في الاسلام)³⁷. Ценность же сообщения Бар Эбрея состоит не только в том, что он приводит версию, в главных ее частях одинаковую для христианского и мусульманского миров, но прежде всего в том, что он «исправляет» мусульманское предание (в случае с Ибн ал-Асиром) или значительно расширяет его, приводя более аргументированную версию. При этом важно, что версия, приведенная Бар Эбреем, полностью совпадает с той, которая приводится в своде Синкелла и при этом — со ссылкой на Малое Бытие!

С аналогичным «исправлением» арабского представления Бар Эбреем читатель сталкивается и там, где идет речь о десяти заповедях, данных Мои-

³⁵ Коран, 2.28—32.

³⁶ Имена дочерей Адама встречаются у Табари (ТАБ., 139), Ибн ал-Асира (АС., I, 30), Мас'уди (М.З., 62). Об этих именах в сирийской традиции см.: Rönisch H. Op. cit., S. 373; ср. там же — замечание Евтихия.

³⁷ Weil G. Die biblische Geschichten der Muselmänner. Frankfurt, 1846, S. 80; Хумеш с комментариями р. Малбима. Вильна, 1891, с. 197.

сею (ТМ, 31.1—4)³⁸. Не случайно наш автор приводит их целиком и в канонической последовательности (Исх., 20.1—7). Дело в том, что мусульмане также имели зафиксированными в Коране десять заповедей (Коран, 17.25—39), однако последовательность их была иной, нежели в Библии, да и по содержанию они не во всем соответствовали библейским. Так, важная заповедь о соблюдении дня субботнего хотя и упоминается в Коране (Коран, 4.153), но лишь применительно к иудеям. Примечательно и то, что, перечислив эти заповеди, Бар Эбрей тут же стремится согласовать их с положениями мусульманской морали. Поэтому он помещает эти заповеди в окружение проклятий тому, кто «чинит зло соседу», «сбивает слепого с пути», «обделяет сирот и несчастных», «возлежит с сестрою своею» и т. п. (ТМ, 31.4—7). Проклятия эти, очевидно, представляют собой смысловые цитаты из Корана (Коран, 17.36; 27.83; 4.27).

Вероятно, то же стремление к «уточнению» мусульманских представлений и подчеркнутое следование христианской традиции сказалось на отборе лексики. Свидетельство тому — употребление слова *قبة* для обозначения «неба нижнего» (ТМ, 5.14). Типы небес различались в иудейских и христианских космогонических представлениях, и это различие отразилось в историографии. Так, многие византийские хронисты специально противопоставляют непосредственно «небо» — *οὐρανός* и «небо нижнее, твердь небесную» — *σφαιρα* (СИНК., 6.5; АМАРТ., 67.1; МАН., 41), в то время как мусульманские, следуя за Кораном (Коран, 17.46), этого различия не делают, называя все типы небес одним словом — *السماء* (ТАБ., 30; М. 3., 49)³⁹.

Особое место в ТМ занимают те пассажи, где традиции мусульманская и христианская сочетаются путем простого соединения библейских и коранических цитат. При этом создается впечатление, что Бар Эбрей специально подбирает пассажи, общие для обеих традиций, чтобы еще больше сблизить христианскую точку зрения, изложенную в ТМ, с мусульманской и, таким образом, сделать свое изложение Священной истории более приемлемым для читателей. Так, повествуя о Моисее, он специально использует те пассажи, которые наиболее хорошо сочетаются с кораническими или распространенными в мусульманской традиции. Например, Моисей, спустившись с горы, увидел согрешивших евреев (речь идет о золотом тельце) и, «разгневавшись ужасно», разбил данные ему скрижали (Исх., 32.14 — ТМ, 30.13—14 — Коран, 7.149 — М. 3., 94). Точно так же Бар Эбрей не упускает случая поведать о том, как посох Моисея поглотил посохи мудрецов Фараоновых (Исх., 7.10—12 — ТМ, 28.8—9 — Коран, 26.43—44) или о чудесах, творимых Моисеем в Египте, когда тот с помощью Всевышнего обратил воду в кровь, наслал на египтян мух, саранчу, лягушек и т. п. (Исх., 7.20—25; 8.1сл.—10.1сл. — ТМ, 29.10—12 — Коран, 7.129—130; 17.103 — ТАБ., 485). Примечательно здесь и то, что сам Бар Эбрей не считает нужным писать об этих чудесах подробно. С одной стороны, это, очевидно, обусловлено его авторской позицией — речь идет о краткой истории, как это явствует из заглавия и введения, а с другой — вероятно, хорошо известным мусульманским читателям сюжетом.

Интересен также тот фрагмент, где Бар Эбрей рассказывает о Гермесе Трисмегисте. Анализ его позволяет прежде всего отметить, что весь он в основном составлен из фрагментов мусульманских авторов — ал-Андалуси (кади из Толедо), ибн ал-Кифти, ад-Димашки, которые наш автор

³⁸ Ahrens K. Op. cit., S. 117.

³⁹ В этой связи небезынтересно также обратить внимание на тот факт, что, копируя, Бар Эбрей заменяет грамматический род существительного «*معجود*» («обитаемая земля», «ойкумена») с мужского на женский — *معجورة*. Не сталкиваемся ли мы здесь с калькированием греческого термина «*κοινομένην*», с грамматической структурой которого *معجورة* весьма схожа (в обоих случаях — страдательные причастия женского рода)?

собрал воедино ⁴⁰. Но при этом некоторые замечания о Трисмегисте являются общими у мусульманских и византийских хронистов, а некоторые можно найти лишь у последних. Так, общими являются утверждения о том, что Гермес предупредил о начале потопа (ТМ, 11.10—11; КЕДР., 40 С; АНД., 39.12), а также, что ему принадлежит разделение времени на годы, месяцы, дни и т. п. (ТМ, 12.5—6; АМАРТ., 10.7—15; АНД., 39.14). С византийской же традицией связано утверждение, что Гермес описывал Творца, наделяя его тремя атрибутами (ТМ, 11.8—ПАСХ., 85.10). С Гермесом Бар Эбрей сближает Еноха и Идриса, следуя в этом мусульманской традиции. О смерти Еноха — вернее, даже не о смерти, а о чудесном вознесении — наш автор повествует, соединяя две цитаты — евангельскую (Евр., 11.5) и кораническую (Коран, 19.58).

Аналогичная «подгонка» текста под сознание мусульманского читателя, своеобразный «коллаж» фрагментов Писания с высказываниями и замечаниями, содержащимися в мусульманских сочинениях, как, например, «Жития пророков» ал-Киса'и, заметна и в повествовании о праведном Ное. Больше всего привлекает внимание то место, где речь идет о вороне, которого праведник первым выпустил из ковчега, после того как пристал к горе Кард (или Арарат). Бар Эбрей подчеркивает, что ворон не вернулся, ибо ел падаль (труп?) (ТМ, 14.13). «Жития пророков» как раз дают указания на эту деталь (КИСА'И, 202). Вероятно, отсюда же взята деталь и о гробе Адама, который также находился (по Бар Эбрею) в ковчеге праведника.

Преднамеренная «арабизация», т. е. сознательная ориентация на круг представлений и мировоззренческих категорий арабского читателя, тем не менее очень отчетливо проступает в исследуемом отрывке. Но прежде всего она заметна в компоновке материала всей ТМ. Так, хотя ТМ формально и построена по схеме Евсевия (совокупность отдельных историй) и не распадается на исламскую и доисламскую части, фактически такое деление все же присутствует: характерно, что на доисламскую часть приходится примерно четверть объема сочинения Бар Эбрея. Наряду с этим важно подчеркнуть и то, что все свое произведение Бар Эбрей сознательно вводит в контекст арабских географических воззрений: общая характеристика народов, населяющих землю (ТМ, 4.18—5.4; 5.4—8; 4.12—15; 5.9), разделение их по «разрядам» (ТМ, 4.9—10), географическое описание Египта и бывшего там во времена Моисея «храма наук» (إدارة العلوم) позаимствованы из сочинения испано-мусульманского географа XI в. Са'ида ибн Ахмада ал-Андалуси (1029—1070), которое было весьма популярно у таких писателей, как Ибн ал-Кифти и Ибн аби-Усайби'а.

Примечательно, что, рассказывая о разделении земли между потомками сыновей Ноевых, Бар Эбрей преднамеренно оперирует арабскими географическими терминами, стараясь сделать для своих читателей максимально ясным то, какая же конкретно часть земли отошла к каждому роду (ТМ, 5.9—11; 19.2—9). Аналогично и место, куда бежал Моисей от Фараона, — традиционная «земля Мадямская» (Исх., 2.15) обращается у него в «землю арабов» (ТМ, 28.8); Кард, гора, на которую сел Ноев ковчег, сопровождается ремаркой, что она «известна под названием „Джуди“ (ТМ, 14.11—12 — Коран 11.46). Автор подчеркивает континуитет между библейской, христианской и мусульманской культурой. Вот как дополняет он апокрифическое известие, восходящее, вероятно, к Книге Еноха или к высказыванию Ефрема Сирина (СИНК., 21.11—12). За рассказом о дочерях Каина, которые изобрели музыкальные инструменты, следует замечание: «Поэтому-то сирийцы называют мелодию «кына» — с кясрой, а арабы рабыню-певицу — «кайна», с фатхой (знаки огласовки, обозначающие «а» и «и»). — Н. С.» (ТМ, 10.16—17). Аналогично взятые из сочинения Андалуси сведения о Египте (ТМ, 34.8—13 — АНД., 39.19—40.4) подкрепляются еван-

⁴⁰ Chwolson D. Die Ssabier und der Ssabismus. St. Pb., 1856, II, S. 53, 409; Reitzenstein R. Poimandres. Studien zur griechisch-ägyptische und frühchristliche Literatur. Leipzig, 1904, S. 172, 173.

гельской цитатой о том, что Моисей «был искусен во всех науках египетских» (Деян. ап., 7.22).

Характерно, что Бар Эбрей лишний раз стремится подчеркнуть тот факт, что Библия священна также и для мусульман. В доказательство он приводит по-сирийски слова ангела, благословившего Исмаила: «Я усилил его весьма», — и дает на них следующее толкование: «Я же говорю, что в словах сих скрыта тайна великая, которая стала явной лишь в наши дни. А [заключается] она вот в чем: если мы соберем буквенные значения (т. е. числовые значения каждой буквы. — *Н. С.*) и сложим их, то результат будет равен шестистам пятидесяти шести годам, а это есть время от хиджры до смерти последнего халифа Аббасидов, когда был убит великий правитель из рода Исмаилова» (ТМ, 22.17—18; 22.19—23.3).

* * *

Суммируем сказанное. Прежде всего, на материале рассмотренного фрагмента заметно преднамеренное сближение его автором мусульманской и христианской точек зрения на многие аспекты Священного писания. Это убеждает в том, что «знатные арабы» — заказчики перевода сирийской хроники — были мусульманами. Ясно также, что они получили византийскую схему изложения Священной истории (хронологическая основа, определенная последовательность излагаемого материала). Наш автор использовал не только само Писание в его первоначальном виде и греческой редакции, но также (прямо или косвенно) сочинения греческих и византийских авторов, что повлияло на способ компоновки материала и на включение отдельных оборотов речи. Подобно многим византийским авторам, Бар Эбрей включил в свое повествование материал апокрифических книг — в первую очередь Малого Бытия и Жития Адама. Рассмотренный фрагмент дает также представление о византийской системе критики Писания: критиковалась хронология, отдельные факты, но никогда не ставилась под сомнение «боговдохновенность» этой книги.

Однако очевидно и то, что Бар Эбрей осознает чужеродность этой системы для мусульманского читателя. Свидетельство тому — попытка согласовать, приблизить свой текст к мусульманскому мировосприятию. Здесь необходимо отметить, что попытки сочетания, своего рода сближения библейской и мусульманской исторических концепций предпринимались в мусульманской историографии задолго до Бар Эбрея. Так, автор X в. Ибн Кутейба в своих сочинениях, и прежде всего в «КИТАБ АЛ-МА'АРИФ» и «УЙУН АЛ-АХБАР», как свидетельствует исследование Леконта, стремясь сгладить несовпадение библейской и мусульманской точек зрения, прибегает к «свободному пересказу» (Г. Граф)⁴¹ тех мест, где встречаются несоответствия. Новаторство Бар Эбрея состоит в том, что он, в отличие от Ибн Кутейбы, держится в рамках написанного или авторитетно высказанного мнения или соображения, сочетая, таким образом, традиции изложения того или иного сюжета. Разумеется, большинство замечаний Бар Эбрея, посредством которых он сближает христианскую и мусульманскую историографические традиции, относится к апокрифическим памятникам, имевшим хождение как в Византии, так и на христианском Ближнем Востоке. Таким образом, выявленные в ТМ синкретические места вполне могли быть тем самым звеном, которое способствовало восприятию арабами-мусульманами в целом чуждого им мировоззрения.

⁴¹ *Lecomte G. Op. cit., p. 42.*

Б. А. СЕМЕНОВКЕР

ЭНЦИКЛОПЕДИИ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ АППАРАТ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Происхождение энциклопедий и библиографических пособий, созданных по инициативе Константина Багрянородного, имеет много общего. Их основные задачи были сходными: учет и обобщение накопленных знаний. Различие заключалось в том, что энциклопедии содержали фактографическую информацию, а библиографические пособия — сведения о произведениях, в которых она содержалась. Кроме определенного сходства в методах подготовки и преподнесения информации, симбиоз энциклопедий и библиографии выразился в том, что с самого начала энциклопедии включали библиографические материалы: списки использованной литературы и библиографические ссылки при цитировании. Поэтому принять исследование библиографического аппарата энциклопедий целесообразно для создания более полного представления об их истории, составлявшей часть информационной и научно-информационной деятельности.

Начнем с анализа библиографического аппарата исторической энциклопедии Константина Багрянородного. Он позволяет рассмотреть и вопрос об атрибуции спорных текстов. Как известно, эта энциклопедия состояла из 53 частей, которые включали эксцерпты, сгруппированные по тематическим признакам. Сохранились четыре части, которые безусловно входили в состав энциклопедии: «Эксцерпты о посольствах», «О добродетели и пороке», «О мнениях» и «О заговорах против императоров»¹.

Эксцерпты из сборников «О сражениях и осадах» и «О военном красноречии» считаются спорными². То, что сборники с такими названиями входили в состав энциклопедии, не подлежит сомнению. Не случайно например, в «Эксцерптах о посольствах» имеется следующая отсылка: «Ищи в книге о сражениях»³. Однако ряд авторов, в их числе Л. Кон, К. Крумбахер и Ж. Иригуэн, предостерегают против того, чтобы относить эти отрывки к исторической энциклопедии⁴. Изучение библиографических ссы-

¹ Анализ библиографического аппарата проводился по следующим публикациям:

Excerpta de legationibus / Ed. C. De Boor. Berolini: Weidmann, 1903, 1—2 (Excerpta hist. iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor, Th. Büttner-Wobst. Vol. 1); *Büttner-Wobst Th. Der codex Peirescianus. Ein Beitrag zur Kenntnis der Excerpte des Konstantinos Porphyrogenetos. — Ber. über die Verh. der Sächsischen Ges. d. Wiss. zu Leipzig. Philol.-hist. Cl., 1893, Bd. 45, S. 261—353; Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita ab Angelo Maio, Bibliothecae Vaticanae praefecto. T. 2. Historicorum graecorum partes novas complectens. Romae: Typis Vaticanis, 1827, [12], IX—XXXVI, 715 p.; Excerpta de insidiis / Ed. C. de Boor. Berolini: Weidmann, 1905, 228 p. (Excerpta hist. iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor, Th. Büttner-Wobst. Vol. 3).*

² [Excerpta historica de proeliis et obsidionibus]. — In: *Fragmenta historicorum graecorum* / Ed. C. Müller. P., 1870, vol. 5, pt. 1, p. VII, X—XI, 21—26; *Anonymi byzantini rhetorica militaris* / Ed. A. Koechly. Lipsiae, 1856. 35 p. (Opuscula acad. T. 2).

³ *Excerpta de legationibus*, p. 14.

⁴ *Cohn L. Constantinus VII. Porphyrogenetos. — RE, Hbd. 7, col. 1039; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des ost-*

лок в спорных текстах дает возможность получить дополнительные сведения об их атрибуции.

Библиографический аппарат энциклопедии, кроме ссылок, включал также списки, содержавшие сведения об авторах и названиях произведений, эксерпты из которых здесь приводились. Списки были тесно связаны со стереотипными введениями, которые располагались перед каждой частью энциклопедии⁵. В конце введения к сборнику «О посольствах» написано: «Это введение покажет, кто является отцами тех отрывков, которые следуют далее, откуда они происходят, так как не следует, чтобы эти выдержки были без имени, как незаконные дети, которые носят вымышленное имя; выдержки являются отрывками из следующих хроник» — далее следует их список.

Известны два введения: к сборникам «О посольствах» и «О добродетели и пороке». Они почти дословно совпадают, поскольку Вазезий перепечатал в своем издании введение из «Эксерптов о посольствах», изданных Д. Хёшелем в 1603 г. По фрагментам введения в Кодексе Пейреска он пришел к заключению, что они идентичны. В дальнейшем введение в Кодексе Пейреска было полностью утрачено⁶. В отличие от введений библиографические списки в сборниках — разные, так как они соответствуют их содержанию.

Списки в сборниках «О посольствах» и «О добродетели и пороке» включали соответственно 15 и 14 записей. Запись состояла из следующих элементов: порядковый номер, сведения об авторе и заглавие произведения. В сведения об авторе входило его имя (обязательно), прозвище, данные о месте рождения, профессии или должности, например: Иоанн Антиохийский, Приск ритор, Петр патрикий и магистр. Имя автора всегда занимало первое место в записи. Сведения об авторе и заглавие произведения приводились в родительном падеже, тем самым как бы подчеркивалось, что последующий текст состоит из эксерптов (к примеру: «Полибия Мегалополита Римской империи»).

Различия между списками заключались в том, что список к «Эксерптам о посольствах» обычно не включал заглавий произведений (заглавия налицо только в трех записях). В сборнике «О добродетели и пороке», напротив, заглавие отсутствует только в трех записях, следовательно, в информационном отношении список этого сборника более полный.

Список представлял собою своего рода «содержание» сборника. Так, список в «Эксерптах о посольствах» включает имена всех авторов первой части сборника, кроме Арриана, перечисляемых в порядке, соответствующем их расположению в тексте. Вторая часть «Эксерптов о посольствах» отличается от первой и по составу авторов, и по их расположению. Поэтому можно предположить, что она имела собственные введение и список. Аналогичным образом составлен и список в сборнике «О добродетели и пороке».

Неизменное расположение имен авторов в начале библиографической записи также характеризует списки как «содержание» сборников. Это правило сохранилось до настоящего времени и включено в современный издательский стандарт⁷.

Ссылки перед эксерптами имеют текстовую структуру: используется предлог «из», который во всех сохранившихся частях энциклопедии, кроме сборника «О мнениях», располагается в начале записи. В сборнике «О мнениях» предлог находится после имени автора, перед заглавием произведения (например: «Из истории Полибия», или «Дионисия Галикарнасского из римских древностей»). В сборнике «О мнениях» используются также

römischen Reiches (527—1453). München, 1897, S. 260; *Irigoin J.* Les manuscrits d'historiens grecs et byzantins à 32 lignes. — In: *Studia codicologica*. B., 1977, p. 240.

⁵ *Nissen H.* Kritische Untersuchung über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. B., 1863, S. 3—4; *Wäschke H.* Über die Reihenfolge der Excerpte Konstantins. — *Philologus*, 1882, Bd. 41, H. 2, S. 271.

⁶ *Büttner-Wobst Th.* Op. cit., p. 264—265.

⁷ ГОСТ 7.5—78. Издательское оформление материалов, помещенных в периодических и продолжающихся изданиях и непериодических сборниках, п. 3.6.2.

следующие формы: «Диодора из исторической библиотеки выдержки книг 7, 8, 9, 10» или «Диона римской истории выдержки».

Анализ показал, что имеются и другие расхождения в формулировке ссылок. Иногда в разных сборниках сведения о заглавиях одного и того же произведения приводятся неодинаково, например: «Из истории Аппиана, так называемой италийской» («О посольствах», ч. 1) и «Из истории Аппиана, так называемой царской» («О посольствах», ч. 2 и «О добродетели и пороке»). Обычно в сборнике «О добродетели и пороке» приводятся более подробные сведения, к примеру: «Из истории Фукидида» («О посольствах», ч. 2) и «Из истории Фукидида Афинянина» («О добродетели и пороке»). В сборнике «О мнениях» ссылки отличаются от остальных тем, что сведения об авторе всегда располагаются здесь перед названием произведения.

Во всех изученных сборниках имеются указания о порядковых номерах глав, написанных некоторыми авторами, и об окончании эксцерптов из данной главы. Форма этих сведений различна. Так, для Полибия в первой части «Эксцерптов о посольствах» они строятся по типу: «Глава 30» и «Конец главы 30», а в сборнике «О мнениях» — «Из книги 6». В сборнике «О добродетели и пороке» указание глав «Иудейских древностей» Иосифа Флавия имеет следующий вид: «Из главы, называющейся о происхождении Иосифа и его государственной деятельности».

Таким образом, в энциклопедии не была достигнута полная унификация библиографических ссылок. В двух отношениях, однако, налицо полное типологическое совпадение библиографического аппарата во всех сборниках, которые безусловно признаются частями исторической энциклопедии. Во-первых, выдержки из всех авторов подкреплены ссылками. Во-вторых, все ссылки включают заглавия произведений, при этом обязательно в единственном числе. Исключение, которое можно отнести за счет небрежности переписчика, лишь одно: это ссылка на Полибия в сборнике «О мнениях», где слово «история» приведено во множественном числе. Указанные обстоятельства позволяют сравнить библиографический аппарат бесспорных частей энциклопедии со спорными, используя его как средство атрибуции.

В отрывках из спорного сборника «О сражениях и осадах» библиографические ссылки перед каждым эксцерптом включают только имя автора. Далее названа тема, которой посвящен эксцерпт. Например: «Из книг Арриана. Взятие Тира» (Ἐκ τῶν Ἀρριανῶ. Τύρον ἄλωσις) или «Из книг Фукидида. Осада Платей» (Ἐκ τῶν Φουκιδίδου. Πολιορκία Πλαταιέων).

В целом можно выделить следующие отличия ссылок в сборнике «О сражениях и осадах» от ссылок в канонических текстах исторической энциклопедии. В ссылках отсутствуют заглавия произведений, из которых сделаны эксцерпты. Член, который заменяет заглавие произведения, во всех ссылках приводится во множественном (τῶν), а не в единственном числе (τῆς).

Ссылки помещаются перед каждым тематическим эксцерптом, а не перед всеми эксцерптами из данного автора в пределах одной части энциклопедии. Перед каждым эксцерптом, кроме библиографической ссылки, приводится также тематическое заглавие. В бесспорных текстах такие заглавия отсутствуют.

Таким образом, анализ библиографических ссылок в сборнике «О сражениях и осадах» подтверждает мнение о том, что он не относится к исторической энциклопедии.

Во втором спорном сборнике «О военном красноречии» ссылок вообще нет, и о нем, следовательно, можно сделать то же заключение.

Выводы, полученные в результате анализа библиографического аппарата исторической энциклопедии, подтверждаются изучением текста других энциклопедий X в.: «Геопоник», «Гиппиатрики», зоологической, медицинской и о питании.

Сравнение библиографических ссылок «Геопоник» и «Гиппиатрики» дало следующие результаты. Структура ссылок в «Геопониках» строго единообразна. Имя автора в родительном падеже приводится после назва-

ния главы, а при повторном упоминании оно заменяется на «того же». Только в одной главе (II, 6) имя автора предшествует названию. Наличие имени автора в заголовке не означает, что все тексты в этой главе взяты только из этого автора. Ссылка на него в заголовке говорит лишь о том, что составитель начал изложение с него в данной главе, что именно у него он взял основные эксцерпты⁸.

В «Гиппиатрике» структура ссылок также единообразна. Имя автора приводится в родительном падеже в начале главы или эксцерпта. При введении эксцерпта из того же автора его имя не повторяется. Глава начинается с эксцерптов из того автора, который считается основным авторитетом по данному вопросу. Затем добавляются эксцерпты из других авторов.

Структура глав, при которой эксцерпты из второстепенных авторов и ссылки на них добавляются к эксцерптам и ссылке на основного автора, свидетельствует о преемственности между «Геопониками» и «Гиппиатрикой». Одинаковой является и постановка имени автора в родительном падеже в начале главы. Отличие заключается в том, что имя автора в «Гиппиатрике» расположено перед названием главы, а не после, как в «Геопониках». Это, возможно, объясняется тем, что в «Гиппиатрике» после названия главы указан ее порядковый номер, например: «Апсирта о лихорадке лошади глава первая». Тем не менее структура глав и ссылок в «Геопониках» имеет много общих черт, а целесообразность нумерации глав и соответственно перестановка ссылки на автора в начало заголовка, вероятно, связана с большим единообразием материала в «Гиппиатрике» по сравнению с «Геопониками». По содержанию «Геопоники» делятся на 20 книг, а «Гиппиатрика» в основном соответствует одной из книг «Геопоник» (книга 16 — о лошадях, ослах и верблюдах), но включает больше материала по ветеринарии. Преемственность здесь очевидна. «Гиппиатрика» — это одна, более подробная, чем в «Геопониках», книга по ветеринарии, в которой главы — для удобства использования — пронумерованы и соответственно изменены ссылки. Представляется недостаточно обоснованным поэтому мнение М. Има, согласно которому «Гиппиатрика» — своего рода дублет книг «Геопоник» по ветеринарии и на этом основании датируется ранее X в.⁹ К тому же ведь сам М. Им отмечал большую точность ссылок на имена авторов в «Гиппиатрике» по сравнению с «Геопониками»¹⁰.

Анализ библиографического аппарата «Гиппиатрики» проводился по изданию Симона Гринея, которое было основано на рукописи X в. (Cod. Berol. Phillip., 1538, saec. X)¹¹. Однако в 1865 г. Э. Миллер опубликовал отрывки «Гиппиатрики» из рукописи XI в. (Cod. Paris, 2322, saec. XI)¹². Ссылки XI в. уже не столь единообразны, как в рукописи X в. Имя автора ставится то перед названием эксцерпта, то после названия или даже в середине; например:

Издание 1537 г.

Издание Э. Миллера

Πελαγονίου πρὸς πυρετὸν ἐνδότερον
(с. 8)

Πελαγονίου πρὸς πυρετὸν ἐνδότερον^ν
(с. 14)

Полное совпадение
с изданием 1537 г.

Ἐδμήλου ἦτοι Χείρονος εἰς τὸ αὐτὸ (с. 7)

Ἄλλο Ἐδμήλου, ἦτοι Ἑρῶνος
(с. 13)

Ἄγαθοτόχου ἐγχυματισμὸς εἰς τὸ αὐτὸ
(с. 7)

Ἐγχυματισμὸς Ἄγαθοτόχου πρὸς
αὐτὸ (с. 14)

⁸ См.: Липшиц Е. Э. Геопоники и их автор. — В кн.: Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. М.; Л., 1960, с. 12—13.

⁹ Ihm M. Die Hippiatrika. — Rheinisches Museum für Philol., 1892, Bd. 47, H. 2, S. 315.

¹⁰ Ibid., S. 313—314.

¹¹ Τῶν Ἱππιατρικῶν βιβλία δύο. Veterinariae medicinae libri duo, a Joanno Ruellio Suessionensi olim quidem latinitate donati, nunc vero iidem sua, hoc est Graeca, lingua primum in lucem aediti. Basiliae; Valderum, 1537, [6], 307 p.

¹² Miller M. Notice sur le manuscrit grec N 2322 de la Bibliothèque impériale contenant le Recueil des ἹΠΠΙΑΤΡΙΚΑ. — In: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale et autres bibliothèques, publiés par l'Institut impériale de France. P., 1865, t. 21, pt. 2, p. 1—163.

Таким образом, в рукописи XI в. отсутствует единое оформление библиографических ссылок, которое было характерно для рукописи X в., выполненной, что наиболее вероятно, по заказу императора¹³.

Анализ библиографических ссылок в «Геопониках» и в двух вариантах «Гиппиатрики» позволяет сделать вывод об определенном единообразии в оформлении ссылок в «Геопониках» и варианте «Гиппиатрики» X в. в отличие от варианта XI в. Здесь мы видим дополнительный аргумент в пользу того, что окончательное оформление «Геопоник» и первоначального варианта «Гиппиатрики» произошло одновременно, скорее всего в X в.

Анализ зоологической энциклопедии проводился по изданию С. П. Лампроса¹⁴. Ее заглавие давало основание приписывать авторство самому Константину Багрянородному. Сам С. П. Лампрос отвергал эту точку зрения¹⁵. К. Крумбахер считал данную энциклопедию дополнением энциклопедий по вопросам сельского хозяйства и медицины¹⁶.

В зоологической энциклопедии ссылки начинаются с § 283 2-й книги. Если несколько параграфов подряд принадлежат одному автору, ссылка дается только перед первым параграфом. Ссылки во второй части энциклопедии, как правило, не пропускаются, и, таким образом, почти все эксперпты документированы. Особенность библиографического аппарата заключается в том, что ссылки обычно единообразны только для каждого из цитируемых авторов, но в целом, в отличие от других энциклопедий X в., не унифицированы. Используются следующие типовые ссылки: «Аристофана», «Из Тимофея», «Из Аристотеля о необычных изречениях», «Из Шестоднева святого Василия». Однако имеются отдельные отклонения даже от этой схемы: «Из Аристофана» (§ 409—410) вместо типового «Аристофана».

Анализ ссылок и их сопоставление со ссылками в «Геопониках» и в «Гиппиатрике» показывает, что прямая связь между зоологической энциклопедией и энциклопедией по сельскому хозяйству отсутствует: видимо, они были подготовлены разными составителями.

Сборники эксперптов из произведений по медицине и по питанию также были составлены по указанию Константина Багрянородного¹⁷. От ранее рассмотренных энциклопедий они отличаются полным отсутствием библиографического аппарата, но структура обеих энциклопедий одинакова. Обе состоят из тематических глав. В медицинской энциклопедии название главы предшествует ее порядковому номеру, в энциклопедии питания — обратный порядок, например: «О головной боли. Глава 10» и «Глава 71. О спарже». Общим энциклопедиям предшествует посвящение Константину Багрянородному.

В энциклопедии питания типовое введение имеется перед каждой из двух сохранившихся книг. Сравнение введений говорит об их сходстве. Этот факт приводится как одно из доказательств того, что у обеих энциклопедий был один составитель¹⁸. О том же косвенно свидетельствует и отсутствие каких-либо библиографических списков или ссылок.

Анализ библиографического аппарата энциклопедий, подготовленных по заказу Константина Багрянородного, показывает, что составители не получали общих указаний об их библиографическом оформлении. Однако в пределах каждой энциклопедии оно имело характерные черты. Это позволяет использовать библиографический аппарат и даже факт его отсутствия как средство атрибуции.

¹³ Cohn L. Bemerkungen zu den Konstantinischen Sammelwerken. — BZ, 1900, Bd. 9, S. 158; *Idem*. Constantinus VII... — RE, Hbd. 7, col. 1037.

¹⁴ Excerptorum Constantini de natura animalium libri duo / Ed. S. P. Lampros. B., 1885, XX. 282 p.

¹⁵ *Ibid.*, p. XVII.

¹⁶ Krumbacher K. *Op. cit.*, p. 263.

¹⁷ Анализ проводился по следующим изданиям: *Theophrasti Nonnis Epitome de curatione morborum, graece et latine* / *Ope codicum manuscriptorum recensivit notasque adiecit Io. Steph. Bernard. Gothae*: C. W. Ettinger; Amstelodami: J. St. von Esveldt Holtrop et soc., 1794—1795, t. 1—2; ΑΝΩΝΥΜΟΥ ΠΕΡΙ ΧΥΜΩΝ ΒΡΑΜΑΤΩΝ ΚΑΙ ΠΟΜΑΤΩΝ (Anonymi de alimentis). — In: *Physici et medici graeci minores* / I. L. Ideler. B., 1842, Bd. 2, p. 257—284.

¹⁸ Cohn L. Bemerkungen..., S. 155.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М.: МГУ, 1981. 231 с.

В монографии С. П. Карпова впервые в советской и зарубежной историографии предпринята успешная попытка в комплексе рассмотреть связи Трапезундской империи с западноевропейскими государствами, оценить значение этих связей для экономического развития Понтийского государства, его городов.

Во Введении кратко охарактеризованы обстоятельства возникновения Трапезундской империи в 1204 г. Автор указывает прежде всего на длительные традиции децентрализации, локальной обособленности области Понт, несовпадение интересов торгово-ремесленных кругов Константинополя и Трапезунда, стеснительность мелочной опеки византийской столицы для местных динатов, купцов и ремесленников. Распад Византии под ударами крестоносцев в 1203—1204 г. и военная поддержка со стороны царства Тамар сыграли стимулирующую роль в образовании Трапезундской империи. С. П. Карпов характеризует географические, политические и экономические условия существования Трапезундской империи в XIII—XV вв.

В основу работы положено изучение архивных материалов Венеции и Генуи, рукописей итальянских и советских собраний, широкого круга опубликованных источников — византийских, трапезундских, западноевропейских, славянских и восточных. Их четкая классификация дана во Введении (с. 12—16).

В I главе анализируется экономическая роль Трапезунда как одного из крупнейших черноморских городов-эмпориев. Сохранив преемственность византийских традиций и институтов, Трапезунд с самого начала удачно приспособился к потребностям крупной международной торговли, проходившей через его территорию, не утратив при этом хозяйственной самостоятельности (с. 18). Причинами оживления его экономической активности в XIII—XV вв. автор считает: 1) освобождение от обременительного хозяйственного контроля Константинополя, сдерживавшего рост провинциальных городов; 2) заинтересованность феодалов Понта в участии в торговле и извлечении выгоды из нее при помощи коммерции; 3) увеличение спроса на полезные ископаемые и некоторые продукты ремесла и сельского хозяйства Понта на международном рын-

ке; 4) изменение левантйских торговых путей, делавшее Трапезунд основным перекрестком торговли Запада и Востока.

В монографии изучены, насколько позволяли источники, основные отрасли ремесленного производства и сельского хозяйства империи. Из сравнения предметов производства и товаров сделан вывод, что лишь часть местной продукции получила широкий сбыт. Международная торговля на Понте имела посреднический характер, далеко выходя за пределы операций собственно трапезундскими изделиями и продуктами (с. 35). Примечательно, однако, участие в этой международной торговле трапезундского купечества, составившего значительный и сильный слой. Достаточно развитой была и трапезундская навигация. Хотя ключевые позиции в коммерции сохранялись у итальянских предпринимателей, продолжали развиваться также местные ремесло и торговля. Венецианцы и генуэзцы широко кооперировались с трапезундскими греками, но временами столкновение интересов между ними приводило и к серьезным конфликтам. В Трапезундской империи, в отличие от Византии, удерживался налоговый контроль за международной торговлей. Это и обеспечивало высокие поступления в казну, и оберегало интересы местных торгово-предпринимательских кругов от иностранного засилья и конкуренции.

Транзитная торговля стимулировала и рост местного ремесла, правда лишь отдельных его отраслей; она была мало и однобоко связана с внутренним рынком и не могла радикально влиять на производство, содействуя равномерному подъему экономики государства. Автор отрицает наличие каких-либо ростков раннекапиталистических отношений в Трапезунде (с. 42).

Во II главе рассматриваются отношения Трапезундской империи и Венеции в конце XIII—XV в. Их зарождение С. П. Карпов относит к 90-м годам XIII в., а расцвет — к 20—40-м годам XIV в. Права венецианской фактории в Трапезунде были оформлены хрисовулом императора Алексея II в 1319 г. Венецианцы получили значительную территорию для поселения и статус экстерриториальности — на условии признания суверенитета императора. Были детально регламентированы

те налоги, которые взыскивались с венецианцев при ввозе, вывозе и продаже товаров. Хотя это было привилегированным обложением, все же фискальной свободой венецианцы никогда в Трапезунде не обладали. Трапезунд стал для них основным центром торговли с Персией.

Поскольку фактическая основа отношений Трапезундской империи и Венеции (а также и Генуи) не была выявлена в историографии, автор уделяет этому большое место, останавливаясь на происходивших конфликтах и столкновениях, на дипломатии обеих сторон, объясняя причины конфронтации и условия мирных договоров. До начала гражданской войны в Трапезундской империи (1340—1355 гг.) положение венецианского купечества было весьма стабильным. Выгоды от интенсивной в эти годы торговли намного перевешивали ущерб от конфликтов, в основном незначительных (с. 54). Гражданская война в империи, кризис левантской торговли, наступивший во второй половине XIV в., обострившееся соперничество с Генуей нарушили стабильность торговых и политических отношений Венеции с Трапезундом. Венецианцы пытались возместить торговые потери, добившись более выгодного для них фискального режима в черноморских портах, прежде всего Трапезунде; они нетерпимо относились ко всем проявлениям недружеских акций, к нарушениям привилегий, нанесению материального ущерба своим купцам. Все это в сочетании с активным противодействием нажиму и нежеланием трапезундской стороны платить компенсации привело к серьезным конфликтам. В 1364 г. венецианцы получили хрисовул Алексея III, фактически урезавший их привилегии и предоставивший им меньшую по размеру территорию. В 1367 г. посольство Шьетро Дальмера смогло добиться некоторых уступок и нового пожалования, но это не предотвратило назревавшего военного столкновения, которое и произошло в 1374—1376 гг. Для морской экспедиции против Трапезунда Венеция использовала большой флот и достигла главной цели: снижения вдвое всех видов коммерческих (впрочем, отменить их вовсе ей так и не удалось). На основе заключенного в 1376 г. договора и полученного тогда же, а не в 1391 г., как считалось ранее, хрисовула строились все дальнейшие отношения Венеции и Трапезундской империи вплоть до падения последней в 1461 г. Медленная стабилизация торговли началась в первой четверти XV в., сменившись новым расцветом в 20—40-х годах XV в. В главе тщательно изучены условия навигации «вооруженных» галей Венеции в Трапезунд по данным инканти (сумм, за которые галии брались на аукционе частными предпринимателями у республики для проведения строго регламентированной навигации). Инканти отражают степень заинтересованности патронов и купечества в проведении каравана судов по данному, предписанному Сенатом, маршруту. В инканти опосредованным образом отражены прилив и изъятие капиталов (с. 88).

В главе III освещены отношения Трапезундской империи и Генуи. Возникновение генуэзских факторий на территории империи автор относит к 70-м годам, а в самом Трапезунде — к 80—90-м годам XIII в. Первый серьезный генуэзско-трапезундский конфликт произошел, как доказывает автор, в 1304 г. Генуэзцы попытались силой оружия добиться отмены торговых пошлин и потерпели сокрушительное поражение. В 1313—1314 гг. военные действия не ограничились Трапезундом, а были перенесены и на форпост генуэзского владычества на Черном море — в Каффу, куда отправился совместный флот Трапезундской империи и Синопского эмирата. Договор 1314 г. и дополнения к нему 1316 г. устанавливали положение статус-кво и предусматривали взаимные репарации. Главным приобретением генуэзцев была новая территория для устройства фактории. Заключенный в 1314 г. мир сохранялся до конца 40-х годов XIV в. В дальнейшем серьезные военные столкновения имели место в 1348—1349, 1406 и 1415—1418 гг. Несмотря на ряд поражений, трапезундские императоры, прибегая к тактике проволочек, опираясь на систему политических союзов то с османами, то с венецианцами, то с Ак-Коюнлу, пользуясь тем, что действия генуэзцев были не всегда координированными, сумели избежать разгрома городов империи более сильным противником, отстоять хозяйственную самостоятельность своего государства и налоговый контроль над иностранной коммерцией. Любопытно, что трапезундские долги и репарации генуэзцам систематически не выплачивались; к 1458 г. они составили «круглую» сумму — 17 077 генуэзских лир grosсов (на с. 119 — опечатка: вместо лир — аспры). Автор отмечает, что генуэзцы постепенно меняют тактику в отношении к Трапезундской империи, все шире применяя методы таможенной войны, что, кстати, указывает на значительность масштабов взаимной торговли, в том числе и трапезундской — в черноморских владениях Генуи (с. 118).

В главе IV проанализированы отношения Трапезундской империи с папством, зародившиеся, как доказывает автор, в середине XIII в. (с. 124), когда началось интенсивное проникновение католических миссионеров на Восток. К концу XIII в. на территории империи возникают католические монастыри и кустодии. Правительство империи не препятствовало этому, хотя выдерживало последовательно антиуниатский курс, мешавший также сближению и с Византией в правление Михаила VIII Палеолога. В главе изучена история латинской епископии в Трапезунде, деятельность которой была связана с католической пропагандой и миссионерской практикой на Ближнем Востоке, а также с потребностями религиозного обслуживания западноевропейского купечества в городах-эмпориях. Пропаганда же союза церквей применительно к Трапезунду до 30-х годов XV в. имела декларативный характер. С конкретным предложением об унии церквей папа Евгений IV обратился к трапезундскому

императору впервые в 1433 г. (с. 136). Совместные усилия византийской и папской дипломатии обеспечили участие трапезундских представителей в Ферраро-Флорентийском соборе. И хотя трапезундский митрополит Дороеф подписал заключительный акт собора об унии, практически со времени подписания она не соблюдалась в империи. В наибольшей степени внимание пап к Трапезунду было обращено после 1453 г., когда вокруг Трапезунда начала складываться лига восточных государств, стремившихся к отражению османского натиска. Пий II рассчитывал на эту непрочную коалицию, готовя крестовый поход против турок, которому так и не суждено было осуществиться. В главе рассматривается история миссии миторита Лудовико да Болонья на Восток и подложного посольства «восточных государей» к папе и западноевропейским правителям (с. 143—145). Падение Трапезунда в 1461 г. было ударом для восточной политики пап.

В V главе подробно проанализированы единичные данные о контактах Трапезундской империи с Англией, Францией, Бургундским герцогством, Кастилией, Флорентийской республикой, а на заре Трапезундской государственности — с Латинской империей. По мнению автора, эти факты укладываются в рамки истории так называемых «поздних крестовых походов» (с. 147). Возможно, исключением

были лишь отношения с Флоренцией, устремлявшейся в Левант особенно активно с 30-х годов XV в. Вопрос об устройстве флорентийской фактории на Понте был решен в 1460 г., но для его реализации уже не оставалось времени (с. 160—161). В главе рассмотрены отклики в Европе на падение Трапезундской империи, представления о ней в европейской художественной литературе.

«Небольшое Понтийское государство, почти всегда окруженное явными или потенциальными врагами, имевшее весьма ограниченные собственные ресурсы, сумело в течение двух с половиной веков, наполненных трагическими событиями в Малой Азии, выжить и сохранить независимость» (с. 169). В числе причин этого, как убедительно доказал С. П. Карпов, были удачная внешняя политика империи, система ее хозяйственных связей, развитые и процветающие города.

Монография содержит ряд приложений: хронологические списки трапезундских императоров, а также венецианских байло, генуэзских консулов (имена которых в значительной степени выявлены самим автором по архивным материалам). Там же дана сравнительная таблица коммерции, взыскиваемых с итальянских купцов в Трапезунде, и график инканти.

З. В. Удальцова

Laiou - Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth—Fifteenth Centuries. — DOP, 1980—1981, vol. 34/35, p. 177—222.

Профессор Гарвардского университета А. Лайу-Томадакис в большой обобщающей статье анализирует развитие византийской экономики в XIII—XV вв., ее место в средиземноморской торговой системе. При этом автор исходит из совершенно справедливой посылки о неразрывности экономических связей всего Восточносредиземноморского региона (от Италии до черноморских берегов), существовавшей в ту эпоху.

Американская исследовательница осознает необходимость коррекции господствующего в историографии положения о том, что итальянская торгово-предпринимательская деятельность разрушила византийскую торговлю и города, вытеснила византийское купечество с левантийских рынков. Такой взгляд, по мнению А. Лайу-Томадакис, отчасти идет от латинофобских суждений самих византийских писателей, творивших в эпоху острых политических кризисов. Однако он не разграничивает судьбу византийского государства, слабого и бедного в эпоху Палеологов, от судьбы византийских торговых слоев и аристократии, располагавших немалыми средствами, не учитывает данных, выявленных в последние годы благодаря публикациям и исследованиям нотариальных актов и других итальянских экономических источников (с. 187—188).

С 70-х годов XX в. намечается тенденция к пересмотру упомянутой концепции. Поиски в этом направлении осуществляли

и другие ученые¹. Многие из их публикаций, вышедшие почти одновременно со статьей Лайу-Томадакис, не могли быть учтены ею, но примечательно совпадение ряда выводов, к которым приходят, на

¹ Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. B., 1971; *Idem*. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981, S. 142—273; *Idem*. Bemerkungen zu den sozialen Trägern des spätbyzantinischen Seehandels. — Byzantinobulgarica, 1981, VII, S. 253—261; *Idem*. Geldgeschäfte, Handel und Gewerbe in spätbyzantinischen Wirklichkeit. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. B., 1979, Bd. 3, S. 181—204; *Oikonomidēs N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe ss.). Montréal, Paris, 1979 (ср. нашу рецензию: ВВ, 1981, 42, с. 237—238); *Maksimović L.* Charakter des sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt 13.—15. Jh.). — JÖB, 1981, Bd. 31/1, S. 149—188; *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XV вв.). — ВО. М., 1977, с. 79—106; *Он же.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М.,

пример, Н. Икономидис, Л. Максимович и американская византистка. Как и другие исследователи, Лайу-Томадакис отмечает возрастание активности византийского купечества, укрепление его сотрудничества с итальянцами в период с конца XIII до середины XIV в.² С интересами греческого купечества считались правительства и Апокавка, и затем Иоанна VI Кантакузина. За тот же период увеличилась доля византийцев среди предпринимателей, ведущих черноморскую торговлю. Греки интегрировались в экономическую жизнь Килии и других итальянских факторий (с. 210—211), где оседали на постоянное жительство или на длительный срок (с. 220—221). До 40-х годов XIV в., полагает автор, нельзя говорить о монополии генуэзцев в снабжении Константинополя зерном и продовольствием (с. 192—193). Разделение труда в импортно-экспортной торговле региона и единый механизм ценообразования оставались стабильными, что благоприятствовало развитию коммерции.

И все же экономика Византии была, как считает Лайу-Томадакис, обречена на стагнацию. Причины такого положения она видит в том, что византийское купечество занимало подчиненные позиции в торговле; оно не смогло овладеть ее ключевыми пунктами, не располагало капиталами, сравнимыми с итальянскими, не контролировало торговые пути и оставалось по сути дела периферийным. Греческое купечество не смогло пробиться на рынки Западной Европы, в то время как генуэзцы и венецианцы определяли экономическую ситуацию на Леванте. Греческая торговля в основном обслуживала итальянскую, перенимая ее формы и методы³. Лайу-Томадакис рассматривает также (довольно традиционно) проблему торговых привилегий итальянцев на территории Византии⁴ и меры визан-

тийского правительства, направленные на регулирование хлебной торговли в интересах, как она думает, «городского потребителя, розничного торговца и, в меньшей степени, производителя» (с. 213). Новым в работе является показ того, что вплоть до конца XIV в. продолжался экспорт зерна из Константинополя, Месемврии, Фракии и что этот экспорт иногда доминировал даже над экспортом из Каффы (с. 218—219). В хлебную торговлю были вовлечены византийская аристократия и сам император.

Признавая справедливость многих выводов исследовательницы, нельзя не отметить, что причины упадка Византии в XIV—XV вв. в значительной мере коренились в состоянии ее ремесленного производства, которому в статье уделено лишь небольшое место. Византийская торговля не опиралась на солидный базис ремесленных цехов и потому все более ориентировалась на сбыт сельскохозяйственной продукции и посредническую торговлю. Вместе с тем рост потребления привозных итальянских тканей приводил ко все возрастающему торговому дефициту, особенно ошутимому по мере сокращения сбыта продовольственных товаров. Лайу-Томадакис освещает византийскую торговлю в разных центрах, включая Балканы. Однако она не всегда выделяет региональную специфику, которая, по нашему мнению, в тот период была весьма значительной⁵. Константинопольский тип развития в XIII—XV вв. не идентичен византийскому варианту вообще. Да и можно ли говорить применительно к этому периоду — наступления феодальной раздробленности, отсутствия единого внутреннего рынка — о некоем общевизантийском варианте?

Представляется сомнительным и вывод автора о том, что для византийских греков был строго лимитирован доступ в главные черноморские фактории итальянцев, прежде всего в Каффу и Тану, в то время как они могли торговать во второстепенных пунктах (с. 211). По договорам итальянцы признали принцип паритета и

1981; *Он же*. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города. — ВВ, 1983, 44.

² Ср.: *Oikonomides N.* Op. cit., p. 35—41, 53—128; *Карнов С. П.* Особенности. . . , с. 101—103; *Он же*. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII — первой половины XV в. — *Byzantinobulgarica*, 1981, VII, с. 239—245.

³ Подобный вывод был сделан нами ранее в отношении к купечеству Трапезундской империи. См.: *Карнов С. П.* Особенности. . . , с. 105—106.

⁴ В последние годы по этому поводу высказывалось мнение, что предоставление итальянцам широких торговых привилегий было оправданной экономической мерой, рассчитанной прежде всего на то, чтобы вернуть в Константинополь поток товаров с конкурирующих с ним рынков Леванта, сделав это с минимальным ущербом для местного производства. См.: *Gadolin A. R.* Alexis I Comnenus and the Venetian trade privileges: a new interpretation. — *Byz.*, 1980, L/2, p. 439—446; *Le Barre Staren-sier A.* An economic defence of the

Comnenian and Paleologue policy of granting commercial privileges: a model based on the medieval international silk trade. — In: *The Vth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers.* Dumbarton Oaks; Washington, 1979, p. 29—30.

⁵ См., например: *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы). — ВВ, 1974, 36, с. 25—26; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967; *Eadem.* Aspects sociaux et économique de la décadence des villes byzantines à l'époque des Paléologues. — In: *Actes du XIVe Congr. Intern. des Etudes Byzantines.* București, 1975, t. 2, p. 127—131; *Eadem.* La littoral et l'arrière-pays de la Mer Noire au XIIIe—XVe s. (Aspect économique, commercial et politique). — *Byzantinobulgarica*, 1981, VII, p. 221—227.

допускали греков во все контролируемые ими пункты. Об этом свидетельствуют материалы массарий Каффы, документы о торговле в Тане⁶. Другое дело, что

⁶ *Balard M. La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978, vol. I, p. 269—277, 310—354; Карпов С. П. Трапезундская империя... с. 36—38. Статистический материал для оценки роли местных купцов и греческих купцов Константинополя и Южного Черноморья в коммерции Каффы, Таны и других эмпориев и портов Северного Причерноморья может*

экономически византийские купцы не всегда могли эффективно воспользоваться своими правами.

Работа Лайу-Томадакис, синтезируя имеющийся материал, побуждает к дальнейшему исследованию инфраструктур византийской экономики, внутрирегиональной торговли, специфики отдельных областей как самой Византии, так и Латинской Романии

С. П. Карпов

быть почерпнут из анализа массарий Каффы, хранящихся в Генуэзском государственном архиве.

M a t s c h k e К. Р. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar: H. Böhlau Nachf. 296 S.

С давних пор в медиевистике был распространен тезис о постепенном упадке Византийской империи, упадке, продолжавшемся целые столетия и особенно наглядно проявлявшемся в эпоху османского нашествия на Балканы¹. Тем не менее — что вполне понятно — в историографии уже неоднократно обращали внимание на поразительную устойчивость Византии, столь ослабленной после успешных османских завоеваний XIV в.; с этим было связано и рассмотрение определенных мероприятий византийского правительства (например, частичной секуляризации монастырских имений после 1371 г.), попыток вернуть во второй половине XIV в. утраченные территории на Черном и Эгейском морях². Однако особого внимания в данном плане, без сомнения, заслуживает «передышка», полученная Византией после сокрушительного разгрома османского султана Баязида I войсками Тимура (в битве при Анкаре 28 июля 1402 г.) и знаменовавшая восстановление прежних (до завоеваний Баязида) позиций империи.

Эта «передышка» стала предметом специального исследования лейпцигского византиниста Клауса Петера Мачке, который осуществил в своей монографии анализ не только внешнеполитического положения государства после Анкарской битвы, но и важных проблем его внутренней истории, социально-экономических процессов начала XV в. В соответствии с этим он рассматривает вначале те оценки, которые были даны самой Анкарской битве и ее последствиям для Византии и для Османской державы как современниками, так и учеными-византинистами; причем, в действительности вводная глава (с. 9—39) гораздо шире и глубже ее темы, поскольку вводит читателя в курс тех альтернатив, которые

стояли тогда перед византийскими государственными деятелями, их программ «реконквисты» и поисков средств и наилучших путей к ее реализации. В то же время автор характеризует здесь суждения, которые в византиноведении неразрывно связывали эту «передышку» с кардинальным вопросом о судьбе Византии, о том, был ли у нее тогда реальный шанс, чтобы выжить, выстояв в борьбе с османскими завоевателями и латинской экспансией.

Закономерен поэтому переход автора — во второй главе (с. 40—141) — к детальному разбору Галлиполийского договора 1403 г. и анализу его результатов для османо-византийского соотношения сил в течение двух первых десятилетий XV в. Справедливо указывая, что договор был заключен Иоанном VII, а вовсе не Мануилом II (с. 40—41), К. П. Мачке обращает внимание в данной связи на то, что именно Иоанн VII в силу договора стал «отцом» (в формально-иерархическом смысле) нового султана Сулеймана, сына Баязида I, причем эта иерархическая конструкция сохранялась еще при Мехмеде I, т. е. вплоть до 1421 г. Разумеется, для реального взаимоотношений Византии с османами была гораздо важнее, в особенности в период ожесточенной борьбы наследников Баязида, не номинальная зависимость султанов от их ромейских «отцов», а вполне конкретные размеры тех территориальных приобретений Византии (т. е. Салоник с прилегающими землями, далее — черноморского побережья и др.), которые были закреплены по данному договору и, видимо, даже отчасти расширены в результате политики Мануила II (примечательно, что это встречало недовольство Венеции — с. 60—61). Рассматривая далее вопрос о дани османов — в пользу Византии, Фессалоники — в пользу Порты, перипетии борьбы за Галлиполи, состояние византийского флота и укреплений после 1402 г., автор следующим образом резюмирует итоги изучения всего этого сложного круга проблем: попытка вернуть прежнее преобладающее положение Византии по отношению к османам была безуспешной, договор 1403 г. не стал исходным пунктом для завоевания новых позиций, причем причины этому различны и, видимо, не

¹ Ср.: *Курбатов Г. Л. История Византии: Историография. Л., 1975, с. 36, 40, 116 и др.*

См.; например: *Острогорски Г. Сабрана дела. Београд, 1969, кн. 1, с. 260 и сл.; Наумов Е. П. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в. — ВВ. 1964, 25.*

могут быть сведены лишь к отсутствию соответствующих ресурсов у Византии; следовательно, эти вопросы требуют еще дальнейшего исследования (с. 140—141).

Весьма показательно, что, затрагивая уже во второй главе некоторые аспекты финансового и экономического положения империи в начале XV в. (в частности, применительно к проблеме дани туркам и снабжения зерном Константинополя), автор отводит вопросам экономической политики Византии в 1402—1422 гг. всю третью главу (с. 142—238). Не менее любопытно в данном случае и построение: оно состоит из отдельных параграфов, озаглавленных вопросительными предложениями (например: «Император или правитель? „Экономическая политика“ Мануила в 1403—1422 гг. и ее эффект») и содержащих попытку ответить на эти вопросы или же как-то проиллюстрировать определенные процессы развития византийской экономики и общества в тот период. Здесь следует указать также, что эти экскурсы автора служат в известной мере продолжением его предшествующих исследований на тему «прогресс и реакция» в Византии в середине XIV в. (в частности, в византийском городе)³.

Вполне объяснимо также, что в заключительной главе монографии — «Частное, особенное и всеобщее в истории поздней Византии. Попытка общего итога» (с. 239—273) — автор особый упор делает именно на социально-экономические вопросы, хотя известная нам картина византийского общества в начале XV в. «чрезвычайно противоречива и фрагментарна» (с. 266). И тем не менее, разумеется, нам важнее понять, имелась ли перспектива дальнейшего существования империи именно в социально-экономическом плане, поскольку перевес военных сил османов был бесспорен и в начале, и в середине XV в. Общий итог, к которому приходит ученый, таков: действительно, мы имеем дело с процессом упадка Византии в течение ее последнего века, однако упадок этот был не прямолинейным и односторонним, он «иногда и частично был связан с заметным прогрессом» (не только в духовной, но и в социально-экономической сфере), пусть этот временный прогресс и не мог привести к реальному изменению тенденций (с. 270). Более того, стараясь включить всю проблему в контекст истории общеевропейского позднего средневековья, автор полагает, что для гибели Византии решающее значение имело раз-

личие типов общественного развития ее противников, т. е. что «против латинян или османов, вероятно, Византия смогла бы выстоять», но сразу противостоять разным социальным силам не могла (с. 273).

Завершая рассмотрение книги К. П. Мачке, хотелось бы отметить умение автора использовать чрезвычайно обширный и разнообразный материал источников, стремление рассматривать процессы в их сложной диалектике, живой и образный язык. Монография вносит заметный вклад в разработку многоплановых процессов истории Византии в период полученной ею последней «передышки». К числу достоинств книги относится и старание автора тесно связать рассматриваемые события начала XV в. с предшествующей эпохой истории империи (в частности, середины XIV в.), благодаря чему в действительности рамки монографии оказываются более широкими, нежели это вытекает из ее заглавия.

Некоторые положения автора остаются еще гипотетическими (прежде всего ввиду недостатка источников по отдельным вопросам), что он, разумеется, сам осознает и нередко отмечает в книге. Вместе с тем следует отметить и известные пробелы, или недочеты, встречающиеся в монографии. Так, в попытке подведения общего итога применительно к положению византийского крестьянства заметную роль играют суждения о роли и росте «номадизировавших» этнических элементов в византийской деревне той поры, о главных категориях крестьян и их повинностях, наконец, о значении османского завоевания для судеб византийских крестьян (с. 255, 257), однако автор ссылается на работу Э. Вернера и его выводы относительно владык; между тем в поздневизантийских владениях, вовсе не охватывавших внутренние районы Балканского полуострова, владыки в начале XV в. вряд ли составляли заметную категорию населения. Далее, если говорить об оценке византийскими деятелями той поры причин Анкарского поражения османов и «передышки» для империи, то, быть может, не следовало так резко разделять сугубо конфессиональные и политические мотивы, определившие позицию, например, самого императора Мануила и других его современников (с. 14). Конечно, эти замечания несколько не умаляют научной значимости проведенного исследования, которое во многом по-новому освещает нам судьбы Византии в начале XV в.

Е. П. Наумов

³ Ср., например: ВВ, 1980, 41, с. 274—276.

Средневековият български град. София: Българско историческо дружество, 1980.

Представляемый сборник содержит доклады и сообщения, прочитанные на конференции, состоявшейся 4—6 апреля 1979 г. в г. Велико Тырново. Тематически он подразделяется на три части: общие проблемы средневекового болгарского города, проблемы изучения болгарских средневековых столиц и других городов и крепостей.

Первый раздел состоит из теоретических статей, написанных ведущими болгарскими медиевистами, которыми рассматриваются вопросы становления болгарского средневекового города, особенности формирования городских центров в Северной и Южной Болгарии, роль и значение влияния византийской культуры на процесс развития городов страны.

Сборник открывается статьей П. Петрова «Некоторые проблемы средневекового болгарского города». Автор подчеркивает, что только после 9 сентября 1944 г. болгарские исследователи начали изучение вопросов социально-экономического развития Болгарии, приступив к систематическим раскопкам средневековых болгарских памятников. В то же время, пишет П. Петров, пока еще нельзя отметить целостного изучения ни одного средневекового города. А оно необходимо, поскольку «все основные проблемы болгарской истории связаны с городом», в котором была сосредоточена административная, религиозная и культурная жизнь страны; с городом связаны оборона и организация войска, производство вооружения, развитие торговли и ремесла. В соответствии с отмеченными функциями городов выделены основные направления научных изысканий, позволяющие понять город как развивающийся социально-экономический организм. По мнению П. Петрова, город — это поселение, размерами территории и численности населения превышающее остальные селища, это — административный, культурный и церковный центр, часть жителей которого занимается ремеслом и торговлей, при этом не исключаются и такие занятия, как земледелие и скотоводство; городу принадлежит зависимость от него территория, где, помимо сельскохозяйственных занятий, могли существовать ремесла и торговля.

П. Петров говорит о неточной терминологии источников, использующих такие понятия, как «город», «градац», «крепость» и «пристанце», «хисарлык» и «кале». На употребление перечисленных терминов оказали влияние характер описания населенного пункта, осведомленность автора и другие причины, приводившие к тому, что большие города иногда названы в источниках крепостями и наоборот.

В связи с этим одна из центральных задач болгарской урбанистики — функциональное изучение поселений, что позволит выделить те из них, которые по совокупности признаков могут считаться городами. На первое место П. Петров ставит административную функцию, в том числе вопрос о соотношении гражданской и церковной администрации. Другой круг вопросов связан с изучением города как центра ремесла и торговли. Отличия болгарского средневекового города от западноевропейского (более позднее происхождение последнего — XI—XII вв.); многочисленность городов в Болгарии (как и в Византии) в раннее средневековье — все это вызывает необходимость постановки вопроса о характере болгарского города, о том, что являлось базой для его возникновения.

До некоторой степени ответ на последний вопрос содержится в статье Д. Ил. Димитрова «Возникновение городских центров в Северо-Восточной Болгарии». В конце V—первой половине VII в. многие из существовавших в Северо-Восточной Болгарии городов, указывает автор, были разрушены, пострадали и такие крупные города, как Марцианополь и

Одессос. Возникшие в VII в. раннеславянские селища никогда не располагались здесь на месте старых центров. Процесс возникновения болгарских городов начинается только в IX—X вв. Он является результатом экономического развития заселенной в VII в. территории. В связи с этим, подчеркивает Д. Ил. Димитров, мнение, будто Дуруструм после его захвата сохраняет свое значение в качестве укрепленного городского центра, не убедительно. Новое население, как показывают материалы раскопок, только в VIII—IX вв. приступает к строительству оборонительных сооружений, по своему плану и конструктивным особенностям не имеющих ничего общего с позднеантичными городскими стенами. Строительство начинается одновременно с возведением монументальных сооружений в Плиске, свидетельствующим о развитии местной строительной традиции.

Другой пример — история Варны. Многолетние исследования территории, которую занимал позднеантичный Одессос, показывают, что после разрушений середины VII в. он прекратил свое существование как городской центр. Жизнь здесь возобновляется только в XI в. Новое население (славяне, праболгары) селится не на территории Одессоса, а в местности так называемой «Варны неподалеку от Одессоса», о чем свидетельствуют Феофан и Никифор. Первоначально на берегу Варненского озера возникает ряд значительных по своим размерам селищ, позднее появляется болгарский укрепленный центр, названный Варна. После возрождения жизни на территории Одессоса в период византийского господства (XI в.) это имя было перенесено и на вновь возникший город.

Исследователь выделяет основные этапы развития болгарского города: первоначально возникали большие укрепленные лагерь, окруженные земляными валами. Они являлись военно-административными центрами, вокруг которых располагались неукрепленные селища. Некоторые из них к первой половине IX в. постепенно превращаются в торгово-ремесленные пункты, в это же время вокруг военно-административных центров возводятся каменные оборонительные сооружения. Мало-помалу отдельные военно-стратегические пункты благодаря развитию ремесла и торговли превращаются в города.

Таким образом, этот процесс, по мнению Д. Ил. Димитрова, не был продолжением старой традиции, хотя позднее, с ростом контактов с соседними странами, прежде всего с Византией, городская жизнь в Болгарии испытывает сильное чужеземное влияние.

Отсутствие преемственности в развитии городов отнюдь не характерно для всей территории исторической Болгарии. Раскопки крепостей Южной Болгарии (раннесредневековые крепости на территории Хасковского округа) позволили Д. Аладжову сделать вывод о развитии болгарской строительной традиции, на которую не могли не оказать влияния достижения ранневизантийской эпохи.

О непрерывном существовании Старой Загоры (Иринопольс-Берое) с VI по XII в. пишет Д. Янков. Будучи городским центром, она на протяжении всего рассматриваемого периода развивалась в пределах античных крепостных стен. В политическом отношении значение города определялось тем, что он был расположен в пограничной зоне болгарских и византийских владений и потому неоднократно переходил из рук в руки.

Непрерывность существования города позволили выявить археологические исследования в Пловдиве-Филиппополе; их результаты обобщены в статье Х. Джамбова «Средневековый Пловдив по данным последних археологических раскопок».

О влиянии византийской культуры на городскую жизнь пишет Г. Цанкова-Петкова в статье «Судьба болгарского города в период византийского господства». После захвата болгарских земель, отмечает автор, на смену болгарским правителям областей (комитатов) приходят византийские стратеги, дуки, архонты — греки по национальности. В духовной жизни города развивались тем не менее два направления: официальное, шедшее от византийской церкви и администрации, и народное. По мнению Г. Цанковой-Петковой, в производственной жизни можно проследить прямую континуитет. К сожалению, тезис о городе как экономическом центре не получил развития в статье.

Рассмотрению одной из функций болгарского города посвящены статьи Д. Ангелова «Средневековый болгарский город как церковный центр» и А. Кузева «Развитие городов и создание новых епархий во Втором Болгарском царстве».

Несмотря на значительные успехи в области изучения истории болгарских городов, отмечает Д. Ангелов, сравнительно слабо освещенным остается вопрос об их значении как религиозных центров. Начало тесной связи города и церковных учреждений восходит к IV в. С этого времени город, являясь местом сосредоточения населения, становится центром религиозной пропаганды. После принятия христианства его значение в этом смысле возрастает, о чем свидетельствует массовое строительство культовых зданий: наряду с монументальными постройками для высших слоев общества сооружались храмы для торговцев, ремесленников и земледельцев. Кроме того, отдельные представители аристократии имели свои церкви.

Превращение города в религиозный центр стимулировало развитие ряда обслуживающих церковные нужды ремесел, часть которых сосредоточивается в монастырях. Это позволяет считать монастыри одним из элементов урбанистической и социальной структуры (монастырь в Патлейне у Преслава).

Значение городов как церковных центров сохраняется в период Второго Болгарского царства. Особая роль в этом отношении принадлежит столице — Тырново, где патриарший комплекс расположен в наиболее высокой части городища. Будучи главным религиозным центром, Тыр-

ново становится и центром борьбы против еретических течений.

А. Кузев подчеркивает различия в религиозной политике в этот период в Северной Болгарии, где был создан ряд новых епархий (в Ловече, Червене, Овече), и в Южной, на территории которой Тырновская патриархия не создала новых кафедр, а иные из существовавших старых епархий были урезаны в правах в пользу вновь созданных. В целом границы церковных владений обуславливались политическими задачами Второй Болгарской державы.

О двух направлениях «варваризации», наступившей в результате вторжения печенегов, узов, куманов в XI в., пишет В. Тышкова-Займова [«Вторая „варваризация“ в Дунайских городах (XI—XII вв.)»]: внешнее — отступление от городских архитектурных традиций в процессе ремонта оборонительных сооружений; внутреннее — влияние вторгшихся племен на культуру и язык болгар, которое не было глубоким и не оставило значительных следов.

Задачи охраны и организации выставок археологических памятников сформулированы в статье Д. Димитровой «Популяризация археологического наследства. Сохранность и экспозиция памятников».

Второй раздел, который включает 15 статей, является обобщением археологических раскопок трех болгарских столиц: Плиски, Преслава, Тырново.

Т. Балабанов («Ремесленное производство и сооружения в Плиске IX—X вв.») отмечает, что в IX—X вв. производственные комплексы существовали во внутреннем городе: это прежде всего металлообрабатывающие ремесла; керамическое же производство было развито значительно слабее. Массовое изготовление керамики осуществлялось в мастерских, расположенных во внешнем городе. Особое значение, по мнению Т. Балабанова, в городской ремесленной жизни принадлежало стеклоделанию: в отличие от металлообработки и изготовления керамики, которые имелись на селе, оно было специфически городским ремеслом; продукция стеклоделов поступала главным образом на рынок. Автор статьи полагает, что первые мастера могли быть приглашены из Византии и использовать привозное сырье. Убедителен вывод, согласно которому первая болгарская столица не имела исключительно аграрного характера: в ней были специализированные ремесленные кварталы, различные мастерские, склады для готовой продукции.

Развитию элементов городской планировки в военных укреплениях и резиденциях ханов посвятил свое исследование П. Георгиев («К вопросу о градостроительстве аулов IX в.»): кроме оборонительных стен, указывает он, к числу городских комплексов относятся бани, открытые при с. Хан Крум, Плиске и Преславе.

В статье К. Пошконстантинова («Гражданские комплексы в Плиске и Преславе») выделены три вида усадеб: комплексы жилых и хозяйственных помещений, расположенные на земле феодала в окрестностях города; усадьбы, состоявшие из

помещений, которые группировались вокруг двора; группы усадеб, отделенные друг от друга дворами. Наиболее распространены были — как в Плиске, так и в Преславе — трехкамерные двухэтажные постройки, в которых нижний этаж использовался для хозяйственных нужд и хранения продуктов. В то же время в результате раскопок открыты комплексы, план и размеры которых нетипичны. Так, одно из зданий в Преславе состояло из двух залов, окруженных с двух сторон небольшими хозяйственными и жилыми помещениями. Собственником этого строения, напоминающего в плане античную виллу, мог быть феодал.

Наиболее полно вопросы градостроительства Преслава анализируются Д. Овчаровым в статье «Возникновение и оформление Преслава как средневекового города (IX—X вв.)». На материале последних раскопок он опровергает мнение о том, что Преслав возник в конце IX—начале X в. как город, созданный по единому плану. Оформление городской планировки Преслава — итог длительного развития, постепенного роста территории. В подтверждение своей концепции Д. Овчаров прослеживает хронологию строительства оборонительных сооружений, обособляя три этапа, в ходе которых на месте крепости (начало IX в.) вырос город.

Судя по названию, развитию и дополнением материалов Д. Овчарова должно было послужить сообщение С. Бояджиева («Некоторые вопросы градостроительства Великого Преслава»), но автор, говоря о росте городской территории и отмечая, что ранний Преслав имел черты планировки среднеазиатского аула, не подтвердил своих тезисов конкретными данными.

Большой интерес вызывает статья С. Витлянова «Данные об обработке железа в центрах Первого Болгарского царства», в которой собран значительный материал, позволяющий считать, что в Плиске существовали кварталы, где размещались мастерские (ср. со статьей Т. Балабанова); производственные сооружения IX—X вв. были открыты и в Преславе, собственником некоторых из них являлся монастырь.

Большая часть статей второго раздела посвящена Тырново. Среди них следует выделить обобщающие статьи Я. Николовой, А. Попова, И. Алексиева и И. Йорданова. В статье Я. Николовой «Тырновоград в свете новых археологических раскопок» дана хронология строительства на территории трех холмов (Царевец, Трапезица и Момина крепость). В V—VI—начале VII в. (первый этап) на Царевце существовала византийская крепость. От VIII—X вв. (второй этап) сохранились остатки селища. На третьем этапе сооружается болгарская крепость, ставшая в 1185 г. центром восстания против Византии. В дальнейшем крепость превращается в столичный город, занявший территорию всех трех холмов. Возражая против выводов К. Миятева, считавшего Трапезицу «священной» частью столицы, автор статьи обращает внимание на тот факт, что и этот холм был засе-

лен и окружен оборонительными стенами. Вне стен находилась только часть городской территории, расположенная на западном склоне холма Момина крепость, где проживало, судя по находкам, ремесленное и сельскохозяйственное население. Особую часть города составляли кварталы для иноземных купцов, также вынесенные за пределы городских стен.

Развивая положения Я. Николовой, А. Попова («О социально-экономическом облике Тырновограда в XII—XIV вв.») выясняет причины, обусловившие социально-экономическое развитие Тырново. На первое место среди них он ставит то обстоятельство, что с 1185 по 1393 г. город был административно-политическим и духовным центром страны. Отсюда — сосредоточение ремесел в городе, превратившее его в крупнейший экономический центр. Раскопанные в Тырново производственные комплексы (по обработке черных и цветных металлов, изготовлению керамики и другие) и отдельные находки позволяют говорить о стандартизации продукции, что служит показателем товарности производства.

Статья И. Йорданова «Характер монетной циркуляции в средневековых болгарских столицах Преслав и Тырново» обобщает результаты находок монет. Анализ нумизматических данных позволил И. Йорданову прийти к убедительным выводам о том, что Преслав уже во второй половине IX в. представлял собой крупный торговый центр, сохранивший свое значение до 30-х годов XII в., когда приоритет перешел к Тырново. До XII в. включительно в обращении находились византийские монеты, с XIII в. начинается массовый выпуск болгарских, ставших преобладающими на денежном рынке. Большую ценность представляет приложение к статье: сводка находок монет в Преславе и Тырново, в том числе и неопубликованных. В то же время сравнительный анализ данных, приведенных в статьях А. Попова и И. Йорданова, вызывает недоумение, заставляя усомниться в достоверности статистики (см. табл.).

О значении Тырново как торгового центра говорит на основании картографического материала XIII—XIV вв. П. Коледаров («Средневековые карты как источник о Тырново»). В статье дано описание каталонских и арабских карт, которые представляют интерес не только для Тырново, но и для других городов, расположенных на территории Болгарии и в целом в бассейне Черного моря.

История раскопок, начиная с 1879 г. и до настоящего времени, освещена в статье П. Славчева «Археологическое изучение Велико Тырново». Основное внимание уделено раскопкам последних лет, в ходе которых были проведены комплексные исследования гражданских и общественных зданий, что позволило поставить и частично решить вопросы исторической топографии Тырново.

Аналізу строительных материалов и строительной техники в средневековом Тырново посвящена статья Т. Овчарова, который отмечает, что тырновская строи-

Т а б л и ц а

Находки единичных монет и монет из кладов в Тырново
(по материалам А. Попова и И. Йорданова)

Место находки	XII в.				XIII в.*				XIV в.			
	ед. нах.		клады		ед. нах.		клады		ед. нах.		клады	
	А. П.**	И. Й.***	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.	А. П.	И. Й.
Тырново, дворец	—	17	—	—	—	144	—	62	—	158	708	708
Другие объекты	—	36	—	53	1959	449	4 400	3880	633	405	—	14
Окрестности	—	—	1229	—	—	—	12 000	—	—	—	—	—

* В кладах наряду с монетами XIII в. обнаружены монеты XII в., но, поскольку последние находились в обращении в XIII в., они включены в таблицу как монеты XIII в.; тем не менее, даже если монетные находки из кладов распределить по векам, статистические данные А. Попова и И. Йорданова оказываются не соответствующими друг другу.

** Материалы А. Попова. *** Материалы И. Йорданова.

тельная традиция распространялась по всей стране.

О высоком уровне техники металлообработки и организации производства свидетельствуют раскопки северо-западного склона холма (А. Писарев — «О вновь открытом ремесленном квартале на холме Царевец»).

Впервые в исследованиях по болгарскому средневековому городу ставит вопрос о грамотности его населения И. Алексиев («О грамотности населения в Тырново»). Автор использует для решения проблемы граффити. По его мнению, около трети населения города было грамотным, причем грамотность не только являлась достоянием верхушки общества, но и была распространена среди рядовых граждан, торговцев и ремесленников.

Народному искусству посвящена статья И. Джамбова («Некоторые тенденции в средневековом искусстве XII—XIV вв.»). Изучение керамических находок из Тырново приводит автора к заключению о существовании местной художественной традиции, выразителем которой были народные массы.

Материалы третьего раздела сборника обобщают результаты археологических раскопок раннесредневековых городов и городов XII—XIV вв. Исключение составляют статьи П. Ангелова «София в староболгарской книге (XI—XIV вв.)», где проанализирована житийная и евангелическая литература, а также грамоты болгарских царей, которые позволяют реконструировать некоторые страницы истории Софии, и статья Н. Ковачева «Названия некоторых укрепленных средневековых селищ как источник об этногенезе болгарского народа». Рассмотрев происхождение названий таких населенных пунктов, как Плиска, Преслав, Шумен, Ловеч и другие, автор делает вывод, что в основе названий лежат праболгарский и славянский языковый субстрат. Н. Ковачев не согласен с исследователями, считающими, что в ходе формирования болгарской культуры существовал

непосредственный языковой контакт с фракийским населением.

Основные итоги 23-летних раскопок Шуменской крепости обобщает В. Антонова («Средневековый город Шумен»). После разрушений VII в. Шумен был восстановлен в IX в. и с этого времени входит в систему болгарских крепостей, охранявших торговые пути. С XII в. Шумен развивается как город с двухчленным делением — на внутренний и внешний.

Три этапа в истории Червена выделяет В. Димова («Градоустройство средневекового города Червен»): V в. до н. э. — римский период, VI—XI вв. — ранневизантийская эпоха и XII—XIV вв. — время, когда Червен становится крупным торгово-ремесленным и административным центром.

На материале письменных источников построен вывод И. Андреева о большой роли Овеча в политической истории Болгарии XIII—XIV вв.: город содействовал вовлечению причерноморских областей под юрисдикцию Тырновской патриархии.

Анализу и периодизации строительства оборонительных сооружений посвящены статьи Е. Мановой («Укрепления Никополя»), Г. Джингова («Фортификационная система Калиакры в XIII—XIV вв.»), В. Василева («Средневековая крепость на мысе Чиракман») и М. Димитрова [«Раннесредневековый Дионисополь (Карвуна)»].

Истории Велбужда посвящена статья М. Сестримской «Развитие некоторых ремесел в Велбужде в XII—XIV вв.». Археологические материалы позволяют сделать вывод о развитии здесь гончарного ремесла, о сельскохозяйственных занятиях жителей города Велбужда.

Значительную роль Калиакры как экономического и стратегического центра с III в. до н. э. до XVIII в. проследживает Л. Бобчева [«Экономическое развитие Калиакры (по данным археологических исследований)»]. В XIII—XIV вв. кре-

пость стала торговым центром; его значение возросло с превращением Калиакры в центр Добруджанского деспотства. Археологические материалы свидетельствуют о большой роли земледелия в экономике города; здесь было развито виноградарство, животноводство, рыболовство, охота. Открыты также железодельные печи, а находки керамики, с одной стороны, говорят о высоком уровне гончарного ремесла, с другой — о широких торговых связях. Это подтверждают и находки монет тырновского и византийского чекана, а также монет из Сербии, Влахии, Венеции и Генуи.

Об едином социально-экономическом и стратегическом комплексе, в состав которого в XI в. входили Асеновград, селища Станимах и Петра, крепости,

защищавшие их, и Бачковский монастырь, пишет Р. Морева («Средневековый город Станимах»). В период Второго Болгарского царства Станимах развивается в типичный средневековый город с двухчленным делением: крепость и предградье с торгово-ремесленным населением.

В целом рассматриваемый сборник статей отражает значительные достижения болгарской медиэвистики в изучении города. Анализ материалов раскопок 19 городов и крепостей, расположенных в различных районах исторической Болгарии, дает основание считать, что многие из задач, сформулированные в статье П. Петрова, успешно разрабатываются болгарскими историками.

А. И. Романчук

Язык и стиль византийской метафрастики (Hunger H. Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias, XI—XIII. Ein Beitrag zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XV. 265 S.)

Подобно тому как в начале XX в., в пору эмансипации византистики из лона классической филологии, эллинисты смотрели на всю византийскую литературу несколько свысока, так и в наше время, еще сравнительно недавно, уже сами византисты относились к метафразам византийской литературной «классики» как к материалу второстепенному. В языковом отношении эти произведения считались ущербными и вульгаризованными (*vulgargriechische*), в историко-культурном — сокращенными переделками, любопытными сами по себе как историко-литературный казус, но не более. Однако последние годы отмечены все более пристальным вниманием и интересом именно к таким метафразам, написанным не столько на обеденном, сколько быденном языке, — языке, близком к повседневной речи, но тем не менее (как показывает новый языковой анализ) литературном, пусть и общеупотребительном. Лингвистам эти сочинения интересны как своего рода звено между отличавшейся пуризмом византийской «классической» литературой (*hochsprachliche Literatur*) и разговорной, близкой к демотической, речью литературы «народной» (*Volksliteratur*). Литературоведам же такие метафразы важны, как показатель тенденции к упрощению «элитарных» в лексико-стилевом плане произведений — сочинений Анны Комниной или Никиты Хониата, — с целью, возможно, приближения их к «массовому» читателю, своего рода расширения читательского круга. Подобный социокультурный подход к предмету связан с интересом современных византистов к социальному фону византийского историко-литературного процесса, со стремлением уяснить социальную природу читательской аудитории и общественную направленность авторского творчества.

Оставшиеся в целом за пределами последних фундаментальных трудов по византийской литературе (и «народноязычной», и «высокого стиля») ¹, метафразы

произведений Никифора Влеммида, Никиты Хониата, а теперь и Анны Комниной стали предметом новейших исследований ².

Книга Г. Хунгера, изданная в серии «Венских византиноведческих исследований», содержит детальный сравнительный анализ языка и стиля мемуаров Анны Комниной и анонимной метафразы их XI—XIII книг (т. III, р. 33.19—132.18, по изданию В. Лейба ³). Сохранившийся текст метафразы впервые издается полностью *en regard* с текстом Анны. В единственной рукописи метафразы утрачены начало и конец, так что сейчас нельзя сказать, было ли это сочинение переложением только указанных книг Анны или же всего текста «Алексиады». Для датировки метафразы существенно последовательная замена термина *Kilixia* у Анны на *Ἀρρηνία*, что могло отражать ситуацию, сложившуюся после изгнания в 1137 г. Иоанном II Комнином Левона Рубенида из Киликии или после признания в конце 50-х годов Торосом вассалитета по отношению к Византии ⁴. Показательно также употребление анонимным метафрастом имени *πατερίνους* (№ 423) вместо *καγάνους* Анны: эта замена могла отражать распространение богомилства из Малой Азии на Запад (сам термин впервые зафиксирован в документе 1179 г.). Нако-

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1, 2.

² Pignani A. Parafrasi o metafrasi (a proposito della Statua Regia di Niceforo Blemmida)? — *Atti Accad. Pontan.*, 1976, v. 24, p. 219—225; Dieten J.-L. van. Bemerkungen zur Sprache der sog. vulgargriechischen Niketasparaphrase. — *Byzantinische Forschungen*, 1979, Bd. 6, S. 37—77.

³ Anne Comnène. *Alexiadae* / Ed. B. Leib. P., 1945. T. 3.

⁴ Характерно, что подобным образом эти этнонимы заменяются и в метафразе «Истории» Никиты Хониата: Dieten J.-L. van. *Op. cit.*, S. 73.

¹ Beck H.-G. *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur*. München, 1971;

неп, исторические интересы метафраста (прежде всего к взаимоотношениям Византии с Западом, с «латинянами»), известная дистанция между ним и, с другой стороны, автором и героями «Алексиады», а также весь историко-литературный контекст эпохи, когда в XIII—начале XIV в. создаются аналогичные переложения Никифора Влеммида, Никиты Хониата, позволяют Г. Хунгеру датировать издаваемое сочинение палеологовским временем или даже периодом Латинской империи. Установить более точные хронологические грани пока невозможно. Текст метафразы восходит к cod. Coisl. gr. 311 сочинения Анны (по Б. Лейбу, — кодекс С), хотя и не является непосредственным списком в этой рукописи.

Почти половину книги Г. Хунгера занимают перечни слов и выражений метафразы, характеризующие изменения текста по отношению к оригиналу «Алексиады». Эти изменения, касающиеся как лексико-грамматической, так и стилистической сторон сравниваемых текстов, имеют решающее значение для определения языкового характера метафразы и представляют наибольший интерес.

Характерны глагольные модификации метафразы. Происходит вытеснение перфективных форм: отмечено 97 случаев замены перфекта аористом, 32 случая — презенсом, 8 — имперфектом, а также 25 случаев замены плюсквамперфекта аористом, 5 — презенсом, 15 — имперфектом (обратных преобразований форм аориста и презенса в перфект насчитывается лишь 4); к тому же в 16 случаях перфектные глагольные формы «Алексиады» заменяются метафрастом именными, адвербиальными и инфинитивными конструкциями. В меньшей степени наблюдается замена будущего времени презенсом или аористом (8 раз).

Показательны и тенденции модального развития глагола, отраженные в метафразе. Оптатив вытесняется формами конъюнктива (55 замен), индикатива (27), отчасти — инфинитива (2), причастия (4) и императива (1). Насчитывается лишь около 30 случаев употребления оптатива метафрастом (включая один, не имеющий эквивалента в тексте Анны). Еще меньшее число раз — лишь 8 — употреблен метафрастом инфинитив (из них трижды — без соответствия в «Алексиаде»): 11 раз инфинитивная конструкция заменяется прямой речью, 97 — придаточными предложениями с личными формами глагола (при этом я насчитал 83 случая употребления конъюнктива), 16 раз — полным изменением выражения. Наконец, можно отметить определенную тенденцию к замене составных префиксальных глаголов простыми бесприставочными формами (123 случая при обратной замене в 12 случаях и 12 префиксальных и составных глаголах «Алексиады», оставленных без изменения).

Что касается отглагольных прилагательных (*adjectiva verbalia*), то на 44 их замены другими конструкциями (чаще всего именем или глаголом в личной форме) приходится 35 отглагольных прилагательных, оставленных без изменения

или новообразованных. Заметна тенденция к преобразованию причастных оборотов: можно насчитать 66 замен причастия придаточными предложениями (но 9 раз происходит обратная замена), 30 — глаголом в личной форме, 8 — именными формами, 3 — инфинитивом; 15 причастий оставлено без изменений.

Как и при упрощении составных глаголов, метафраст предпочитает составным и префиксальным прилагательным бесприставочные (60 раз), хотя 27 прилагательных с префиксами оставляет без изменения. Если говорить о формах степеней сравнения, то, как показывает анализ соответствующих конструкций, количество прилагательных в суперлативе, измененных на позитив, компаратив или другое слово (38), несколько превышает число случаев употребления суперлатива без изменений (15) и обратной замены (2). То же самое можно сказать и о прилагательных в сравнительной степени: 20, заимствованных из «Алексиады», против 17, замененных исходной формой или другим слововыражением.

Модификации же наречия у метафраста имеют «консервативный» характер. Это относится к наречиям на $-\delta\epsilon\nu$: 25 раз они заменяются другими формами (в том числе 16 раз предложными конструкциями); зато насчитывается 81 случай употребления наречий на $-\delta\epsilon\nu$ в соответствии с «Алексиадой» и еще 45 случаев «привнесения» их метафрастом в текст — вместо других форм. Анализ прочих изменений адвербиальных форм позволяет прийти к выводу об усилении предложных конструкций (23 из 41 случая замены). Употребительны у метафраста и обычные для новогреческого наречия на α .

Основные изменения, касающиеся имени, происходят с отглагольными существительными: они заменяются придаточными предложениями (35 раз), инфинитивом (28), личной глагольной формой главного предложения (6), причастиями и др. (10); обратных преобразований насчитывается лишь 3. Наконец, метафраст заменяет немногочисленные формы дательного падежа (7 раз).

Анализ изменений в синтаксисе простого предложения дает следующие результаты. Наблюдается довольно очевидное вытеснение дательного падежа различными предложными конструкциями с винительным (77 случаев) и родительным (46) падежами (главным образом $\epsilon\iota\varsigma + \text{acc.}$, $\pi\rho\acute{o}\varsigma + \text{acc.}$, $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} + \text{gen.}$, $\acute{\alpha}\tau\omicron + \text{gen.}$).

Отмечено 79 случаев замены датива другими конструкциями. Вместе с тем следует иметь в виду 22 случая самостоятельного употребления метафрастом дательного падежа и около 100 дативов «Алексиады», оставленных без изменения. В свою очередь, родительный падеж без предлога вытесняется (87 раз) предложными конструкциями (чаще $\acute{\alpha}\tau\omicron + \text{gen.}$ и $\epsilon\iota\varsigma + \text{acc.}$) или общим изменением фразы (87). Около 80 генитивов «Алексиады» переданы без изменений; употреблено также 6 «новых» генитивов. Наконец, можно проследить тенденцию к вытеснению конструкции *genitivus absolutus* при-

даточными предложениями (23 раза), ее преобразованием в главное предложение (9), другими заменами (15); обратных изменений можно насчитать лишь 4.

Для синтаксиса сложного предложения характерно употребление конструкции θέλω ἴνα + conj: еще один шаг до новогреческой конструкции θέλω νά + ind. Конъюнктивные конструкции с ἴνα употребляются и вместо будущего времени, и в значении императива. Показателен употребляемый метафрастом conjunctivus adhortativus в виде ἄς + conj. (ср. новогреческое образование).

Если в области грамматики все указанные выше изменения имеют черты совершенно определенного языкового развития, то в сфере лексики картина более сложна. Показательнее всего замены имен, прежде всего терминов. Вместо архаизированных социально-политических, военных терминов метафраст употребляет слова, которые мы бы сочли более близкими к новогреческому (ἀκρόπολις Анны — κοιλὰς метафраста, ἀνάκτορα — παλάτιον, ἀσπίς — σκουτάρι(ο)ν, Δῶροστα — δέσποινα, δῆρο — κοντάρι(ο)ν, ἔποχος и ἱππέος — καβαλλάρης или καβαλλικέσας, ἑτεροστόμον. ξίφος — μαννάρα, θυρεός — σκουτάρин, ναῦς и πλοῖον — καράβιον, κάτεργον или μονόξυλον; παρεμβολή — κατονοστόπιον, στρατεύματα или στρατός; σκηνή — κατοῦνα и τέντα).

Эго же можно сказать и об этнонимии ('Ιταλοί — Φράγγοι, Κέλται — 'Αλάμανοί, Κιλικία — 'Αρμενία, Λατίνοι — Φράγγοι, περσιτικός — τουρκιτικός, Σκύθης — Κόμανις).

В других случаях termini technici «Алексиады» заменяются словами более широкого круга употребления или более конкретного значения (αὐτοκράτωρ — βασιλεύς; βασιλεύουσα — Κωνσταντινούπολις, μεγαλόπολις или просто πόλις).

Сильный пласт «неогречиизмов» (в кавычках!) — и в области бытовой, семейной и иной лексики (у Анны — ἵππος, κλίνη, λάραξ, ἔτος, παρειά, τέμπη, χλαμύδες, λευκός, πόρτος; у метафраста соответственно — ἄλογον, κραβάτιν, κιθάρин, χρόνος, μάγουλον, βουνά κλεισοῦρα, ρούχα, ἀσπρος, κόκκινος; ср. также в метафразе — ἀτάκιστος, κοκκινάδα, μάγουλον, πόρτα, ρουθού(ο)ν, ζακκοῦλιν, χάνταξ). Лексика, распространенная преимущественно в новогреческом, употребляется метафрастом и в глагольных конструкциях (ἀρέσω, γλυτώνω, ἐγχαράζω, κατονεύω, κοκκινίζω, κουρσεύω, ξεχωῶ, σκοπώνω, τσακίζομαι, φωνάζω; (ἐ)θέλω вместо βούλομαι; πρέπει вместо δεῖ; βλέπω вместо ὁράω и т. п.).

Однако результаты наблюдений над лексическим запасом метафраста неоднозначны. Это хорошо видно в тех случаях, когда применяются глаголы. С одной стороны, наблюдается сокращение их количества, совмещение в одном глаголе значений десятка других, встречающихся у Анны. Так, κρατέω употребляется метафрастом вместо 19 различных других глаголов «Алексиады», λογό — вместо 16, ποιέω — вместо 16, ἐρχομαι, οἰκονομέω, ὀρίζω — каждый заменяет по 9 других глаголов и т. д., т. е. как будто бы происходит симплификация лексики путем простого сокращения

словаря. Однако многочисленны и случаи, когда один и тот же глагол «Алексиады» передается метафрастом различным (ἀνελίττω Анны — ἀναγινώσκω и στρέφω — в метафразе; ἀνέχομαι — προσκαρτέρω и ὑπομένω; ἀπείρω — ἐμποδίζω, κρατέω и κωλύω; ἀπελαύνω — ἀποδιώκω и ἐκβάλλω; ἀπτομαι — ἀπόρχομαι, ἀρχομαι или καβαλλικεύω; ἀλλίζομαι — εὐρίσκομαι, κατονεύω или κείμαι; ἀφαίρω(-ομαι) — ἀρατέω, λαμβάνω или ἰδιονοιέω и κουρσεύω; βάλλω — πολεμέω, ῥίπτω и τοξεύω; βούλομαι — (ἐ)θέλω, ὀρέγομαι, ὀρίζω, στέργω; γινώσκω — γνωρίζω, διακρίνω или ἠγέομαι; διαρῆγνυμι — διασχίζω и τσακίζω; διατίθειμαι — ἐξασφαλίζομαι, καθίστημι, οἰκονομέω, γίνομαι; ἐνατενίζω — βλέπω, ἐντρανίζω и στρέφομαι; ἐνδιατρίβω — διαβιβάζω, εἰμί, εὐρίσκομαι; ἐντυγχάνω — ἀπαντάω и ἐμπλέκω; ἐπισκῆπτω — γράφω, διατάσσομαι, ὀρίζω и προστάσσω; ἐπιτρέπω — ἐνδίδωμι, ἐπιτάσσω, μηγνώ, προτρέπω; καταλαμβάνω — ἀπέρχομαι, ἐρχομαι, εὐρίσκομαι, κότερχομαι, ὑποστρέφω и φθάνω; πέμπω — ἀποστέλλω, ἀποδιώκω и τοξεύω; πολιορκέω — κουρσεύω, κρατέω, μάχομαι, παρακαθίζω, πολεμίζω; προσαγορεύω — καλέω, λέγω, ὀνομάζω; πυνθάνομαι αἰακούω, γνωρίζω, ἐρωτάω, μανθάνω).

Встречаются и случаи амбивалентной замены глагольных пар (например, ἀγωνίζομαι — σπουδάζω).

Метафраст предпочитает поэтическим оборотам лексику простую, неописательскую и недвусмысленную (вместо δραματούργεω — κατασκευάζω, μηχανάομαι, πράσσω; ἀρετιμάνιος — πολεμιστής; ἀρεφιῶσις — ἀνδρείος; ἐπιχορηγέω — εὐεργετέω и πέμπω).

Такова статистика лексико-грамматических изменений текста «Алексиады» в метафрастическом его варианте. Что же она показывает?

С одной стороны, налицо демотические тенденции в развитии грамматики — к исчезновению датива, оптагива, трансформации форм и значений инфинитива, к сокращению префиксальных образований и росту предложных конструкций, общая тенденция к аналитизму языка. С другой стороны, видимо, можно говорить не только об упрощении речи, но и уточнении, прежде всего терминологии, ее актуализации. Именно этот результат достигается употреблением различных терминов (τάφος «Алексиады» — ὄρυγμα, σοῦδα или χάνταξ в метафразе; εἶνοια — γνώμη, πίστις, ὑπόληψις; ἡγεμονία — ἀρχή, βασιλεία, ἀρχηγός, ἀρχων, κεφαλή; πορμίς — λιμήν, παράμα или πάρος), синонимичных, казалось бы, в тексте Анны, но различающихся между собой — в сознании метафраста. Этот же результат достигается и заменой причастных и абсолютных конструкций «Алексиады» более конкретными и однозначными придаточными предложениями. Метафраст, стремится, видимо, уточнить, конкретизировать действие, и ему это в большей или меньшей степени удается. Уточнению служит и употребление метафрастом терминов вместо описательных выражений Анны (τόσσα καὶ τῶα γάραι — вместо ἀκροβολισμοί; σαγίττα и τόξον — вместо βέλος; χρυσόβουλλον — вместо ἐγγραφον κάστρον или χώρα — вместо πόλις; ἀποκριαίριος — вместо πρέσβυς; βίγλα — σκοπός). Это подтверждает и анализ стилистических измене-

ний в метафразе, где отмечен ряд плеоназмов. Все стилистические инновации, в том числе приводящие к несомненному потереям в художественном отношении, имеют у метафразы *целесообразный* характер. Его язык — язык общепотребительный, обиходный, как на лексико-грамматическом, так и на стилистическом уровнях. Вместе с тем Г. Хунтер справедливо отмечает прорывающиеся следы знакомства анонимного автора с риторическим искусством, его умелую работу стилиста.

Итак, мы имеем дело не с «вульгарно-язычной» или «народноязычной» метафразой, а с сочинением, таким же *литера-*

турным, как и сама «Алексиада», но написанным на языке другого рече-стилевого уровня. К сходным выводам приходит и Я.-Л. ван Дитен в анализе метафразы исторического повествования Никиты Хониата.

Таким образом, устанавливается место византийских метафраз в византийской литературе — с точки зрения их языковой «принадлежности», тенденцией языкового развития. Важно, однако, и определить их историко-культурное значение, их роль в литературной жизни византийцев. Решение этой задачи еще предстоит осуществить.

М. В. Бибиков

H ö r a n d n e r W. Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XVI. 181 S.

За византийской литературой прочно укрепилась репутация риторичной. Верное в самых общих чертах, это представление из «ярлыка» превращается в содержательное понятие лишь при условии, если дается детальный анализ компонентов, внутренних пружиц, механизма того явления, с которым связывается эффект риторичности. Ритмическая организация византийской прозы — важнейшая сторона этого феномена. Исследование австрийского византиста В. Хэранднера направлено прежде всего на определение количественных показателей ритмического строения клаузул, метрической структуры прозаической фразы, соотношения различных типов ударения (*oxytona*, *paroxytona*, *prorogaoxytona*) у более чем тридцати различных византийских прозаиков — от Гимерия и Фемистия до Пахимера и Никифора Каллиста Ксаифопула. Материал распределен по авторам, чтобы выявить особенности ритмики произведений каждого из них, притом на основе сравнительно-статистических данных (в абсолютных и процентных показателях). Все цифровые выкладки сведены в удобные таблицы, помещенные в приложение.

Однако статистика сама по себе, как отмечает автор во Введении, является в данном случае не самоцелью, но лишь отправной точкой осмысления практики ритмической организации византийской прозы. При необходимой формализации анализируемого материала добиться однозначных показателей, видимо, все-таки трудно: отсюда — различия в подсчетах у разных ученых (отмечу, например, поправки В. Хэранднера к анализу Р. Маизано текста энкомия Никифора Василага).

В книге анализируются и категории, в которых сами византийцы формулировали стилистические требования к языку своей прозы (*ρῥημοί, συνθήκαι, σχήματα*).

Некоторые наблюдения В. Хэранднера имеют важное методическое значение для понимания византийской культуры в целом. Так, исследователь связывает особенность ритмического строения византийской прозы с установкой на устное воспроизведение текста (речей, посланий, школьно-риторических упражнений), на звуковое, а не зрительное восприятие

этих сочинений — скорее слушателем, нежели читателем. Сравнивая византийскую культуру с античной, мы часто говорим о книжном, «молчаливом» индивидуализированном характере словесности в Византии в отличие от публичного ораторствования в классических Афинах. Верное само по себе наблюдение нуждается, вероятно, в уточнениях. Рецитация, устное чтение литературы в Византии не умирало совсем, а обрело новые черты и функции в виде литургического действия, выступлений панегиристов, произнесения тропных речей, наконец, даже в будничном обиходе — в форме школьной устной дидактики, диктовки при переписке рукописей в скрипториях.

Что касается рукописей в целом, то вопросы ритмического анализа византийского текста оказываются в прямой связи с палеографическими проблемами. В. Хэранднер поддерживает наблюдения К. Крумбахера над пунктуацией в манускриптах: знаки препинания в списках прозаических сочинений расставлялись писцами примерно с той же целью, что и вспомогательные значки для церковного чтения в литургических текстах.

Принципы ритмического анализа, разрабатываемые В. Хэранднером, помогают понимать и рукописные чтения. Показательно в этом отношении переиздание (по четырем спискам, включая и московский — ГИМ 292 Сп. — 260 Влад.) в рецензируемой книге этопии, известной в издании А. Пиньяни как сочинение Никифора Василага. Новые наблюдения над ритмической организацией произведения позволили исправить ряд чтений. Более того, этот анализ заставляет вновь вернуться к проблеме авторства памятника, приписываемого в большинстве списков Симеону Метафрасту, а не Никифору. По наблюдениям В. Хэранднера, этопия является произведением неизвестного автора, но, возможно, — и Никифора Василага.

Вообще же ритмические показатели строения фразы могут играть важную роль в установлении авторства. Это хорошо демонстрируется В. Хэранднером на примере спорных атрибуций сочинений Псевдо-Либания, жития Георгия Амастридского и других агиографических сочинений, *Σχέθη μὲν*, приписываемой Прод-

рому или Манасси. Впрочем, исследователь не переоценивает возможности ритмического анализа для определения авторства. Если при общем одинаковом ритмическом уровне прозы Продрома и Манасси типологические отличия в организации текста позволяют считать автором *Συδῶν* скорее Манасси, чем Продрома, то отдельные особенности сопоставляемых житий не дают пока возможности дать категорическое заключение об их атрибуции. Отмечу в этой связи, что подчас показатели ритмической организации весьма существенны в этом отношении (ибо они вытекают из имманентной, подсознательной языковой природы авторского стиля и способны как бы обнаружить, «раскрыть» автора помимо его воли), — но лишь в комплексе с другими аргументами.

В связи с разработкой в книге Г. Хунгера анализируемых им сюжетов возникает ряд проблем, касающихся дальнейших исследований. Сам автор подчеркивает необходимость анализа — с предложенных в работе методических позиций — византийских документов, прежде всего

императорских и патриарших актов, проойми которых представляют собой совершеннейшие риторические сочинения.

Результаты подобного анализа могут быть интересны при исследовании творческой эволюции того или иного византийского писателя, как это удачно сделано В. Хранднером в эскизе об Иоанне Киннаме: различия в «организации» материала его юнеспеского риторического произведения и исторического труда характеризуют изменения, происшедшие в творческой манере писателя.

Наконец, встают и вопросы теоретического порядка. Устанавливая особенности ритмических клаузул у того или иного писателя, имеем ли мы дело со специфической индивидуальной стилистикой или же свойствами самого греческого языка? Иначе говоря, являются ли отмечаемые черты плодом авторских разработок или свойством данного языка вообще? Речь идет о соотношении общезыкового и речевого уровней литературного языка, а это — тема, еще нуждающаяся в углубленном осмыслении.

М. Бубиков

Der byzantinische Bilderstreit. Sozialökonomische Voraussetzungen — Ideologische Grundlagen — Geschichtliche Wirkungen / Hrg. von I. Irmischer. Leipzig, 1980. 194 S.

Как видно из самого заглавия сборника статей участников Грейфсвальдского коллоквиума, состоявшегося в 1978 г. в ГДР, в книге учеными из ГДР, НРБ, ЧССР и СССР многопланово рассматривается сложный феномен византийской истории и культуры — иконоборческое движение 726—843 гг. Авторы не стремились дать однозначный ответ на вопросы о том, что послужило причиной возникновения этого движения и каковы его корни, но, напротив, старались изучить всю совокупность имеющихся точек зрения и определить то, как отразилось иконоборчество в сочинениях современников, как оно повлияло на историческую ситуацию VIII—IX вв. в целом. Материалы сборника можно условно сгруппировать в три тематических раздела: статьи о непосредственной истории этого движения, статьи, анализирующие некоторые взгляды на возможные причины его возникновения, статьи об отражении иконоборчества в произведениях современников и позднейших поколений.

К первому следует отнести работу Х.-Г. Тюммеля «Византийское иконоборчество. Состояние и перспективы исследования», которой открывается сборник. Тюммель вводит читателя в сложную внутри- и внешнеполитическую жизнь Византии в VIII в. (войны с болгарями и арабами, восстание Фомы Славянина, экономический спад, дворцовые интриги). На этом историческом фоне он характеризует существующие концепции возникновения иконоборческого движения. Проанализировав их («иконоборчество — духовная агрессия Востока», «борба между государством и церковью», «возрождение культуры императора» и «армия — важнейший фактор иконоборчества»), Тюммель не принимает целиком какую-либо концепцию, полагая, что движение это только

тогда может рассматриваться в качестве предлога для различных акций (каким оно и было во многих случаях), когда имелись непосредственно широкие иконоборчески настроенные общественные слои. Иными словами, в иконоборческом движении, по Тюммелю, надо учитывать прежде всего настроения самих иконоборцев, осуществлявших попытки возвращения к изначальной христианской общине, в которой иконопочитание являлось вовсе не обязательным. Свое утверждение он подкрепляет анализом «теории образов», высказываний «отцов церкви», сохранившихся вещественных памятников. Важно замечание автора о том, что после поражения иконоборчества иконопочитание становится полноправным и обязательным.

Ко второму тематическому направлению можно отнести статьи В. Брандеса (в соавторстве с Х. Милетой и С. Редель), В. В. Бычкова, К.-Г. Бернгардта, Г. Штрамайера, М. Лооса и М. Шпрингера.

Статья В. Брандеса и его соавторов «Социально-экономическая основа византийского иконоборчества. Вопросы и проблемы» посвящена экономике Византийской империи в исследуемый период. Учитывая взгляды Г. А. Острогорского, М. В. Левченко и К. Н. Успенского на земельные отношения того времени, исследователи самым детальным образом анализируют точку зрения М. Я. Сюзюмова, согласно которой императоры-иконоборцы видели в монастырях прежде всего средоточие денежных ресурсов. Будучи не в состоянии поправить финансовое положение империи путем расширения площади обрабатываемых земель (в силу нехватки рабочих рук), они обратили свои взгляды на монастыри. В. Брандес и другие, осознавая всю сложность иссле-

дования социально-экономических отношений эпохи иконоборчества (главным образом из-за скудости источников), тем не менее придерживаются концепции М. Я. Сюзюмова, дополняя ее тезисом о роли монастырей как торговых центров (особенно в крупных городах) и выясняя причины их обогащения. В завершение статьи авторы ставят вопрос о необходимости исследования икон как экономического фактора (их непосредственная стоимость, связь с реликвиями, обеспечивавшая притяжение и циркуляцию населения и соответственно изменявшая экономическую значимость монастыря и т. п.).

В статье В. В. Бычкова «Философско-эстетические аспекты византийского иконоборчества» рассматривается отношение византийцев к иконам с эстетической точки зрения. Исследуя и внимательно прослеживая восприятие икон каждой из соперничавших партий и аргументацию ими своего поведения, Бычков приходит к выводу, согласно которому спор между ними — в теоретической плоскости — не мог быть закончен, так как «диалога», собственно, не происходило: каждая из сторон приводила свои доводы, не отвечая на «доводы» противника. Иконоборцы акцентировали проблему, почему *не дозволено* изображать божество художественными средствами, а иконопочитатели — отчего это *необходимо делать*. Основной причиной такого расхождения автор считает различие в понимании борющимися партиями самой идеи изображения. Так, утверждение иконоборцев о его идентичности с архетипом (что влекло за собой упреки иконопочитателям и одновременное обвинение их в несторианстве и монофизитизме) было непонятно и неприемлемо для последних, ибо они были воспитаны на теориях неоплатоников и Псевдо-Дионисия Ареопагита, в соответствии с которыми между архетипом и его изображением таковая отсутствует.

В статье К.-Г. Бернгардта «Запрет изображений в Ветхом завете и у древних евреев» предпринят анализ ветхозаветных воззрений относительно поклонения изображению божества. Основной вывод автора — несоответствие двух традиций: запрета поклоняться изображению Яхве и возможности такого поклонения изображениям других божеств, например Ашеры (очевидно, женский коррелят Яхве). Эта двойственность нашла отражение и непосредственно в существовании или отсутствии изображения божеств. Примечательно, что в эпоху эллинизма иудеи не всегда строго подчинялись запрету изображать живые существа (на стенах синагоги в Бет Алфа обнаружены изображения животных, людей и целых библейских сцен).

Г. Штрамайер («Византийское и иудейско-исламское иконоборчество») исследует вопрос о возможном влиянии исламского «иконоборчества» на представления византийцев о допустимости изображать божества. Действительно, время издания «иконокластских» эдиктов Льва III и халифа Язида II почти совпадает, что составляет не только позднейших исследо-

вателей, но и современников видеть в действиях византийского императора подражание дурному примеру «неверных». Однако Штрамайер, изучив исторические корни запрещения исламом изображать живые существа, устанавливает большую близость этих запретов к иудейским воззрениям. При этом он специально отмечает, что мусульманский запрет касался изображения вообще всех живых существ, тогда как византийцы распространяли его лишь на изображения Христа, богородицы и т. п. . . . Таким образом, автор отвергает гипотезу о генетическом родстве между византийским и мусульманским «иконоборчеством», подчеркивая и тот факт, что василевсы-иконоборцы вели войны с «иконоборцами»-халифами.

Предположения о том, что византийское иконоборчество генетически связано с ересью павликиан, отклоняется М. Лоосом в статье «Движение павликиан и иконоборчество». Автор противопоставляет воззрения павликиан и иконоборцев по основному вопросу — касательно взаимоотношения церкви и государства. Это главное несовпадение во взглядах (иконоборцы пытались реформировать церковь и подчинить ее государственной власти, а павликиане прилагали все усилия к тому, чтобы придать ей надгосударственный характер и притом уподобить — в организационном плане — общине первых веков христианства) представляло, по мнению автора, препятствие, которое никогда бы не позволило иконоборчеству и павликианству слиться друг с другом. Примечательно в этой связи также и то, что, несмотря на иконоборческую позицию Никифора I и Льва V, их отношение к павликианам было диаметрально противоположным, да и сами павликиане, жившие на восточных границах империи, менее всего тяготели к иконоборческим императорам Константинополя, а, напротив, переходили под власть мусульман.

В статье «Иконоборчество и армия» М. Шпрингер освещает акты изъятия императорами-иконоборцами монастырских сокровищ как средство, необходимое для содержания войска. Не только в Византии, отмечает он, но и на Западе императоры в это время прибегали к подобным акциям и в равной мере были порицаемы за это хронистами — как современниками, так и потомками (причину этой политики Шпрингер усматривает в экономическом упадке). Кроме того, на это же время приходится образование стратегических поселений, создание которых тоже требовало денежных затрат. Подобные поселения, указывает автор, возникли тогда и на границах Византии с мусульманским миром — у арабов.

Третье тематическое направление представлено в сборнике статьями В. Тышковой-Займовой, Ю. Думмера, Г. Хендлера, Г. Видерандерс и И. Ирмшера.

В. Тышкова-Займова в статье «Влияние иконоборчества на развитие византийско-болгарских отношений» считает, что фактически никакого политического влияния, собственно, не наблюдалось, однако обращает внимание на необходимость учитывать, что столкновения императоров,

иконоборцев и «иконодулов» с «варварами» получили соответственно различную оценку у хронистов. Хотя в целом политика тех и других в отношении Болгарии оставалась неизменной (на этот период приходится византийско-болгарские войны), однако поражения императоров-иконоборцев характеризуются хронистами как кара господня за недостаточное благочестие, а неудачи императрицы Ирины (иконопочитательницы) всячески сглаживаются.

Ю. Думмер в статье «К вопросу об отражении иконоборчества в византийской агиографии» ставит вопрос о том, в какой мере памятник житийной литературы может служить источником по истории иконоборческого движения. Поскольку агиографическая литература в целом — это совокупность повествований об отдельных лицах, помещаемых в конкретную ситуацию, постольку анализ таких ситуаций применительно к житиям, действие которых разворачивается в эпоху иконоборчества, поможет, по мнению автора, выявить восприятие их создателями описываемого ими времени. В этом плане Думмер исследует материал 19 соответствующих житийных памятников.

Статьи Г. Хендлера «Влияние византийского иконоборчества на церковную политику пап (до Франкфуртского собора 794 г.)» и Г. Видерандерс «Влияние иконоборчества на развитие искусства в государстве Каролингов» объединяет «исходный пункт», а именно рассмотрение иконоборчества со стороны Запада. Г. Хендлер, исследовавший отношение пап к событиям в Константинополе, приходит к заключению, что их отрицательная реакция во многом была обус-

ловлена желанием отвлечь внимание франков от Византии и сделать их своими союзниками: ведь Франкское государство к тому времени представляло значительную силу. Однако попытка папы Адриана I столкнуть Карла Великого с Империей ромеев (использовав для этого расхождения во мнениях относительно иконопочитания, которые наблюдались ранее) не увенчалась успехом. В качестве ответа на решения Константинопольского собора 787 г. о восстановлении иконопочитания тот «опубликовал» *Libri Carolini*, в которых с осуждением отзывался о поклонении иконам. Этот же источник исследовался Г. Видерандерс для выяснения отношения поданных Карла Великого к изображениям. Исследовательница выделяет специфику восприятия образа императором и его последователями. На «Западе» видели в изображениях прежде всего украшения, а их функцию усматривали в том, чтобы напоминать о прошедших событиях и умерших людях, но не поклоняться им. Видерандерс проанализировала также иллюминированные рукописи: изображения святых там постоянны, но особенно разнообразными они становятся в правление Людовика Благочестивого.

Завершает сборник статья И. Ирмшера о восприятии византийского иконоборчества историками эпохи Просвещения. Изучив воззрения Вольтера и Монтескье, Шлецера и Гиббона, автор приходит к выводу, что к этому времени существовало множество точек зрения на Византию: единой «концепции Византии» не сложилось, а соответственно отсутствовало единство в оценках иконоборчества.

Н. Сериков

Maximus Confessor. Actes du Symposium sur Maxime le Confesseur. Fribourg, 2—5 sept. 1980/Ed. par Felix Heinzer et Christoph Schönborn. Fribourg, 1982 (Paradosis: Etudes de littérature et de théologie anciennes, t. XXVII). 420 S.

Собравшийся в сентябре 1980 г. международный симпозиум, посвященный изучению творчества выдающегося византийского мыслителя VII в. Максима Исповедника, — первый научный форум такого рода. На нем было заслушано 30 докладов и сообщений, сделанных учеными, представляющими различные европейские страны (Швейцарию, Францию, Италию, Грецию и т. д.) и США. Материалы симпозиума были опубликованы в серии «Paradosis», хорошо известной изданиями в ней монографиями по истории христианства.

Симпозиум открылся докладом И. Г. Дальме «Проявление Слова в человеке и церкви. Антропологическая и экклесиологическая типология согласно Вопросоответам к Фалассию и Мистагогии». Этого французского ученого вслед за Г. У. Бальтазаром можно назвать пионером современного «максимоведения». Принадлежащие перу И. Г. Дальме около 20 статей, в которых исследуются различные аспекты мировоззрения Максима Исповедника, а также высказываются ряд важных замечаний относительно хронологии его произведений, вполне равно-

значны объемистому фолианту в несколько сот страниц. В отличие от Г. У. Бальтазара, снискавшего научную известность своим философско-синтетическим осмыслением и изложением системы этого византийского богослова и философа и работающего как бы в «монументальном жанре»¹, излюбленный жанр И. Г. Дальме — «миниатюра», тонкие и изящные изыскания, посвященные либо анализу ведущих тем и мировоззренческих интуиций Максима Исповедника, либо тщательному исследованию какого-либо

¹ См.: *Balthasar H. U. von. Kosmische Liturgie. Maximus der Bekenner: Höhe und Krise des griechischen Weltbildes.* Freiburg, 1941. Будучи историком христианства (и крупным католическим богословом), Бальтазар отнюдь не чужд и тщательных историко-филологических штудий; примером может служить выполненный им скрупулезный анализ «Богословских и домостроительных глав». См.: *Balthasar H. U. von. Die «Gnostischen Centurien» des Maximus Confessor.* Freiburg, 1941.

одного из его сочинений². Подобные конкретные изыскания совсем не замыкают французского ученого в узкие рамки сухого псевдонаучного педантизма, а, напротив, позволяют ему делать яркие и сочные выводы относительно общего характера мировидения византийского мыслителя, внутренней логики и специфики его взглядов. Именно в таком духе и выдержан указанный доклад И. Г. Дальме (с. 13—25). Анализируя ряд текстов Максима Исповедника, он приходит к заключению, что необходимость реагировать на рискованные спекуляции оригенистских кругов в Палестине заставила этого богослова углубиться в метафизические и космологические слои «теологии Логоса». Считая Слово — творца, законодателя и спасителя — единым источником «трех законов» («закон природы», «писаный закон» и «закон любви»), которые детерминируют развитие всего сотворенного богом бытия, Максим Исповедник осуществляет один из самых содержательных опытов мировоззренческого синтеза, имевших когда-либо место в истории христианства. При этом в «план спасения» органично вписывается и эллинский рационализм. Логос у Максима Исповедника предстает как бы «автором» данных законов, одновременно действуя в них; сами же они суть многообразные проявления личности Слова. Волотившись в самом лоне творения, Логос словно заставил сиять своим отражением «логосы» — принципы умопостигаемости этого творения.

Дальнейшие доклады на симпозиуме распределялись по четырем ведущим темам. Первой были «Источники Максима». Заиним тут послужило сообщение известного издателя и комментатора античных и раннехристианских авторов (Нумения, «Халдейских оракулов» и т. д.) Э. Де Пляса (с. 29—35). На основе текстологического сравнения произведений Диадоча Фотического и Максима Исповедника он пришел к заключению о несомненном знакомстве последнего с сочинениями первого. В докладе Э. Беллини Максим Исповедник рассматривается как интерпретатор Псевдо-Дионисия Ареопагита (с. 37—49). Э. Беллини концентрирует свое внимание на одном

из трактатов Максима Исповедника (Ambiguus ad Thomam, 5), где тот комментирует «Четвертое послание» ареопагитского корнуса. Именно в данном послании содержится высказывание о «богомужней энергии», игравшее большую роль в монофиситских и монофелитских спорах. Докладчик предпологает, что сам Ареопагит четко разграничивал божественное и человеческое «действие во Христе». Поэтому у Максима Исповедника были основания видеть две различные энергии в положении Псевдо-Дионисия о «богомужней энергии». Он не искажил и не исправил, но лишь основательно развил случайные наблюдения Ареопагита.

Следующим был доклад Г. К. Бертольда «Каппадокийские корни Максима Исповедника» (с. 51—59). Связь мировоззрения Максима Исповедника с воззрениями знаменитой тройки каппадокийцев, в отличие от связей с оригенизмом и ареопагитской системой, — проблема, которая не получила достаточного освещения в современной науке, хотя ее касались многие исследователи. Поэтому небольшой «зондаж» данной проблемы Г. К. Бертольдом представляет собой первую попытку, которая позволяет дать более полное решение вопроса. Автор отмечает хорошее знакомство Максима Исповедника с трудами Оригена, Евагрия и Псевдо-Дионисия, чьи произведения являлись «стандартным монашеским чтением на протяжении поколений». Однако Максима нельзя считать учеником этих мыслителей: он прекрасно видел их богословские заблуждения. По мнению Г. К. Бертольда, замечательная способность Максима Исповедника к обобщению предоставила ему возможность сохранить добротные кирпичи (the good building bricks) из дискредитированных гетеродоксальных структур и «отстроить заново здание веры на прочном ортодоксальном фундаменте». Сочинения Максима, констатировал докладчик, пронизывает тот же дух, который составляет внутренний стержень систем Григория Назианзина и Григория Нисского. При этом если первый являлся руководителем Максима Исповедника в тринитарном учении и христологии, то второй — вдохновителем в области «антропологии».

Последним по данной теме было выступление Д. Д. Мэддена — об истоках излюбленного Максимом Исповедником термина $\theta\epsilon\lambda\eta\sigma\iota\varsigma$ (с. 61—79). Докладчик пришел к выводам негативного характера: вряд ли можно говорить о наличии предшествующих «спекуляций о воле» (thelêsis-speculation). Те определения воли (их число — 9), на которые ссылается Максим Исповедник (в дальнейшем они были восприняты Иоанном Дамаскиным, а через него — Фомой Аквинатом) и которые якобы принадлежали древним авторам (Клименту Александрийскому и др.), были сфабрикованы либо им самим, либо его учениками для борьбы с монофелитами.

Вторая тема симпозиума — издания, критика текста и лингвистические ас-

² Укажем некоторые работы И. Г. Дальме, хорошо иллюстрирующие его научный стиль: Saint Maxime le Confesseur. Docteur de la charité. — *La Vie Spirituelle*, 1948, t. 2, p. 296—303; *L'oeuvre spirituelle de Saint Maxime le Confesseur*. — *La Vie Spirituelle. Supplément*, 1952, t. 21, p. 216—226; *La doctrine ascétique de S. Maxime le Confesseur d'après le Liber Asceticus*. — *Irenikon*, 1953, t. 26, p. 17—39; *Un traité de théologie contemplative. La Commentaire du Pater de S. Maxime le Confesseur*. — *Revue d'ascétique et de mystique*, 1953, t. 29, p. 123—159; *La fonction unificatrice du Verbe Incarné dans les oeuvres spirituelles de Saint Maxime le Confesseur*. — *Sciences Ecclésiastiques*, 1962, t. 14, p. 445—459.

пекты изучения творчества Максима Исповедника. Греческий ученый Х. Г. Сотиропулос сообщил о предпринятом им критическом издании «Мистагогии», напечатанном в Афинах в 1978 г. (с. 83). Затем был заслушан доклад И. Г. Деклерка о подготавливаемом им критическом издании «Вопросов и сомнений» Максима Исповедника (с. 85—96). Как заявил этот филолог, издание Ф. Комбефи, перепечатанное в «Патрологии» Миня, страдает многими недостатками. Они стали ясными при сравнении с недавно найденной рукописью данного сочинения (Vat. gr. 1703), которая отражает более древнюю и близкую к оригиналу традицию. В том же духе выдержано было и сообщение Р. Б. Брэка о рукописной традиции произведения Максима «Изъяснение трудных мест в словах св. Григория Богослова» (кратко называемого *Ambigua*). Р. Б. Брэк, также подготавливающий критическое издание этого труда, одного из самых основных и обширных в наследии Максима Исповедника, различает три собрания *Ambigua*, написанных в разное время, причем каждое из них имело свою рукописную традицию. В планирующемся издании эти части получат название *Ambigua ad Iohannem*, *Ambigua ad Thomam* и (тесно связанное с предшествующей) «Второе послание к Фоме». Объединены в одно произведение они были не при жизни Максима Исповедника (мнение П. Шервуда, возобладавшее среди современных исследователей), но значительно позднее — в X в. (с. 97—109). Несколько в ином плане построил свой доклад «Латеранский собор 649 г. и Максим Исповедник» Р. Ридингер (с. 111—121). Проведя текстологический анализ (используя при этом компьютер) греческой и латинской версий «Деяний» собора, он пришел к выводу, что они были переведены с греческого на латинский язык. Сами «Деяния», по мнению Р. Ридингера, можно считать «богословским трудом» (*theologisches Werk*) Максима Исповедника. Выводы Р. Ридингера весьма значительно отличаются от тех, к которым пришел его предшественник Э. Каспар, наиболее полно и детально из историков XX в. исследовавший весь комплекс проблем, связанных с Латеранским собором. Он полагает, что нельзя отдавать приоритет ни одной из версий «Деяний»: их следует рассматривать как параллельные, ибо одновременно с «протоколом» собора, ведшимся на латинском языке, осуществлялся перевод на греческий язык теми монахами-греками, которые там присутствовали. Они не только были переводчиками, но и собрали большой патристический материал, представленный на соборе. Они же являлись редакторами его догматических вероопределений. Кроме того, хотя Э. Каспар и признавал, что в догматическом плане Латеранский собор проходил полностью под «греческим влиянием», но он не акцентировал роль Максима Исповедника³.

³ Caspar E. Die Lateransynode von 649. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1932, Bd. 51, S. 85—86, 118—120.

Весьма интересными наблюдениями над стилем и терминологией произведений Максима Исповедника поделился переводчик их на итальянский язык А. Череза-Гастальдо (с. 123—137). Он отметил консервативный и традиционный характер языка византийского мыслителя. Однако традиция воспринимается Максимом Исповедником творчески. Ее развитие происходит не по линии коренного изменения структуры, т. е. путем создания новых слов и выражений (*neologismes de forme*), а посредством обогащения старых слов и выражений новыми значениями (*neologismes de sens*).

В аналогичном духе выдержаны и два остальных доклада по данной теме. Автор первого из них, К. Лага, издавший недавно критический текст фундаментального труда Максима Исповедника — «Вопросоответов к Фалассию»⁴, не согласился с суровым суждением большинства современных ученых о Максиме-стилистике. Опираясь на результаты своего кропотливого труда над произведением, К. Лага констатировал (с. 139—146), что терминология Максима Исповедника отнюдь не является неопределенной, а, напротив, очень точна и четка. Богослов явно преследует цель «экономии слов», которая несомненно уравновешивает растянутость его оборотов, столь часто порицаемую. В унисон с К. Лага выступил и Н. Мэдден (с. 147—155), который на основе анализа структуры «Комментария на Отче наш» охарактеризовал Максима Исповедника как «выдающегося и сильного писателя» (*a writer of power and distinction*), «искусного мастера слова». В его произведении проявляется блестящее сочетание свободы и оригинальности творческой индивидуальности автора с воспринятыми им стандартами окружающей культурной среды.

Наибольшее количество докладов было сделано по третьей теме — о богословии Максима Исповедника. С докладом «Тринитарное объяснение икономии у Максима Исповедника» выступил Ф. Хайнцер (с. 159—172). Его перу принадлежит недавно вышедшая (в той же серии «Парадосис») монография о христологии Максима Исповедника, которая рассматривается здесь в тесной связи с его «антропологией». Акцентируя внимание на чрезвычайно важном и, собственно говоря, центральном для византийского мыслителя различии «логоса» и «тропоса», а также уделяя большое место характеристике прецедентов данного различия в византийском богословии (каппадокийцы, Леонтий Византийский и Леонтий Иерусалимский), автор делает ряд глубоких наблюдений относительно мировоззрения Максима Исповедника в целом. Что касается его христологии, то ее главная идея, по мнению Ф. Хайнцера, такова: единение божественного и человеческого во Христе мыслится не «прямо», т. е. «от при-

⁴ *Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium* / Ed. C. Laga, C. Steel. Tournhout, 1980 (Corpus Christianorum. Series Graeca, 7).

роды к природе» (von Natur zu Natur), но только в личности Слова и, более точно, в его сыновнем «образе существования» (τρόπος τῆς ὑπαρξεως). Данный «тросос» и составляет онтологическую основу указанного единения⁵. В своем же докладе Ф. Хайнцер оттеняет несколько иной аспект богословия Максима Исповедника, а именно тесную связь у него собственно «теологии» (учения о троице) и «ойкономии» (учения о таинстве спасения), связь, служащую фундаментальным принципом и внутренним стержнем всей его системы. То, что позволяет Максиму сохранять единство этих двух уровней, есть, как это часто называют, его «аристотелизм», а более точно, повсеместно проводимое им различие «уровня личности» (l'ordre de la personne) и «уровня природы» (l'ordre de la nature). Ф. Хайнцер отмечает тринитарную структуру христологии и сотериологии Максима Исповедника, который стремится интерпретировать таинство спасения как «икономию трех лиц троицы».

Второй докладчик по этой теме, Ж. М. Гарриес⁶, также выявляет синтетический характер мировоззрения Максима Исповедника, сказывающийся, правда, в несколько ином плане — в тенденции к интеграции уровня творения и уровня обожествления человека в едином замысле всевышнего (с. 173—192). К указанному двум докладам тесно примыкает и выступление А. Радосавлевича, считающего Максима Исповедника (как и других восточных «отцов церкви») «богословом сотериологическим» на том основании, что его христология немислима без сотериологической перспективы. Согласно Максиму Исповеднику, обожествление недоступно человеческой природе самой по себе; лишь воплощение Слова сделало такое спасение доступным людям. Собственно говоря, обожествление — второй аспект единого таинства, где первым является воплощение (с. 193—206).

Сообщение Ф. М. Летеля касалось полемики Максима Исповедника с монофелитством (с. 207—214). Этому же вопросу посвящена и недавно вышедшая в свет монография исследователя, где он рассматривает генезис монофелитства и эволюцию отношения к нему (первоначально — доброжелательного) Мак-

сима Исповедника⁷. В своем сообщении Ф. М. Летель акцентирует внимание на различии трактовки Гефсиманского борения у монофелитов и у Максима Исповедника. Если первые освещали проблему человеческой воли Христа с моральных позиций и противоопоставляли ее воле божественной, то для Максима Исповедника этический план проблемы неразрывно связан с онтологическим (ипостасное единение), в силу чего он мог приводить по-своему убедительные аргументы в пользу концепции согласия двух волей. О христологии Максима Исповедника говорили также и два последующих докладчика.

П. Пире избрал объектом своего исследования «формулу природ», часто фигурирующую в произведениях византийского богослова (ἐξ ὧν καὶ ἐν αἷς καὶ ἄπερ ἐστὶν ὁ Χριστός), и остановившись на ее происхождении, показал, что если две первые части формулы имеют прецеденты (Кирилл Александрийский и Халкедонское вероопределение), то третья часть принадлежит непосредственно Максиму Исповеднику. Кроме того, по мнению П. Пире, данная христологическая формула находится в непосредственном соответствии с тринитарным учением о единوسущности бога-отца и бога-сына (с. 215—222).

К. Х. Утемани обратил внимание на «антропологическую» модель ипостасного единения. По наблюдению ученого, данная парадигма (соединение души и тела в человеке), активно использовавшаяся неохалкедонитами в их христологических построениях, довольно часто употреблялась и Максимом Исповедником — в период, предшествовавший монофелитским спорам. С началом последних она постепенно исчезает из его произведений, что связано, вероятно, с определенной перерождением христологии Максима, а именно с появившейся у него тенденцией к исключению «гегемонии Логоса» (с. 223—233).

Небольшое сообщение М. И. Гийу было посвящено сотериологии Максима Исповедника. Его тезис о том, что Христос «по-человечески» (humainement) желал спасения людей, послужил основой вероопределений Латеранского собора. Такое «историческое чтение» (lecture historique) христологии само опирается на «онтологическое чтение», характерное для Халкедонского собора, и дополняет его. В дальнейшем оно вошло необходимым ингредиентом в христологические обобщения Ансельма Кентерберийского и Фомы Аквината (с. 235—237). В том же ключе был сделан доклад Б. Штудера, указавшего на преемственность сотериологии Максима Исповедника и халкедонского «ороса» (с. 247—259). В совместном же докладе итальянских ученых В. Кроче и Б. Валенте внимание авторов

⁵ Heinzer F. Gottes Sohn als Mensch. Die Struktur des Menschseins Christi bei Maximus Confessor. Freiburg, 1980, S. 199—200.

⁶ Весьма известный знаток творчества Максима Исповедника. См.: Garrigues J. M. Maxime le Confesseur. La charité, avenir divin de l'homme. P., 1976; *Idem*. La personne composé du Christ d'après Saint Maxime le Confesseur. — Revue Thomiste, 1974, t. 74, p. 181—214; *Idem*. L'énergie divine et la grâce chez Maxime le Confesseur. — Istina, 1974, t. 19, p. 272—296; *Idem*. Le martyre de Saint Maxime le Confesseur. — Revue Thomiste, 1976, t. 76, p. 410—452.

⁷ Lethel F. M. Théologie de l'agonie du Christ. La liberté humaine du Fils de Dieu et son importance sotériologique mises en lumière par Saint Maxime le Confesseur. P., 1979.

было сосредоточено на борьбе Максима Исповедника с оригенистским пониманием промысла: подчеркивалась роль божественной «педагогии» в истории как одна из характерных черт мировоззрения его (с. 247—259).

Интересный доклад был сделан греческим издателем текстов Григория Паламы и знатоком его творчества — П. Христу. Избрав отправным пунктом одно из положений этого ведущего представителя исихазма — тезис о том, что люди, сопричастующие нетварным «божественным энергиям», суть безначальны и бесконечны, П. Христу показал здесь несомненную зависимость Григория Паламы от Максима Исповедника (с. 261—271).

Ряд важных наблюдений над аскетическим учением Максима Исповедника содержится в выступлении Х. Шенборна. Этот ученый, помимо монографии о Софронии Иерусалимском, завоевал себе прочную репутацию в научном мире и глубоким исследованием, трактующим развитие византийского «богословия образа». Специальная глава данной книги посвящена Максиму Исповеднику, где особое внимание обращено на его борьбу с монофизитством и монофелитством. А поскольку, как отмечает Х. Шенборн, последнее непосредственно связано с иконоборчеством, постольку полемика Максима Исповедника с монофелитством послужила определенным стимулом к развитию мировоззрения иконопочитателей⁸. Объектом своего изучения в докладе Х. Шенборн избрал пару противоположных терминов «наслаждение — скорбь» (*ἡδονή — δόλη*) в «Вопросах к Фалласию». На основе анализов этих двух терминов он утверждает, что в своем аскетическом учении Максим не ограничивается разделением чувственного и духовного. Целью подвижничества является их интеграция, которая достигается, однако, не на уровне чувства, ибо, чтобы быть подлинно человеческим, оно должно стать одухотворенным (с. 273—284).

Заключительные два доклада по теме были сделаны Л. Тинбергом и Б. Е. Дэйли. Первый, автор работы об «антропологии» Максима Исповедника, коснулся на этот раз понимания им терминов «символ» и «тайнство». Особое внимание в докладе уделяется выдвинутой византийским богословом концепции евхаристии, которая, как считает Л. Тинберг, испытала значительное влияние учения Софрония Иерусалимского, под образом «старца» выступающего и в некоторых сочинениях Максима Исповедника (с. 285—308). Второй докладчик подробно проанализировал представление об «апокатастасисе» и его роли в мировоззрении Максима Исповедника. Это представление было весьма существенным элементом философии стойков, некоторых гностических систем и ори-

генизма. Именно отличие Максима Исповедника от последнего и подчеркнул Б. Е. Дэйли. Он убедительно показал, что для Максима, как и для апостола Павла (но в противоположность Оригену и Григорию Нисскому), всеобщность «божественного промысла» и «божественной любви» не означает чисто автоматическую успешность их осуществления в истории, а также не исключает возможность индивидуальных неудач в рамках вселенских масштабов спасения. Оно доступно только для тех, кто готов активно принять благодать. Поэтому эсхатология Максима Исповедника значительно менее оптимистична, чем оригенистская (где при конечном «восстановлении всего» предполагается универсальность спасения — «спасется» даже дьявол); немалое место в ней занимает идея вечного наказания грешников, тесно связанная с теорией свободы воли человека (с. 309—339).

Последняя тема симпозиума — наследие Максима Исповедника. В выступлении Э. Жоно были освещены различные аспекты влияния Максима Исповедника на Иоанна Скота Эриугену. Оно прослеживается в плане восприятия богословских тем, заимствования философской терминологии (включая некоторые аристотелевские концепции, заимствованные Эриугеной через Максима) и экзегезы. Однако, как отмечает Э. Жоно, перевод *Ambigua*, сделанный Эриугеной, не пользовался на Западе популярностью: за время с IX по XVII в. насчитывается всего три рукописи этого сочинения (одна из них утеряна). Мирозерцание Максима Исповедника воздействовало на западное мышление не непосредственным образом, а лишь через произведение «О разделении природы» самого Эриугены (с. 343—364). Тема доклада К. Стетеля — «Поклонник св. Максима при дворе Комнинов: Исаак Себастократор». По мысли автора, Исаак Себастократор (один из главных обвинителей Иоанна Итала), известный своими выдержками из Прокла и тщательно ретушировавший этого языческого философа под христианского богослова, прекрасно знал труды Максима Исповедника, которого глубоко почитал. Именно в его трудах он черпал вдохновение для того, чтобы «интегрировать» Прокла в христианскую перспективу (с. 365—373). В докладе Г. Штикельбергера проводятся параллели между христологией Максима Исповедника и современного теолога К. Ранера. Попутно Г. Штикельбергер делает ряд любопытных наблюдений над общим характером богословия Максима. Хотя оно и базировалось на халкедонских вероопределениях, тем не менее Максима Исповедника, считает докладчик, нельзя считать представителем строгого диофиситского халкедонизма, он скорее ближе к неохалкедонизму. Полемизируя с монофизитством, византийский теолог имел с ним некоторые точки соприкосновения (с. 375—384).

На заключительном заседании был заслушан доклад ученика Г. Флоровского — Я. Пеликана «Место Максима Исповедника в истории христианской мысли». Верность Максима Исповедника патри-

⁸ Schönborn Ch. von. L'icône du Christ. Fondements théologiques élaborés entre le 1er et le IIe concile de Nicée (325—787). Fribourg, 1976, p. 105—135.

стическим традициям, отметил докладчик, была далека от сухого педантизма и слепого преклонения перед авторитетами. Он сравнил Максима с Пьером Абеляром — по подходу к «sic et non», подчеркнув безусловную аналогию этого подхода у обоих мыслителей. Затем докладчик осветил некоторые аспекты связи мировоззрения Максима Исповедника и Псевдо-Дионисия: главную заслугу первого как толкователя Ареопагита Я. Пеликана видит не в самих комментариях на него, но в христоцентристской перерождениях ареопагитской системы. В целом же Максима Исповедника можно отнести к категории не только «восточный мыслитель» (an Eastern thinker), но и «западный мыслитель», ибо он провел более двадцати лет на латинском Западе (в Северной Африке и Риме) и в своих богословских выкладках опирался также и на латинских отцов церкви — папу Льва I, Амвросия и Августина (с. 387—402).

Таким образом, широкий спектр докладов, представленных на симпозиуме и освещающих различные стороны творчества Максима Исповедника, показывает, что изучение его наследия вступило в свою новую и более высокую фазу, приняв, как о том свидетельствует само количество участников симпозиума, широкий размах. Чрезвычайно важным фактором, стимулирующим изыскания «максимоведов» и подводящим твердое основание под них, является начавшееся критическое издание трудов Максима Исповедника. Оценивая результаты симпозиума, следует сделать одно замечание: судя по докладам, прочитанным здесь (исключение составляет, пожалуй, только выступление Я. Пеликана), западные ученые совсем не знакомы с русскими исследованиями о Максиме Исповеднике. Между тем именно русской историографии принадлежит несомненный приоритет в изучении этого мыслителя. Труды И. Орлова, А. И. Бриллиантова и С. Л. Епифановича во многом предвосхитили те результаты и выводы, к которым пришли западные исследователи лишь во второй половине XX в. Особенно существенны в данном плане работы С. Л. Епифановича, двухтомный труд которого, уже набранный в печать, так и не вышел в свет. Однако, как видно по началу им переведенного «Вопросоответов к Фалассию» (см. «Богословский Вестник» за 1916 и 1917 гг.), по изданию неопубликованных текстов Максима Исповедника⁹, а также по очерку его мировоззрения¹⁰, с этим трудом по фундаментальности, глубине и мастерству анализа не может сравниться

ни одна из современных книг западных ученых о Максиме Исповеднике (даже наиболее значительная работа Г. У. Бальтазара).

Результаты симпозиума указывают на то, что личность и творчество Максима Исповедника представляют интерес и для советских исследователей византийской культуры. Уже появилась содержательная статья В. М. Живова¹¹, написанная со знанием дела, но это лишь начало исследований в данной области. Напрашивается и более общий вывод: история византийской религиозной мысли и религиозных движений должна найти особое место в советском византиноведении. Без этого, на наш взгляд, невозможно полное решение одной из главных задач, стоящих перед советскими византинистами, — создание общей концепции культурно-исторического процесса, протекавшего в византийском обществе на протяжении столетий¹². Советскими учеными много сделано в данном плане — об этом свидетельствуют соответствующие главы «Истории Византии», работы С. С. Аверинцева, В. В. Бычкова и других авторов, однако история религиозной мысли как особый жанр византиноведения все же вычленилась недостаточно. Подобный научный жанр, безусловно, теснейшим образом связан с изучением социально-политической и культурной истории Византии, ее истории философии и литературы, но он обладает и своей спецификой. Ведь, как отмечает З. В. Удальцова, один из главных факторов, определивших индивидуальное лицо византийской культуры, состоял в том, что «в Византии господствовала христианская религия в ее православной форме»¹³. Без понимания же всего сложного и противоречивого ее развития, без обстоятельного знания деталей (порой очень мелких) догматических споров и нюансов богословских расхождений адекватное научное осмысление истории Византии вряд ли возможно. Отсюда, как кажется, на повестке дня среди прочих насущных проблем нашего византиноведения — проведение специальных исследований отдельных религиозных движений (арианства, несторианства, монофизитства и т. д.), монографическое изучение мировоззрения наиболее ярких фигур в византийском богословии, разработка методики анализа религиозных текстов.

А. И. Сидоров

⁹ Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преподобного Максима Исповедника. Киев, 1917.

¹⁰ Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915.

¹¹ Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа. — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 108—127.

¹² Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры. — ВВ, 1980, 41, с. 51—52.

¹³ Там же, с. 54.

Литература по армянскому искусству обогатилась великодушным факсимильным изданием шестнадцати листов миниатюр от не дошедшей до наших дней рукописи, хранящихся в Венском собрании Мхитаристов под № 697. Поводом для нового полного издания этих миниатюр была проведенная в Институте реставрации Австрийской национальной библиотеки реставрация, после которой они предстали в первоначальном своем совершенстве. Уже частично появлявшиеся в печати, эти миниатюры были изданы вновь в связи с 70-летием со дня поступления фрагментов кодекса 697 в венское собрание.

В начале текста авторы касаются вопроса об изучении миниатюр и дают краткое описание представленных в них хоранов и праздничного цикла. Привлекая текст письма Евсевия к Карпиану, X. и X. Бушхаузен останавливаются на распределении канонов в хоранах (со ссылкой на работу С. Nordenfalk'a), а также на происхождении первоначального образца: созданный в IV в. по указанию императора Константина Великого в Кесарии Палестинской, этот образец отразился и в хоранах рукописи 697. Тем самым авторы определяют очень ранние их истоки, хотя и полагают, что прототип, легший в основу миниатюр хоранов Венского кодекса, был уже до некоторой степени трансформирован, придя в VI в. в соприкосновение с константинопольскими рукописями.

Далее следует обширный экскурс (с. 13—23), где X. и X. Бушхаузен углубленно изучают не только античную, но, расширяя исследовательский диапазон, и раннехристианскую традицию в изображении замыкающего хораны темплетто. Ссылаясь на архитектурные примеры, они осмысливают аркады хоранов как путь, который надо пройти, чтобы достичь темплетто как входа в святилище, за которым начинается евангельский текст. Авторы широко используют литературу вопроса, приводят исчерпывающие аналогии к разным типам изображения темплетто в армянских, греческих, грузинских, эфиопских и западноевропейских кодексах. Вся эта часть исследования обильно снабжена черно-белыми иллюстрациями.

X. и X. Бушхаузен поднимают также проблему осмысления темплетто как отражения в нем архитектуры гроба господня. На основе многочисленных параллелей, используя результаты раскопок в Иерусалиме за последние 20 лет, они приходят к выводу, что, хотя этот тип здания и восходит к античным образцам, он не должен был изображать одновременно и гроб господень, и источник жизни, и алтарь (с. 19).

Авторы проводят далее интересный анализ орнаментального декора хоранов, преследующий поставленную ими цель, а именно выявить его античные истоки.

Соглашаясь с К. Вейцманом и Е. Клеммом, они, однако, считают, что большинство орнаментов в арках хоранов код. 697 скопированы из раннехристианской книжной живописи, о чем свидетельствует распространенность их во многих, различных по месту исполнения, кодексах (с. 24). В этом разделе X. и X. Бушхаузен приводят хорошие новые параллели, например керченское блюдо коллекции Гос. Эрмитажа для орнамента арок хоранов 3в—4г. Авторы демонстрируют и другие аналогии (илл. 42), доказывающие те же положения. Удачным нам кажется привлечение для сравнения в заполнении люнета в четвертом хоране ранней античной мозаики (илл. 40) из церкви Каусси в Антакье, а с люнетом хорана 2г узора армянского ковра (илл. 39). Поздний по происхождению (XVII, XVIII вв.), он сохраняет раннюю традицию, что характерно для тканых изделий. Менее убедительна параллель с орнаментацией позднегреческих изделий, где применялась эмаль (чернильница первой половины III в., илл. 38, хоран 2 г).

Останавливаясь на декоре хоранов 2г, 3г, авторы не подчеркивают прямую близость их к декору хоранов Эчмиадзинского евангелия (л. 16 пальметты, птицы, разноцветные диски; также темплетто л. 5г — цветы, киматий, кусты гранатов), но связывают непосредственно с рукописями Македонского ренессанса, видимо, теми, которые принадлежат к той же группе, что и Эчмиадзинское евангелие.

По этому поводу мы хотели бы привести замечание К. Вейцмана: «В X в., — писал он, — армянские рукописи, особенно их орнаментация, влияли на стиль Константинополя. Картина меняется лишь в XI веке, когда характерные для последнего растительные композиции появляются и в армянских кодексах»¹. Пример этому находим в декоре самой же венской рукописи 697. Так, арки на хоранах 4в — 5г украшены розетками, характерными для византийского искусства. Авторы не фиксируют на этом своего внимания, так же как и на заполнении люнетов сложными растительными композициями. Нет сомнения, что как те, так и другие мотивы идут от норм византийского искусства X в., хотя они и довольно сильно трансформированы армянским мастером. Сохраняющие же еще пластичность трактовки пальметты² отличаются тем, что перевязанные стеблем, как узлом, они словно дают жизнь новой пальметтке, т. е. предвосхищают принцип арабески, широко принятый в искусстве халифата.

На подобную ориентацию указывают и трактовка капителей, некогда выполненных в коринфском стиле, — вместо них на большинстве капителей выступает

¹ Weitzmann K. Die armenische Buchmalerei des 10. und beginnenden 11. Jahrh. Bamberg, 1933, S. 15, 16.

² Weitzmann K. Op. cit., S. 16.

теперь различный арабскообразный узор. Ориентацию на искусство халифата подтверждают и лампы, типичные для мечетей и украшающие темплетто.

Из того же направления не выпадает в миниатюрах Венской рукописи 697 и декор в люнетах хоранов 3v — 4r. Здесь мы полностью соглашаемся с Э. Клеммом (с. 25), считаящим, что такие композиции идут из восточного искусства. Приведенная аналогия (илл. 43, ошибочно 44) безусловно дает, хотя и в более абстрактном и стилизованном варианте схему, представленную в композиции люнетов 3v — 4r. Пластичность и рельефность пальметт сочетается здесь с ярко выраженным принципом арабски — листья вырастают из завязанного узлом стебля предшествующего листа. Едва ли следует возводить эту трактовку к растительной лозе римского искусства и допускать происхождение всей композиции от черно-белых римских мозаик II—III вв. (с. 124).

Думаем также, что декор люнетов хоранов 5v, который авторы возводят к мозаике купола Скалы — памятнику времени раннего халифата (илл. ошибочно 43, вместо 44), не имеет прямого отношения к византийскому, более того, константинопольским памятникам. В качестве едва ли удачной аналогии приведена мозаика юго-западного ската в галерее св. Софии в Константинополе 567—577 гг. (илл. 45). Кроме того, в люнете 5v можно видеть и самостоятельный почерк армянского мастера, подчиняющего античный мотив рога изобилия отвлеченным и абстрактным нормам, близким арабскому искусству.

Высказанные замечания не нарушают развития основной линии исследования Х. и Х. Бушхаузен, стремящихся установить, как явствует из подзаголовка, позднеантичные истоки в декоре хоранов венской рукописи 697. Напомним, что и памятники раннего халифата во многом формировались на эллинистических основах. А птицы, столь типичные для армянской миниатюрной живописи (с. 27), имеют многочисленные прообразы и в эллинизованных, в том числе собственно армянских, мозаиках: укажем, например, на мозаику Иерусалима у Дамасских ворот. Птицы из этого же декоративного фонда вошли и в искусство армянской миниатюры.

На с. 26 авторы пишут, что Венский кодекс 697 «представляет искусство Великой Армении на рубеже тысячелетий, но также и Македонского ренессанса, который во все увеличивающейся мере воспринимает античные элементы». А почему это относится только к Македонскому ренессансу? Быть может, в меньшей степени, но это — явление идеологии эпохи, широко распространившееся как на Восток, так и на Запад в период образования ранних феодальных царств, что не исключает, конечно, и воздействия собственно Византии.

Вторую часть книги (с. 27—30) авторы посвящают миниатюрам с фигурными изображениями, считая их не одновременными с хоранами, но возникшими на ос-

нове более поздних образцов. По мнению Х. и Х. Бушхаузен, стиль миниатюр безусловно позволяет вывести их из византийского искусства второй половины VI—начала VII в. Авторы базируются на различии праздничных циклов в армянских рукописях IX—XI вв., на разной трактовке в них самих изображений. Перечисляя эти циклы, они останавливаются на листах, подшитых к концу Эчмиадзинского евангелия, и приводят мнение С. Дер Нерсисян. Видя в их стиле сирийские корни, она считает, что сами миниатюры возникли в Армении VI—VII вв. Для подтверждения С. Дер Нерсисян приводит в качестве аналогии фрески Лмбат-Ванка. Той же точки зрения придерживались Л. А. Дурново, В. Н. Лазарев и другие ученые, на этих позициях остаемся и мы.

Неверно считать роспись Лмбат-Ванка, как думают авторы, разрушенной (с. 28) настолько, что ее стилистические признаки едва заметны. Роспись Лмбат-Ванка и в настоящее время дает возможность рассмотреть и определить особенности ее стиля. Кроме того, несколько десятилетий назад, когда фрески находились в лучшей сохранности, они были скопированы Л. А. Дурново. Копия, хранящаяся в Государственной картинной галерее Армянской ССР (Ереван), воспроизведена в качестве фронтисписа в книге Л. А. Дурново³. Это дает полную возможность судить о ее стиле и о родстве с миниатюрами, подшитыми к концу Эчмиадзинского евангелия.

Непопятно, почему, вынося суждение о них, Х. и Х. Бушхаузен базируются лишь на сходных по стилю памятниках, находящихся за пределами Армении. Нет ничего удивительного в родственности стиля ранних армянских миниатюр с такими произведениями искусства, как, например, Паренцо (Пореч) или мозаики Сан-Витале в Равенне. Художественную жизнь Армении этого периода, что сейчас уже общепринято, нельзя рассматривать в отрыве от искусства стран Средиземноморья VI—VII вв. Армения в то время являлась неотъемлемым звеном общего культурного мира, соучастницей в создании художественных ценностей, хотя выванная этим общность и сочеталась в армянской миниатюрной живописи с присущими ей особенностями.

Точка зрения Х. и Х. Бушхаузен на миниатюры, подшитые к концу Эчмиадзинского евангелия, как на «упрощенную копию византийских памятников указанного времени, если не вообще остатков византийской рукописи» (с. 28), вызывает категорическое возражение. В этом утверждении наиболее ярко сказалась характерная для авторов «провизантийская» позиция в оценке армянских памятников, позицию, которую на данном этапе развития науки следует считать устаревшей.

Останавливаясь подробно на миниатюре «Жертвоприношение Авраама» (с. 29, 30),

³ Дурново Л. А. История армянской миниатюры. Ереван, 1957.

авторы сопоставляют ее с аналогичной иллюстрацией в начале Эчмиадзинского евангелия, которую они считают восходящей к раннехристианским образцам, сохраняющим античную традицию с привнесением иудейской. Это позволяет отнести ее образец к VI. (тоже аналогичная миниатюра в Евангелии Иерусалим 2555). В венской рукописи, пишут Х. и Х. Бушхаузен, дело обстоит иначе. Тот же сюжет, приближаясь к трактовке его в рукописи Космы Индикоплова (Ватикан, Код. гр. 649), имеет своим истоком александрийский прототип VI в. Некоторые элементы могут быть сирийского происхождения, некоторые имеют свои особенности.

Заключая этот анализ, авторы делают вывод, что в стилистическом и иконографическом отношениях (имеются в виду и миниатюры новозаветного цикла) фигурные иллюстрации Венского кодекса 697 принадлежат к иной традиции, чем миниатюры в начале Эчмиадзинского евангелия и родственных ему рукописей. По мнению авторов, указание на происхождение праздничного цикла венской рукописи заставляло, возможно, вспомнить неполностью сохранившееся Евангелие Млке, с которым, как нам кажется, цикл Венского евангелия 697 имеет мало общего — и в иконографическом, и в стилистическом отношениях.

На этом по сути дела Х. и Х. Бушхаузен заканчивают свое исследование, целью которого было выявление позднеантичных моделей. Заметим, что в понятие «позднеантичный» авторы включают и раннехристианские прототипы. Таким образом, содержание книги соответствует поставленной ими задаче. Однако, стремясь локализовать рукопись, являющуюся предметом их исследования, Х. и Х. Бушхаузен привлекают многочисленные рукописи XI в. (с. 31—33). Затронув в связи с ними слишком большое количество проблем, они не смогли, конечно, на двух страницах дать по ним исчерпывающие заключения. Может быть, не нужно было привлекать рукописи Малой Армении, родственные лишь по принципу наличия в них праздничного цикла и малой серии канонов, перекликающихся с Венским кодексом. Считая местом исполнения последнего Васпуракан, авторы придерживаются мнения Г. Акопяна, который на основании поздних рукописей локализует там и Евангелие 1038 г. (М 6201).

Автору рецензии приходилось высказывать в печати и другую точку зрения на локализацию Евангелия 1038 г., в соответствии с которой оно было исполнено в Тароне. Думаем, что там же, быть может, следует локализовать и парадную венскую рукопись 697 X в. Приведем дополнительную аргументацию в защиту этого взгляда. Напомним, что владетельные князья Тарона — Тарониты находились в X в. в теснейших связях с Византией. Получая от нее высокие звания, они вели двойственную политику, ориентируясь и на халифат. Эта двойственность пашла, видимо, отражение и в художественной жизни региона, территори-

ально смежного с обоими государствами. Так, в хоранах «княжеской» аристократической рукописи, какой является Венский кодекс 697, позднеантичная традиция и раннехристианская модели считались с нормами как византийского искусства X в., так и арабского эпохи раннего халифата. Евангелие 1038 г., а следовательно, смело можем говорить теперь, и вся школа этой рукописи, достигшая апогея несколько позже, в первой половине XI в., дает первоклассные памятники, иконографически не имеющие отношения к Венскому евангелию 697. Традиция, к которой обращены взоры мастеров кодекса 1038 г., также архаична, но не связана с античностью. Она восходит к собственным, очень ранним моделям, поднимавшим глубинные пласты восточно-христианского изобразительного искусства. Именно с этими ранними моделями и знакомит нас всплывшее всего лишь несколько лет назад так называемое Евангелие Вехапар (М 10780), миниатюры которого мало изучены и даже в большей своей части не изданы, что отмечают и авторы книги.

Эта уникальная рукопись позволяет объяснить истоки Таронской школы XI в., к которой, как мы считаем, и относится Евангелие 1038 г. со всеми привнесенными в него новшествами, обусловленными идеологическими сдвигами и общением с соседними странами, в том числе, несомненно, с Византией. Однако было бы ошибочно считать, что вполне оригинальные хораны Евангелия 1038 г. исполнены по византийским малоазийским образцам (с. 56). Едва ли авторы книги могли бы привести соответствующие аналогии (некоторые параллели налицо лишь в деталях орнамента).

Локализацию Евангелия 1038 г. Васпураканом по поздним рукописям XIII—XIV вв. также едва ли можно считать правильной. В народном осмыслении их миниатюр, исполненных в селениях северо-восточного побережья Ванского озера, лишь изживаются высокие достижения армянской школы миниатюры, достигшей своего расцвета в XI в.

Наиболее близки к Евангелию 1038 г. иллюстрации рукописей 1294 г. (М 4814) и 1306 г. (М 4806), исполненные в селениях Беркри и Бердак. Крайней примитивизации достигают в иконографическом плане отчасти сходные с Евангелием 1038 г. миниатюры более позднего Евангелия 1338 г. (М 4813), полностью, однако, различающиеся в оформлении хоранов этой группы рукописей.

Заметим, что сложившиеся в XIII—XV вв. в Васпуракане Хизанская и Ванская школы в большей мере могут быть поставлены в связь с кодексами Малой Армении (главным образом Евангелием М.974). Традиция же школы Евангелия 1038 г. долгие задерживалась там, где подобные ему рукописи могли быть известны и ранее. Нельзя забывать и того, что территории Тарона и Васпуракана тесно соприкасались, границы же средневековых княжеств вообще не были четко очерчены.

Высказанные нами предположения о локализации Евангелий 1038 г. и венской рукописи 697 Тароном могут объяснить и некоторые черты стилистического сходства их миниатюр, в частности разделки складок, в какой-то мере — трактовки лиц.

Добавим еще некоторые данные, аргументирующие возможность локализации Евангелия 1038 г. и, как мы думаем, Венской рукописи 697 X в. в Тароне. Владения семьи Таронидов, помимо Тарона, имелись в районе Халтоарич, который был связан с Карином и Чормайри — в истоках Чороха в Тайке. Торник (конец X в.) был одним из вассалов Давида Курополата, во владениях которого находились Кария (Эрзерум) и Басеан.

Сам Торник происходил из Карина. Один из грузинских манускриптов, носящих его имя, был написан в области Карина, являвшегося его родиной. Интересно также армянская надпись на кресте около селения Карарз. Она гласит: «Во имя Бога я Ованес . . . (лакуна) сын Чортванела, воздвиг сей крест во времена Василия (976—1025), Константина (1025—1028)». Н. Адонц считает несомненным, что надпись принадлежит Ованесу, сыну Чортванела, второе имя которого — Торник — должно было находиться на месте лакуны⁴.

⁴ Adoncz N. Etudes armeno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 309. Селение Карарз

Academy of Athens. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Vol. 1. Manuscripts of New Testament Texts 11th—12th Century/By Anna Marava-Chatziniçolaou, Christina Toufexi-Paschou. Athens, 1978. 257 p. + 654 figs.

В издательстве Афинской Академии наук вышел первый том капитального «Каталога иллюминированных византийских рукописей Греческой Национальной библиотеки», составленной Анной Маравы-Хатзиниколау и Христиной Туфокси-Пасху. Он посвящен кодексам X—XII вв., содержащим тексты Нового завета, и охватывает 61 рукопись. Национальная библиотека в Афинах обладает одним из лучших в мире собранием иллюминированных греческих рукописей, и уже по этой причине каталог заслуживает пристального внимания. Кроме того, данное издание может служить хорошим примером научного каталога, не только дающего исчерпывающую информацию о каждом из кодексов, но и вводящего эти рукописи в соответствующий круг памятников, связанный с определенной эпохой и представляющий определенное направление в истории книжного искусства Византии. Отмеченные достоинства побуждают подробнее остановиться на структуре каталога и основных исследовательских приемах, использованных при его составлении.

Изданию предпослано краткое предисловие А. Орландоса, определяющее место данного каталога в задуманной серии (следующий том будет посвящен греческим иллюминированным рукописям XIII—XVII вв., содержащим тексты того же

Эти исторические данные дают предположительные указания на то, что и сама школа Евангелия 1038 г. могла сформироваться в ареале Карина, возможно, на знаменитой горе Сепух, месте погребения Григория Просветителя, древнем центре армянской письменности и художественной деятельности — в одном из его монастырей, может быть, даже Аваг-Ванке. Заметим, что Евангелие 1038 г. было принесено жителями в Восточную Армению из-под Эрзерума, так же как и близко родственное ему Евангелие селения Цугрут.

В заключение заметим, что изыскания в области рукописей XI в. не являлись прямой задачей авторов книги, а при отсутствии точных данных вопрос о локализации может быть спорным. Задача, поставленная X. и X. Бушхаузен и обозначенная в заглавии книги, была полностью выполнена в предложенном им новом, роскошном издании с его высококачественными цветными иллюстрациями Венской рукописи 697 (X в.).

Т. Измайлова

сохраняет под турецкой обложкой старое название Арци, находившийся в нескольких десятках километров от Карина. Арци, разрушенный сельджуками, дал имя Эрзеруму: Арци-ар-Рум.

памятника). Введение, написанное составительницами каталога, знакомит читателя с историей возникновения собрания рукописей и этапами их изучения, содержит общую характеристику состава кодексов и излагает принципы их научного описания, существенной частью которого являются примечания. В них, как правило, аргументировано отнесение той или иной рукописи к соответствующей фазе истории византийского искусства и детально освещены особенности иконографии и стили. Здесь же приведены библиографические заметки. К каталогу приложены список сокращений, индекс и список рукописей, указатели упомянутых в тексте кодексов, собственных имен и географических названий. Каталог иллюстрирован снимками записей, миниатюр, заставок и инициалов, а также некоторых переплетов. Многочисленные иллюстрации в цвете дают максимально приближенное представление об оригиналах.

Такой тип издания научного каталога иллюминированных рукописей, выпущенного в прекрасном полиграфическом исполнении, является идеальным. Воспроизведение миниатюр и элементов художественного декора весьма близко оригиналам и по размерам, что также весьма существенно. Однако при этом, к сожалению, не показано место миниатюр, за-

ставок и инициалов на странице, поскольку миниатюры воспроизведены без полей, а орнамента — как фрагмент листа. В тех случаях, когда продукция представляет общее оформление листа (рис. 7, 11, 14, 25—30, 228—231, 314), поля на снимках также обрезаны, и поэтому судить об облике кодекса как произведения книжного искусства затруднительно. Бывают случаи, когда исследователю приходится для иллюстрации своих работ пользоваться уже существующими фотоснимками, не отвечающими этим требованиям, вследствие чего он лишен возможности что-либо изменить. При проведении же специальной фотосъемки, думается, нет препятствий, вынуждающих отказываться от соблюдения принципа, по которому лист дается полностью¹. Целостное воспроизведение листов с миниатюрами и текстом (хотя бы по одному примеру для каждого кодекса) существенно облегчит систематизацию памятников книжного искусства Византии.

Рецензируемый каталог, как уже было сказано, охватывает 61 кодекс X—XII вв. Эти рукописи представляют очень сложный по своему составу материал, позволяющий осветить различные направления в развитии книжного искусства Византии на протяжении нескольких этапов. Каталогные статьи рассматриваемого издания имеют характер весьма сжатых монографических исследований, авторы которых не оставляют без внимания ничего, что способно выяснить значение того или иного кодекса в истории искусства оформления книги. При этом scrupulously учтены как аналогичные памятники, так и их характеристики и оценки, встречающиеся в литературе. Особенно тщательно зафиксированы мнения таких крупных исследователей, как А. Н. Грабар и К. Вейцман. В рецензии, разумеется, невозможно оценить все памятники, результаты изучения которых нашли отражение в афинском каталоге. Высокие научные достоинства этого труда, потребовавшего от его авторов прекрасного знания материала и большой эрудиции, становятся особенно очевидными в процессе практического применения каталога, при работе с рукописями, не служившими предметом столь же длительного и разностороннего изучения.

Датировки рукописей, как правило, тщательно аргументированы путем сопоставления с датированными кодексами каждого из рассматриваемых памятников. Это дает возможность оценить надежность оснований в одних случаях и наглядно увидеть состояние изученности — в других. Коснемся некоторых рукописей, выделяющихся специфическими чертами оформления, поскольку такие рукописи в определенной мере могут иметь значение

для изучения памятников в советских книгохранилищах либо способствовать лучшему пониманию начальных этапов книжного искусства у славян. Наши наблюдения поэтому отчасти связаны прежде всего с указанными практическими задачами, что, как можно видеть, не чуждо и составителям рассматриваемого каталога.

Лицевое Четвероевангелие, описанное под № 1 (cod. 56), отнесено к середине X в. Этот кодекс константинопольского происхождения, написанный прекрасным «жемчужным» почерком, хорошо известен в литературе, особенно украшающими его миниатюрами. Изображения евангелистов, прототипы которых восходят к античным моделям, принадлежат к наиболее ярким примерам неоклассицизма в византийской живописи эпохи Македонской династии наряду с другими памятниками, рассеянными по афонским монастырям, а также европейским и американским книгохранилищам. Ж. Иригуэн полагает, что кодекс был изготовлен в скриптории Ефрема, в котором были в X в. переписаны многие произведения античных авторов². Авторы каталога, анализируя вкладную запись монаха Иоанна Синкелла, который был протоспафарием и протонотарием, отождествляют его с лицом, о котором упоминает Кедрич (с. 25—26). Если в данном случае речь идет о протонотарии Василия II (976—1025), ставшем монахом при Романе III Аргире (1028—1034), не логично ли Четвероевангелие афинской библиотеки сопоставить с константинопольской книжной продукцией последней четверти X в.? Художественное оформление византийских иллюминированных рукописей столетнего происхождения X в. отнюдь не отличается единством стиля. В каталоге приведен перечень кодексов с подобными миниатюрами, и среди них лишь одна датированная рукопись — Евангелие в афонском Ватопедском монастыре (№ 949), датированное 948 г. Орнаментальный декор, с одной стороны, сходен с украшающим книги, датируемые обычно серединой X в., с другой — близок памятникам книжного искусства последней четверти X в., в числе которых и сборник гомилий Иоанна Златоуста в афонском монастыре Дионисия (№ 70) (с записью, датированной 995 г.). Общий характер оформления афинского Четвероевангелия, на наш взгляд, ближе к декору константинопольских рукописей последних десятилетий, чем середины X в. В какой-то мере его можно определить как разностильный или, осторожнее, — переходный. Так, заставка на л. 5 заметно отличается от остальных, а также от орнаментики таблиц капонов. В хронологическом отношении этот кодекс, думается, недалеко отстоит от таких рукописей, как происходящее из афонского монастыря Кутлумуш Четвероевангелие, переписанное писцом Николаем и датированное 999 г. (Москва,

¹ Несоблюдение этого принципа ограничивает возможности практического использования и такого ценного издания, как: *Pelekanides S. M., Christou P. C., Tsioumis Ch., Kadas S. N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Athens, 1973—1975. Vol. I, II.*

² *Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins. — Scriptorium, 1958, XIII, p. 191—193.*

ГИМ, Муз. 3644) ³, а также Четвероевангелие с острова Сиры (Ленинград, ГПБ, греч. 67) ⁴, хотя явно предшествует им.

Четвероевангелие № 2 (cod. 123), датируемое составительницами каталога IX в., имеет колофон 1145 г., а также запись о принадлежности книги Пацковскому монастырю. Как предполагают авторы, рукопись, возможно, происходит из Бачковского монастыря в Болгарии (с. 27). Кодекс украшает единственная миниатюра с изображением сидящего евангелиста Луки и его символа, уже неоднократно служившая предметом суждений различных специалистов (ее относили к IX в.). Авторы каталога приводят обширный сравнительный материал, привлекая восточно-христианские и каролингские лицевые рукописи, а затем сопоставляют миниатюру со славянскими рукописями балканской группы (Мирославо-евангелие, Призренское евангелие, Добрейшево евангелие, возникшими в конце XII—первых десятилетиях XIII в., их иллюстрации созданы под сильными воздействиями раннехристианских моделей. Это явление в искусстве балканских славян указанного периода изучено с достаточной обстоятельностью ⁵. Поэтому едва ли следует возражать против отнесения миниатюры афинского кодекса к 1145 г., т. е. времени, когда книга находилась в Болгарии. Мы ничего не можем сказать об особенностях письма древнейшей, основной части рукописи, датируемой IX в. Что касается текста на л. 88, составляющем единое целое с предыдущим, на оборотной стороне которого выполнен миниатюра, то нетрудно заметить, что это письмо совершенно не типично для греческих рукописей середины XII в. и подчинено нормам южнославянской палеографии. Если это наблюдение верно, то ничто не препятствует отнесению миниатюры к болгарским памятникам, и в таком случае она должна рассматриваться как соединительное звено между миниатюрой Зографского евангелия (Ленинград, ГПБ, Глаг. 1) в его более поздней глаголичес-

ской части ⁶ и группой уже указанных кодексов Евангелия, древнейшим среди которых является Мирославо (около 1180—1190 гг.).

В Национальной библиотеке в Афинах находится еще одна иллюминированная греческая рукопись, имеющая непосредственное отношение к истории средневекового славянского искусства книги. Это — Деяния и Послания апостолов конца X—начала XI в., № 8 (cod. 149). Ее листы украшены заставками с мотивом плетенки, а также с растительным и зооморфным элементами, обычными в оформлении греческих рукописей балканского происхождения, частью выполненных, может быть, на Афоне. И заставки, и инициалы кодекса выдержаны в «инкрустационной» манере. Наиболее примечательную особенность декора составляют изображения апостолов Петра и Павла, держащих свитки со славянскими текстами. Эти кириллические тексты написаны той же рукой, что и греческие заглавия апостольских посланий, и, следовательно, о более поздней датировке изображений не может быть речи. Составительницы каталога сопоставляют фигуры апостолов с изображением в Зографском евангелии и с уже упомянутыми южнославянскими лицевыми рукописями. На наш взгляд, их следует в первую очередь соотносить с изображениями евангелистов в Маринском Евангелии (Москва, ГБЛ, Григ. 6. М., 1689), современном афинскому кодексу. Колорит и манера выполнения — те же, что и в заставках. Рисунок не передает анатомически правильное строение фигуры, однако лица и жесты достаточно выразительны. Иконографические типы восходят к каким-то ранним моделям. Тезис о южноиталийском происхождении афинской рукописи по крайней мере нуждается в обстоятельной аргументации, предположение же И. Максимовича о том, что кодекс — XI в. или несколько более позднего времени ⁷, отвергать невозможно.

Для истории славянского книжного искусства его наиболее ранней поры, оставшегося еще не затронутым воздействием роскошного «эмальерного» стиля константинопольских образцов, несомненно, важное значение приобретает публикация таких памятников, как Евангелие-апракос второй четверти X в. (cod. 60), Евангелие-апракос из монастыря Дусикон X в. (cod. 59), Четвероевангелие начала XI в. из того же монастыря (cod. 74), а также ряд более поздних рукописей того же направления. Это течение в книжном искусстве Византии X—XI вв. активно использует восточно-христианское наследие раннего средневековья, из сокровищницы которого широко черпали орнаментальные мотивы и иконографические схемы также

³ *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. В., 1966, S. 303—305.

⁴ *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. М., 1977, табл. 29—32.

⁵ К указанным в каталоге работам следует присоединить: *Грабар А.* «До-история» болгарской живописи. — В кн.: Сборник в честь па В. Н. Златарски. София, 1925, с. 558—566; *Чорович-Любичкович М.* Призренско четворојевањье. — Старинар. Н. С., 1969, XIX, с. 191—202; *Максимович Т.* Студије о Мирослављевом јеванђељу. I. — Сборник Народног музеја. Београд, 1964, IV, с. 201—217; II. — Сборник за ликовне уметности. Нови сад, 1970, 6, с. 3—11; III. — Там же, 1972, 8, с. 41—50; IV. — Сборник Народног музеја. Београд, 1975, VIII, с. 383—393; V. — *Sargh.*, 1976, XXV, p. 123—129.

⁶ *Каринский Н.* Образцы глаголицы. СПб., 1908, рис. 3.

⁷ *Максимович И.* Сликаство минијатура у средњовековној Босни. — ЗРВИ, 1976, 17, с. 181, сл. 8.

грузинские и армянские иллюминаторы рукописей⁸.

Составленный А. Марави-Хатзиниколу и Хр. Туфeksi-Пасху каталог дает не меньше материала и тонких наблюдений и относительно развития столичной линии художественного оформления средневековой греческой книги. Напротив, указанный материал является даже преобладающим и в силу своего богатства и обилия первоклассных образцов позволяет чрезвычайно подробно, буквально шаг за шагом, проследить становление и развитие «эмальерного» стиля, во владении которым художники константинопольских скрипториев XI—XII вв. не имели себе равных. Стремление культивировать этот стиль, с присущим ему уподоблением орнаментальных украшений драгоценным перегородчатым эмалям, порой доходящим до полной иллюзии, было свойственно и грузинским мастерам XI—XII вв.⁹, и художникам киевского княжеского скриптория второй половины XI—начала XII в. На Руси после Остромирова евангелия (1056—1057), Изборника Святослава 1073 г., «русских» миниатюр Трирской Псалтири и Метиславова евангелия этот стиль надолго исчезает и вновь появляется уже в Москве в самом конце XIV в., при иных условиях и под воздействием иных моделей.

Как ни трудно среди столь великолепных по художественному оформлению иллюминированных рукописей афинской Национальной библиотеки выделить лучшие образцы, все же это оказывается возможным. Даже в числе наиболее высоких примеров книжного искусства

Константинополя не так много можно указать таких поистине изумительных кодексов, как Четвероевангелие третьей четверти XI в., № 26 (cod. 57), украшенное листовыми миниатюрами с изображениями евангелистов, таблицами канонов и заставками. Указанная рукопись, некогда переданная константинопольскому монастырю Иоанна Предтечи Пётра, явно выплыла в те же годы и из того же дворцового скриптория, что и Апостол московской Университетской библиотеки (2280), датированный 1072 г.¹⁰

Рассмотрение иллюминированных рукописей, представленных в каталоге, выдвигает много различных проблем, относящихся к истории византийского книжного искусства. Авторы описаний и весьма ценных примечаний к ним легко ориентируются в почти необозримом море памятников и специальной литературы. Не загромождая страницы книги избыточными сведениями, они очень осторожно и тактично определяют круг рукописей, принадлежность к которому того или иного кодекса ими обосновывается. В итоге у читателя каталога всегда есть возможность проверить убедительность аргументации и не повторять уже однажды проделанный труд по систематизации. Этот каталог один из лучших в ряду изданий подобного типа. Без него не сможет обходиться ни один исследователь книжного искусства Византии, он безусловно принесет пользу не одному поколению византистов. А. Марави-Хатзиниколу и Хр. Туфeksi-Пасху заслуживают искренней благодарности за большой и полезный труд, существенно облегчивший знакомство со значительной частью византийских иллюминированных рукописей Афинской Национальной библиотеки.

В. Г. Луцко

⁸ См.: Шмерлинг Р. Художественное оформление грузинской рукописной книги IX—XI вв. Тбилиси, 1967—1979. Ч. I, II; Измайлова Т. А. Армянская миниатюра XI века. М., 1979.

⁹ Подробнее см. *Амиранашвили Ш.* Грузинская миниатюра. М., 1966.

¹⁰ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки, М., 1977, вып. 2, № 493.

Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 200 с., 60 черно-белых и VIII цветных таблиц.

В ряду малых форм искусства эмали занимали в средневековом христианском мире особо значительное место: их специфические художественные качества в наибольшей мере выражали сущность господствующего мирозерцания. В последние десятилетия появилось несколько обобщающих трудов, посвященных перегородчатым эмалям. Таковы книга К. Весселя¹ о византийских эмалях (изданная на немецком и английском языках), исследование Т. И. Макаровой о древнерусских перегородчатых эмалях², великолепные публикации о «Pala d'oro» и

сокровищах собора Сан-Марко в Венеции³. Две монографии характеризуют венгерские памятники⁴. Недавно изданы замечательные находки в Болгарии, близ Преслава, до тех пор известные лишь по журнальным откликам и кратким каталожным данным⁵. Вошли

¹ Wessel K. Die byzantinische Emailkunst. Recklinghausen, 1967; Byzantine Enamels. Irish University Press; Shannon, 1969.

² Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.

³ Il Tesoro di San Marco / Opera diretta da H. Hahnloser. I. La Pala d'oro. Firenze, 1965; II. Il tesoro e il Museo. Firenze, 1971.

⁴ Deer J. Die Heilige Krone Ungarns. Wien, 1966; Kovacs E., Lovag Z. Die ungarische Krönungsinsignien. Budapest, 1980.

⁵ Томев Тотю. Преславско златно съкровище. София, 1983; см.: Он же. Преславско съкровище. — Славяни, 1978, август, с. 16—17; La Bulgarie médiévale: Art et civilisation. Grand Palais. P., 1980, p. 108, N 156—190.

в поле зрения некоторых авторов и южно-итальянские памятники⁶.

Собрания эмалей в музеях Грузии, прежде всего в Государственном музее искусств Грузии, отличаются исключительным богатством. Литература о грузинских эмалях невелика: это — исследование отдельных памятников или их групп и общие, относительно популярные книги. Большое число грузинских памятников включает знаменитый труд Н. П. Кондакова о византийских эмалях, изданный на нескольких языках⁷, что способствовало их введению в европейскую науку. Д. П. Гордеев в специальных исследованиях тонко отметил некоторые особенности этих эмалей⁸ и сопоставил их с известными византийскими памятниками. Ш. Я. Амиранашвили, как бы споры ни были некоторые предположенные им атрибуции, несомненно определил интерес к грузинским эмалям далеко за пределами их родины⁹.

Автор рецензируемой книги уже выступал в печати с рядом статей, посвященных грузинским и византийским эмалям¹⁰. Его исследование — первый обобщающий труд в избранной области. Общее число изученных произведений достигает пятидесяти: все они обследованы Л. З. Хускивадзе *de visu*, а многие, находящиеся за пределами страны, — по фотографиям и репродукциям. Исследование построено на базе всестороннего конкретного анализа каждого памятника, его технических, иконографических и стилистических особенностей. Основной задачей автора является именно определение «стилистической сущности» грузинских эмалей (с. 5). Прежде всего автором устанавливается поэтому принадлежность грузинским мастерам тех или иных произведений. Некогда И. А. Орбели в пылу полемики несколько преувеличенно обвинял Н. П. Кондакова в неверном подходе к оценке грузинских и русских образцов эмалей¹¹:

⁶ *Maksimović J.* Emaux italo-byzantines en Italie Méridionale et à Dubrovnik. — In: *Actes du XIIe Congrès des études byzantines.* Beograd, 1964, t. III, p. 245—249, fog. 1—19.

⁷ *Кондаков Н.* История и памятники византийской эмалей. СПб., 1892.

⁸ *Гордеев Д. П.* Описание пяти грузинских эмалевых медальонов с надписями на иконе Спаса, хранящейся в ризнице Гелатского монастыря. — *Христианский Восток*, 1917, т. V; *Он же.* К вопросу о разгруппировании эмалей Хахульского склани. — *Мистецтвознавство*, Харків, 1928, I, с. 147—165.

⁹ *Amiranashvili.* Les émaux de Géorgie. P., 1962; *Амиранашвили Ш.* Хахульский триптих. Тбилиси, 1972.

¹⁰ *Хускивадзе Л.* Группа грузинских перегородчатых эмалей рубежа XII—XIII вв. — *ВВ*, 1977, 38, с. 123—135; *Она же.* Византийские эмалы в собрании Гос. музея искусств Грузии. — В кн.: *Средневековое искусство: Русь—Грузия.* М., 1978, с. 212—218 и др.

¹¹ *Орбели И. А.* О классовых корнях некоторых традиций исторической нау-

ки. — *Сообщения ГАИМК*, Л., 1931, № 1, с. 14.

Л. З. Хускивадзе стремится к объективной характеристике рассматриваемого ею материала. Во введении, следующем за кратким предисловием, автор определяет особенности техники перегородчатой эмалы по сравнению с перегородчатой инкрустацией и на этом основании убедительно опровергает принадлежность некоторых памятников II в., найденных в Грузии, к этому виду искусства. Во втором параграфе введения дается краткая характеристика древнейших известных образцов перегородчатых эмалей различного происхождения, но делается все же спорное заключение, что «грузинские эмалы не обязательно ставить в прямую зависимость от Византии» (с. 16). В третьем параграфе введения раскрывается главным образом техника изготовления этих эмалей, в четвертом — история их изучения.

Основное содержание работы заключено в пяти главах, в которых исследуемый материал рассматривается в хронологическом порядке: ранние памятники VIII—IX вв., памятники X в., эмальерное искусство Грузии XI в., перегородчатые эмалы XII—XIII вв. и поздние эмалы. К исследованию, итоги которого подведены в заключении, приложены: список сокращений (около 70 названий), являющийся собственно списком основной использованной литературы, и резюме на французском языке.

Памятники, рассматриваемые, как уже говорилось, в хронологическом порядке, часто сопоставляются с родственными произведениями, возникшими в других странах. Сравнивая грузинские эмалы с византийскими, реже — западноевропейскими, Л. З. Хускивадзе выявляет художественную специфику грузинских памятников.

Далеко не всегда исследователями определяется национальная специфика произведений искусства: это — нелегкая задача, поскольку многие общие черты сближают памятники, исполненные в одинаковой технике и созданные в сходных социальных, политических и культурных условиях, в данном случае — памятники, на которых лежит отпечаток христианского мировоззрения. Отсюда — разноречия в атрибуции тех или иных эмалей такими исследователями, как Н. П. Кондаков, К. Вессель, Ш. Я. Амиранашвили. Л. З. Хускивадзе заложила фундамент для объективной оценки собственно грузинских памятников. В некоторых случаях она опаривает атрибуции, ранее данные Ш. Я. Амиранашвили, часто не соглашается с К. Весселем, недооценивающим особенности отдельных грузинских эмалей и приписывающим их Византии. Значительное достоинство книги — пронизывающее ее стремление автора к объективности оценок.

Литература использована Л. З. Хускивадзе с достаточной полнотой, однако, очевидно, до момента сдачи рукописи

в печать: в перечне отсутствует столь крупное и значительное издание, как второй том «Tesoro di San Marco», не говоря уже о небольших специальных исследованиях, касающихся, правда, преимущественно не грузинских, а византийских эмалей¹². В это время не были также известны замечательные находки в Болгарии. Более непростительна ссылка на старое издание «Трактата Теофила» — прежняя датировка этого источника X веком давно отвергнута¹³, и его принято относить к XII в. Упущено и всестороннее исследование кувшина из Сан-Мориса¹⁴.

Сопоставление грузинских памятников с византийскими на различных этапах осуществлено Л. З. Хускивадзе, как правило, убедительно; возражения могут вызвать лишь некоторые оценки памятников. Отличая от наиболее совершенных, аристократических (неудачное определение — античный — с. 131, 170) византийских образцов выявить легче, чем дать адекватные словесные характеристики памятников, созданных вне пределов империи или на ее периферии. Отмечаемые автором технические промахи, отступления от строгости прототипов в рисунке, выразительность образов свойственны не только грузинским, но и памятникам, созданным, например, в Южной Италии или Далмации¹⁵. Впрочем, точные описания, даваемые Л. З. Хускивадзе, да и зрительное восприятие этих эмалей не позволяют их принять за грузинские.

Интересна постановка вопроса о возможности изготовления эмалей грузинами по византийским образцам, особенно в XI в. Автор прав, что именно в этом веке с большой силой проявилась эта (по определению Ш. Я. Амиранашвили) «грекофильская» струя: ее можно проследить и в книжной миниатюре, и на некоторых образцах скульптуры (алтарные преграды), и в чеканке по серебру. Именно в XI в. была особенно велика сила экспансии византийского искусства в различные страны.

Л. З. Хускивадзе обращается к аналогиям в развитии художественного процесса в сфере фресковой живописи (не всегда, впрочем, одинаково удачно), скульптуры, чеканки. Если сравнения с первыми довольно затруднительны, то аналогии в области торевтики можно было бы привести в большем числе.

В числе упущений автора следует указать на сознательный отказ от рассмотре-

ния орнамента. Л. З. Хускивадзе права в том, что в большинстве случаев орнамент не является типично грузинским (но и это важно: желательно было бы отметить, что именно замствуется), однако в отдельных случаях (например, таблицы II, XIV, XV) некоторые мотивы кажутся своеобразными. Упущением является и почти полное отсутствие палеографических наблюдений: не берусь утверждать применительно к грузинским надписям, но полагаю, что и они, подобно греческим (см., например, экскурс о надписях на Пала д'Оро), в известной мере эволюционировали. Между тем на с. 27 автор даже отрицает значение надписей для датировки вардзийских эмалей. Вызывает удивление, что в Грузии, в отличие от многих других стран, не обнаружено эмалей археологического происхождения. Так, образцовый во многих отношениях труд Т. И. Макаровой построен на материалах почти исключительно кладов или раскопок. Они позволили в известной мере наметить и наличие возможных центров эмальерного дела. Не исключена возможность местного производства эмалей и в Болгарии. В свое время Ш. Я. Амиранашвили ставил вопрос о наличии в Грузии нескольких центров по изготовлению эмалей. Л. З. Хускивадзе не находит этому подтверждения. Априори представляется, что в стране со столь древними традициями в сфере изготовления ювелирных изделий различных видов такие центры могли бы быть, однако автор проявляет осторожность в решении этого вопроса, что можно скорее приветствовать.

Л. З. Хускивадзе с уважением, но критически рассматривает работы своих предшественников. Искусство эмали она характеризует на общем фоне развития грузинского искусства, учитывая в известной мере своеобразие исторической обстановки на различных этапах. Датировка и группировка материала представляются убедительными. Стилистическая характеристика этого вида искусства (задача, которую прежде ставил перед собой автор) дана достаточно четко. Книга в целом представляет собой ценный вклад в историю грузинского искусства.

К сожалению, местами бросаются в глаза языковые шероховатости, не подвергшиеся должному редактированию¹⁶. Тем не менее следует всячески приветствовать работу издательства «Мецниереба», выпустившего на русском языке ряд интересных книг по истории грузинского искусства, благодаря чему широкие круги читателей имеют возможность познакомиться как с самими памятниками, так и с результатами работ грузинских ученых.

А. Банк

¹² Например: *Hetherington P. Byzantine Enamels on a Venetian Bookcover.* — *Carch.*, 1978, XXVI, p. 117—144.

¹³ См.: *Theophilus. The Various Arts/Transl. . . with Introd. and Notes by C. R. Dodwell. L.*, 1961, p. XVIII—XXXIII.

¹⁴ *Alföldi A. Die Goldkanne von St. Maurice d'Againe.* — *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*, 1948, X, S. 121.

¹⁵ *Maksimovič J. Emaux italo-byzantins, fig. 25.*

¹⁶ Например, на с. 46 и других вместо слова «оклад» (или «переплет») употреблено слово «обложка»; на с. 49 — слово «переключание»; на с. 71—72 — выражение «от его полного откровения (?) взгляда»; на с. 147 — «холодной бо- жественной МР ΘΥ» и т. п.

А Н Н О Т А Ц И И

Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur — Gegensätze — Spannungen. München: Wilhelm Fink, 1977. 334 S.

Предлагаемая читателю «карманная книга» вышла в свет в серии «Критическая информация», которая знакомит тех, кто интересуется наукой, с вопросами специальных дисциплин. Заслуживает одобрения тот факт, что в подобной серии вышла книга по византиноведению, ведь в современном историческом сознании (в широком смысле понятия) феномен Византии пока еще не занимает надлежащего места. Однако, поскольку работа Тиннефельда, несмотря на легкость изложения, предполагает наличие у читателя достаточно высокой профессиональной подготовки, практически она доступна лишь специалистам.

В выборе тематики Тиннефельдом заметно влияние марксистского византиноведения — отрядный факт, свидетельствующий о дальнейшем распространении марксистской науки. Правда, автор пытается решить свою задачу с помощью немарксистских методов. Так, он избегает понятия «класс» и отказывается от необходимой для адекватного понимания социальной истории Византии этого периода характеристики особенностей ее экономического развития.

Понятие «ранневизантийский» автор относит лишь к восточной половине Римской империи: сомнительно, однако, что проблемы социальной структуры Италии и западной половины империи (по крайней мере до V в.) вообще существенным образом отличаются от соответствующих вопросов, касающихся восточной части империи. Во всяком случае, для Западной Римской империи мы располагаем такими материалами источников, подобными которым отсутствуют для восточных областей.

Возникают сомнения и относительно хронологических рамок работы. Тинне-

фельд начинает изложение с 330 г., а между тем направление внутриаполитического развития в последующую эпоху определили реформы Диоклетиана. Заканчивается исследование — и вполне правомерно — 610 г. (изложение Фоки).

В первой части речь идет о группах населения, которые количественно определяли облик византийского общества — землевладельцах и земледельцах. Сенаторскому сословию, учитывая его политическую значимость, отведена особая глава. Социальная структура ранневизантийского города рассмотрена на примере Антиохии, специфика которой распространяется на остальные города империи. Не вполне последовательно обособление раздела о «религиозных группировках в христианском городе». Раздел «Германская проблема в IV в.» дан автором как приложение.

Работа написана на основании тщательного изучения источников и безбрежной литературы, посвященной этому периоду.

Ранневизантийское общество определяется как «динамичное социальное образование». Эта динамика, конечно, не была всеобъемлющей: меньше всего она имела место в деревне.

Несмотря на отмеченные недостатки, работа Тиннефельда послужит новым импульсом для обратившихся к ней специалистов¹.

¹ Ср. вышедшие на эту книгу рецензии: Rosch G. — JÖB, 1979, 23, S. 340 f.; Herz P. — Gymnasium, 1979, 86, S. 499 f.; Matschke K.-P. — Deutsche Literaturzeitung, 1979, 100, S. 127 ff.; Schreiner P. — HZ, 1979, 229, S. 403 f.

И. Ирмиер

Цанкова - Петкова Г. България при Асеневи. София: Народна просвета, 1978. 191 с.

Интерес ученых разных стран и разных специальностей к истории Второго Болгарского царства (1187—1396 гг.) закономерно обусловлен не одной только значимостью внешнеполитических процессов, в особенности болгаро-византийских отношений, для судеб Византии, Болгарии и других государств Юго-Восточной Европы. Весьма важно также развитие

самостоятельной болгарской государственности, церкви и культуры после освобождения страны от византийской власти в результате восстания во главе с Асенями (1185 г.) и в плане источниковедческом и историографическом — постепенное расширение источниковедческой базы за счет неизвестных ранее или неиспользованных (малоизвестных) па-

мятников (включая письменные, археологические, эпиграфику и т. д.), а равно и то обстоятельство, что в результате усилий современных историков по-новому освещаются те или иные события той бурной поры. Этим вызвано и стремление болгарской медиевистики Г. Цанковой-Петковой дать в небольшой книге синтез уже известных достижений науки и своих собственных, новых, иногда спорных выводов о начальном этапе Второго Болгарского царства.

В отличие от своих предшественников (В. Н. Златарского и др.) автор ограничивает рамки книги и вместе с тем так называемой эпохи династии Асеней лишь семью десятилетиями (1186—1257 гг.), полагая (см. примеч. на с. 10), что данный период истории Болгарии необходимо доводить не до 1280 г., а лишь до смены «прямых наследников» Ивана Асеня II (т. е. его сына Михаила и племянника Калимана II) последующими правителями, представителями и ставленниками боярства.

В то же время несколько иначе, чем это принято в историографии, автор устанавливает и первую хронологическую грань этой эпохи. Так, в 1-й главе, следующей за кратким введением (с. 9—11) и обзором главных источников (с. 13—20), рассматривая предпосылки антивизантийского восстания в Болгарии во главе с Асенями, войну повстанцев с Византией и развитие восстановленного Болгарского царства вплоть до начала XIII в., Г. Цанкова-Петкова предлагает датировать начало восстания 1186 г., а не 1185 г., как обычно.

Последующее изложение строится в соответствии с главными задачами, постав-

ленными ею, а именно анализом малоисследованных проблем: политических отношений Болгарии и образовавшихся после IV крестового похода государств (особенно Латинской империи, Никейского и Эпирского царств) на широком международном фоне и культурной политики болгарских царей Калояна, Борила и Асеня II. Под этим углом зрения освещаются вопросы истории Болгарии в гл. 2-й «Укрепление государства при Калояне» (с. 51—86) и 3-й «Болгария в правление Борила» (т. е. в 1207—1218 гг. — с. 87—108), причем автор предпринимает здесь попытку пересмотреть распространенную в историографии негативную оценку политики Борила (с. 103—104, ср. с. 174—175 и 188). Две главы посвящены соответственно «Расцвету Болгарского государства при Иване Асене II» (с. 109—137) и «Болгарскому государству и болгарской государственной традиции при прямых наследниках Ивана Асеня II» (с. 138—148).

Последняя, 6-я глава продолжает уже отчасти намеченную (в заключении 2-й гл.) линию анализа духовной и материальной культуры страны, и тут разобраны свидетельства второй четверти XIII в. (с. 149—168). В заключении (с. 169—179) автор суммирует основные линии и тенденции развития Болгарии на протяжении этой первой трети эпохи Второго царства. В книге имеется библиография (с. 180—184), список сокращений (с. 186), резюме на русском и французском языках (с. 187—191), генеалогическая схема династии Асеней (почему-то на с. 24—25), многочисленные иллюстрации (впрочем, нет ни одной карты).

Е. П. Наумов

О n a s c h К. Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichwörter. Leipzig, 1981. 495 S.

В заглавие новой работы известного немецкого теолога и искусствоведа К. Онаша (ГДР) поставлены три определяющих слова: «восточная церковь», «литургия», «искусство». Однако на самом деле тематика ее намного шире, нежели особенности литургии и литургического творчества восточной (т. е. преимущественно византийской, русской православной, ближневосточных, армянской и грузинской) церкви.

Удобная форма расположения материала — в виде лексикона — позволила автору включить такие разделы, которые, казалось бы, не имеют строго непосредственного отношения к «литургии» и «искусству», но тем не менее не могут быть обойдены вниманием, так как в действительности определяют «среду», где развивались и формировались как сама литургия, так и элементы литургического творчества. Это статьи, посвященные церковному праву, монастырю, церковной иерархии, проблеме эстетического восприятия культа и т. д. Наряду с этим упоминаются (конспективно) различные толки (монофизитский, несторианский, маронитский) и движения (например, иконоборчество), оказавшие существенное влияние на развитие литургического творчества в восточной церкви. Онаш де-

тально рассматривает также и обряды каждого из упомянутых толков, сравнивая и сопоставляя их.

Непосредственно «литургии» — тайнодействию — автор отводит основную часть своего труда (в работе содержатся также сведения о других таинствах — крещение, причастия и т. п. — и их совершении в восточной церкви). При этом наряду с различными типами «литургии» (св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустного, Преждеосвященных даров, Петра и Якова и т. д.) Онаш уделяет большое место также «внешней» стороне ее. Лексикон содержит особые разделы о церковной утвари («алтарная утварь», «дароносица», «рака» и т. п.), облачениях священнослужителей, типах крестов и т. д. Будучи специалистом в области иконописного искусства, автор не обходит вниманием и эту сторону церковной практики. Однако наряду со статьями о типах икон, применении их в богослужении восточной церкви, правилах размещения на иконостасе, в «красном угле» много внимания отведено «технической» стороне — процессу подготовки доски, красок, правилу нанесения изображений и т. д.

Церковный календарь, праздники, порядок их проведения — еще один аспект,

рассматриваемый в лексиконе Онаша. Как правило, автор говорит о времени возникновения праздников (приводятся возможные точки зрения на этот вопрос), их истории и, наконец, перечисляет те отрывки из текста Писания, которые должен читать священнослужитель. Что касается текстов — «литературной» стороне литургии, то читатель может найти в данном лексиконе самую полную информацию и о них. Онаш характеризует различные типы книг — от богослужебной литературы, применяющейся епископом, священником и диаконом во время службы, до «четырех книг» — небогослужебного чтения (для мирян). Автором исследуются также сюжеты из Писания, распространенные в литургической практике. С «литературным» аспектом богослужения тесно связан и «музыкальный»: Онаш анализирует возникновение церковной музыки,

существующие музыкальные жанры, типы нотации.

Резюмируя, необходимо еще раз подчеркнуть методический принцип, положенный Онашем в основу издания: каждое явление ставится им в контекст христианской культуры, рассматривается в диахроническом срезе и сопоставляется с современными ему явлениями. В конце книги помещена сводная таблица терминов (греческих, латинских, старославянских), приведены литургические тексты и дан подбор иллюстраций (помимо содержащихся в тексте).

Каждую статью завершает обширный список литературы, в котором отражены современные западные публикации, русские дореволюционные сочинения и работы советского времени. В целом лексикон Онаша является квалифицированно составленным справочным пособием.

Н. С.

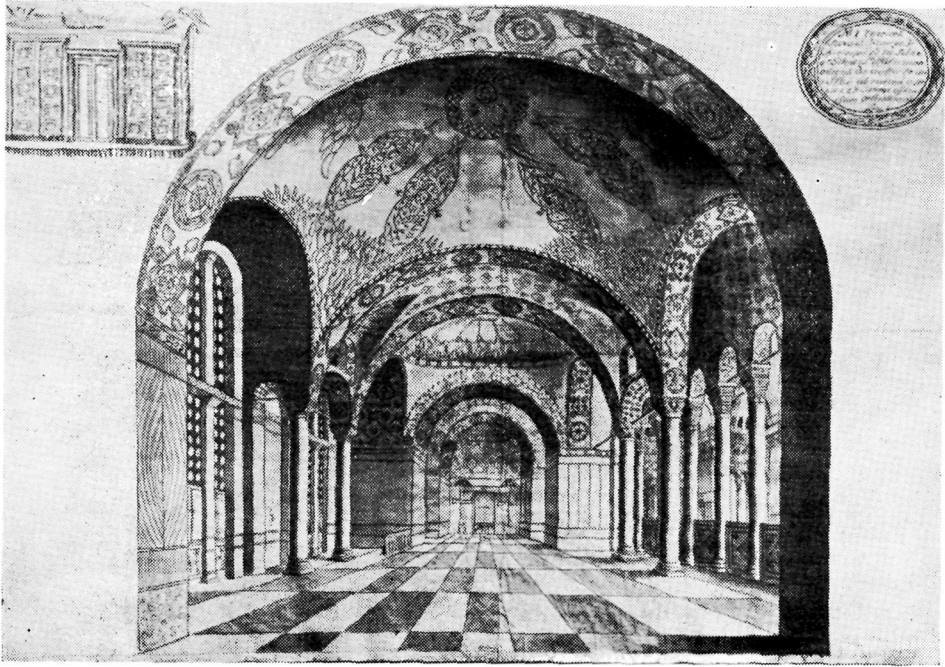

Рис. 1. Мозаики южной галереи Св. Софии по рисунку Корнелия Луса (1710 г.)

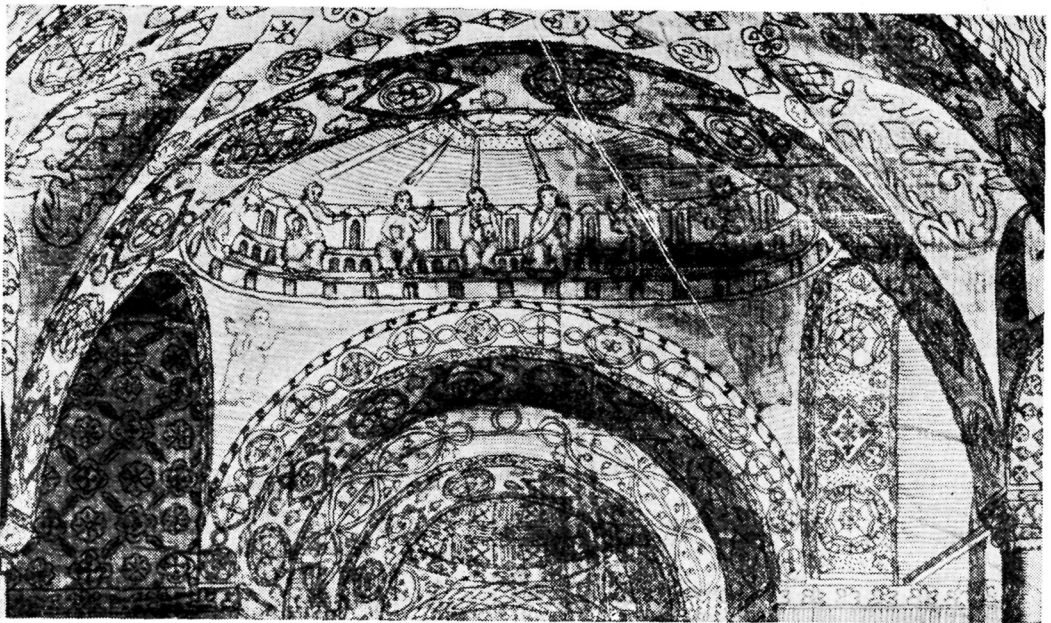

Рис. 2. Сцена Пятидесятницы на западном своде южной галереи Св. Софии (деталь рис. 1)

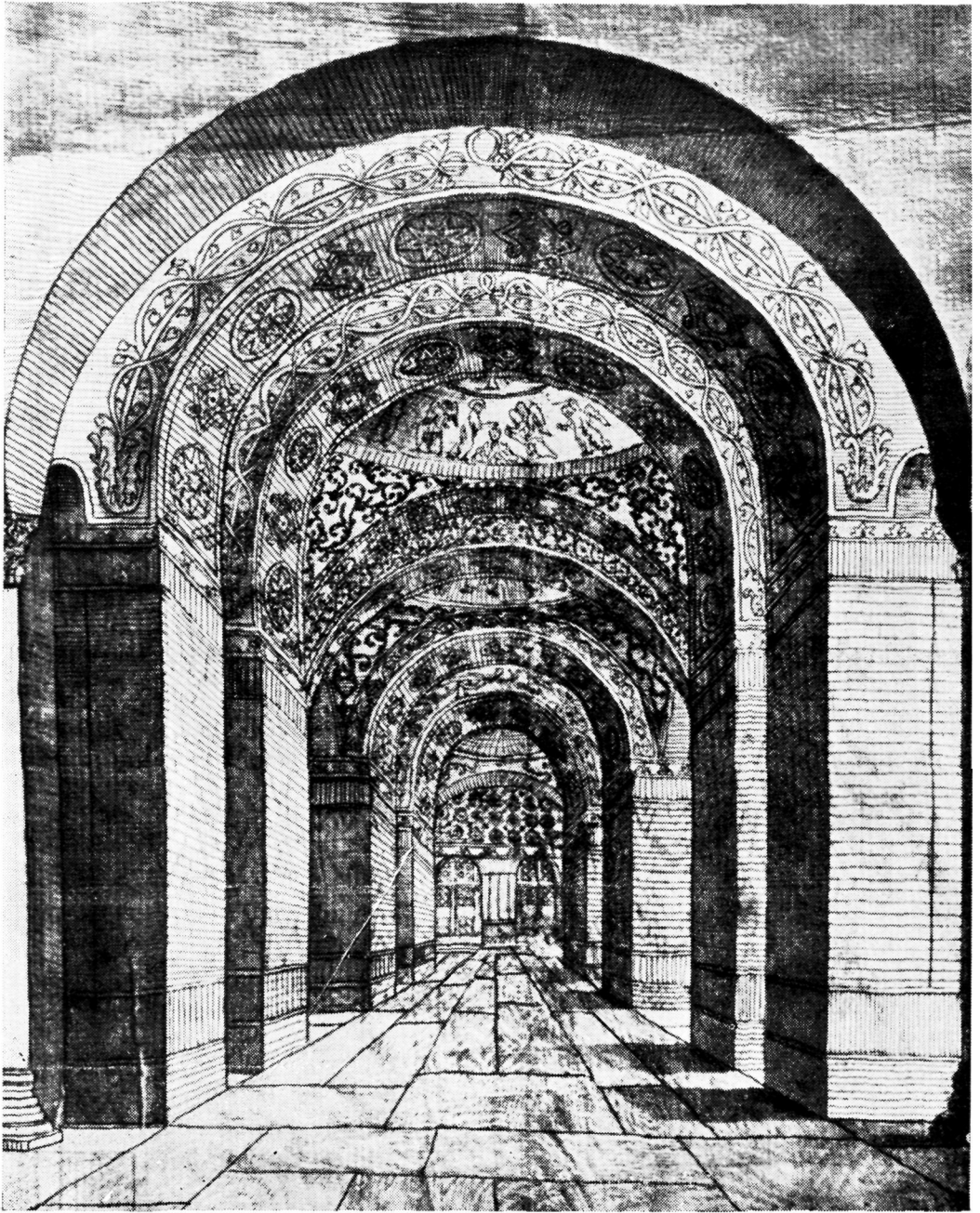

Рис. 3. Мозаики северной галереи Св. Софии по рисунку Корнелия Луса (1710 г.)

Рис. 4. Мотив «народов» на парусах свода с изображением Пятидесятницы по рисунку Г. Фоссати (1845 г.)

Рис. 5. Рисунок Г. Фоссати, изображающий сохранившийся к 1845 г. фрагмент сцены Пятидесятницы

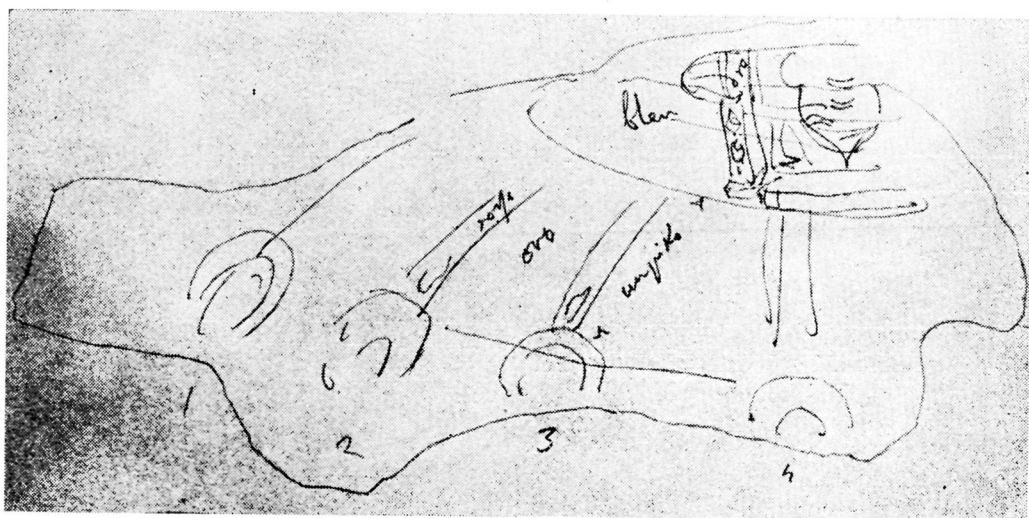

Рис. 1. Москва, ГИМ, Спн. греч. 387, лл. 5 об—6

Рис. 1 (Окончание)

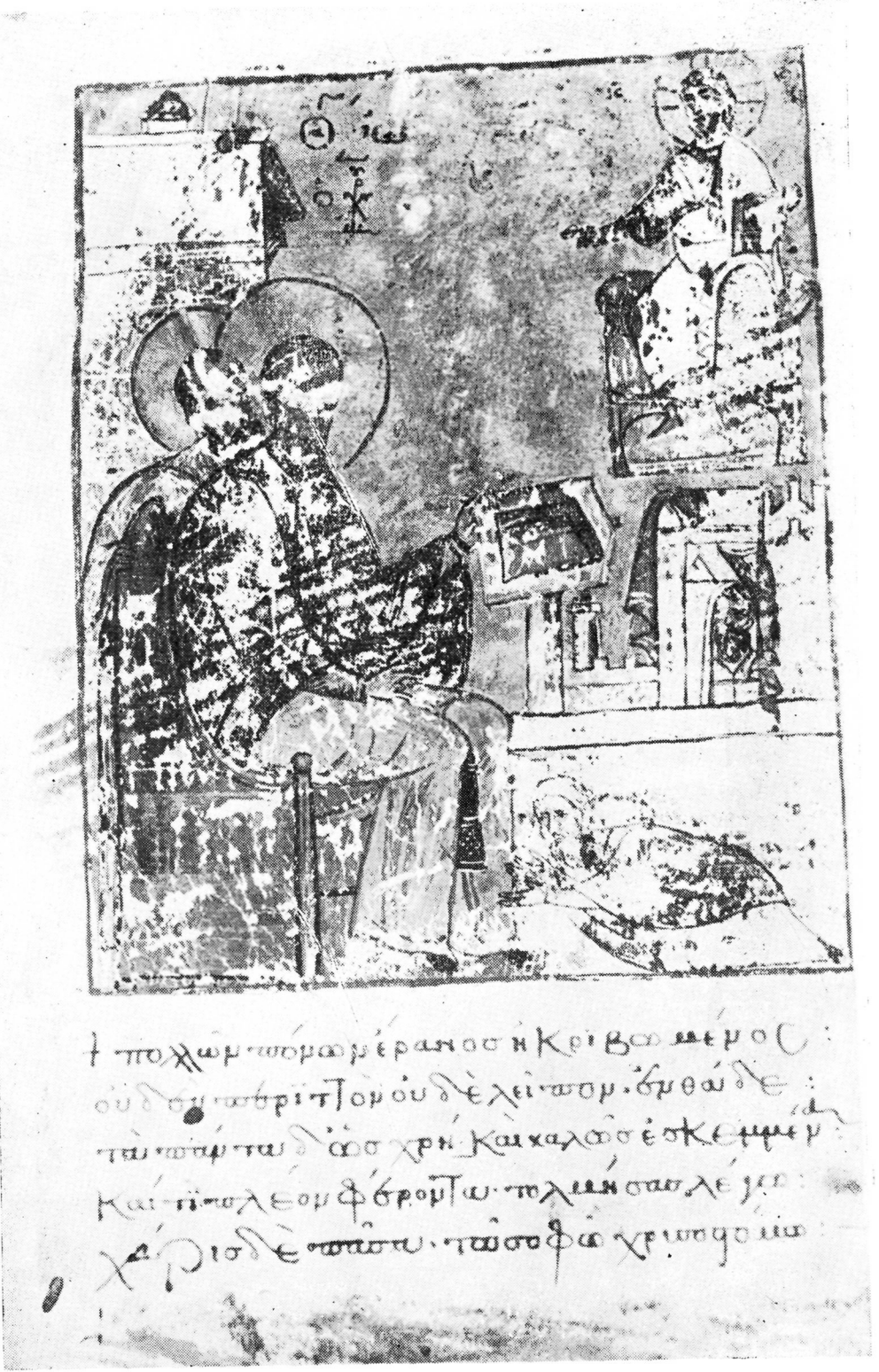
† ΠΟΛΟΙΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΙΡΕΝΟΝ ΟΛΥΝΑΜ.
ΣΥΔΥΝΩΣ ΠΑΝΙΑΣ ΕΡΕΚΜΑΣΤΩ.
Η ΠΑΓΚΑΤΗΣ ΜΑΔΕΖΙΑΣ ΕΚΡΑΤΥΝΕΙ.
ΕΝΤΕΙΝΕ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΖΩΝΑΙΩΝ ΗΘΟΣ.

Рис. 2. Москва, ГИМ, Спн. греч. 387, л. 6 об.

Рис. 3. Рим, Ватиканская библиотека, 666, л. 2 об.

† ποχωρ ὠρα ῥερα ἰο σ η κ ρ ι β ο μ ε ρ ο ς :
 ο υ δ ο υ π α τ ρ ῖ τ ο ρ ο υ δ ἔ λ ε ῖ ω ρ . ἔ ρ θ ἄ δ ε :
 τ ῶ π ῶ τ ῶ δ ὄ σ χ ρ η κ α ι κ α λ ὄ σ ἔ σ κ ε ρ μ ε ρ :
 κ α ῖ τ ῶ λ ε ο υ φ ἔ ρ ο υ τ ῶ π λ η μ ο σ α λ ε γ ο :
 χ ἄ ρ ι ο δ ἔ π ἄ σ τ ῶ τ ῶ σ σ φ ἄ χ ρ ῖ σ τ ο ῖ α :

Рис. 4. Москва, ГИМ, Син. греч. 220, л. 3 об.

Рис. 5. Москва, ГИМ, Спн. греч. 220, л. 4: заставка

Рис. 6. Москва, ГИМ, Спн. греч. 220, л. 122: заставка

Рис. 7. Москва, ГИМ, Син. греч. 220, л. 146: заставка

Рис. 8. Москва, ГИМ, Син. греч. 220, л. 203: заставка

Рис. 11. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 1 об.

Рис. 12. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 2

Рис. 13. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 63 об.

Рис. 14. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 64

Рис. 15. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 102 об.

Рис. 16. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 103

Рис. 17. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 171 об.

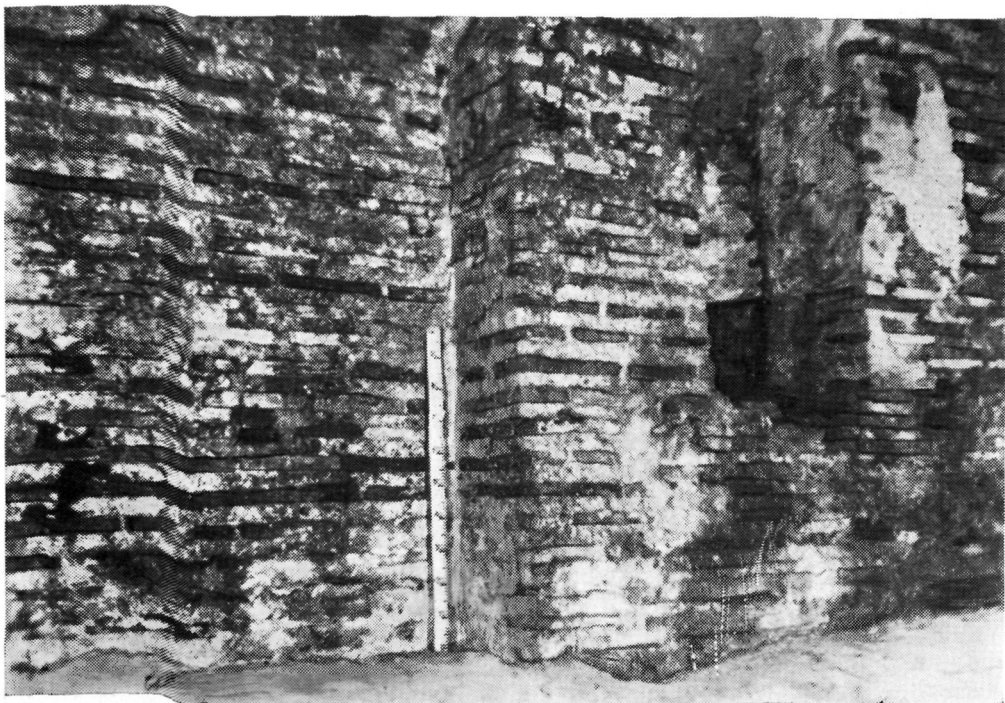
Рис. 18. Москва, ГИМ, Муз. 3646, л. 172

Рис. 4. Церковь в с. Дранда, общий вид с юго-западной стороны

Рис. 5. Церковь в с. Дранда, общий вид с западной стороны

-Рис. 6. Церковь в с. Дранда. Деталь кладки

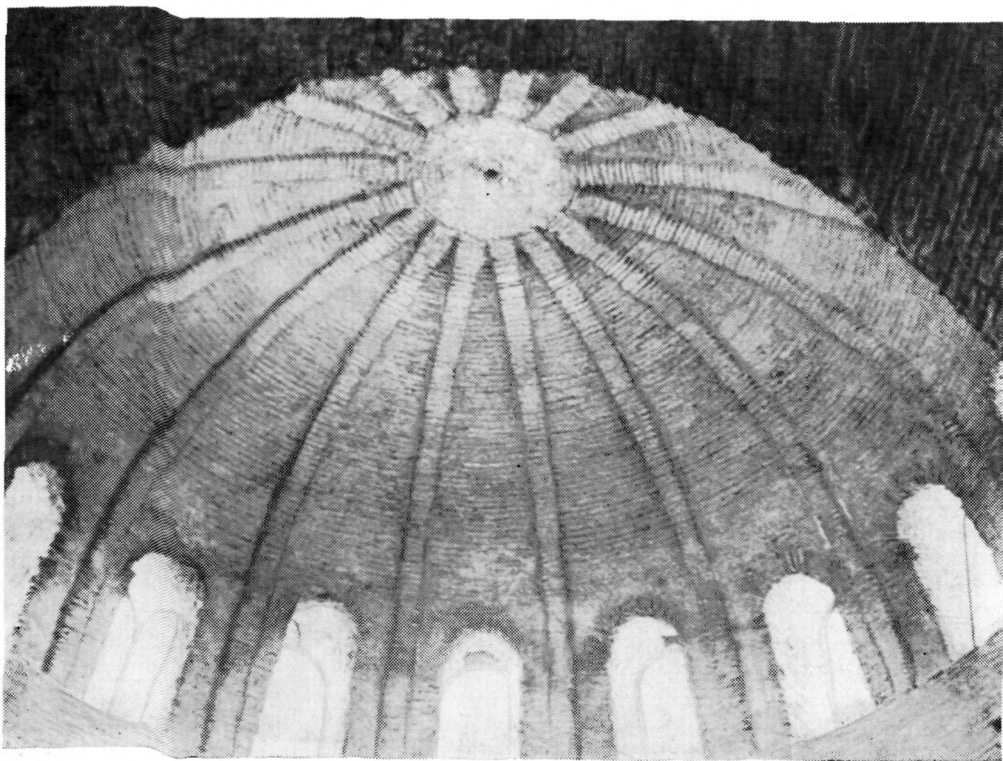

Рис. 9. Церковь в с. Дранда. Центральный купол

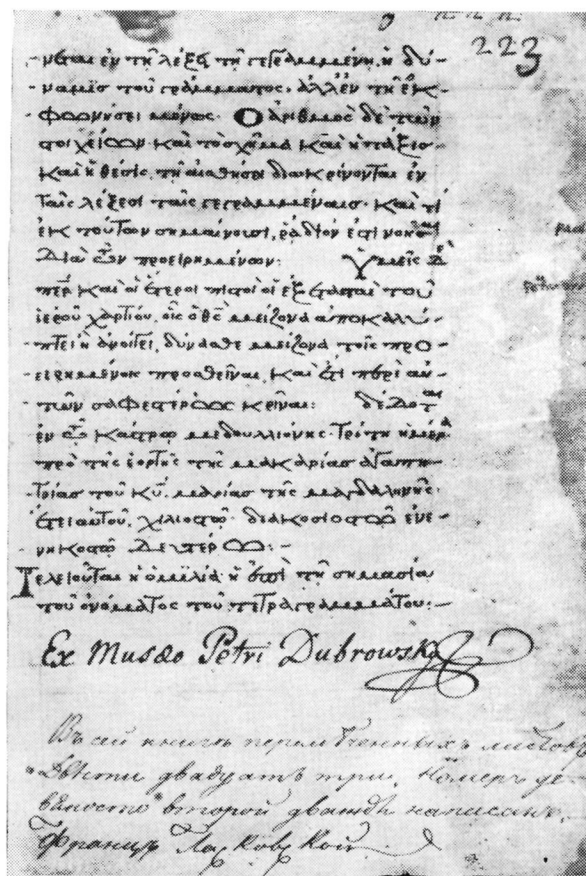
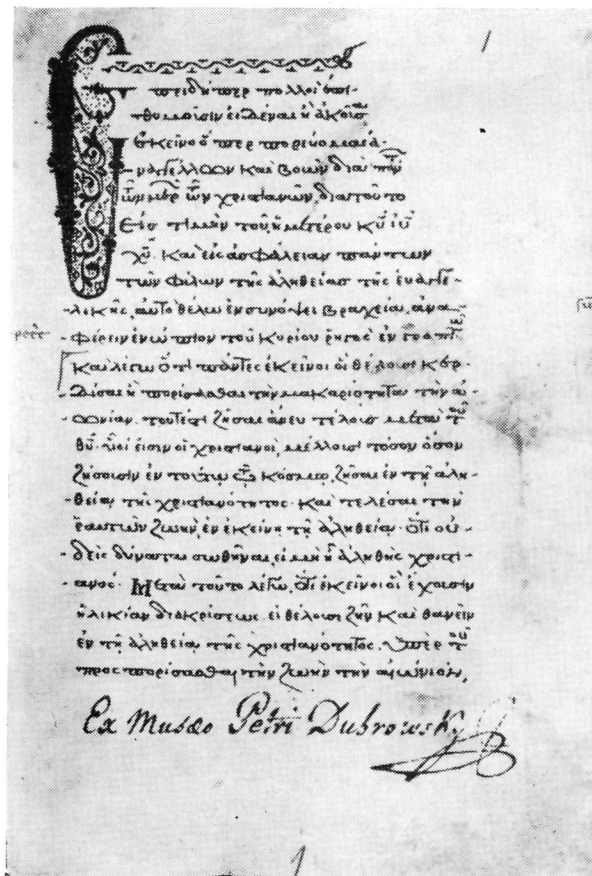

Рис. 1—4 к статье
Медведева И. П.

Рис. 1.
ГПБ, Греч. 113, л. 1

Рис. 2.
ГПБ, Греч. 113, л. 223

ХРОНИКА

СИМПОЗИУМ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ
НА XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭЙРЕНЕ»

(Прага, 31 августа — 4 сентября 1982 г.)

Очередной международный симпозиум по византиноведению проходил в рамках XVI Международной конференции «Эйрене», состоявшейся в Праге 31 августа — 4 сентября 1982 г. В работе симпозиума принял участие 71 человек из 14 стран (21 участник из Чехословакии, 29 — из социалистических стран, 21 — из стран Запада).

На заседаниях было заслушано и обсуждено 49 докладов. Основной темой симпозиума являлась проблема перехода от поздней античности к византийскому обществу и цивилизации, иными словами, проблема континуитета и дисконтинуитета в истории ранней Византии. В самом широком аспекте этот вопрос трактовался в фундаментальном докладе В. Вавркинека (Прага) «Восточная Римская империя или ранняя Византия? Общество на переходе», которым открылась работа симпозиума. Отметив, что в историографии, посвященной общественному развитию IV—VII вв., существуют две взаимоисключающие точки зрения: одна — подчеркивающая преемственность политической системы управления (теория континуитета), другая — выдвигающая на первый план перемены в социальной структуре (теория дисконтинуитета), — докладчик счел нужным высказать предположение о неоправданности подобного расхождения во взглядах исследователей. По мнению В. Вавркинека, период между реформами Диоклетиана — Константина и дезурбанизацией VII в. имел свои характерные черты. С одной стороны, он являлся частью и продолжением античности, с другой — был отмечен зарождением новых элементов, послуживших отправным пунктом для последующего развития. Общество IV—VII вв. являлось обществом переходного периода, для которого были типичны в одно и то же время и континуитет, и изменения во многих сферах жизни. Главная тенденция эпохи, подчеркнута в докладе, — трансформация античного общества в византийское, проявившаяся, в частности, в замене античного плюрализма универсалистским централизмом, в замене автономных параллельных структур общест-

вом с четкой иерархической организацией.

Проблемный характер носил доклад З. В. Удальцовой (Москва) «Историко-философские воззрения византийских авторов». Докладчица отметила прежде всего разнообразие точек зрения в исследовании проблемы континуитета и дисконтинуитета и спорность отдельных частных положений, показав, таким образом, сложность и актуальность темы. Далее З. В. Удальцова остановилась на масштабах происходивших изменений в области идеологии при кажущейся подчас формальной неизменности явлений. Докладчица особо подчеркнула, что становление византийской историографии происходило в сложных, противоречивых условиях общественной жизни ранней Византии, что нельзя ставить знак равенства между позднеантичной культурой и ранневизантийской. В период IV—начала VII в., показано в докладе, в Византии оформляется историко-философская концепция, долгое время господствовавшая в сочинениях византийских историков и хронистов, происходят коренные сдвиги во всех сферах духовной культуры, рождаются новые представления о вселенной и человеке, которые знаменуют водораздел между античным мировоззрением и христианской идеологией; для ранневизантийской историографии характерно значительное изменение содержания при более медленной эволюции формы, что сказалось в употреблении античных клише, топосов, образов, метафор. З. В. Удальцова отметила, что в ранневизантийский период родились новые жанры — такие, как церковная история, агиография, хронография, и подчеркнула, что попытки возрождения теории континуитета античной и византийской историографии вызваны прежде всего непониманием сторонниками данной концепции глубоких различий между поздней античностью и ранней Византией.

Историографическо-терминологическому аспекту проблемы посвятил свой доклад И. Ирмпер (Берлин) («К обозначению переходной эпохи от античности к средневековью»), рассмотревший различные упо-

требляющиеся в исторической науке XVIII—XX вв. обозначения переходной эпохи.

Социально-экономический аспект проблемы был освещен в докладах по аграрному строю, городам, социальной структуре византийского общества в IV—первой половине VII в. Социальной структуре сельского населения, изменению в его составе и положении, а также выявлению причин новых форм зависимости мелких производителей был посвящен доклад известного греческого ученого И. Караяннопулоса (Салоники) «Прикрепление крестьян к земле и его причины». К этому докладу тесно примыкал доклад М. Каплан (Париж) «Крестьянская экономика в Восточной Римской империи (V—VII вв.)», в котором было показано, что V—VII вв. являются временем интенсивного распространения мелкого крестьянского хозяйства как на землях крупных земельных собственников, так и на землях императорского дома и церкви. По мнению автора, льготные условия аренды в сочетании с личной независимостью крестьян обусловили особую роль мелких сельских производителей в византийском обществе того времени.

Термин «колон» в источниках IV—VI вв. рассматривал в своем докладе «К вопросу о понятии „колонат“ в поздней античности» К. П. Ионе (Берлин), пришедший к выводу, что данный термин употреблялся в Римской империи для обозначения всех форм земельной аренды в период перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному.

Анализ славянской традиции Земледельческого закона был дан в докладе Е. К. Пиотровской (Ленинград), которая познакомила также аудиторию с готовящимся фундаментальным исследованием советских историков (Е. Э. Лишниц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской) этого чрезвычайно важного памятника.

Проблема городской истории были подняты в обобщающем докладе Ю. К. Колосовской «Позднеримский город на Дунае и варвары», которая, используя широкий круг письменных источников и данные археологии, показала, что позднеримский город представляет собой образование, отличное от города Ранней империи: он хотя и сохраняет свое значение торгово-ремесленного и культурно-идеологического центра, перестает быть средоточием муниципальной жизни. Перемены наступают и во внешнем облике поздних городов — они проявляются в изменении характера застройки, уменьшении площади городов и числа жителей, усилении деятельности раннехристианских общин и церкви.

С результатами девятилетних раскопок Государственного музея Грузии в Археополисе ознакомил участников симпозиума Н. Ю. Ломоури, прочитавший доклад «Новые раскопки в городе Археополисе в Западной Грузии». Археологические материалы, продемонстрированные докладчиком (открыта система обороны, термы, базилики, хозяйственные здания), делают убедительным вывод о том, что

Археополис являлся развитым городским центром и играл важную роль в истории Лазики.

О частном и общественном строительстве в Херсонесе между VI и IX вв. говорилось в докладе А. И. Романчук «Раннесредневековые комплексы Херсонеса». Выделив некоторые виды археологических находок VII—IX вв., докладчица подчеркнула, что они свидетельствуют о широкой торговле Херсонеса с различными центрами Средиземноморья—Причерноморья в VI—VII вв. и сокращении торговых связей до ближайших поселений Юго-Западного Крыма в VIII—IX вв. Малочисленность находок монет на Херсонесском городище, по мнению А. И. Романчук, говорит о натуральном характере торговли в Юго-Западном Крыму в период «темных веков».

Одной из сложных и дискуссионных проблем ранней Византии — вопросу о цирковых партиях — был посвящен доклад А. А. Чекаловой (Москва) «Ранне-византийские димы», в котором показано, что политические партии венов и прасинов возникли в ходе эволюции социальной структуры ранневизантийского общества и являлись новой формой социальных связей в городах ранней Византии.

Мысль о том, что феминая система возникла не внезапно, но была подготовлена предшествующим развитием империи, нашла выражение в двух докладах, посвященных истории фем: С. Садецки-Кардоша (Сегед) «Замечания о *questor Justinianus exercitus*. К вопросу о начале развития фем» и Р.-И. Лили (Западный Берлин) «Фемная организация и гражданское управление. Новое образование или континуитет?» Р.-И. Лили, в частности, делает вывод о том, что фемная реформа — это медленный эволюционный процесс, своеобразная реакция Византии на изменение внешнеполитических условий, в первую очередь — на нападение арабов.

Проблема концентрации политической власти в руках новой военной знати в Италии была рассмотрена Т. П. Брауном (Эдинбург) в докладе «Трансформация и континуитет в Византийской Италии: общество и администрация 550—650 гг.». Ученый отметил, что в течение столетия после окончания войны с готами византийская Италия испытала ощутимые социальные и политические изменения, нашедшие выражение в сокращении населения, упадке экономики, падении влияния старой гражданской элиты и переходе власти к военачальникам. Вместе с тем констатируется достаточно высокая степень преемственности, характерной для городской жизни, военной и гражданской администрации. По мнению докладчика, новая военная знать спокойно и быстро установила свое господство, поскольку сумела воспользоваться сложившейся ситуацией.

Событий, связанных со смертью Агасунты, коснулся в своем докладе П. Т. Антонопулос (Янина) «Петр Патрикий: некоторые аспекты жизни и карьеры».

Особенностям византийской дипломатии в правление Маврикия был посвящен

доклад Т. Олайш (Сегед) «Некоторые замечания о событиях последних лет войны между Византией и аvaraми при императоре Маврикии. К вопросу о дипломатии Византии и варваров в переходную эпоху».

Известное расхождение между имперской идеологией и практическим осуществлением внешней политики на Западе при Юстиниане отмечено в докладе Е. Хрисоса (Янина) «Имперская идеология и западная политика Юстиниана. Переговоры о мире 540 г.».

Об отражении социальной и политической истории славян в нарративных источниках говорилось в докладе Л. Хавлика (Брно) «Византийцы о состоянии славян VI—VII вв.» На этнических переменах на Балканах в позднеантичный—ранне-средневековый период остановились В. Велков (София) — «Этнические проблемы в позднеантичной Фракии» и И. А. Бредов (София) — «Фракия и фракийцы в папирусах V—VI вв.».

О большем или меньшем влиянии поздне-римского права на содержание возникших в конце V—начале IX в. Варварских прав сообщил З. Вебер (Лейпциг). Анализ юридических источников, по мнению автора, позволяет определить особое место Италии, а также дает материал для выявления уровня общественного развития германцев Западной, Центральной и Южной Европы в ходе окончательной ликвидации родовых порядков и возникновения новых феодальных отношений.

В докладе Б. Марген-Изар (Париж) «Континуитет и изменения в районе восточного побережья Понта Эвксинского» прослеживалась постепенная трансформация этого региона, в частности Колхиды, постепенная ориентация ее на внутренние горные районы и Иверское царство, которая привела к тому, что Колхида превратилась в Лазику.

Большой интерес у участников симпозиума вызвала проблема развития культуры Византии в IV—VII вв. и культурного влияния Византии на различные страны и народы.

Эволюция ранневизантийской культуры, борьба в ней античных и ранне-средневековых элементов рассматривалась в аспекте континуитета или дисконтинуитета античных традиций в византийском обществе IV—первой половины VII в. Эта эволюция прослеживалась в философско-богословской литературе, историографии, риторике, в художественной литературе и искусстве.

Развитием отдельных положений доклада З. В. Удальовой явились доклады Р. Досталовой (Прага) «Tinos to hellenizein: борьба за культурное наследие античности в IV в.», В. Чинке (Прага) «Об истории Агафия», К. А. Манафиса (Афины) «Христианское мышление и классическое литературное наследие у византийских авторов VI в.», К. Спадавеккия (Бирмингем) «Риторическая традиция в письмах Феодорита Киррского».

Р. Досталова рассмотрела расхождения во взглядах на культуру у Григория Назианзина и Юлиана Отступника. Она

отметила, что если Юлиан отождествлял культуру с греческим и отчасти римским миром, то для Григория Назианзина характерна тенденция рассматривать культурный универсализм в смысле христианской универсальности, при этом, по мнению великого кашпадокийца, каждая национальная культура являлась достоянием всего человечества. В полемике с Григорием Назианзином Юлиан пытался возвысить греческую культуру до сакральных сфер, придав, в частности, мистическое толкование мифам. Параллельно остановившись на взглядах Ливания, Фемистия и Синесия, Р. Досталова отметила, что в конечном итоге победили тезис Юлиана о необходимости единства государства, культуры и «истинной» веры, но этой верой оказалось христианство, более соответствующее задачам многоэтничной империи. По мнению докладчицы, высокая оценка речевой культуры кашпадокийскими богословами и их восприятие языка как связующего начала в человеческом обществе надежно утверждали континуитет греческой литературной традиции.

В вызвавшем довольно горячие споры докладе К. Манафиса было показано, что, несмотря на обусловленные задачами новой эпохи мероприятия Юстиниана против «эллинистического мудрствования», византийский мир сохранял тягу к греческому прошлому в сфере языка, культуры, образования. Анализ текстов даже такого самобытного византийского гимнографа, как Роман Сладкопевец, обнаруживает его знание греческой грамматики и риторики. Но, как заключил докладчик, византийская цивилизация, впитавшая многовековую восточную и греческую традицию, всегда оставалась подчиненной библейской доктрине.

Говоря об «Истории» Агафия, В. Чинке, отметив, что у данного автора достаточно наглядно прослеживается рационально-морализующая тенденция в освещении событий, охарактеризовал его сочинение как один из образцов мышления человека переломной эпохи.

Ряд докладов на симпозиуме был посвящен отношениям христианской церкви и ранневизантийского государства. Растущая роль церкви в жизни поздне-римского города, на которую указывала Ю. К. Колосовская, говоря о «подмене некоторых функций муниципальных властей деятельностью раннехристианских общин и церкви», была отмечена и в докладе И. Чешки (Брно) «О сфере власти и влияния церкви в поздне-римском и византийском государстве». Автор настаивал на том, что ранневизантийское общество во всех своих жизненных сферах все сильнее и сильнее испытывало на себе влияние христианского учения, при этом церковная организация приобретала все большее значение. По мнению докладчика, союз церкви и государства был выгоден обоим. Его развитию объективно способствовал всеобщий кризис рабовладения, субъективно же — возрастающая христианская религиозность.

В докладе Т. Лунгиса (Афины) «Обращение в христианство правящего класса

Восточной империи во второй половине V века» была резко подчеркнута связь христианства с демократическими кругами.

Живой интерес вызвал доклад Ф. Винкельмана (Берлин) «Концепции отношений церкви и государства в ранней Византии». Автор исследовал Палестинскую апостасию 452—453 гг. как первую монофиситскую реакцию на решения Халкидонского собора. Анализ обнаружившихся при этом разнонаправленных, противодействующих друг другу факторов в государственной и церковной области позволил докладчику на конкретном материале рассмотреть проблему соотношения элементов континуитета и дисконтинуитета в ранней Византии.

В докладе Дж. Ф. Халдона (Бирмингем) «Идеология и Византийское государство в VII в.: процесс Максима Исповедника» монофелитство и монофелитский спор, связанный с деятельностью Максима Исповедника, интерпретированы в рамках политических и идеологических событий своего времени. В монофелитстве докладчик признал «орудие реунификации», которое оказалось бесполезным после того, как области Византийского государства, на которые оно было рассчитано, были захвачены арабами. Но не только этот религиозно-политический аспект связан с монофелитством: и это явление, и монофелитский спор осмыслились в докладе в зависимости от той идеологически-кризисной ситуации середины VII в., когда вопрос о природе и границах императорской власти приобрел большую остроту.

Наконец, два доклада, касавшиеся религиозных течений, тесно связанных с судьбами ранневизантийской истории и культуры, — манихейства и гностицизма, — были также заслушаны на этом заседании симпозиума. Оба доклада: М. К. Трофимовой (Москва) «Пролог к Наг-Хаммади, II, 1» и В. Эртера (Прага) «Мани — как врач? К пониманию манихейской доктрины» — были посвящены уровням интерпретации религиозных текстов, вопросу, от решения которого прямо зависит использование этих текстов в качестве исторических источников.

В. Эртер, рассматривая образный строй жизнеописания Мани, выявлял ту информацию, которую он содержит. Автор пришел к выводу, что манихейская традиция, рассматривающая Мани как врача, спасителя, воскрешающего мертвых, в целом была характерна для истории религии: образ спасителя не тождествен врачу как профессии.

Доклад М. К. Трофимовой имел целью продемонстрировать, как, углубляя интерпретацию одного гностического текста, переходя от слоев внешних к слоям более скрытым, можно постепенно перейти к наиболее общим характеристикам религиозно-философского течения, известного под именем гностицизма, обнаружив те его признаки, которые позволяют делать сопоставления как с неоплатоническими текстами, так и с литературной традицией византийских мистиков.

Об определении задач поэзии IV в., исходя из ее нового места в жизни общества, связанного прежде всего с христианством, со стремлением к такому стилистическому образцу, как псалмы, говорилось в докладе В. Кирша (Халле) «Павлин из Нолы и Никита из Рамесианы. К поэтической концепции двух христиан IV в.»

На метафорическом использовании аллегории Солнце—Луна, восходящей к языческой мифологии, остановился Ф. Тиннефельд (Мюнхен) в докладе «Луна как сторона Солнца. К истории одного символа в придворной и теологической литературе». Докладчик отметил, что использование данной метафоры сохраняется в византийской литературе вплоть до XII—XIV вв.: оно употребляется в энкомиях и стихотворениях в отношении невесты императора, в противопоставлении императора и членов императорского дома.

Некоторые особенности эстетических воззрений Прокла были рассмотрены в докладе Е. А. Муцопулоса (Афины) «Понимание произведения искусства у Прокла».

Источниковедческий характер носили доклады Р. Гюнтера (Берлин) «Исследования о понимании истории Орозием» и А. Макропулоса (Афины) «К исследованию утраченных текстов: византийская историография до VIII в.»

Известия Аммиана Марцеллина об Иране прокомментировал И. Штрауб (Бонн) в докладе «Сасаниды как *aemuli imperii* в известии Аммиана Марцеллина».

Степень распространенности в ранне-средневековой Италии античных произведений медицинского характера выявил Г. Баадер (Западный Берлин) в докладе «Византийская медицина в Северной Италии V—VI вв.» Автор показал, что, хотя Кассиодор упоминает сочинения Гипократа и Галена, в действительности он использовал лишь афоризмы Гипократа в переводе на вульгарную латынь VI в. Греческие сочинения, переведенные на вульгарную латынь и имевшие широкое распространение в Северной Италии, отмечалось в докладе, подверглись значительной переработке уже в Византии.

На стилистических особенностях «Новой истории» Зосима остановилась Х. Цицочка (Варшава) в докладе «Историческая проза Зосима».

Фонетическому строю греческого языка византийского периода посвятила свой доклад Н. Махарадзе, которая для сопоставления широко использовала средневековые грузинские памятники.

Дискуссия, развернувшаяся в ходе симпозиума, подчеркнула исключительную важность его темы, выявив вместе с тем недостаточную разработанность ее в настоящее время. Сложная проблема континуитета и дисконтинуитета в истории Византии может быть разрешена лишь совместными усилиями исследователей различных стран, и симпозиум византистов в Праге явился важным шагом на этом пути.

А. Чекалова

Михаил Яковлевич СЮЗЮМОВ

(1893—1982)

1 мая 1982 г. скончался крупнейший ученый, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, профессор Михаил Яковлевич Сюзюмов, по праву считавшийся старейшиной советского византиноведения.

М. Я. Сюзюмов родился 20 ноября 1893 г. в Ставрополе. Историческое образование, полученное М. Я. Сюзюмовым в Юрьевском (Тартуском) университете под руководством известных ученых М. Н. Крашенинникова, В. Е. Регеля, А. А. Васильева, определило направленность его научных интересов. Сразу после завершения университетского курса в 1916 г. увидели свет две его первые статьи по истории Византии — «Об историческом труде Феодора Дафнопата» и «Об источниках Льва Диакона и Скилицы». В годы гражданской войны М. Я. Сюзюмов вступил в ряды Красной армии. Военная судьба привела его на Урал, с которым оказалась связана вся его последующая жизнь. М. Я. Сюзюмов работал учителем в школе, а затем преподавателем в вузах Свердловска. Последние три десятилетия его жизни были связаны с Уральским государственным университетом, где он возглавлял кафедру, основал сборник «Античная древность и средние века» (под его редактированием вышло 15 выпусков этого сборника). М. Я. Сюзюмов положил много сил на создание в Свердловске научного направления по изучению истории Византии.

Результатом научных изысканий М. Я. Сюзюмова явились его кандидатская диссертация «Социальная сущность иконоборческого движения в Византии», докторская диссертация «Производственные

отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма», издание комментированного перевода «Книги эпарха» (1962 г.), десять глав в трехтомной «Истории Византии» (1967 г.) и около 130 статей по самым различным проблемам истории Византии. М. Я. Сюзюмов заложил основы марксистского изучения истории византийского города, связи города и деревни, проблемы генезиса византийского феодализма, социальной сущности правовых норм. Для научного почерка М. Я. Сюзюмова характерна склонность к полемичности и умение придать интерпретации исторического явления новый ракурс. Он был автором таких статей теоретического и дискуссионного плана, опубликованных на страницах «Византийского временника» и «Византийских очерков», как «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории», «Византийский город (середина VII—середина IX в.)», «К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии», «Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии». В течение многих лет М. Я. Сюзюмов был членом редколлегии сборника «Византийский временник».

Кончина Михаила Яковлевича Сюзюмова, талантливого ученого, исследователя высокой эрудиции и культуры, человека, неповторимого по яркости темперамента и живости восприятия мира, — печальная утрата для советского византиноведения.

*Сектор византиноведения Института
всеобщей истории АН СССР*

*Редколлегия сборника «Византийский
временник»*

СПИСОК ТРУДОВ М. Я. СЮЗЮМОВА

Об историческом труде Федора Дафнопата. — Византийское обозрение. Юрьев, 1916, II, отд. 1, с. 295—302.

Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — Византийское обозрение. Юрьев, 1916, II, отд. 1, с. 106—166.

К вопросу о происхождении слова «Россия». — ВДИ, 1940, 2, с. 121—122.

О запрете накопления наличными деньгами в Византии. — ВВ, 1947, 1, с. 267—269.

Проблемы иконоборческого движения в Византии. — УЗ СГПИ, Свердловск, 1948, вып. IV, с. 48—110.

Книга Эпарха. — УЗ СГПИ, Свердловск, 1949, вып. IV.

Еще раз о юридических источниках для истории колоната. — ВДИ, 1951, 4, с. 83—88.

Ремесло и торговля в Константинополе. — ВВ, 1951, IV, с. 11—41.

Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. — УЗ УрГУ, Свердловск, 1952, вып. 11, с. 84—134.

Рец. на кн.: *Handjiniakou-Marava A. Recherches sur des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes, 1950.* — ВВ, 1952, V, с. 280—282.

О социальной сущности законодательства Василия. — ВВ, 1953, VI, с. 72—87.

Рец. на кн.: *Полянский Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов.* — ВИ, 1953, 7, с. 162—166.

Рец. на кн.: *Левченко М. В. Синезий и его речь о царстве. Л., 1951.* — ВВ, 1953, VI, с. 279—281.

Рец. на кн.: *Vogt J. Constantin der Grosse. München, 1949.* — ВВ, 1953, VI, с. 330—337.

Об основном экономическом законе феодальной формации. — ВИ, 1954, 7, с. 117—122.

Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. — Автореф. дис... докт. ист. наук. Свердловск, 1954.

К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. — ВДИ, 1955, 1, с. 51—67.

О правовом положении рабов в Византии. — УЗ СГПИ, Свердловск, 1955, вып. 11, с. 165—191.

Contribuții la problema procesului de feudalizare a imperiului roman. — *Analele romano-sovietice. Ser. istor., București, 1955, N 3.*

Разделение церквей в 1054 г. — ВИ, 1956, 8, с. 44—57.

Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, 1956, VIII, с. 26—41.

Рец. на кн.: *Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М. В. Левченко. М., 1953.* — ВВ, 1956, IX, с. 250—254.

О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, 1956, X, с. 27—47.

Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, 1956, XI, с. 55—81.

Zur Frage der Feudalisierungprozesse in Römerreich. — *Sowjetwissenschaft, B., 1956, N 3.*

Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году. — ВВ, 1957, XII, с. 58—74.

Zur Frage der Feudalisierungprozesse in Römerreich. — *Bibliotheca Classica Orientalis, B., 1957, N 1.*

Василики как источник для внутренней истории Византии. — ВВ, 1958, XIV, с. 67—75.

О наемном труде в Византии. — УЗ УрГУ, Свердловск, 1958, вып. 25, с. 147—173.

О наемном труде в период кодификации римского права. — ВДИ, 1958, 2, с. 132—142.

Об эволюции свободной крестьянской общины в Византии в период генезиса феодализма. — В кн.: *Научные исследования исторического факта УрГУ за 1958 г. Свердловск, 1959.*

Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, 1959, XV, с. 33—49.

Рец. (в соавторстве с И. С. Черновой) на кн.: *Hermann K. Der Brand von Byzanz. Weimar, 1956.* — ВВ, 1958, XIII, с. 290—292.

Le schisme de 1054. — *Recherches internationales à la lumière du marxisme, P., 1958, III—IV.*

Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, 3, с. 98—117.

Рец. на кн.: *Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik, Bd. 1.* — ВВ, 1959, XVI, с. 256—262.

Le schisme de 1054. — *Recherches internationales à la lumière du marxisme, P., 1959, VI.*

Рец. на кн.: *Pringsheim F. Zum Plan einer neuen Ausgabe des Basiliken. B., 1956.* — ВВ, 1959, XV, с. 255—262.

К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, 1960, XVII, с. 3—16.

О трактате Юлиана Аскалонита. — АДСВ, 1960, вып. 1, с. 3—34.

Андроник I. — СИЭ, т. 1, стб. 577.
Андроник II. — СИЭ, т. 1, стб. 577—578.

Афонские акты. — СИЭ, т. 1, стб. 968.

Рец. на кн.: *Das 8. Jahrhundert (717—813) aus der Weltchronik des Theophanes Übers. eingeleitet und erklärt von L. Breyer. Graz; Wien; Köln, 1957.* — ВВ, 1960, XVII, с. 257—260.

Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — ВО, 1961, с. 34—63.

Деревня и город в Византии IX—X вв. — Из коллективного доклада делегации советских ученых на XII Международном конгрессе византистов. Белград; Охрид, 1961.

Рец. на кн.: *Karayannopoulos I. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen States. München, 1958.* — ВВ, 1961, XX, с. 261—267.

In jurul problemei patricularităților genesei și dezvoltării feudalismului în Byzant. — *Analele romino-soviet. Ser. istor., 1961, 4(36), p. 68—82.*

Рец. на кн.: *Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.* — ВВ, 1961, XIX, с. 283—293.

Византийская книга эпарха. М., 1962. Великий раскол. — СИЭ, т. 3, стб. 145—146, 4(36), p. 68—82.

Византия. — СИЭ, т. 3, стб. 439—463.

Проблема социально-политической сущности арианства. — В кн.: *Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.). Исторические науки. Свердловск, 1963.*

Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода. — ВВ, 1963, XXII, с. 199—226.

Рец. на кн.: *Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—первая половина IX в.). М.; Л., 1960.* — ВИ, 1963, 4, с. 146—149.

Рец. на кн.: *Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959.* — ВВ, 1963, XXIII, с. 262—267.

Рец. на кн.: *Литаурин Г. Г. Болгария*

и Византия в XI—XII вв. М., 1960. — ВВ, 1963, XXII, с. 298—304.

Таблицы по хронологии. Свердловск, 1963.

Деревня и город в Византии IX—X вв. — In: Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines. Belgrad, 1963, t. 1, с. 21—29.

Десятина. — СИЭ, т. 5, стб. 135—136.

Диссиденты. — СИЭ, т. 5, стб. 241—242.

Догматы. — СИЭ, т. 5, стб. 269—270.

Докетизм. — СИЭ, т. 5, стб. 274.

Доместик. — СИЭ, т. 5, стб. 286.

Записка греческого топарха. — СИЭ, т. 5, стб. 622.

Зилоты. — СИЭ, т. 5, стб. 688.

Жития святых. — СИЭ, т. 5, стб. 553—555.

Индиоплов. — СИЭ, т. 5, стб. 844.

Индикт. — СИЭ, т. 5, стб. 845.

Иконоборчество. — СИЭ, т. 5, стб. 783.

Рец. на кн.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. — ВВ, 1964, XXV, с. 243—249.

Рец. на кн.: Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М.; Л., 1962. — ВВ, 1964, XXV, с. 236—243.

Научное наследие Б. А. Панченко. — ВВ, 1964, XXV, с. 33—52.

Аннот. на кн.: Thies F. Die griechischen Kaiser. Hamburg; Wien, 1959. — ВВ, 1964, XXIV, с. 250.

Zur Frage der Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Byzanz. — Bibliotheca Classica Orientalis. В., 1964.

Календарь. — СИЭ, т. 6, стб. 841—851.

Канон. — СИЭ, т. 6, стб. 961.

Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 годах в Фессалониках. — В кн.: VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. 13—18 декабря 1965 г.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1965.

О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 5—16.

Новое исследование о восстании самаритян в 529—530 гг. — ВИ, 1966, 4, с. 197—198.

Откуда пошло наше летосчисление. — В кн.: Календарь-справочник Свердловской области. Свердловск, 1966, с. 14—15.

Предприимчивость в византийском городе. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 2—30.

Проблема возникновения средневекового города: Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе. Тезисы докладов. М., 1966, с. 17—23.

Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг. — В кн.: Доклады и сообщения по древней истории и истории средних веков на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района. Пермь, 1966, с. 86—92.

Византийский город (середина VII—середина IX в.). — ВВ, 1967, XXVII, с. 38—70.

Христианская церковь в IV—VI вв. — В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1, гл. VI.

Внутреннее и внешнее положение византийского государства в IV в. — Там же, гл. VII.

Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в. — Там же, гл. VIII.

Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. — Там же, гл. IX.

Основные источники по истории Византии конца VII—середины IX в. — Там же, т. II, гл. 1.

Социально-экономические отношения и государственный строй в Византии в конце VII—середины IX в. Город. — Там же, гл. 2, § 2.

Социально-политическая борьба и внешнее положение империи в конце VII—начале VIII в. — Там же, гл. III.

Первый период иконоборчества. Там же, гл. IV.

Второй период иконоборчества. Там же, гл. V.

Философия и богословие. — Там же, т. III, гл. XV.

Новое исследование о восстании Фомы Славянина. — Travaux et Mémoires, 1965, № 1. — ВИ, 1967, 3, с. 202—204.

К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, XXVIII, 1968, с. 15—37.

Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии). — ВВ, 1968, XXIX, с. 32—44.

Почему обижен месяц февраль. — В кн.: Календарь-справочник Свердловской области. Свердловск, 1968, с. 36—37.

Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе. — СВ, 1968, вып. 31, с. 77—87.

Таблицы по хронологии (Пособие к специальному курсу «Техническая хронология»). 2-е изд. Свердловск, 1968.

Всеобщая история в Свердловске перед юбилейным годом. — В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967: Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки). Свердловск, 1968, вып. 2, с. 3—12.

Морской Закон. — АДСВ, 1969, вып. 6, с. 3—54.

Андроник I. — БСЭ, т. 2, стб. 22.

Андроник II. — БСЭ, т. 2, стб. 22.

VIII Всесоюзная сессия византинистов. — ВИ, 1970, 8, с. 168—172.

Венеты и прасины. — БСЭ, т. 4, стб. 1507—1508.

Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 127—148.

Трудовые конфликты в Византии. — ВО. М., 1971.

Дофеодалный период. — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 3—41.

О понятии «грудящийся» в Византии. — ВВ, 1972, XXXIII, с. 3—6.

Рец. на кн.: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. — ВВ, 1972, XXXIII, с. 230.

Хронология всеобщая: Пособие к практическим занятиям для студентов. 3-е изд. Свердловск, 1971.

Рец. на кн.: Лишев Страшимир Н. Българският средновековен град. София, 1970. — ВВ, 1973, 34, с. 277—278.

Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1973, 35, с. 3—18.

Суверенитет, налог, земельная рента в Византии. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 57—65.

Успенский Константин Николаевич. — СИЭ, т. 14, стб. 881—882.

Анн. на: Σταυρίδου — Ζαυράλα 'Αλκιμήνης. 'Η συντήρησις Συμῶν καὶ Νικολάου Μυστιχοῦ. — Κέντρον Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν, 1952. — ВВ, 1973, 35, с. 260.

Рец. на кн.: *Медведев И. П.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. — ВВ, 1974, 36, с. 179—181.

Цахарие фон Лингенталь. — СИЭ, т. 15, стб. 706—707

Хронология. — СИЭ, т. 15, стб. 675—676.

Феодор Студит. — СИЭ, т. 15, стб. 47. Модернизация и сепартизация. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 41—51.

Анн. на: *Συμεωνίδης Χ. Π.* Οἱ τζάκωνες καὶ ἡ τζακωνία. Θεσ., 1972. — ВВ, 1975, 36, с. 210—212.

Закономерный переход к феодализму и синтез. — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 33—53.

Проблемы асинхронного развития в древности (К постановке вопроса). — АДСВ, 1976, вып. 13, с. 30—48.

Эпанографы. — СИЭ, т. 16, стб. 517—518

Эпарх. — СИЭ, т. 16, стб. 557.

Эпарха книга. — СИЭ, т. 16, стб. 557—558.

О функциях раннесредневекового города. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 34—51.

Рец. на кн.: *Липшиц Е. С.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. — ВВ, 1978, 39, с. 226—227.

К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. (в соавторстве с Н. Н. Беловой). — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 5—22.

Хронология. — БСЭ, т. 28, с. 403.

Рец. на кн.: *Литавин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. — ВИ, 1978, 8, с. 162—164.

Рец. на кн.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. — ВВ, 1979, 40, с. 193—195.

Возрождение, гуманизм и феодализм. — В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 5—22.

Зачатки будущего в социально-экономической сфере Римской империи и ранней Византии (К постановке вопроса). — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 3—20.

О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев. — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983, с. 14—23.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века (Свердловск)
- АО — Археологические открытия
- АП — Ἀρχαῖον Πόντου
Армен — Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος/Ἐπ. Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθήναι, 1971
- ВА — Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927
- ВВ — Византийский временник
- ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВЛГПИ — Великолукский государственный педагогический институт
- ВО — Византийские очерки
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический институт
- ИИИ — Известия на института за история
- ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
- ИФЖ — Историко-филологический журнал (Ереван)
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
- МИА — Материалы по археологии СССР
- СА — Советская археология
- СВ — Средние века
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
- СИЭ — Советская Историческая Энциклопедия
- УЗ — Ученые записки
- AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
- BG — Sathas C. N. Bibliotheca Graeca medii aevi
- BS — Byzantinoslavica
- Byz. — Byzantion
- BZ — Byzantinische Zeitschrift
- Carch — Cahiers archéologiques
- Chil. — Petit L., Korablev B. Actes de Chilandar. P. 1. Actes grecs. — ВВ, 1911, XVII, прил.
- Chom. — Demetrios Chomatiani. — In: Baptista Joannes cardinalis Pitra. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi, vol. VI. Juris ecclesiastici graecorum selecta paralipomena. Parisiis; Romae, 1891
- DAcL — Cabrol F., Leclercq H. Dictionnaire d'archéologie et de liturgie chrétienne
- Doch. — Κτενῶς Χ. Χρυσόβουλλα λόγοι τῆς ἐν Ἱερῶν βασιλικῆς Πατριαρχικῆς καὶ Σταυροπηγιακῆς μόνῆς τοῦ Δοχειαρίου. — ΕΕΒΣ, 1927, 4
- DOP — Dumbarton Oaks Papers
- ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
- Esph. — Lefort J. Actes d'Esphigmenou. P., 1973
- Formulari — Ferrari G. Formulari notarii inediti dell'età bizantina. — Bulletino dell'Istituto Storico Italiano, 1913, 33
- Hiéra. — Darrouzès J., Wilson N. Restes du cartulaire de Hiéra—Xerochoraphon. — REB, 1968, 26
- JA — Journal Asiatique
- JGR — Jus graeco-romanum
- JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
- JRS — Journal of Hellenic Studies
- Kutl. — Lemerle P. Actes de Kutlumus. P., 1945
- Meliteniotes — Schreiner P. Zwei Urkunden aus der Feder des Theodoros Meliteniotes (1387—1333). — In: Collectanea Byzantina. Roma, 1977.
- Metéor. — Βέη Ν. Σερβικά καὶ βυζαντινά γράμματα Μετεώρου. — Βυζαντις, 1911—1912, 1
- MGH.AA — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi
- MM — Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1890, I—VI

- PG — *Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*
- RE — *Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*
- REArm — *Revue des Etudes Arméniennes*
- REB — *Revue des Etudes Byzantines*
- RESEE — *Revue des Etudes Sud-Est Européennes*
- RGD — *Revue générale du droit*
- RPK — *Hunger H., Kresten O. Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Wien, 1981, 1*
- SB — *Synopsis Basilicorum*
- SBÖAW — *Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*
- Schatz. — *Dolger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948*
- TM — *Travaux et Mémoires*
- VSW — *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*
- Xér. — *Bompaigne J. Actes de Xéropotamou. P., 1964*
- Zogr. — *Regel W., Kurtz E., Korablev B. Actes de Zographou. — BB, 1907, XIII, прил.*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К. В. Хвостова (Москва). К вопросу о структуре поздневизантийского сельского поселения	3
В. В. Кучма (Волгоград). «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Мавриякия»: Опыт сравнительной характеристики	20
2. Сопоставление военно-теоретических взглядов	20
С. А. Иванов (Москва). Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в.	35
З. В. Удальцова (Москва). Из византийской хронографии VII в.	54
1. Иоанн Лаврентий Лид	54
2. Пасхальная хроника	60
И. Ирмшер (Берлин). Византия и Индия	66
Я. Н. Любарский (Ленинград). Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» (К вопросу о методах их освоения)	72
В. П. Степаненко (Свердловск). Ипсханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI—начале XII в.	87
С. П. Карпов (Москва). Трапезундская империя и Афон	95
Н. Е. Колосов (Ленинград). Идеологи французского абсолютизма о византийской автократии	102
Г. К. Вагнер (Москва). Византийское искусство в трудах В. Д. Лихачевой (1937—1981)	121
К. К. Акентьев (Ленинград). Мозаики галерей константинопольской Св. Софии	140
В. Г. Пуцко (Калуга). Византийские иллюминированные рукописи Чикаго-Карахиссарской группы в Москве (ГИМ, Сип. греч. 387 и 220; Муз. 3646)	168
П. А. Рапиопорт (Ленинград). О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры	185
М. К. Хотелашвили, А. Л. Якобсон (Тбилиси, Ленинград). Византийский храм в с. Дранда (Абхазия)	192
Л. Г. Хрушкова (Сухуми). Раннехристианские саркофаги из Абхазии	207
И. П. Медведев (Ленинград). Две поправки к каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ	211

Сообщения

- Ю. Я. Вин** (Москва).
Право предпочтения в поздневизантийской деревне. 218
- Н. И. Сериков** (Москва).
О путях проникновения византийской духовной культуры на мусульманский Восток: Иоанн Григорий Абу-л-Фарадж Ибн ал-'Ибри (Бар Эбрей) и византийская историографическая традиция 230
- Б. А. Семеновкер** (Москва).
Энциклопедии Константина Багрянородного: библиографический аппарат и проблемы атрибуции 242

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

- З. В. Удальцова** (Москва).
Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М.; МГУ, 1981 247
- С. П. Карпов** (Москва).
Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth—Fifteenth Centuries. — DOP, 1980—1981, vol. 34/35 249
- Е. П. Наумов** (Москва).
Matschke K. P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402. und 1422. Weimar: H. Bohlaus Nachf 251
- А. И. Романчук** (Свердловск).
Средновековният български град. София: Българско историческо дружество, 1980 252
- М. Бибииков** (Москва).
Язык и стиль византийской метафрастики (Hunger H. Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias, XI—XIII. Ein Beitrag zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XV) 257
- М. Бибииков** (Москва).
Hörandner W. Der Prosarhythmus in rhetorischen Literatur der Byzantiner. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XVI 260
- Н. И. Сериков** (Москва).
Der byzantinische Bilderstreit. Sozialökonomische Voraussetzungen — Ideologische Grundlagen — Geschichtliche Wirkungen/Hrsg. von I. Irmischer. Leipzig, 1980 261
- А. И. Сидоров** (Москва).
Maximus Confessor. Actes du Symposium sur Maxime le Confesseur. Fribourg, 2—5 sept. 1980/Ed. par Felix Heinzer et Christoph Schönborn. Fribourg, 1982 (Paradosis: Etudes de littérature et de théologie anciennes, t. XXVII) 263
- Т. А. Измайлова** (Ленинград).
Buschhausen Heide und Helmut. Das Evangeliar Codex 697 der Mechitaristen Kongregation zu Wien. Berlin (West): Union Verlag, 1981. Eine armenische Prachthandschrift der Jahrtausendwende und ihre spätantike Vorbilder 269
- В. Г. Пуцко** (Калуга).
Academy of Athens. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Vol. 1. Manuscripts of New Testament Texts 11th—12th Century/By Anna Marava-Chatzinicolaou, Christina Toufexi-Paschou. Athens, 1978 272
- А. В. Банк** (Ленинград).
Л. З. Хускиадазе. Грузинские эмали. Тбилиси: Мецниереба; 1981 275

Аннотации

И. Ирмшер (Берлин).	
Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur — Gegensätze — Spannungen. München: Wilhelm Fink, 1977	278
Е. П. Наумов (Москва).	
Цанкова-Петкова Г. България при Асеновци. София: Народна просвета, 1978	278
Н. И. Сериков (Москва).	
Onasch K. Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichwörter. Leipzig. 1981	279

Хроника

Симпозиум по византиковедению на XVI Международной конференции «Эйрене» (Прага, 31 августа — 4 сентября 1982 г.)	281
Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893—1982)	285
Список сокращений	289

Византийский временник
том 45

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор М. А. Заборов
Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Н. А. Несмеева, Л. Д. Собко

ИБ № 23350

Сдано в набор 19.11.83.
Подписано к печати 13.06.84.
Т-13315. Формат 70×108 ^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 28,00. Уч.-изд. л. 32,5
Усл. кр. отт. 28,25. Тираж 1950 экз.
Тип. зак. 1253. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫХОДЯТ КНИГИ:

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ
(IV—первая половина VII в.)

55 л. 6 р.

Книга является первым в марксистском византиноведении обобщающим исследованием по истории византийской культуры. Авторы исследуют духовную жизнь византийского общества, кризис и ломку рабовладельческой идеологии, роль античного культурного наследия, анализируют основные аспекты развития общественной мысли, философии, науки, литературы и искусства Византии.

Для всех интересующихся историей культуры.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО РИМА

В 2-х томах

60 л. 5 р. 60 к.

В коллективном труде разрабатываются как общетеоретические проблемы римской культуры (ее периодизация, ее роль в жизни рабовладельческого общества), так и конкретные вопросы. В 1-м томе освещаются научные, философские и юридические представления римлян, их поэзия и искусство. Во 2-м томе исследуются отдельные регионы Римской державы и прослеживается культурное взаимодействие Рима и провинций империи. Издание хорошо иллюстрировано и снабжено указателем.

Для историков.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
- 320093 Днепрпетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пущино, Московская обл., МР, «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).